ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 12

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 12

Москва
Академия исторических наук
2008

ББК

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 12. — М.: Академия исторических наук, 2008.- 614 с.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-16-1 (т.12)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 50-ти ветеранов войны, проживающих в Юго-Западном административном округе г. Москвы.

Эта книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются 50 ветеранов-авторов статей и 50 их студентов-помощников, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра предназначены для передачи бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. 100 экземпляров передаются ветеранам для вручения музеям подшефных школ, а также студентам - для вручения музеям учебных заведений, в которых они еще учатся или уже закончили. Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

На Web-странице **www.ainros.ru** Академии исторических наук размещаются все тома для бесплатного чтения и копирования.

Издание тома осуществлено на средства Префектуры Юго-Западного административного округа г. Москвы (Префект Челышев Алексей Валентинович)

ББК

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(on-line)

ISBN 978-5-903076-16-1 (т.12)
ISBN 5-903076-05-X

© Академия исторических наук, 2008

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

		Стр.
	Предисловие к изданию	8
	Предисловие к 12-му тому	13
1	**Астахов Алексей Дмитриевич** Вдвоём против сотни	15
2	**Афанасьев Николай Петрович** Связь Победы	19
3	**Балк Александр Львович** Марш в центре Германии	27
4	**Балычев Юрий Николаевич** Они вам не скажут	33
5	**Бережной Николай Иванович** Первые шаги по земле Восточной Пруссии	49
6	**Битянов Ростислав Дмитриевич** Пятьдесят лет на службе Родине	58
7	**Борзенков Иван Степанович** Спрыгнул с эшелона с товарищами	70
8	**Борис Николай Дмитриевич** В войне участвовали и дети	74
9	**Будник Сергей Сергеевич** Этот орден для меня дороже других	79
10	**Вишневский Виктор Петрович** В звании матроса, по специальности торпедист	92
11	**Голованова Анна Михайловна** Не бойся, что стар, бойся, чтобы сердце не старело!	95
12	**Дружина Михаил Силович** Ночью было светло как днем	102
13	**Ерастов Федор Григорьевич** От первого до последнего дня войны	108
14	**Жданкин Владимир Михайлович** Осколок попал в мою винтовку	119

15	**Заварухин Павел Филиппович** Солдат пяти войн	127
16	**Илюхин Николай Иванович** Приблизиться и уничтожить	164
17	**Киселева Анна Ивановна** Мне дали поспать сутки	171
18	**Колесников Иван Васильевич** Дивизион подбил несколько танков	179
19	**Копылов Иван Степанович** За Родину!	183
20	**Корнеев Илья Михайлович** Победа – единственная радость	197
21	**Коротков Сергей Иванович** Из фронтового дневника	204
22	**Крупнова Нина Ивановна** Сестра милосердия	225
23	**Купцова Лидия Федоровна** Немецкий врач не стал возражать, но староста был потрясён	231
24	**Маркин Николай Александрович** Зов времени	243
25	**Миронов Василий Юрьевич** А ездовой командовал лошадям на татарском языке	284
26	**Миронович Иван Николаевич** Я был простым солдатом	292
27	**Михкалев Виктор Михайлович** Огненный шквал	296
28	**Перебейнос Александра Ивановна** Бойкая связистка	304
29	**Перцев Борис Петрович** Война моими глазами	309
30	**Плахин Валентин Николаевич** В небе над Москвой	327
31	**Пуханов Анатолий Ефимович** Разведка и связисты встретились с разведкой немцев	336

32	**Розенкранц Александр Александрович** От реки Великой до Берлина	343
33	**Романов Алексей Андреевич** Я предложил себя	351
34	**Росол Николай Степанович** Помогли нам миномёты	361
35	**Синяков Игнатий Харитонович** Огонь на себя	370
36	**Смирнова Зоя Павловна** Я имею отношение к войне	392
37	**Сосновский Геннадий Георгиевич** Если путь ведет к цели	410
38	**Сторожук Владимир Адамович** Патрули могли бы увидеть нас издалека	421
39	**Тимошкова Зинаида Силовна** И нет нам покоя!	459
40	**Тихомиров Сергей Михайлович** Сын полка из Треблинки	470
41	**Толкачев Василий Андреевич** Никогда не думал, что останусь жив	478
42	**Угрюмов Иван Иванович** Был трижды сбит с ног разрывами мин	488
43	**Ульяничева Татьяна Ивановна** Я добилась того, что меня отпустили на фронт	497
44	**Урюмцев Андрей Александрович** Фашисты по картам искали, где сдаться американцам	502
45	**Фролов Иван Владимирович** Трудными дорогами войны	515
46	**Харизов Александр Николаевич** Заблудившийся немец	529
47	**Ходош Владимир Александрович** Полуостров стал обстреливаться немецкой артиллерией	540
48	**Шаронова Вера Федоровна** И осталась на Рейхстаге надпись	579

49	**Шенкман Александр Аркадьевич** Вскоре почувствовал двусмысленность своего положения	583
50	**Школьник Владимир Аркадьевич** Истребительный батальон комсомольцев-добровольцев Пролетарского района	597
	Благодарность Оргкомитета	612

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом

фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить

прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Празднование 60-летия Великой Победы подтвердило важное значение солдатских мемуаров как источников новых знаний о войне.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов

России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,
- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. Косыгина,
- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),
- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина
- Кубанского государственного аграрного университета
- Кубанского государственного технологического университета
- Кубанского государственного университета

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей, который представлен в 8-м томе, а Краснодарского края в 9-м томе настоящего издания.

По инициативе Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации (директор центра - профессор В.С. Порохня), Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом от 1 октября 2008 года № ФАО-14868/12-16 рекомендовало учреждениям высшего профессионального образования России провести работу по привлечению преподавателей истории и студентов для создания каждым Вузом своего тома. Благодаря такому предложению, имеется возможность внедрения новой элективной формы в учебный процесс кафедр истории российских университетов, которая позволит оказать помощь всем российским ветеранам войн в подготовке рукописей их мемуаров для публикации в настоящем издании.

Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала: воспоминания о войне» - «Никто не забыт, ничто не забыто».

Работа студентов с ветеранами продолжается, ее результаты будут основанием для издания очередных томов.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук
Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие к 12-му тому

Великая Отечественная война стала величайшей трагедией XX века - миллионы погибших, тысячи уничтоженных городов, сел и деревень! Наша страна понесла огромные потери. Однако, именно советские солдаты совершили беспримерный подвиг, одержав победу над фашизмом. Те грозные, но и легендарные годы уходят от нас все дальше, и все меньше остается с нами тех людей, которые были не просто свидетелями, а непосредственными участниками этих событий.

Молодому поколению, родившемуся через полвека после сражений, особенно важно помнить о прошлом. Конечно, нам трудно сейчас представить ту тревожную обстановку, которая сложилась в нашем родном городе Москве, когда враг подходил к самым его стенам, что переживали жители Сталинграда, когда гитлеровские армады рвались к Волге.

И именно по этой причине так ценна книга, которую вы сейчас держите в руках. Она содержит не просто сухие биографические справки или описания исторических событий. В ней живые воспоминания реальных людей, откровенные и не приукрашенные. И мы должны сказать им «Большое спасибо» за то, что они согласились вновь пережить выпавшие на их долю испытания, поделиться с нами своими воспоминаниями.

Работа, проделанная Академией исторических наук, имеет огромное значение. Благодаря ей, у историков появился большой источник, исследовать который можно еще очень долго, находя новые подробности жизни того времени. Для преподавателей - это богатый материал для использования в учебном процессе. Для молодых людей - замечательный способ узнать больше о прошлом своей страны.

Возможно, некоторые истории из этой книги не так уж и велики - в них не всегда описаны крупнейшие исторические сражения, или встречи с первыми лицами той эпохи. Но все

эти маленькие истории рассказывают о том, как была завоевана Великая Победа.

Челышев Алексей Валентинович,
Префект Юго-Западного
административного округа г. Москвы

Астахов Алексей Дмитриевич

Можно было стрелять только по бортам

Я родился 4 мая 1925 года в городе Истре Московской области. Там же провел детство и юность. Окончил обычную среднюю школу.

Также я доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии военных наук и Международной академии энергоинформационных наук, почетный геодезист. Бывший член КПСС.

В 1943 году в феврале я был призван в армию, 6 месяцев учился во 2-ом московском пулеметном училище. Недоучивши одного месяца, отправили в звании сержанта на фронт. Все курсанты попали в мотострелковую бригаду, я же попросился в артиллерию и попал в истребительную противотанковую бригаду.

1 июля 1943 г. был уже под Курском. Несколько ночей подряд по фронтовым дорогам двигались колонны танков, гуще становилась цепь окопов, новые рубежи обороны возникали в тылу. Наши артиллерийские батареи установили в несколько рядов в шахматном порядке. Непривычная тишина стояла над всеми нами, повисла смутная тревога ожидания. 6 июля в 5-30 утра началась артподготовка к контрнаступлению Красной Армии. Три с половиной часа я слышал только залпы своего и соседних орудий нашей артиллерии. Это было

похоже на бесконечный гром. Этот шум заглушал даже рев самолетов, которые пролетали над нами. Сотни танков на моих глазах превращались в металлолом. Именно здесь я увидел немецких "тигров", о которых был наслышан в училище. От разрывов снарядов казалось земля уходит из-под ног, но так было только первые несколько секунд, потом какое-то забытье, и вот вроде все утихло… И снова приказ накрывать наступающие вражеские танки и пехоту, под огнем артиллерии атакующие войска быстро теряли свой первоначальный порядок. За все эти дни я ни разу не увидел солнца, оно было затянуто копотью и пылью.

Далее командование отдало приказ форсировать Днепр. Мы заняли Букринский плацдарм на правом берегу Днепра. Далее Великий Букрин, малый Букрин, Ходорово.

3-я танковая успеха не имела, и было решено перебросить артиллерию за одну ночь на 100 км севернее Киева на Лютежский плацдарм. Это был утомительный марш. 3 ноября 1943 года после мощной артиллерийской подготовки и налета авиации войска развернули наступление севернее Киева. 5 ноября мы подошли к окраинам города, ночью 6-го - ворвались в него. Уже на рассвете Киев был освобожден.

Далее продвигались к Белой церкви (с боями). Противник нанес контрудар, в полку были большие потери, но все равно пытались бороться с «тиграми». На вооружение у нас были 45-мм пушки и почти у каждого бронебойное ружье. Ими можно было стрелять только по бортам. В нашем полку отличился сержант Болотов.

Бой разгорался с каждой минутой. Опомнившиеся после нашего артиллерийского налета, оживали огневые точки немцев. Фашисты начали сопротивляться еще злее, огнем вражеских пушек рота была прижата к земле. Атака захлебывалась, и все понимали, если оставаться на одном месте, то противник может подтянуть свежие силы, и тогда вряд ли кто-то из нас останется живым. И вдруг на самом видном месте вскакивает Болотов и кричит: «Вперед!»

Подхлестнутые этим призывом, я и еще несколько бойцов рванулись вперед.

Внезапно на дорогу выскочили две бронемашины, которые на полном ходу двинулись к горе. Тогда я и Болотов из двух бронебоек почти одновременно выстрелили, и обе

машины запылали. Немцы спрыгнули с горящих машин и бросились к лесу. Но многие, не успев добежать до укрытия, падали от метких выстрелов наших бойцов.

Полк нуждался в пополнении. Нас направили на переформировку. Когда прибыли на станцию Дарница, мы подверглись налету немецкой авиации. Многие были ранены, и многие погибли. Вагон с наградными документами сгорел. И наград мы так и не получили, да это и не главное.

Зимой 1944 года по железной дороге нас отправили в Гороховецкий артцентр под городом Горьким. Там была сформирована 27-я истребительная противотанковая артиллерийская бригада. Когда нас переправляли, у меня была удивительная мимолетная встреча с отцом. Я знал, что его полк отправили на замену нам. И вот на одной из станций я увидел приближающийся нам на встречу поезд. И стал приглядываться, что это за человек стоит прямо впереди локомотива и размахивает знаменем. Подъехав поближе, я сразу узнал отца, пытался докричаться до него, но, к сожалению, он меня не услышал и не увидел.

После переформировки нас направили под г. Могилев на 2-й Белорусский фронт, где мы приняли участие в стратегической операции “Багратион”. Окружили и разгромили немецкую группировку.

С несколькими бойцами меня послали в разведку. Приходилось пробираться между немцами и нашими, но никто нас не обстреливал, так как те и другие думали, что это свои. С одного задания я вернулись с 5 пленными немцами. Я их сразу допросил, так как знал немецкий язык. 28 июня мы освободили Могилев.

Командир бригады получил приказ отправить меня на учебу в Ленинград, в Ленинградское топографическое училище (осень 1944 г.), поселок Абаково, куда было эвакуировано училище. В 1945 г. училище вернулось в Ленинград. Закончил я его в 1947 г. в звании лейтенанта. Затем в 1949 году поступил в военную академию.

Ранений у меня не было, но была контузия. Под Святошкино, это около Киева, попали под налет авиации.

Мой отец Дмитрий Иванович Астахов тоже воевал на 1-м Украинском фронте. На фронт прибыл капитаном и стал

заместителем командира 27-й стрелковой бригады. В 1945 по контузии был демобилизован.

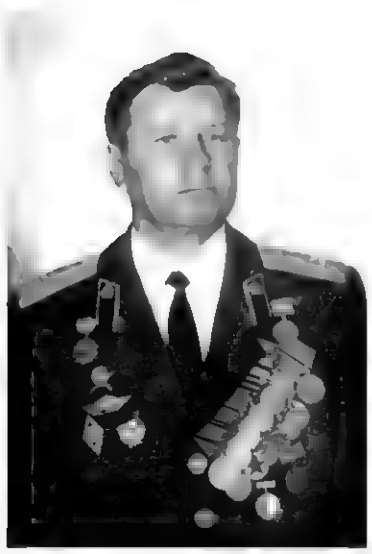
Календарная служба в ВС с февраля 1943 г. по декабрь 1985 г. Службу закончил в звании подполковника. В настоящее время работаю в военной инженерной академии профессором кафедры. За годы службы написал около 140 публикаций и закрытых методических пособий.

Награды, которые я получил:

- орден Отечественной войны II-й степени;
- орден «За службу Родине в ВС»;
- медали – «100 лет Ленина», «За Победу над Германией», «За боевые заслуги», «20 лет победы в ВОВ», «30 лет победы в ВОВ», «40 лет победы в ВОВ», «50 лет победы в ВОВ», Жукова, «850 лет Москвы», «Ветеран ВС», «30 лет СА и флоту», «40 лет ВС», «50 лет ВС», «60 лет ВС», «70 лет ВС», «80 лет ВС», «1500-летие Киева», «За безупречную службу в ВС 1-й степени», «За безупречную службу в ВС 2-й степени».

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Малыхин Алексей Игоревич****, студент 3-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета)*



Афанасьев Николай Петрович

Связь Победы

Я узнал о начале войны 22 июня 1941 года во время беседы со старшими товарищами. С июля 1941 года и до января 1942 года работал молотобойцем в колхозной кузнице, а с января 1942 года и до января 1943 года кузнецом в этой же кузнице.

5 января 1943 года я был призван в Советскую Армию и направлен в училище связи имени Орджоникидзе, расположенное в поселке Ахуны, в семи километрах от города Пензы. Училище готовило офицеров связи, но закончить обучение мне не удалось. Программа обучения была рассчитана на десять месяцев, ожесточенные сражения на Курской дуге оборвали нашу учебу, и меня в звании ефрейтора направили в 9-ю воздушно-десантную бригаду, расположенную около города Раменское Московской области. Это произошло в июне месяце 1943 года. В бригаде меня зачислили в третий батальон на должность заместителя командира взвода связи. Наша девятая бригада входила в состав 100-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Третьим батальоном, в котором я служил, командовал майор Гаврилов, девятой бригадой командовал полковник Бондаренко, а 100-й дивизией командовал генерал-майор Лещинин.

В январе 1944 года нашу 100-ю воздушно-десантную дивизию переформировали в 100-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а нашу девятую бригаду в 298-й гвардейский стрелковый полк.

В начале июня 1944 года 100-ю гвардейскую стрелковую дивизию, в том числе и наш 298-й гвардейский стрелковый полк, направили на Карельский фронт в район города Лодейное Поле на реке Свирь.

22 июня 1944 года наша 100-я гвардейская стрелковая дивизия вступила в бой, форсировала реку Свирь. Я вступил в бой в составе третьего батальона 298-го гвардейского стрелкового полка в звании ефрейтора на должности зам. командира взвода связи. Мы наступали в районе Парфирьевская, затем Кутежи и Пискусельга. 26 июня я был ранен в левую руку, но, невзирая на ранение, продолжал наступать на противника. В конце дня 26 июня я был снова ранен разрывной пулей в правую ногу. И только после второго ранения санитары вынесли меня с передовой позиции и отправили в эвакогоспиталь № 3218, расположенный на территории Ленинградской области. В госпитале меня лечили с 30 июня до 6 сентября 1944 года. В сентябре я снова возвратился в свой 298-й гвардейский стрелковый полк. 100-я гвардейская стрелковая дивизия, в том числе и 298-й гвардейский стрелковый полк, были переведены в город Калинин, а воинские части разместили около города Калинина в лесу «Комсомольская роща». Здесь я снова продолжил службу в звании сержанта и в должности заместителя командира взвода связи.

В январе 1945 года наша 100-я гвардейская Свирская дивизия (она получила это звание за успешное форсирование реки Свирь) отправлена на фронт в Венгрию. Дивизия влилась в состав 9-й гвардейской армии, развернутой между озерами Балатон и Виленц.

Здесь в составе 3-го Украинского фронта 9-й гвардейской армии наша 100-я гвардейская Свирская дивизия до 16 марта 1945 года сдерживала наступление противника и перешла в решительное наступление на Вену. Во время обороны и наступления наших войск я воевал с противником в звании сержанта в должности заместителя командира взвода связи в

составе третьего батальона (командир-майор Гаврилов) 298-го гвардейского стрелкового полка.

6 апреля 1945 года 100-я гвардейская дивизия вместе с войсками 6-й гвардейской танковой армии одна из первых ворвалась на южную окраину Вены, и началось освобождение города. Во время освобождения Вены я лично с солдатами взвода обеспечивал бесперебойную связь стрелковым ротам батальона. Во время боя лейтенант седьмой роты погиб. Я принял на себя командование взводом и успешно громил противника до полного освобождения Вены. Вену наши войска освободили от фашистских захватчиков 13 апреля 1945 года.

После освобождения Вены наша 100-я гвардейская стрелковая дивизия в составе 9-й гвардейской армии наступала в горах Восточные Альпы, затем до западной границы, там и встретились с американскими войсками. Во время этого наступления я со связистами взвода старательно обеспечивал бесперебойную связь с ротами, а были и трудные моменты, когда мы вступали в рукопашный бой с противником и заслуживали поощрения от командования.

В первых числах мая 1945 года наша 9-я гвардейская армия (командир - генерал-полковник Глаголев) была переведена в состав войск 2-го Украинского фронта для участия в Пражской наступательной операции. В это время 100-й гвардейской стрелковой дивизией командовал генерал-майор И.А. Макаренко, а командиром 298-го стрелкового полка был подполковник М.Г. Мокшин, третьим батальоном полка, в котором я служил, командовал подполковник Гаврилов.

Наша 100-я гвардейская стрелковая дивизия наступала в Чехословакии южнее города Праги, в районе города Тршебонь, затем в районах Водняни и Нетолице.

9 мая - День Победы! Но для 100-й гвардейской дивизии война не закончилась. Мы, воины этой дивизии, мужественно воевали против немецкой группы войск, которой командовал генерал Шерер. 12 мая мы разбили группировку и пленили генерала Шерера. Этим и закончился боевой путь 100-й гвардейской стрелковой дивизии, в том числе и нашего 298-го гвардейского стрелкового полка. В этом полку в составе третьего батальона под командованием подполковника

Гаврилова я закончил войну в звании гвардии сержанта в должности заместителя командира взвода связи.

После окончания Великой Отечественной войны наша дивизия снова стала десантной: 100-я гвардейская Свирская Краснознаменная воздушно-десантная дивизия. Это событие произошло на территории Венгрии в городе Кечке.

После окончания войны я еще долго буду служить в Советской Армии. В апреле 1951 года по окончании Львовского военно-политического училища, присвоено воинское звание лейтенанта. Служил политработником в разных частях. Последняя моя служба проходила в Институте военной истории Министерства обороны СССР в городе Москве. В институте, работая старшим научным сотрудником, я защитил кандидатскую диссертацию и получил ученую степень кандидата исторических наук. В 1975 году мне присвоили звание полковника. А через пять лет в ноябре 1980 года я уволился из армии по возрасту - мне исполнилось 55 лет. В армии я прослужил 38 лет.

Первая моя награда - медаль «За отвагу» (№1481525, за проявленную отвагу, за подвиг, который я совершил, участвуя в освобождении Карелии за рекой Свирь). Я обеспечивал связь всему батальону и, в первую очередь, седьмой роте. С личным составом роты я ходил в атаки на противника и даже участвовал в рукопашных боях. Заслуга и в том, что, после первого ранения в левую руку, я не ушел с передовой позиции и продолжал сражаться с противником, обеспечивая бесперебойную связь с командиром батальона.

Вторая награда - орден Красной Звезды (№2589524, за участие в освобождении города Вены). Я активно участвовал в освобождении столицы Австрии и выполнял две задачи:

- обеспечивал бесперебойную связь с ротами батальона и, в первую очередь, с седьмой ротой;
- командовал взводом седьмой роты.

В день штурма Вены, 7 апреля 1945 года, погиб командир взвода седьмой роты. Это случилось на моих глазах, и я взял на себя ответственность командовать взводом. Я был в звании сержанта. Вместе с личным составом взвода несколько дней атаковал противника, и бои иногда доходили до рукопашных схваток. В боях с противником я лично уничтожил девять фашистских агрессоров. Командовал взводом до 13 апреля - до

полного освобождения города Вена. И только в этот день - в день полного освобождения Вены от захватчиков, я освободился от командования взводом и стал выполнять только одну задачу - обеспечивать связью седьмую роту. За описанные выше боевые дела меня представили к награждению орденом Красной Звезды.

Третья награда - медаль «За отвагу» (№2795771). К этой награде меня представили за подвиг, который я совершил уже за городом Веной в горах Восточные Альпы. Суть подвига состоит в том, что я с отделением связистов стал готовить узел связи: поставили коммутатор и стали присоединять провода связи, идущие от трех рот. И в это время неожиданно на нас напала группа фашистских солдат. Мы не растерялись, укрылись в окопе и по моей команде открыли огонь из автоматов. За несколько минут мы истребили почти всю группу напавших на нас фашистов, а оставшиеся в живых разбежались и укрылись в лесу. После завершения боя с группой фашистских разведчиков мы восстановили связь с ротами и усилили охрану узла связи. Вот за этот подвиг меня представили к третьей правительственной награде - медали «За отвагу».

Четвертая награда - медаль «За боевые заслуги» (№ 2708252). К этой награде меня представили за подвиг, который я совершил уже на территории Чехословакии. Во время борьбы с немецкой группировкой генерала Шерера я несколько раз с автоматом в руках ходил в атаку на противника. Мою личную храбрость, мужество и стойкость заметил командир батальона подполковник Гаврилов и представил меня к награде медалью «За боевые заслуги».

Все четыре боевые награды и пятую боевую награду «За боевые заслуги» мне вручил в ноябре 1946 года командир 59-й дивизии, располагавшейся в городе Тирасполь.

Медали: «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За взятие Вены», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», «XXX лет Советской Армии и Флота», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «40 лет Вооруженных Сил СССР», «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-

1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «70 лет Вооруженных Сил СССР», «За воинскую доблесть», «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран Вооруженных Сил СССР», Жукова, «В память 850-летия Москвы», чехословацкая памятная медаль в честь 30-й годовщины освобождения Чехословакии Советской Армией».

Отмечу еще одну боевую награду. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г., я награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (№ 1406338).

За нашу Родину в годы Великой Отечественной войны сражался и мой старший брат Иван Петрович Афанасьев. На войну он был призван в городе Куйбышеве 23 июня 1941 года в звании сержанта. Во время войны ему было присвоено воинское звание лейтенант, и он командовал взводом. Мужественно сражался с противником и на территории Советского Союза, и во время освобождения Польши. И в конце войны - 10 марта 1945 года погиб на территории Польши в районе Вельского воеводства. За боевые подвиги в сражениях с противником Иван Петрович посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

В Великой Отечественной войне принимала активное участие и моя старшая сестра Анна Петровна Афанасьева. На войну она была призвана в городе Куйбышеве 23 июня 1941 года. Она, медсестра по образованию, была направлена в полевой военный госпиталь на должность операционной сестры. И на этой должности, в звании старшины медицинской службы, Анна Петровна служила и работала до конца Великой Отечественной войны - до Победы над фашистской Германией. Анна Петровна награждена медалями: «За боевые заслуги», «За трудовое отличие», «За освобождение Ленинграда», «30 лет Советской Армии», «За Победу над Германией». С войны Анна Петровна возвратилась здоровой.

Далее перечислю собственные публикации. После Великой Отечественной войны я окончил исторический факультет и аспирантуру МГУ и, защитив диссертацию, получил ученую степень кандидата исторических наук. Тема диссертации «Создание Чехословацкой Народной Армии».

Опубликовал книгу «Из истории родного края и села Порзово» и брошюры - «Из истории Порзовской школы», «Из истории врачебного участка и участковой больницы села Порзово (1893-1996 гг.)».

Опубликованные материалы:

1. Повесть «В лесах под Минском» в книге «Судьбы фронтовые». - М., 1985;

2. «Рождение боевого содружества» - 3-я глава в книге «На вечные времена». Книга опубликована в 1975 году в Москве и Праге на русском и чешском языках. В этой книге, подобранные мной 94 фотографии;

3. «Чехословацкая Народная Армия» - глава 2-я в книге «Зарождение народных армий стран - участниц Варшавского договора». - М., 1975;

Опубликованные статьи:

1. «Некоторые вопросы строительства Чехословацкой Народной Армии» в сборнике К. Готвальда «Военная политика КПЧ»;

2. «Некоторые вопросы Второй Мировой войны в освещении чехословацких военных историков»;

3. «Из истории содружества советских и чехословацких партизан (1942-1944 гг.)»;

4. «Из истории совместных боев советских и чехословацких партизан в Белоруссии (1942-1944 гг.)» на чешском языке;

5. «Родилась в бою, крепнет в труде» на словацком языке;

6. «У истоков дружбы»;

7. Рецензия на книгу А.Д. Марченко «Подвиг широнинцев».

А лично обо мне опубликована одна статья: «Его родина - село Порзово», в Камешкирской районной газете «Путь Ленина» от 8 октября 1968 года.

О войне вспоминаю, как о самом важнейшем событии. Я и мои фронтовые товарищи Борисов Сергей Федорович, Пастухов Виктор Константинович, Редькин Петр

Афанасьевич, Смольянов Иван Александрович, Соловьев Валентин Иванович, Сумкин Петр Павлович, Оспанов Жагипар, Шаргородский Марк Иосифович мужественно, стойко и отважно воевали против фашистских агрессоров. Во время боев и рукопашных схваток с противником я и мои товарищи не думали об опасности и смерти, а только о победе над противником. А между боями мы тоже не теряли бодрости духа. Мы весело отдыхали и часто пели фронтовые песни «Священная война», «В землянке», «В лесу прифронтовом», «Жди меня» и многие другие.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Неустроева Наталья Николаевна

и

Алексеева Инна Сергеевна,

студентки 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)

Балк Александр Львович

С отрядом лыжников по тылам противника

Начало Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, застало меня в стенах Военно-политической академии, в которой я был слушателем общевойскового факультета.

Учеба стала напряженней, более приближенной к требованиям фронта. Учились днем и ночью. Через месяц, когда на Москву стали падать бомбы немецкой авиации, все слушатели очищали крыши домов от «зажигалок», тушили пожары.

С приближением врага к Москве мы участвовали в сооружении оборонительных рубежей, в заградительных отрядах.

В октябре академия была эвакуирована в город Белебей (Башкирия). Там я получил диплом об окончании академии и в апреле 1942 года отбыл на фронт.

Из 1418 дней войны я был в действующей армии 1240 дней: свыше 3-х лет в составе войск «тихого» Карельского фронта. Болото и скалы - таков рельеф самого протяженного фронта (1200 км от полуострова Рыбачьего в Заполярье до Онежского озера на юге Карелии). Занимал должность заместителя командира 1219-го стрелкового полка 367-й стрелковой дивизии по политчасти. Большинство времени проводил в окопах и блиндажах переднего края обороны.

Приходилось с отрядом лыжников ходить по тылам противника, отражать атаки финских лыжников в нашем тылу.

Полк занимал полосу обороны на берегу Сегежского озера, протяженностью 15 км. Это была не сплошная линия обороны, а прерывистая, постами, блоками.

Осенью 1944 года, наконец, перешли в наступление. Тогда меня ранило (второй раз), оперировали, вылечили. Догнал свой полк только в Петсамо и Киркинесе, в конце наступления Карельского фронта.

Последний этап войны провел в составе 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии и 1-го Белорусского фронта в Центральной Германии.

В начале февраля 1945 года я был назначен заместителем командира по политчасти 142-го стрелкового полка 5-й Орловской стрелковой дивизии, действовавшей в составе 3-й армии 3-го Белорусского фронта. Шло наступление в Восточной Пруссии. Стояли пасмурные дни с густыми туманами, почва оттаяла и превратилась в густое месиво. Бои шли за каждый хутор, за каждое каменное строение. Стрелковое оружие было беспомощно против таких крепостей. Пробивались вперед в основном благодаря приданной артиллерии, самоходных пушек и танков.

Крупнокалиберных снарядов было израсходовано больше, чем пуль. В боях за город Хальсберг в полку насчитывалось 220 человек, в основном за счет тыловых подразделений. Освободив лагерь советских военнопленных, работавших на авиационном заводе, мы создали отряд добровольцев, вооружили их винтовками и автоматами, провели с ними боевую подготовку. В отражении контратак противника участвовали все. Нередко приходилось залегать в траншеях и окопах, наполненных студеной водой, вставать и идти вперед. Запомнился подвиг командира роты Николая Черненко. Окопавшись в мощном каменном строении, враг задержал наше наступление на несколько часов. Тогда старший лейтенант Черненко и два его бойца, соорудив связки гранат, под прикрытием самоходной пушки подползли к двери здания, откуда велся огонь, и бросили их внутрь. Результат: прекращение огня и 8 военнопленных.

Но были и тяжелые бои, которые нередко, к сожалению, заканчивались потерями для нас. Вспомнить хотя бы случай

гибели командующего фронта генерала Черняховского в районе города Мельзак, когда он прибыл в штаб нашей дивизии. Осколок шального снаряда попал тогда в машину и смертельно ранил его. По случаю гибели Черняховского состоялся митинг. Бойцы и командиры поклялись отомстить врагу за гибель командующего.

По мере приближения к побережью Балтийского моря, бои становились все ожесточеннее. Образно говоря, мы дошли до залива Фришес-Хафф по-пластунски. Достигнув цели, часть нашего полка несколько суток убирала берег от тел погибших людей и животных. В те дни я впервые увидел нового командующего 3-го Белорусского фронта маршала Советского Союза А.В. Василевского.

Обескровленные и измотанные, мы ожили, когда узнали, что нам предстоит марш в центр Германии. В начале апреля полк получил пополнение и готовился к новым боям. Закаленные бойцы и командиры обменивались с вновь прибывшими боевым опытом. Рано утром 16 апреля 1945 года гул самолетов, пролетавших над нами, возвестил о начале наступления на Берлин. Нашу армию ввели в бой вслед за войсками, которые прорвали линию обороны противника. В отличие от позиционных боев в Восточной Пруссии, бои в центре Германии были высокоманевренными и быстротечными. Нас часто перебрасывали с место на место, приходилось форсировать реки и озера, передовые подразделения отрывались от тыловых на значительное расстояние.

В боях за Берлин наша дивизия занимала юго-восточную часть города. Особенно трудно было вести бои в ночное время с отдельными группами гитлеровцев. Но можно сказать, что большого сопротивления с их стороны не было. Еще легче были бои юго-западнее города: в большинстве случаев на домах и на заборах вывешивались белые полотнища. Сложнее было с отправкой пленных на пункты сборов - они брели туда толпами.

Запомнились два случая. Первый произошел, когда мы отражали организованный натиск фашистских войск с юго-востока, стремившихся прорваться в Берлин для оказания помощи осажденному гарнизону. Бойцы полка окружили группу немецких солдат, внешне похожих на монголов. Это

были власовцы. Наши ребята, из числа узбеков и казахов, просили отдать этих пленных им на расправу. Мы, с трудом сдерживая их ярость, вырвали из их рук «земляков» запретив учинять самосуд над ними.

Второй случай имел место быть перед вступлением полка в Берлин, когда в межозерном дефиле задержалась артиллерия. Стрелковые подразделения, с приданными танками и самоходными пушками устремились к Эльбе. Я руководил переправой пушек и минометов через озеро, а когда мы вырвались на западный берег, поспешил догонять передовые подразделения. Дороги в Германии превосходные. Ночью машину (трофейную), в которой я ехал, резко остановили, меня вытащили из кабины и повели в штаб. Это оказалось часть 151-й дивизии, с которой я сталкивался в мае 1942 г. западнее Мурманска. В штабе мне рассказали, что я мог попасть в руки немцев. Разобравшись в наших и вражеский позициях, я, утром 4-го мая, настиг батальон, от которого отстал. Но там случилась беда. Командир полка, подполковник Белов А.Н. вместе с десантом автоматчиков, посаженные на самоходные пушки, наткнулись на вражескую засаду. В короткой схватке командир погиб. Это было на восточной окраине большого лесного массива перед Эльбой. 5-го мая мы хоронили командира полка близ ратуши города Бург. Его сменил заместитель командира дивизии полковник Бичков. 7-го мая, упорно продвигаясь и преодолевая лесные завалы и минные заграждения, подразделения вышли на Эльбу. Река была забита баржами, судами и лодками. Немецкие солдаты устремились на западный берег сдаваться в плен американцам. К сожалению, в эти последние дни войны мы продолжали нести потери. Погиб командир роты Лебедев, был ранен командир 3-го батальона майор Маслов. Последнего заменил отважный капитан, заместитель по политчасти Кобахидзе, который не раз отличился мужеством и отвагой. До войны он преподавал русский язык в одной из школ Тбилиси.

В подразделениях полка были отважные девушки - связистки и санитарки. Особенно выделялась полненькая, невысокого роста Маша Коломина, которая бесстрашно бросалась на поле боя для спасения раненых. В конце войны она мне рассказала о том, как пострадали от рук врага ее родные и односельчане на Брянщине. Именно там она

добилась права служить в наступающих войсках 3-й армии и стала бойцом нашего 142-го стрелкового полка.

9-го мая - день Победы, и в этот день продолжалась интенсивная стрельба, но то были залпы Победы!!! О первых днях мирной жизни полка газета «Красная звезда» напечатала репортаж военного корреспондента Л. Высокоостровского «Лагерь на Эльбе». Вот строки из этого репортажа:

«Трудно представить, какую работу мы проделали для того, чтобы хоть немного очистить берег», - говорит командир дивизии.

Мы прибыли в полк офицера Глазкина. Здесь также рассказывают о минувших боях, показывают, где и как стоял пулемет, куда бил, куда офицеры хотели бежать, и где окончательно прикончили их, но наряду с этим люди заняты большой творческой работой. Они учатся упорно, настойчиво, днем и ночью.

Например, я рассказывал:

«Идем по лесу, у дороги немецкая могила. Все как полагается: крест, каска. Но из-под осыпавшегося холмика что-то торчит: доски. «Присыпь землей», - говорю красногвардейцу, а он посмотрел и вдруг кричит: «Да здесь не покойник!». Капнули. А там ящики с винтовками и патронами. И все в тщательной полугерметичной упаковке».

Так родилась беседа о бдительности. Ее потом провели с красноармейцами. Она оказалась весьма кстати. Враг разбит, но он не оставил намерения оскаливать свои ядовитые зубы. В этот день в батальонах проводились политические информации о бдительности. Высокая, неустанная бдительность - таков главный закон здешней жизни.

В книге «Третья армия. История, люди, подвиги», выпущенной в Москве издательством « Эрго-Пресс» в 1995г. есть такие строки:

«7-го мая к 19-ти часам части 40-го стрелкового корпуса (5-я, 129-я и 169-я дивизии), перерезав врагу пути отхода к Эльбе, блокировали населенные пункты Фархлянд и Дербен на берегу, вынудив их гарнизоны сдаться в плен. К исходу дня части корпуса вышли по всей своей полосе на восточный берег Эльбы. Первыми выполнили эту задачу 5-я и 129-я дивизии генерала П. Т. Михалицына и полковника Я.А. Романенко. Для них это было событие по истине исторического значения».

Летом 2002 г. я был в Германии, и мне захотелось побывать на местах последних боев на Эльбе. К великому сожалению, в то время разлилась река, и нельзя было подступиться к ее берегу.

Декабря 2004 года.

Балычев Юрий Николаевич

Я родился 10 апреля 1924 г. в селе Хатынец Орловской области, в семье учителей. Русский.

Мать, Анна Васильевна Балычева, работала учительницей начальных классов. Отец, Балычев Николай Афанасьевич, работал по линии ликвидации безграмотности (инспектор всеобуча). Впоследствии перешёл в Министерство совхозов в Москву, принимал на заводах оборудование для совхозов.

К началу войны (1941-1945) окончил 9 классов в городе Балашиха Московской области.

О начале войны узнал 22 июня. Состоял в народной дружине жилого дома, где проживал.

Начал участвовать в войне по окончании военного училища в городе Свердловск в апреле 1943 года.

Боевой путь в составе 315-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии Южного фронта: прошёл от рубежа реки Миусс до южной части Донбасса; посёлок Степановка и далее по реке Северский Донец; посёлок Ионовка; город Новошахтинск; город Мелитополь; Мамашай; Бельбек; Асканья-Нова; Перекоп; Джанкой; Бахчисарай.

Боевые действия закончил в освобождении города Севастополя 8 мая 1944 года.

Ранения: под Мелитополем ранен в левое бедро, госпитализирован на 10 дней.

Награждён:

- орденом Отечественной войны 1-й степени (№452266);
- орденом Красной Звезды (№3750751);
- орденом Красной Звезды (№903305);
- орденом Красной Звезды (№3685762);
- орденом «За Службу Родине в Вооружённых силах СССР» 3-й степени (№49452);
- орденом «Серебряная Звезда» (Общественное Признание, №2605);
- орденом Дружбы (№0404);
- медалями: «За боевые заслуги»; «За выслугу лет в Советской Армии» 1-й и 2-й степени; юбилейные медали Вооружённых Сил и Победы, и др.
- орденами и медалями иностранных государств-участников Варшавского Договора.

Жена, Балычева Александра Григорьевна, 1923 года рождения, преподаватель французского языка, служила в армии с 1942 по 1945 г. В частях 15-й ВА, ефрейтор, шофёр, участник войны с Японией.

В школе у нас был военрук, участник боёв на реке Халхин-Гол (Монголия). Он научил нас разбирать и собирать винтовку и замок станкового пулемёта, познакомил с устройством гранаты. У нас были уроки тактики, но главная подготовка заключалась в сдаче норм на значки ГТО, ГСО, ПВХО и тренировки в противогазах; обучались самопомощи и взаимопомощи при ранениях.

И я считал, что мы уже готовы к войне. Пока мы на войне не были, мы были к ней готовы. И когда 22-го войну объявили, все мы пошли в военкомат. Военком нас отослал назад – учиться в школу и в райком комсомола. В райкоме комсомола нам сказали заниматься гражданской обороной и участвовать в дружинах по защите жилых домов. В этих дружинах принимали участие взрослые, старшеклассники и даже пожилые люди. Дружины дежурили во время налёта немецкой авиации в готовности к ликвидации последствий возможных

ударов немецкой авиации, а также в задержании диверсантов. Но тогда это не ощущалось как война.

В октябре нашу семью эвакуировали на Урал, в посёлок Нижний Уфалей. Там я работал электромонтёром, помогал специалисту в установке лечебной аппаратуры в детском костно-туберкулёзном санатории, с которым мы были эвакуированы; занимался техническим обслуживанием установленной аппаратуры. О войне узнавал только из сводок СовИнформБюро, одновременно проходил допризывную подготовку, а в марте-месяце призвали в армию и направили в Свердловское пехотное училище. Так началась моя официальная военная служба.

В этот период училище находилось в Еланских лагерях, так как капитальное здание в городе было занято Военной академией имени Жуковского. Обучение проходило по сокращённой программе: 9 месяцев вместо 2-х лет. По окончании училища всему выпуску присвоили офицерское звание «младший лейтенант», и отправили в конце марта на Южный фронт.

Целый месяц ехал наш эшелон, в нём - выпускники 3-х училищ. Проезжая по районам боёв за Сталинград, эшелон часто останавливался, пропуская транспорты с вооружением и санитарные поезда, а на станциях курсанты вооружались, так как там были штабели собранных на поле боя винтовок, станковые и ручные пулемёты, гранаты и патроны.

Таким образом, мы приближались к фронту вооружёнными «до зубов». Руководство эшелонов пыталось отобрать оружие, но попытки были безуспешными. Зато, когда на одном из перегонов немецкий самолёт-разведчик пытался облететь эшелон на низкой высоте, он был встречен таким ружейно-пулемётным огнём, что немедленно набрал высоту и улетел. Правда, свою задачу он выполнил, и ночью, когда мы прибыли на станцию Красный Сулин, был налёт немецких бомбардировщиков, но большого урона этот налёт не нанёс. Станция прикрывалась зенитной артиллерией, и прицельная бомбардировка у немцев не получилась.

На утро следующего дня, когда железнодорожный путь был восстановлен, мы добрались до города Краснодон, где находился запасный фронтовой полк. А дальше нашу «самодеятельную вооружённую банду» (как назвал командир

полка) распределили по армиям и отправили на автомобилях в армейские запасные полки и дивизии. Таким образом, я попал в 315-ю стрелковую дивизию, которая после доукомплектования и отдыха готовилась к прорыву обороны противника по западному берегу реки Миус.

Утром я получил направление в 724-й стрелковый полк, а в последующие сутки я – уже командир 1-го взвода миномётной роты стрелкового батальона. Вспоминаю, когда проходила артподготовка (миномётчики тоже участвовали в ведении огня) почти час с лишним был гром, шум, вой снарядов, дым от выстрелов и пыль такая, что не было видно солнца. В этих условиях для стрельбы из миномёта была большая опасность опустить две мины подряд и, чтобы избежать этого, заряжающие держали руку на ствольной накладке и по толчку ствола определяли выход мины.

Дивизия с успехом прорвала оборону противника, вышла на назначенный рубеж. Ключевая позиция обороны была на высоте Саур-Могила. Дивизия закрепилась на достигнутом рубеже, а у подножья горы было выставлено боевое охранение в составе усиленной стрелковой роты и миномётного взвода. В этом боевом охранении мы находились 6 дней и задачу выполнили до конца. Затем поступило распоряжение дивизию вывести во второй эшелон. Основной состав был заменён свежими подразделениями, а боевое охранение осталось на месте. Во время смены подразделений дивизии противник перешёл в атаку. Всё перемешалось: отступающие, обороняющиеся и меняющиеся, но мы «худо-бедно» остались живы, меня только слегка контузило.

Мы вышли из боя и направились на наши исходные позиции до наступления. Там оставались неиспользованные мины и подготовленные укрытия. Я дал команду «Миномёты к бою!» и в это время ко мне подошёл руководитель заградотряда и спросил, кто мы, откуда и куда идём. Я показал своё удостоверение, и сказал, что мы составляли боевое охранение, а дивизия выводится во второй эшелон. Он сказал, чтобы мы двигались в район Степановки, где собираются выходящие из боя части дивизии. Тут произошёл интересный случай. Впереди нашей огневой позиции в окопах залегли солдаты меняющей части, и я слышу крик: «А ты что не стреляешь?». Обернувшись, я увидел девушку санитарку с

сумкой через плечо, а в руках автомат. В ответ я объяснил, что стрелять не могу, так как не знаю, где противник, а где наши. Она гневно посмотрела, начала поднимать солдат с криком: «Вперёд, что вы валяетесь?». Вот такая храбрая оказалась на вид хрупкая девушка.

В итоге контратака была отбита, замена произошла, и мы спокойно пошли в Степановку, где нам дали новое направление в составе батальона совершить переход под город Ворошиловград. Там нас накормили, мы получили пополнение, немного отдохнули и перешли в наступление, которое успешно развивалось в направлении города Мелитополя. С боями освободили несколько шахтёрских посёлков, преследуя отходящего противника; дивизия сходу форсировала реку Северский Донец. Противник стал отходить на подготовленный рубеж. Продолжая наступление, дивизия овладела южной частью города Новошахтинск, прошли по югу Украины и где-то к началу сентября подошли к главному опорному узлу на подготовленной обороне по реке Молочная - городу Мелитополь.

Интересно проходило преследование. Противник отходил от рубежа к рубежу, оставляя прикрытие. А мы пешим порядком подходим к рубежу, сбиваем прикрытие и опять преследуем отходящие подразделения прикрытия. Там нас уже огнём встречают. И вот так раз, наверное, десять или пятнадцать. Таким образом, мы еле успевали за ними идти, догонять их.

В итоге, вышли мы на рубеж обороны, и ворвались в Мелитополь. Там были продолжительные бои, и, дней через восемь-десять, мы освободили Мелитополь, а я к этому времени попал в госпиталь, пролежал там около десяти дней. Во время бомбёжки попала бомба на огневую позицию, получил ранение в левое бедро, которое меня уложило в госпиталь почти до конца боёв за Мелитополь, и к этому времени госпиталь должен был уходить в другой район, и мы решили добраться до своей части. В госпитале говорят: «Вы вот поедете туда-то, а потом ещё куда-то…» Ну, мы ему и сказали: «Доктор, мы поедем, а Вы нас не ищите там, пожалуйста…»

Помню, на наших машинах, которые осуществляли подвозы продовольствия с армейских складов, была эмблемка

«225 в ромбике». Мы, я и ещё два офицера из нашей дивизии, пошли к складам и устроились на машину. Добрались до дивизионных складов, а оттуда, таким же образом, пришёл я в свой полк, там в свой взвод, которым командовал, принял взвод обратно и благополучно довоевал до Перекопа.

Противник не слишком упорствовал, отдельные рубежи держали, а так – просто бежали. Впереди нас пошёл кавалерийский корпус. Они расчищали более или менее, мы потом подходили. А в первых числах ноября провели небольшую атаку и захватили Перекоп. В «Известиях» было написано: «Наши войска овладели городами Перекоп и Армянск». А это город – ни одного дома нет, одни деревенские маленькие домишки из самана (кирпич из смеси глины с соломой).

Главное на войне не героизм, а стойкость и выполнение поставленной задачи. А герои – это из ряда вон выходящий случай. Но я считаю так, что каждый солдат, вылезающий из окопа под летящие пули – это тоже герой. Я вот один раз ходил в атаку, и знаю, что, когда вылезаешь, назад так и тянет, но знаешь, что, если не вылезешь, то никто не вылезет. А только показал, все сразу пойдут! Все понимают, но никто не думает, что его убьют, может быть, на худой конец, ранен, но не убит.

И вот только был начальник штаба Кузьмин, он мне сказал: «Юрка, ты знаешь, меня в этот раз убьют…» Я ему: «Что это ты так?» «А вот так. Больше трёх прорывов ни один начальник штаба батальона не оставался в этом полку. Это третий будет!» - сказал он мне. И погиб. Предчувствие. Это было до начала прорыва обороны немцев на Крымском перешейке. Перед нами был Турецкий вал, а это очень сложное для преодоления сооружение. Ров, который соединял Сивашский залив Азовского моря с Каркенитским заливом Чёрного моря. Его глубина была метров 10, не меньше, в общем, с двухэтажный дом, спрятаться можно вполне. На южной стороне рва немцы окопались, а ров, как противотанковое прикрытие, был наш, то есть, они нам его оставили, чтобы не пропустить танки.

7-го ноября первый раз дивизия атаковала вал на своём участке, но неудачно. Оборона на Перекопе продолжалась до апреля 1944 года. Я выполнял обязанности командира

миномётного взвода, одновременно готовился, как дублёр начальника штаба батальона. Немцы создали хорошую, сильную оборону. Дивизия подошла туда после Мелитополя. Впереди нас прошёл танковый корпус генерала Васильева и кавалеристы, которые с ходу немцев прижали, захватили часть Турецкого вала и подошли к городу Армянску, но взять не смогли, немцы провели сильную контратаку. Они вынуждены были отойти, но оставили часть Турецкого вала за собой, потому что в этот момент подошла наша дивизия, и нас не смогли столкнуть, дивизия закрепилась, и началась оборона.

Оборона продолжалась с ноября месяца и до апреля. Изучали оборону противника, проводили разведку боем и остальные всякие необходимые мероприятия для подготовки прорыва. Когда пополнилась людьми дивизия, подошла артиллерия Головного резерва Верховного Главнокомандования (РВГК), и было назначено время прорыва обороны, которое не разглашалось до самого последнего момент в целях сохранения внезапности прорыва. Это было 8 апреля.

Интересное в этом прорыве было то, что, наверное, впервые за всю войну, был применён следующий тактический приём. В первой траншее были сделаны мишени, в виде солдат в касках. Раздались крики: «Ура!». Немцы решили, что мы поднимаемся в атаку и применили все свои огневые средства. Тут-то разведка и засекла все огневые средства противника, и, конечно, подавила. Я тогда был с миномётной ротой, мы занимали огневые позиции, готовились к ведению огневого вала, сопровождавшего атаку пехоты.

А когда началась атака, через несколько минут мне позвонили из штаба батальона - командир батальона вызвал на командный пункт. Пришёл туда, доложил командованию, что прибыл, и получил распоряжение принять дела начальника штаба. Когда мы пошли в атаку, он решил поближе подойти к противнику, чтобы видеть, потому что связь с ротами у нас тогда была только телефонная, радио не было, а обстановку нужно было докладывать в штаб полка постоянно. И тогда он решил, чтобы самому было видно, что, где и как, переместить свой командный пункт ближе к наступающим цепям. Немцы засекли.

Обычно перемещение не толпой совершается, а группами, а тут, видно, они все сразу выскочили, и связисты, и радисты, и снайпера, в общем, все, кто обслуживает штаб. Немцы, видно, по этой толпе и ударили артиллерией. В него попал осколок, и он погиб сразу. Я забрал документы из штаба, «в сейфе», который называется полевой сумкой. Осталось только разобраться, что сделать с приказом. Вот таким образом я вступил в должность начальника штаба батальона.

Тогда должность называлась – старший адъютант стрелкового батальона, ещё со старого времени осталось название. Прошла атака нормально, первую позицию прорвали, переместились до станции Армянск. С тех пор по 1946 год исполнял обязанности начальника штаба стрелкового батальона 724-го стрелкового полка 315-й Мелитопольской Краснознамённой стрелковой дивизии, которая после боёв за Севастополь была выведена в резерв Верховного Главнокомандования и до конца войны была дислоцирована в Крыму, сначала в районе города Карасу-Базар, и позднее в Феодосии.

Когда прорывали оборону на Перекопе, там отличился наш командир взвода 45-мм пушек, старший лейтенант Александр Безручко. Противник предпринял контратаку по роте пехоты при поддержке трёх танков. Батарея стояла сзади боевых порядков на станции Армянск в разрушенных зданиях пакгауза, который, по всей видимости, горел, так как стены сохранились, а окон и крыши не было. Они пушку спрятали за стенами, а когда танки вышли на расстояние прямого выстрела, они выкатили пушку, и по первому танку нанесли удар. Танк задымил, и в это время второй танк ударил по пушке. Ранило двух или трёх человек. Вторая пушка взвода с другого конца подбила второй танк. Тут подошёл противотанковый резерв полка, там были 85-миллиметровые пушки, они завершили разгром этой группировки из трёх танков, и контратака противника провалилась. Командиром первой пушки был сержант Петухов, его наградили орденом Боевого Красного Знамени.

Другой интересный случай был в 1943 году, когда мы преследовали противника при выдвижении к Мелитополю. Полк шёл во второй линии второго эшелона дивизии, и шли в батальонных колоннах по дорогам. А хозяйственный взвод

получил задачу выехать вперёд, приготовить обед, чтобы всё как положено. Командиром взвода был лейтенант Кочергин, они параллельной дорогой быстро нас обогнали (мы-то пешком), приехали в пункт и на восточной окраине села развернулись, кухни поставили, начали варить, и мальчишка прибежал, и говорит: «А там, на западном конце села немцы!» «Какие немцы? Много?» - удивились хозяйственники. «Там у них автомобиль и такая же кухня, как у вас», - ответил мальчик.

В этой обстановке командир взвода, опытный сибирский охотник Кочергин решил лично разведать, оставив поваров при кухне, а остальной состав хозяйственного взвода скрытно выдвинулся к немецким кухням. Эти сидят, варят что-то, ничего не подозревают. С криком «Ура!», бросили пару гранат - немцы сдались. В это время командир батальона выслал конную разведку, разыскать Кочергина, так как мы не знали, где он. Когда разведка пришла, увидела, что у них там пленных человек шесть или восемь, автомобиль, кухня, и сами они сидят, дрожат, что делать – не знают. Немцы вот-вот могут придти, ибо наверняка так же ищут кухню. Но наши разведчики упредили, хозяйственный взвод и пленных немцев на их машине привезли в расположение батальона. Так что когда наши подошли, они обрадовались. Мы решили свой обед съесть, а их раздали. Вот так получилось, что хозяйственный взвод захватил пленных, всё благодаря героическому поступку лейтенанта Кочергина.

Во время выдвижения по Крыму мы взяли Ишуньские позиции, несколько километров южнее Перекопа. Мы как раз прорвали оборону 10-го апреля, в мой день рождения. Комбат говорит перед 10-м ночью: «Давай выпьем за твой день рождения, а то завтра ещё не известно, что будет…» А в 4 или 5 утра атаковали эти позиции, успешно прорвали, и пошли.

Перешли в преследование. Батальон получил задачу действовать в авангарде полка, во взаимодействии с передовым отрядом дивизии, которому командир дивизии дал маршрут на Севастополь. Я сделал кроки маршрута, так как карта была только у начальника штаба 1328-го стрелкового полка. Батальон начал выдвижение уже в сумерках в общем направлении на юг. Когда вышли на уровень Симферополя, стало совсем темно. В первой попавшейся на маршруте

деревне, я решил сориентироваться путём опроса населения, как называется их село, и в каком направлении дорога на Севастополь, но это оказалось непросто.

Захожу в первый попавшийся дом, спрашиваю, кто говорит по-русски. В доме сидят одни перепуганные женщины. Спросил ещё раз, где мужчины. Женщина, которая была рядом со мной, показала в направлении соседнего дома.

Вообще говоря, крымские татары в войне повели себя не очень хорошо, сразу перешли на сторону немцев, у них даже форма своя была – шапка лисья и хвост. Как правило, они были снайперами. Так вот, они там сидят, молятся.

Я у них спрашиваю: «Кто по-русски понимает?».

Молчат. Никто не знает, как на Мамашай выйти, хотя тут километров 10-15.

Я им тогда так говорю: «Дорогие, если вы мне сейчас не выделите человека, все вы будете расстреляны».

Постояли-постояли. Я вытащил наган, пока замполита нет. Первый подошёл к солдатам, а я им и говорю: «Отведите его за дом и там в воздух стреляйте, и пусть он орёт».

Так и сделали. И второго тоже. Потом один встал и говорит: «Я учитель, я по-русски понимаю».

Я ему: «Ну, так надо было сразу сказать!..».

«Что вам нужно?» - говорит он.

«Нам нужна дорога до Мамашая», - отвечаю я.

«Они вам не скажут», - сказал он

«Как не скажут?» - удивился я.

«А вот так не скажут», - уверенно ответил он.

«А Вы скажете?» - спросил я.

«Да, я вас проведу. Товарищ начальник, только, если они увидят это, не меня, ни моей семьи не будет», - сказал он.

Я говорю: «Хорошо, не увидят».

Поехали. «Сухопутный лоцман» сидит со мной в повозке. Минут через 40 он просит остановиться и говорит: «Там, в лощине, мол, деревня, это – Мамашай». Послал разведку, она подтвердила.

Я ему говорю: «Ну, будь здоров, спасибо, добирайся до дома, но пока Советская власть не придёт, лучше не показывайся. А хочешь, поедем с нами на Севастополь?».

Он сказал, что воевать не хочет, а на время спрячется в горах.

Батальон с разведкой впереди вошёл в крупное село и остановился для приведения в порядок после ночного марша, вперёд выслали разведку. Разведка обнаружила противника на северных скатах высоты в 300-х метрах от села, и определила, что это группа прикрытия отходящего противника.

Комбат принял решение атаковать группу противника и при отходе не дать ей оторваться от наших передовых подразделений. Атака была успешной, батальон первым эшелоном сбил группу прикрытия противника и перешёл в преследование его отходящих подразделений в южном направлении. В ходе преследования преодолел противотанковый ров и захватил 1-ю траншею передовой позиции оборонительного обвода города Севастополь. Противник контратаковал, и батальон перешёл к обороне на занятом рубеже и начал закрепляться, используя оборонительные сооружения противника. Командный пункт батальона использовал противотанковый ров. Там же был размещён передовой медицинский пункт и пункт боевого питания.

Для отражения возможных атак противника была отдана команда оборудовать в скатах противотанкового рва ячейки для стрельбы из винтовок и две пулемётные площадки и позицию для ПТР (противотанкового ружья).

Во второй половине дня на командный пункт батальона прибыл командир полка, который решил, что батальон может развивать наступление и дальше, и начал отдавать распоряжения по выполнению. В это время противник нанёс мощный артиллерийский налёт, и пехота с 3-мя танками перешла в контратаку. Контратака была направлена в тыл нашего 1-го эшелона на позицию соседа и частично на размещение командного пункта батальона.

Разведчики-наблюдатели доложили об этом. Командир полка скомандовал перейти в контратаку и со своей группой управления быстро отправился в ход сообщения, который вёл в тыл. Нам ничего не оставалось делать, как приготовиться к отражению атаки, наличными силами, которые, с учётом легко раненых, составляли человек 18-20.

Я дал команду «К бою!», но огонь открывать по команде. Заняли свои подготовленные позиции. Я понял, что, если контратака продвинется вперёд, то она попадёт под фланговый

огонь 1-го эшелона батальона. Бойцы заняли позиции в готовности к ведению огня. Но в это время по контратакующей группе противника был нанесён удар «Катюши», который смешал противника с землёй, и контратака заглохла. Батальон остался на месте, продолжая удерживать занимаемый рубеж. К исходу дня батальон получил команду сдать занимаемый участок обороны и перейти в район Бельбек.

Это были отроги Миккензиевых гор, где до начала наступления на Севастополь мы заняли оборону. Там был курьёзный случай. Повар поставил кухню, убрав в сторонку лошадь, открыл котёл, и дал команду солдатам с котелками подойти за пищей, а сам в это время пошуровал в топке, чтобы обед не остывал. Эти действия произвели сноп искр из трубы кухни, который заметила лётчица нашего ночного бомбардировщика У-2, летевшего над обороной противника. Она, считая, что это позиция противника, бросила в направлении источника искр гранату или маленькую бомбу, которая, совершенно неожиданно, попала в котёл и разорвалась там.

Люди, в том числе и повар, которые находились близко от кухни, при звуках опускающейся бомбы залегли, а бомба разорвалась в котле, и в результате этого окружающие деревья (а кухня стояла в саду), покрылись макаронами по-флотски, а люди не пострадали. На войне бывает в таких случаях весело. Солдаты поснимали, что могли, с деревьев и получили НЗ.

Я доложил в полк, а ближе к утру на командный пункт батальона прибыла девушка с погонами старшего лейтенанта и двумя радистами. Она доложила, что является офицером наведения и будет находиться с батальоном до тех пор, пока полк выполняет задачи в этом районе. Так как её радисты – люди «благородного труда», работавшие, как правило, вдали от передовых позиций, я дал команду отрыть окоп для размещения этой группы, чтобы обеспечить безопасную работу во время боя, что было быстро сделано, и старший лейтенант в следующую ночь уже твёрдо управляла самолётами, которые летали над позициями противника напротив нашего участка. А чтобы они лучше видели передний край, нам было приказано на линии передовых окопов поставить зажжённые консервные банки, в которых

было налито веретённое масло (использовалось для смазки пулемётов и другого оружия), сделать пеньковые фитили и поджечь их к прилёту самолёта.

Мы страшно боялись, что тем поможем не только своим, но и противнику. Но эта и последующие ночи прошли благополучно, «Ночные ведьмы» подходили к обозначенному рубежу, выключали моторы, и, как планер, невидимый с земли, летали над противником, уничтожая его огневые точки. Таким образом, батальон, находясь в первом эшелоне обороны захваченного рубежа, готовился к наступлению. Была дана команда, и солдаты изучали возможные пути восхождения по этой горе, так как прямое наступление по каменистой высоте было невозможно. Атака была обеспечена хорошим артиллерийским налётом, что дало возможность преодолеть высоту и выйти к станции Микензиевы горы.

Готовились к штурму этой горы, что благополучно и сделали, когда начался штурм Севастополя. Нас осталось мало. На станции Микензиевы горы сам я получил контузию, поэтому не всё помню. В это время наш батальон вывели в резерв дивизии, и командир поставил задачу освободить от немцев северную сторону города Севастополь. Там бухта есть, за бухтой налево – основной город, а тут северная сторона, там заводики маленькие были, посёлки жилые. Но его в основном захватили румыны. Они когда увидели, что масса идёт, сразу сдались. Мы их не могли взять в плен, и убить нельзя. Кто-то посоветовал: мы взяли человек 10-15 румын и одного-двух немцев. Немцам дали бумагу, что это пленные такого-то, идут туда-то. Тут, как бы, немцы старшие, ведут румын. А в следующей партии – наоборот. И вот так они шли, и никто не убежал, все пришли, куда нужно. Мы вышли на Каркинитский залив Чёрного моря, в районе Бартеньевка.

Одновременно с нами в Бартеньевку вошли мотоциклисты разведбатальона соседней дивизии. Я доложил о выполнении задачи и получил команду вернуться к главным силам полка, который в это время вёл боевые действия по освобождению южной части города Севастополя. Оттуда наблюдали картину, как немцы бежали. Они уходили на пароходах, там такая борьба была за место! Наши миномётчики огонь вели по ним, далеко ещё в море, но вряд ли попали.

Потом парад был в Севастополе, через несколько дней после этого, на Сапун-горе, и мы после парада вышли на формирование. На этом, по существу, закончились боевые действия, после освобождения Севастополя. Мы получили команду сосредоточиться в северной части бухты для приведения себя в порядок, так как в дальнейшем, как мы узнали позже, было принято решение командования провести на Сапун-Горе военный парад в честь освобождения Севастополя. Парад состоялся 9-го или 10-го мая, не помню точно, и выглядел очень эффектно. На этом кончилась война для полка. Дивизию вывели в резерв Верховного Главнокомандования и дислоцировали в районе Белогорск (Карасу-Базар) и Феодосия, где пополнили, и началась боевая подготовка.

В целом хочу сказать, что на войне – как на войне, бывает хорошо, бывает плохо. То, что я получил четыре значка ГТО, ГХО и ПВХО и «Ворошиловский стрелок» – это очень большое дело. Я физически был подготовлен, имел определённые знания, и, когда я принял взвод, я во взводе самый молодой был. А были там деды, по 45 лет, но они уже подчинялись мне, постольку, поскольку я больше знал, чем они, хотя у них опыт жизненный был и боевой опыт был. Когда я проходил военную подготовку в школе, у нас была военная игра «На штурм», в которой я выполнял задачи начальника штаба игры. Это получалось, в миниатюре, то, с чем я потом столкнулся в штабе батальона на войне. Я собирал обстановку, докладывал командиру, проверял, как выполняется боевой приказ, учитывал потери.

Меня часто спрашивают, страшно на войне или нет. Как Вы можете определить из сказанного выше, я не был участником героических подвигов. Они не планируются, а просто создаётся обстановка. Героями не рождаются. Каждый воин, получивший задачу, обязан её чётко выполнять, со знанием дела. Что побуждает солдата выходить из окопа в атаку под огнём противника? Это своеобразный героический подвиг, но он вызван необходимостью разгромить и уничтожить врага. Психология человека на войне иная, чем в тылу. Находясь постоянно под угрозой смерти, никто не думает о ней, а, получив задачу, думают, как бы лучше её выполнить. Это я могу подтвердить примером взвода ПТО

лейтенанта Безручко, который бесстрашно вступил в бой с немцами, или тем же случаем с лейтенантом Кочергиным, и вообще действиями, особенно артиллеристов противотанковых орудий. Со своим желанием выполнить приказ, они не думали об угрозе, а думали, как быстрее выполнить задание. Поэтому все части, которые воевали в 1-м эшелоне, совершали героические подвиги. Только вырабатывая волевые качества в течение жизни можно стать воином.

После войны я остался в отделении Приморской армии, которая потом преобразовалась в Таврический военный округ, и до 1947 года, когда началось сокращение армии, дивизию переформировали в бригаду, и я получил должность заместителя командира батареи 120-мм миномётов. Это, естественно, продолжалось недолго, нас пригласили в политуправление округа, всех коммунистов (в апреле 1944 года я вступил в партию ВКП(б) в Перекопе, перед наступлением), как молодых и перспективных офицеров; нас оставляли в кадрах. Мы окончили краткосрочные курсы, и нас разослали по военным комиссариатам Таврического военного округа, это Крымская, Херсонская, Запорожская области. Начальник первой части, заместитель районного военного комиссара. Работа очень сложная, интересная, и, для того, чтобы её правильно выполнять, я попросился на курсы. Такие курсы были только одни в армии, и они располагались в городе Балашов Саратовской области.

Через семь месяцев, по окончании курсов, я вернулся в военкомат, другой уже, в Херсонской области, и написал рапорт для командирования на учёбу в академию. А к этому времени я закончил заочно 10-й класс Николаевской заочной средней школы. Рапорт был удовлетворён, я был зачислен кандидатом в Военную академию имени Фрунзе.

В 1952 году успешно сдал экзамены и был зачислен слушателем военной академии. В 1954 году окончил академию и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Южно-Уральский военный округ, в город Оренбург. В последующем был назначен в оперативный отдел офицером-оператором штаба округа. Дальше служба была в штабах округов, группы войск, Генеральном штабе, штабе Объединённых вооружённых сил, всё на различных

должностях оперативных отделов управления, закончил службу в звании генерал-майора, начальника направления в штабе Объединённых Вооружённых сил государств-участников Варшавского договора в 1978 году.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Сапожников Георгий Андреевич****, студент 2-го курса Аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Бережной Николай Иванович

Какая нечистая вас там носила, там же немцы!

Я родился 20 ноября 1925 года на Украине в селе 2-я Павловка Белопольского района Сумской области.

До начала Великой Отечественной войны я жил вместе с родителями (мать -Меланич Анна Андреевна, отец - Бережной Иван Григорьевич) и сестрой Любой.

В 1940 году закончил 8 классов средней школы в селе Павловка Белопольского района Сумской области.

О начале Великой Отечественной войны я узнал 22 июня 1941 года, во время уборки урожая зерновых в колхозе, из сообщения по радио.

В первые дни войны отца призвали в ряды Красной Армии и направили в стройотряд на сооружение оборонительных рубежей.

В сентябре 1943 года меня также призвали в армию и направили сначала в запасной полк, а затем в 68-ю артбригаду, действующую на 3-м Белорусском фронте. 5 октября 1943 года был зачислен курсантом в состав 45-го запасного артиллерийского полка (командир полка – полковник Петухов), расположенного в городе Клинцы в Белоруссии.

5 ноября 1943 года по запросу воинской части меня направили в 68-ю корпусную артиллерийскую бригаду, командиром которой был полковник Травкин. На тот момент

бригада находилась на временном отдыхе под городом Речицы в Белоруссии. 68-я корпусная артиллерийская бригада входила в состав 132-го стрелкового корпуса 3-го Белорусского фронта, командующим которого был маршал Рокоссовский К.К.. В то время я был рядовым и меня определили в состав орудийного расчета (командир расчета – сержант Кутуров) в 4-ю батарею, где командиром был капитан Какурин.

Мое первое боевое «крещение» произошло в ноябре 1943 года, когда войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление севернее города Бреста (Белоруссия).

Перед нашей 68-й бригадой была поставлена задача огнем артиллерийских орудий разрушить укрепления противника в районе города Речицы и облегчить нашим войскам форсирование реки Березины, освободить этот город от вражеских войск и прорвать оборону немецких войск на этом направлении. Поставленную задачу бригада выполняла путем массированного обстрела пушками 152-го калибра заранее выявленных огневых точек противника.

Для этого, пушки батарей бригады, в том числе и моей 4-й батареи, были установлены на поляне в лесу, куда заранее были завезены боевые снаряды и патроны и сложены позади орудий на расстоянии 50 метров.

В период артиллерийской подготовки мне и еще одному рядовому орудийного расчета была поставлена задача подносить снаряды от места их складирования непосредственно к пушкам. Выполнять эту работу необходимо было быстро, так как время на артподготовку было ограничено, а за это время каждая пушка должна была произвести 20-30 выстрелов.

Вес каждого снаряда составлял 43 кг, поэтому нести его было удобнее двумя руками, прижав к животу. Для выполнения поставленной задачи мы подносили снаряды почти бегом, что было не легко при таком его весе. Поэтому, когда все это закончилось, нам с напарником пришлось выжимать майки, гимнастерки и даже трусы от пропитавшего их пота. Но это еще не все…

Выстрел пушки создавал такое звуковое давление, что на какое-то время уши переставали что-либо слышать. Тогда опытные товарищи посоветовали нам во время выстрела открывать рот, чтобы в момент выстрела давление на

барабанные перепонки снаружи и изнутри было одинаковым, для предотвращения их разрушения.

По окончании такого «крещения» командир батареи капитан Какурин объявил мне, в числе других, благодарность «за хорошую работу».

После артподготовки пехота совместно с танками начали наступление, форсировала реку Березину, освободила от противника город Речицы и начала продвижение на Запад.

Вот так я впервые участвовал в боевых действиях. Было это 16 ноября 1943 года. После этих событий меня перевели из орудийного расчета 4-й батареи в отделение разведки дивизиона, где командиром был майор Пильгунов. И с этих пор до самого окончания войны я был артиллерийским разведчиком и постоянно находился рядом с передней линией фронта вместе с командиром дивизиона майором Пильгуновым, радистом Масловым и телефонистом Костырко.

Потом наша 68-я артбригада участвовала в прорыве обороны противника на реке Друть севернее города Рогачева (15.06.1944 г.), в освобождении города Жлобин (16.06.1944 г.) и многих других населенных пунктов и городов.

19 июня 1944 года часть Красной Армии выступила к территории Польши. Здесь 68-я бригада принимала участие в освобождении городов Белосток, Острув-Мазовецка, Пултуск, Пшасныш и др.

Случайный обстрел «своих»

Как-то раз, когда шла перегруппировка и пополнение некоторых подразделений пехотных частей, солдаты нашей бригады, создав несколько групп, расположились на опушке леса. В перегруппировке участвовали и пехота, и легкая артиллерия, и минометчики. Также тут было много лошадей - их использовали для перевозки полевых кухонь и легкой артиллерии.

Наступил вечер. Тишина. До переднего края километра три.

Я в это время шел с позиции батареи на свой НП (наблюдательный пункт). И вдруг со стороны леса послышался гул самолетов. Кто-то громко закричал: «Это свои…». Эти «свои» - два самолета с красными звездами на

крыльях, выскочили из-за леса, высыпали на головы тех, кто здесь находился, много мелких, как гранаты, бомб и скрылись. Послышались крики раненных, ржание лошадей. И опять тишина.

Как потом выяснилось, тем летчикам была поставлена задача потревожить немцев на опушке леса по другую линию фронта. А они случайно бомбили не ту опушку.

Немцы обстреляли лес

По различным делам мне приходилось пешком ходить с НП на батареи и обратно. Мой путь проходил через поле или через лесной массив. Однажды шел я через сосновую рощу, где внизу рос кустарник. Было тепло и тихо. Кругом ни души…

И вдруг, как гром среди ясного неба, где-то недалеко от меня разорвался снаряд, затем второй, третий. Снаряды рвались везде: впереди, позади. В таких случаях надо было сразу упасть на землю и переждать обстрел. Я зачем-то решил бежать. После очередного разрыва снаряда меня обдало горячим пороховым дымом. Резкий запах хвои, порохового дыма, сверху сыпались отсеченные осколками снарядов ветки сосен, а я все продолжал бежать, надеясь выбежать из зоны обстрела. И вдруг сразу все затихло. Только в ушах звон и шум. Когда я вышел из этой рощи, не увидел ни людей, ни танков, ни машин. Почему немцы решили обстрелять пустой лес для меня до сих пор остается загадкой.

После этого случая у меня появилась мысль, что родился я «в рубашке». Но еще много лет запах хвои меня преследовал везде. А когда я входил в сосновый лес, у меня появлялся испуг и желание быстрее из него выйти.

30 июня 1944 года я был контужен в районе польского города Острув-Мазовецка. С целью реабилитации был на 10 дней направлен в полевой дом отдыха в 10 км от переднего края фронта, потом возвратился в свою воинскую часть.

2 июля 1944 года: Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении бригады орденом Суворова 2 степени.

26 апреля 1945 года: Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении бригады орденом Александра Невского.

20 июня 1945 года 68-я артбригада вступила на территорию Восточной Пруссии, где участвовала в освобождении городов Мышинец, Дзядлово, Плоцк, Мариенбург и других.

В феврале 1945 года в районе города Ольштын (Восточная Пруссия) немцы предприняли попытку прорвать оборону 3-го Белорусского фронта и вырваться из окружения в Восточной Пруссии. Батареи нашего дивизиона занимали позиции в 7 километрах от передней линии фронта, а наше разведотделение вместе с командиром дивизиона майором Пильгуновым находилось в расположении штаба пехотной дивизии в одном километре от передовой.

Немцы сумели прорвать наш тыл и потеснить оборону пехотной дивизии. Мы оказались отрезаны от своих батарей, короче говоря, оказались в окружении. Срочно были собраны командиры всех подразделений дивизии, которые должны были решить, что делать. Было предложение - прорваться с боем, этот вариант не подошел из-за нехватки боеприпасов. Было предложение - ждать помощи своих. Но наш майор Пильгунов решил выбираться из окружения самостоятельно окольными путями, чтобы не нарваться на немцев, и ранним утром мы пошли. Нас было трое: я, радист и сам Пильгунов.

Сначала зашли в один из пустых домов, где нашли простыни, укрылись ими для маскировки на снегу. По карте майор наметил путь нашего движения.

Когда начало темнеть, впереди показалась роща. Когда мы в нее вошли, увидели укрытый ельником танк и ствол его пушки, направленный прямо на нас. А ноги отказывались двигаться, и в этот момент раздался громкий голос: «Стой, кто идет?», на нашем родном языке.

«Свои!»- закричали мы радостно и дружно. Но тот же голос продолжал: «Какая нечистая вас там носила, там же немцы». И здесь мы начали все рассказывать. А вечером плотно поужинали американской тушенкой с чаем.

Первые шаги по земле Восточной Пруссии

Как только наши войска вступили на территорию Восточной Пруссии, над нашими позициями с самолета были

сброшены листовки, на мой взгляд, довольно странного содержания:

«Солдаты Красной Армии, вы хорошо знаете, что творили фашисты на нашей земле. Они разоряли и сжигали города и села, убивали ни в чем не повинных стариков и детей. Так делайте и вы на их земле то же самое». Подписал листовку корреспондент Илья Эренбург.

Некоторые последовали этому призыву, и кое-где вдоль дорог уже горели избы, на полях лежали расстрелянные коровы и свиньи…

На следующий день по всем воинским частям был объявлен приказ командования фронтом, в котором говорилось, что разрушать и уничтожать материальные ценности неразумно. За передовыми войсками придут трофейные бригады и переправят все нужное и ценное в Россию, где раздадут нуждающимся. В этом же приказе было сказано, что солдаты, сержанты и офицеры имеют право отсылать своим родным посылки с трофейными вещами весом до 8 кг.

Воспользовавшись этим правом, я отослал своим родным настенные часы с мелодичным боем. Эти часы до сих пор висят у меня в комнате на стене и ходят, когда их заведешь.

Когда войска Белорусского и Прибалтийского фронтов окружили немецкие армии в Восточной Пруссии и начали теснить их к Балтийскому морю, немецкое командование посоветовало мирным жителям В. Пруссии отступать к морю вместе с армией, откуда их всех обещали морем перевезти в Германию. И народ пошел. Люди шли и несли с собой все самое ценное и необходимое. По дороге нам встречалось много повозок и тележек, брошенных беженцами, в которых находились продовольствие и одежда. А когда все они подошли к берегу залива Фришес-Хафф, то оказалось, что везти их в Германию не на чем: наша авиация уничтожила все, на чем можно было плыть. Тогда эти люди начали уничтожать все, что так бережно несли и надеялись воспользоваться.

Важным событием в боевых действиях нашей артбригады было участие в штурме города-крепости Кенигсберга. Успешному штурму этого города способствовала интенсивная артподготовка бригады по укрепленным позициям крепости.

Мы начали штурм этого города 6 апреля 1945 года, а 9 апреля гарнизон Кенигсберга капитулировал.

68-я артбригада была значимой ударной силой в составе 3-го Белорусского фронта. Поэтому командование фронтом задействовало бригаду только на важных участках и старалось беречь ее от ударов артиллерии и авиации противника. Не случайно боевые позиции батарей размещались на значительном расстоянии от передовой (передняя линия фронта). Как правило, это было расстояние 3-5 км, а иногда и 10. Личный состав бригады, кроме разведчиков и связистов, находился также на удалении от передовой. Поэтому потери в живой силе были небольшие.

За период с октября 1943 г. до окончания боевых действий из личного состава дивизиона (примерно 40 человек) погибли 3 человека и эти потери напрямую не связаны с боевыми действиями. Один рядовой орудийного расчета попал под колеса трактора, второй погиб от шальной пули. Обычно во время переезда на новые позиции члены орудийного расчета сидят на лафетах своих орудий по 4–5 человек с каждой стороны. Во время движения одному солдату стало плохо, и он начал терять сознание и падать; а когда его подхватили, увидели, что голова его пробита шальной пулей, но выстрела никто не слышал.

Боевые действия 68-й артбригады и мои лично закончились в районе города Эльбинг около залива Фришес-Хафф. Было это 2 мая 1945 года после того, как от противника были освобождены порт Пиллау на косе Фришес-Нерунг и сама территория этой косы. К этому времени я имел воинское звание сержант и был начальником отделения артразведки.

2 мая по всем фронтам прошло известие, что над Рейхстагом развевается Красное Знамя, и что война окончена. Когда мы вместе с товарищами услышали это, все мы, пока не веря своим ушам, начали кричать, стреляли в небо, кто чем мог. Я палил из автомата ППШ (автомат Шапошникова), пока не закончились патроны в одном диске, затем зарядил второй диск и т.д.

Несмотря на то, что День Победы был объявлен 9 мая 1945 года (когда были подавлены все очаги сопротивления фашистов и подписан акт о капитуляции Германии) для меня и

многих других 9 мая оказалось рубежом между войной и миром.

После окончания войны, с 9 мая 1945 года до 1 мая 1948 года, я находился в Северной группе войск (СГВ) в г. Нойштеттин в составе 68-й артбригады. В мае 1948 года меня отправили в город Ленинград, где через распределительный пункт я был зачислен в 3-й топографический отряд (в/ч. 51507), где проходил воинскую службу до апреля 1950 года.

В конце апреля 1950 года по приказу Министра обороны был демобилизован.

Награды:

- орден Красной Звезды (награжден за участие в овладении городом Пшасныш в январе 1945 года Секретарем Президиума Верховного Совета СССР А. Горкиным, №1887294);
- орден Отечественной войны 2 степени (№3061085. Награжден 14 апреля 1947 года Секретарем Президиума Верховного Совета СССР А.Горкиным);
- медаль Жукова (№0688856. Награжден 19 февраля 1996 года);
- медаль «За Победу над Германией» (№0437048. Награжден 23 января 1946 года генерал-майором Травкиным);
- медаль «За освобождение Польши» (№76432. Награжден 18 августа 1946 года командиром 132-го стрелкового корпуса генерал-лейтенантом Чуваковым);
- медаль «За взятие Кенигсберга» (№280934. Награжден 30 мая 1946 года генерал-майором Травкиным);
- медаль «За боевые заслуги» (Награжден за участие в прорыве обороны противника на реке Друть в июле 1944 года. №1015354. Выдана 14 апреля 1947 года Секретарем Президиума Верховного Совета СССР А. Горкиным);
- 17 юбилейных медалей и знаков;
- благодарственные письма, в числе которых, хотелось бы отметить, выданное 1 октября 1945 года Главнокомандующим Северной группы войск Маршалом Советского Союза К. Рокоссовским и членом Военного Совета С. Шатиловым.

1 мая прибыл в родительский дом, где в это время проживали отец, мать и сестра.

В июне 1950 года поступил учиться в Сумской техникум пищевой промышленности, который с отличием закончил в 1954 году. В этом же году поступил на учебу в Московский авиационный технологический институт.

После окончания института в 1959 году по распределению был направлен на Тушинский машиностроительный завод. В этом же году женился. Жена Людмила была студенткой последнего курса пединститута им. В.И. Ленина. У нас двое детей, есть внуки.

Из родственников, переживших войну, в живых осталась только племянница, проживающая с семьей в городе Сумы на Украине.

Отец Иван Григорьевич умер в мае 1960 года от заболевания, полученного во время службы в Красной Армии.

Мать Анна Андреевна умерла в августе 1982 года от старости.

А в мае 2007 года умерла и сестра Любовь Николаевна.

Заканчивая свои воспоминания, хотелось бы сказать, что любая война – страдание для простых граждан. Великая Отечественная Война оказалась жестокой и беспощадной, она принесла много горя и страданий, унесла миллионы жизней…

Поэтому хотелось бы пожелать нашим потомкам быть мудрее своих предков и не повторять их ошибки.

Октябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Бережная Екатерина Максимовна****, студентка 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Битянов Ростислав Дмитриевич

После длительной проверки на подпольной работе

Я родился 5 апреля 1926 года на Украине, в крестьянской семье.

Отец, Битянов Дмитрий Леонтьевич, 1897 года рождения, до революции батрачил у кулака. В Первую Мировую войну воевал с немцами в пехоте, участвовал в Брусиловском прорыве, был дважды ранен, награжден двумя Георгиевскими крестами. Во время Октябрьской революции воевал в рядах Красной Армии против войск Деникина и белополяков. После Гражданской войны возвратился в родное село и одним из первых вступил в колхоз, в котором проработал почти всю свою жизнь.

С первых дней Великой Отечественной войны он - командир противотанкового 80-мм орудия гвардейского стрелкового полка и 25-го казачьего кавалерийского полка. Участвовал в боях за Харьков, Ростов; принимал участие в обороне Кавказа, в Сталинградской битве.

Он был награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Кавказа», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в годы Великой

Отечественной войны», «Ветеран труда». Инвалид Великой Отечественной войны второй группы. Умер в 1983.

Мать, Битянова Бронислава Дементьевна, 1903 года рождения – дочь безземельного крестьянина. Всю трудовую жизнь проработала в колхозе. На ее плечах находились все домашние работы и воспитание детей. Во время Великой Отечественной войны ее дом был конспиративной квартирой партизан. В нем прятались раненые партизаны, хранилось оружие, боеприпасы, агитационная литература. Она по ночам выпекала хлеб для партизан, шила им белье с огромным риском для жизни. Ветеран войны и труда, награждена медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «Ветеран труда». Умерла в 1983 году.

Я с детства был приучен к нелегкому крестьянскому труду, к голоду, холоду и дисциплине. Зимой ходил в школу за семь километров от дома, летом работал в колхозе и на приусадебном участке. Пережил голод 1933 года.

Любил военное дело. Отец с детства приучил меня стрелять из охотничьего ружья, в школе сдал нормы ГТО на значки «Ворошиловский стрелок», «Готов к труду и обороне». Умел быстро собирать и разбирать винтовку, пулемет, бросать в цель гранаты. По физической и военной подготовке имел отличные оценки. Все это мне пригодилось во время войны. В комсомол вступил в мае 1941 года.

С первых же дней оккупации фашистами села, я вместе со старшей сестрой вступил в подпольную комсомольскою организацию и по ее заданию начал собирать оружие и боеприпасы, устанавливал связь с ранеными красноармейцами, попавшими в окружение, с партизанами.

С ноября 1942 года по март 1944 года принимал активное участие в партизанском движении в качестве разведчика Отдельного партизанского отряда «Буревестник», действовавшего на временно оккупированной территории Украины и Белоруссии. По поручению отряда выполнял различные боевые задания: собирал и передавал в партизанский отряд разведанные о дислокации, численности и передвижении вражеских войск, был связным с другими партизанскими отрядами и с подпольщиками, участвовал в подготовке и проведении боевых операций, проводимых

бойцами, разведывательными и диверсионными группами нашего отряда.

Партизанский отряд «Буревестник» был создан вначале 1942 года в Савранском лесу Одесской области. Основой отряда были красноармейцы и краснофлотцы Черноморского флота, попавшие в окружение. Вначале численность отряда была около трех десятков человек, но со временем отряд уже насчитывал 700 бойцов. К партизанам шли жители окрестных сел и военнопленные, бежавшие из концлагерей. Большую помощь в пополнении отряда активными бойцами оказывали подпольные партийные и комсомольские организации. В отряд меня рекомендовала, после длительной проверки на подпольной работе, комсомольская организация Кривоозерского района, Одесской области. Командовал Нестеренко (подпольная кличка «Гуртовый»).

С первых же дней отряд развернул активную борьбу против оккупантов: взрывались железнодорожные эшелоны, уничтожались жандармские и полицейские участки, вражеские воинские колонны, совершался суд над карателями и изменниками Родины. Начиная с 1943 года, когда отряд получил мощную радиостанцию с «Большой земли», развернулась активная пропаганда и разъяснительная работа: среди населения распространялись листовки, сведения о положении на фронтах и т.д. Неоценимую помощь в этом деле оказывали подпольщики.

Об активности партизан свидетельствует, перехваченный разведчиками, доклад префекта Балтийского уезда полковника Ника. Вот, что он докладывает своим хозяевам 22 октября 1943 года: «…террористические акты и саботаж, как это видно из ранее представленных донесений, увеличились настолько, что они совершенно убивают дух администрации и служащих, которые считают жизнь свою под угрозой… Жандармские отряды и воинские части не в состоянии стать хозяевами создавшегося положения. Систематические карательные операции против партизан и подпольщиков не дают положительных результатов, они еще более активизируют их подрывные действия».

Менее чем через месяц тот же лакей доносит начальству: «Активность партизан особенно заметна в Ободовском, Бершатском, Песчанском и Савранском районах, число их от

нескольких десятков увеличилось теперь до пятисот и все более возрастает. Продолжают организовываться новые отряды, которые вооружаются оружием, отобранным у жандармов и военных. Больше нельзя считать нашими селами Малая Киреевка, Большая Киреевка, Осиевка, Мазурово…». Далее еще десять названий населенных пунктов, из которых оккупанты были выбиты партизанами.

Донесения датировано 18 ноября. А 28 ноября на перегоне Любашевка-Заползы летит под откос фашистский воинский эшелон. Под Новый год приведен в исполнение приговор партизанского суда над фашистом полковником Ника в его резиденции. Дерзкими налетами на вражеский эшелон и на немецкую комендатуру руководил начальник штаба отряда Михаил Трофимович Запорожченко, который являлся одним из основателей «Буревестника». Я в этом бою также участвовал.

Очень большую роль в успешном проведении боевых операций играла разведка, которой руководил капитан Александр Борисович Тухов. Разведка осуществлялась с помощью маневренных разведывательных групп, местными разведчиками, которые под видом местных жителей проникали в расположение вражеских войск, жандармских и полицейских постов, и другие объекты. Полученные путем наблюдения сведения передавали в отряд по цепочке через связных или через тайники. Кроме того, во многих населенных пунктах, где располагались вражеские гарнизоны, в административных органах оккупационных властей, в комендатурах и полицейских участках отряд имел своих хорошо законспирированных людей. Неоценимую помощь в своевременном получении сведений о противнике оказывали подпольные комсомольские организации, их агентура, с которыми штаб отряда поддерживал тесную связь и координировал их деятельность в соответствии с оперативными планами отряда.

Например, через связных было получено срочное донесение о том, что в сторону фронта движется большая автоколонна с войсками, воинским грузом и боеприпасами. При колонне следует группа штабных офицеров. Рассчитав время и скорость движения колонны, партизаны устроили засаду на дороге между Кривым Озером и Арчипитовской.

Внезапными и смелыми действиями группа партизан под командованием Тузова и Долганя разгромила гитлеровскую автоколонну. Партизаны уничтожили 18 грузовиков и шесть легковых автомашин, захватили шесть станковых пулеметов, десять винтовок и автоматов, а также ценные штабные документы. Было уничтожено несколько десятков вражеских солдат и офицеров. Захваченные документы оказались весьма ценными и были срочно переправлены в штаб фронта.

Большой смелостью, находчивостью и дерзостью отличилась разведгруппа, в которую входили разведчики Гальченко Сергей, Непомнящий Петр, Попов Александр и другие. В этой же группе состоял и я.

В январе 1944 года командование отряда получило сведения, что в сторону села Мазурово ведут под конвоем большую группу советских военнопленных. Мне было поручено уточнить количество охраны и место ночевки колонны. За короткое время с помощью подпольщиков я точно установил количество охраны, место отдыха конвойных, месторасположение военнопленных. В ночь на 17 января разведывательно-диверсионная группа отряда без единого выстрела разоружила охрану и освободила 480 военнопленных. Многие из них стали активными бойцами отряда и воевали с фашистами до конца войны.

Проводя эту операцию, разведчики сделали все, чтобы в ее результате не пострадали жители села, так как по приказу немецкого командования при появлении партизан в населенном пункте расстреливались заложники из числа мирных жителей в количестве от 13 до 20 человек. В связи с этим партизаны распространили через подпольщиков слух, что военнопленных немцы увели ночью в сторону железнодорожной станции. Так удалось спасти жителей села от карательной операции фашистов. За эту операцию я был награжден медалью «За боевые заслуги».

Действия партизанского отряда «Буревестник» тесно увязывались с задачами, решаемыми Красной Армией. Например, в период подготовки Курской битвы летом 1943 года бойцы отряда активно участвовали в осуществлении операций «Рельсовая война» и «Концерт», разработанных центральным штабом партизанского движения. Разведывательно-диверсионные группы взрывали вражеские

эшелоны, железнодорожные станции, паровозы, ликвидировали немецкие полицейские участки, охранявшие железные дороги. В этих боях шестнадцатилетний разведчик «Слава», так меня называли товарищи по оружию, проявил себя как закаленный и смелый партизан.

В ответ на дерзкие операции партизан, фашисты развернули жестокие карательные операции в населенных пунктах, которые считались «партизанскими». В одной из таких операций погиб любимец отряда, боевой разведчик, комсомолец Гальченко Сергей. Его, тяжелораненого, схватили фашисты на окраине села Мазурово, зверски пытали, но не добились ни слова. Тело партизана было выставлено на всеобщее обозрение в районной фашистской комендатуре для устрашения. Однако, уже на второй день партизаны выкрали тело Сергея и тайком похоронили на сельском кладбище.

За юного партизана отряд отомстил фашистам. 24 января 1944 года в жестоком бою под селом Осиевка гитлеровцы не досчитались сотни своих солдат и офицеров. После освобождения Кривого Озера от фашистских оккупантов, тело Сергея Гальченко было перезахоронено в центральном сквере поселка. Хоронили всем отрядом, был дан последний салют. Со временем на этом месте был сооружен памятник боевому партизанскому разведчику, разбит парк отдыха. У подножия памятника цветут алые цветы – цветы Памяти.

Так как «Буревестник» своими дерзкими действиями наносил большой урон фашистским войскам и их тылам, гитлеровцы решили уничтожить отряд соединениями, снятыми с фронта. 29 февраля фашисты окружили отряд силами двух дивизий, имевшими в своем распоряжении артиллерию, танки, самолеты. Бой длился четверо суток. Партизаны уничтожили более тысячи гитлеровцев, захватили 10 пулеметов, 200 винтовок и автоматом, несколько десятков тысяч патронов, 20 автомашин. Смелым маневром, успеху которого способствовала четкая разведка, отряд вышел из окружения с минимальными потерями. С тех пор «Буревестник» вел почти ежедневные бои, в которых также нес невосполнимые потери.

5 марта 1944 года близ Головоневска разгорелся ожесточенный бой с отходящими частями гитлеровцев. В этом бою участвовала вся наша разведгруппа во главе с

начальником разведки отряда Туховым. Партизаны пошли в контратаку, но сильным огнем были прижаты к земле. Еще немного и контратака захлебнулась бы, и Тухов поднялся во весь рост и увлек за собой всех бойцов вперед на врага, но вражеская пуля сразила смелого разведчика. 5 марта близ села Синьки партизаны похоронили моряка-героя, своего партизанского разведчика Тухова Александра Борисовича.

После соединения партизанского отряда «Буревестник» с частями Красной Армии в марте 1944 года, по решению комсомольской организации, я был направлен бойцом истребительного отряда при Кривоозерском РО НКВД. Участвовал в поиске и уничтожении оставшихся в окружении фашистских групп, полицейских, изменников Родины, в охране государственных объектов и учреждений, в поддержании общественного порядка в районе. Однако, постоянно стремился попасть на фронт.

Уступив бесконечным просьбам, военкомат направляет меня в 14-й учебный стрелковый полк 22-й учебной дивизии Московского военного округа. Провожая меня на фронт, отец, вернувшись с фронта по инвалидности, дал мне наказ: «Я бил фашистов под Сталинградом, а ты, сынок, добей гадину в ее собственной берлоге». Я выполнил наказ отца.

После месячных учебных сборов, я в звании «сержант» был направлен на фронт в роту автоматчиков 400-го стрелкового Севастопольского полка 89-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта. В качестве командира отделения участвовал в освобождении Белоруссии, в Висло-Одерской операции и штурме Берлина.

Рота автоматчиков, которой командовал Герой Советского Союза капитан Багдасарян, из боя практически не выходила. Были перерывы на два-три дня для получения пополнения.

При освобождении концентрационного лагеря в районе города Калиш (Польша), мое отделение скрытно, под покровом ночи, проникло на территорию лагеря и внезапной атакой с тыла, вызвало панику среди охраны, чем воспользовались подразделения полка и с минимальными потерями освободили несколько тысяч узников лагеря. В этом бою я подбил несколько вражеских БТР и уничтожил более 10 гитлеровцев. За проявленную инициативу и решительные действия в бою был награжден орденом Красной Звезды.

В феврале 1945 года, на подходе к городу Франкфурт-на-Одере, рота столкнулась с автоколонной фашистов. Во встречном бою группировка врага была рассеяна. В ходе боя я уничтожил шесть фашистов и взял в плен немецкого майора с важными штабными документами. За этот бой я был награжден медалью «За отвагу».

В середине февраля 1945 года 400-й стрелковый полк в стремительном наступлении подошел к реке Одер, с ходу форсировал ее южнее Франкфурта-на-Одере и захватил небольшой плацдарм, перерезав железную дорогу, соединяющую город с Берлином. Рота автоматчиков заняла оборону на левом фланге, упирающегося в берег реки. Начались круглосуточные ожесточенные бои за удержание плацдарма. Немцы стремились во чтобы-то ни стало сбросить наши подразделения в реку, по которой начался ледоход. Артиллерийские и минометные обстрелы били круглосуточно. Особенно большие потери несла рота от снайперов, которые обосновались на господствующей высотке, с которой просматривалась вся наша оборона. Выбить снайперов огнем артиллерии не удалось. Тогда солдаты решились на смелый и рискованный шаг. Было решено зайти в тыл противника и уничтожить снайперов в их гнезде.

Во главе со мной сформировалась группа добровольцев в количестве семи человек. Под прикрытием ночи, по пояс в ледяной воде, обходя минные поля, вышли в тыл фашистов и забросали гранатами ДОТ и землянки противника. Было уничтожено до сорока фашистов, один офицер взят в плен. Отходить пришлось по кратчайшему пути - через минное поле. Отход прикрывали наши подразделения пулеметным огнем, но без потерь не обошлось. На мине подорвались двое бойцов, двое были ранены, в том числе и я получил ранение в ногу, но несмотря на это продолжал участвовать в последующих боях. За смелую и дерзкую боевую операцию ее участники были награждены боевыми наградами.

С 16 апреля по 2 мая 1945 года в составе штурмовой группы 89-й стрелковой дивизии 3-й Ударной армии участвовал в Берлинской операции и штурме Берлина. Перед штурмом Берлина, 22 апреля, на прикладе автомата написал заявление в партийную организацию роты: «Хочу штурмовать Берлин коммунистом». На партсобрании единогласно был

принят в КПСС и сразу же получил партийное поручение: первым подняться в атаку и водрузить красный флаг на уничтоженном фашистском ДОТе, личным примером воодушевлять бойцов на смелые и решительные действия в бою.

Бой за Берлин был страшным адом. Приходилось штурмом брать каждый дом, каждый этаж, драться за каждый квадратный метр. Иногда казалось, что в этом огненном водовороте царит хаос и неразбериха. Но штурмовые группы продвигались по намеченным для них направлениям, в сторону центра города: к Рейхстагу и Рейхсканцелярии Гитлера. В одном из кварталов солдаты среди развалин обнаружили подземный продовольственный склад и ухитрялись заползать в него для пополнения продовольствия. Брали консервы, сухари и… свежие яблоки. Поедая трофеи, солдаты увидели среди завалов детские головки. Это были голодные дети берлинских жителей, которые прятались в подвалах и метро. Голод заставил детишек преодолеть страх и выползти наружу в поисках пищи. Я приказал собрать все яблоки, хлеб, консервы и отдать их немецким ребятишкам. Тяжело было смотреть, как набросились на еду голодные дети. Возможно, в это время отцы этих детей стреляли в наших солдат, но советские воины не могли мстить детям за преступления их родителей. Так были воспитаны советские воины.

Шаг за шагом, квартал за кварталом бойцы продвигались к рейхстагу, преодолевая упорное сопровождение войск СС. Подразделения несли большие потери, из отделения до рейхстага дошли только трое. 1 мая 1945 года я на обгорелых колоннах рейхстага написал: «СТАЛИНГРАД–БЕРЛИН–БИТЯНОВЫ», выполнив наказ отца.

2 мая, уже после падения Рейхстага, при ликвидации остатков подразделений СС, охраняющих Рейхсканцелярию Гитлера, взрывом гранаты я был тяжело ранен в живот и контужен. После излечения в медроте полка, продолжал службу в своей роте помощником командира взвода. Встречался на реке Эльба с американцами, нес патрульную службу в Берлине. В сентябре 1945 года участвовал в параде советских и союзнических войск у Бранденбурских ворот, который принимал маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

За время войны я был трижды ранен, контужен. Награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями: «Партизану Отечественной войны» I-й степени, «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», пятью благодарностями Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

В октябре 1945 года 89-я стрелковая дивизия была передислоцирована в Закавказский военный округ, и ее части заняли пограничные регионы на территории Армении. Я в звании сержанта, а затем и старшины, был назначен на должность командира взвода Отдельного отряда специального назначения, выполняющего специальные задачи на советско-турецкой и иранской границах. За пять лет службы в отряде прошел пешком по горным тропам, проехал на мотоцикле по приграничным дорогам тысячи километров от Черного до Каспийского моря. Неоднократно вступал в вооруженные стычки с нарушителями границы, с бандитами и контрабандистами, с курдскими боевиками.

В 1951 году мне было присвоено первичное воинское офицерское звание «младший лейтенант». Я прослужил на границе почти 25 лет, пройдя все ступени армейской службы от старшего сержанта - помощника командира взвода до подполковника – начальника политического отдела соединения. За это время без отрыва от службы сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости, за полный курс Тбилисского горно-артиллерийского училища, заочно закончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина.

За успешное выполнение заданий по охране и обороне государственной границы СССР был награжден орденом Красной Звезды, Почетной Грамотой Верховного Совета Армянской ССР, ценными подарками Правительства Армении и Министра Обороны СССР, знаком «Отличный пограничник». Приказом Министра Обороны СССР мне досрочно было присвоено воинское звание подполковника

В 1969 году я был назначен на преподавательскую работу в Военно- политическую академию имени В.И. Ленина. В качестве преподавателя, председателя предметно-методической комиссии военно-педагогического и

специального факультетов активно работал по подготовке руководящих военных кадров для Советских Вооруженных Сил и стран Варшавского Договора. Защитил кандидатскую диссертацию, позже удостоен звания «доцента». В течение пяти лет являлся членом специфицированного Ученого совета по присвоению докторских и кандидатских диссертаций в области военной педагогики и психологии. В качестве научного руководителя подготовил 10 кандидатов исторических наук, в том числе, троих для кубинских и чехословацких вооруженных сил. За заслуги в области подготовки военных кадров я был награжден военными наградами ГДР, ЧССР, Монголии, Кубы.

Научно-исследовательскую работу сочетал с педагогической деятельностью. Являюсь автором и соавтором многочисленных монографий, учебных и методических пособий. Общий объем моих научных публикаций составляет около ста печатных листов, в том числе сорок на иностранных языках.

В 1978-1982 годах я выполнял интернациональный долг в качестве венного советника Центрального политического управления Революционных Вооруженных сил Кубы. Оказывал большую помощь военно-политическому руководству Кубы в повышении боевой готовности РВС и подготовке военных кадров. По моим учебным пособиям обучались проблемам партийно-политической работы слушатели и курсанты всех военно-учебных заведений Кубы.

За умелое и эффективное выполнение интернационального долга и укрепление советско-кубинской дружбы Советское Правительство наградило меня орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», Кубинское Правительство наградило «Почетной Грамотой» и медалью «Воин-интернационалист», Министр обороны СССР – «Почетной Грамотой».

В 1985 году уволен в запас по выслуге лет. После увольнения пять лет работал заведующим кафедрой Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников в области стандартизации и метрологии. В 1990 году ушел на пенсию. Инвалид Отечественной войны 2-й группы.

Женат, имею троих детей, четверо внуков. Жена – Битянова Вера Демьяновна, имея высшее образование и два диплома с «отличием», выйдя за меня замуж, вместе со мной «кочевала» по воинским гарнизонам, растила и воспитывала детей, делила все тяготы и лишения воинской службы и быта. Она была и остается надежной боевой подругой, настоящей офицерской женой. Благодаря ее помощи и заботам, я сумел реализовать свои возможности и способности в военном деле и расти по службе. В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов она работала в колхозе, выполняла трудовую норму взрослых на полевых работах. Является ветераном войны и труда, инвалид 2-й группы. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 года» и «Ветеран труда».

Находясь на пенсии, я принимаю активное участие в общественной работе по патриотическому воспитанию молодежи. Регулярно выступаю перед школьниками на патриотические темы. Являюсь заместителем председателя президиума Межрегионального союза юных участников Великой Отечественной Войны 1941-1945 годов, членом Московского совета бывших партизан.

Участник юбилейных Парадов Победы в Москве в 1995 и 2005 годах.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Агеев Артем Викторович**, учащийся Колледжа предпринимательства №11 г. Москвы*

Борзенков Иван Степанович

Спрыгнул с эшелона с товарищами

Я родился 25 марта 1917 года в селе Ищеино Красненского района Липецкой области в бедной крестьянской семье инвалида Первой Мировой войны, награжденного Серебряным крестом 2-й степени за заслуги в войне. Отец инвалид, без руки, а в семье было, кроме меня, еще четверо девочек. Жили в очень бедных условиях – голод, холод, кое в чем одетых селянами. Мать умерла в 1922 году. В данное время из родственников никого не имею.

До мая 1933 г. учился сначала в сельской школе Ищеино Красненского района Липецкой области, а потом в школе колхозной молодежи (на базе 7 классов) до мая 1934 г.

После окончания школы райкомом комсомола был направлен на работу в районную газету «Красненская правда» в качестве сельского корреспондента. С организацией политотдела МТС был переведен в газету политотдела Красненской МТС, так как в это время шла организация политических отделов машинно-тракторных станций, на должность секретаря газеты.

В декабре 1934 г. по направлению комсомола добровольно вступил в ряды Красной Армии и был направлен на работу в кавалерийский дивизион СССР (Москва-Хамовники), где учился и занимался подготовкой кавалеристов.

5 июня 1938 г. окончил кавалерийское училище и был направлен для службы в должности командира взвода в Донской казачий полк 4-й кавалерийской дивизии (кавдивизии) в г. Слуцк.

С этим полком в должности командира взвода я начал служить в Красной Армии.

В этом полку впервые участвовал в боях за г. Ломжа (Польша), служа в качестве командира взвода, за что был награжден медалью «За боевые заслуги».

15 октября 1939 г. Донской казачий полк был преобразован в 8-й кавалерийский полк 4-й кавдивизии, где я продолжал службу в должности помощника командира эскадрона.

10 апреля 1941 г. 8-й кавалерийский полк (кавполк) переформирован в 644-й мотострелковый полк (МСП), а буквально перед войной полк переформирован в 20-ю механизированную дивизию, где продолжал служить в должности командира разведроты, воевал с фашистско-немецкими войсками.

При переформировании в 20-ю механизированную дивизию вооружения мы не получили и личный состав двинулся в направлении - Смоленск.

15 сентября 1941 г. при выходе из окружения в направлении Смоленск (при безвыходном положении), попал в плен с большой группой солдат. После соответствующего избиения, издевательств, немцы, погрузив нас в эшелоны, открытые вагоны, двинулись на запад в тыл, к себе. Во время движения, к вечеру, спрыгнул с эшелона с товарищами, и мы двинулись в направлении Смоленска.

15 ноября 1941 г. присоединились к частям Красной Армии. После этого были направлены я и другие солдаты в лагеря НКВД (Трегуляево-Тамбов), где проходили соответствующую проверку. После проверки был направлен в Ковров, в Запасной кавполк, где занимал должность командира роты 87-го кавполка МВО.

В составе кавполка влились в 4-й кавалерийский корпус (кавкорпус), где и продолжал службу в должности офицера связи. Впоследствии 4-й кавкорпус реорганизован в 7-й гвардейский корпус, где продолжал служить в должности

офицера связи, а в последствии помощником начальника оперативного отдела штаба корпуса.

Воевал в составе 1-го, 2-го и 4-го Белорусских фронтов. Участвовал в форсировании рек, проходивших через указанные фронты.

Освобождал город и крепость Денблин, Варшаву, Лодзь, Калиш, Берлин с выходом на р. Одер и другие небольшие города в звании от лейтенанта до майора, включительно. Звание полковника присвоено 19 августа 1957 г. приказом Министра обороны СССР.

Тяжелых ранений не имею, кроме нескольких травм и царапин, полученных в рукопашной схватке с немцами во время взятия села. Лечение проходил в дивизионном медсанбате.

Награжден:

- орденом Отечественной войны II-й степени (№ 37865);
- орденом Отечественной войны 1-й степени (№ 96245);
- орденом Красного Знамени (№ 118662);
- орденом Красного Знамени (№ 182034)
- орденом Красного Знамени (№ 243624);
- орденом Отечественной войны 1-ой степени (№ 96245);
- орденом Красной Звезды (№ 9882122);
- медалью «За боевые заслуги» и другими медалями за взятие городов;
- польской медалью «За боевые заслуги» за форсирование р. Вислы и освобождения г. Варшавы;

В войну погибли два двоюродных брата. Осталось три сестры, две из которых умерли, а младшая сестра жила в Москве.

После увольнения из рядов Советской Армии по болезни «пункт Б» (18 апреля 1954 г.), после отдыха, приказом Министра Обороны СССР (приказ № 01927 от 19 августа 1957 г.) был назначен старшим тактическим руководителем группы первой кафедры оперативно-тактической подготовки Военной академии им. Фрунзе.

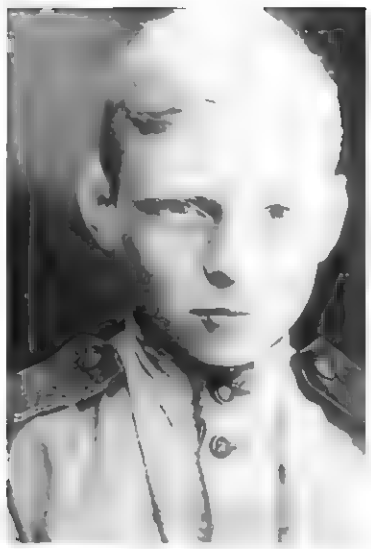
Работая ст. преподавателем в Военной академии им. М.В. Фрунзе, занимался научной работой: был одним из разработчиков учебника «Методика тактической подготовки курсантов военных училищ». Начата работа (но с увольнением прекращена) по подготовке учебника «Общая тактика».

Разработаны под личным руководством «Правила пожарной безопасности для организаций и учреждений академии», издавались и через три года переиздавались как второе издание, дополненное, также для всех учреждений, предприятий и объектов страны.

Имею 15 благодарностей (письменных, подписанных командующими фронтов).

Январь 2004 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Коноплева Елена Васильевна,*** *студентка 2-го курса профессионального училища №5 г. Москвы*



Борис Николай Дмитриевич

Меня взяли в роту связи сыном полка

Родился 3 апреля 1930 года в Ленинграде, русский, член КПСС с 1957 по 1989 год, в настоящее время беспартийный, христианин.

В 1941 году, перед самым началом войны, я закончил 3 класса.

О начале войны я узнал от своего отца, он был военным и служил начальником связи 872-го штурмового авиационного полка. Мы в то время были на Севере, на Ладожском озере, в городе Сортавале.

Отца звали Борис Дмитрий Евгеньевич, родился он в 1904 году. Мать, Борис Анна Николаевна, родилась в 1904 году, была медсестрой. Мать была военнообязанной, и её отправили в военный госпиталь. Во время войны я с ней не виделся. Еще у меня был брат, Борис Владимир Дмитриевич, он погиб в первые дни войны под Смоленском.

Я остался один с бабушкой, меня должны были отправить с ней в тыл. Но пока отец решал отправлять меня с бабушкой или нет, она уже уехала. И тогда, уже в феврале 1942 года, меня взяли в роту связи сыном полка, я был воспитанником-телефонистом в составе 119-й отдельной роты связи 281-й штурмовой авиационной Новгородской дивизии 14-й

воздушной армии Волховского фронта. Мы с отцом были в одной армии, но с ним почти не виделись. Только к концу войну мы были в одной дивизии (отец был в полку, а я - в дивизии).

Участвовал в обороне Ленинграда (1942 год), в прорыве Ленинградской блокады (январь 1943 года), снятии блокады (январь 1944 года), освобождении Ленинградской области (1944 год), в боях за Новгород в 1944 году (за освобождение которого дивизия и получила наименование Новгородская). Когда мы вошли в Новгород, он был весь разрушен, в дыму, пыли и гари. Нас разместили в церкви, в каком-то монастыре. Участвовал в освобождении Пскова (1944 год), Гдова (1944 год), Тарту (1944 год), Таллина (1944 год), Нарвы (1944 год).

Моя служба в действующей армии закончилась, когда в августе 1944 года из-под Гдова я был отправлен на учебу в город Ленинград. В 1950 году я окончил Киевское артиллерийское подготовительное училище и был направлен в Сумское артиллерийское училище, которое окончил в 1952 году. Служил в вооруженных силах с 1947 года по 1979 год. В настоящее время полковник в отставке, ответственный секретарь Московского отделения Межрегионального союза юных участников войны.

Когда я вернулся с фронта, наград, к сожалению, у меня не было. Свою первую награду получил только через два года после того, как был отправлен на учебу. В Эстонии 5 марта 1946 года в городе Тарту горвоенком вручил мне медаль “За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 годов”. Вторую награду - медаль “За оборону Ленинграда” вручили мне 16 января 1948 года, когда я находился в Киевском училище.

Таких как я, юных участников войны, было более 300000 человек и многих из них не отметили наградами во время войны и долгое время после. А 20 июня 1958 года в период службы в Румынии мне вручили медаль “За освобождение Румынии от фашистского ига”. Но в 1985 году было принято решение, чтобы всех кто был на фронте и не был отмечен, наградить орденом Отечественной войны 2-й степени.

Также у меня имеются другие награды: орден Архангела Михаила (вручил Меренков), медаль “За воинскую доблесть”, медаль “20 лет Победы в ВОВ”, медаль “30 лет Победы в ВОВ”, медаль “40 лет Победы в ВОВ”, медаль “50 лет Победы

в ВОВ", медаль "60 лет Победы в ВОВ", медаль "Маршала Жукова", медаль "Ветеран Вооруженных сил", медаль "40 лет Вооруженным силам СССР", медаль "50 лет Вооруженным силам СССР", медаль "60 лет Вооруженным силам СССР", медаль "70 лет Вооруженным силам СССР", медаль "250 лет Ленинграду", медаль "300 лет Санкт-Петербургу", медаль "850 лет Москве", медаль "60 лет снятию блокады", медаль "За безупречную службу" I степени, медаль "За безупречную службу" II степени, медаль "За безупречную службу" 3-й степени.

Подвигов я не совершал, но горжусь тем, что, еще будучи пионером, в 12 лет уже был на фронте, где я заменял взрослых мужчин, которые в это время занимались более тяжелым делом. Меня ставили в пример, мол, смотри, как усердно работает. Я был счастлив, что нахожусь так близко к фронту и приношу пользу Родине. Во время войны вступил в комсомол.

На фронте ко мне относились как к ребенку, кем я и являлся. Старшие товарищи всегда заботились обо мне. Девчонки спрашивали меня, не надо ли мне что-нибудь постирать или подшить. Постоянно подкармливали, давали лишний кусочек хлеба. По ночам ребята не давали мне дежурить, отправляли спать. А днем, когда боевая работа, я работал. Всегда и ото всех я получал только заботу, от рядовых и командиров. Когда спали в холоде, меня всегда прикрывали шинелью. В дивизии я был один такой маленький. Я сам даже удивился, узнав об этом. Во время войны, на своём боевом пути, я не встречал таких же ребят.

Один раз, в начале 1944 года, когда мы перебазировались, встретили штрафную роту. Была плохая погода. Мы ехали в кузове грузовика, укутавшись в шинели от холода. Винтовки стояли у борта машины, и ещё был у нас какой-то немецкий автомат. Один из штрафников взял и поменял свою винтовку на автомат. Кто-то из наших начал возмущаться, говорить, чтоб вернул автомат обратно, но их командир сразу сказал, что лучше б ему успокоиться и не трогать штрафников, а то хуже будет. Вот так мне представилась рота штрафников.

После войны, в училище, было много юных участников войны. На протяжении всех лет, сколько я служил в армии, к таким ребятам относились особо, потому что понимали, что они прошли эту суровую "школу" войны.

Ветераны и сегодня в строю – они ведут большую воспитательную работу среди молодёжи, передают свой богатый опыт новому поколению связистов. И большую работу ведет наш Межрегиональный союз юных участников войны...

Конечно, я мало кого знал из тех, кто со мной проходил боевой путь 14-й армии. Но до сегодняшнего дня я не могу забыть многих своих товарищей. Я хочу рассказать вам об одном из самых ярких замечательных людей того времени. Звали его Николай Афанасьев, он был летчиком-штурмовиком. Николай мужественно сражался с врагом в течение 1,5 лет. Однажды его самолет упал в тылу врага, километров за 30 от линии фронта, и он вынес стрелка-радиста на себе, перешел линию фронта и передал его в медсанчасть, а сам вернулся в полк. Но воевать ему сразу не дали, долго проверяли, ему приходилось доказывать, что он предан Родине и хочет воевать против фашистов. Николай добился своего и вновь сел за штурвал самолета. Жизнь его оборвалась в августе 1944 года - свой последний боевой вылет Николай Афанасьев совершил в Эстонии в городе Пярну, где его похоронили и поставили памятник. Но сейчас в Эстонии выкорчевывают все памятники, и мы не знаем где его могила и где его памятник.

На сегодняшний день из 448-го штурмового авиаполка (ШАП) остался один человек, кроме меня, бывший воздушный стрелок Столяров Федор Александрович. После того, как мы расстались, встретились с ним только лет через 20-25, после окончания войны в Москве. Его наградили двумя орденами Отечественной войны, орденом Славы 3-й степени и многими другими орденами. Он лично уничтожил 3 самолёта противника, не считая тех, которые уничтожались в групповых операциях. С ним мы встречаемся в День Победы, вспоминаем о наших товарищах, с которыми воевали плечом к плечу за Родину.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Прунцов Егор Александрович*** *студент 1-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Будник Сергей Сергеевич

Форсирование Вислы в районе Аннополя было отвлекающим маневром

Я родился 12 января 1921 года в городе Новозыбкове Брянской области. С 1932 года проживаю в Москве.

В семье моих родителей было шестеро детей: пять сыновей и одна дочь. Своей малой родиной считаю район Серебряного бора и Хорошевское шоссе, где наша семья проживала до начала войны, и где я учился в школе с третьего по десятый класс.

В 1939 году окончил 148-ю среднюю школу, поступил в институт и мечтал стать инженером. Однако, в октябре этого же года, в связи с отменой отсрочки от воинской службы для лиц со средним образованием, был призван в армию. 6 октября 1939 года со сборного пункта нас, 250 человек, погрузили в воинский эшелон и направили служить на Дальний Восток. Сначала нас определили в кавалерийскую дивизию, которая дислоцировалась на станции Даурия в Забайкальском военном округе. Однако к концу года всех нас перевели в специальный инженерный батальон и направили на строительство укрепрайона на стыке границ Манчжурии (захваченной Японией) и Монгольской народной республики в районе станции Мациевская (ныне город Забайкальск). Перед началом

работ получили подготовку строительных рабочих, бетонщиков, подрывников, а часть – шоферов. Во время подготовки мне было присвоено звание младшего командира.

Конец 1939 года, 1940 год и начало 1941 года мы занимались строительством долговременных огневых укреплений и одновременно проходили воинскую подготовку по специальностям саперов, минеров, подрывников и понтонеров.

О начале войны я узнал от командования нашего батальона 22 июня в шесть часов вечера прямо на строительстве объекта. Командование эти сведения получило из сообщений по радио. В это время я работал в звании младшего командира помощником командира взвода.

С началом войны по приказу командования Забайкальского военного округа работы по строительству укрепрайона стали вестись более интенсивными методами. Для усиления строительства объектов в этот район были направлены новые инженерный части и несколько полков стрелковых дивизий. Рабочий день длился 10-12 часов.

При первом налете немецких бомбардировщиков на Москву, 22 июля 1941 года, дом на Хорошевском шоссе, где жила наша семья, был сожжен, а моих родителей и сестру эвакуировали на Урал, где они пробыли до середины 1943 года. С началом войны мои четыре брата, которые находились в Москве, были призваны в армию и сразу отправлены на фронт. Об этих событиях я узнал гораздо позже, так как с началом войны переписка с родными прервалась и восстановилась значительно позже.

Мы с тревогой в Забайкалье следили за ходом боев на фронте.

С декабря 1941 года, когда немец подошел к Москве, мы, солдаты-москвичи, стали писать рапорты об отправке нас на фронт, и на все рапорты получали отказ со ссылкой на угрозу войны с Японией. Вместо нас на защиту Москвы ушли сибирские дивизии и некоторые соединения Забайкальского военного округа. Между прочим, и та кавалерийская дивизия, в которую нас определили поначалу службы в армии, тоже была переброшена под Москву.

С разгромом немцев под Москвой изменилась обстановка и у нас. Командование объяснило это тем, что после разгрома

немцев под Москвой и началом войны США с Японией угроза нападения Японии на СССР ослабла.

В начале 1942 года командование батальона объявило, что все солдаты и младшие командиры со средним образованием направляются на учебу в военные училища. Я с группой моих товарищей из шестнадцати человек был направлен в Черниговское военно-инженерное училище, которое в это время находилось в Иркутске.

В училище меня определили в конно-саперный дивизион (этому послужило начало моей срочной службы в армии в кавалерийской дивизии).

В училище, в связи с введением новых воинских званий, мне было присвоено звание старшего сержанта, и я был назначен помощником командира взвода курсантов. В конце 1942 года мне досрочно было присвоено звание лейтенанта, и я был назначен командиром курсантского кавалерийского взвода. Если говорить откровенно, то досрочное присвоение офицерского звания и назначение командиром курсантского взвода меня не обрадовало, так как это оттягивало отправление на фронт.

Однако, в начале 1943 года, перед самым окончанием годичного срока обучения курсантов, училище было расформировано, и весь курсантский состав (четыре саперных батальона и один конно-саперный дивизион) эшелонами был направлен в распоряжение командования воздушно-десантных войск под Москву.

Весь офицерский состав училища, в том числе и я, был оставлен в распоряжении инженерных войск Забайкальского фронта (так был переименован Забайкальский военный округ).

В мае 1943 года из Иркутска я был направлен в Москву в управление кадров инженерных войск, где получил назначение командиром штурмового взвода в 16-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду РГК (ШИСБр) резерва Верховного Главнокомандования (РГК), которая находилась на формировании в Подмосковье (г.г. Домодедово и Загорск). Бригада формировалась как моторизированные соединения для заключительных наступательных операций. Формирование осуществлялось под непосредственным руководством командования инженерных войск Красной Армии. Подготовка личного состава проходила интенсивно.

Учения следовали за учениями, с фактическими штурмами укрепленных районов, форсированием настоящих рек и строительством понтонных и мостовых переправ.

Бригада состояла из пяти инженерно–штурмовых батальонов, отдельной роты разведки, отдельного батальона связи, отдельной роты собак-миноискателей и отдельного легкопереправочного парка. Все складное имущество парка располагалось на 35 тракторных машинах ЗИС-5 и предназначалось для строительства понтонного моста длиною 60 метров для переправы груженых трехтонных автомашин, легкой артиллерии и гужевого транспорта, а также для десантной переправы на понтонах стрелковых частей.

Командуя штурмовым взводом, я принимал участие и в учениях по форсированию рек. На одном из таких учений, на котором мой взвод умело осуществил понтонную переправу через реку (канал Москва-Волга), командование обратило на это внимание, и примерно в сентябре-октябре 1943 года я был назначен на должность командира 87-го отдельного легкопереправочного парка (ОЛПП) 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады (ШИСБр).

К марту 1944 года формирование и обучение бригады было закончено.

8 марта 1944 года из Загорска вся бригада эшелонами была направлена на 1-й Украинский фронт. Разгружались на ст. Шепетовка и сразу включились частью бригады в боевые действия в Проскуровской операции, а частью - в Дубно-Ровенской операции.

В этих операциях мой 87-й ОЛПП находился в резерве с задачей готовиться к форсированию реки Западный Буг, которая определяла тогда западную границу СССР. Проскуровская и Дубно-Ровенская операции проходили с трудными боями и усугублялись весенним бездорожьем черноземных западно-украинских земель. Здесь же мы со своим парком впервые встретились с отрядами западно-украинских бандеровцев, с которыми не раз приходилось вступать в бой.

Но если говорить военным языком, то после окончания Проскуровской и Дубно-Ровенской операций, на нашем направлении, где я находился со своим 87-м ОЛПП, военные действия характеризовались «боями местного значения», так

как главная группировка войск 1-го Украинского фронта усиленно пополнялась войсками, готовясь к Львовско-Сандомирской операции 1944 года.

В первых числах июля 1944 года началась Сандомирско-Висленская операция 1-го Украинского фронта.

Я со своим подразделением получил приказ навести понтонно-мостовую переправу через р. Западный Буг в районе г. Сокаль. Отдавая приказ, командир бригады полковник Кордюков особо подчеркнул, что форсирование Западного Буга в районе г. Сокаль означало переход западной границы СССР, что приводило к освобождению в этом районе территории нашего советского государства от немецких захватчиков.

Кроме понтонного моста, другие подразделения бригады получили приказы строить тяжелые мостовые переправы для пропуска танковых подразделений. С наступлением рассвета немецкая авиация обнаружила места строительства переправ и начала усиленную методическую бомбардировку этого района, что срывало наши попытки навести хотя бы одну из тяжелых переправ.

Выбирая место для моей понтонной переправы, я остановился на участке вблизи взорванного железнодорожного моста, фермы которого нависли над рекой. Эти нависшие фермы закрывали наведенный нами понтонный мост от немецкой авиации. В этой обстановке из четырех запланированных мостов к утру действующим остался только мой легкий понтонный. Он интенсивно работал - мы переправляли через него трехтонные грузовики, гужевой транспорт и легкую артиллерию стрелкового корпуса. Тяжелую технику, а тем более танки, мы переправляли, как могли.

Примерно к полудню к переправе приехал командир стрелкового корпуса (фамилию его я не помню) и приказал мне немедленно переправить на правый берег бригаду тяжелой артиллерии (тяжелая пушка тянулась гусеничным трактором). Этого приказа я выполнить не мог и объяснил командиру корпуса почему. Как сейчас помню, его горящие глаза, прямо смотрящие на меня, и то ли приказ, то ли мольбу, когда он, взяв меня за плечо, говорил: «Лейтенант, ты понимаешь, что мои передовые части еще ночью

переправились на подручных средствах на тот берег и уже шесть часов ведут бои, несут огромные потери, их надо поддержать, а сделать это может лишь тяжелая артиллерия. И она должна быть на том берегу. Делай, что хочешь, но пушки должны быть на том берегу».

Я понимал командира корпуса, но как помочь ему - не знал. В этот свой первый настоящий бой я не мог так просто сослаться на устав и запретить переправу тяжелой техники, хотя прекрасно понимал, что, как только она взойдет на мост, понтоны потонут, и мост будет уничтожен. Помог нам один из моих командиров взвода, который присутствовал при разговоре с командиром корпуса. Он предложил попробовать пропустить по мосту трактор без пушки, а саму пушку тянуть руками артиллеристов и саперов.

Не буду больше рассказывать подробности. Скажу лишь, что опыт удался: понтоны выдержали, и мы начали, хотя и медленно, переправлять тяжелую артиллерию на правый берег. Когда последний трактор и последняя пушка были переправлены, командир корпуса подозвал меня, поблагодарил и сказал, что теперь он сам переправляется на тот берег. Он пошел по мосту пешком, потому что его джип уже был на другой стороне. На середине моста генерал вдруг подозвал к себе адъютанта и приказал ему выдать мне орден Красной Звезды со всеми необходимыми документами. А мне сказал: «Лейтенант, это тебе за мужество, смелость и смекалку».

Так на первой своей переправе я получил свой первый орден. Этот орден для меня дороже других, которые я получал позже.

Я так подробно описал этот эпизод, ибо он особенно врезался мне в память. И поэтому я умышленно отошел от тех рекомендаций, которые давались мне для написания этих записок. Далее буду стараться писать кратко, следуя предложенному мне плану.

После форсирования Западного Буга нам было дано задание на форсирование р. Висла.

Уже в первых числах августа 1944 года я с парком вышел на заданный рубеж на реке Висла в районе города Аннополь. Задача – переправлять на понтонах передовые части стрелкового корпуса и одновременно строить пешеходную

переправу. До 15 августа мы пытались это сделать. Но, к сожалению, форсировать здесь Вислу не удалось. За эти 12-14 дней я потерял всю материальную часть ОЛПП, большую часть автомашин, а из трех взводов приданного штурмового батальона в строю осталось лишь 16 человек – остальные были убиты или ранены.

15 августа я получил приказ прекратить форсирование и вывести часть в район Сандомира, где наши другие штурмовые батальоны и полевые войска сумели захватить плацдарм. Как выяснилось позже, форсирование Вислы в районе Аннополя было отвлекающим маневром, который позволил южнее захватить несколько плацдармов, которые впоследствии стали называться Сандомирскими плацдармами, с которых началась Силезско-Одерская операция, закончившаяся маршем на Берлин.

На Сандомирском плацдарме мы простояли до 12 января 1945 года. Надо сказать, что после разгрома имущества ОЛПП я, фактически, остался без подразделения и первое время был прикомандирован к штабу бригады. Но буквально через несколько недель командир бригады принял решение создать внештатную учебную роту для подготовки сержантского состава. Это было вызвано тем, что в боях за Вислу наиболее значительные потери понес сержантский состав.

С назначением меня командиром учебной роты за мной оставались также и обязанности командира ОЛПП, тем более, что через некоторое время была прислана полностью укомплектованная вся материальная часть парка, оборудованная на американских машинах «студебеккер» и «форд».

12 января 1945 года мы начали прорыв немецкой обороны с Сандомирского плацдарма, и с этого же дня пошли в непрерывное наступление. В этом наступлении я вместе со своей учебной ротой участвовал в боях за города Ченстохов, Глейвиц, Баутен, Гинденбург (Северная Силезия). В это время мы пересекли границу Германии в районе деревни Грозен.

Потом было форсирование Одера, Нейсе и даже р. Шпрее (в двухстах километрах южнее Берлина).

После форсирования (форсирование Шпрее назвать нельзя, так как ширина ее была 10-12 метров, и наши танки с ходу ее преодолевали) Шпрее наступление было

приостановлено. Нам был дан приказ изменить направление и, вместо раннее намеченного района Дрездена, развернуться на 90 градусов и повернуть на Берлин, который находился от нас в двухстах километрах. Это было 11 апреля 1945 года. Я со своей учебной частью был передан одной из танковых бригад 3-й танковой армии маршала Рыбалко.

Начался беспрерывный танковый рейд по тылам немецких войск, и 21 апреля мы вышли к пригородам Берлина. 24 апреля наша танковая бригада подошла к Берлину в районе Тельтов-канала.

Форсировать канал не пришлось, так как наши танкисты сумели захватить заминированный мост, а мои бойцы учебной роты в несколько минут его разминировали, и путь в центр Берлина нам был открыт.

С 24 апреля по 1 мая я со своей учебной ротой вел уличные бои в Берлине. Следует сказать, что ожесточенное сопротивление немцев и уход танковой бригады в другое направление создавали для нас очень трудное положение. Но, к счастью, потерь в боях за Берлин в моей роте было не так много, как, например, при форсировании Вислы в районе г. Аннополь.

2 мая Берлин пал. Мы уже праздновали победу. Наша рота действовала не в направлении на Рейхстаг. И поэтому, когда Берлин капитулировал, нам всем захотелось побывать около Рейхстага – этого символа нашей победы. На машинах мы подъехали к Рейхстагу, осмотрели его, как и все другие, оставили свои росписи на его стенах и вернулись в расположение штаба бригады. У всех была уверенность, что война закончилась. Но утром 3 мая 1945 года бригада была поднята по тревоге, придана 3-й танковой армии Рыбалко и получила приказ вместе с танковой армией прорваться из Берлина к Праге, где восставшие чехи просили нашей помощи.

Утром 9 мая 1945 года вместе с передовыми танками мы вошли в Прагу. Там пробыли до вечера, когда получили приказ выйти из города в северном направлении, потому что к этому времени в Прагу пришли войска 4-го Украинского фронта, которым и было поручено освободить Прагу.

Заканчивая описание своего боевого пути, хочу сказать, что так получилось, что День Победы лично я отмечал четыре раза. Первый раз я отмечал его в Берлине 2 мая, второй раз –

на марше из Берлина в Прагу, когда мы узнали, что наши западные союзники подписали 8 мая акт о капитуляции немцев, третий раз – когда по радио узнали, что в Москве 9 мая объявили Днем Победы. Что касается четвертого раза, то это было 11 мая 1945 года, когда в этот день нас, празднующих победу, подняли по боевой тревоге и бросили на уничтожение немецкой группировки генерала Шернера, которая не признала акта капитуляции. Группировка эта была буквально стерта с лица земли, потому что на ее уничтожение была брошена вся фронтовая артиллерия и авиация. А нам, танкистам и саперам, делать было нечего. В этом последнем бою наши части, в том числе и моя учебная рота, не понесли ни одной потери - ни в людях, ни в технике.

Таким образом, военные действия я закончил в деревне Катовице (район севернее Праги) на воинской должности командира 87-го отдельного легкопереправочного парка и одновременно командира внештатной учебной роты 16-й штурмовой инженерно-саперной Рава-Русской орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды, бригады РГК в звании старшего лейтенанта под командованием командира бригады полковника Кордюкова.

Во время боевых действий ранений не имел и лишь один раз получил контузию.

В двадцатых числах мая 1945 года нашу бригаду перебросили из-под Праги в район Дрездена на Эльбу (город Стрела).

В сентябре 1945 года бригада была передислоцирована в Центральную Группу Войск (ЦГВ) в Австрию под Вену в г. Андре Верден. Здесь мы пробыли весь 1945 год и почти до конца 1946 года.

Первая демобилизация из бригады началась лишь в апреле 1946 года. Первыми были демобилизованы солдаты, сержанты и офицеры старших возрастов. Потом демобилизация по каким-то причинам застопорилась, и бригада вернулась к обычной боевой подготовке.

В мае 1946 года бригаду перебросили в Чехословакию, рассредоточив все ее части по городам от северной до южной границы Чехословакии, с задачей обеспечить переход крупной группы войск ЦГВ в Германию. Эта операция длилась

пятнадцать дней, и только после этого мы вернулись к своему постоянному месту дислокации - в Австрию.

С июня 1946 года началась плановая демобилизация бригады. Молодые офицеры, имевшие военное образование (окончившие военные училища) демобилизации не подлежали.

В частности мне присвоили звание капитана и назначили помощником начальника штаба бригады по строевой части. Я обратился с просьбой к командованию бригады о демобилизации, но мне в этом было отказано. Мне сказали, что я буду направлен в военную академию и останусь служить в армии.

Но мое желание было вернуться в Москву, откуда я ушел в армию и на фронт семь лет назад. Я хотел вернуться к гражданской жизни и продолжить учебу в институте. К этому были еще и причины сугубо личного характера. Командир бригады, полковник Кордюков (тоже москвич) чисто по-человечески понял меня и упросил командующего инженерными войсками ЦГВ генерал-лейтенанта Галицкого удовлетворить мою просьбу. Благодаря этому в октябре 1946 года я был демобилизован и пассажирским поездом Вена-Москва к празднику 7 ноября прибыл в Москву.

За время войны и последующей своей деятельности (о чем скажу ниже) я был награжден шестью орденами и 29-ю медалями СССР и РФ, а также двумя медалями Польши и одной медалью Чехословакии.

Первый орден Красной Звезды получил за успешное форсирование р. Западный Буг в районе г. Сокаль в июле 1944 года. (№ 567966, орденская книжка А № 249768. Выдан 30 ноября 1946 года в Москве).

Орден Красной Звезды № 720882 получил за форсирование Вислы в районе г. Аннополь в сентябре 1944 года (орденская книжка А № 249768, выдан 30 ноября 1946 года в Москве).

Орден Отечественной войны 2-ой степени № 474194 получил за участие в боях за Берлин в июне 1944 года (орденская книжка А № 249768. выдан 30 ноября 1946 года в Москве).

Орден Трудового Красного Знамени № 690518 получил за выполнение специальных заданий за рубежом страны в

октябре 1971года (орденская книжка Ж № 850894, выдан 22 октября 1971 года в Москве).

Орден Красной Звезды № 3704953 получил за выполнение специальных заданий за рубежом страны в декабре 1972 года (орденская книжка Ж № 519925, выдан в декабре 1972 года в Москве).

Орден Отечественной войны 2-й степени № 4423483 получил за храбрость, стойкость и мужество в Отечественной войне в ознаменование 40-летия победы в Великой Отечественной войне (орденская книжка Б № 572073, выдан в мае 1985 года в Москве).

Из 29-ти медалей, которыми я награжден, для меня особое значение имеют медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.»; медаль «За взятие Берлина»; медаль «За освобождение Праги»; медаль Жукова и медаль «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Кроме этого, я горжусь тем, что награжден нагрудным знаком Почетного сотрудника Службы внешней разведки Российской Федерации.

По моим грубым подсчетам за службу в армии и на фронте я проехал поездом около 25 тыс. км, на автомашинах и танках - около 25 тыс. км, верхом на лошади - около 1 тыс. км и около 500 км – прошел пешком.

Я уже упоминал, что четыре моих брата с первого дня начала войны ушли на фронт и воевали вплоть до победы наших войск под Москвой. После победы под Москвой два брата-специалиста были отозваны из армии: старший брат, Владимир Сергеевич, был направлен в службу внешней разведки, где и проработал вплоть до своей смерти в 1981 году; второй брат, Василий Сергеевич, был отозван в конструкторское бюро авиаконструктора Ильюшина, впоследствии перешел на работу в бюро Королева, был его заместителем и занимался ракетостроением. Сейчас он академик, ему исполнилось 92 года. Третий брат, Евгений Сергеевич, сразу попал в артиллерийскую часть, участвовал в обороне Москвы, в боях под Сталинградом, войну закончил в боях за Познань, где немецкая группировка была разбита уже после взятия Берлина. После войны вернулся в Москву,

работал архитектором. Умер в 1972 году от ран полученных на войне. Младший брат, Александр Сергеевич, в 1941 году окончил среднюю школу и сразу ушел в армию. Во время боев под Москвой был тяжело ранен и демобилизован по ранению. Умер в 1993 году.

Отец, мать и сестра умерли значительно раньше, а в 2007 году в возрасте 93 лет умер средний брат Василий Сергеевич.

Что касается публикаций, то у меня их нет, что объясняется моей работой в Службе внешней разведки в последний период.

О своей жизни после демобилизации скажу, что, вернувшись в Москву, я был сразу принят в Московский институт инженеров транспорта, т.е. в тот институт, из которого и был призван в армию в 1939 году. Окончил институт в 1952 году, но по специальности работал очень немного, т.к. в этом же году был направлен на работу в Дзержинский райком партии, потом в Дзержинский исполком, а в конце 1954 года был направлен на работу в Службу Внешней Разведки. Три года учился в Высшей дипломатической школе (ныне Дипломатическая академия), окончил специальный институт и с 1959 года по 1987 год работал в зарубежных странах по линии СВР и МИД СССР.

В 1987 году по возрасту ушел в отставку в звании полковника.

Женат. Моя жена, Будник Людмила Никитична, всегда была со мной в моих заграничных командировках и являлась крепким тылом для моей работы в СВР. У нас с женой трое детей – два сына и дочь. Мы имеем пятерых внучат.

Для детей и внучат я написал и наговорил на магнитофон целый ряд рассказов о своей службе в армии, о боевых действиях на фронте, о некоторых эпизодах нашей личной жизни с женой Людмилой Никитичной. Эти записи я никогда не собирался публиковать. Они написаны для семьи. Кроме того, должен сказать, что всю жизнь я вел личный дневник. Начал его вести, когда мне было 14 лет. Дневник я вел для себя, и он носит сугубо личный характер.

Заканчивая свои записи, я, как всегда, если говорю о войне, хочу отдать дань глубокого уважения и вспомнить тех, кто шел с нами по всем сражениям, но не дошел до славного

Дня Победы, кто сложил свои головы на полях великих сражений и этим выковал нашу победу.

Я хочу вспомнить моих боевых товарищей, павших за честь и независимость нашей Родины.

Среди них я хочу вспомнить лейтенанта Николая Лазарева и старшего лейтенанта Петра Таранова, с которыми мы начинали армейскую службу в далеком 1939 году в Забайкалье.

Я хочу вспомнить бесстрашного майора Гапеева, который до войны был доцентом математики МИИТа (Московский государственный университет путей сообщения).

Я хочу вспомнить боевого капитана Полонского.

Я хочу вспомнить славного командира роты и разведки нашей бригады, капитана Василия Ошмянца.

Я не могу не вспомнить отважных старших сержантов Ивана Лукина и Ивана Шабанова.

Октябрь 2007года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Князев Михаил Сергеевич

и

Матвеенко Вера Сергеевна,

студенты 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)

Вишневский Виктор Петрович

В звании матроса, по специальности торпедист

Родился 27 января 1926 г. в городе Москве, русский, беспартийный. Был членом ВЛКСМ.

До войны в 1940 году окончил среднюю школу, после чего поступил в 58-е ремесленное училище по профессии слесаря-лекальщика. 21 июня 1941 г. по дороге в магазин по радио услышал страшную весть – началась война. До августа 1941 года учился в училище, после чего весь курс ремесленников отправили на заводы. Я попал на Станкостроительный завод имени Орджоникидзе, где работал слесарем-инструментальщиком до 16 октября 1941 года. Через некоторое время завод эвакуировали, и я остался в Москве.

До 20 октября 1943 года, дня моего призыва в армию, я проработал на заводе аварийно-спасательного оборудования военно-морского флота слесарем-инструментальщиком.

В период работы на заводе на основании Постановления СНК Союза ССР от 2 июля 1941 года № 1812 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» был зачислен бойцом пожарной команды при домоуправлении № 136 Фрунзенского района города Москвы.

В Армию призвался в октябре 1943 года в Московский флотский экипаж. Через 10 дней меня направили в экипаж Северного флота, который находился в Ваенге.

До конца мобилизации проходил службу в звании матроса по специальности торпедист в 75-й торпедной армии, в которую был направлен в декабре 1943 года.

В мою и моих товарищей по службе задачу входило обеспечение подводных лодок Северного флота, торпедоносцев и кораблей торпедами. Работа физически трудная и опасная, требующая предельной осторожности и точности.

В октябре 1944 года наше подразделение участвовало в Печенго-Киркенесской операции по освобождению Советского Заполярья от фашистских войск. За участие в боевых действиях я был награжден медалью.

После окончания войны продолжал служить в Северном флоте в городе Полярный до начала 1951 года. Демобилизовался ранней весной 1951 г. и прибыл в Москву по прежнему месту жительства. Сразу же устроился работать на завод №300 по специальности токарь.

Во время боевых действий имел легкие ранения, которые ограничивались наложением скобок, швов и перевязками.

За участие в героической обороне Советского Заполярья указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 декабря 1944 года награжден медалью «За оборону Советского Заполярья». Номер награды З№004631.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта награжден орденом Отечественной войны II степени. Номер ордена 3071345.

Награжден юбилейными знаками и медалями за участие в ВОВ: знак «25 лет Победы в ВОВ», знак «30 лет Победы в ВОВ», знак «40 лет Победы в ВОВ», знак «50 лет Победы в ВОВ», знак «Фронтовик 1941-1945 г.г.», медаль «60 лет Вооруженных сил СССР», медаль «70 лет Вооруженных сил СССР», медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», медаль Жукова, медаль «300 лет Российскому флоту», медаль «В память 850-летия Москвы».

Отец погиб на войне в мае 1942 года под Москвой. Мама умерла после войны.

Декабрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Королькова Елена Алексеевна,*** *студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Голованова Анна Михайловна

И вдруг - резкий рывок автомата с плеча

“Не бойся, что стар, бойся, чтобы сердце не старело!” - эта китайская пословица мне очень по душе. В самом деле, пока ты еще на что-то нужен, пока горит огонь в душе – желание что-то сделать доброе для людей, тогда и сердце бьется в унисон с твоим стремлением, и ты активно живешь. Мне, как журналистке-участнице Великой Отечественной войны, часто приходится встречаться с ветеранами той войны. И я с радостью отмечаю, что большинство из них живет по таким же правилам. В каждом ветеране война оставила неизгладимый след. О тех годах забыть невозможно. И хотя они были очень разными для каждого, у большинства на всю жизнь осталось желание - быть полезным стране, защищать ее от недругов.

Начало войны застало меня на втором курсе политехникума связи г. Ростова-на-Дону. В 1941-1942 годы, с отступлением наших войск техникум эвакуировали в Узбекистан, но я не захотела туда ехать и, так сложилось, что я как раз заболела, меня отправили домой, к родителям, в железнодорожный поселок, недалеко от Ростова. Отец у меня был бригадиром на железной дороге, и, отступая, взял меня с собой, когда немцы подходили к целине. Я была рада, что как-то могу помочь нашим войскам: мы восстанавливали разбомбленную немцами железную дорогу, а когда фронт

прошел через целину, взрывали немецкие эшелоны на тех же путях, что восстанавливали раньше. Скажу вам - нелегкое это было дело для девушки шестнадцати лет таскать тяжеленные шпалы, рельсы, работать гаечным ключом. А когда немцев погнали от Сталинграда, освободили целину, я стала обивать пороги военкомата, чтобы меня взяли в действующую армию. Но меня не брали, так как мне не было и семнадцати. И только через Райком комсомола удалось пробиться. Помогло то, что я училась на радиоотделении в Ростовском техникуме связи, а связисты требовались в армии, тем более на фронте. Направили меня в 5-й зенитно-пулеметный полк, оснащенный крупнокалиберными пулеметами и пушками малого калибра. Это был в основном девичий полк - остатки от разбитого под Сталинградом. За два месяца в учебной роте научилась отличать по виду и шуму моторов свои от немецких самолетов, определять высоту и курс полета.

С 15 мая 1943 года я старший телефонист, а потом - командир взвода управления первого батальона 5-го зенитно-пулеметного полка. Полк охранял четыре стратегически важных моста через Дон и плавни от Ростова до Батайска, по которым проходила железнодорожная артерия. По ней с юга на фронт шла военная техника, войска и продовольствие. Важность этих мостов была в том, что весной Дон очень сильно разливался, и разрушение этих мостов могло привести к нарушению поставки боеприпасов. Только что был отбит у немцев Ростов-на-Дону, фронт оставался в нескольких километрах – под Таганрогом. И фашисты старались, во что бы то ни стало, разбомбить эти мосты, а мы обязаны были не дать им это сделать. Для управления батальоном мы вырыли себе землянки, а огневые точки - пушки и пулеметы - разместили у самых мостов. Я должна была передавать команды о приближении самолетов, их высоте полета, количестве. А иногда приходилось быть разведчиком. Я стояла под деревянным зонтиком и по трубе в землянку должна была передавать координаты самолетов. Самые страшные были “звездные” налеты, порой в них участвовало несколько сотен самолетов. Они окружали “объект” и звеньями пикировали на мосты. Одно звено отбомбилось, взмывало вверх, а следующее уже пикировало с другой стороны. Я никогда не забуду тот ад кромешный, который

обычно не прекращался, пока не сбивали самолет наши пушки или пулеметы “ДШК”, ведущие в это время беспрерывный заградительный огонь над мостами. Я же, как связист, находясь в землянке, не могу ни на секунду отвлечься от телефонных аппаратов. Разведчик, наверху, под грибком у землянки, передает мне данные: тип самолетов, дистанция, высота, угол, такой-то прицел. Рядом обычно командир батальона или его заместитель ведут расчеты, которые я передаю на огневые точки. А случись - нет командира, сами определяли эти данные и тип самолета, и все прочее. Мы учились мужеству и не покидали свой пост, даже когда земля мешалась с небом. И плакала я не от страха, а когда хоронили своих товарищей из боевых расчетов. К страху можно привыкнуть, но не сразу. Помню, в одном из «звездных» налетов, под грохот разрывов бомб, в землянку по ступенькам ввалился молодой лейтенант, только что прибывший из училища. Мы с телефонисткой не обратили на него внимания. И вдруг между разрывами бомб мы услышали: ”Девочки, девочки, только не волнуйтесь, все будет в порядке”. И еще что-то там говорил, успокаивал нас. Нам было не до него, немецкие «мессеры», словно волны, накатывались на нашу зону и сбрасывали бомбы как попало. Рев моторов, грохот взрывов, ничего не слышно. Потом наступила тишина - улетели фашисты.

Я сняла наушники и вдруг вижу, сидит на земле у лесенки, подпирая стенку, лейтенантик и, наверное, по инерции повторяет: ”Девочки, девочки, не бойтесь”, а у самого руки трясутся. Мы замерли на секунду с телефонисткой, а потом так расхохотались, что не могли остановиться. Лейтенант как-то суматошно подскочил и выбежал из землянки. Мне, честно говоря, жалко его стало - наверное, первый раз попал в такую заваруху. Вот и думайте - страшно ли было?

Страшно, конечно, особенно на Курской дуге, когда немецкие танки прорвались в наш тыл, и ребята из зениток открывали огонь по ним в упор. Рядом всегда были друзья, товарищи, которые, я знала, всегда выручат, не подведут, да еще и подбодрят шуткой, может и не всегда уместной, но снимающей тот самый, сковывающий душу, страх.

А самое страшное было, когда уже на чужой земле, у нас по ночам воровали из боевых расчетов девчат, а потом подбрасывали зверски замученными. А вот этот страшный эпизод мне долго снился по ночам: в спешке, прожектористка, вместо того, чтобы направить прожектор в небо, а потом включить, зажгла луч у земли, осветив наши позиции во время налета немецких самолетов. Сколько тогда погибло наших девчат - молодых, красивых, не успевших вкусить радости жизни. Меня осколком ранило в ногу, но я отказалась от госпиталя, понимая, что нас, связистов, и так мало осталось. Перевязала ногу наш полковой врач, а лекарств никаких, кроме йода и зеленки. Долго не заживала рана, уже после войны вернулась с забинтованной ногой.

В октябре 1943 года наш 5-й зенитно-пулеметный полк перебросили на Западный, потом Южный фронт, прошли Украину, Польшу, охраняя от налетов самые важные для фронта объекты. Так, в Польше охраняли завод, где ремонтировали наши подбитые самолеты. Очень важно было их, как можно быстрее, вернуть в строй. Немцы знали об этом и старались разбомбить завод. Там у меня был такой случай: только прибыли на место, окопались в огневые точки, мой взвод управления вырыл для себя землянку, а потом провели по всем огневым расчетам кабельную телефонную связь. Уставшие таскать двенадцатикилограммовые катушки с кабелем, девочки только свалились на солому в землянке, а тут звонок: "Нет связи с командованием полка!".

Жаль мне было будить уставших моих солдаток, я взяла свой автомат на плечо (кстати, не по уставу - надо было его нести горизонтально впереди себя). Но я тоже устала. На дворе была уже довольно темная ночь, ничего не видно, поэтому я взяла в руки проложенный к нам кабель и пошла с ним к железной дороге, ориентируясь на гудки паровозов. Там мы днем закрепили кабель высоко на осветительной опоре, чтобы поезда не задели его.

Дошла до рельс, подняла голову, пытаясь в темноте увидеть этот кабель. И вдруг - резкий рывок автомата с плеча. В одно мгновенье, где только силы взялись, я развернулась и уперлась дулом автомата в живот довольно рослому мужику, с криком "Хенде-хох!", мол, "Руки вверх"! Если бы автомат не стоял на предохранителе, наверно и выстрелила бы. А пока я,

щелкнув предохранителем, услышала жалобный голос: "Пани, пани, я пошутковав!" Хорошая шутка. Сердце у меня в пятки ушло, но быстро вернулось назад. Я заставила "шутника" бежать впереди себя в комендатуру, чтобы там разобрались с ним - мне ведь срочно надо было найти обрыв проводов. В комендатуре установили, что это он и оборвал кабель на опоре. Я быстро восстановила связь и вернулась к своим девчатам. Вот такие «шуточки» бывали.

Конец войны застал меня в польском городе Ченстохове, это на границе с Германией. Там нас разместили в каком-то роскошном дворце. Берлин еще не был взят, но мы хотели туда попасть. Нас собрал командир полка генерал Алехнович и сказал: "Отдыхайте, девочки, вы имеете на это полное право. Ни на запад, ни на восток (там уже шла война с Японией) мы вас больше не пошлем, сами справимся. А вам задание - готовиться к мирной жизни: создать семью, растить детишек. Вы ведь видели, сколько людей забрала война, сколько разрушила городов и деревень?!".

Были мы там до августа месяца, а потом нас наконец-то отправили домой…

Везде нас встречали очень хорошо, как в чужих, так и своих городах. Нас встречали как героев, сумевших защитить свою родину.

Я видела дымящиеся развалины своих и чужих городов, видела смерть товарищей, друзей, видела замученных в концлагерях людей и проклинала войну. Но это было только одно ее лицо. И, когда после победы, в августе 1945 года, мы с песнями, радостные возвращались домой, думали муки наши закончились. Но пришла домой, увидела, как голодала моя семья, как разрушены города, а на немногих восстановленных заводах не хватает самого элементарного оборудования, как колхозники на коровах выезжают сеять озимые… Это было второе лицо войны. Продолжила учиться в техникуме, потом в институте; когда стала разбираться в экономике, мне открылось еще одно лицо войны - те огромные потери, которые понесла наша страна в экономике, хотя мы были победителями, и те огромные прибыли, которые получили, к примеру, американские поставщики оружия. Значит, есть люди, которым война нужнее была для наживы, для своих планов господства. И это было отвратительное ее лицо. Потом,

когда у меня появилась своя семья, сын и дочь, сердцем матери поняла, что такое война для матерей, не дождавшихся с войны своих сынов, дочерей, любимых, и которые остались одинокими на всю жизнь. Война для них продолжается и сейчас. И это еще один ее лик. За 60 с лишним лет без войны прогресс человечества настолько двинулся вперед, что теперь только безумцы могут развязать новую войну, и лик ее будет еще отвратительнее - в ней уже не будет, наверняка, ни победителей, ни побежденных - погибнут все! И сегодня каждый из нас должен предотвратить катастрофу - пусть наши дети, внуки и правнуки растут и развиваются не для смерти, а для жизни.

У меня сын, дочь, пять внуков и четыре правнука. Как мне не думать о них, вспоминая ту войну, в которой я участвовала?! Пусть они никогда не узнают тех ужасов, которые пришлось пережить нам, старшему поколению.

Коротко о себе после войны. Вернулась домой в августе 1945 года, как раз к началу учебного года. Досрочно, как фронтовичка, окончила техникум, потом заочно Воронежский университет, журналистский факультет. По путевке комсомола были с мужем на целинных землях в Казахстане, потом частые переезды по “великим стройкам”, как их тогда называли, так как муж у меня был строитель: Новосибирск, Курская магнитная аномалия, Губкин, Белгород, Тула, Москва. Муж строил, а я работала журналисткой в местных газетах, радио. С 1973 года стала штатным корреспондентом Всесоюзного радио. В 1991 году ушла на пенсию, но без дела не могла сидеть. Работала в Совете ветеранов Черемушкинского района, а теперь в Юго-Западном округе Москвы -руковожу в Совете ветеранов округа пресс-центром, пишу в газеты “Ветеран” и “Московский ветеран”, в основном, о людях, прошедших войну, и о тех, кто сегодня проявляет о них заботу. А еще дорога мне тема о воспитании подрастающего поколения, от которого зависит будущее нашей страны.

Имею награды:

- орден Отечественной войны II-й степени;
- медали: «За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 гг.»; «Ветеран труда»; Жукова; «В память 850-летия Москвы»;

«Золотая медаль ВДНХ»; «20 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.»; «30 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.»; «40 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.»; «50 лет Вооруженным Силам»; «50 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.); «60 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.»; «70 лет Вооруженным Силам»; «80 лет Вооруженным Силам»;

- знаки: Отличник радио и телевидения; 25 лет победы в ВОВ; Ветеран войны; Почетный ветеран Московской организации ветеранов; Почетный знак Всероссийской организации ветеранов войны; Почетный ветеран Советского комитета ветеранов войны; 25 лет Московскому комитету ветеранов войны; 50 лет Сталинградской победы; Передовик IX-ой пятилетки; Серебряная звезда "Общественное признание".

Декабрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Колокольцев Артем Андреевич,*** *студент 1 курса 9-ого факультета Московского авиационного института государственного (технического университета*)

Дружина Михаил Силович

Ночью было светло как днем

Родился я 4 октября 1925 года в селе Моисеевка Покровско-Богородского района Московской области. Украинец, православный, комсомолец, потом член КПСС.

В детстве в деревне я был "атаман". Если где драка, где что - ребята всегда меня слушались. Когда в школе учились, нам воевать хотелось. Я самопал делал, с ним за пазухой ходил - меня все боялись и уважали. Когда по радио выступил Молотов с объявлением о начале войны, мне было 16 лет. Я окончил 5 классов средней школы. Летом работали все мальчишки в колхозе. Когда немцы уже подходили, мне и ещё десяти жителям села Райком партии приказал гнать скотину в Казахстан, но мы не успели. Около одного километра оставалось нам до моста, взорванного отступавшими советскими частями. После 70 км пути до него нас нагнали немцы на мотоциклах, ну думаю всё, конец. Мы домой повернули, скотину они забрали, всё забрали. В июле, наша местность была оккупирована, назначен комендант - 2 года он командовал. Мужчины ушли в партизаны, и мы им старались помогать. Мы продолжали работать в колхозе. Каждый раз старались унести немного зерна и спрятать его. В основном закапывали его, чтобы немцы, не дай бог, его не нашли. Весь урожай немцы увозили себе. Затем начали забирать население

и увозить в Германию. Первую из нашей семьи увезли сестру. Потом дошла очередь и до меня. Нас погрузили в вагон товарняка и повезли. Дождавшись, когда немец, сопровождавший нас, ушел на ночь в другой вагон, и поезд на повороте снизил скорость, мы попрыгали из вагона. Прячась, добирались до своего села Моисеевка. Еще дважды забирали меня, и каждый раз удавалось бежать. Раз скрывался в камышах двое суток. Другой раз ушли в лес к партизанам и там пробыли несколько дней. Успокоится все, и мы возвращались домой. Каждый раз, как услышим о новом наборе - прятались. Свирепствовал немец.

В сентябре наша местность была освобождена. Мужчины вернулись из леса и влились в ряды Красной Армии. Наши призвали всех - и стариков, и молодых. Мне исполнилось 18 лет 2 октября 1943 г. и я был призван в ряды Красной Армии.

Отправили нас на учёбу, и вот тут я чудом остался жив. Налетели немецкие самолёты, начали бомбить наш состав. Все выпрыгивали из вагонов и бежали в разные стороны. Я так крепко спал, что не слышал ни самолёта, ни бомбёжки, ни крика товарищей. Почти все, кто выскочил из вагона, были расстреляны, некоторые домой убежали, а я и не хотел бежать - только на фронт.

После налёта, я один из вагона остался. Собрали оставшихся и повезли в Моздок, на учёбу: готовили миномётчиков. Продолжил обучение в Новочеркасске. Оттуда 5 мая 1944 г. и направили на 1-й Белорусский фронт в 185-ю дивизию действующей 47-й армии красноармейцем - миномётчиком.

На Тегеранской конференции 1943 года, У. Черчилль подарил нам зелёные шинели, так что я войну прошел в зелёной шинели и в обмотках, конечно же.

По дороге на фронт наш эшелон остановился на станции в Белоруссии. Там стояло ещё 4 эшелона. Вот, думаю, пока там ещё поедем, а тут встретились с Аистовым, из другого поезда, он говорит: «Пойдём, картошки немного в деревне раздобудем, мы стоим тут долго». Там у белорусов спрашиваем: «Картошка есть?» А они отвечают: «Картошки нет, а бульба есть». И мы приходим с ним, наменяли картошки, и смотрю - мой поезд ушел, а его остался, он и говорит: «Пойдём к нам!» И я в другой эшелон сел, там уже

бойцы, которые на фронте были, они мне про бои рассказывали. А те, кто со мной из одной деревни были, уехали вперёд меня. На лошадях возил 120-ти миллиметровый миномёт. Я ведь из села, да и образование только пять классов. Это уж потом, после войны, я доучивался. А пока я был при лошадях, возил орудие. Мои любимые лошади были Карлик и Орлик. Да какие умные! С ними я был до конца войны.

Капитан Новиков Иван Петрович руководил батареей, куда входило 6 миномётов на конной тяге. Помню повара батареи Макарова, хорошую кашу с американской тушенкой варили.

Я был самый младший, меня опекали и учили всему. Старшина Евстигнеев Павел особенно заботился обо мне. Хороший был человек, да убили его в городе Перец, в Германии.

Мой боевой путь начался с города Ковеля (западная Украина), где стояли в обороне 3 месяца, с мая 1944-го. А в августе форсировали Западный Буг, потом до Вислы дошли в августе 1944-го, её сходу хотели форсировать, но не удалось. Мы там, в обороне, стояли полгода. Потом подошли к предместью Варшавы.

На взятие Варшавы пустили польские дивизии. Немцы не дали возможности им прорваться. Сколько поляков полегло там! Мы заняли оборону и стояли под Варшавой с сентября 1944 года по январь 1945. Зимой пошли в наступление. Немец нас встретил "Тиграми" и мы вынуждены были отступить на старые позиции.

Варшаву взяли 14 января 1945 года. Теперь мы быстро продвигались до Одера. Там тоже стояли в обороне, потом нас перевезли на пароме на тот берег. Первый немецкий город на нашем пути был Шайдемюлен. Потом Бранденбург - апрель 1945 и пошли на Берлин, до него оставалось 60 километров.

Как подошли к Берлину, участвовали в 3-х часовой артподготовке. Гул стоял такой, что ничего не было слышно, понимали друг друга по жестам. Маршал Жуков приказал направить прожекторные установки на вражеские окопы, чтобы ночью было видно, когда немцы выскакивают.

У нас миномёт-то чем хорош? Он из-за дома стрелять может, из ямы какой-нибудь. Позицию выбирали так, чтобы в него из пушки прямой наводкой нельзя было попасть, чтобы

снаряд либо о бруствер ударился, либо перелетел. 30-го апреля Берлин был взят, 2-й Белорусский фронт остался там, а мы с I-м Белорусским пошли дальше и дошли до Эльбы.

На Эльбе встретились с американцами. Я их не видел, правда, ведь мы были в обозе. Там, в городе Баланштадт, мы услышали об окончании войны. И после этого ещё ездили по Германии, так как из лесов ещё выходили "недобитые".

В феврале нашу дивизию расформировали. Кого оставили там, а кого отправили в Россию. Я поехал в Россию, на Волгу, в "Песочные лагеря" под Костромой. Из Германии ехали на боевом поезде через Польшу. В Германии спокойно ходил, там нас не трогали, нас уважали, а поляки немного злые на нас.

В Костроме создали стройбат, и 23-го февраля 1946 года я отправился в Москву в 120-й строительный батальон. В Москве, напротив Парка им. Горького, достраивали дом Министерства обороны на Фрунзенской набережной, там мне выдали служебную книжку на замену красноармейской, и служил я там с 21 апреля 1946 года рядовым 3-й роты 120-го отдельного строительного батальона.

Когда строил дом у Никитских ворот, видел Берия проезжал, жил он там в особняке неподалеку. Пел я хорошо, в стройбате запевалой был, в ансамбле участвовал. Я служил с 1943 по 1950 год. После войны всех стариков отпустили, а нас, 1925-го, 1926-го, 1927-го года задержали - служили по 7 лет.

После войны при Сталине веселей было жить, народ был дружный, все уважали его. Вся Страна работала тогда! Уволен в запас на основании постановления Совета министров СССР 28 января 1950 года. Ранений у меня не было. Я под опорную плиту от миномёта прятался, её вес около 100 кг. Когда они налетят, я лошадей останавливаю, а сам под повозку и лошадей держу, мало ли пуля пролетит - не тронет.

Я как демобилизовался, мне предложили работать в органах милиции города Москвы. Теперь-то я закончил 10 классов на Петровке-38 – ну, думаю, всё, больше не буду учиться. Но пристали: «Давай в спецшколу милиции на 3 года, недобор там». Все-таки уговорили! Там получил специальность юриста III-го класса. И так 8 лет учился и работал и капитаном закончил обучение. Я уголовное право, криминалистику на 4 сдал, а историю на пятёрку, по истории я разбирался здорово.

Работал участковым на улице Горького, Свердловского райотдела милиции с июля 1950 до 1970 года - в течение 20 лет и ушел на пенсию. Жил сначала также на ул. Горького в полуподвальном помещении, а в 1978 дали квартиру в Ясенево.

На пенсии работал по ресторанам: в гардеробе, в дверях. Я ещё когда участковым был, ребята там работали швейцарами, я себе место подбирал. Как участковый я получал 110 рублей, когда стал капитаном - 170, а потом 200 - за выслугу лет. А на 200 рублей в 1960-х - 1970-х можно было хорошо жить. А так, трудился всю жизнь вообще-то.

Я не жалею, что остался в Москве. Если бы попал в деревню, я бы там и не учился, а так все-таки 10 классов закончил и спецшколу.

Награды:

- медаль «За боевые заслуги» (9.07.1944 г., 217-й запасной стрелковый полк);
- медаль «За отвагу» (3.02.1945г., 35-й запасной стрелковый полк);
- медаль «За отвагу» (5.03.1945г., 1-й учебный миномётный батальон);
- медаль «За освобождение Варшавы» (17.01.1945 г.);
- медаль «За Победу над Германией» (9.05.1945 г.);
- медаль «За взятие Берлина» (14.01.1946 г., 1319-й стрелковый полк);
- орден Отечественной войны;
- юбилейные медали.

Запомнившиеся случаи

Везли нас после учёбы на фронт. Около города Сарны, Львовской области, на наш эшелон налетели немецкие самолёты, спустили на парашютах огни. Ночью было светло как днем. Бомба попала в поезд, машинист был убит. Загорелись вагоны. Мы повыскакивали из них, а немец стал косить нас из пулемёта. Упал я в канаву, заткнул уши – испугался насмерть, думал всё… Но вот всё затихло, только стоны и крики отовсюду. Я живой, а вокруг раненые и мёртвые люди, кони. Это было моё первое боевое крещение,

хотя я ещё не вступал в бой. Оставшиеся в живых начали собираться и подтягиваться к лесу, там в армию старшина набирал. Он спрашивал - кто на лошадях умеет ездить, кто сапожник, а я говорю: «А я всё умею». Я 82-миллиметровый миномёт знал, а 120-миллиметровый - нет.

Мужик один, с которым я ехал, сказал: «Ты говори – знаешь». Мы с ним воевали, хороший человек был, да убило его на фронте. А старшина взял меня в 120-мм миномётную батарею, выдали винтовку 3-х линейку. Вот теперь я стал настоящий воин.

Это было под Ковелем в 1944 году. Ночью начали рыть траншею - от батареи до наблюдательного пункта. Спешили. Я снял пилотку и винтовку, положил на край траншеи. Не заметил, как засыпал её землёй и забыл где это место. Ну, что теперь будет? Как я без винтовки? Труханул здорово. Благо командир успокоил: «Ладно, пойдем, дам тебе пулемёт Дегтярева и автомат ППШ». Так они со мной в телеге и были всю дорогу, до окончания войны. Как-то стрелял трассирующими пулями по «раме» (тактический разведчик-корректировщик FW-189). У нас повар был хороший, Миша - Мишко (по-украински) говорит: «Один «раму» винтовкой сбил, а ты пулемётом не собьешь никак». Мы заряжали по 47 патронов 2 диска. Я стреляю, а он заряжает диски. Говорю: «Не попал, что сделаешь». Зря не попал, а то бы был героем.

Декабрь 2007года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь ***Бычков Алексей Николаевич****, студент 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Ерастов Федор Григорьевич

Митя успел выстрелить в него первым

Я родился 15 сентября 1915 года в деревне Трубачево Смоленской области Крапивенского сельсовета. Русский, православный, беспартийный, член комсомола и ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту).

До войны окончил в 1929 году школу, в 1930 году курсы сортировщиков льна при льнозаводе, станция Издешково, Смоленской области. В 1936 году закончил Козловский автомобильный техникум, в городе Козлово. В 1938 году окончил Харьковское авиационное училище - г. Чугуев и был направлен на службу в г. Львов, в авиационную бригаду № 6062, на должность заместителя начальника отдела по технической части, имел воинское звание - техник 2-го ранга.

Начинал участвовать в боевых действиях. По личной просьбе приказом наркома К.Е. Ворошилова был назначен командиром легко-лыжного взвода 192-го стрелкового полка и направлен на войну с белофиннами - с декабря 1939 года по март 1940 года.

За личную смелость и умелое ведение боев в 1940 году был награжден орденом боевого Красного Знамени.

По окончании финской войны вернулся в авиабригаду №6062 - г. Львов на должность заместителя начальника транспортного отдела.

21 июня 1941 года в 4 часа утра началась Великая Отечественная война. Мне был дан приказ - вывезти всю технику: автомобили, танки в количестве - 100 штук, семьи офицерского состава в г. Киев.

Не доехав 30 км до Киева, мы подверглись ожесточенному воздушному налету немецких самолетов. При первых звуках я старался сгруппировать весь транспорт в колонну и дал приказ - съезжать в лес, прятал в лес технику и людей. В это время я был контужен, ранен, но своего командования колонной не бросил. Нас обстреливали со всех сторон - этот кошмар был описан в книгах и кино под названием «Бродский котел». Нас спасло то, что люди были дисциплинированы и четко выполняли мои указания.

С минимальными потерями - 22 июня 1941 года прибыли в г. Киев на сборный пункт. Сдав технику, я получил назначение в 25-й отдельный мотобатальон на должность заместителя командира по технической части и направлен на охрану Каневской переправы.

На расстоянии 50 км вокруг Каневской переправы я должен был приложить все силы, чтобы не допустить к Киеву немецкие войска.

Потом мотоциклетный батальон был расформирован, и я был направлен в г. Москву в резерв на сборный пункт, который находился в здании института инженерных войск, где я и получил назначение в 210-й автомобильный батальон на должность заместителя командира по технической части.

Я получил личный состав, технику, боеприпасы и с этим составом принял участие в военном параде на Красной площади 7 ноября 1941г. Затем, получив задачу обеспечивать 363-ю стрелковую дивизию, прибывшую из города Свердловска во главе с командиром дивизии полковником Свиридовым Карпом Васильевичем, боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продовольствием и всем необходимым, следовать по её маршруту: город Клин, Завидово, Конаково, Калинин, Ржев и другие населенные пункты.

363-я стрелковая дивизия входила в состав 30-й армии, которой командовал генерал Д.Д. Лелюшенко, участвовала в контрнаступлении под Москвой.

15 декабря 1941 года получили приказ следовать по маршруту - Решетников, Семчино, Третьяково, далее к селу Завидово. На всем следовании шли ожесточенные бои, а мне необходимо было снабжать дивизию боеприпасами, ГСМ и продовольствием.

23 декабря 1941 года вышли к селу Микулино Городище, освобождая населенные пункты, вышли в направлении Желнино, с боями ворвались в Ягодино и 19 января 1942 года село было освобождено. За 3 недели ожесточенных боев освободили 3 населенных пункта. 21 января 1942 года подошли к Погорелому городищу, потом в Ржев.

363-я стрелковая дивизия направлялась в самые ответственные и тяжелые места боев по освобождению населенных пунктов от противника. Мне, с личным составом и транспортом, необходимо постоянно следовать с 363-й стрелковой дивизией, снабжая её всем необходимым. Доставлять приходилось в тяжелых условиях, под постоянными бомбежками и обстрелом врага, теряя личный состав и технику.

В связи с большими потерями личного состава и техники 363-я стрелковая дивизия, получив подкрепление, была преобразована в 22-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Командиром был назначен - полковник К.В. Свиридов.

В середине апреля переправились в район Осташково - получали новое пополнение, новое оружие, боевую технику, готовились к новым боям.

В начале июля 1942 года 22-я гвардейская стрелковая дивизия (СД) вошла в 11-ю армию и участвовала, до ноября 1942 года, в боях против Демянской группировки врага. Очень тяжело было, в условиях заболоченной местности, покрытой большими лесными массивами, доставлять на передовую боеприпасы, ГСМ и продовольствие, несли большие потери.

Осенью 22-я гв. СД была выведена из боя, нас погрузили в эшелоны и перебросили в Тамбовскую область.

Советское Верховное Главнокомандование создавало стратегические резервы, особенно соединения бронетанковых войск. 26 октября 1942 г. был создан 2-й гвардейский механизированный корпус (гв. МК) по приказу Народного комиссара обороны. Командиром был назначен генерал-майор К.В. Свиридов. Формирование началось осенью 1942 года,

куда вошел 1-й отдельный автотранспортный батальон подвоза горюче-смазочных материалов, под моим командованием в звании майора.

2-й гв. МК был включен во 2-ю гв. армию, которой командовал генерал Р.Я. Малиновский.

4 декабря 1942 года перегруппировались в полосу Донского фронта до станицы Иловля по железной дороге на защиту Сталинграда.

В самый критический момент сражений на Котельническом направлении был введен 2-й гв. механизированный корпус (МК). Танки и мотопехота мощной лавиной двинулись вдоль дороги Громославка-Шестаков. Немцы были выбиты из хуторов: Антонов, Шестаков, Ромашкин, Кругляков.

Во время переправы через реку Дон был случай. Я подошёл к зданию церкви и наблюдал за переправой. В этот момент мой водитель Дмитрий Гончаров увидел, что находящийся у здания церкви немецкий офицер, пытался застрелить меня из автомата и Митя успел выстрелить в него первым и убить его. Я был спасён.

Вся моя военная служба во время Великой Отечественной войны связана с патриотизмом моим и окружающих меня людей.

Большие сложности были с переброской по тонкому льду танков Т-34, лед не выдерживал. Рано утром 29 декабря 1942 года на командный пункт 2-го гв. МК прибыли генералы А.М. Василевский и Я.Г. Крейзер - они наблюдали за нашей переправой через Дон. Два дня оставалось до Нового года - было принято решение сделать подарок Родине - освободить Тормосин. Шли ожесточенные бои, доходящие до рукопашных схваток, и к вечеру 31 декабря 1942 года Тормосин был освобожден.

2-й гв. МК действовал все время в первом эшелоне, вел бои на широком фронте, разрывы между соединениями достигали 40-60 км и я должен постоянно знать, где находятся соединения 2-го гв. МК, чтобы вовремя и постоянно доставлять необходимое, чтобы не было перерыва в доставке боеприпасов, ГСМ, продовольствия, что достигалось большим трудом.

В середине января 1943 года находились в 40 км от Ростова, получили задачу переправиться через Маныч и овладеть Ростовым. В этот период прошли с боями более 100 км, освободили около 60 населенных пунктов.

Во второй половине января 1943 года наступила оттепель, продвижение корпуса затруднилось. Путь автомашинам приходилось расчищать лопатами. В тяжелейших дорожных условиях, ночью, приходилось подвозить боеприпасы, горючее, продовольствие, эвакуировать раненых. Днем вражеская авиация охотилась буквально за каждой машиной.

25 января 1943 года в ожесточенных боях были освобождены станицы Манычская, Багаевская.

28 января 1943 года, после передачи занимаемых рубежей на Маныче 1-му гв. стрелковому корпусу 2-й гв. армии нас вывели в армейский резерв для пополнения личным составом и боевой техникой, все соединения расположились в районе станицы Багаевская.

В течение недели корпус был пополнен и получил боевую задачу наступать из района станицы Старочеркасская в направлении Бол. Мишкина и овладеть Новочеркасском. В ожесточенных боях - 13 февраля 1943 года Черкасск был освобожден от противника, далее освободили Кутейниково, Генеральское и другие населенные пункты, подошли к хутору Ряженое, вечером - 18 февраля 1943 года хутор освободили.

К 23 февраля 1943 года вышли на линию Матвеев Курган, Ряженое.

Ослабленных в длительных и упорных боях - 3 марта 1943 года нас вывели в резерв на пополнение личным составом, техникой, заправкой горюче-смазочными материалами, продовольствием; занимались обучением молодого пополнения.

В начале июля 1943 года приняли участие в прорыве обороны противника на реке Миус в первом эшелоне. Освободили в Донбассе – Саур-Могильский, Александровская, Бешперовка, Ольховский, Киселевка, Мокрый Ельчик и другие.

С 23 по 30 августа 1943 года шли упорные бои за Таганрог. 8 сентября 1943 года овладели Александровской, 10 сентября 1943 года освободили железнодорожный узел Донбасса - Волноваха.

В октябре 1943 года шли жестокие бои в районе Мелитополя, освободили крупный опорный пункт Богдановка, 29 октября 1943 года - Нижние Серогазы, Новая Завидовка, совхоз «Роза Люксембург». 2 ноября освободили Каховку. В ожесточенных боях к 8 февраля 1944 года был ликвидирован Никопольский плацдарм, начали подготовку к форсированию Днепра.

В условиях весенней распутицы большую сложность представлял подвоз материальных средств, особенно боеприпасов. Был мобилизован весь подвижной транспорт, вплоть до трофейных конных повозок. Все это делалось в ночное время. Сильный ледоход и сильный огонь противника препятствовал форсированию Днепра, крупные льдины перевертывали лодки и плоты. Утром 10 марта 1944 года все соединения форсировали Днепр.

Наш путь лежал к Бериславу, по пути следования в ожесточенных боях освобождали населенные пункты - Саблуковка, Качкаровка, Кр. Маяк, Куцая Балка, Дремайловку, Нов. Берислав. 11 марта 1944 года Берислав был освобожден. 12 марта 1944 года вышли к реке Ингулец.

В невероятных условиях, без мостов и плавательных средств, река глубокая, ширина 50-60 метров. К утру 13 марта 1944 года завершили форсирование р. Ингулец и к вечеру ворвались в Херсон, продолжая преследовать противника в направлении - Киселевка, Николаев. В жестоких боях 28 марта 1944 года Николаев был освобожден.

28 марта 1944 года нас вывели в резерв, и 29 марта 1944 года расположились в районе Калиновка для пополнения личным составом, техникой, горюче-смазочными материалами, продовольствием. Летом 1944 года находились в районе Котовска Одесской области, готовились к боям на Венгерской земле.

Нас переправляли по железной дороге, через Дунай и опять по железной дороге и к 27 октября 1944 года прибыли в район Сегеда (Венгрия).

Наш корпус вошел в состав 2-го Украинского фронта и сражался на территории Венгрии. 20 октября 1944 года освободили Дебрецен, подошли к Тиссе. Продолжались наступательные операции на Будапешт. Бои шли в тяжелейших условиях. По пути следования освободили более

40 населенных пунктов и 13 февраля 1945 года г. Будапешт был освобожден. 4 апреля 1945 года территория Венгрии была очищена от немецко-фашистских оккупантов.

Развивая наступление, овладели важным узлом дорог Мадьяровар и быстрыми темпами, преследуя противника - шли бои на австрийской границе. 13 апреля 1945 года овладели Веной. Выполняя задачу - переправились в районе Гайнбурга на паромах и плотах, наступали на Корнейбург, Штоккерау. Шли горячие, беспрерывные бои.

Освободив Австрию, направились на освобождение Чехословакии. Упорные бои шли к столице Моравии - Брно. 26 апреля 1945 года Брно был освобожден. 27 апреля 1945 года освободили населенные пункты Мокра Гора и Регковице. В ожесточенных боях начали наступление на пражском направлении. В районе Яромержице получили известие о безоговорочной капитуляции Германии.

Но для нас война еще не кончилась, шло упорное сопротивление противника. Выполняя приказ командующего 6-й танковой армии генерала А. Г. Кравченко, наши соединения добивали сопротивляющегося врага.

11 мая 1945 г. овладели населенным пунктом Пичинь. Здесь завершился славный боевой путь 2-го гвардейского Николаевско-Будапештского Краснознаменного ордена Суворова 2-й степени механизированного корпуса. 13 мая 1945 года все соединения и части сосредоточились в окрестностях Пришибрама.

Завершился мой боевой путь.

В августе 1945 года я был направлен в г. Ярославль в 1-ю школу автомехаников Красной Армии СССР на должность - зам. начальника по технической учебной части, воинское звание было гвардии подполковник.

В марте 1947 года был направлен в Москву на должность начальника автобазы Дальней авиации.

В июле 1950 года был назначен в ДОСААФ СССР в Москве на должность старшего инспектора управления технического снабжения.

В сентябре 1950 года был назначен на должность зам. командира по технической части 453-го батальона ГУАСС МО г. Москва.

В июле 1952 года назначен начальником отделения автотранспортных перевозок 42-го Управления инженерных работ ГУАСС МО г. Москва.

В сентябре 1953 года назначен командиром войсковой части 01022 117 Управления ГУАСС МО - г. Москва - 400.

В декабре 1960 года уволен в запас в звании подполковника.

На протяжении всей Великой Отечественной войны, находясь на командных должностях, я выполнял поставленные вышестоящим командованием задачи, снабжая и обеспечивая всем необходимым для ведения боев, освобождения населенных пунктов.

Боевой путь 363-го СД, 22-й гв. СД, 2-го гв. МК - это и мой боевой путь. Я должен был знать все населенные пункты, где находились соединения, чтобы постоянно подвозить на передовую необходимое. Перечислять населенные пункты, в которых я был - это займет много места, я отразил только крупные населенные пункты.

Я горд и рад, что с честью и достоинством выполнял все поставленные передо мной задачи и ни разу не сорвал ведение ожесточенных боев на всех направлениях. Это было очень тяжело, сложно, опасно, но я все выдержал.

Награждён:

- орденами: Боевого Красного Знамени (1940 год); Красной Звезды (1943 г., № 477598); Красной Звезды (1945 г., № 3051392); Красной Звезды (1956 г., № 3041391); Отечественной войны 1-й степени (1954 г.); Отечественной войны 1-й степени (1985 г., № 506201); Серебряной Звезды (Общественное признание, № А-2628, 2005 год);

- медалями «За боевые заслуги» (1942 г.); «За боевые заслуги» (1943 г.); «За боевые заслуги» (1944 г.); «За отвагу» (1943 г.); «За оборону Москвы » (1943 г., № Г-001589); «За оборону Сталинграда» (1943 г., № К-49323. Начальник отдела кадров артиллерии 4-го Украинского фронта подполковник Барановакий); «За победу над Германией» (1945 г., Б № 00041759); «За взятие Будапешта» (1987 г., А № 414881-13.02.1945 г.); «За взятие Вены» (А-514530, вручен - 18.07.1988 г.); «За взятие Праги» (Г-014205, вручен 07.04.1987 г.); «Защитнику Украины» (Указ Президента Украины, 1999

г.); «XXX лет Советской Армии и Флота»; «40 лет Вооруженных Сил»; «50 лет Вооруженных Сил»; «60 лет Вооруженных Сил»; «70 лет Вооруженных Сил»; «30 лет Победы в ВОВ 1941-1945гг.»; «40 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.»; «50 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.»; «60 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.»; «Жукова»; «Ветеран труда»; «800 лет Москвы»; «850 лет Москвы»; «XXV лет СКВВ»; «Почетный ветеран»;

- знаками «Фронтовик» 1941-1945 гг.»; «60 лет битвы за Москву»; «850 лет основания Москвы»; «Ветеран спорта»; «Чемпион по автомотоспорту» (1951 г., Почетный знак ВСВВТ); «За активную работу в ДОСААФ СССР»; пять Почетных знаков ЦК ДОСААФ СССР» и др..

Младшие сестры погибли во время войны в Смоленской области в деревне Трубачево.

После увольнения в запас:

В декабре 1960 г. - назначен старшим тренером Центрального автомотоклуба СССР г. Москва.

С апреля 1962 г. по май 1970 г. - начальник ремонтно-механической мастерской Мосгормехпогруз г. Москва.

05.1970 г. - зам. начальника рем. стройуправления Минцветмет СССР, Москва.

02.1972 г. - заместитель директора Центральной ремонтной мастерской Мосгормехпогруз г. Москва.

11.1973 г. - начальник участка механизации и автотранспорта ХОЗУ МЩ СССР.

02.1975 г. - Директор Московской объединенной автобазы Министерства цветной металлургии.

05.1976 г. - уволен с уходом на пенсию.

По моей инициативе в 2003 году была издана книга «Воспоминания ветеранов района Черемушки» на 495 страницах, куда вошли мои статьи «Ветеранские заботы и дела» (стр.14-32), часть 1 – «Начало войны», часть 2 – «Битва за Москву» и «Разгром фашистских войск», часть 3 – «Освобождение и Победа» (страницы 90-116. Издательство 000 «Алев-В», г. Москва).

Мной издана брошюра «Знаменательные события ВОВ 1941-1945 гг.» (Издательство 000 «Алев-В») на 63 страницах.

Печатались мои статьи в газетах «Мои Черемушки», «За Калужской заставой ».

Много печаталось обо мне в газетах «Мои Черемушки», «За Калужской заставой». Была издана брошюра журналиста Координационного совета СНГ - В.И. Гиглавоп - о работе совета ветеранов района Черемушки издана брошюра председателя совета ветеранов Ростест-Москва капитана 1-го ранга в отставке- Г.Н. Якушева - 09.12.2001 г. «Ветеран в строю», «Один из тех, кто защищал Москву» г. Москва.

Общественная работа:

С 1971 года - председатель первичной организации ветеранов по месту жительства, одновременно являлся председателем совета ветеранов автомотоспорта г. Москвы и Московской области, член информационно- аналитической комиссии Координационного совета СНГ, с 1992 года - председатель совета ветеранов района Черемушки, г. Москвы.

Много воспоминаний отражено в книге «Воспоминания ветеранов района Черемушки ».

В моей записной книжке сохранилось много записей, особенно хотелось отметить мужество нашего народа.

Находчивость и смекалку проявил ученик местной школы деревни Ульяново. Когда стало ясно, что гитлеровцы намерены сжечь его родную деревню, он незаметно вынес из дома вражескую винтовку и спрятался во дворе. Первый же поджигатель был уничтожен.

Мужество и патриотизм проявил и 62-летний колхозник Алексей Попов из деревни Боровки. Хорошо зная местность, он два раза помогал нашим разведчикам проникнуть в тыл врага и добыть важные данные.

Много было случаев, когда население помогало нам в тяжелых, критических случаях при доставке боеприпасов в весеннюю распутицу - переносили груз на своих плечах и вытаскивали транспорт из грязи.

Обо всем этом можно говорить, писать очень много. Без героизма и патриотизма военных и народа не было бы Великой Победы.

Декабрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Карпачёва Наталья Сергеевна,*** *студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института государственного (технического университета)*

Жданкин Владимир Михайлович

Осколок попал в винтовку

Родился я в семье служащих 15 августа 1925 года. Русский. В данный момент беспартийный. Придерживаюсь атеистических взглядов.

В семье нас было шестеро, я был самым старшим, атмосфера, в которой я рос, всегда была дружелюбной и миролюбивой. Отец, Жданкин М.Е., занимался партийной деятельностью и хозяйственной работой в районных учреждениях. Мать, Жданкина Н.В., работала учительницей младших классов. Жили в собственном доме с садом и огородом, имели корову и немного мелкого скота. Условия жизни в материальном отношении были нормальными.

Свое детство провел в поселке Грибановка Воронежской области. На территории поселка, кроме маленьких производственных хозяйств, колхозов и совхозов, располагались 3 завода союзного значения: Сахарный завод, Лесозавод и машиностроительный завод «Дубитель».

С началом войны вся страна, как тогда писали, превратилась в «единый боевой лагерь». На предприятиях, в учреждениях и даже в школах царила сознательная революционная дисциплина. Во время каникул, и даже, иногда, в учебное время мы, школьники старших классов, помогали взрослым убирать урожай, заготавливать сено на

корм животным. Некоторым из нас, в том числе мне, пришлось даже во время каникул поработать простым рабочим на наших заводах. Все наши заводы, как и большинство заводов страны, перешли на изготовление необходимой фронту военной продукции и работали по непрерывному графику.

В возрасте 16 лет я узнал о начале Великой Отечественной войны. Впервые это известие я услышал по радио. К этому времени я уже был учеником восьмого класса, так как в школу я пошел с 8 лет. Вскоре отца послали на окопные работы. И в тот же самый период моей жизни я вступил в ВЛКСМ.

В школе я был одним из самых активных учеников. Нас учеников старших классов начали посылать в ближайшие колхозы на уборку урожая. Доверяли управление колхозной техникой. Несмотря на издержки войны, учеба шла своим чередом. Из всех предметов мне больше всего нравились физика и математика, интересовался точными науками, а также технической литературой, пытался штудировать даже учебники высшей школы, которые я брал в библиотеке.

И вот однажды, роясь в библиотечных книгах, я случайно наткнулся на книжку для юных техников, в которой было описано, как можно самому спроектировать и построить ветроэлектростанцию для своего дома. Я ухватился за эту мысль и решил воплотить ее в жизнь. Так как она показалась мне интересной и очень полезной, и ее можно бы было использовать в повседневной жизни. Это мне вскоре пригодилось. Дело в том, что в связи с войной, окрестные заводы перестали регулярно снабжать поселок электричеством даже для освещения школ. Все пришлось делать самому. Найдя на свалках металлоотходов нужные мне детали, я рассчитал и изготовил ветродвигатель с динамо-машиной, построил деревянную вышку высотой 6 метров, и ветроэлектростанция была готова к использованию.

На запуск моего изобретения и первого опыта пришли мои школьные друзья. И вскоре электростанция дала первый электрический ток напряжением 100 вольт. От них-то и узнал преподаватель физики о моей конструкции и, учитывая, что по его предмету я учился на отлично, он предложил спроектировать такую же ветроэлектростанцию для школы. Учитель освободил меня от некоторых уроков с тем, чтобы я

приступил к проектированию. Но нашим планам не суждено было сбыться…

Положение Красной Армии в конце ноября 1941 года было трагическим. Немецко-фашистские войска, захватив огромную территорию на европейской части СССР, вплотную подошли к Москве. Был блокирован Ленинград. Оставлены Киев, Кишинев, Вильнюс, Рига, Талин, Минск и другие крупные города. Такого развития событий советские люди не могли предугадать. В идеологическом плане партийная пропаганда готовила нас к тому, что если враг нападет, он получит сокрушительный удар и будет разбит на своей территории. Сильна была вера в мудрость и дальновидность И.В. Сталина.

Военное училище, фронт, госпиталь

В июле 1942 года резко обострилось положение на фронтах Отечественной войны. Несмотря на разгром под Москвой, враг был еще силен и продолжал наступление на других фронтах. В частности, рвался к Волге, чтобы обойти Москву с тыла, отрезать ее и нашу армию от важнейших промышленных и продовольственных районов юга и востока. Шли упорные бои у стен Сталинграда.

Вопрос стоял так: быть нашей стране свободной или впасть в порабощение. Враг снова полностью окружил и стал сжимать кольцо вокруг частей, находившихся в "четырехугольнике" Ржев–Вязьма–Смоленск–Великие Луки. По призыву партии и правительства весь наш народ от мала до велика готов был встать с оружием в руках на защиту своей Родины.

Изъявили желание идти добровольцами на фронт и ученики 9 и 10 классов нашей школы. Райвоенкомат пошел нам навстречу. Так, в январе 1943 года, мы стали курсантами Могилевского пехотного училища, находившегося в то время под г. Вольск. В училище мы не только постигали военное дело, но и помогали жителям города в проведении особо тяжелых работ (валка леса, погрузочно-разгрузочные работы и т.д.), занимались до позднего вечера. Большинство из нас думало: «Скорее бы на фронт».

А на фронтах Отечественной войны, несмотря на разгром немцев под Сталинградом, снова сгущались тучи. Немцы не

смогли смириться с позорным разгромом под Сталинградом. Немецких вояк одолевала сумасбродная идея реванша. Будущая военная операция получила у немецких генералов наименование «Цитадель». Ни к одной военной операции немецкое командование не готовилось так, как к операции под Курском. В составе ударных группировок противника насчитывалось более 10 тысяч солдат, до 2700 танков, около 2050 самолетов. Большое внимание придавалось участию в предстоящих боях новой боевой технике – танков «тигр», «пантера», новых самолетов и другой боевой техники.

Наша боевая техника, как показали себя бои, была не хуже немецкой, а во многих случаях превосходила ее. Но фронт нуждался не только в современной боевой технике, но и в бойцах и офицерах, хорошо владеющих ею. Так, мы, курсанты Могилевского пехотного училища, досрочно, не дожидаясь присвоения офицерских званий, оказались бойцами действующей армии на Курской дуге.

Сначала нас поездом доставили до станции Козельск, затем походной колонной добрались до линии фронта. Дорогой нас неоднократно бомбили, но жертв, к счастью, избежали. Штаб 83-й дивизии, в который мы влились, располагался в небольшом лесочке в лощине. Встретили нас хорошо, организовали самодеятельный концерт, в котором в карикатурном виде изобразили немецких вояк. Нас накормили, выдали нам сухой паек и приказали занять позиции для утреннего наступления. Утром выстроились в линию и пошли в наступление.

Сначала шли ровной цепью с винтовками наперевес, а потом вспомнили, как каппелевцы из фильма «Чапаев» шли в колоннах, как они вытягивались в струнку при ходьбе, при этом, изредка, лихо наклоняя голову при свисте немецких пуль (мы смотрели это кино, как раз накануне и начали повторять). Мы очень старались быть похожими на них, но сами не знали, что это смотрится смешно со стороны. Это мы поняли лишь тогда, когда увидели смеющихся старых солдат, которые подшучивали над нами: «Пока вы кланяетесь пуле, она уже далеко позади вас». Только некоторые из нас подумали, что так, пожалуй, можно воевать, как немцы, подпустив нас поближе, открыли ураганный огонь из всех видов оружия.

А в небе кружились немецкие бомбардировщики и наши «ястребки». Но вот послышались характерные для летящих снарядов звуки, а небо прочертили огненные полосы. Это же заработали наши знаменитые «катюши» - догадались мы. Заградогонь прекратился, над немецкими позициями стоял густой черный дым.

Послышалась команда: «За Родину! За Сталина! В атаку! Вперед!». Напуганные артобстрелом, оглохшие от взрывов снарядов и мин, мы начали медленно подниматься. Я, назначенный командиром взвода, постарался подняться первым. Подбегаем к окопам противника – повсюду раненые и убитые солдаты, многие стоят с поднятыми руками. Но один из офицеров не пожелал сдаваться и продолжал строчить из ручного пулемета. Находясь ближе других к окопам, я бросил в стрелявшего офицера гранату и, возможно, спас многих от гибели. Это был первый бой в моей жизни.

Наступление нашей 83-й стрелковой дивизии продолжалось, а потери в наступательных операциях значительно больше, чем в обороне, и в одном из наступлений, 10 августа 1942 года, я был тяжело ранен - получил осколочное ранение. От смерти меня спасло то, что осколок попал в винтовку. Лежа на поле в воронке и превозмогая боль, периодически теряя сознание, я слышал стоны рядом лежащего солдата. Лежа на спине, он звал санитара, но его было почти не слышно. Все поле было усеяно ранеными солдатами, нуждающимися в помощи и скорейшей операции.

К утру к нам подошел какой-то санитар и начал узнавать о моем состоянии. Я просил его, что бы он сначала помог другому солдату, но, проверив его пульс, он начал заниматься мной. Положив меня, семнадцатилетнего мальчишку, на плечо - отнес в госпиталь. Там, после того, как определили характер ранения, меня отправили на хирургическую операцию под общим наркозом. Из эвакогоспиталя № 1242 я выбыл 25 ноября 1943 года.

Снова военное училище и фронт

Из эвакогоспиталя я сначала попал в запасной пехотный полк, а оттуда, согласно общему приказу Верховного командования, меня, как имеющего, хотя и неполное, среднее образование, направили в марте 1944 года на учебу в

Камышинское танковое училище, а по окончании его - на 2-й Белорусский фронт в качестве командира танкового взвода в звании младшего лейтенанта (в подчинении 2 офицера-командира танка).

Прежде чем выехать на фронт, мы должны были получить здесь же, в Омске на бывшем паровозоремонтном заводе, новые танки, которые находились еще в производстве. Так как мы хорошо разбирались в конструкции танка, то нам предложили помочь рабочим в сборке танков. Кроме того, необходимо было провести сколачивание экипажей. Поэтому выехать на фронт смогли только в апреле 1945 года.

К этому времени бои уже шли под Берлином. До Советской границы ехали поездом, а дальше до линии фронта – своим ходом. Когда проезжали по территории освобожденной Польши, население городов встречало нас цветами. Подъезжая к Берлину, мы по танковому радио услышали радостную весть – водружено знамя Победы над Рейхстагом.

Но оставалась еще союзница Германии – милитаристская Япония. И поэтому с Берлином не удалось познакомиться – пришлось оставить свои танки в Берлине, срочно выехать на Родину, получить в г. Саратове на ремзаводе новые танки Т-34 и литерным поездом выехать в Забайкальско-Амурский округ на помощь дальневосточникам в разгроме милитаристской Японии.

Когда прибыли, дальневосточники нам заявили, что вы уже, мол, навоевались, вся грудь в орденах, поэтому передайте нам свои современные танки, а сами отправляйтесь в резерв. Я, например, получил должность автотехника по танковым запчастям. Под моим началом работали не только русские солдаты, но и японские солдаты-смертники. Однажды мы, русские, решили попросить японских солдат-смертников рассказать, как они воевали против русских танков. Вот их рассказ: «Идет маленький русский танка. Смертник с шестом, мина - на конце бросается на танк: смертника нет, а танка идет!»

Наконец, и с милитаристской Японией было покончено, страна приступила к восстановлению народного хозяйства. А вскоре вышло распоряжение, разрешающее демобилизацию офицеров, желающих, в частности, продолжать учебу с целью

получения специальности: стране позарез нужны были знающие специалисты и опытные рабочие руки. 15 сентября, по моей просьбе, я был демобилизован из рядов Советской Армии.

Учеба, мирный труд

Итак, я в родном гнезде, на иждивении родителей. Отец советует окончить десятый класс и поступить в институт. Я так и сделал. Я долго думал, где мне продолжить свое обучение, так как есть много интересных профессий. Но я решил выбрать технический институт. У меня был выбор между двумя учебными заведениями, которые прельщали меня своими специальностями. Но послевоенное время было сложное, и мне надо было жить на что-то. Мне не хотелось существовать за счет моих родителей. Я хотел начать зарабатывать сам, и единственным решением была стипендия. Мне показалось в то время самым разумным поступить в тот институт, в котором выплачивалось государственное пособие выше, чем в других. Я поступил в Институт стали и сплавов. О чем никогда не жалел, я считаю, что сделал правильный выбор.

Но, учась в этом институте, мне все равно пришлось подрабатывать на стороне. В последние годы учебы я познакомился со своей будущей женой. Жена моя была на специализации литейщика, а я сам был мартеновец. На последнем курсе мы официально оформили наши отношения. С этого момента стало немного тяжелее в финансовом отношении. Но мы не унывали. Вскоре у нас родился ребенок. По заключению врачей, у него был врожденный порок сердца. Врачи посоветовали поменять нам наше место пребывания. По этим же причинам при распределении мы с женой дали согласие работать на Уралмашзаводе, где был более подходящий климат для нашего больного ребенка. Жена, Римма Вениаминовна, поступила в научно-исследовательский институт при заводе – НИИТЯЖМАШ. А я год проработал сменным мастером в мартеновском цехе, а потом тоже перешел в НИИТЯЖМАШ в подотдел реконструкции металлургического производства, занимался, в частности, реконструкцией мартеновского и кузнечно-прессового

производства. Уволился в марте 1989 года в связи с выходом на пенсию. Мог получить ученую степень, но имел собственное мнение по поводу хода работы, не совпадающее с мнением моего руководителя, и отказался.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки ***Абулева Динара Нильевна и Паймышева Екатерина Андреевна,*** *студентки 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Заварухин Павел Филиппович

Солдат пяти войн

(В пяти частях. Начало в томе 5)

Часть 2. Постижение мечты

В первой половине декабря 1937 года, после 14-месячного отсутствия, я вновь прибыл в знакомый мне город Брянск, в авиационный гарнизон, в котором проходили первые годы моей службы. Вспоминались события прошедшего времени, напряженной учебно-боевой подготовки. Сопоставляя всё это с условиями боевой работы, проводимой добровольцами в Испании, возникало чувство благодарности командирам, которые проводили с нами, молодыми авиационными кадрами, плодотворную напряжённую боевую подготовку, взращивая профессионалов своего дела.

По всему было видно, жизнь в гарнизоне и городе шла в привычном умеренном ритме. Казалось, что всё идёт своим чередом. Однако, присмотревшись к городу, его жителям, населению авиагарнизона, возникало порой такое ощущение, что людей мучает какое-то напряжение, сдержанная тревога. Это было, видимо, навеяно событиями, происходившими в стране - продолжавшимися репрессиями, а также событиями в мире: войной в Испании, Китае.

Но изменения имеются. Проведены некоторые штатно-организационные мероприятия в ВВС РККА. В бригаде упразднены истребительные авиационные эскадрильи. Сформированы истребительные авиаполки. Авиационные отряды преобразованы в авиаэскадрильи истребителей. В истребительных подразделениях и частях мало знакомых лиц, они укомплектованы молодым составом. Из прежнего состава авиационной бригады большое число летчиков и техников ушло добровольцами в Испанию и Китай. По возвращении из Испании многие были переведены в другие авиасоединения, пошли на повышение либо находятся в «отпуске» и ждут новых назначений. Проведя два-три дня в Брянском гарнизоне, повстречавшись со старыми друзьями, я затем уехал в Оршу - место дислокации 14-й бригады. В эту бригаду мне было предписано явиться для дальнейшего прохождения службы.

Орша и Оршанский гарнизон мне были незнакомы. Незнакомо было и командование бригады. Однако в бригаде меня приняли хорошо, доброжелательно. Время было обеденное, и начштаба бригады сразу же предложил мне отобедать. Он сказал, что командир бригады примет меня в 15.00 в своём кабинете. Обед был традиционно авиационный, и я с удовольствием отобедал в лётной столовой.

Командир бригады принял меня доброжелательно, подчёркнуто вежливо. Приняв доклад, моё назначение в бригаду он приветствовал. Поздравил с благополучным возвращением из правительственной командировки, с награждением правительственными наградами. Задал ряд «дежурных» вопросов, и в конце беседы объявил мне своё решение - определить на работу инженером по вооружению формируемого истребительного авиаполка, а также сказал, что после того, как я устрою свои дела в новой должности, мне разрешается месячный отпуск до февраля 1938 г. Командира бригады я поблагодарил за оказанное доверие. Потом изложил своё желание переучиться на лётчика. Сказал при этом, что данный вопрос мною обговорён в Москве: там его будет решать Военный Совет ВВС. Но, возможно, будет прислан запрос командиру бригады. Я убедительно просил комбрига положительно содействовать моему желанию. Он заверил меня, что препятствий с его стороны не будет.

После беседы с комбригом представился командиру формируемого ИАП. Командир полка был из тех летчиков, кто еще не побывал в Испании, но желал туда поехать. Принял хорошо, внимательно выслушал мои желания в связи с назначением в его полк. Сказал «Устраивайтесь на жильё», и перенёс большой разговор на следующий день.

Итак, я начал вживаться во всё новое, мне неизвестное. Командир полка принял меня утром следующего дня. О многом расспрашивал, внимательно слушал. Обговорив с ним все вопросы о предстоящей моей работе в новой должности, и получив разрешение на отпуск, выехал к родителям в деревню Разгуляй. Путь был недолгим - из Орши в Горький, оттуда в Красные Баки - и вот родительский дом. Стоит ли описывать ту радостную встречу с родными после долгой разлуки?! Да, если учесть, что они чувствовали, догадывались, знали о том, что я был в Испании, в круговерти военных событий. Пробыл с родными неделю и, распрощавшись, отбыл в другие края. На обратном пути в Оршу заехал в Горький к брату Василию. Он жил там с семьёй, работал на автозаводе. Пробыл я в семье брата два дня. За это время смог навестить брата Ивана, также работавшего в Горьком, и друга по комсомолу - Кудряшова Александра Фёдоровича. Он в это время был секретарём Горьковского областного комитета ВЛКСМ.

Находясь в г. Горьком, я получил из Оршанской авиабригады уведомление от штаба ВВС о том, что я включён в группу слушателей по переучиванию на лётчика в Сталинградском летном училище. Срок прибытия в Сталинградскую летную авиашколу 20-22 февраля 1938 г. То есть, в моём распоряжении оставалась всего одна неделя отпуска. Быстро завершив свидание с родственниками и знакомыми, поспешил к месту службы в г. Оршу, в свой ИАП. Проезжая через Москву, заехал в штаб ВВС и, удостоверившись в действительности такого решения, продолжил свой путь в Оршу. Кажется, моя желанная мечта сбывается.

Доложил командиру ИАП о прибытии из отпуска в связи с телеграфным уведомлением, полученным во время отпуска. Командир полка посоветовал мне обговорить необходимые вопросы по службе с моим преемником. «Используйте оставшиеся дни отпуска по своему усмотрению и готовьтесь

убыть к сроку в Сталинградское училище», - сказал мне командир полка. По завершении сдачи своих служебных дел в полку, в моём распоряжении оставалась пара дней. И тут - приятное событие: встретил в бригаде друзей и соратников по Испании: С. Кузнецова, который оставался на севере Испании инструктором эскадрильи И-16, обучавшим испанских лётчиков. Встретил и Валю (Валериана) Яманова, друга по Брянску, побывавшему в Испании. Он был ранен в Алкала-де-Энарес: когда по аэродрому нанесли удар «юнкерсы», он выруливал на взлёт; подлечился в испанском госпитале - и вот, прибыл в родные места.

Оставшиеся в моём распоряжении дни мы провели весело в дружеском общении по полной норме, благодаря супруге Вали Яманова - Антонине. Она была хорошей хозяйкой и товарищем в семье летчиков-истребителей и авиаторов вообще - честь и хвала ей!

День отъезда. Попрощался с друзьями и близкими товарищами, и в путь. Приняли на «дорожку» под здравицы за скорую встречу по завершении учёбы. Забрал чемодан с пожитками - небогатым холостяцким барахлишком, и в дальний путь, по маршруту Орша-Брянск-Москва-Сталинград.

В двадцатых числах января я прибыл в Сталинград. С вокзала сразу же уехал к месту назначения - в авиагарнизон, где размещалось авиационное училище. Оно располагалось недалеко от центра города. Прибыв в училище, замечаю, что здесь уже собрались многие из тех, кому предстоит решать ту же, что и у меня, задачу. Начальник училища полковник Нечаев приехавших слушателей принял лично во второй половине дня. Он приветствовал прибывших на учёбу, разъяснил порядок прохождения мандатной и медицинской комиссий, определил места проживания и питания. Напомнил цель нашего прибытия в авиаучилище и поставил задачи на первый период обучения, при этом, заявив, что подготовку этой группы «слушателей» он берёт под свой личный контроль. Напомнил о соблюдении воинской дисциплины и хорошего поведения в гарнизоне и городе.

Разместили нашу группу в общежитии курсантов, которое представляло из себя здание барачного типа. Питание осуществлялось в общей столовой. Состав прибывших на переучивание (порядка 30 человек) был различен по

профессии, возрасту и воинским званиям. В большинстве своём это были добровольцы, побывавшие в Испании - авиационные техники, стрелки-радисты, штурманы, и даже авиационные инженеры, пожелавшие стать летчиками. В начале надлежало пройти «социальный отбор»: мандатная комиссия выясняла социальное происхождение и прохождение прежней службы. Пройти эту проверку было нетрудно, все мы не раз были проверены в ВВС. Затем предстояло пройти фильтрацию медкомиссии и строгий экзамен. Всё также прошло успешно. Прибывшие в училище кандидаты на переучивание были зачислены слушателями. Группа слушателей (старший - майор Васильев) была разделена на два отряда. Началась планомерная напряжённая учёба. Программа обучения была рассчитана на 6 месяцев. В соответствии с ней, предстояло пройти теоретический и затем - практический курс. Предстояло изучить аэродинамику, матчасть самолётов, двигателей, штурманское дело, военную географию, топографию, тактику и уставы. И, конечно, планировалось проводить комплекс спортивно-физических занятий. Для занятий с группой слушателей были выделены опытные хорошо подготовленные преподаватели и инструкторы.

Успешно закончив теоретический курс обучения и сдав зачёты, приступили к практическим полётам. Для выполнения этой части программы обучения переехали на другой аэродром - Гумрак. Лётная подготовка велась последовательно на самолётах У-2, Р-1, Р-5, И-5, И-15. Проводя лётную подготовку, инструкторы и командиры подразделений (звена, отряда) определяли способность слушателя во владении самолётами в полёте, затем давали советы и рекомендации. Мне однозначно предписывалось стать истребителем. Поэтому на завершающем этапе обучения я выполнил полностью программу на самолёте И-15. На нём я был экзаменован с оценкой «отлично».

Ход обучения в училище осуществлялся строго по программе, но в меру ускоренно. Строевые части ожидали пополнения летчиками. Командование училища и те, кто был привлечен к обучению группы слушателей, трудились с полной отдачей сил и умения. Это обуславливалось задачами по укреплению обороноспособности страны в условиях складывавшейся в мире сложной обстановки. Продолжалась

война в Испании и Китае. Гитлеровцы превратили Германию в военный лагерь и спешно готовили армию для осуществления своих разбойничьих замыслов. В марте 1938 г. Германия захватила Австрию. Япония, захватившая часть территории Китая, распространяла агрессию на другие страны. Западная дипломатия всеми силами стремилась направить фашистскую агрессию на Советский Союз.

В сентябре был закончен полный курс обучения. Настал момент подводить итоги. Слушатели переехали в авиационный гарнизон, в город. Вечером в торжественной обстановке начальник училища поздравил слушателей с успешным окончанием учёбы и приобретением новой профессии лётчика. Зачитал приказ Наркома обороны о назначениях и присвоении новых воинских званий. Мне было присвоено звание старший лейтенант и должность - командир звена; определен для прохождения службы в ВВС МВО. Хорошо помню из приказа Наркома обороны также и то, что в ВВС МВО назначаются лётчики, окончившие Сталинградское лётное училище: Чижевский А., авиационный инженер-капитан - командиром звена; Предков М.И., штурман, старший лейтенант - командиром звена; Соколов Г.М., старший лейтенант - старшим лётчиком. В распоряжение ВВС РККА - Девятников И., старший лейтенант - лётчиком-бомбардировщиком; Пархоменко Е., старший лейтенант - старшим лётчиком. Все мы, в числе группы слушателей, проходили обучение в одном учебном отряде и сдружились. Саша Чижевский прибыл в училище из ленинградского НИИ, Миша Предков - бывший штурман ТБ-3, дальневосточник; Гриша Соколов - авиамеханик, участник событий в Испании в группе у Гусева. Иван Девятников - авиатехник экипажа Каманина, Женя Пархоменко - авиатехник, приёмный сын Ворошилова. Иван Девятников был единственным семейным среди нас, имел квартиру в Москве, которая потом многие годы служила нам пристанищем, «штаб-квартирой», когда приходилось бывать в Москве.

В один из дней выехали из Сталинграда в Москву, к месту назначения. Григорий Соколов выехать с нами не смог - заболел. Появился в Москве через две недели. Ехали мы в столицу с хорошими чувствами и в приподнятом настроении. Прибыв в столицу, незамедлительно направились в штаб ВВС

МВО и сразу попали на приём к начальнику штаба. Он принял нас доброжелательно, приветствовал наше прибытие. Просмотрев предъявленные документы, доложил командующему о прибытии новой группы лётчиков. Командующим ВВС МВО в этот период был комбриг Еременко, участник боёв в Испании.

Командующий принял нас доброжелательно. Поинтересовался, как прошла учёба в лётном училище, как понравилась новая профессия. Выслушал нас внимательно и пожелал успехов в военной службе в новом качестве. Затем объявил, что нам надлежит убыть в Люберцы, в 6-ю авиабригаду, там о нашем прибытии уже будет известно. Ответив: «Есть!», отбыли к новому месту службы.

На станции Люберцы перед нами предстал огромный военный городок с калиткой для прохода. Штаб авиационной бригады размещался в большом приземистом здании на окраине аэродрома. Первым нас встретил дежурный офицер, который направил нас к начальнику штаба. Начштаба доложил командиру бригады о нашем прибытии и отвёл нас в его кабинет. Командир бригады полковник Сбытов Н.А. принял нас стоя, поздоровался с каждым, поприветствовал с приездом. Ознакомился с каждым, потом поинтересовался, как настроение, как семейные дела (а мы все были холостяки), при этом напомнил, что с жильём трудновато. Определил наше место по службе - в 34-й ИАП. Пожелал успехов в воинской службе, успехов в боевой и политической подготовке. Одновременно с этим сказал, что вопрос с очередным отпуском решит командир ИАП.

И вот мы, всей четвёркой так и бродившие по штабным лабиринтам, у командира полка. Командовал 34-м ИАП в то время майор Рыбкин П. (тоже участник боёв в Испании). Он дружески нас приветствовал, провозгласив: «В нашем полку прибыло!» Одобрительно отозвался о том, сколь своевременно полк получает кадровых лётчиков. Обговорив все вопросы текущего момента по службе и быту, сказал, кто в какую эскадрилью зачислен, и отвёл нам два дня на устройство личных дел. При этом сообщил, что его зам. по тылу покажет квартиру, двухкомнатную, выделенную нам командованием бригады. После обустройства в квартире нам предоставляется очередной отпуск на месяц с выездом из гарнизона.

Так началась моя военная служба в новом качестве: лётчика-истребителя. Назначение всей нашей четвёрки «братьев» (так нас часто называли) в один полк нас, конечно, устраивало. Мы сдружились во время переучивания в Сталинградском училище, и в дальнейшем так сложилось, что наши пути в военной службе долгое время были совместными. Семьями в тот период мы не были обременены, а военные события следовали одно за другим. К тому же, получив для проживания по комнате на двоих, мы ощущали определенную житейскую стеснённость. Было ощущение, что всё ещё продолжается наша курсантская служба.

Предоставленный месячный отпуск хотелось провести по-хорошему, с выездом на море. Однако на выделенный нам период отпуска путевок на морские курорты получить не удалось ни в авиабригаде, ни в штабе ВВС округа. Дни отпуска уходили. Но мир не без добрых людей. Помочь нам решили рядовые сотрудницы Главного штаба ВВС. Они предложили такой ход: в Москве находился начальник ялтинского дома отдыха «Красный летчик» Кострыкин Петр Павлович. Наши доброжелательницы пообещали обговорить с ним вопрос об устройстве нас на отдых в «Красный лётчик» без путевок. При этом они так уверовали в положительном решении данного вопроса, что категорически объявили, чтобы мы обзавелись проездными документами и прибыли на Курский вокзал к поезду Москва-Севастополь. «С этим поездом отъезжает из Москвы Петр Павлович Кострыкин. Вас с ним познакомим, надеемся, будет дано добро. Нам останется только пожелать вам доброго пути к Черному морю», - сказали они.

Рекомендация нами была принята, и встреча у поезда состоялась. Петр Павлович вопрос решил положительно. Прибыв к месту назначения в санаторий «Красный летчик», хозяин отвел нам на троих для проживания двухкомнатную веранду, дал нужные поручения обслуживающему персоналу. Мы стали безмятежно отдыхать. Купались в море, в меру загорали и, конечно, вечерами прогуливались по набережной. Изредка были участниками экскурсионных поездок по историческим местам Крыма. Дни летели быстро, отпуск близился к завершению. Мы, полные сил и здоровья, готовились к возвращению в часть для летной боевой учебы.

В один из дней мы с Мишей Предковым, проходя по городу, неожиданно встретили мужчину, вышедшего из горкома ВКП(б), который, заметив Михаила, окликнул его. Они обнялись, дружески похлопывая друг друга по плечам. Затем знакомый Михаила познакомился со мной. Это был секретарь горкома, ранее живший вместе с Михаилом в одной станице. Друг друга они давно не видели, а здесь - повстречались. Он извинился за краткость встречи - спешил по делу, и тут же пригласил нас, если пожелаем, поехать с ним в совхоз «Массандра». Там вскоре состоится совещание по подведению итогов соцсоревнования между совхозом «Массандра» и Новороссийским совхозом шампанских вин. Было назначено место и время встречи. На следующий день секретарь горкома забрал нас на своей «эмке» у санатория, и мы прибыли в совхоз «Массандра». Встретил нас парторг совхоза. Затем нам было предложено два варианта пребывания: присутствовать на совещании при подведении итогов или ожидать его окончания, находясь в кабинете парторга. Мы выбрали второй вариант. Нам было разрешено дегустировать, если пожелаем, имевшиеся в шкафах кабинета вина, за исключением тех, что стояли в шкафу «Х» В нем находились выдержанные марочные сорта вин, не только «Массандра», но и заграничные. Предоставленной свободой мы, конечно, не злоупотребляли, дегустацию провели скромно, памятуя об обеде, который должен был состояться после совещания.

После совещания и объявления победителя всех пригласили к столу. Секретарь горкома отбыл из «Массандры», ссылаясь на дела. Мы тоже покинули трапезу. Парторг совхоза, извинившись, что уделил нам мало времени для знакомства с работой совхоза, предложил нам прибыть сюда на следующий день. Он сможет показать нам многое и по полной программе провести дегустацию вин. Мы согласились с предложением. На следующий день мы, уже втроем, прихватив Сашу Чижевского, к условленному времени прибыли в совхоз «Массандра». Встречал нас парторг, он и возглавил экскурсию по богатейшим подвалам, а затем провел дегустацию. Мы увидели масштабность работы совхоза, множество марочных вин, процесс их изготовления и хранения. В дегустационном зале стояли массивный стол,

дубовые тяжелые не сдвигаемые кресла, разномерные калиброванные бокалы для каждого сорта вина. Надегустировались мы в меру. В завершении нам предложили журнал для записи отзывов. Предварительно ознакомились с некоторыми из них, оставленными там ранее. В журнале имелись записи многих известных людей, в частности Максима Горького, полярника Кренкеля и других. Запомнилась запись Кренкеля: «Раньше я употреблял преимущественно водку, а теперь буду и вино». Покидая совхоз «Массандра», мы поблагодарили гостеприимных хозяев за оказанное внимание, пожелали им успеха. В завершение всего нам в качестве подарка преподнесли три свертка, по пять бутылок вина в каждом: «Массандра», «Розовый мускат», «Белый мускат», «777» и «Черный жемчуг».

К месту будет сказать, что накануне, на совещании, старший группы представителей Новороссийского совхоза шампанских вин настоятельно приглашал нас поехать в Новороссийск, в их совхоз, предлагая хороший прием. Добраться туда предлагал вместе с ними на катере. Но мы, поблагодарив, отказались, поскольку это были последние дни нашего пребывания в Ялте. Они восприняли наш отказ с пониманием и тут же передали в дар нам шесть бутылок шампанского.

Вот с таким грузом напитков мы возвращались из отпуска в свой гарнизон. При этом условились, что весь дар будет употреблен только на свадьбе кого-либо из нашей четверки. Но после того отпуска за период 1938-40 г.г. никто из нас семейным человеком не стал, возможно, что и по причине участия в военных событиях. Винный дар ушел «по мелочи».

Возвратясь из отпуска в полк, я сразу включился в интенсивно ведущуюся полком лётно-боевую подготовку. Отрабатывался индивидуальный пилотаж, групповая слётанность (до полка включительно). Проводились воздушные стрельбы, учебные воздушные бои, полёты по маршруту. После отработки этих элементов лётной подготовки приступили к ночной подготовке. Отрабатывались полёты «под колпаком», полёты в облаках и ночью. Подготовка лётного состава подразделений и полка велись в объёме, требуемом для уровня, соответствующего уровню защитника

неба Москвы. При этом особенно большое внимание уделялось ведению воздушного боя, воздушной стрельбе. Это означало, что лётчику требовалось освоить самолёт-истребитель в совершенстве и полностью использовать в бою его боевые и пилотажные возможности. Ведя напряжённую учебно-боевую и лётную подготовку, бригада и наш 34-й полк готовились к участию в воздушном параде 1 мая 1939 г. над столицей СССР. Я также был включён в состав участников парада, что, конечно, меня ободряло и радовало.

Парад над Москвой 1 мая был внушительным по составу его участников и прошёл успешно. После завершения парада в Кремле правительство организовало торжественный приём, на котором я присутствовал. Здесь я встретил многих из лётчиков-истребителей, воевавших в Испании. На этом приёме впервые я видел почти всё руководство Советского Союза во главе со Сталиным.

После этого события в истребительных частях авиабригады продолжалась лётно-боевая подготовка, которая велась с ещё большей напряжённостью и интенсивностью. Делался упор на освоение полётов в сложных метеорологических условиях и ночью. Это требовали события, происходившие в мире. Мюнхенское соглашение, безусловно, ускоряло развязывание Второй Мировой войны. В мае 1939 г. начались военные события в Монголии, на р. Халхин-Гол. Японские войска, оккупировавшие Манчжурию, планировали захватить территорию МНР, а в дальнейшем - прорваться в Северное Забайкалье, перерезать Транссибирскую железную дорогу и отрезать Дальний Восток от остальной территории СССР. 28 мая силами свыше 2500 штыков и сабель, при поддержке танков, бронемашин, артиллерии и авиации, они повели наступление на территорию Монголии. Монгольские части и пришедшие им на помощь части РККА отбросили противника на 1,5-2 км от места вторжения. Это, однако, не остановило агрессию Японии. В июле японские войска предприняли второе крупное наступление с целью продвинуться вглубь монгольской территории.

* * *

Вскоре после майских торжеств, в одно июльское утро в гарнизоне прозвучала боевая тревога. Согласно боевого расписания, захватив необходимое, мы прибыли на аэродром и быстро подготовили самолёты к возможным боевым действиям. Ждали дальнейших распоряжений. По истечении 40-50 минут после объявления тревоги, последовал приказ - всем построиться у крайнего ангара согласно боевому расписанию. Прошло 10 минут - все в сборе. К ангару, к строю лётно-технического состава, прибыли командир бригады полковник Сбытов, начальник штаба и комиссар бригады. Поздравили с хорошо исполненными задачами по сигналу боевой тревоги, обошли строй полков, проверили экипировку. Затем, видимо, по заранее подготовленному списку, по-фамильно вызывали лётчиков и техников, приказав им построиться на правом фланге полков. Потом последовал опрос о состоянии здоровья, семейном положении, обеспеченности жильём, а также о наличии причин, препятствующих скорому убытию из гарнизона для дальнейшего прохождения службы в отдалённых районах. Конечно, всем было понятно, что это за удалённые районы, так как в это время разрастались военные события на территории дружественной Монголии. Из числа объявленных фамилий был сформирован полк, командиром которого назначался майор Кузнецов. Затем всех отпустили по домам. При этом было приказано лицам, зачисленным во вновь сформированный полк, через 4 часа явиться на аэродром, откуда на автотранспорте они отбудут на Ярославский вокзал столицы, где их ожидает спецпоезд.

Я также был включён в состав убывающего истребительного полка. Так завершилась моя недолгая, но интересная и напряжённая работа в строевой части ВВС МВО в должности командира звена. Собрав необходимые, в предстоявших условиях работы, вещички, оставив под присмотр Саши Чижевского оставляемое имущество (только он из нашей четвёрки оставался в гарнизоне) наша тройка: я, Миша Предков и Григорий Соколов - в назначенный срок убыла из гарнизона на восток. При необходимости оставленное нами имущество нужно было сдать коменданту КЭЧ на хранение.

С Ярославского вокзала Москвы «скорым» мы стартовали в направлении Дальнего Востока. Путь предстоял неблизкий и продолжительный. Время в пути мы коротали за бурными дебатами, обсуждая положение в стране и мире. Кое-кто из лётчиков имел при себе географические карты Сибири и Забайкалья, по ним мы заинтересованно изучали места, куда нам вскоре предстояло прибыть. В нашем вагоне «гидом» выступал Миша Предков. Он много лет служил в Забайкалье, штурманом в бригаде тяжёлых бомбардировщиков, поэтому имел хорошие познания об этом крае.

Нам казалось, что поезд движется медленно. Хотелось поскорее прибыть к месту назначения. Миновали Свердловск, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, озеро Байкал, Улан-Удэ, Читу. И вот на небольшой станции «111-й разъезд» поезд остановился. Нам - команда: «Москвичам - сходить, приехали». Встречает нас офицер местного авиагарнизона, приглашает в автобусы и отвозит в авиационный городок. Здесь нам указываются места для проживания - солдатские казармы барачного типа. Затем приглашают на ужин. Столовая представляла собой большой хорошо обставленный зал. Накормили нас по лётной норме.

Утром следующего дня мы прибыли на аэродром. Боевых самолётов там не было, зато стояло большое количество ящиков с истребителями, которые надлежало собрать и привести в боевое состояние. К выгрузке самолётов из ящиков, а затем и их сборке был привлечён весь личный состав прибывшего из Москвы ИАПа, а также технический состав и обслуживающий персонал аэродрома. К нашему удивлению (и восхищению) это были самолёты-истребители нового типа И-153, о которых мы мало знали. Таких самолётов до этого времени в строевых частях не было. С хорошим настроем, энтузиазмом, мы приступили к сборке самолётов и изучению этой техники. Собранные самолёты были облётаны и приведены в полную боевую готовность. Затем были организованы учебно-тренировочные полёты с главной целью - отработка техники пилотирования на этом типе истребителя. Полёты проводились каждым лётчиком на закреплённом за ним самолёте. Стоит упомянуть, что меня как опытного «оружейника» командир полка Кузнецов обязал

контролировать ход подготовки и отладки вооружения самолётов для его последующего боевого применения.

По истечении пары-тройки дней, когда завершилась подготовка полка к боевым действиям, к нам на аэродром прилетел из района боёв в Монголии майор А. Зайцев. Он передал приказ командующего ВВС Смушкевича о том, чтобы через сутки полку быть в готовности к перелёту на аэродромы в район боевых действий. На следующий день на бомбардировщике СБ к нам прилетел сам Смушкевич. Он, убедившись в готовности полка к перелету, приказал осуществить вылет во второй половине дня. Лидером полка назначил майора Зайцева. После обеда, забрав личные «походные» вещи, лётный состав собрался на аэродроме. Командиром ИАПа был указан порядок взлёта, следования по маршруту и порядок посадки на промежуточном аэродроме для дозаправки. Полёт по маршруту - на малой высоте (в целях скрытности перебазирования), в правом пеленге эскадрилий, запасной аэродром - Баян-Тумень. Через 30 минут после постановки задачи все экипажи взлетели. Заняв в полёте установленное место в строю, взяли курс на Баян-Тумень. Посадку на него произвели организованно и без происшествий. Быстро проведя дозаправку самолётов, были готовы ко второму этапу перелёта. Майор Зайцев, лидировавший полк, перед вылетом ещё раз напомнил, что полетим к линии фронта, пройдём вблизи нескольких прифронтовых аэродромов. «Рекомендую на маршруте полёта присматриваться к обстановке. Изучайте район предстоящих боевых действий, запоминайте характерные ориентиры», - сказал он в прифронтовой аэродромной зоне. Ещё раз напомнил, что полёт будет проходить на малой высоте. Перед посадкой на очередной аэродром будет дан условленный сигнал. Посадка - аналогична той, что была произведена на Баян-Тумень.

Во время полёта маршрут несколько раз менялся. Кругом простиралась степь, изредка встречались невысокие сопки, местами в степи встречались табуны диких лошадей. Вдруг последовал сигнал на посадку - ведущая «Чайка» покачала крыльями. Рассредоточиваемся и в установленном порядке заходим на посадку. Действительно, слева по курсу полёта видна чуть заметная поляна - она-то и оказалась нужным нам

аэродромом. День уже был на исходе, но сели все лётчики полка в пределах нормы. Возбуждённые, радостные, собрались в круг. После краткого разбора перелёта командир дал команду на ужин. Было сказано: дальнейшие указания получите позднее.

На «аэродроме» не было никаких строений. Лишь в 300-400 метрах от рабочей части поля виднелись, чуть выступая над землёй, землянки. Это и были помещения для жилья, приёма пищи, а также баня.

Утром следующего дня полк был построен на аэродроме в готовности получить боевую задачу. И тут - приказ совсем другого содержания: лётному составу прибывшего полка самолёты И-153 передать лётчикам другого полка, взамен получить И-15. Мы были озадачены, удивлены и огорчены. Многие из нас высказывали недовольство и возмущение. На это тут же было сказано, что данное решение принято командующим ВВС РККА Смушкевичем. Самолёты И-153 передаются лётчикам, которые уже ведут боевые действия с японцами. Им было обещано вручить новые самолёты, поступающие на усиление истребительной авиации фронта.

Надо заметить, что умелое и достаточно эффективное применение И-153 в воздушных боях с японскими самолётами в какой-то мере смягчило нашу обиду и досаду на то, что не нам пришлось испытать в боях новый тип самолёта-истребителя. Но горечь осталась: нас лишили главного, желаемого - приобретения боевого опыта в настоящих воздушных сражениях.

Командир полка майор Кузнецов, видимо, не смог отстоять честь прибывшего из ВВС МВО авиаполка, который стал «растворяться» в других полках фронта. Лётчики прибывшего люберецкого полка были уязвлены и «унижены». Различными по составу группами их включили в другие полки, имевшие на вооружении самолёты И-15. Меня направили в состав 22-го ИАП. Там в роли командира эскадрильи И-15 мне надлежало возглавить группу из восьми экипажей на И-15, перебазироваться на аэродром тыловой зоны (в 70 км от линии фронта), где решать задачи прикрытия района базирования Скоростной бомбардировочной бригады полковника Шевченко, ведения борьбы с воздушными разведчиками противника и при необходимости - ведения

разведки на флангах группировки войск, ведущих боевые действия на р. Халхин-Гол: для выявления направлений подхода противника к линии фронта. В группу вошли также М. Предков и Г. Соколов.

Укомплектовав группу лётным и техническим составом, а также офицерами штаба, приняв матчасть (8 И-15), на исходе дня перелетели на указанный аэродром. Остальной личный состав группы прибыл на место автотранспортом. Тыловое обеспечение действий эскадрильи на аэродроме уже имелось. Так началось моё непосредственное участие в событиях на р. Халхин-Гол.

Аэродром, на который мы перелетели, представлял обычное степное плато. Рабочая часть аэродрома - грунт, достаточно плотный, поверхность ровная, слегка заросшая редкой степной травой. Для жилья и для других бытовых нужд имелись достаточно хорошо оборудованные землянки. В некоторых имелись даже «пологи» из марли над спальными местами лётчиков. Они предназначались для защиты от комаров и другой нечисти, которой здесь летали целые тучи. Они мешали не только сну, но и принятию пищи, и даже обычному разговору.

Переоборудовал одну из землянок в КП со скудным количеством аппаратов связи, наладил её, установил связь с нужными абонентами: штабом авиабригады, постами оповещения, штабом ИА фронта. Эскадрилья приступила к выполнению поставленных перед ней боевых задач.

В течение всего конфликта в тылу группировки советских войск японская авиация появлялась редко, действовала пассивно, от встреч с нашими самолётами уклонялась. Даже при ведении нами воздушной разведки вблизи границы только трижды их пары и четвёрки истребителей вступали с нами в бой. При этом, как только наши истребители пытались навязать им бой, они отходили на свою территорию. А нам было запрещено углубляться за линию Госграницы.

В одном боевом вылете звена (3 самолета, я - ведущий, ведомые - штурман эскадрильи М. Предков и летчик Тарон) мы были близки к ЧП с непредсказуемыми последствиями. Боевым заданием требовалось провести разведку наземного противника на левом фланге действующей армии в полосе Госграницы. Погода была облачная, 6-8 баллов на высоте

1000-3000 м, сильный ветер. Летели над облаками. В районе разведки снизились и обследовали значительный приграничный район. Появившаяся пара истребителей противника нашему полету не препятствовала, вела себя пассивно.

Выполнив задание, последовали на свой аэродром. За облаками вышли к контрольному рубежу у аэродрома, ориентируясь по времени полета. Но, выйдя под облака, нужного контрольного ориентира не обнаружили. Под нами простиралась малознакомая степь. Где мы находимся? Даю сигнал Мише Предкову выйти вперед, восстановить ориентировку. Он выполнил это, но вскоре встал на прежнее место. Дал знать: сориентироваться на местности невозможно. Тогда решил действовать лично. Полагал, что мы прошли за облаками контрольный ориентир, не учтя сильный попутный ветер. Разворачиваюсь на 180 градусов, и летим до какого-либо сколь-нибудь знакомого рубежа.

Через 5-7 минут наблюдаю в степи следы транспорта. Иду по этому следу, и вскоре наблюдаю действующий колодец. Опознаю его - раз пролетал над этим районом. Уверенно беру курс на свой аэродром. Вижу небольшой перевал, за ним - аэродром. Но тут ведомый летчик Таран, покачав крылом, идет на вынужденную посадку на наблюдаемую под нами травяную ровную площадку. Миша Предков, покачав крыльями, устремился за ним. Наблюдаю их посадку. Оба приземлились благополучно, показывают - все нормально.

Сам я решил продолжить полет на свой аэродром, убедившись по прибору в наличии остатка горючего. Однако, пролетев некоторое время, уже вблизи перевала мотор заглох - горючее кончилось. Иду на вынужденную посадку вблизи наезженной тропы. Сел благополучно. Тут начало темнеть, пошел дождь. Как мне сообщить в штаб о своем происшествии? Наблюдаю: невдалеке стоят телеграфные столбы, проходят провода - значит, они должны вывести к объекту.

Ночь в этом районе наступает быстро, темень жуткая. Но, ориентируясь по проводам, которые поблескивали при дожде, прошел несколько километров и вышел на жилой объект - тут стоит конный дивизион. Захожу во двор - только кони, зову кого-нибудь - на оклик никто не отзывается. Захожу в жилое

помещение - все безмятежно спят. Только в конце коридора бодрствует один солдат у телефона. Воспользовался этим телефоном, позвонил на КП аэродрома и сообщил, где мы находимся. Приказал с рассветом выслать автостартер и заправщик.

Все было исполнено. Рано утром прибыла группа техобеспечения. Заправив самолет горючим и запустив его, направил техпомощь к своим ведомым. А сам полетел к их месту посадки. Поскольку все севшие вынужденно самолеты были исправны, то всем составом звена перелетели на свой аэродром, и были готовы выполнять боевые задачи.

Всего моей группой было произведено свыше 200 боевых самолёто-вылетов, но воздушных боёв провели мало. Да их, по сути, боями считать затруднительно. Тем не менее, мы возложенную на нас боевую задачу выполнили. За всё время конфликта я произвёл 34 боевых вылета, из них 14 - на отражение авиационных ударов противника, 10 - на воздушную разведку, 8 - на борьбу с воздушными разведчиками противника. На моём счету 5 одиночных воздушных боёв.

В августе боевые действия на р. Халхин-Гол закончились. От командующего ВВС Дальневосточного фронта я получил следующее приказание: истребительной авиагруппе Заварухина перелететь на аэродром Чойбалсан и там ждать дальнейших указаний. Приказ был исполнен оперативно. Забрав личные вещи, в тот же день перелетели на указанный аэродром. Там, ожидая дополнительных распоряжений, пробыли двое суток, а приказаний всё не было. Неопределённость и безделье тяготило. И вот в один из дней я решил в паре с Г. Соколовым вылететь в Тамцак-Булак к И.А. Лакееву - старшему истребительной группы фронта. Вылетели в середине дня. Расстояние до аэродрома посадки - 180-200 км. Произвели посадку, я доложил о прилёте в штаб ВВС фронта. Был немедленно приглашён к И. Лакееву на приём и получил заслуженный нагоняй за самовольство. Однако, выслушав мотивы прилёта, Лакеев быстро смирился. Сказал, чтобы мы летели обратно, а через день указания о наших дальнейших действиях получим в штабе 22-го ИАП, находившемся в Чойбалсане. Обратный вылет из-за метеоусловий пришлось отложить. Переночевали вдвоём в одной маленькой палатке,

вблизи большой палатки «хетагуровок» (группы девушек, обслуживавших штаб ВВС фронта). Вечером ознакомились с их бытом.

На другой день, получив разрешение, вылетели без промедления в Чойбалсан (хотя погода не особенно благоприятствовала - дул сильный порывистый ветер). На маршруте Г. Соколов предпринял не особенно благопристойный поступок - снизился и обстрелял стадо джейранов, оказавшееся под нами, за что я его потом отругал. На аэродроме посадки нас встречала большая группа людей, которую возглавлял М. Предков. «Зачем столько людей было собрано на аэродроме», - задавал я себе вопрос, подлетев к аэродрому. Как только самолёт заканчивал пробег, несколько человек поймали его и сопровождали на рулении к стоянке. Эта мера была предпринята для того, чтобы не допустить поломки самолёта порывистым ветром. Всё обошлось благополучно.

Ровно через сутки от начштаба 22-го ИАП подполковника Иванова я получил приказ: перегнать самолёты И-15 нашей эскадрильи на аэродром Домна в авиабригаду Лебедева, при этом вручили все необходимые подорожные документы. Утром, проверив состояние самолётов и убедившись в их полной готовности к перелету, дал лётчикам команду: «По самолётам!» Получив разрешение с КП полка на запуск и старт, дал команду: «Взлёт!» Взлетев, эскадрилья взяла курс на 111-й разъезд. До свидания, Монголия! Через 1 час 20 минут мы приземлились на аэродроме «111-й разъезд». Перелёт на аэродром Домна решил осуществить во второй половине дня, после дозаправки самолётов и подготовки их ко второй части перелёта. И заодно решили пообедать в гарнизонной лётной столовой. Но тут случилось непредвиденное. После обеда я не обнаружил на вешалке в раздевалке своего реглана, пропал он и у другого лётчика из нашей группы. Заявили заведующей столовой о случившемся, но она только развела руками, а нас поджимало время. Хорошо, что в столовую прибыл командир авиационной базы. Он быстро разобрался в обстановке и приказал выдать нам со склада новые регланы. Так оперативно был разрешен сей неприятный инцидент.

Попрощавшись с гостеприимным начальником гарнизона и всеми, кто проявил к нам внимание и заботу, перелетели на аэродром Домна. Сдав самолёты инженеру бригады, я поспешил на доклад комбригу полковнику Лебедеву. Моё появление в штабе бригады было замечено. Командир бригады меня принял сразу, выслушал доклад, задал интересовавший его вопрос и, получив ответ, ознакомился с документами, которые я ему передал. Поздравил с успешным завершением боевых действий у реки Халхин-Гол.

Затем побеседовал с каждым из лётчиков группы, поинтересовался их прежней службой, здоровьем и самочувствием. Просмотрел сопровождающие документы. В конце довольно продолжительной беседы объявил следующее: согласно Директивы Наркома обороны, лётчики, участвовавшие в событиях на р. Халхин-Гол, остаются продолжать службу в ВВС Забайкальского Военного округа и Дальнего Востока. Затем дополнил, что я назначаюсь командиром Истребительной эскадрильи в ИАПе, формируемом в Чите (туда же направляются и остальные лётчики группы). Но добавил при этом, что Михаил Иванович Предков откомандировывается в Москву в полк, из которого он прибыл.

Я обратился к комбригу с просьбой (это же сделал и Соколов): предоставить отпуск с выездом в Москву, чтобы забрать личные вещи и имущество, которое там оставлено без надлежащего присмотра, поскольку мы убыли в Монголию «по тревоге». Он обещал решить этот вопрос позднее, а сейчас мы должны убыть на аэродром в Читу, к месту формирования полка. «Кроме того, вашей авиагруппе в составе шести экипажей необходимо перелететь на аэродром Борзя, затем на полевой аэродром для боевого дежурства по прикрытию Госграницы на срок, который будет обуславливаться создавшейся там обстановкой», - сообщил он нам. Ничего не оставалось, как исполнять приказ. Через три дня подготовки группа вылетела на аэродром Борзя, затем - на полевой аэродром, с которого выполняли боевую задачу: прикрывали госграницу от агрессивных действий с территории Манчжоу-Го в течение трёх недель. После чего в начале октября 1939 г. возвратились на аэродром Домна. И тут же отбыли на аэродром в Чите.

В Чите на вновь построенном аэродроме была уже введена в строй некоторая часть жилого фонда: казармы и офицерские дома. Нас принял комендант городка, распорядился разместить нас временно в гарнизонной гостинице. На следующий день вручил нам ключ от квартиры в четырёхэтажном офицерском корпусе. Пробыл я в Чите в период этой организационной чехарды несколько дней в безделье. Меня непрестанно будоражила мысль - быстрее выбраться из Забайкалья, получить отпуск с выездом в Москву, а там будет больше возможностей попасть в водоворот военных событий, в район боевых действий, поскольку именно в этот период на западных рубежах СССР происходили события, вызывавшие серьёзное беспокойство. Началась Вторая Мировая война.

* * *

Через несколько дней пребывания в Чите комбриг Лебедев объявил, что мне предоставляется отпуск до 15 декабря с выездом в Москву. При этом он заметил, что отъезд из Забайкалья, видимо, будет безвозвратным: назревают события в Финляндии. «Будь я на вашем месте - сам поступил бы так же», - сказал он и напутствовал пожеланием хорошо провести отпускные дни.

20 ноября я отбыл в Москву. Гриша Соколов тоже ехал в отпуск. В пути мы о многом вспоминали, обговаривали предстоящее будущее. Было решено предпринять все возможные ходы, чтобы добиться отправки в Ленинградский Военный округ на войну с белофиннами. Приехав в Москву, и добравшись до гарнизона Люберцы, мы, оказавшись в нашей квартире, узнаем, что М. Предкова и А. Чижевского нет. Они убыли на войну с Финляндией. Наше желание быть там же укрепилось. Мы добились приёма у Замглавкома ВВС Гусева (там же встретили Пумпура, но он уже был не у дел). Изложив нашу просьбу о желании быть ближе к боевым событиям, мы были поняты и получили «добро». Я был направлен в ЛВО на войну с Финляндией. Собрав пожитки в люберецкой квартире, решил отвезти их родным. Не теряя много отпускного времени, выехал в г. Горький и далее на ст. Ветлужская, туда же вызвал мать для встречи. Родных я не видел почти два года.

На ст. Ветлужская встретил обрадованную мать, повидал и брата Михаила. Он уже побывал в Финляндии, откуда вернулся без одной ноги, с протезом. За короткую встречу передал матери личные вещи, и очередным поездом, следовавшим из Кирова (Вятка - прим. ред.), уехал в Горький и далее в Москву. Так завершился мой долгожданный отпуск.

Прибыв в Москву, я сразу же выехал в Ленинград вместе с Гришей Соколовым. В Ленинграде в штабе ЛВО предъявили начштаба свои командировки. Нас сразу же направили на Карельский перешеек в 25-й ИАП ВВС 7-й армии, которой командовал С. Денисов. Первым делом мы представились командующему. Он меня знал лично по Брянску и Испании. Доложил ему о прибытии в его распоряжение. Он поздравил с приобретённой новой профессией лётчика-истребителя, пожелал успехов в боевых делах, боевых удач.

В начале декабря прибыл в полк, дислоцированный на озере Суула-Ярви, который затем перелетел на озеро Ристи-Ярви. Ледовый покров озер был взлетной и посадочной полосами аэродрома. Командир полка - полковник Торопчин, военком - старший батальонный комиссар Кобликов, начштаба - майор Разживин. Командир и комиссар приняли приветливо, доброжелательно. Они внимательно выслушали мой рассказ о том, как я оказался в полку, поощрительно отнеслись к моему стремлению попасть на фронт в боевую авиачасть. Я, а также Гриша Соколов, был зачислен в боевую семью. Вечером командир полка представил меня личному составу полка, объявив о зачислении в 1-ю эскадрилью командиром звена.

Командир эскадрильи - капитан В. Мухин (?), военком - батальонный комиссар Шубанов. На вооружении эскадрилья имела И-153: тот тип истребителя, который я освоил в Забайкалье. Это позволило мне быстро влиться в боевой состав эскадрильи. С первых дней моего прибытия на фронт я приступил к боевым действиям. Войска фронта вели бои за овладение «Линией Маннергейма». Зима была холодной, лётчикам пришлось пользоваться утеплённой лётной одеждой, надевать утеплённые маски на лицо. Но и при этом было много случаев обморожения лица. Стояла облачная погода, границы облачности простирались от малых до средних высот. В районе базирования полка частыми были морозные туманы и изморось. При посадке козырек кабины покрывался инеем -

приходилось открывать кабину и ориентироваться при посадке, перегибаясь через борт открытой кабины.

Летный состав полка проживал в прилегающих к озерам поместьях и, частично, в утепленных палатках. Столовая также размещалась в двух больших палатках. Для летного состава, где это было возможно, питание организовывалось в столовых, а технический состав кормился от походных армейских кухонь. Питались консервами или ветчиной. Иногда нам организовывали борщ. Как и в полярных районах, здесь было очень сложно готовить и содержать в боеготовном состоянии авиационную технику. Моторы самолетов постоянно подогревались от железных печек через шланги.

За время моего участия в боевых действиях с декабря 1939 г. по 13 марта 1940 г. совершил 69 боевых вылетов, из них 29 - на бомбардировку и штурмовые действия по войскам и объектам противника; 8 вылетов на воздушную разведку, 12 вылетов на сопровождение бомбардировщиков и воздушных разведчиков; остальные - на прикрытие наземных войск на поле боя. За период боевых действий участвовал в шести воздушных боях, сбив в них два самолёта противника лично (типа «бленхейм»), а также четыре - в групповом бою. При этом следует отметить, что в войне с Финляндией крупных боёв в воздухе не было. Авиации у Финляндии было мало, и большой активности она не проявляла. Общее превосходство было на стороне наших ВВС. Конечно, когда финны преобладали в конкретном случае количественно или находились в относительно выгодной позиции, они вступали в бой и вели его активно.

Мои первые боевые вылеты в составе звена осуществлялись для выполнения боевых задач на поле боя - прикрытия наземных войск или ударов по обороняющемуся противнику. Вскоре были получены и другие задачи - обеспечивать прикрытие бомбардировщиков, а также ведение разведки. В один из дней января 1940 г. наша эскадрилья сопровождала 3 девятки СБ в район Лаппенранта.

Особо запомнился такой вылет. В его преддверии я, в паре с летчиком Казаком, вылетал на разведку дороги северо-восточнее Выборга. Была обнаружена большая колонна автомашин противника, двигавшаяся в направлении Выборга. Её голова подходила к большому поместью. По возвращении

на аэродром я доложил разведданные и тут же получил от командира полка приказ готовить самолёты к вылету для нанесения бомбоштурмового удара. Ведущим назначили меня, ведомыми в этом полёте были комэск Пётр Казаченко и комзвена Григорий Соколов. Вылет в таком составе обуславливался очень сложными метеоусловиями в районе базирования полка и южнее Выборга.

Погода была отвратительная, но вылет состоялся. Придя в заданный район и обнаружив цель, приступили к штурмовке. Первыми, как было условлено, атаку выполняли ведомые, я их прикрывал. Самолётов противника в районе наших действий не наблюдалось. Выполнив первую атаку, применив бомбы, они провели ещё два захода, атакуя цель пулемётным огнём. Выйдя из последней атаки, подали сигнал об её окончании, и заняли свои места прикрывающих, а я пошёл штурмовать цель. Первый заход выполнил, применив бомбы и пулеметный огонь. При этом наблюдал во дворе очаг пожара. Потом провёл ещё два захода, применяя пулемёты. Когда выходил из третьего захода на цель, во дворе произошёл мощный взрыв. Волна взрыва и дыма взметнулась высоко, достигла и моего самолёта (он вздрогнул и закачался). Там, очевидно, находился склад боеприпасов. Закончив штурмовку цели, стал набирать высоту, но своих ведомых в районе прикрытия я не обнаружил. Они, как потом выяснилось, вели бой с четвёркой финских самолётов и сбили два из них. Увидев облако взрыва и столб дыма в районе цели, они посчитали, что я сбит и мой самолёт упал в районе цели. Возвратясь после боя на аэродром, они доложили о моей гибели и своих (по их оценке) успешных действиях. Я тем временем, выйдя из последней атаки и набрав высоту, увидел вдалеке в разрывах облаков пару самолётов, приближающихся к району цели. Сначала принял их за своих ведомых. При сближении оказалось, что это «Бленхеймы». Я вынужден был вступить с ними в бой. Памятуя, что боезапас у меня ограничен (был израсходован при штурмовке), бой повёл с оттягиванием на свою территорию. При этом удалось один самолёт сбить. Второй самолёт покинул поле боя, удалившись на север, а я поспешил к своему аэродрому. Посадку произвёл буквально на последних каплях горючего. Появление «воскресшего» вызвало немалое удивление и заметную радость.

Вылетая своим звеном по вызову на прикрытие войск на поле боя, во многих случаях самолетов противника там не обнаруживал, либо они уходили из прикрываемого района с появлением наших истребителей. В таких случаях мы выполняли запасную задачу - штурмовали заранее заданный наземный объект. Бывали и такие моменты: вылетая для нанесения бомбоштурмового удара по заданной цели, при подходе к району действий этот удар отменялся (пускали ракету определенного цвета) - объект уже был занят нашими войсками или изменил свое место нахождения. В этом случае удар опять же наносился по запасной цели. При этом отыскать объект удара, особенно если он небольших размеров, было очень сложно. Финнами велась искусная маскировка.

Неоднократно приходилось совершать разведывательные полеты на Выборгском направлении. Однажды рано утром я в паре с летчиком Козак вылетел на разведку дорог западнее Выборга. Погода - облачность 5-6 баллов на высоте 1500-2000 м. Пролетая Выборгский залив под облаками, заметил на льду темное пятно, примерно посередине залива. Решил уточнить, что же это может быть. Снизился. Оказалось, на фоне ярко-белого снега - обширное кровавое пятно. В кровяных сугробах - 2-3 тела. Видимо, ночью лыжный десант, преодолевая залив, был обнаружен и обстрелян финнами. Лыжные следы вели только к нашему берегу. Я продолжил выполнять поставленную задачу, как только углубился в разведываемый район, обнаружил пару истребителей, преследующих нас. От боя уклонился, используя облачность. Возвратившись на свой аэродром, доложил разведданные командиру полка. Затем доложил и о том, что обнаружил на льду залива.

В тот же день мне с группой лётчиков была поставлена задача: нанести бомбоштурмовой удар по береговой батарее в Выборгском заливе, которая обстреливала акваторию залива, препятствуя нашим войскам выйти по льду залива во фланг финской армии, оборонявшей Выборг. Памятуя, что само орудие и боевой расчет находятся под сильной защитой бетонобойного укрытия (снаружи находился лишь ствол орудия), атаку решено было произвести по входным дверям бункера с пикирования под углом 35-40 градусов. Сброс бомб и стрельбу вести с высоты 100-50 метров, используя

стрелковый прицел ОП-1 и вводя поправку на характеристики бомб.

Атакуя цель, я сброс бомб произвёл с высоты 50 метров и успел заметить, как сброшенная бомба влетела в дверь блиндажа и разорвалась внутри него. Самолёт был обстрелян с земли. Одна пуля попала точно в ОП-1, в трубку прицела. Я заметил только, что окуляр внезапно потемнел - пуля пробила несколько линз и остановилась только возле последней линзы, буквально перед моим глазом. После посадки «Чайки» на аэродроме многие подходили к самолёту подивиться такому случаю. Эту пулю я потом долго носил с собой.

Вспоминается ещё такой случай. Я в паре с ведомым, лётчиком Козак, выполнял задание на разведку: установить интенсивность движения на дорогах от станции Хамина на Выборг. Нами было выявлено большое количество железнодорожных составов на станции Хамина с войсками и техникой и интенсивное движение автотранспорта от Хамина на Выборг. Более детальной разведке воспрепятствовали появившиеся в районе Хамина истребители противника. Они стремились навязать нам воздушный бой. Мы вступать с ними в схватку не имели ни желания, ни права, поскольку обязаны были доставить на аэродром разведсведения. И, тем не менее, были вынуждены активно обороняться. В результате завязанного боя один самолёт нами был сбит. Затем, воспользовавшись облачностью, мы вышли из боя, но продолжили разведку для уточнения наблюдений. Полёт по времени затянулся, горючего оставалось в обрез. Я решил возвращаться на аэродром, но на полпути до него ведомый лётчик дал знать, что у него на исходе горючее. Посадку произвели на одном из соседних аэродромов, где базировался полк истребителей, которым командовал Шинкаренко (в тот период Ф.И. Шинкаренко - командир 4-й АЭ 7-го ИАП)

С командного пункта этого полка я доложил командиру своего полка полковнику Торопчину обстановку и разведданые. Он приказал мне быстрее перелететь на свой аэродром, что и было выполнено. После посадки командир полка потребовал немедленно прибыть к нему вместе с комэском П. Казаченко и ещё вызвал комэска Мухина. Ещё раз заслушал мой доклад о разведданных и приказал подготовить вылет двумя эскадрильями, самолёты И-153 и И-

16 (с пушечным вооружением - истребители эскадрильи Кузьмина с соседнего аэродрома), ведущий Казаченко, нанести бомбоштурмовой удар по станции Хамина в 15.00 сегодня.

Проведя все необходимые приготовления к этому вылету, в расчётное время эскадрильи взлетели для выполнения поставленной задачи. Вот тут-то всё и началось! Ведущий Казаченко на маршруте следования к цели за облаками (погода была сложной, облачность 6-8 баллов, высота 1500-2000 м, нижняя кромка - порядка 600-800 метров) стал заметно отклоняться от маршрута вправо. Я дважды подавал ведущему сигнал о его ошибочном курсе, но он не реагировал, удаляясь на север в направлении Лаппенранта. Это грозило непредсказуемыми последствиями. Командир эскадрильи И-16, следуя вторым эшелоном и видя ошибочный курс, принял решение самостоятельно следовать к цели, и развернул свою эскадрилью на обратный курс. По пути эта эскадрилья атаковала одну железнодорожную станцию на участке Хамина-Лаппенранта. Не дойдя до станции Хамина, самолёты ушли на свой аэродром и произвели посадку на аварийном остатке горючего. Я, видя, что Казаченко не совладал с ориентировкой, вышел звеном вперёд ведущего и развернул эскадрилью на курс к заданной цели. При этом комэск Казаченко, следуя за мной, вышел вновь вперёд и повёл эскадрилью к заданной цели. Но было уже поздно. По его команде атаковали идущий с севера на юг пассажирский поезд. После атаки эскадрилья, не дойдя до цели, взяла курс на свой аэродром. Посадку эскадрилья произвела, когда на некоторых самолётах горючее было на нуле. Этот вылет чуть-чуть не закончился катастрофой и невыполнением боевой задачи. Разбор полёта был бурным.

На войне было и такое. Выборг уже заняли наши войска. В некоторых его районах продолжались пожары. Над городом - облачность и дым от пожарищ. А дальнобойная артиллерия продолжала обстреливать северные предместья города. Я в паре с ведомым, летчиком Рябовым, выполнял боевую задачу - патрулирование в небе над городом, с целью недопущения самолётов противника. Осуществляя полёт на высоте 1500-2500 метров над городом в направлении с юга на север, в какой-то момент полёта увидел, как между верхней и нижней

плоскостями с левого борта моего самолёта с тем же курсом промелькнул неизвестный предмет. Скорость пролёта этого предмета была значительно большей, чем у моего самолёта. Повреждений он не принёс, но ввергнул меня в шоковое состояние.

После выполнения задания я произвёл посадку на ледовый аэродром озера Суула-Ярви благополучно. И только тогда спало напряжение, но в сознании возник вопрос: чем грозило самолёту и лётчику столкновение с этим предметом? Ведомый лётчик заявил, что тоже заметил полёт какого-то предмета вблизи фюзеляжа моего самолёта, но не мог определить его происхождения. Обо всём этом я доложил командиру ИАЭ и командиру полка. Полковник Торопчин на построении объявил об этом случае лётному составу, обменялись мнениями. Здесь большинство лётчиков сошлись на том, что это был полёт снаряда тяжёлой дальнобойной артиллерии. Позднее командир полка обменялся информацией с командирами-артиллеристами. Они подтвердили факт ведения в это время стрельбы из тяжёлых орудий. У меня же после этого случая через день за левым ухом появился пучок седины.

После завершения войны с Финляндией 25-й ИАП перебазировался на аэродром под Ленинградом и стал готовиться к отбытию в Закавказье в Бакинский округ ПВО, на аэродром Насосная. Мне и Григорию Соколову к новому месту назначения разрешили следовать самостоятельно и ехать в Баку через Москву. Перед убытием, будучи в Ленинграде, встретился с Сашей Чижевским и Мишей Предковым. Они раньше меня вступили в боевую работу на Финской войне, находясь в соседнем полку той же авиабригады. Почти год мы не виделись. Здесь, в Ленинграде, мы и решили провести несколько дней вместе. Сняли два номера в гостинице «Европа». Знакомясь с городом Ленина и его культурными достопримечательностями, в основном посещали музеи, дворцы и театры, и в первую очередь Мариинский театр и Петровский дворец.

В одно из застолий в гостинице, в номере прозвучал телефонный звонок. Мы насторожились: кто же мог нам звонить? К телефону подошёл Саша Чижевский и услышал непредвиденное: докладывал шофёр, прибывший к какому-то комбригу в его распоряжение на машине «ЗиС». Капитан

Чижевский быстро сориентировался, сказал шофёру, чтобы тот без его распоряжения никуда не уезжал. Поужинав, мы всей четвёркой в ЗиСе уже «гуляли» по городу. Так по какой-то случайности этот «ЗиС» в течение трёх дней обслуживал нас, а мы смогли побывать во многих интересовавших нас местах.

В Ленинграде мы прожили четверо суток, а затем я и Гриша Соколов уехали в Москву. Чижевский и Предков из Ленинграда выехали в авиагарнизон в предместьях Риги. Разъезжаясь, условились ежегодно приезжать в Москву встречать Новый год к знакомому всем нам И. Девятникову - однокашнику по Сталинградскому училищу. В Москве я и Гриша Соколов пробыли двое суток, обустроили нужные дела, затем отбыли к месту службы в Баку. Из этого периода времени запомнился такой случай: будучи в Москве, мы зашли пообедать в ресторан гостиницы «Москва», и там встретили И.И. Копец. Он нас знал по Испании. Мы вкратце изложили ему наши хождения после Испании. Он поинтересовался: откуда и куда путь? Он поощрительно оценил всё, что нами пройдено, и тут же предложил поехать с ним в Минск, в БВО, куда его назначили Командующим ВВС. «Достойные должности по службе гарантирую». Мы, обсудив «заманчивость» предложения, поблагодарили за доверие, но предпочли остаться в «боевом» 25-м полку и ехать на место назначения в Баку.

После прибытия на новое место базирования полк занимался благоустройством. Вскоре началась учебно-боевая работа. Я был назначен заместителем командира той эскадрильи, которая получила новые И-16. Тем лётчикам, кто на них не летал, пришлось пройти переучивание на этот тип самолёта. Затем началась плановая, но ускоренная интенсивная боевая подготовка эскадрильи и полка по программе для лётчиков ПВО. Отрабатывались полёты над морем, по маршруту, выполнялись полёты в сложных метеоусловиях и ночью. Проводились стрельбы по наземным и воздушным целям. В ходе этой подготовки лётчики полка осуществляли боевое дежурство на аэродромах-«засадах» вблизи границы с Турцией и Ираном, что обуславливалось напряжёнными отношениями с Турцией, имевшимися в её отношении подозрениях, что турецкая территория может быть

использована авиацией противника для налётов на города Закавказья.

Полк был расквартирован в авиагарнизоне, расположенном на отлогом песчаном берегу Каспийского моря вблизи станции «Насосная». Такое название носил и аэродром, расположенный в междугорье недалеко от побережья, в лощине значительных размеров.

В ходе учебно-боевой подготовки несли боевое дежурство не только на аэродроме, но и на площадках подскока. Это дежурство велось составом одного-двух звеньев сроком на неделю. Мне пришлось побывать на двух таких аэродромах, неся боевое дежурство. Один раз это была очень ограниченная по размерам площадка на берегу моря, вблизи границы с Ираном. Взлет и посадка выполнялись только с морского сектора. Летом здесь стояла не просто жара, а духота. Только ночью, когда ветерок тянул с моря, наступала желанная прохлада. Но мучили комары.

Здесь я впервые увидел плоды труда людей на этой земле. Подобного никогда не видел раньше: полуметровые огурцы и килограммовые помидоры, сочные и вкусные.

Пришлось один раз нести дежурство на площадке, расположенной на возвышенности высотой 600-700 метров. Она была столь мала, что только обеспечивала пробег самолета на взлете или при посадке. Работая с этого «аэродрома», летчик постоянно испытывал шок, поскольку при посадке малейшая ошибка грозила или столкновением с горой, или срывом в пропасть. На дежурство с этого «аэродрома» командование полка назначило летчиков, хорошо подготовленных в технике пилотирования и с уравновешенным характером.

Размещение и проживание вблизи от моря благоприятствовали отдыху личного состава. Хорошо снималась усталость и напряжение после дня летной работы. Однако и здесь донимали тучи комаров. Ночью от комаров применялись марлевые «клетки», в которых спали на периодически смачиваемых простынях.

В гарнизоне изредка крутили кино. В выходные бывали в Баку, посещали или театр, или кино, или просто гуляли по парку культуры и набережной. Познавали Азербайджан, его культуру и до некоторой степени обычаи и нравы его народа.

Запомнились и сугубо негативные моменты. Однажды в парке, стоя за билетом в кино, лишился карманных часов. Они были изъяты из моего нагрудного кармана. Я был очень огорчен. Это золотые часы «Зенит» - моя память об Испании. Об этой пропаже заявил в отделение милиции, которое находилось недалеко от здания кинотеатра. Там заверили, что обязательно найдут и возвратят их мне, поскольку карманники, действующие на данной территории, им известны: «Только оставьте адрес». Конечно, я не очень поверил их обещанию, но адрес оставил. На этом все и закончилось. Правда, я вскоре был переведен в г. Батуми, и адрес изменился, а сообщить об этом в Баку, в милицию, не удосужился.

Был и такой случай. Одним из заданий учебно-летной подготовки осуществлялся полет по маршруту, значительная часть которого пролегала над морем. Высота полета - 4500 метров. Опытные морские летчики говорили нам: «При полете над морем звук работы мотора отличается от того, что слышим при полете над сушей». Эти объяснения нами были поняты. Поэтому когда при подходе к исходной временной точке, самой удаленной от аэродрома, я ощутил резкий переход мотора на приглушенный звук, беспокойства не было. Однако вскоре шум работающего мотора совсем стих. Тут я уже понял, что мотор заглох. Перспектива - вынужденная посадка на воду или прыжок с парашютом. Весь внимание. Планирую на выгодной скорости. Самолет И-16, как утюг, тянет вниз - летучесть малая. Все же в панику не впадаю, сосредотачиваюсь, лечу к берегу. Мысленно прикидываю: шансы дотянуть до берега есть. Выдержка, спокойствие, но главное - выдержка! Берег близко, а невдалеке и аэродром. С ходу произвожу посадку на колеса. Самолет спасен. Этот приглушенный звук работающего мотора мне запомнился на всю дальнейшую работу в авиации.

В декабре 1940 г. я был назначен командиром эскадрильи в 35-й ИАП Кутаисской бригады ПВО и отбыл в Батуми к новому месту службы. Командиром 35-го полка был П.В. Поляков, начальником штаба - В. Червоткин. Оба они - участники войны в Испании, знал их ещё по Брянской бригаде. В. Поляков был в Испании рядовым летчиком. После возвращения в СССР дослужился до командира полка. Перед

этим окончил Липецкие курсы штурманов. Затем возглавил истребительную эскадрилью, а через год назначен на полк. Всегда подтянутый, в коллективе его иногда называли «Наш Суворов». В. Червоткин - бывший летчик-истребитель. В Испании был тяжело ранен, после излечения списан с летной работы. Из авиации уходить не захотел - и вот он на штабной работе.

Доложил о назначении в их полк. Принят был доброжелательно, с большим вниманием меня выслушали. Определили командиром 1-й эскадрильи, имевшую на вооружении И-153 и базировавшуюся на аэродроме, расположенном впритык к городу, на берегу моря. Поскольку с жильём было туго, меня разместили в городской гостинице у моря. Потом я снял комнату у «частника».

Полк был четырёх-эскадрильного состава. Три эскадрильи были вооружены самолётами И-16. В полку летал поочерёдно на И-153 и И-16. Командирами эскадрилий кроме меня были: Лопатко, Ярковой, Кузьмин. Лётный состав полка имел хорошую подготовку, но была и молодёжь в звании сержантов: выпускники лётных школ в предвоенный период. Лётный состав жил в казармах. Полк вёл интенсивную боевую подготовку. Тематика наземной подготовки включала: изучение авиационной техники, состоящей на вооружении полка; теория полёта и воздушной стрельбы; штурманская и парашютная подготовка; связь, управление и взаимодействие с ЗА и ВМФ; наземные стрельбы и др. В ходе практической подготовки выполнялись полёты в сложных метеоусловиях, ночная и высотная подготовка, полёты над морем - в задачи полка входило прикрытие порта и города Батуми, ВМБ (военно-морская база - прим. ред.) Поти и кораблей Черноморского флота, полёты в горах, стрельбы по воздушным и наземным (надводным) целям, парашютные прыжки, в том числе на воду (последних полагалось совершить по два каждому лётчику), техника пилотирования, полёты по маршруту и вылеты на «перехват». Вся эта работа выполнялась должностными лицами полка и эскадрилий, обладавшими хорошими знаниями и опытом.

Город Батуми населяли грузины, аджарцы, абхазы, армяне и другие народы Кавказа, а также исторически турки и даже греки. Много и русских. Это преимущественно военные и

гражданские моряки, пограничники, артиллеристы, авиаторы и, конечно, работники промышленных предприятий. В городе имелся национальный театр, кинозалы, приличный Дом Красной армии, который был культурным центром и местом отдыха. Авиаторы полка свое свободное время проводили преимущественно в этом Доме офицеров, да еще на приморском бульваре и прилегающем к нему пляже. Отношение горожан к авиаторам, и особенно к летчикам, было благожелательным. Вспоминается такой факт. Я проживал в гостинице, и ее управляющий часто приглашал меня поиграть в бильярд, имевшийся при гостинице. Его часто посещали высокие лица республиканских властей. Во время одной такой встречи один из начальников обратился ко мне с таким предложением: «По моим наблюдениям, в дождливые дни летчики ходят без регланов. Может быть, у них их нет? Я могу посодействовать, если кто пожелает, за очень сносную цену приобрести добротный материал для регланов, и пошить их». Я поблагодарил его и принял это предложение. В полку выяснил число желающих и принес заявку на регланы. И вскоре все желающие их получили, а также и хромовые сапоги, изготовление которых для грузин труда не составило. Летчики были благодарны.

В последних числах декабря 1940 г. я выехал в Москву, где предстояло провести Новый год. Это - исполнение того уговора, состоявшегося в Ленинграде после войны с Финляндией. Собрались в семье Девятниковых. Не присутствовал только Саша Чижевский. Он погиб в ноябре на полигоне под Ригой, выполняя стрельбу по наземной цели.

Вместе с нами Новый год провел Аркадий Первенцев, который был одностаничником с Михаилом Предковым и его товарищем в школьные годы. Отметили все личностные события, обговорили и возможные, надвигавшиеся на нашу страну, угрозы. И разъехались по своим весям, пожелав друг другу здоровья и добрых дел.

Аркадий Первенцев потом написал постановку «Крылатое племя», взяв в качестве прообраза нашу группу, четвёрку летчиков-холостяков. В театре она шла короткое время.

Во время пребывания в Москве меня постиг недуг: стала периодически течь из носа кровь. Боролся я с этим, прикладывая к носу ком снега. Это пренебрежительное

отношение к собственному здоровью отозвалось позднее, после возвращения в Батуми.

Включился в нормальный режим работы полка. Но однажды при выполнении полетного задания случилось событие непредсказуемое и опасное. Было необходимо выполнить в составе эскадрильи полет по маршруту на большой (5000 м) высоте до горы Эльбрус. На последнем этапе полета, при подходе к аэродрому, потерю высоты решили произвести крутым снижением до 1000 м, и затем заход на посадку.

Я, как ведущий, должен был произвести посадку первым. Вдруг я теряю зрение, посадочный маневр выполнять не могу. Передав сигнал заместителю, чтобы он выполнял посадку первым, сам просто лечу в горизонтальном полете. Через какое-то небольшое время зрение восстанавливается. Замечаю, что нахожусь вне границ аэродрома - на значительном удалении от него, над морем.

Возвращаясь назад, произвожу посадку. Оказалось, сел последним. После этого случая я долгое время ощущал головные боли. Предвещали мне гайморит и готовили к операции. Пока принимал электропроцедуры и таблетки. Медики мне рекомендовали стараться ни о чем не думать, отвлечься от дел, за основу питания взять фрукты. Болезненное состояние продолжалось около месяца. Головные боли потихоньку спадали, что ободряло. Стабилизировалось и зрение. Вместе с тем, сильно снизилась память, и с трудом восстанавливалась.

Я был обеспокоен подобным заболеванием, его влиянием на общее состояние здоровья, угрозой утраты летных качеств. К счастью постепенно недуг отступил. Я возвратился к полетам и ощутил, что не все потеряно. Последующие два месяца после болезни меня воодушевили. А потом все пришло к норме. Я считаю, этому способствовало квалифицированное лечение, питание фруктами (мандарины, апельсины и т.д.), которыми меня снабжали друзья и знакомые - летчики и грузины. Особенно благодарен инженеру эскадрильи - жителю Батуми: он имел свой сад, и навещал меня с корзиной фруктов.

В июне 1941 г. 35-й ИАП проводил учения совместно с флотом. Управление участвующими в учениях силами осуществлялось с КП на крейсере «Червона Україна». Вместе

с командующим флотом находился и командующий ВВС ЗабВО генерал С. Денисов.

Задачи силам флота и истребителям, а также контроль за их исполнением, ставились с КП крейсера. Кульминационным моментом завершения учений было отражение «нападения авиации противника» на корабли флота в море, проведением воздушного боя значительными силами истребителей. Бой охватил сферу по высоте от 2500 до 100 метров и вёлся энергично, маневренно, даже на пределе «дозволенного».

Командование учения оценило положительно. Однако командующий ВВС ЗакВО Денисов в адрес истребителей сделал упрёк за несоблюдение режима безопасности в ходе «воздушного боя». Он приехал на аэродром Батуми в полк, приказал построить личный состав, а затем обратился с вопросом: «Кто возглавлял и вёл воздушный бой?» Командир полка майор Поляков, видимо, «струхнул», и никак не мог собраться с ответом на заданный вопрос. Тогда я вышел вперёд из строя и доложил: «План ведения воздушного боя и его реализацию возглавил я». Он сначала на меня «грозно обрушился», что лётчики не в меру снижались, пренебрегали высотой, близко подходили к кораблям при атаках – это небезопасно для экипажей кораблей и лётчиков.

«Так как же так случилось? Ты кто?» - вдруг он спросил меня. Я ответил: «Я заместитель командира полка майора Полякова капитан Заварухин. Пабло-технарь». Он явно смягчился, но строгость соблюдал. Выдержав паузу, сказал: «Исполнено хорошо, но надо быть осторожнее, это же учения, а не война». Потом участвующих в учении лётчиков, до командира звена включительно, от имени командира крейсера пригласили на корабль отобедать. Обед по-флотски был щедр.

В июне 1941 г. меня назначили заместителем командира полка и одновременно штурманом полка. Моя работа с этого момента по выполнении задач учебно-боевой подготовки полка и обеспечения его боевой готовности проводилась со всеми эскадрильями – то на одном, то на другом аэродроме полка (Батуми и Кобулети). Средством передвижения был самолет И-153, который находился при штабе полка на аэродроме Батуми в составе 1-й эскадрильи. Однажды пришлось использовать самолет У-2. Взял с собой начальника связи полка капитана Кузнецова – там он был востребован.

Двое суток мы поработали на аэродроме Кобулети, выполняя первоочередные задания. Было приказано вернуться в штаб полка. Погода была неустойчивой, кучевая облачность, сильный ветер. Полет на У-2 в таких условиях был затруднен, но я все же решил вылетать, поскольку капитан Кузнецов также возвращался в штаб полка. Расстояние небольшое, всего 80-100 км. Летел над прибрежной полосой в условиях сильной болтанки. И вот, где-то на середине маршрута, рассоединилась тяга управления мотором, и тот остановился. Местность для вынужденной посадки – малопригодная. Самолет высоту не теряет, и временами даже набирает ее, чему способствовали восходящие потоки с моря. Решаю ими воспользоваться. Обеспечив себя высотой, продолжаю полет к своему аэродрому. Полет был сложный, но я довел самолет до аэродрома и благополучно произвел посадку.

Перед самой войной группа лётного состава во главе со мной была командирована в Ленинград для переучивания на ЛаГГ-3. Переучивание велось на Комендантском аэродроме. Успели выполнить только знакомство с конструкцией и ознакомительные полёты – началась война. Накануне дня начала войны, в субботу 21 июня, мы провели лётный день на новых самолётах. Довольные первыми результатами полётного дня, в хорошем настроении решили вечер и ночь на 22-е июня посвятить знакомству с городом Ленина, с его историческими памятниками и архитектурой. Этому способствовали незабываемые «белые ночи». Роль гида я взял на себя. Знал Ленинград я больше других – в «багаже» было два года учёбы в 7-м училище авиационных специалистов. Экскурсия по Ленинграду удалась.

Но радио принесло суровое и грозное сообщение. Переучивание было прервано, и я вместе с группой лётчиков 35-го ИАП был возвращён в Батуми. В Ленинграде я смог вновь побывать лишь после окончания войны.

Декабрь 2004 года.

(Продолжение следует)

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кисляков Михаил Яковлевич****, Председатель совета ветеранов 5-ой гвардейской авиационно-истребительной дивизии*

Илюхин Николай Иванович

Приблизиться и уничтожить

Я родился 28 октября 1926 г., в селе Волынское, Становлянского р-на, Липецкой области (ранее Орловский р-н). Русский. Православного вероисповедания. В 1943 г. вступил в комсомол, после войны в 1946 г. вступил в партию.

В селе учился в школе, дающей неполное среднее образование (7 лет). Прямо со школьной скамьи с 7-го класса, 19 апреля 1943 г. призвали в армию, т. к. вследствие ожесточённых боёв на Орловско-Курском направлении, по приказу командования, был снижен призывной возраст и я отправился в ряды Красной Армии.

О войне узнал 22 июня 1941 г. К нам в село прибыли представители военкомата и привезли некоторым нашим односельчанам повестки, было это примерно в 10 утра. В это время я всё ещё учился в школе, был на летних каникулах. Моему брату Ефиму Ивановичу 1916 года рождения повестка была вручена в то же утро. Последнее его письмо мы получили в 1944 г. из г. Короб, Черниговской обл., где он состоял на должности начштаба. О его судьбе мы больше ничего не знаем.

19 апреля 1943 г. был призван в армию и направлен в Горьковскую обл. г. Дзержинск в 304-й учебный танковый

полк. Выпустился в январе 1944г. как механик водитель, в звании сержант. Сначала нас готовили на лёгкие танки Т-60 и Т-70, но пришло распоряжение свыше и нас переучили на САУ-76 (самоходная артиллерийская установка). После школы получили САУ и с Горького выдвинулись под Москву в г. Пушкино, где в военной части формировались боевые соединения, проходили учебные стрельбы и т. п. Там мы пробыли недолго. И уже весной 1944 г. весь наш эшелон направили на Белорусский фронт. По прибытии наше соединение влилось в 3-ю Гвардейскую танковую армию (под командованием Рыбалко), 7-й Гвардейский танковый корпус (под командованием генерала Иванова), 702-ой самоходный артиллеристский полк (под командованием подполковника Костина). Войну начал в звании сержанта, занимая должность механика-водителя.

Мой боевой путь начался на Украине в 1944 году с города Ровно, с боями мы проходили города Чернобыль, Зборов, в конце 1944 года город Броды, затем Бугск, Каменка Бугска. Затем участвовали в освобождении Львова; далее наступая, направились к границам Польши. По Польше боевой путь пролегал через города: Кутно, Калиш, Легница (где была развернута северная группа войск, в которую я был доставлен после ранения), далее Люблин, Лодзь, последним крупным городом на территории Польши был город Познань.

Перейдя границу Германии, проходили города: (март-апрель) г. Вурцин, Котбус, Форст, Глагау, из под Берлина перебросили в Дрезден (май 1945 г.).

Комполка объявил победу 8 мая (майор Панасенко). Полностью закончил службу в Вурцине под Лейденом (Германия). После войны остался служить в войсках в северной группе войск г. Легница, командовал Рокоссовский (Польша). Из Польши перевели в Прикарпатский военный округ, погрануправление войск во Львове.

Служил в составе подразделения 334-го погранполка (после ранения, звание сержант, должность шофер, ком. отделения, зам. ком. взвода). После войны из взвода погранвойска демобилизовался в 1951 году в звании старшины технической службы.

Так как не было призыва – задержали пограничников, летчиков и моряков на 8 лет.

После демобилизации работал в селе работал шофером год в колхозе имени Лермонтова. В январе 1953 г. приехал в Москву. Работал в Главспецстрое Министерства Обороны, в должности шофера-механика примерно 10 лет строил объекты ПВО, расположенные в Подмосковье.

Подготовка перед наступлением на город Львов. Командир полка Костин построил весь полк, перед машинами для инструктажа перед предстоящим боем: «Я никого не принуждаю - кто хочет и имеет не меньше трех орденов выйти из строя». Никто не вышел. Командир сказал, что с вами можно воевать (в смысле самоубийц нет!).

Перед наступлением велась сильная артиллерийская подготовка. До города Львова было примерно 150 километров, сначала шли Т-34, САУ начали поддерживать их огнем. Двигаясь по полю, мы увидели, как один из танков Т-34 и один САУ попал в немецкую Волчью яму. Хотели помочь, но возможности не было - шло наступление. Немцы делали глубокие ямы и маскировали их - танк идет, проваливается и упирается стволом, самостоятельно выбраться из ямы не может, поэтому позади нас шли ремонтники, они вытаскивали таких попавшихся.

Подошли к опушке леса, заняли позиции, летят наши самолеты, за лесом немцы. А наши САУ с высоты походили на немецкие орудия, самолеты начали кружить над нами и заходить на боевые заходы. Приехал командующий и спросил: «Почему нет ракеты?» - «Ракетницы не было, осталась у убитого». Отругал. Но самолеты стрелять не стали и улетели.

Еще был случай. Идем мы маршем и вдруг с опушки леса стали бить немецкие орудия. Наводчик - Бошаков Николай Александрович из Вологодской области, заряжающим был Степан Вешков из Воронежской области, командир – лейтенант Безруков из Куйбышевской области. Засекли откуда стреляют и уничтожили 2 противотанковых орудия. Недалеко от села был концентрационный лагерь для наших военных и гражданских лиц. И мы их освободили. Много погибших, но и много спасенных. Тронулись дальше, из лесного массива прозвучали выстрелы! Снайпер! И был убит командир Клевин - старший лейтенант. Командующим вместо него стал младший лейтенант Орлов. Пошел сильный дождь, и было

задание идти на станцию Каменка Бугска (июнь 1944).

Не доезжая до станции, машины шли развернутым фронтом, а на станции был немецкий бронепоезд. Наши летчики перебили железнодорожное полотно, и он ездил вперед-назад. Задача - приблизиться и уничтожить. На броне поезда было много платформ, на которых стояли пушки. Была даже одна башня с трофейного Т-34. Немцы открыли огонь, убили нового командира Орлова. Мы взяли из подбитого танка боеприпасы, подъехали поближе и начали стрелять, Загорелись вагоны от попадания в паровоз, в небо взметнулся столб пара. Буквально сразу с состава начали в разные стороны разбегаться отступающие немцы. Весь фронт наших танков остановился, замер и бронепоезд, и все танки начали добивать орудия и немцев. Многие из них были убиты, многих взяли в плен.

Лесной массив. Там был штаб и полевой госпиталь немцев. Наш десант захватил штаб, а часть фашистских БТР начали отступать, была дана команда их уничтожить. Они были недалеко от нас. Начали отстреливаться, но ответным огнем были уничтожены несколько десятков машин (западная Украина, 1944 г.).

Как-то раз попали под сильнейшую бомбежку. Киев-Львов. Узкая дорога, много самолетов бомбили переправу. Бомбили широким фронтом. Досталось и нам, потом прилетели наши самолеты, два из наших были сбиты. Воздушное сражение было впечатляющим, из одного из наших самолетов выпрыгнул летчик, а немецкий пилот догнал его у земли и расстрелял парашют, летчик упал с большой высоты. На переправе была огромная пробка с обоих берегов реки. Часть машин опрокинута, горели, сброшенные на обочину дороги, много раненых, в сторону города Городок. Завязались бои, издалека был виден город Львов. Кроме нашей, еще были Сибирские части. В эти боях погиб Гопенов Николай. Был ранен командир Костин. Приказал технику, лейтенанту Гончарову, вывести в полевой госпиталь нас и еще по дороге взяли двух солдат. В госпитале одни говорят делать операцию, другие нет, в итоге до принятия решения положили меня со всеми в сарай. Медсанбат и часть раненных отправили на машинах, а командира корпуса Иванова, раненого в руку, хотели отправить самолетом, он не полетел, а отдал свой

самолет тяжело раненным. Раненых было много. Меня взяли в машину, и я со станции попал в госпиталь.

Винница. Украина. Две немецких самоходки и несколько танков. Они нас обстреливали. Мы уничтожили один танк и два САУ. Несколько немцев взяли в плен. За эту операцию экипажи наших танков были представлены к орденам Отечественной войны 2-й степени.

Ранение было в бедро и в колено – осколочное. Перенес две операции. Операции делали на солнце, под открытым небом, чтобы убить больше микробов и чтоб рана быстрее заживала. Прошел несколько госпиталей: полевой эвакуированный и стационарный.

После госпиталя, направили в запасной полк. Предложили в другую часть, сапером. Отказался. Направили в маршевую роту автоматчиков.

Награды:

- орден Славы 3-й степени (вручал Рокоссовский, № 492257, вручал в начале мая 1945 г., приказ номер 180067. в городе Познань. Комполка майор Панасенко организовал группу в количестве двадцати-двадцатипяти человек, куда входили два пулеметчика, автоматчики и т.д.. Они должны были выйти южнее г. Брослав в лес, где скрывалась большая группа немцев, которая шла на помощь своему гарнизону. Прочесывая лес, мы увидели мелькающие между деревьями силуэты. Уничтожили 3-х немецких диверсантов. Они отстреливались. Наши разделились на две группы примерно по 12 человек, а в одной из групп был старший. У костра обнаружили группу немцев, примерно 20 человек. Перестреляли всех. В другой группе нашей стороны ранен в щеку один солдат. Немцам предложили сдаться в плен - 8 человек сдались, а другие отказались, отстреливались до последнего);

- орден Отечественной войны 1-й степени (номер 591074, номер приказа 351307 от 11 марта 1985 года, военкомат);

- орден Славы 3-й степени (за личный пример).

Имею медали:

- «За Победу над Германией» (8 мая 1946 года вручил командир 334-го погранполка п/п Шаибаров);

- «30 лет победы Великой Отечественной войны» (8

января 1976 года, указ от 25 апреля 1975 года. Баширинский горвоенком полковник Артемьев);

- «50 лет вооруженным силам» (приказ от 26 декабря 67 года);

- «70 лет Вооруженным Силам» (28 января 1988 года. От 5 марта 1988 года, Ногинский горвоенком полковник Носов);

- «20 лет победы в ВОВ 1941-1945 годов» (приказ от 7 мая 1965 года, выдан 7 июня 1966 года, Ногинский горвоенком Кукушин);

- «30 лет советской армии и флота» (Приказ от 22 февраля 1948 года, выдан 20 октября 1948 года. Начальник» ОУВЕ МВД Львовского округа полковник Амплеев);

- «60 лет Вооруженным силам» (приказ от 28 января 78 года. Выдана 7 мая 1979 года. Ногинский горвоенком подполковник Бойко);

- «Победитель соц. соревнования 1979 года» (8 мая);

- «Победитель соц. соревнования 1974 года» (21 ноября);

- «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (Приказ от 12 апреля 85 года. Ногинский горвоенком полковник Носов);

- Медаль Жукова (Д номер 0382226 указ от 19.02.1996);

«Ударник 9 пятилетки» (Приказ номер 27 015 от 16 октября 1975 года);

- Знак «Фронтовик» (9 мая 2000 года. Говоров);

- «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (номер 11729216. указ от 22.03.1995);

- «Ударник одиннадцатой пятилетки» (от 17 ноября, 1987 года, «Ветеран труда», от 15 мая 1987 года).

Первый брат 1916 г.р. Ефим Иванович призван 22 июля 1941г. Присылал письма (01186, полевая почта) 6-я Гвардейская стрелковая дивизия 25-й стрелковый гвардейский полк зам. Начальника штаба полка по спецсвязи.

Второй брат Дмитрий Иванович 1906 г.р. До войны был зам. директора. Доставлял добровольцев на фронт (политрук) - жив.

Третий брат Степан Иванович 1907 г.р.. Работал в Москве на Шарикоподшипнике. Завод эвакуировали в г. Энгельс за Волгу, а его в г. Челябинск на Урал. Делал танки КВ. Добровольцем в конце 1942 г. ушел на фронт. На танке КВ на Карельском фронте был заряжающим. В одном из боев был

ранен в позвоночник. В конце 1944 г. комиссовали.

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Зеленский Сергей Иванович****, студент 3-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Киселева Анна Ивановна

Иначе нельзя – иначе их ждет смерть

Я родилась 24 ноября 1923 г. в Суздале. Всего в нашей семье было семеро детей. Русская. Православная. Я была пионеркой, комсомолкой и членом КПСС.

До войны я успела окончить только среднюю школу г. Суздаль в 1939 г.

Войну я встретила семнадцатилетней девушкой, оканчивая медицинский техникум в городе Владимире. Я помню начало Великой Отечественной Войны. В этот день мы с подружками шли с экзаменов и по радио на улице услышали эту страшную новость. Мы ничего не могли понять. Все бегали и суетились, никто не верил в это страшное известие. Со всех сторон слышалось: «Война, война». Мы, еще совсем молодые девчонки, пришли в ужас от такой новости.

В ноябре 1941 г. меня направили в город Клепики Рязанской области. Там меня призвали, и райвоенкоматом я была направлена на работу в недавно сформированный эвакогоспиталь №3009. Начальником этого эвакогоспиталя был вначале Пронин (имени не помню, мы к нему обращались «товарищ командир»), а затем Исаак Рувимович Кантер. С этим эвакогоспиталем я прошла всю войну, пережив все

лишения и ужасы того времени, и встретила Победу в Германии в городе Арнсвальде (Восточная Померания).

Наш госпиталь входил в состав Западного фронта (а позже – в состав 2-го Белорусского фронта). К нам поступали раненые, обмороженные, контуженые бойцы и командиры, которые героически сражались на подступах к Москве, на Тульском, Михайловском и Волоколамском направлениях.

В марте 1942 г. наш эвакогоспиталь перебросили в Калужские леса, где были вырыты землянки для приема раненых. Тот период был очень тяжелым: не хватало перевязочного материала и медикаментов. Нам даже приходилось собирать окровавленные и гнойные бинты, для того чтобы кипятить их на кострах и затем снова использовать для перевязки раненых бойцов. Мы старались обходиться подручными материалами: в лесу собирали хвойные ветки и готовили из них хвойные витаминные отвары для больных.

В апреле нас перевели в город Калугу в бывшую школу на улице Дзержинского. Там в наш госпиталь стали доставлять самолетами партизан из Брянских лесов. В основном к нам поступали раненые солдаты, беспомощные изможденные женщины и больные дети. Они были истощенными, вшивыми и грязными, доведенными до дистрофии в тяжелой форме.

Вскоре, после некоторого затишья снова начались наступления на фронте. К нам в Калугу стали привозить раненых из Вязьмы, Сухинич, Ярцева, Гжатска. Было очень много раненых, мест не хватало. Бойцы занимали спортивные залы с двухъярусными койками. Поступления были такими огромными, что людям порой приходилось лежать в коридорах и на улице на носилках.

Раненые в основном были мужчины: рядовые солдаты, командиры, партизаны. Женщин к нам поступало очень мало. Иногда поступали связистки, которым приходилось ползать по земле под пулями, чтобы поддерживать связь между подразделениями. Тогда это были совсем молоденькие девчонки.

Из-за непрерывных потоков раненых (их надо было принимать, оперировать и отправлять в тыл или обратно на фронт) санитаркам приходилось спать сидя на стуле по 2-3 часа в перерывах между поступлениями машин с новыми бойцами и командирами. Мы, молодые девчонки, таскали

просто неподъемные носилки. Медсестры падали у операционных столов от непрерывного стояния на ногах, бессонницы и недоедания. Я смогла продержаться неделю, а потом тоже потеряла сознание. Мне дали поспать сутки, а затем я снова встала к операционному столу спасать раненых.

В Калуге я была назначена старшей хирургической сестрой.

В июне 1944 г. был образован 2-й Белорусский фронт, и нас направили в город Могилев следом за продвижением фронта. Тогда произошли страшные события. Не доезжая до Могилева, на станции Кричев, на наш эшелон напали фашистские бомбардировщики. Это была узловая станция, на которой останавливалось много поездов. Была ночь. Фашисты осветили станцию ракетами и бомбили с точным прицелом. Нам было очень страшно. Началась сильная паника: все вокруг бегали, кричали, пытались спрятаться, кто куда мог. Потом, после бомбежки, мы ходили и искали своих товарищей, устанавливали, кто жив, а кто погиб. В результате бомбежки на станции Кричев мы потеряли пять сотрудников, многие были ранены. Очень тяжело хоронить своих боевых друзей и подруг. Тогда же командование фронта разрешило нам отдохнуть и подлечить личный состав в течение пяти дней.

В Могилеве мы пробыли около трех-четырех месяцев. Там мы развернули наш госпиталь и вновь спасали жизни бойцов, облегчали муки раненых.

Через 4 месяца мы уже снова двигались по дорогам Белоруссии на Запад. Следуя за фронтом, проезжали на автомашинах и поездах такие города как Бобруйск, Барановичи, Белосток, Слоним, Лиду, Волковыск и другие. Вскоре мы выехали на землю Польши и остановились в городе Замбров. Там мы опять развернули госпиталь и принимали раненых солдат (еще совсем мальчишек).

Поляки нас принимали очень плохо. У них были домашние животные: коровы, свиньи, куры, гуси, утки. Но, тем не менее, они отказывали нам в еде. И когда мы просили продать нам хотя бы молока, они отвечали: «Ниц нема, пани, вшистко. Герман забрал». После этого мы к ним больше не обращались.

В Замброве мы столкнулись со зверствами фашизма: евреев расстреливали и закапывали в землю. Всего там

расстреляли 5 тыс. людей. Среди расстрелянных случайно уцелел мальчик семи лет. Его звали Матвей. Мы его взяли в наш госпиталь. С нами он дошел до Германии, встретил Победу девятого мая и был до расформирования госпиталя (сентябрь 1945г.). После войны Матвей остался жить в Рязани.

В то время на Висловском плацдарме шли тяжелые и ожесточенные бои. И мы должны были принимать, спасать, выхаживать, лечить и возвращать в строй поступавших в наш эвакогоспиталь раненых бойцов и командиров.

В операционных нам приходилось работать при свете керосиновых ламп и свечей. Свет был только днем. В этих условиях мы делали сложные операции: ампутировали конечности. Очень много солдат поступало к нам с газовой гангреной. Отовсюду слышались крик и ругань – бойцам, совсем молодым ребятам, не хотелось терять руки и ноги. Было очень жалко их, но приходилось все объяснять: что иначе нельзя – иначе их ждет смерть. Объяснять и оперировать.

В феврале 1945 г. нас перевезли на автомашинах в Восточную Пруссию в город Зялдау (ныне польский город Дзялдов). Там мы пробыли совсем недолго, около 1-2 месяцев.

Далее наш путь лежал в центр Германии, в Берлин. По пути туда мы проезжали города Бромберг, Штетин и другие.

Командование решило не везти нас в Берлин, оставить на подступах к столице Германии (в городе Арнсвальде), куда мы прибыли в марте-апреле 1945 г. Там наш госпиталь принимал и лечил раненых до сентября 1945г.

В госпитале мне было присвоено первичное офицерское звание – младший лейтенант медицинской службы и я была награждена медалью «За боевые заслуги».

В конце Великой Отечественной войны после освобождения Польши, когда мы были в Германии, нам дали пять дней санаторного отпуска. Тогда нас привезли в санаторий, который прежде был для немцев. Там мы смогли отдохнуть и восстановить силы. Еда в этом санатории была несравнима с той, которой мы питались в течение последних пяти лет. Еда там была «на убой». Было все, что хотели, потому что, когда мы входили в Германию, мы брали немецкие склады с продовольствием. Это нам очень помогало,

мы даже могли посылать продуктовые посылки в Россию (я посылала посылки матери).

Все лето 1945 г. после победы СССР в Великой Отечественной войне я проработала в своем госпитале в Арнсвальде. Мы все еще продолжали принимать бойцов. Поступали солдаты с ранениями брюшной полости и нижних конечностей различной степени тяжести.

Осенью, в сентябре 1945 г. я была направлена в танковый полк, который находился на территории Польши. Там я пробыла до февраля 1946 г. После этого я была демобилизована и уехала в Москву.

В Москве меня направили на работу в лагеря военнопленных немцев, располагавшиеся в Московской области (станция Горинки недалеко от Балашихи). Немцы тогда работали на заводах и на стройках Москвы. Это были как раз те военнопленные, которые в июне 1944 г. прошли по Москве. Затем меня перевели на работу в войска МВД. А потом наш полк был передан в Министерство обороны.

В армии я прослужила 30 лет и ушла в отставку в конце 1974 г. в звании капитана медицинской службы. А в 2006 г. получила звание майора медицинской службы.

У меня много боевых подруг, с которыми мы работали в эвакогоспитале №3009. Мы встречались с ними в 70-х годах, когда были моложе. Сейчас поддерживаем связь – переписываемся и перезваниваемся.

Я участвовала в строительстве Московского государственного университета на Ленинских горах, города Ангарска в Сибири и Средней Азии, служила в Министерстве атомной промышленности.

У меня много наград и похвальных грамот:

- орден Отечественной войны II степени (№3059684; указ Президиума Верховного совета СССР от 11 марта 1985 г., вручали в Тушинском военкомате);
- 2 медали «За боевые заслуги» (Первую вручали в госпитале в Калуге, вторую в Дзялдове в 1945 г);
- 2 медали «За безупречную службу в армии», I и II степени.
- медаль «За оборону Москвы»;
- медаль «За освобождение Белоруссии» (вручили к 60-летию освобождения Белоруссии);

- знак «Отличник здравоохранения»;
- знак «Отличник военного строительства»;
- похвальная грамота за строительство МГУ;
- юбилейные и другие медали – всего 20 медалей.

У меня хранятся газеты, в которых есть публикации обо мне:

- «Торговая газета» №32(11.507), 7 мая 2004 г.;
- газета «Ясенево» №5-6(48-49), август 2004 г.;
- газета «Ясенево» №5(57), май 2005 г..

Встречалась я и с Путиным В.В. В 2003 г. - нас, ветеранов, приглашали на концерт в Кремлевский Дворец Съездов. После концерта для нас в Александровском саду были накрыты столы с различными угощениями. Там мы встречались с Путиным, который выходил и общался с ветеранами. У меня на пригласительном билете остался его автограф.

В Великой Отечественной войне принимали участие и мои родственники.

Во время войны погибли два моих брата. Дмитрий Иванович Алексеев (1921-1943) был летчиком морской авиации, он погиб под Севастополем. Николай Иванович Жуков (1925-1943), служил в пехоте, погиб под Черниговом.

Отец, Жуков Иван Николаевич (1894-1970), который уже в то время был пожилым человеком, имел ограничения и не мог воевать на передовой. Он был призван в конце 1942 г. и всю войну проработал в санитарном поезде на продуктовом складе, а затем в воинской части. Моя мать, младшие сестра (с 1930 г.р.) и братья (1934 г.р., 1928 г.р.) работали в колхозе.

У меня есть сын и два внука. Мой муж, Герасим Сергеевич (1916-1993), также принимал участие в Великой Отечественной войне. Он воевал на Южном фронте, Победу встретил в Германии, имел звание майора инженерных войск. Много лет он работал за границей в Афганистане, Гвинее советником нашего правительства по энергетике. Имел много наград и поощрений.

В 2004 г. праздновали 60 лет освобождения Белоруссии. Я тогда ездила в Белоруссию. Там проходил шикарный парад, и была выставка всей продукции, производимой в Белоруссии (холодильники, стиральные машины и даже обувь).

В Совете ветеранов я работаю 20 лет.

Питание в военное время

Питание во время войны у нас, конечно же, было очень скудным. Питались по специальному пайку для военнослужащих. Нам тогда давали 500 гр. хлеба в день. В начале Великой Отечественной войны вообще ничего не хватало, но, тем не менее, мы жили и питались лучше по сравнению с теми, кто был на фронте на передовой.

В Калуге мы жили очень плохо. Нам давали 500 гр. хлеба в день, и, в основном, наше питание состояло из блюд из капусты (кислая капуста, щи из капусты, тушеная капуста). Мы постоянно были голодными. Чтобы получить дополнительные продуктовые пайки, нам приходилось сдавать кровь (я сдала 2 л. крови для получения пайка и еще 5 л. на нужды раненых). Правда, зиму в Калуге было легче пережить, чем в других городах. Так как зима в Калуге была значительно теплее, чем в Москве и во Владимире.

Москва в январе 1942 г.

Зимой в январе 1942 г. командование нашего эвакогоспиталя №3009 Западного фронта направило меня в командировку в Москву по служебным делам.

Москва в те дни стояла вся в туманной дымке. Она была заснеженной, холодной.

Окна всех домов были заклеены газетными полосками-лентами, чтобы при бомбежке не вылетали стекла. Из окон выходили трубы печного отопления. И поэтому наружные стены над трубами были черными и закопченными.

Улицы были перегорожены рельсами-ежами, чтобы танки не могли пройти. В метро было мало народу. Все было очень тихо и спокойно.

Мой первый спасенный раненый

Это было, когда наш госпиталь располагался в Калуге.

Однажды, обходя пациентов, я увидела истекавшего кровью бойца. Я отправила его в операционную и отдала несчастному свою кровь – это был мой первый спасенный раненый.

А вообще, за все время работы в эвакогоспитале №3009, я сдала 5 литров крови для спасения жизни раненых.

Самодеятельность в годы войны

Во время войны у нас не было никаких праздников. Четыре года мы работали без выходных и какого-либо отдыха. Но мы участвовали в самодеятельности, исполняли лирические песни нашей молодости. Я тогда пела Цыганский романс, любила рассказывать стихотворения, даже помню один короткий отрывок:

Был у майора Белова товарищ, майор Петров.
Дружили еще с Гражданской, еще с 20-х годов.
Вместе рубили белых шашками на скаку,
Вместе потом служили в артиллерийском полку.
А у майора Белова был Ленька – любимый сын.
Без матери при казарме рос мальчишка один…

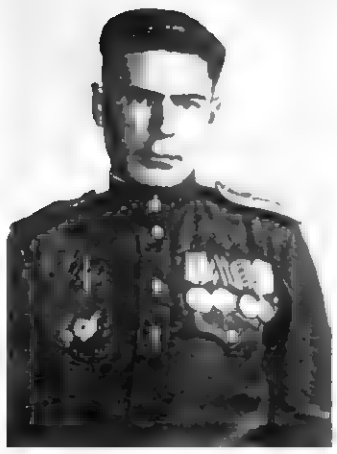
Долгожданный день Победы

В мае 1945 г. Советский Союз праздновал Победу в Великой Отечественной войне. Мы были в госпитале в Арнсвальде.

Кто-то узнал эту радостную новость, и все начали кричать: «Победа, победа!». Люди выбегали на улицу с криками: «Ура! Победа!». Те, у кого были ружья и пистолеты, стреляли в небо. Это было 9-го мая 1945 г.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Ефимова Татьяна Алексеевна*** *студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*



Колесников Иван Васильевич

Мы попали в засаду

Родился 22 января 1924 г. в селе Октябрьское Поворинского района Воронежской области. Русский, православный, был членом КПСС.

В 1939 г. окончил 7 классов школы, в этом же году поступил в техникум механизации сельского хозяйства, где учился полтора года и в 1940 г. бросил. В 1941 г. поступил в среднюю сельскую школу в 9 класс, а в 1942 окончил 10 классов. В августе 1942 г. пошел в армию, попал в запасной полк (30 км от села). Затем меня отправили в Пензенское артиллерийское училище, проучился 5 месяцев и ушел на фронт.

Я узнал о начале войны 22 июня 1941 г. около 10 часов. Я был на сенокосе и меня послали в свое село, выяснить у председателя колхоза возможность выделения дополнительного покоса травы. При подходе к ближайшему поселку услышал плач женщин и от них узнал о начале войны. Это был небольшой поселок Подстепки Борисоглебского района Воронежской области.

В войне начал участвовать по призыву в воинском звании младшего лейтенанта в составе 808-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии на воинской должности командира взвода 45-мм пушек, называемых в обиходе артиллеристов

«Прощай Родина». Все это было в районе г. Чугуева Харьковской области.

Боевой путь проходил через: район Чугуево Харьковской области (сентябрь 1943), река Днепр (октябрь 1943), город Кривой Рог (23 февраля 1943 г.), город Одесса (апрель 1944 г.), река Днестр (апрель 1944 г.), река Одер (февраль 1945 г.), река Нейсе (апрель 1945 г.), город Берлин (март-апрель 1945 г.).

Военные боевые действия закончил в городе Берлине, в составе воинского соединения в 1946 г. в воинском звании старшего лейтенанта под командованием вышестоящего командира Кацнельсона, имевшего воинское звание подполковника.

Возвращался на Родину в отпуск через города: Будапешт, Яссы, Кишинев, Харьков, Воронеж, Борисоглебск.

Демобилизовался в июне 1947 г. Меня не отпускали, но я пошел к командиру полка полковнику Аистову Андрею Ивановичу и сказал ему, что перспективы военной у меня нет, так как я проучился всего 5 месяцев в Пензенском артиллерийском училище.

Возвратился я в свое село Октябрьское в конце июня. Накосил сена, чтобы прокормить корову, и сразу же отправился в Воронеж. В сентябре 1947 г. я поступил в Воронежский лесохозяйственный институт и закончил его в 1951 г. По распределению попал в Москву в Лесоустройство. Был трудоустроен на должности инженера.

В Одесской области мы попали в засаду, нас разбили начисто. Все у нас разбили, все пушки побили. Но это получилось не потому, что мы плохо воевали и безответственными были, а потому что не сработала разведка, а мы ехали колонной целым дивизионом, была узкая дорога с кюветом. С обоих сторон нас обстреляли танки. Наш дивизион разбили, и те, кто остались, пешком возвратились на исходный рубеж.

На плацдарме немцы наступали на нас большими силами. Наш дивизион подбил несколько танков, но потом пехота противника перешла в наступление (они, видно, пьяными были). Я лично стрелял из орудия, так как наводчика ранило. Пехота валом валила, а мы стреляли. Побили мы их там страшно. Не знаю, сколько там их было, я, правда, смотреть не ходил. А кто ходил, сказали, что побоище страшное.

Имею награды:
- орден Красного Знамени;
- орден Красной Звезды;
- медаль «За отвагу»;
- орден Трудового Красного Знамени (вручен в Кремле);
- орден Знак почета (вручен в Правительстве).

Освобождал город Кривой Рог, Одессу.

Наш 229-й гвардейский артиллерийский полк носил звание «Одесский».

В начале октября 1943 г. перед рекой Днепр получил тяжелую контузию (не разговаривал и не слышал), лечился в г. Кривой Рог в течение 4-х месяцев. Говорить начал, еще когда находился на лечении, а слышать - только после выписки (потерял 20% слуха). После контузии возвратился опять в тот же 808-й стрелковый полк, на ту же должность.

В 1943 г. на Украине меня ранило в колено, в армейском госпитале пролежал полтора месяца, вернулся уже в другой полк.

Следующее ранение - в июне 1944 г. на плацдарме за Днестром меня ранило осколком в ногу. Лечение - в городе Одесса. После госпиталя попал в 9-ю артиллерийскую дивизию РГК, 229-й гвардейский артиллерийский полк.

28 апреля 1945 г. в Берлине в уличных боях ранило в ногу. Лечился в госпитале в Берлине. Два осколка от фаустпатрона до сих пор сидят у моей подъязычной кости.

В войну погибли два моих старших брата: Колесников Федор Васильевич (1909 года рождения, рядовой, погиб в 1941 г.) и Колесников Тихон Васильевич (1916 года рождения, сержант, погиб в 1941 г).

Что касается публикаций, то когда я собирался защищать диссертацию, старался печататься и вел список своих публикаций. Писал брошюры, статьи в журналах и газетах. По моим подсчетам их набралось более 40 печатных листов (по вопросам леса). Обо мне также написано в книге «Твои лесничие, Россия» 1998 год и в газете «Лесная промышленность».

Декабрь 2001 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Панчук Антон Сергеевич****, курсант 3 курса факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Копылов Иван Степанович

Давай сержант командуй нами!

Я родился 13 августа 1925 года в деревне Красная Поляна Рязанской области. Русский, атеист, член КПСС (КПРФ) с апреля 1951 года, член совета ветеранов и участников войны Советской армии и правоохранительных органов с 1996 года при Московском государственном университете дизайна и технологии.

До призыва в Красную армию окончил 8 классов в 1941 году. О начале войны узнал 22 июня 1941 года во второй половине дня, находясь на колхозном дворе, когда туда прибыл участковый милиционер и проинформировал собравшихся колхозников о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. В период школьных каникул я работал в колхозе от первого до последнего дня на работах, куда посылал бригадир.

В 1941-1942 годы учебу в школе пришлось оставить. Мой отец погиб в 1941 году. При маме осталось шесть детей, и самый старший был я. В этот период с ноября по декабрь 1941 года в составе группы колхозников я принимал участие в эвакуации колхозного стада в тыловые районы страны. С февраля по март 1942 года в составе группы колхозников меня направили на заготовку дров для топки паровозов в Шацкий район Рязанской области. В апреле-мае 1942 г. от колхоза я

был направлен в Скопин Рязанской области на вывоз угля с неработающих шахт к месту заправки паровозов. С наступлением весенне-полевых работ до призыва в армию работал в колхозе.

9 января 1943 года был призван в Красную Армию. Первоначально был в 35-м запасном полку, дислоцируемом в Удмуртской АССР в районе станции Юски. После прохождения подготовки и обучения действиям в боевых условиях в середине августа 1943 года сформировали эшелон и направили на пополнение воинских частей, которые участвовали в Орловско-Курской битве. Я попал в 235-ю стрелковую дивизию в 801-й стрелковый полк, который находится километрах в 20 от Тулы. Здесь меня зачислили в расчет станкового пулемета «Максим» в качестве подносчика. Примерно в течение месяца изучали нейтральную часть, выходили на полевые занятия, отрабатывали задачи в условиях боевых действий с боевыми стрельбами. Должность мне эта нравилась, и я добросовестно относился к освоению обязанностей, несмотря на то, что после возвращения с занятий валился от усталости.

В конце сентября 1943 года поступила команда подготовиться к отправке на фронт. Совершив 20 километровый ночной марш, погрузились в эшелон и двинулись на запад. В пункт выгрузки прибыли через сутки. Ночью выгрузились, если память не изменяет, на станции Кресты Смоленской области. Несколько дней было на подготовку для вступления в боевые действия.

И вот наступило 6 октября 1943 года - день боевого крещения. В составе 801-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии 4-й Ударной армии 1-го Балтийского фронта в качестве подносчика патронов к станковому пулемету. Командир пулеметного расчета был сержант Карташов, наводчик рядовой Рындин, второй подносчик рядовой Астахов, а вот помощника командира не помню. Из высшего командного состава помню командующего 1-м Белорусским фронтом Баграмяна И.Х., командующего 4-й ударной армией генерала Малышева и командира 801-го стрелкового полка подполковника Ягутько - белоруса по национальности, а вот командира 235-й стрелковой дивизии не помню.

Боевой путь проходил через Белоруссию, Литву и закончил в Восточной Пруссии.

Для меня неизвестно, полностью ли 1-й Прибалтийский фронт под командованием генерала Баграмяна 6 октября 1943 года перешел в наступление или частью сил - на долговременную оборону противника. Мне, как солдату, положено было знать сведения о противнике и направление для наступления. А направление было Витебское. Город Витебск находился в 60 километрах западнее от нашего переднего края обороны. Конечной нашего наступления являлось освобождение города. День по-осеннему был теплый, тихо, светило солнце. До рассвета, после завтрака, выдвинулись к передовой. Полк наш был видимо во втором эшелоне. От передового края обороны расположились километрах в двух. Приказали окопаться. Бывалые войны вырыли ячейки, лежа и отдыхали, а вот я и другие молодые солдаты старались, копали как можно глубже. Я вырыл ячейку с колена и начал углублять до полного роста. Но она быстро заполнилась водой, и мне пришлось ее покинуть и рядом вырыть ячейку для стрельбы лежа.

Взошло солнце, ударила наша артиллерия по переднему краю противника. Авиации было мало, а танков вообще не было. Артподготовка была недолгой. Мимо нас двигались раненые, тех, кто не мог двигаться, вывозили на повозках. Автомашин не видел. Передний край был прорван.

Для развития успеха ввели в бой наш полк. Направление нашей роты было на деревни Малая и Большая Лешня. Ни одного дома в этих деревнях не было. Стояли одни остовы от печей, да фундаменты. Дома были сожжены или разобраны как строительный материал. Настроили они много и видимо рассчитывали находиться там долго.

Местность была холмистая. В некоторых высотах оборудованы склады для боеприпасов, продовольствия и других военных нужд. К высотам подходила узкоколейная железная дорога, и вагончики загоняли вовнутрь.

Первая позиция была прорвана, видимо, не на всю глубину, и, когда ввели нас для развития успеха, мы встретили хорошо организованный ружейно-артиллерийско-минометный огонь с заранее подготовленных позиций. Выбьем противника

с одной траншеи, а он уже со второй ведет огонь. Продвигались вперед медленно.

Появились потери у нас, и немалые. В течение первого дня продвинулись не более чем километра на три. С наступлением темноты остановились на одной высоте. Поступил приказ окопаться. Вырыли ячейки для стрельбы стоя. В контратаку ночью не переходили, а огонь ружейный и артминомётный был непрерывный. На второй день 7 октября продвижения вперед не было. Обороняли занятую высоту. Фашисты пытались контратаковать нас, но безуспешно.

С 8 на 9 октября нашу роту с наступлением темноты перебросили на другой участок. К исходу дня заняли исходную позицию для наступления в траншее, поросшей травой и с осыпанными стенками. Видимо траншея была выкопана в 1941 году. А вот чья? Не знаю.

Наступили сумерки. Противника не видим. Меня мучила жажда. Кухни ещё нет. И тут мимо меня идет солдат и несет в котелке воду. Спросил, где брал? Ответил, что метрах в двадцати отсюда по траншее лежат две доски, под досками – ямка, и там - вода. Обрадовавшись, взял котелок и пошел к указанному месту. Откинул одну доску, набрал воды и стал пить. А в конце, когда утолил жажду, вода показалась неприятная, когда пил, попадались какие-то предметы, выплевывал их и продолжал пить.

Пришла кухня, нас накормили ужином. На рассвете позавтракали, и поступила команда - готовиться к наступлению. Я решил запастись водой. Фляжки были у нас стеклянные. Подхожу к тому месту. Отбросил доску и вижу, что на меня смотрят ребра разложившегося трупа. Испугавшись, бегом на своё место, но не успел добежать, как меня вырвало. И сейчас, когда вспоминаю, ощущаю запах трупной воды.

Подана команда: «Выйти из траншеи! В атаку, вперед!» Прошли метров 15-20, как по нам был открыт сильный ружейно-пулеметный огонь. Начали рваться мины. Наши минометы и артиллерия молчали. Пехота залегла. Команда: «По-пластунски, вперед!». Поползли. Есть раненные и убитые. Ползли около 100 метров. Не знаю кому и как, но пехоту подняли и короткими перебежками продвигались вперед, а потом с криком «Ура» атаковали противника. Он далеко не

отступил. Занял подготовленную траншею. А мы на открытой местности окапывались. С наступлением темноты нас сняли и перебросили на другой участок. Я не знаю в целом о батальоне. Сообщаю только о нашей роте. И так в течение месяца нас с одного участка перебрасывали на другой. Больших успехов не достигали. Потери были. Пополнение получали.

С 6 октября 1943 года по 20 февраля 1944 года - дня моего ранения, мест поменяли много. Целых деревень почти не встречали. Местных жителей встречали редко. Названий деревень было много, но я их не помню.

После излечения в госпитале после ранения я оказался в 11-й Гвардейской армии (командующий генерал-лейтенант Галицкий) на 3-м Белорусском фронте (командующий генерал-полковник Черняховский И.Д). 23 июня 1944 года наши войска начали осуществлять боевую операцию «Багратион».

После массированного артиллерийско-минометного огня, продолжавшегося больше часа, и авиационной обработки переднего края, наши войска перешли в решительное и успешное наступление. Оборона противника была сломлена на Оршинском направлении.

В этой операции мне пришлось участвовать в 83-й гвардейской дивизии (командующий генерал-майор Маслов) в 248-м гвардейском стрелковом полку. Наш полк в боевых действиях начал участвовать где-то на Борисовском направлении.

Если бы начать воспоминания лет 50 тому назад, то можно в порядке освобождения назвать населенные пункты, а сейчас всё стерлось из памяти, многое вообще забыто, а что помню без всякой последовательности. Например, населенный пункт Папашино, Сенно, Борисов, река Березина, районные городки Красное, Младечино, город Гродно. В Минске не был. Он остался слева. В Литовской ССР - Алитус, Мариамполь, в Вильнюсе не был. Где-то в районе Вилкавишки перешли границу Восточной Пруссии и громили врага на его территории.

В феврале 1944 года наша рота держала оборону на открытой местности, а оборона противника проходила по опушке небольшого леса. 20 февраля 1944 года день был

солнечный и по-зимнему морозный. Я с 12.00 до 16.00 находился в траншее наблюдателем, а остальной личный состав отдыхал в землянке. Местность была пересеченная, и были мертвые зоны для огня противника. А дальше в нашем тылу километра за 3 виднелась деревня Рогачево, где находился в одном из домов штаб батальона.

Время смены подошло, но тут каким-то образом пробрались два солдата, которые принесли табак и сахар. Солдат, который должен меня менять попросил немного задержаться. Конечно, я остался, по-другому поступить не мог. В это время немцы начали обстрел из миномета по нашим позициям.

Вели огонь из одного миномета - явно пристреливались. А что? Была оборудована площадка для станкового пулемета «максим», но на день его снимали в траншею. А большой валун, где на ночь устанавливали пулемет, был хорошим ориентиром для пристрелок и второй ориентир - землянка, из которой выходил дым от печки.

Я был уверен, что пристрелка ведется с огневой точки. Поэтому не укрываясь вел наблюдение за полетом мины в воздухе. Разброс был большой. И вдруг, вижу, мина летит в направлении землянки. Только успел нагнуться, как мина разорвалась на бруствере против меня.

В глазах у меня потемнело, шапку отбросило, на голову и спину полетели комки мерзлой земли, автомат из рук выпал. Личный состав, находящийся в землянке выбежал в траншею. Я потерял на какое-то время ориентацию и побежал по ходу сообщения в противоположную сторону.

Когда пришел в себя, слышу голос командира, приказывающего идти к нему. Подошел к ним, он меня спрашивает: «Ты ранен?» Ответил: «Не знаю». Но правую руку поднять уже не мог, а по спине течет струйка крови. В траншее сняли с меня шинель, завернули гимнастерку и белье, увидели ранение в правую лопатку. Ранение было слепое. Осколок впился в кость лопатки. Санинструктор Плетнев (сибиряк) сделал перевязку, а командир роты приказал оставить автомат, взять с собой карабин и одну обойму патронов и убыть сейчас же в штаб батальона. Я просил подождать, пока не наступят сумерки. Мои просьбы были отклонены по причине, что тебя здесь могут убить, но ты

можешь остаться живым, и для тебя война кончилась. Тут они ошиблись, после выздоровления я принимал участие в операции «Багратион».

Вылез из траншеи и пошел в сторону деревни Рогачево. Отошел метров 50, по мне фашисты открыли огонь из пулемета длинными очередями. Залег. Через какое-то время встал и начал продолжать движение. Но шагов через 15-20 повторились стрельба из пулемета. Залег. Лежал долго. Уже замерз, и наступили сумерки. Встал. Немного постоял. Не стреляют. Пошел дальше. Пришел в штаб батальона, там уже знали о моем ранении. Врач сделал мне укол от столбняка, а офицер, не знаю, кто он, учинил мне допрос, как это произошло, кто видел, назови фамилии и ещё какие-то вопросы.

Утром 21 февраля после завтрака посадили меня в кузов грузовой машины и повезли в городок под Витебском в госпиталь на операцию. В этот же день оперировали. Несколько дней был при этом госпитале, а потом направили в эвакогоспиталь №ГЛР 1803, расположенный в деревне в Белоруссии. Через некоторое время посадили на автомашины и вывезли в деревню Калининской области, примерно километров в 40 от Невеля.

11 мая 1944 года из госпиталя меня выписали в батальон выздоравливающих. В батальоне набирали в школу сержантского состава. Меня туда зачислили.

Где-то во второй половине мая войска из-под Невеля перебрасывали в Белоруссию под Оршу. Нашу школу тоже. Марш совершали только ночью. Днем отдыхали, приводили себя в порядок и готовились к очередному ночному маршу. Останавливались, как правило, в лесу. Во время дневного отдыха курсанты школы не менее 4-х часов занимались по программе подготовки. И так продолжалось около 2-х недель. И тут я узнал, что перебрасывается 11-я гвардейская армия, а школа является её частью. Занятия продолжались почти до начала операции «Багратион». Мы сдали экзамены, нам присвоили звание «сержант» и всех отправили по частям 11-й гвардейской армии.

Бои под Гумбинненом были жестокие. Войска, прошедшие с боями Белоруссию, Литву и вот, наконец, логово фашизма - Восточная Пруссия.

Требовался отдых и пополнение. Нашу 83-ю гвардейскую дивизию отвели на отдых и пополнение на опушку леса дачи Геринга. Приводили все в порядок и упорно занимались, готовясь к последнему штурму. Рыли окопы, на всякий случай.

В один прекрасный день меня вызвал в штаб командир батальона - капитан Медведев и объявил: «Копылов, к нам в батальон пришла разнарядка о направлении двух человек в военное училище. Я пересмотрел списочный состав и решил направить тебя и Жукова. Других кандидатур не нашел. Поезжай. Из тебя получится хороший командир». Мой отказ не увенчался успехом. Так закончился мой боевой путь в Великой Отечественной Войне.

6 ноября 1944 года наш 1-й батальон 248-го гвардейского полка перебросили на другой участок. В течение дня совершали марш к указанному месту. С наступлением сумерек заняли исходное положение для наступления. Отдан приказ - ячейки вырыть только лежа. Ибо с рассветом пойдем в наступление.

Перед рассветом подошла походная кухня. Позавтракали. Командир роты вызвал к себе командиров взводов. Командирами взводов были два сержанта, и в роте было всего 50 человек. При отдаче приказа присутствовал и я, как комсорг роты, командовавший отделением. Ротой командовал старший лейтенант. Фамилию его не помню.

Когда прибыли на исходную позицию и занимали места, противник никак себя не проявлял.

Сведения о нем, видимо, были скудные. Вполне понятно, что разведки никакой не проводилось, траншей никаких не было. Огневых точек никто не знал. Поэтому в приказе командир роты конкретного противника не называл, а говорил, что возможно перед полосой наступления встретятся огневые точки, которые нужно подавлять. Заранее подготовленной обороны нет.

С нашей стороны танковой поддержки не было. Артиллерии, кроме 82-мм минометной батареи и батареи 45-мм противотанковых пушек (что в штате батальона) не было. Указал полосу наступления, сообщил сигнал начала наступления и приказал довести до каждого солдата. Справа наступала 2-я рота нашего батальона, слева соседа не было. В

общем, наступление было организованно с ходу, без разведки противника и тщательной подготовки.

День 7 ноября – 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, выдался теплый. Целый день светило солнце. Тишина. Ни с нашей стороны, ни со стороны противника никакой стрельбы не велось. Это вселяло надежду на успешное выполнение поставленной задачи.

Взвилась красная ракета-команда: «В атаку, вперед!» Но как обманулись, дружно встали и с оружием наперевес ускоренным шагом пошли вперед. Прошли с исходного положения метров сто. Внезапно по нашей цепи был открыт губительный ружейно-пулеметный и минометный огонь. Цепь залегла. Появились убитые и раненные. Поднять солдат не удалось. Подана команда: «По-пластунски, вперед!». Ползем и ведём огонь.

Здесь выдвигалась 45-мм пушка ближе к цепи, но лошади выведены из строя, видимо, часть и расчеты - тоже. Было видно только одного солдата, хлопотавшего возле пушки. Открыли огонь наши минометы не по цепям, а по площади. Удалось поднять залегшую цепь. Бегом с криком: «Ура!» бросились вперед. В это время командир роты получил в обе ноги ранения. Два солдата на плащ-палатке вынесли его в безопасное место. Мы достигли разрушенного хутора, обсаженного деревьями и кустарниками. Здесь мне сообщили о ранении командира роты. Рядом со мной оказался снайпер. Я поставил ему задачу уничтожить пулемет, который ведет интенсивный огонь.

Пулемет замолк. Солдаты обратились ко мне: «Давай, сержант, командуй нами». Огонь противника сбавил плотность, и мы продолжали продвигаться в указанном в приказе направлении. На пути был бункер. Из него фашисты по одному начали выбегать. Сколько их там было - сказать не могу. Но не всем удалось спастись. Через несколько трупов пришлось перешагнуть нашим солдатам. Наступление продолжалось до самого вечера. Связался с командиром 2-й роты. Он передал команду командира батальона: «Наступление прекратить. Закрепиться на достигнутом рубеже. Быть готовым к отражению контратак и с рассветом продолжать наступление». 8-го ноября наступление продолжили. К исходу дня противник оказал серьезное

сопротивление с заранее подготовленных позиций. Поступил приказ закрепиться на достигнутом. Ночью рыли ячейки для стрельбы стоя, начали соединять их ходами сообщения. Через 3 дня довели ходы сообщения до полного профиля. Устроили землянку с одним накатом для отдыха солдат.

Я обратился к командиру 2-й роты с просьбой присоединить нас к себе. Нас осталось всего 13 человек. Он пообещал доложить командиру батальона, но тот сказал ему, что костяк роты нужно сохранить и на его основе будем формировать роту с прибытием пополнения. Ночью все на своих местах в ячейках, ведем огонь в сторону противника, а днем остается один наблюдатель, а остальные отдыхают в землянке. Так продолжалось 5 дней. В один из дней, под вечер, подходит ко мне командир 2-й роты (фамилию забыл, о чем сожалею) и передает приказ командира батальона, чтобы с наступлением темноты все оставшиеся в живых солдаты во главе со мной явились в штаб батальона. Что за причина, сказал, не знает. Я много перебрал причин вызова, и все они сводились к отрицательным и неумелым действиям. Ничего хорошего не ждал. О прибытии доложил начальнику штаба, который сказал, чтобы все заходили в штаб. Штаб - это тот бункер, который был в полосе нашего наступления. Там были поставлены несколько скамеек. Расселись на скамейках. Входит командир батальона и первыми его словами были: «Спасибо, герои, вы своим успешным продвижением обеспечили успех всего батальона».

Потом подвел итоги наших действий. В частности, сказал, что в полосе наступления было уничтожено 15 фашистов, подавлено 2 огневые точки. Отдал распоряжение начальник штаба: «Сержанта Копылова представить к награждению орденом Красной Звезды, а всех остальных к ордену Славы 3-й степени.

Покормили ужином. Уложили спать в бункере на полу. Рано утром позавтракали и вернулись на передовую по своим местам. На время нашего отсутствия наш участок прикрывал сосед. Прошла неделя, а может больше, наш 248-й полк отвели на отдых и формирование. Отдыха, как такового, не было. Ежедневные полевые занятия с отрабатываемыми тактическими задачами по действиям в обороне, наступлении, форсировании водной преграды, минных полей, ведение боя в

городе и другие вопросы. Уделялось внимание внешнему виду, строевой выправке. Видимо, готовили к штурму цитадели Пруссии -Кенигсберга. Вскоре меня направили в военное училище. Награду не получил, потому что она ещё не пришла. Оформляю документы в штабе дивизии, писарь, с которым вместе оканчивали школу сержантского состава, сказал, что на меня пришла награда. Выдать сейчас не могут, и посоветовал, по прибытии в училище обратиться к начальнику политотдела, чтобы сделали запрос. К начальнику политотдела обращался, но был ли сделан запрос, не знаю. А в конце марта 1945 года меня перевели в другое училище в г. Тюмень. Больше ни к кому по данному вопросу не обращался.

В начале 1963 года на одной из бесед на тему войны и моего участия в ней, было задето моё самолюбие. Не поверили рассказам о последних боях на территории Восточной Пруссии. Написал письмо в наградной отдел Президиума Верховного Совета СССР. Оттуда мое письмо направили в архив Вооруженных сил в г. Подольске. Работники архива серьезно отнеслись к обращению. Нашли мое дело и переправили в Бауманский райвоенкомат, где командующий полковник Юркевич вручил мне награду - орден Красной Звезды (№355843, 30 марта 1963 года).

Другие награды:

- орден Отечественной войны 1-й степени (№563972. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года);
- медаль «За боевые заслуги» (№939550 5 октября 1951 года);
- медали «За безупречную службу 1-й степени», «Ветеран Труда», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы», «В память 850-летия Москвы», «100 лет со дня рождения Г.К. Жукова», «30 лет Советской Армии и Флота», «40 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «70 лет

Вооруженных Сил СССР», «Памятный знак участника Парада 9 мая 2005 года».

В войне погибли родственники - двоюродные братья:

- Синицын Александр Павлович, Герой Советского Союза (присвоено за форсирование р. Вислы. Похоронен у деревни Воля-Буховска на польской земле);
- Кузнецов Василий Иванович (1920 г. рождения. Летчик. Погиб на 2-ой день войны на Украине);
- Кузнецов Иван Иванович (1922 г. рождения. Летчик. Погиб в 1942 году на земле Калининской области);
- Евтюхин Василий Иванович (1925 г. рождения. Механик-водитель. Сгорел в танке на польской земле);
- Панкин Василий Егорович (1915 г. рождения, дядя - брат мамы);
- Чудин Дмитрий Иванович (1925г. рождения, брат жены).

Родственники, оставшиеся в живых:

- Копылов Виктор Степанович (1926 г., рядовой, брат);
- Копылов Сергей Иванович (1925 г., рядовой. Тяжело ранен, двоюродный брат);
- Кузнецов Павел Иванович (1924 г., капитан. Тяжело ранен в голову. При операции в госпитале Бурденко умер);
- Копылов Николай Яковлевич (1905 г., рядовой, дядя);
- Копылов Василий Иванович (1921 г.. Был в плену, после фильтрации и проверки вернулся в 1945 году);
- Кузнецов Иван Васильевич (Был в плену, после фильтрации и проверки вернулся в 1945 году).

На войне со мной случались удивительные случаи.

В одном из наступательных боев, на Белорусской земле, при перебежках я залег в воронку от разрыва, видимо, мины и веду стрельбу по противнику. Вдруг в эту же воронку справа от меня ложится солдат нашего взвода (фамилию, к сожалению, забыл) и просит меня поменяться местами. Я предложение его воспринял с удивлением, но он настойчиво ещё раз попросил. Я пошел ему навстречу. Перелез через него и лег на его место, а он на мое.

Мы не успели обмолвиться о бое, как слева от нас разорвалась мина. Осколком в голову он сразу же был убит. В меня влетели 2 осколка. Один в шею, боль была сильная,

первоначально подумал, что ранение тяжелое, но, ощупав пальцами, выдавил его. Второй попал в мизинец левой руки. Пробита каска. Голова цела. Какое было мое состояние - описать не могу. Произвольно текли слезы. Не знаю от чего. Или из жалости, что убит товарищ, или от того, что, жертвуя собою, спас мне жизнь.

Загадка осталась неразгаданной и по сей день. Сожалею о том, что стерлось из памяти имя моего спасителя. В день Победы, когда отмечаю, в первую очередь поднимаю рюмку за тех, кто не вернулся и за своего спасителя.

Декабрь 1943 года. День пасмурный, выпадает мелкий снег. Наступление большого успеха не имело. Продвинулись не больше чем километра на 3-4. Противник оказывает упорное сопротивление. Нужно подавить огневые точки. Закон подлости. С минометной батареей прервалась связь. Радиосвязи не было.

Командир роты высылает на линию связи связиста Шленкина и в помощь ему выделяет меня. Связист надевает через плечо телефонный аппарат, в руки берет полевой кабель и бегом преодолевает высоту, через которую проложена связь. Шленкин в безопасности на обратном скате поджидает меня. Дают команду вперед бегом. Пробежал примерно до половины высоты, как по мне открыт огонь из пулемета длинными очередями.

Пришлось залечь. Слышу голоса, но разобрать не могу, что от меня хотят на передовой. Немного отдохнул, быстро вскакиваю и что есть силы бегу. Стрельба возобновилась с ещё большей силой. Пули летят справа, слева, сверху. А тут споткнулся, упал. Пришлось лежать. Отдохнул. Делаю последний рывок. Бегу по склону вверх. И только выбежал на гребень, опять стрельба. Падаю и ползу по-пластунски. И я на обратном скате.

За высотой мертвая зона для противника. Идем вместе со связистом. Прошли чуть больше километра. Впереди овраг, а там расположена минбатарея 82-мм. Обрыв обнаружили при спуске в овраг. Соединили провода. Подключили аппарат. Связь есть. Получили приказ возвращаться. Прошли мы метров 100, не больше. Слышим пронзительные звуки шестиствольного миномета. Времени на выбор укрытия не было.

Разорвалась первая мина. Падаем там, где застал взрыв. А их было шесть. Когда стихло, я хотел подняться, но не мог. Стал звать Шленкина. Тихо. Сверху меня - глыбы мерзлой земли. Старался отгрести руками, ничего не получается. Ногами, не шевелятся. Потом слышу голос связиста. Кричу ему. Он подошел на мой крик и начал освобождать из-под завала. Встал. Первое время не мог сделать ни шага. Синяков насажали много, ребра болели. Осмотрели место, удивились. Совершилось чудо. Вокруг нас воронки глубиной до 2-х метров, а мы между воронками, заваленные землей. От синяков пришлось избавляться долго. Обстрел, видимо, был нашей минометной батареи. Но и ошиблись в расчетах всего-то на 100 метров.

Я и сейчас иногда во сне вижу авиационные налеты, покрывающие все небо. Наблюдаю воздушные бои, но гул моторов и стрельбу не слышу. Прижимаюсь к земле от летящей на меня бомбы. Взрыва не слышу, но просыпаюсь - потный с сильным биением сердца.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Кибирева Кристина Германовна,*** *студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Корнеев Илья Михайлович

Перевес сил был у японцев

Я родился 7 декабря 1922 г. в селе Оскошино Красинского района Воронежской области. Русский. Состоял в партии. В общественных организациях не участвовал.

Обучался в школе мастерового социалистического труда (МСТ) по направлению «железнодорожный транспорт».

До армии работал в сельском хозяйстве механизатором, трактористом, а также на железной дороге, на электростанции (станция Тарусская, Заокский район, Тульская область).

22 марта 1942 г. был призван в стрелковые войска. Место формирования соединения – город Тула. Был отправлен на Дальний Восток. Начинал в воинском звании рядового на должности пулеметчика в 245-м пулеметном батальоне, затем - на воинской должности автоматчика в автоматной роте, 8-я отдельная стрелковая бригада, 199-й стрелковый полк. Относился к 139-у стрелковому корпусу. Командиром роты был капитан Чирков, командиром батальона Степанов, командующим 1-й Дальневосточной армией – Панасенко.

Боевой путь проходил через: город Уссурийск, город Ворошилов, город Спасск Дальний, село Гродеково, село Раздольное, город Славянка (1942 г.), город Манчжурия (август 1943 г.), город Харбин (август 1943 г.), окрестности озера Хасан, окрестности озера Ханка (1945 г.), село Турий Рог, станция Раздольная, станция Барабаш, город Муданьцзян

(сентябрь 1945 г.), город Хабаровск (сентябрь 1945 г. – октябрь 1946 г.).

Военные боевые действия закончил в районе города Муданьцзян в составе автоматной роты 8-й отдельной стрелковой бригады 199-го стрелкового полка в воинском звании сержанта, на должности командира отделения под командованием командира батальона Степина.

Возвращался с войны через: Город Хабаровск (ноябрь-декабрь 1946 г.), Город Москва (январь 1947 г.), Тульская область (январь 1947 г.).

Демобилизовался из Хабаровска в ноябре-декабре 1946 г. в Тульскую область в январе 1947 г. Трудоустроен в Военизированной стрелковой охране (ВОХР) в воинском звании старшины 10 апреля 1947 г.. Занимался охраной заводов и подобных объектов в Москве и Московской области, в частности, в городах: Воскресенск, Подольск, Можайск, Долгопрудный. Войсковая часть 6549 МВД. Демобилизовался в 1983 г. в воинском звании старшего прапорщика.

Еще в Тульской области попал под бомбардировку, участвовал в эвакуации техники, станков. Наша артиллерия не доставала немецких самолетов на той высоте, на которой они летали. Когда наши орудия были усовершенствованны, немцы свои истребители стали оснащать снизу броней, так что не каждый снаряд мог нанести им серьезные повреждения. Когда бомбили находившийся рядом завод танковой техники, вместе с учебным коллективом школы МСТ ходил осматривать повреждения. Когда же сами попали под огонь, с наступлением темноты стали из города уезжать или уходить за город, в поля, леса, там бомбить не будут. Когда рассветало, возвращались обратно.

На Дальнем Востоке располагались в основном: флот, пехота, артиллерия. Авиации не было. У нас в полку были и обозы, в которых были лошади - очень маленькие, но выносливые, их использовали для перевозки 45-тимиллиметровых пушек и минометов. Лошади были дикие, но все-таки помогали перевозить продовольствие и боеприпасы, иногда и раненых. Климат Уссурийского края очень суров: обманчивая погода зимой, сильные снегопады, в

летний период очень много комаров, мошкары, от которой нам выдавали сетки, которые смачивались специальным раствором или водой. В периоды, когда не хватало продовольствия, приходилось питаться черемшей и виноградными листьями. В Приморье – сильная влажность, никакая обувь не выдерживала: ни американская, ни русская. На Дальнем Востоке очень много осадков. Дождь прошел – обязательно дорогу размыл, у местных жителей урожай, заготовленное сено уничтожил, иной раз, и дома смывало.

Местность болотистая, поэтому танк КВ на Дальнем Востоке не пошел. Хорошо пошел Т-34, самоходки хорошо шли, гаубицы, противотанковые 45-миллиметровые пушки не подводили. Ручные минометы носили на себе, пулемет «Максим» хорошо стрелял, но было тяжело таскать - 64 кг. Также использовали ручные пулеметы Дегтярева, СВТ винтовки, АВС винтовки, ППШ.

Дальневосточный лес очень богат, особенно в районе озера Хасан. Бывали случаи лесных пожаров. В тех местах обильно растет бурьян, его никто не выкашивает, поэтому он сохнет. Молния сверкнет, он моментально загорается, а такой массив, как известно, тушить очень сложно. Дальний Восток богат также рыбой, дичью, зверей очень много. Запомнились горы. Особенно сопки «Три сестры» – очень высокие.

Боевые действия осуществлялись постепенно. Но перерывы между боями были маленькие – немножко передохнешь и все. Японская армия была очень оснащенной, мобильной, подготовленной, хорошо вооруженной. Мы были практически прижаты японцами, боевой техники не хватало. Перевес сил был у японцев, у них было все наготове, специально подготовленные смертники-самураи, обученные не самым честным методам ведения боевых действий. Были также случаи умышленного заражения врагами питания, запасов воды, а также водопоя, где поили лошадей. Так что страдали от этого и люди, и лошади. Японцы очень беспокоили, на каждом шагу. Под Харбином были большие потери. Особенно было тяжело пограничникам.

Чем же мы их все-таки взяли? Прежде, чем перейти фронт в Манчжурии, к нам пришло большое пополнение. Пополнение это составляли бойцы, которые уже по два, по три

года воевали, имевшие опыт. Среди них была в частности и армия Рокоссовского – бывшие осужденные.

В августе 1943 г. мы перешли границу фронта, дошли до Харбина. Перед тем, как пересечь границу фронта, нас выбрасывали на Русский остров. К самому Русскому острову корабли близко не подходили, нас высаживали в полной боевой экипировке на плот. Приходилось добираться до острова вплавь, так как плот обычно не доплывал. Во время перехода японской границы, фронт находился под командованием командира полка полковника Шкурихина, командиров взводов Беляева, Ануфриенко. Весь эшелон под командованием Панасенко погиб под бомбардировкой, не дойдя до фронта.

Прошел двухмесячные курсы по подготовке сержантского состава (недалеко от села Гродеково).

Среди боевых товарищей были в основном ребята из Рязани, Башкирии, Татарстана, Узбекистана.

Офицеры были трудолюбивыми, ответственными. Мы не имели понятия, что такое дедовщина, как говорят, сейчас распространенная. Хотя жили мы, как говорится, впроголодь, раздетые, разутые, таких случаев не было. Случаев ухода в самоволку мы себе тоже не представляли.

Когда фашистская Германия была разбита, мы располагались на станции Платоново, недалеко от села Турий Рог. 9 мая 1945 г. мы по обыкновению встали, сделали зарядку, и только потом, на построении, офицеры объявили нам о победе над фашистской Германией. В честь этого великого, знаменательного события офицеры взяли оружие, только пистолеты и револьверы, и начали стрелять в воздух – давать салют. Нам, автоматчикам, естественно, стрелять из автоматов не разрешили. После 9 мая с германского фронта начали перебрасываться силы на Дальний Восток. Приехал маршал Жуков, маршал Малиновский, который потом был назначен командующим войсками Забайкальского фронта.

Больше всего, конечно, запомнилось окончание войны – это была радость, единственная радость. Японский император попал в плен, подписал акт о капитуляции Японии, был судим на военном корабле. 3 сентября 1945 г. провозглашен Днем победы над Японией. Военные действия были прекращены.

Приехало командование, была получена помощь, техника (танковая техника). После того, как война с Японией закончилась, прослужил еще до октября 1946 г. в Хабаровске (2-м).

Награжден:

- благодарностью за отличные боевые действия в боях с японцами на Дальнем Востоке (Приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина от 23 августа 1945 г.);
- медалью «За победу над Японией» (№ 272783. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 г. От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 29 апреля 1946 г. Указ подписал командир 199-го стрелкового Верхне-Удянского полка подполковник Шкурихин);
- медалью «За боевые заслуги» (№ 3091200. Подписал секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин. А № 430945. 25 марта 1947 г.);
- орденом Отечественной войны II степени (№ 2264504. Б №496804. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.03.1985 г.);
- медалью за воинскую доблесть «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (Подписал командир войсковой части 6549 подполковник Запрягаев. 05.04.1970 г.);
- медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.» (От имени Президиума Верховного Совета СССР в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 г. Медаль вручена 24 октября 1965 г. Подписал вр.и.о. командира войсковой части №6549 подполковник Татаринов);
- медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.) (От имени Президиума Верховного Совета СССР в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 г. Медаль вручена 28 июня 1975 г. Подписал командир войсковой части №6549 полковник Чистяков);
- медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.» (От имени Президиума Верховного Совета СССР в соответствии с указом Президиума Верховного

Совета СССР от 12 апреля 1985 г. Медаль вручена 4 мая 1985 г.);

- медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.» (Указ от 22 марта 1995 г. Президента РФ Б.Н. Ельцина);

- медалью «Ветеран ВС СССР» (Приказ начальника внутренних войск МВД СССР №0172 л/с от 31 августа 1983 г. Подписал командир войсковой части №6549 подполковник В. Дмитрин. Сентябрь 1983 г);

- медалью «XXX лет Советской Армии и Флота» (От имени Президиума Верховного Совета СССР в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1948 г. Вручена 11 мая 1949 г. Подписал подполковник Морозов);

- медалью «40 лет ВС СССР» (От имени Президиума Верховного Совета СССР в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1957 г. Вручена в июле 1959 г. Подписал командир войсковой части №6549 полковник Миляев);

- медалью «50 лет ВС СССР» (От имени Президиума Верховного Совета СССР в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 г. Вручена 20 февраля 1968 г. Подписал командир Войсковой части 6549 полковник Трудов);

- медалью «70 лет ВС СССР» (От имени Президиума Верховного Совета СССР в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1967 г. Вручена 22 февраля 1988 г.);

- медалью «60 лет ВС СССР» (От имени Президиума Верховного Совета СССР в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1978 г. Медаль вручена 21 февраля 1978 г. Подписал командир войсковой части №6549 полковник А. Потапов);

- медалью «За безупречную службу» II степени (Приказ МВД СССР №872 от 22 октября 1958 г. Медаль вручена 5 ноября 1958 г.);

- медалью «За безупречную службу» I степени (Приказом МВД СССР №660 от 26 октября 1962 г. Медаль вручена 20 ноября 1962 г. Подписал командир войсковой части №6549 полковник Миляев);

- медалью Жукова (Указ от 19 февраля 1996 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин);

- медалью «200 лет МВД России» (Приказом МВД России №542 от 5 июня 2002 г. КВ МОВВ МВД России генерал-полковник Е.В. Бареев);

- знаком «За отличие в службе» I степени (Приказ начальника внутренних войск МВД СССР №68 от 25 апреля 1975 г. Подписал командир войсковой части №7554 полковник Григорьев. 4 мая 1975 г.);

- знаком «За отличие в службе» II степени (Приказ командир войсковой части №7554 №294 л/с от 30 октября 1971 г. Подписал командир войсковой части №6549 полковник Запрягаев. 30 октября 1971 г.).

Ранения: август-сентябрь 1945 г. Контузия левой ноги. Место лечения - госпиталь в Славянке. Период лечения короткий. Вернулся в войсковое соединение.

В период войны погибли родственники: Мать - Корнеева Елена Никитична 22-23 февраля 1943 г. на Дальний Восток пришло письмо о смерти. Средний брат - Корнеев Василий Михайлович 1913 г.р., погиб на фронте. Двоюродные братья - Корнеевы Михаил и Григорий погибли.

Остались по окончании войны живы родственники: старшая сестра - Корнеева Мария Михайловна 1912 г.р. и двоюродный брат - Корнеев Василий Егорович во время войны работал на заводе как специалист.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Куценко Антон Алексеевич****, студент 3 курса Московского государственного университета природообустройства*

Коротков Сергей Иванович

Фронтовой дневник

Родился 15 июня 1922 г. в Москве, русский, беспартийный.

В 1936 году окончил 7 классов, в 1940 г. школу ФЗУ, в 1942 г. Московское авиационное училище связи, в 1947 г. 10 классов вечерней школы, в 1953 г. окончил Московский энергетический институт (радиоинженер).

О начале войны узнал в 1941 г. в Москве, я в это время работал на заводе № 67 слесарем. В августе 1941 года был призван в армию и направлен в авиационное училище связи (г. Сызрань). В феврале 1942 года окончил училище и был направлен в действующий авиаполк механиком по радиотехнике под Москву. В 1942 году был направлен в снайперскую школу. В апреле 1942 года был снайпером в 1-й Московской Пролетарской пехотной дивизии. За 4 месяца я уничтожил 18 немецких оккупантов. В августе 1942 года был направлен в 248-й авиационный истребительный полк, который в это время воевал на Западном фронте (г. Ржев), радиомехаником эскадрильи в звании гв. ст. сержанта. В составе этого полка я воевал на Западном фронте и прошел путь от Москвы до Берлина, освобождая Брест, Варшаву, Познань и другие польские города. Войну закончил в Берлине в составе 248-го истребительного авиаполка в звании гв. старшины (9 мая 1945 года). За время войны ранений не имею.

В сентябре 1945 года был демобилизован (г. Москва). Работал на заводе № 67 слесарем и учился на конструкторских курсах. После окончания курсов работал конструктором на заводе № 67.

Я был награжден 5-ю польскими орденами и медалями Войска Польского и 6-ю медалями СССР. Во время войны погибших родственников нет. Публикаций нет. На фронте в 1942 году в составе гв. дивизии ходил в атаку под Ржевом (деревня Мал. Кропотово). Далее был направлен в 248-й истребительный авиаполк механиком по радио. Когда был снайпером, то было очень жалко убивать первого немца, и я ему прострелил ногу, а он продолжал стрелять по нашим войскам. Вот тогда у меня не было жалости к фашистам, и я уничтожил 18 человек. Когда был в окопах на передовой, то часто пел песни наших композиторов. Домой возвратился в 1945 году по демобилизации.

Работал на заводе конструктором. В настоящее время работаю в институте электронного машиностроения главным конструктором.

Я женат на Коротковой Зое Андреевне, имею двоих детей и двоих внуков.

Это было в ноябре 1941 года под Москвой недалеко от города Ржева. Я в это время был в 1-й Московской гвардейской мотострелковой дивизии снайпером. Окончил снайперские курсы и воевал в составе этой дивизии. У меня был напарник Гриша Тарханов, тоже снайпер. Первое боевое крещение я получил под Москвой. Охотился на фрицев, так мы тогда говорили о немцах, я со своим напарником выходил на передовую ночью, мы заняли окоп, маскировались и ждали рассвета. Немцы были от нее в 100 метрах. Мы с напарником были друг от друга в 30-40 метрах. Каждый из нас имел запасную позицию. После выстрела меняли место и переходили на запасную позицию. Немцы ходили по своим окопам открыто, и мы выбирали цель побольше чином, т.е. офицера.

За время нахождения в этой дивизии, я уничтожил 18 фашистов. Был один эпизод, когда отделение пехоты из нашей роты ходило в глубокий тыл к немцам (называлось это – разведка боем). В составе этой группы были и мы, два

снайпера. Линию фронта прошли незаметно и тихо, так как немцы не везде на передовой линии занимали свои окопы. Пройдя километр в тыл немецкой обороны, мы стали разведывать, где у них огневые точки, и как строилась оборона. Это надо было нам знать перед нашим наступлением на этом участке фронта. Но как бы мы не маскировались и старались не шуметь, все же немцы нас заметили и стали окружать. Но у наших разведчиков были автоматы, а у нас снайперские винтовки, и мы немцам оказали хорошую оборону. И, кроме того, взяли в плен одного немца. Затем мы с боями стали уходить к передовой линии обороны на свою сторону. Но так как мы зашли к немцам в тыл не очень далеко, и вокруг нас был густой кустарник, то нам удалось выйти из окружения с боями, почти таща пленного на себе. В этот момент наши солдаты из окопов поддержали нас огнем, и мы вышли к своим окопам, имея двух раненных бойцов, и притащив пленного немецкого сержанта. За эту операцию я получил медаль «За отвагу».

Я еще провоевал в пехоте до нового 1942 года, потом был направлен в авиацию, ведь я имел специальность механика по радио самолетов (окончил училище связи).

И в составе 248-го истребительного авиаполка я воевал до 1945 года. В январе 1945 был переведен в отдельное звено «бостонов» – американских самолетов механиком по радио. Дошел до Берлина. И в августе 1945 г. был демобилизован.

Когда не было стрелков-радистов на наших самолетах, то мне приходилось летать вместо них. Я участвовал в бомбардировке Берлина, Дрездена и других городов на немецкой территории, за что был награжден орденом Отечественной войны и медалью «За боевые заслуги».

Дневник

14 октября 1942 года

День пасмурный, да и вообще теперь дни пошли пасмурные, холодные. Редко когда выглянет солнце, а чаще идет дождь. Я на некоторое время прекратил вести дневник, но те пропущенные дни были однообразные. Теперь опять нахожусь в обороне, в 100 метрах от фрицев. Заболел и, таким образом, ушел из окопов на передовой боевой охране, хотя и

там было неплохо. Только вот кормили плохо. Сейчас сижу у себя в блиндаже, думаю о Москве, о своих родных и вообще что только в такие минуты в голову не придет молодому человеку. Хочу хотя бы на несколько минут представить как живут мама, бабушка, да и вообще весь наш дом. Хочется быть с ними. Немец ежедневно бомбит наши окопы. В день 3-4 раза. Хотя мы и привыкли к разрывам мин, но все-таки страшно, когда над головой или где-то еще впереди воет эта туша, того гляди упадет в твой окоп. Пулей ранит - это не так еще страшно, а вот осколками мин - просто людей калечит. А у немца эти мины приняли широкий характер, он их не жалеет даже на каждого бойца в отдельности. Сегодня очень хорошо позавтракал. Вчера же я ходил на полевую кухню и там сварил картошки (2 котелка), потом принес их Гришке (мой друг, жили в Москве рядом). Сейчас, в блиндаже, сижу один. Гришка с отделением пошел в баню мыться. Я был вчера. Сейчас буду писать письмо домой. Хотя из дому пока писем не получаю. Наверное, потому, что я очень часто меняю «место жительства» - из одной части переводят в другую. Но в ближайшем времени должен получить от мамы письмо.

За эти прошедшие дни много произошло изменений в моей жизни и в обстановке тоже. Мы с другом теперь расстались. Я пошел учиться на снайпера, а он остался на передовой в роте. Потом за очень малый и почти незаметный период мы снялись с передовой, и я 4 дня был в Москве на переформировании, а самое главное - я был дома и видел родных: маму, бабушку, тетю и многих знакомых. В Москве жизнь идет по-старому. Моих друзей по школе ранило. 13 октября, ночью, после переформирования и пополнения, мы с окружной железной дороги «Серебряный бор» поехали дальше к фронту и к утру 14 октября были уже на станции Нахабино. Ехали мы в обычных товарных вагонах с нарами в 2 этажа. Вот, вкратце, я описал прошедшие дни. Свои два первых номера дневника оставил дома. Третий номер продолжаю.

21 октября 1942 года

За эти дни я дневник не писал, потому что и времени не было, и погода стояла плохая, да и писать было неохота. Опишу вкратце эти дни. Ну, во-первых, погода в это время

стоит плохая. Почти весь день идет дождь. Нас сформировали в полки и повезли на передовую. Ехали мы в теплушках по 40 человек в вагоне. Высадились мы на станции Погорелое-Городище. Вся эта станция была разбита. Одни развалины. Недалеко от станции были навалены взятые в недавних боях трофеи. Их здесь очень много. Почти одни машины (больше тысячи). Потом от этой станции мы пошли пешком 20-40 км до места, на передовую. На дорогу нам дали сухой паек на 2 дня. Каждый сварил суп из концентратов, поели, погрелись у костра и пошли дальше к передовой. Дорога была плохой, можно сказать шли по сплошной воде и грязи. Пройдя 7 км, мы сделали привал около большой белой церкви. Мимо нас проезжали танки и танкетки. Через 30 минут отдыха мы опять шли по грязной и разбитой дороге. По направлению к фронту. Дальше ничего существенного не произошло. Ночью мы пришли в одну деревню, там и переспали одну ночь. Утром на костре сварили суп, поели и пошли дальше. Часов в 12 дня пришли в расположение нашей дивизии – участок на передовой в 100 м от немцев. На привале сварили опять густой суп и кашу, каждый варит в своем котелке. Немцы нас видят, как мы жжем костры, но, наверное, сами обедают, и потому нас не трогают. Мы пообедали и пошли искать место, где можно переночевать. Спали в блиндажах на сене. Ночь прошла хорошо, без дождя. Вообще, за эти дни ничего не произошло, немцы тоже сидели в своих окопах. На наше счастье, на этом участке летают одни наши самолеты, а немецких очень мало.

27 октября 1942 года

День очень хороший, солнечный. Ребята наши стреляют по мишеням. У меня сегодня болит живот (наверное, переел супа). Большая новость и событие – у меня появились вши. Когда я был в Москве, дома, то маме я не говорил, что они у меня есть, но на самом деле их у меня, да и не только у меня, а у большинства солдат очень много. Рубашки со вшами «жарили» над кострами.

Сегодня написал домой открытку. О доме вообще как-то не думается, так, иногда вспоминаешь свою прежнюю московскую жизнь. Сейчас, это было в 5 км от передовой, да и

вообще, стреляем по мишеням на 100-200 и 300 метров. Результат стрельбы у меня хороший.

1 ноября 1942 года

Погода сейчас стоит хорошая, хотя утром бывают морозы 10-15 градусов. Немец сидит молча, мы тоже молчим. В нашей землянке тепло, спим достаточно много. Числа 10 декабря мы, все снайперы, пойдем обратно по своим полкам на передовую. Кормят нас пока хорошо, 3 раза в день.

Сейчас только что пришли со стрельбища. Стреляли по движущейся мишени на 300 метров. Я попал 2 из 3 – это хорошо.

5 ноября 1942 года

День с самого утра очень морозный. Вчера ходили в полк получить зимнее обмундирование. Сегодня у нас на курсах праздник. Отмечаем годовщину со дня организации этих курсов младших командиров снайперов. Утром была капитальная уборка к празднику. Сейчас спешу выпустить боевой листок, потом опишу весь праздник.

Описывать этот день даже не стоит, потому что он прошел плохо. Обещали дать белый хлеб, но его не привезли. Самое хорошее в этот день можно отметить, это дали хороший обед и ужин. Спать легли рано.

7 ноября 1942 года

5 км от передовой. Подъем был в 6 утра. В этот день охраняли штаб полка. Я был в ночном наряде. Погода была опять солнечная, морозная. Утром наш взвод пошел в наряд на кухню. Я чистил картошку весь день. Утром 7 ноября нам все же дали белого хлеба, водки по 80 грамм и на закуску по пирожку с мясом. Завтрак был исключительно хорошим. Суп из 3 макаронин – очень густой, тем более я был в наряде. Нам, рабочим по кухне дали больше. Перед обедом нам дали еще по 100 грамм водки и по одному пирогу.

Я сменял пирожок на 100 грамм водки. В общем, я выпил 200 грамм и пошел, получил обед. Я еле съел полный котелок пшенной каши. К ужину меня развезло с водки, и меня командир взвода послал спать в блиндаж. Проснулся вечером. Начали раздавать подарки, но мне командир взвода не дал за

то, что я напился. Но это ничего. Праздник прошел так себе, лучшего на передовой нельзя было ожидать.

8 ноября 1942 года

День опять морозный, шел небольшой снежок. Утром было занятие. Стреляли весь день до обеда. После обеда рыли ячейку для ночной стрельбы. Ночью, при свете ракет стреляли по мишеням на 100 метров.

11 ноября 1942 года

Наши снайперы стреляли по мишеням и как-то ранили двоих курсантов. Одного в руку, другого в коленку. Вот уже 4 дня как над нами летают 15 «юнкерсов» немецких, и иногда бомбят. Из-за них нас теперь заставили рыть траншеи. Черт бы их побрал – земля уже замерзла.

14 ноября 1942 года

День был ясный, солнечный, морозный. До обеда была строевая подготовка и хим. подготовка. Ровно в 11 часов опять прилетели 10 самолетов и бомбили. У нас потерь не было. В обед дали суп картофельный с мясом и на второе макароны с салом. Вечером встретил свою знакомую по дому Аню. С ней когда-то вместе учились. Эту встречу я никак не ожидал. Я снайпер, а она санитарка. Когда-то мы все вместе жили и учились, и веселились в парках и театрах. Теперь, когда враг, злейший враг – немецкий фашизм, напал на нашу Родину и хотел отнять у нас все, что мы завоевали и сами построили, мы бросили свою мирную жизнь. Я ушел с завода, она ушла из школы. Взяли с молотка винтовку. Она с чертежной доски санитарную сумку и вот сейчас вместе встретились. В руках имея грозное оружие, чтобы уничтожить немецких оккупантов.

Сегодня писал домой письмо. Ужин был плохой. Суп очень жидкий и мало, полкотелка, дают. До ужина все рыли траншеи.

15 ноября 1942 года

Погода стоит плохая. С утра идет крупный снег, дует юго-западный ветер. С самого утра получилось недоразумение с хлебом. Сегодня почему-то его дали мало. После завтрака

наши снайперы пошли на занятия по обще-дивизионной тактике. Я остался в блиндаже чинить ботинки. Скоро придут с занятий, и будет обед. Сейчас буду писать письмо домой. Мои ботинки были готовы только после обеда. Весь день шел густой снег.

Дени 16 и 17 ноября прошли однообразно с теми, прошедшими днями. Вот только одно, что можно отметить – это было так: из 22 снайперов в санбат ушел один. Помощник командира взвода Зеленцов получил ушедшего в санбат порцию себе и один ее съел. Но вот ребята разнюхали, в чем дело, да и вообще, шила в мешке не утаишь. Вот один снайпер получил 2 порции супа, то есть Зеленцову не досталось – он дает ему наряд вне очереди. Получили второе – Зеленцов несет котелок и прячет его от всех. Я у него спросил, сколько порций получил. Он мялся, мялся и говорит – две. Я говорю – на кого, и есть ли у тебя расход. Он отвечает, что порции на меня, на лейтенанта и расхода никакого нет. Я, не долго думая, иду на кухню и спрашиваю у повара, что на второй взвод снайперов есть расход. Он отвечает – есть. Я подаю котелок, и он мне накладывает 1 порцию. Я пришел в блиндаж и разделил ее на 5 человек, по ложке. Так за это мне Зеленцов дал 2 наряда. Вообще говоря, наряды дают ни за что. А если говорить прямо, то вот за что – помощник командира взвода Зеленцов большая сволочь, которая ворует у ребят все, что придется и обманывает самих ребят, его взвода.

18 и 19 ноября 1942 года

Эти 2 дня были пасмурными, иногда шел снег, но на улице было достаточно тепло. За эти дни мы только ходили стрелять, а больше занятий никаких не было. С каждым днем ждем выпуска – окончание курса снайперов. Особенного в эти дни ничего не произошло.

20 ноября 1942 года

День опять пасмурный. Сегодня с утра нам объявили, что сегодня нас отправляют в полк. Я пошел с ребятами на кухню чистить картошку. В обед получил 2 вторых за работу на кухне. После обеда нас послали в полк на передовую. Перед уходом я взял топор, найденный мной еще 10 дней назад –

пригодится. Попрощались с командиром взвода и со старшиной роты. В полку нас оставили при штабе, как охрану и заградотряд. Землянки, в которых мы разместились, хорошие, теплые. В этот же вечер было кино «Великий гражданин» 2-я серия. Экран висел между деревьями, а мы сидели на пнях. За ужин нам дали сухой паек. Сварили ужин, поели и легли спать.

21 и 22 ноября 1942 года.

С утра день был пасмурный, а к обеду разгулялся, и нам приказали тушить печи в землянках, а то печи дымятся, авиация может увидеть и разбомбить. 21 ноября получил теплое белье и подшлемник под каску. Я ходил к себе на курсы. 22 ноября получил письмо из дома. Домой послал 360 рублей. Весь вечер играли в очко, весь вечер до поздней ночи. Я проиграл немного и лег спать. На этом день окончен. На передовой было затишье.

23 и 24 ноября. 1942 года

Проснулись поздно, в 6 утра. День опять пасмурный. С 23 часов начало подмораживать, и днем стало немного холодно. Почти весь день 23 ноября я проспал в землянке. Утром получил табак и сахар. Кормили нас в этот день хорошо. Суп был густой, только не соленый, соли у нас не было, а потому невкусный.

25 ноября

Встали опять поздно. Сегодня днем было особенно заметно, как похолодало. До обеда нас осмотрел врач. После обеда нам дали валенки. Валенки очень хорошие, новые. Потом дали сухой паек, «НЗ» на 2 дня перед боем. Сухой паек был очень хороший. Там было и сало, и соль, и сахар, и гороховый концентрат, и пшенный. По 6 сухарей больших.

Сегодня вообще день такой напряженный. Всем объясняют боевую задачу, раздают боеприпасы, красят в белый цвет машины, каски. Да, еще сообщение по газетам хорошие, что на Сталинском фронте наши войска занимают много городов и продвинулись далеко вперед, захватив много трофеев. Этот успех на юге поднимает дух и на нашем фронте. Завтра в 7 утра идем ближе к фронту, а там в наступление. Все

верят в нашу победу на этом участке фронта, и продвинутся далеко вперед.

25 ноября 1942 года

Всю ночь я почти не спал. Подъем был в ротах в 5 утра. Хорошо поели и легли опять спать. Наша артиллерия всю ночь вела пристрелку. Ровно в 7 утра началась сплошная артподготовка. Кругом все рвется и грохочет. И вот сейчас, когда я пишу эти строки, то там, на немецких окопах рвутся снаряды уже в течение 25 минут. Наша дивизия наступает 3-м эшелоном. Сейчас ждем сигнала к выходу на передовые окопы немцев, которые находятся в 300 метрах от нас. Опишу все потом подробнее.

27 ноября 1942 года

Продолжаю запись. Весь день 25 ноября велась артподготовка, 26 ноября тоже велась артподготовка. 26-ого вечером нам последний раз показали кино. «Парень из нашего города», эту картину я вижу впервые. Она мне очень понравилась. После кино пошли спать в землянки. Разбудили нас по тревоге. Мы очень быстро собрались, время было 2 часа ночи. Пока узнавали в чем дело, мы еще раз успели лечь спать. Потом окончательно поднялись и пошли ближе к передовой. Шло нас так много, что нельзя описать, а можно только видеть. Тут была и конница, и артиллерия, и танки, да и вообще вся дорога в 3 ряда была загорожена движущейся массой. Погода благоприятствовала. Все время с самого начала шел крупный снег и дул сильный ветер со стороны фрицев. Мы к рассвету уже перешли речку шириной 100 метров. Тут проходит оборона первой линии.

Сейчас время 8 часов утра. Над головой летают наши самолеты, хотя погода очень плохая, нелетная. Немцы очень боятся наших «Катюш». Писать на время кончу. Опишу немного позднее, к концу дня. Часов в 12 дня прилетели немецкие бомбардировщики. Они начали бомбить переправу и скопление конницы. Немец долбил почти весь день. Больших потерь нет, несколько лошадей и человек 10 убитых. К концу дня привезли обед, вино, сахар и хлеба. Спать легли в чулан одного дома, единственного в этой деревне. А всего их

осталось в целости только 2 дома. В одном был штаб полка, а в другом санчасть с ранеными.

28 ноября 1942 года.

День пасмурный, снежный. Уже 3 дня идет наступление на нашем фронте, но продвинулись всего на 5 км, освободив 2 деревни. Сегодня исключительно удачный день. Наши зенитчики сбили 8 немецких самолетов у нас на глазах. Прошло еще немного времени и почти ночью сбили еще 2 самолета. В общем, за один день сбито 10 немецких самолетов. Мы поужинали и стали ложиться спать, но нас прогнали из дома. Мы все 20 снайперов залезли на чердак этого дома – штаба полка. Погода разыгралась. Поднялся сильный буран, почти сбивает с ног. Нам на чердаке было неплохо. Мы спали в таком блаженстве часов да 3 ночи, потом нас подняли и мы пошли на передовую, на командный пункт полка. Здесь кое-как разместились по блиндажам. Здесь жили немцы, а теперь живут беженцы и мы в том числе. Немцы очень крепко держатся за деревню Никоново, да и местность кругом открытая, к нему не подойдешь, а он сидит в блиндажах и дзотах.

1 июля 1943 года

Итак, я продолжаю вести свой дневник с аэродрома Орлик. Я уже опять в авиаполку. На автомашине мы проехали ближе к фронту. Ехали 90 км. Поехали после ужина. Переночевали в дороге, в одной деревушке, и утром поехали дальше. В 7 часов были на новом месте. Аэродром называется Петушки, от Орла 40-42 км. Ну, я тут же построил себе шалаш из веток и сена. На следующий день прилетели к нам наши самолеты. Перед прилетом наших машин над нами появились 13 штук Ю-88 на высоте 1000 метров. Все думали, что они будут сейчас бомбить, но им не дали наши ястребки. Через 3 часа нам сообщили, что из 13 вернулось или удрали к себе восвояси только 3 самолета противника. Остальных сбили наши ястребки. Вот так мы их рубали.

Письма из дому получаю. Мама все еще на трудфронте. Кормят нас здесь хорошо. В следующий раз буду писать в дневнике, наверное, далеко за Орлом.

1 сентября 1943 года

Находимся на аэродроме Дягилево под Рязанью. Живем в военном городке Дягилево в хороших трехэтажных зданиях. 1 сентября получили новенькие машины ЯК-9т. Расскажу прошлое.

С аэродрома Петушки мы прилетели на аэродром Липовец, это небольшая деревушка, недавно освобожденная нашей Красной Армией, а 10 дней назад здесь были немцы. На аэродроме стоял 233-й авиаполк и еще какой-то смешанный, в общем 3 полка на одном маленьком аэродроме. Бардачок был хороший. Обслуживала нас всех комендатура. Кормили до отвала. Когда мы приехали туда, там еще были следы недавнего боя, кругом валяются убитые, еще не закопанные, и немцы, и наши. Все вместе, вонь ужасная, но их скоро закопали в ямах от авиабомб. Вокруг опушки леса было очень много перевернутых автомашин, ящиков с гранатами, снарядами. Мы тут же взяли, кто сколько мог, гранат и пошли в лес кидать гранаты, но когда вышли к одному оврагу, то просто удивились. Только что прошла ужасная битва, а малины столько, что просто всем полком ее трудно собрать за один день. Вот мы тут пожили. Сначала в малину бросили по одной гранате, а то немчура минирует все. Но мин не оказалось. Вот мы тут поживились малиной. Долго на этом аэродроме не были, потому что наши войска продвинулись вперед, и мы тоже не могли отставать. Ведь без прикрытия с воздуха нашей истребительной авиацией пехота не сможет так быстро продвигаться, их могут бомбить немцы. Переехали на аэродром Авчух. Недалеко от большака. Вокруг ни одного деревца, самолеты тоже стоят открытые. От Орла 12 км. В деревне много яблок, огурцов, молока, ну и самогонка есть.

Машин у нас осталось 11 штук, и те очень плохие, от пуль одни заплаты на крыльях. Через несколько дней на наш аэродром прилетело еще 2 полка штурмовиков ИЛ-2. Машин налетело столько, что мы все стояли крыло в крыло, как мы выражаемся по авиационному. Здесь все кругом грызут семечки. Сейчас иду на обед. Кормят нас здесь до отвала, сколько хочешь. Следующий раз буду писать на другом аэродроме.

1 октября 1943 года

Погода сегодня с утра плохая. Небольшой туман. После завтрака пошли на аэродром - рубить кусты, расширять аэродром. Пришли, а топоров нет, мы все залезли в стог сена и в домино играли до 11 часов. Потом принесли топоры, и мы взялись за работу. Инженер нашей эскадрильи пошел стрелять уток, но у него застрял патрон в канале ствола. Вся охота сорвалась. Сейчас пойдем на обед, а после обеда пойду, наверное, тоже на охоту. Сейчас пойду обедать, погода снова улучшается.

13 октября 1943 года

Дни сейчас похолодали. Утром бывают такие морозы, что все замерзает. В сарае спать стало холодно. Мы перешли в деревню под названием Советский Лог. Живем сейчас на квартире у одной хозяйки. В хате, в которой мы живем, очень чисто и тепло. Живут нас трое ребят. Спим на кроватях, а один на печке. Все время мы ждали свои самолеты, но вот Они теперь прилетели и нам столько работы принесли, что не описать, а вот почему. Здесь нас совсем мало техников, а машин много и все обслуживать мы не успеваем. Приходится ходить и часовыми после смены весь день работать. Вот когда придет основной технический состав, тогда будет легче. Вчера и позавчера устранял дефекты и неисправности на самолетах. Кроме своей эскадрильи мне приходится работать и в других эскадрильях. Сегодня ходил караулить самолеты. Весь следующий день по лесу с ружьем и охотился. Кроме 4-х маленьких птичек ничего не убил. Дошли до железки, а там все разрушено. Поезда вверх колесами валяются, мосты взорваны. Тут работают наши знаменитые партизаны. Потом от железки пошли к себе домой в полк. Не успели прийти, как нам говорят, что будет концерт. Поставили винтовки к дереву и пошли на концерт. Концерт был хороший. Силами каких-то артистов с пехотных частей. Потом поужинали и мы с Гришей пошли спать в деревню. Говорят, что нас с этого аэродрома пошлют на другой. Писем из дома не получаю, и сам писем никому не шлю. Потому что некуда опускать письма, да и некогда сейчас.

28 октября 1943 года

Сегодня день исключительно оживленный. С самого утра ярко светило солнце, но день был холодный. Встал сегодня в 7 часов утра. Пошел позавтракал, и на аэродром. Там все бегают, меня ищут. Сегодня надо было перенастраивать аппаратуру на новую волну, а меня нет. Хорошо, что вылет отставили, и я вовремя успел обойти все машины, 92 штуки. Сегодня на нашем фронте было очень жарко. Наши самолеты летят над головами на линию фронта. Вот пришло время летать нашему полку. Все на своих машинах. Взвилась ракета, загудели моторы, и вот наши краснокрылые ястребки поднимаются восьмеркой. Когда время вышло, все оставшиеся на аэродроме люди смотрят в ту сторону, откуда должны появиться наши самолеты. Вот один кричит: «Вижу точку, она летит к нам!». В ушах слышу знакомый голос летчика, он говорит: «Береза, Береза, я Жуков, иду домой, все в порядке». До обеда ничего существенного не произошло. Все возвращались вовремя. Но вот под самый конец дня на аэродром не вернулось два наших самолета. За день наши сбили 6 самолетов противника. После полета осматривал свои машины, настраивал на другую волну.

Нахожусь я теперь недалеко от города Чернигова, в деревне Вербичи. Живем 10 человек в одном доме. Дом большой и чистый. Вчера получил письмо от мамы. Она сообщает плохую новость, что она с бабушкой попала под машину. Бабушку убило насмерть, а ей повредило ногу. Пока больше ничего нет. Сейчас буду писать домой письмо.

1 января 1944 года.

В этот день я стоял в почетном карауле. Ночью ровно в 12 все салютовали в честь Нового года. В этот же день получил из дома письмо. Летать в эти дни не летали, вот уже с 16 декабря. Погода все время стояла плохая. То идет снег, то все таит, то опять подморозит. Нового ничего нет, потому что, да я и сам не знаю почему. На фронте дела идут хорошо. Нахожусь пока на аэродроме в г. Речицы. Писать кончаю до следующего раза.

11 января 1944 года.

Ну, во-первых, нахожусь на другом аэродроме наз. Боровики. Живем в землянках, очень плохо. Места спать

негде, кругом грязь. От передовой в 10-11 км. Кормят хорошо. Вчера летали на задание. Наши летчики за весь день сбили один самолет ФВ-190. Свои прилетели все, но сели 3 самолета, два - в Речицы, а один сел на пузо в 35 км от нас. Но все всё равно целы. День окончился 1-0 в нашу пользу. Погода сегодня плохая. Дует небольшой ветер и идет густой, густой снег. Вот и все, что я хотел написать о прошедших днях.

17 января 1944 года.

По-прежнему на старом месте, но только лучше стали жить. В землянках стало свободней и чище. Работа идет по-прежнему хорошо. Все самолеты исправные.

14 января 1944 года у нас был знаменательный день. Нашей дивизии присвоено звание Мозырской дивизии и отныне наш полк будет называться «248-й Мозырьский истребительный авиаполк». Вчера наши летали на задание и сбили двух «фоккеров» и две «рамы». Наших сбили - одного и двух подбили, но они сели на пузо. Летчики живы. Вчера наши Илы по ошибке бомбили наши же войска, и тем самым сорвали наступление. За день на нашем участке войска продвинулись на 800 метров. Вчера ночью с нашего аэродрома летали бомбить немцев наши У-2. Об их работе можно очень много написать, если бы было время. В эту же ночь немецкий самолет сбросил на нас вместо бомбы рельсу. Всего в полку машин осталось 21, из них исправных 7 . Сбили за этот тур уже более 50 самолетов противника.

В деревне Черники (мы там стояли) погиб мой друг москвич летчик Володя Воронков. Его сбили. Один раз он вернулся (убежал) из плена под Орлом, а теперь он погиб безвозвратно. Вот и все что я хотел написать за эти дни.

2 февраля 1944 года.

Начиная писать эти строки, я лежу в одном из госпиталей (недалеко от фронта), почти совсем рядом слышны разрывы немецких снарядов. Но на них уже почти не обращают внимания, к ним уже привыкли и как будто это уже по распорядку дня положено. Погода все еще очень плохая. На дворе стоят лужи воды, а ведь уже февраль месяц. Такой погоды никогда не было у нас.

Расскажу немного о прошлом. За все эти прошедшие дни наши летчики летали не один раз на боевые задания. Один раз бой был над самим аэродромом, где наши летчики сбили один немецкий самолет, он упал недалеко от нас и сгорел. За эти дни ранило моего друга. Расскажу как. Был жаркий бой, в котором его подбили, и он загорелся, стал падать на нашей территории. Тут он не растерялся и выпрыгнул с парашютом. Из наших никто не видел что, где и как с ним произошло. Потом, после нескольких дней нам сообщили, что он лежит в одном из фронтовых госпиталей. Тут я сразу на машину и за ним, привезли его в наш госпиталь, где я сейчас лежу и пишу вот эти строки. Он (летчик) нам рассказал, что его подобрали на передовой, он сломал себе обе ноги (ниже колена), и в правую ногу ему попал снаряд. Колено все почти раздроблено, наверное, отнимут ногу. Лицо он обжог тоже сильно. С нашего госпиталя его на самолете отправили в тыловой авиационный госпиталь. Потеряли мы три самолета. Летчики все целы, а сбили немецких 6 штук. Пока все. Нового ничего больше нет.

7 февраля 1944 года.

Сегодня продолжаю вести запись в дневнике. Во-первых, погода совсем изменилась, выпал снег, и стало даже заметно холодно. Весь день и всю ночь дует сильный ветер и идет снег. 5 февраля была хорошая солнечная погода. Облаков почти не было. Наша авиация все время летала, как я это описывал раньше, большими группами бомбить немчуру. Девятка за девяткой летели они над нами, но вот прошла шестерка «бостонов», их сопровождало 4 ястребка. Они скрылись по направлению линии фронта. Обратно они не пролетали. В 3 часа дня нам сообщают, что надо ехать на передовую и подобрать раненых летчиков с двух упавших «бостонов». И вот эти летчики лежат рядом с моей койкой. Ранения не очень серьезные. Одному в ногу и в спину, а другой ушиб сильно голову. Их самолет сел на пузо между немцами и нашими окопами, и во время посадки наскочили на мину. Они сели на минное поле. Из их экипажа все живы, только один стрелок-радист выпрыгнул на парашюте и, где сел, никто не знает. Они рассказывают, что из шести машин ни одна не осталась цела. На них налетело около 20 «фоккеров», и только они отбомбились, как на них сразу все набросились. У нас

аэродром был не годен, и наши не могли им помочь. А наши летчики только смотрели и переживали эти воздушные бои. Но ничего, наши еще отомстят им за эти сбитые самолеты в 10 раз больше. Сейчас всё ещё лежу в госпитале. Очень скучно. Кормят хорошо. Скоро, наверное, выпишусь.

12 февраля 1944 года.

Погода с утра была хорошая, но к обеду совсем испортилась. Сейчас пришел только что с обеда. Расскажу немного о прошлом. С госпиталя я уже вышел - 10 февраля, а 11 февраля у нас была армейская комиссия. Инженер, который проверил радио, был у меня преподавателем в училище. Хороший парень. Ну конечно, кое-что нашли неисправное, не без этого. Вчера ночью у нас в полку в 3-й АЭ механик самолета Емельяненко застрелил из винтовки сам себя. У него нашли 2 записки, в которых он описывает причину своей смерти. На этом аэродроме живем последние дни, а через несколько дней улетим на другую точку в тыл, на цементированную площадку. Сейчас пока не летаем из-за погоды. По вечерам хожу в клуб на танцы и на концерт. Сейчас лягу спать. До следующей записи.

19 февраля 1944 года.

Погода стоит плохая, весь день идет крупный снег. Расскажу один очень печальный случай. 14 февраля в 10 утра наш командир полка полетел по кругу. Облачность была очень низкая и во время, когда он выныривал из облачности, то не успел вывести и врезался в землю. И тут же загорелся. Когда мы все прибежали к нему, то к самолету нельзя было подойти, от большого огня начали рваться снаряды, которыми он был заправлен. Я с разбегу пополз, буквально, к самому самолету. Потом пришлось отползать. Когда все сгорело, начали тушить и откапывать своего командира. После 2-х часов работы откопали только отдельные куски мяса. Буквально всем, начиная от рядового моториста и кончая командиром эскадрильи, было жалко такого человека, каким был наш комполка (подполковник, трижды орденоносец, тов. Аболтусов). Его похоронили около аэродрома. Хоронили с оркестром. Салют давали 20 человек из винтовок и 2 батареи зениток. Теперь вот уже четвертый день, как я ругаюсь с

начальником связи. Он большая сволочь, извините, за выражение. Кормить стали очень хорошо. Из дома письма получаю. Сейчас сижу в землянке и занимаюсь по радио с механиками техниками. Работы сейчас особой нет. По вечерам хожу в клуб на танцы и в кино. Прихожу в 12 часов ночи и ложусь спать до 7 утра. Вот и все, что я мог написать о прошедших днях.

1 марта 1944 года.

Напишу за прошедшие дни. На аэродроме в Боровиках произошел нелепый случай, расскажу подробней. Утром 14 февраля погода была очень плохая, облачность метров 100-50. Позавтракав, пошел на КАПЕ доматывать трансформатор. Вот уже кончил последний слой, вдруг вбежал писарь Литвиненко и говорит, что командир упал и горит. Я тут, недопонимая о случившемся, выбегаю на улицу и вижу, в 500 метрах что-то горит. На бегу мне рассказывают, что командир полка упал. Весь этот случай я уже описывал, так что дальше писать не буду о нем. На следующий день 15 февраля был боевой день, летали на сопровождение ИЛ-2. Вот, после задания, над аэродромом появилась наша четверка. Пока первые самолеты садились, один начал делать разные фигуры над ними. Вот после одной из фигур машина пошла в пике и больше не вышла. Летчик, мл. лейтенант Самарчанец, на 23 машине разбился по своей дурости. Его похоронили около могилы ком. полка. Остальные боевые полеты прошли нормально. Под конец дня не вернулся еще один летчик Питченко Иван. О нем никто ничего не знает. Встречи с «фокерами» были.

Сейчас находимся на аэродроме Малашкевичи, живем в деревне, а остальные АЭ живут в землянке. Аэродром совершенно открытый, стоит на нем еще 133-й полк. В столовой большой бардак. Кормят неважно.

27 февраля летали на задание. Летчик ст. лейтенант Мирошниченко сбил 14-й самолет противника. Не вернулся один Миргородский – его сбили. Он загорелся и упал. 133-й полк в этот день сбил 7 самолетов и потерял один свой. Иногда по ночам немецкие самолеты бомбят дороги. В хорошую погоду наши бомбардировщики сотнями летают бомбить фрицев. В моей работе пока все идет хорошо, радио на всех самолетах работает хорошо. Письма из дома получаю.

Ну вот пока и все, что я мог написать. У нас сейчас новый командир полка гв. подполковник Мухин.

17 марта 1944 года.

Сегодня очень плохая погода, как в феврале месяце. Вот уже все кругом замело сугробами. Нахожусь в селе и на аэродроме Зябровка. В 3-х км проходит железная дорога, в 15 км от г. Гомеля. На нашем аэродроме стоят бомбардировщики ПЕ-2, два полка 34-й и 96-й гвардейские. Стоят и еще много других машин: и «бостоны», и «кобры», и ЛА-5 и т.д. На задание летаем по сопровождению ПЕ-2 (пешки) и на разведку. Недавно получили новые машины 6 штук ЯК-90. Сами их разгружали и собирали. Площадка здесь бетонированная. Кругом городок весь взорван. Живем в землянках. В землянках живут все: и летчики, и комполков, в общем, - все. Клуб совсем рядом. Вот и все, что я мог написать.

4 апреля 1944 года.

Сегодня погода очень плохая. Вот уже трое суток как метет метель, все кругом замело. Снегу намело метра 2-1,5. Сегодня немного утихла пурга. Сейчас болею, болит нога, дали освобождение от полетов на 3 дня. Расскажу немного вкратце о прошедших днях.

Несколько раз «бомбачи» летали бомбить (по 27 штук). Наши несколько дней сопровождали их в этих боях, «бомбачи» потеряли 3 машины, а наши - один Як. Сбили всего, за все дни, 10 немецких самолетов. Вообще по каждому дню можно было бы много описать. Происшествий было много, но писать как-то неохота. Так что пишу самые основные. Из дома письма получаю. По-прежнему не могу «сжиться» со своим начальником. Очень не люблю несправедливость, а за это в армии сильно ненавидят, так что приходится терпеть. Кормить стали намного хуже. Каждый день и каждую ночь: всех и летчиков, и механиков, и всех начальников посылают на аэродром чистить взлетную полосу. Её чистят, а она все заносится и заносится. Не знаю, чем все это кончится. На этом писать кончаю. До следующей записи.

20 апреля 1944 года.

С того дня, как я кончил писать, прошло много времени, и многое изменилось. Расскажу по порядку. Во-первых, нахожусь на аэродроме г. Луцка. Город Луцк – это небольшой районный городок, очень красивый. С Зябровки мы на самолетах У-2 перелетели в г. Коростень. Летели 1,5 часа. Я лежал в люльке и почти всю дорогу спал, т.к. в люльке очень мало видно. Полетели в 6 час 15 мин. вечера, а прилетели уже - стало темнеть. Полетели на лыжах, снегу было много, а прилетели - и сесть нельзя на лыжах, снегу почти нет. Последние У-2 с технарями садились уже совсем затемно. Мы им жгли газеты, журналы, тряпки, все что горит, только бы посадить самолеты. Все сели, кроме одного, он заблудился, и где-то сел на вынужденный. Потом все собрались и стали гадать куда идти: или в город ночевать, или в деревню. Потом решили идти ночевать в деревню. Я и ещё 4 моих товарища поместились в одном доме. Хозяйка и 3 ребят и нас - 5 братов разместились в этой маленькой хате. Не успели сварить себе ужин, поужинать и только легли спать, как вдруг забила зенитка, и поднялся такой шум! Прилетели немецкие самолеты бомбить город. Но мы так устали, что продолжали спать, как ни в чем не бывало. Через минут 30-20 немецкие самолеты навешали столько светящих бомб, что стало светло как днем. И вот тогда-то и началось. С пикирования они начали бомбить. У нас в хате сразу вылетели стекла, и посыпалась глина с потолка. Вся хата ходила ходуном, как качели. Я не вытерпел, встал, вышел из хаты и увидел такое зрелище, что такое видел в Москве на маскараде. В небе все горело, летели трассирующие пули разного цвета. И вдруг! Я увидел парашютиста, которого вел прожектор. Он еще не долетел до земли, а его расстреливали со всех видов оружия. Он оторвался и упал. Потом я увидал еще одного парашютиста, но его прожектор еще не поймал. Вокруг падали осколки, как град. Я поспешил в хату и лег спать, а он все бомбит и бомбит. И так я не дождался, когда кончат бомбить, уснул. Проснулся, было еще темно. Все встали, взяли вещи и пошли на аэродром. Нам дали одну машину, мы сели и поехали дальше к фронту. За ночь бомбежки немцы разбомбили станцию, зажгли цистерну с бензином и много жилых домов разрушили. Из г. Коростень мы поехали до г.

Новоград-Волынска. Погода сильно изменилась в хорошую сторону. Поехали в комбинезонах, а здесь ходят все раздевшись, и снегу совсем нет. В Новоград-Волынске бомба попала в театр, и было очень много жертв, о которых говорить неохота (жалко). С города Новоград-Волынска мы поехали до г. Корец. Корец – это небольшой пограничный городок, границы 1939-го года с Польшей. Очень красивый, что самое главное – все продукты дешевые. От г. Корец мы по шоссе поехали до г. Ровно. Когда мы ехали, то наблюдали интересную картину. Деревень здесь нет. Дома расположены один от другого в 500 метрах и в шахматном порядке. И так тянется всю дорогу. Город Ровно очень красивый и весь целый. Немцы его не уничтожили, потому что народ здешний против немцев ничего не имел.

Декабрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь ***Измайлов Егор Сергеевич и Скиба Илья,*** *студенты 1-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета*)

Крупнова Нина Ивановна

Сестра милосердия

Сестра милосердия - так называли в старину медицинских сестер на войне, да и в быту. И, ох, как обязывает ко многому это звание! Прежде всего к теплоте и участию, доброму отношению к людям, а иначе как же ты будешь мил их сердцу?

А в тяжкие годы войны быть готовой к выполнению медсестринского долга в любых условиях, сохраняя верность своему народу, своей Родине, так думаю и живу. Я прошла от Наро-Фоминских, выкопанных нами, многокилометровых противотанковых рвов, до стен Берлина. Ушла из дома в шестнадцать с хвостиком лет и вернулась домой в двадцать лет и четыре месяца, отметив свое 20-летие с друзьями-однополчанами в Шнайдемюле. Посвятила свою жизнь тем, кто защищал нашу страну от врага, их болезням и заботам.

Родилась 8-го мая 1925 года в Кунском районе Московской области, в семье кузнеца, и с ранних лет была первой помощницей мамы, так как нас было 8 детей, а я старшая - за всех в ответе.

Отсюда и берет, наверное, начало в моем характере - забота о других, тогда надо было помогать маме - поднимать младших.

Война грянула, когда закончила 8-й класс 67-й Московской школы, где с сентября 1940 года в школе были организованы занятия санитарных дружин Обществом Красного Креста Киевского р-на г. Москвы, где мы обучались оказанию помощи пострадавшим. Все девочки старших классов привлекались к этим занятиям. Сдали зачет на значок ГСО – «Готов к санитарной обороне».

В сентябре 1941 года на базе нашей школы был организован эвакосортировочный госпиталь, так как школа находилась рядом с Киевским вокзалом, все санитарные дружины были привлечены к приему раненых из вагонов и сопровождению легко раненых в здание школы.

Все старшеклассники были в конце сентября мобилизованы и направлены в Наро-Фоминский район для укрепления линии обороны – копать противотанковые рвы.

Часто наша работа прерывалась «мессерами», которые на бреющим полёте обстреливали нас и беженцев.

К 12 октября немцы прорвали фронт, шло отступление наших войск, беженцы толпами пытались переправиться через речку, солдаты пытались вывести орудия на прямую наводку, был страшный бой, просто мясорубка, так как «мессера» на бреющем полете убивали матерей с детьми, было очень много раненых и убитых, мы старались помочь чем могли.

Перевязывали раненых их же бельем, особенно относились к матерям с детьми.

Этот ужас и сейчас часто не дает мне покоя. К 20 октября подошло подкрепление, фашистов остановили и нас стали отправлять домой. Но согласились уехать только единицы.

К нам обратился с просьбой командир взвода 33-й армии пойти перевязать раненых, которые не хотят идти в госпиталь. У них были пакеты для оказания первой помощи, и мы с удовольствием перевязали легко раненых, а двух тяжело раненых мы с помощью солдат отправили на ПМП. Стали проситься оставить нас, но врач ПМП позвонил на командный пункт, откуда за нами пришел старшина и привел в блиндаж командира роты, который обещал утром утрясти этот вопрос с начальником штаба. В блиндаже было тепло и так тихо, что слышался только храп солдат. Старшина только набросал веток елки и предложил нам поспать, как начался обстрел наших позиций, выбило дверь в блиндаж, а наверху стоял

старшина - у него уже не было руки, а кровь лилась фонтаном. Я вскочила с ужасом, бросилась наверх к нему, наложила жгут, разорвала рукав гимнастерки и нижнего белья и этим перевязала ему руку, солдаты понесли его на пункт первой помощи, а я услышала крик о помощи: «Сестра, сестра!» Поползла на голос, т.к. шел еще обстрел. Нашла раненого, перевязала и на его же плащ-палатке поволокла на пункт медицинской помощи.

Когда вернулась в блиндаж, командование дало разрешение оставить нас троих вольноопределяющимися санинструкторами во взводах роты.

Нас зачислили на довольствие по взводам - Вишенцеву Евгению, Амирову Галину и меня, а шел нам всего 17-й год от рождения.

Присягу принимали в феврале 1942 года.

В июне 1943 года, после ранения, выписавшись из госпиталя, я была направлена на Курскую Дугу в 46-ю отдельную инженерно-саперную роту уже опытным санинструктором, рота занималась разминированием проходов для разведчиков и танков.

В одном из боев на нейтральной полосе был подбит, вернее подорвался на мине, танк Т-34. Разведчики, что сидели на броне танка, попрыгали на землю и поползли к своим окопам, а танкисты почему-то не выходили, (понятно, через верхний люк не выйдешь, а через нижний почему-то не выходили). Мне из окопов кричали: «Вернись!» Но я продолжала ползти к танку. Подползла под танк и увидела, что люк лежит на земляной кочке, я постучала фляжкой в днище, спрашиваю: «Живы?». Они отвечают: «Скажи, что с нижним люком? Мы не можем его открыть. » Я ответила: « Люк на земляной кочке, подсуньте лопатку!» Они мне просунули лопатку и я начала срезать землю, но так как люк лежал на кочке, он давил на землю и она плохо поддавалась.

Превозмогая дикую боль, я смогла опустить люк, из него первым вылез стрелок-радист. Он был очень маленький, и мы вместе с ним с 2-х сторон сбивали землю, и люк открылся, ребята вылезли, и мы поползли к своим.

В это время наша пехота подползла к танку, зацепила «кошкой», чтобы оттянуть его к своим, но оказывается и немцы хотели взять его как трофей. К счастью, мы успели - на

несколько минут раньше это сделали наши! Мы, подползая к нашим окопам, услышали, что танк движется на тросе к нашим окопам, а немцы начали обстрел. И на бруствере окопа меня ранило. Меня отправили сначала на ПМП, а затем в госпиталь.

Раненая нога зажила быстро, а струпья глубоких ожогов еще очень долго беспокоили меня.

За спасение танкистов меня представили к награде орденом Красной Звезды, но пока меня возили по госпиталям, моя часть ушла далеко-далеко вперед, документы меня не нашли, и орден я получила только в Москве, после демобилизации в райвоенкомате Фрунзенского района города Москвы в 1945 году.

Позже меня наградили орденами Отечественной войны 1-й и 3-й степени, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина» и еще 22-я юбилейными медалями. Но самой дорогой наградой считаю орден Красной Звезды.

После войны за работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения студентов медицинских училищ награждена орденом «Дружбы» и семью почетными знаками: Советского Комитета ветеранов войны в 1986 году, Российского комитета ветеранов в 1990 и 1996 г.г., Московского городского совета ветеранов в 1995 году и 1999 г..

В конце 1943 года была ранена при прямом попадании снаряда в блиндаж, где я перевязывала раненых. Получила тяжелую контузию всего организма, особенно пострадала голова.

В госпитале долго не приходила в сознание, затем постепенно училась вновь говорить, ходить и даже есть. 4 месяца по госпиталям, и все-таки я выкарабкалась. Медицинская комиссия меня отправила на демобилизацию, но я прошла все этапы командного состава, чтобы остаться на любой должности, но в составе армии. Мне пошли навстречу и направили в 169-й БАО 4-й воздушной армии дежурной мед. сестрой в лазарет. Постепенно я окрепла и дежурила на старте аэродрома, ведь летчики часто возвращались с задания еле живыми, а то и ранеными.

Демобилизована в июне 1945 года и первым Берлинским эшелоном приехала в Москву домой. Экстерном сдала за 9-й и 10-й классы (2 года школы рабочей молодежи).

В 1948 году была зачислена в 1-й московский медицинский институт на факультет педиатрии профессора Домбровской, но одолеть его никак не смогла, хотя очень хотела.

Отец пришел с фронта без руки, какой из него кузнец? И мне надо было идти работать, чтобы помочь семье.

Приняли меня на работу в институт акушерства и гинекологии, вышла замуж, родила дочь, закончила фельдшерско-акушерские курсы и была направлена в Каменский район Ростовской области. По распределению Управления здравоохранения Каменского района направлена в колхоз им. В.И. Ленина на должность заведующей фельдшерско-акушерского пункта, где проработала 5 лет. Усилиями женщин и председателя колхоза построили в селе Бородиновка колхозный роддом и амбулаторию, приняла более пятисот родившихся младенцев, все роды прошли без патологии.

В 1960 году вернулась в Москву, провожали из колхоза всем селом и очень просили вернуться.

И сейчас нет-нет и в Москву заявится принятый мною во время родов ребенок, уже взрослый, со своими детьми, а то и внучат пришлет посмотреть Москву.

В системе здравоохранения Москвы проработала 27 лет.

В 1972 году перенесла инсульт с гемопорезом. После трехлетнего пребывания в госпиталях меня признали инвалидом 1-й группы нетрудоспособной, но мои родные были не согласны с этим и приложили все силы для того, чтобы поставить меня на ноги, да и сама я не теряла силу духа и старалась встать на ноги, но разве я могу жить без дела и людей?

И четверть века назад, т.е. в марте 1979 года вошла в инициативную группу по созданию при Центральном доме медиков города Москвы. Во главе - академик Б.Б. Петровский. Организовали клуб медиков-ветеранов Великой Отечественной войны, который был торжественно открыт в ноябре 1980 года - нас было уже 460 человек. Люди тянулись и вступали в клуб, который развернул работу по

патриотическому воспитанию молодежи во всех медицинских вузах и медучилищах. В марте 1985 года членов клуба было уже около 900 человек. Клуб медиков работает до сего дня, нас осталось всего 132 человека, но мы живем и оказываем посильную помощь нашим старикам!

А еще раньше, в 1976 году, я была избрана по месту жительства в бывшем Севастопольском районе ответственным секретарем районного совета ветеранов, и в 90-е годы, когда образовались префектуры, и восстановилась работа ветеранских организаций в округах, я была избрана ответственным секретарем совета ветеранов Юго-Западного административного округа, где и работаю по сей день.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь ***Карпачёва Наталья Сергеевна****, студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Купцова Лидия Фёдоровна

Немецкий врач не стал возражать, но староста был потрясён

Я родилась 19 февраля 1926 года в с. Петрово-Красноселье Ворошиловградской области на Украине (девичья фамилия Левандровская). Русская, православная, была членом КПСС.

Страшное известие ошарашило нас, когда мы услышали слово война. Трудно было поверить и думали, что это ложь, пока не услышали по радио голос Молотова и обращение Правительства. Враг, без объявления войны, 22 июня в 4 часа утра бомбил Киев и другие города нашей страны. Чёрной тучей налетели самолёты и бомбили спящих людей, а утром двинулись на танках, машинах и мотоциклах на нашу землю. Граница была быстро смещена. Но наше село было очень далеко от фронта, и мы надеялись, что немцев остановят, и они к нам не придут.

Я окончила 8 классов. Лето было страшное, но школа и все предприятия работали. Я пошла учиться в 9 класс. Учились мы уже под бомбёжкой. Место, где я жила, скоро было известно немцам. У нас был военный завод, а в км 20-30 находились 2 немецкие колонны, вот и считали, что они дают сигналы и расположение завода. Поэтому бомбили днём.

Часто, сидя на уроках, мы слышали военную тревогу и убегали в бомбоубежище, которое было около школы, а после бомбёжки, учёба продолжалась. Приходилось под пулями возвращаться домой. Это были первые годы войны, первые дни.

Вскоре началась эвакуация. Через наш посёлок начали двигаться колонны военных и мирных людей, люди уходили в тыл страны. Искали спасение. Гнали колхозные стада, коров и лошадей.

Начались дожди, дороги развезло, чернозём. Лошади тянули пушки, машины застревали в грязи, мы передвигались с большим трудом. Вскоре наступила зима 1941 года, страшные заносы, снега намело на 2-3 метра. Всё трудовое население стали гонять на снегоуборку. Морозы были сильные, дорога шла на г. Красный Луч через Ивановку, и вот мы прокапывали туннели в снегу, чтоб можно было проходить машинам, людям и технике. Это было очень трудно, снег был тяжёлый, от мороза он слежался и рубился с большим трудом. Глыбы снега надо было поднимать на 2-3-метровую высоту. Продрогшие, замороженные мы работали целый день.

Вскоре начали эвакуировать и завод. Всё вывозили на Урал, с оборудованием ехали все рабочие и служащие завода с семьями. Фронт быстро подходил к нам, у нас остановился кавалерийский полк. Страшное рассказывали о немцах. С большим трудом я окончила 9 классов. Фронт был близко, стали привозить раненых. Школа и все служебные помещения были заселены ранеными. Мы, девчонки, ходили в госпиталь и помогали ухаживать за ранеными. Их было так много, что они лежали, как брёвна на полу. Между ними было трудно пройти. А они просили пить. Некоторые просили, чтобы написали письмо домой и сообщили родным, что они живы.

Были раненые и обмороженные. Зиму пережили, а фронт был совсем рядом. Вот остановили немцев под Фащевкой, это в км. 20-30 от нашего посёлка. У нас была прифронтовая полоса. Все дома были забиты военными, все дворы заняты орудиями. Снаряды взрывались на улице и огородах.

Мы больше времени проводили в подвалах. Хорошо, что у нас был глубокий каменный подвал под домом. Страшно было, гремело, и слышно было как строчил пулемёт, но фронт держался крепко. Начали эвакуироваться все, кто мог. Я со

старшей сестрой Зоей (мне было 16, а ей 26) решили тоже уехать в тыл. Мы поехали эшелоном до Ростова. В Ростове нас очень сильно бомбили. С большим трудом мы добрались до Северного Кавказа. Остановились в Право-Кумке. Здесь я работала в колхозе. Жара, зной, но было тихо. Но недолго. И сюда пришли немцы, они были сутки, ограбили винные погреба и ушли. Вскоре фронт стал отходить. Немцев стали гнать. Мы перебрались в с. Дивное, там мы жили недолго. Затем решили за фронтом пробираться домой. Наступила зима, страшно было находиться далеко от дома. Да и немцев гнали быстро. Я с сестрой на военных эшелонах добирались до своего дома. Приходилось пробираться и пешком от станции к станции. Мы были, по сути, на фронте. Попадали и в боевые действия. Наши то наступали, то отступали. Однажды утром встали, а в селе немцы. Мы оказались в окружении. Теперь уже на оккупированной территории, так как фронт остался позади. И побрели мы домой, с большим трудом добрались до дома. А в селе уже молодёжи совсем не осталось. Всех угнали в Германию. Тут я прибыла с Кавказа здоровая и цветущая. Староста меня и поволок на биржу труда. Так у немцев называлась медицинская комиссия. У меня по телу в дороге пошли прыщики. Мама посоветовала их хорошо разодрать, чтобы сделать видимость экземы. В селе остались только те, кто сумел обмануть комиссию. Моя подруга, чтобы не взяли в Германию, намазала себе ногу каустиком. Каустик разъел кожу, и получилась страшная рана, признаки экземы. Так она и спаслась от Германии.

Мне очень повезло. Меня осматривала врач, русская женщина. Она шепнула, хочу ли я в Германию. Я сказала: «Нет». Тогда она сказала: «Уже всех девушек угнали в Германию, а наши придут, и нет девочек». В заключение она написала: экзема и порок сердца. Немецкий врач не стал возражать, но староста был потрясён, что меня признали непригодной, а с него требовали людей.

Но теперь меня забрали на окопы. Все трудовое население согнали в бараки, оградили колючей проволокой и каждое утро гоняли рыть окопы. Фронт теперь остановился опять недалеко от нашего посёлка. Но теперь у нас стояли немцы, а фронт был в Штеровке. Немцы гоняли нас км за 6-8 на передовую, и мы копали противотанковые рвы. Это глубокие и

широкие ямы, в которые должны были проваливаться танки. Немцы стояли с автоматами, и только слышно было: «Лос». Окопы были так близко, что мы слышали разговор своих солдат. Но они не стреляли, они знали, что мирные люди копают эти рвы. А вот когда мы уходили вечером, тогда начинался обстрел, и часто разрывались рядом снаряды. Были случаи ранения осколками. Жили за колючей проволокой и кормили нас баландой. Суп со свеклой.

А в нашем доме расположился штаб связистов. И вот мама сумела упросить молодого немца, чтобы он принёс мне покушать. Трудно понимая, но он пришёл ко мне и попросил выйти. Охранник разрешил, и немец повёл меня домой. Опять староста был возмущён, но немцы заставили меня мыть полы в доме, и оставили как уборщицу. Это меня спасло от концлагеря. Дома со мной были ещё младшие братья: Юра – ему было 12 лет и Коля – ему было 5 лет. И вот однажды в дождливую погоду маленький Коля попал в беду. Немцы построили для себя туалет с сидением и без дверей, так как боялись партизан. Вот такой туалет был у нас в огороде. Сидевший на этом сидении немецкий комсостав приветствовал проходящие мимо низшие чины. И вот однажды, после летнего дождя, прогулявшись по огородному чернозёму, маленький Коля, не понимая назначения сидения, забрался на него с ногами, затащив грязь. Мимо проходил немец. Увидев Колю с ногами на сидение туалета, он выхватил пистолет, заорал благим матом и собрался разрядить его в мальчика. На крик выбежала мама и спасла Колю, а сама бросилась мыть сидение. Обошлось.

В нашем доме был узел телефонной связи, всё было опутано проводами. Я немного понимала по-немецки и, не думая, болтала. Немцы напугались, что я могу их подслушивать, и выселили нас из дома. Мы поселились у своих родственников. Я ходила в дом мыть полы, а в саду и огороде они разрешали собирать овощи и фрукты. Среди немцев были и поляки, и румыны. Некоторые с нами общались.

И вот, однажды, во второй половине дня, немец с автоматом в руках выгнал нас всех из дома, не дав одеться. Раздетых людей всего посёлка согнали в три колхозных конюшни, выставили охрану с собаками, и поползли разные

слухи: подожгут, расстреляют. Я помню крики женщин и детей, плач, запах навоза, толпы очумелых, обречённых людей. Наша семья была в сборе, но не было Юры, и мама сильно за него беспокоилась. Так в тревоге на навозе со стонами и плачем прошла ночь. Конюшни не подожгли. Утром появился Юра. Оказывается, когда началась облава, он с ребятами забрался в недостроенный дом, заложенный сеном, с забитыми досками окнами. Немец при облаве оторвал доску, и выпустил очередь из автомата по сену, в котором находились дети, благо никого не задел, а они промолчали.

Наутро Юра упросил часового немца пропустить его к нам. А часов в десять утра весь посёлок выгнали на улицу и, оцепив охраной с собаками, всех - старых, больных и малых погнали на железнодорожную станцию Петровеньки. На станции был лагерь, огороженный колючей проволокой, куда и согнали всех. Пошли слухи, что погрузят нас в товарный состав и пустят впереди немецкого эшелона. Опять до 5 часов вечера мы ждали своей участи. Но вечером нас выпустили. Как выяснилось, на железной дороге подорвался немецкий эшелон, и предполагали, что это действие партизан. Комендантом посёлка был поляк, и он доказывал своему начальству, что эта мина была заложена нашими войсками при отступлении.

За эти сутки, этот комендант несколько раз ездил на мотоцикле в штаб дивизии в Алчевск и доказывал свою точку зрения. Ему это удалось, он спас не менее полутора тысяч женщин, детей и стариков от верной гибели. Хотелось бы поклониться этому человеку.

Но вот фронт покатился в обратном порядке с востока на запад. Линия фронта проходила в районе посёлка Фащевка и хутора имени Артёма. Гул канонады сменился перестрелкой, немцы срочно покидали дома. Мы вернулись в свой дом.

Да, надо сказать, что зима 1942 года была очень суровая. Сильные морозы и сугробы снега. В эту зиму наши войска разбили немцев под Сталинградом. Страшная картина дошла и до нашего посёлка. Немцы шли с фронта, обмороженные руки и лица. В своих тоненьких шинелях, сверху маленьких пилоток, которые были у них на головах, заматывали голову женскими платками, натягивали на себя всё что могли. Теперь они шли пешком, это было не то бравое продвижение, когда

они наступали, когда они двигались на машинах, на мотоциклах, с рёвом врывались во дворы, требовали: «Матка, яйко, млеко, куры». Всё что видели съедобное, гребли и ели. А теперь они шли и не очень обижали нас. Руки были обморожены так, что не в силах были снять себе штаны. И вот один навалил себе в штаны и стал требовать, чтобы наша соседка их вычистила. Она падала в обмороки и не могла это сделать. Он жестоко её расстрелял. Страшно было нам. Девочки ночью прятались, потому что были всякие случаи. А немцы, зайдя в дом, снимали с себя одежду, заваривали в большой выварке и кипятили. Их заедали вши, они садились голые, клали одежду на пол и били с треском, избавляясь от вшей, приговаривая, что бьют партизан. Они сильно боялись партизан.

Время проходило, шёл и фронт, наши уже близко были от нашего селения. Мы сидели в погребе. Взрывы и перестрелка на улице, немцы уходят, но продолжают сопротивляться. Перестрелка продолжалась несколько дней и ночей.

И вот утро, которое запомнилось на всю жизнь, нас разбудила мама: «Вставайте, наши пришли!». Мы выбежали на улицу и увидели, что идут солдаты не в зелёной, а в полевой форме, с красными звёздами, с автоматами ППШ с круглыми дисками. У немцев таких дисков не было. Весь народ вышел на улицу, выносили: молоко, хлеб, табак, яйца, кур, овощи, фрукты, всё что было. Это был сентябрь месяц. Угощали, плакали, целовали солдат. Шествие длилось долго, и закончилось вечером, музыкой и танцами в саду. Наступил день освобождения. Ушли фашисты, восстанавливалась советская власть. Взялись за восстановление инвалиды, возвратившиеся с войны, подростки, старики и женщины, пережившие фашистскую оккупацию.

Вскоре заработала и школа. Все дети пошли в школу, а я пошла в 10 класс. Мама советовала получить образование начальное, а потом - пробьёшься сама. И она была права, так в жизни и сложилось. Нас было 18 девочек в 10 классе. Это были девочки со всех близлежащих селений, кто сумел уцелеть и не попал в германскую неволю. Фронт уходил к Днепру, тихо было у нас. И вдруг мы получаем письмо от врача, который сообщает, что мой брат Елисей Фёдорович Левандровский, 1921 года рождения, находиться в

психиатрической больнице города Сватова. Елисей, командир батареи, почти 4 года громил фашистов. Батарея попала в окружение немцев, они пытались вывести её из строя. При этой борьбе нервы моего брата не выдержали, к тому же он получил сотрясение мозга, и всё это привело к буйному помешательству. Теперь он находился в психбольнице, был полностью невменяем, ему нужно было длительное лечение, хорошее питание и домашняя обстановка. Мама поехала за ним и привезла его домой. Он твердил, что он лейтенант, артиллерист, комбат батареи, и что он награждён орденом Красной Звезды. Но ведь при нём не было никаких документов. Трудно было поверить этому страшному человеку, одетому в рваньё. Мама приложила все усилия, всё, что можно было в доме поменять на мёд и масло, меняла, но у нас была ещё корова. Это его спасло.

Но он часто по ночам командовал батареей, кричал и наводил наводки, приказывал: «Пли!». А были частые случаи, когда он ночью уходил на разведку, на целую ночь, бродил с палкой в руках, громил всё, что попадалось на глаза. Люди очень боялись и шарахались от него.

Утром уставший и подавленный, он возвращался домой, говорил, что задание выполнил и ложился спать. Он продолжал требовать своё обмундирование и орден. И вот меня отправили с ним в госпиталь, где он лежал. А это было в Днепропетровске. Наши войска уже освободили этот город. И вот я, девочка, а мне уже было 17 лет, поехала на попутных поездах. Людей было полно, все возвращались с эвакуации домой. Елисей в военной шинели залазил в поезд, расталкивая всех, а меня не всегда пускали. Он открывал в вагоне окно и через него втаскивал меня в вагон. Но на одной из станций была у нас пересадка, он захотел пить, взял баллончик и пошёл за водой, а состав двинулся, я поехала, а Елисей остался.

В отчаяние я расплакалась. Мне посоветовали выйти на следующей станции, сидеть и ждать Елисея. Я так и сделала. Слезла и сижу плачу на перроне. Вдруг, вижу, идёт по шпалам мой брат, несёт воду в баллончике и говорит: «Я принёс тебе воды с Чёрного моря». Я была очень рада, и мы следующим составом поехали к Днепру. Днепр переплывали вместе с войсками на лодках, нас бомбили и обстреливали. С большим

трудом мы добрались до госпиталя. И он узнал врачей, которые его принимали. Они узнали его. Вынесли ему его обмундирование, военную форму офицера, орден Красной Звезды и документы на имя Левандровского Елисея Фёдоровича, что он действительно лейтенант, окончил Куйбышевское училище ускоренной подготовки.

Как обрадовался мой брат, теперь он оделся очень прилично, в форму лейтенанта, и довольные поехали мы домой. И теперь началось скорое его выздоровление. А тут ещё он влюбился в девочку, которой не было и 16 лет, она его боялась, но любовь своё сделала, и девочка Зина стала его женой, и прожили они всю жизнь вместе. Елисей окончил институт, преподавал в школе сначала военное дело, а потом математику, был директором школы, а потом председателем Исполкома г. Красный Луч, Ворошиловградской области. Очень добрый и чуткий, умер он от кровоизлияния уже на седьмом десятке жизни.

Война ещё не кончилась, но уже шла к концу, это был 1944 год. Возвратился старший брат с фронта. Он был ранен и ходил с палкой. Но до войны он работал главным инженером у нас на военном заводе. Во время войны у него была броня, и он мог не идти на фронт, но он пошёл добровольцем. Дело в том, что в 1938 году у нас арестовали отца, признали его врагом народа и расстреляли.

Отец наш, Левандровский Фёдор Елисеевич был полный Георгиевский кавалер, прапорщик, служил в царской армии. А во время революции перешёл к красным и служил, воевал командиром, и был принят в КПСС. После революции он работал на заводе прорабом. Но злые языки написали на него донос, оклеветали, и в феврале 1938 года отца арестовали, а в апреле расстреляли. Но об этом мы узнали всё подробно в 1959 году. Когда отца арестовали, стали преследовать и старшего брата Василия, который работал главным инженером на химико-техническом заводе. Во время войны Василий имел броню, как и все заводские рабочие (завод стал военным, стали выпускать снаряды для фронта), но Василий понимал, что если он не пойдёт на фронт, то вообще ему не будет доверия, хотя и так его притесняли. И он добровольно пошёл на фронт. Завод вывезли на Урал, вместе с рабочими и служащими.

Во время войны Василий был тяжело ранен в ногу. Долго валялся по госпиталям, дорога домой была заказана, там бесчинствовали оккупанты-фашисты. И только в середине сорок третьего, когда освободили посёлок, он на костылях, а затем - с палкой появился домой и приступил к восстановлению завода. Все основные кадры ещё были на Урале. Он стал директором завода и работал, не покладая рук. Во время войны его сын Аркадий, ему было 6 лет, с ребятами нашел немецкую мину, и они подорвались, а младший сын умер от голода.

Год был трудным, кормить детей было нечем, особенно тем, кто работал и жил в рабочем посёлке, у них не было ничего, и очень многие помирали с голода. Люди ходили пухлые, есть было нечего, а заработать и достать продукты было негде. А в этот год была засуха и неурожай и только рабочие получали по 400 грамм хлеба в день, а иждивенцы по 200 грамм. Жена его, Тамара, не работала, ведь было трое детей. Я часто заходила к ним, когда приходила в магазин получать хлеб по карточке, заходила и давала хлеба, отрывая от своей семьи. А у нас была мама, старшая сестра Зоя, она упала, сломала ногу и нигде не работала и братья Юра и Коля.

Василий восстанавливал завод, но вот вернулось с Урала всё управление, и он стал работать начальником цеха. И только в 1959 году, когда отца полностью реабилитировали, Василий был восстановлен в должности и награждён орденом Трудового Красного Знамени. Война дала о себе знать, ныли раны, сдавали нервы, но он продолжал работать. Далеко переработав пенсионный возраст, он ушёл на отдых. Раненные ноги отказали, и на восемь лет он был прикован к постели. И умер на семидесятом году. Восемь лет за ним ухаживала жена Тамара, которая умерла за месяц до его смерти. Нервы и сердце не выдержали у этих мужественных людей, прошедших такой тяжкий путь.

Фронт был далеко. Бои шли на территории Германии. В 1944 году я окончила десятилетку и пошла работать учительницей начальных классов. Мне дали первый класс, в нём было 50 человек, дети разного возраста, от семи до двенадцати лет. Это были дети, которые пережили оккупацию. Книг было очень мало, а тетрадей вообще не было. Дети писали на бумаге, которую получали, когда рвали бумажные

мешки (были предназначены для материала на завод). Использованные куски всякой бумаги были тетрадями. А чернила делали из бузины, перья были куриные, а потом железные. Но дети учились хорошо и понимали, что им нужно образование.

Вот май, этот день трудно забыть, когда мы услышали, что кончилась война. Все от мала до велика и плакали, и радовались. Проходили митинги радости. Началась мирная жизнь. Летом я с детьми работала в колхозе. Ходили на поля и собирали колоски, а потом сдавали в колхоз. Голод был страшный, дорог был каждый колосок, который оставался на поле.

В 1946 году я познакомилась со старшим лейтенантом Купцовым Василием Александровичем, 1920 года рождения, который приехал в отпуск к родителям. Мы полюбили друг друга и в 1947 году расписались.

Купцов был участником Великой Отечественной войны, и он мне многое рассказывал. Он окончил кавалерийское Уфимское училище и был отправлен на Дальний Восток. Когда было трудно под Москвой, их дивизион прямым назначением отправили на оборону Москвы, где он и сражался и здесь был награждён орденом Красной Звезды. Он был командиром эскадрона. Они с боем двигались на запад, гнали фашистов. В Болгарии, когда их дивизион попал в окружение и был прижат артиллерийским огнём и бронетанковой техникой немцев, а положение казалось безвыходным, командир полка приказал прорываться сквозь огонь. Командир эскадрона Купцов отказался выполнять приказ и предложил уходить через горы. По тем временам, по законам военного времени, невыполнение приказа каралось расстрелом. Сидя верхом на коне, командир выхватил пистолет. То же самое сделал и командир эскадрона. Так они перед полком стояли несколько минут, пока полковник не опустил оружие. Командир и штаб полка стали прорываться, эскадрон Купцова пошёл через горы, за ним последовал весь полк. Через двое суток трудного перехода в горах, полк был выведен из окружения, и оружие было сохранено (пушка). Пушки тянули кони, ведь это была артиллерия на тягловой силе.

Объявилось командование полка. Вот тогда и был представлен старший лейтенант Купцов к награждению

орденом Богдана Хмельницкого. При награждении, командир полка сказал фразу: «Ты этот орден заслужил…мой полковник!». Василий очень гордился этим орденом. Он ещё был награждён орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу» и «За Победу».

После войны Купцов продолжил службу в Казахстане. Мы жили в Семипалатинске. Летом 1955 года, на учении его полк попал под радиацию. Они были на полигоне. Видно Василию попало больше всего. С учения он приехал больной, и утверждал, что у него грипп. Не признавался мне. Врачи на него не обращали внимания, я вызывала гражданского врача, но Вася не стал с ним разговаривать. Я пошла в штаб, потребовала врача, и Купцова отвезли в Алма-Ату в окружной госпиталь. Меня обманывали, что у него септический эндокардит, говорили, что грипп дал осложнения. Его перевезли в Ташкент. Через 2 месяца его привезли из госпиталя, инвалидом 2-й группы, хотя он был совсем болен. Радиация была сильная, и, конечно, врач мне сказал, что он проживёт 2 года, почки откажут, жить надо в средней полосе. В Семипалатинске зимой очень холодно, а летом очень жарко, у него из носа шла кровь.

У нас была дочь – Полина. И мы решили отправиться в г. Пологи, Запорожской области, к моей старшей сестре. Добрались мы с большим трудом. Я работала в школе, мы жили на квартире. Мы переехали в августе 1955 года, а в мае 1956 он умер в возрасте 36 лет. Прошёл войну, с боями шёл на Запад, а в мирное время умер.

Я окончила институт и работала в школе с 1944 по 1982 г.г.. Награждена медалью «Ветеран Труда», выдана решением Исполкома Ворошиловградского областного Совета народных депутатов от 24.04.1982 года, а также юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (Указ 22 марта 1995 года).

В настоящее время живу с дочерью и внучатами в городе Калининграде. Муж дочери - подполковник в отставке, служил более 30 лет в Пограничных войсках. Дочь работает методистом в институте. Внучки учатся. Младший брат Николай, которому в войну было 5 лет, сейчас на пенсии, но он кандидат военных наук, доцент полковник. Левандровский Николай Фёдорович живёт в Санкт-Петербурге, имеет

награды, 32 года службы. Окончил академию, он служил преподавателем кафедры «Тактика авиации ВМФ» авиационного факультета, в городе Санкт-Петербурге.

Декабрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Кисленко Анастасия Андреевна

и

Филипас Анна Павловна

студентки 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)

Маркин Николай Александрович

На карте просто высота 102.0,
самый восточный в районе Сталинграда выступ

Родился 28 июня 1921 года в деревеньке Курочкино, на берегу Волги, на ее высоком правобережье. На безлесных горах, местами известняковых, оврагах. На ее склонах и взгорье расположена большая русская деревня. В 4-х километрах от деревни железнодорожная ветка. Ниже по Волге в 10 километрах Казанский железнодорожный мост через Волгу.

В этой деревеньке окончил 2 класса, а затем отец, служивший на землесосе, обеспечивающем глубину для судоходства по Волге, забрал семью на зимовку судна в поселок Василево Горьковского края. Летом, вместе с младшей сестренкой "плавали" с отцом, по Волге. Он был помощником капитана и имел отдельную каюту. Мать с малышами жила на берегу. Но такое счастливое детство закончилось весной 1933 года.

В апреле, отца у нас не стало, по навету "доброхотов" боровшихся за классовую "чистоту" ее партийных рядов, и с оппозиционерами разных придуманных мастей. Из деревни, где я родился, и где мы жили, где родились и мои родители,

прислано было письмо в завком завода, где ремонтировалось и зимовало судно, о том, что он сын кулака. По письму не было никакой проверки, но после этого письма по решению определенных властей отца мы лишились навсегда.

Мать моя, Екатерина Акимовна Маркина, осталась без мужа с 4-мя детьми. Я был старшим, мне было 11 лет. Конечно же, только ей мы обязаны всеми качествами, которые помогли нам преодолеть все жизненные невзгоды и трудности и всем получить высшее образование. Сама она имела начальное образование, работала в больнице санитаркой. Жили очень трудно и бедно. В 1933 году в городах и поселках была карточная система. Год этот для страны был тяжелый и голодный. В деревнях была коллективизация. Народ страны трудился не жалея сил надеясь на лучшее. Страна строила Магнитку, Днепрострой, тракторные заводы. Создавалась советская авиация. Преодолевая все трудности и невзгоды, СССР крепла и утверждалась в мировой системе.

Благодаря достижениям в авиации были спасены челюскинцы.

Появились первые Герои Советского Союза – первая семерка героев, спасшая челюскинцев.

В 1936 году уроженец поселка Василево – Валерий Павлович Чкалов, уже получивший орден Ленина за летное мастерство в 1935 году, с Г.Ф. Байдуковым и А.В. Беляковым на самолете "АНТ-25" совершили перелет Москва-Петропавловск, сели на о. Удд (ставший островом Чкалов), Перелет этот был назван "Сталинским маршрутом". За этот беспосадочный перелет отважная тройка летчиков получила звание Герой Советского Союза. После триумфального возвращения в Москву, приема в Кремле, Чкалов приехал на родину к матери в п. Василево на Волге. Как и всюду, и здесь была триумфальная встреча Чкалова своими земляками.

Мальчишкой, в толпе встречающих, я видел его довольно близко, по дороге с пристани к трибуне, где он выступал и затем к дому матери, где он вырос и где с 1940 года открылся его мемориальный музей. Как и всем, встреча мне очень запомнилась. И в моей дальнейшей творческой жизни его образ определенным образом отразился.

Еще мальчишкой, плавая с отцом по Волге, я увлекся рисованием. Лучшего занятия, чем это - для меня не было.

Карандашом, цветными карандашами, чернилами я рисовал проходящие мимо суда, особенно буксирные, идущие с караваном барж. Они двигались не так быстро, и можно было успеть рассмотреть и нарисовать. Их было нарисовано множество. Я знал все их особенности и отличия друг от друга вплоть до тембра гудков. Знал, что означает любой из этих звуковых сигналов, и маневров. В Чкаловской школе (с 1937 года пос. Василево стал пос. Чкаловск) я ходил в изо-кружок. В год столетия со дня гибели А.С. Пушкина я нарисовал для школы его портрет. В 8 классе мы с товарищем по классу Виктором Частовым нарисовали для школы на ее фасаде портрет И.В. Сталина - 3 метра на 2 метра.

Летом мне исполнилось 16 лет, получив паспорт, и справку об окончании 8 класса мы с В. Частовым уехали поступать в Ярославское художественное училище. Дома оставалась мать с двумя младшими сестрами. Брат к тому времени умер. Матери на зарплату санитарки и уборщицы трудно было всех содержать, а надо было всем еще и одеться. Я жил самостоятельно, но мучился, что не могу помогать матери. На стипендию в 20 рублей в месяц прожить было не просто.

Правда, в те годы очень торжественно проходили праздники 7 ноября и 1 мая. Проводились демонстрации, и города наряжались. Удавалось немного заработать на изготовлении праздничного оформления – на написании лозунгов, плакатов. Портретное написание доставалось уже более умелым и более удачливым художникам г. Ярославля.

В 1940 году ребят призывного возраста до окончания учебы забрали в Красную Армию на военную службу. Нас, 1921 года рождения, оставили до окончания учебы.

В июне 1941 года мы писали дипломные работы – эскизы картин на избранную тему. Уже прошли производственную практику в школах г. Ярославля. Жизнь шла своим чередом. Мы, чтобы что-то заработать, 22 июня с моим однокурсником и другом Юрием Семенюком (ныне Народным художником России) работали по оформлению сельхозвыставки Ярославской области. Оформляли к ней стенды. В середине дня по радио услышали о выступлении В.М. Молотова.

"Это война", - сказала женщина в обкоме, нас консультирующая.

Прослушав выступление Молотова все разошлись… Нападение гитлеровских войск, слово "война" перевернула и круто изменила жизнь сотен миллионов людей. «Все – для фронта!» - стало лозунгом жизни страны - "Все – для Победы!"

28 июня, в свой день рождения, я, в числе выпускников художественного училища 1941 года, получил аттестат об окончании. Мечта о дальнейшей учебе улетела… . На фотографии выпускников нашего курса, все ребята уже наголо подстрижены, как призывники горвоенкомата г. Ярославля.

В военкоматах столпотворение. Нам повесток не присылали. Надо было освобождать общежитие училища. Для училища мы были уже "отрезанный ломоть".

Я пошел в горвоенкомат на прием. Объяснив ситуацию с общежитием и отсутствием денег, попросил разрешения на пока оставшиеся рубли съездить домой к матери и сестрам увидеться, проститься перед призывом в Красную Армию. Наказав мне, чтобы по приезде к матери в тот же день встал на учет в военкомате по месту жительства семьи он меня отпустил.

В Чкаловском райвоенкомате, куда я ходил уже еженедельно, сказали: "Ждите вызова, когда надо - позовем".

Все подорожало. На продовольствие стали вводить карточки, надо было поступать на работу.

Имея аттестат учителя рисования и черчения я пошел в Чкаловское РОНО. В отделе народного образования меня оформили в школу, где когда-то учился я сам. Назначили сразу классным руководителем старшеклассников. В колхозах района, горячая пора – уборка урожая. Мужчины из деревень и Чкаловска еженедельно уезжали в Красную Армию.

Уже в первых числах августа школьников-старшеклассников отправили на помощь колхозникам. Мы ходили за 6 километров в колхоз "Путь Ленина". Помогали по обмолоту хлеба и уборке льна. Чкаловский район был льноводческим. По Волге ехали семьи эвакуированных с западных районов страны. Школьные классы временно отдали эвакуированным семьям для расселения. Мы продолжали ходить в колхоз – помогать. Со второй половины сентября начались школьные занятия. Процесс учебный у меня шел нормально. Правда, с дисциплиной в 6-х классах не всегда было хорошо. Очень быстро запомнил фамилии. Многих знал

по их братьям и сестрам, когда еще учился сам. У некоторых знал отцов или матерей.

Проработал в школе всего одну учебную четверть с хвостиком. 19 ноября получил повестку о призыве. Сдал свои учебные планы и все тетради из училища заместителем по педагогической работе Софье Ковалевской, с которой учился вместе еще в 4-м классе. Ее мать еще когда-то вела в школе изокружок.

Пришла пора, и ушел я из материнского дома, оставив ее и сестренок, как ушли в ту пору миллионы молодых и пожилых. Не зная, не ведая, удастся ли вернуться в него и если вернуться, то уже - другими людьми.

Пешком через Волгу на город Городец, затем снова через Волгу на г. Правдинск, где сели на поезд до г. Горького. В г. Горьком (Нижний Новгород) в городском военкомате нас, в сопровождении сержанта с пакетом посадили в теплушки. Теплушки были обжиты - с нарами в 2 яруса и печкой-буржуйкой. Поезд двинулся. Оказалось, везут нас на восток. Выдавали сухой паек. За весь путь на какой-то, не помню, станции, вывели и накормили супом из одной капусты. А выгрузились в г. Ачинске. Мы прибыли в старинный военный городок с огромными многоэтажными казармами из красного кирпича, построенными еще в царские времена, я вспомнил по биографии Сталина, что он проходил здесь военную службу. После санобработки нам объявили, что мы находимся в расположении Киевского военного пехотного училища. Будем учиться по ускоренной сжатой программе 6 месяцев. Всем, успешно закончившим учебу, присвоят звания лейтенантов и младших лейтенантов по результатам экзаменов. Начальником этого училища был генерал-майор Сверчевский, известный позже польский генерал.

Учить нас стали на пулеметчиков. Командиром нашего 2-го взвода 2-й роты был лейтенант Таранкевич, очень хороший человек и командир, но, в основном - все передоверявший старшине взвода.

Пулемет «максим» - основное оружие, которое мы изучали. Тренировали нас до «потери сознания» по знанию технической части, с завязанными глазами надо было собрать замок, меньше чем за одну минуту. Стреляли мало - патроны шли на войну. Основная учеба была в поле, в классах

занимались теорией, зубрили уставы: вооруженной службы, инженерной службы, боевой устав пехоты. Ежедневно политинформация, которой занимался с нами комиссар с двумя шпалами. Винтовку СВТ разбирали и собирали сотни раз, но на фронте оказалось, что винтовка эта только для парадов хороша. В боевых условиях достаточно песчинке попасть и - одни осечки. Совершенно не ознакомили с оружием противника, правда, командиры говорили, что у немцев автомат - основное вооружение пехоты.

Но есть хорошая поговорка: «Но только глазу перед ухом вера». Жизнь на войне показала пагубность этого недоверия, под Сталинградом, столкнувшись с вражеским оружием, многие были ранены и даже убиты по своей вине. Впервые увидев немецкие гранаты с длинной ручкой и шнуром запала, солдат разглядывая такую «штучку», потянул за шнур. В итоге после взрыва он и еще трое были тяжко ранены, один - смертельно. Возможно, я мог бы предупредить такое, но сам видел их впервые. А немецким металлическим пулеметным лентам мы просто завидовали. В холодное время набить мокрую льняную ленту для «Максима» большая проблема, пальцы от мороза деревенеют, не слушаются. А плохо набьешь, будет перекос патрона – тебе же хуже.

Излишне много было в программе обучения шагистики. «Тяни носок», - кричит командир. Треть времени уходила на строевую подготовку. В учебных полях занимались до «седьмого пота», курсанты задыхались от усталости. За 5 месяцев на мне две гимнастерки буквально развалились от пота. Почти через каждые 2-3 дня объявляли боевую тревогу, в основном - ночью, под утро. В полном боевом снаряжении мы проходили по 15-20 километров и половину пути - в противогазах.

Приказ №227 от 28 июля 1942 г.

Однажды, боевая тревога закончилась общим построением всего состава училища в поле, далеко за городом. Рано утром мы были построены в большой прямоугольник и впервые увидели начальника училища генерала Сверчевского. После краткой речи нам зачитали приказ Наркома обороны №227. С суровой прямотой в нем говорилось о нависшей над

нашим Отечеством смертельной опасности: «Враг бросает на фронт новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает районы, опустошает и разоряет наши города и села. Отступать дальше - значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону… Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам не стоило».

Прошло более полувека, но я помню все эти слова, прочитанные нам под городом Ачинском на рассвете летнего дня, они потрясли всех нас. В этом приказе от нас не скрывали горькую правду. Значит, дело действительно плохо, и настал час либо уступить врагу, либо умереть.

Потом нам прочли приказ начальника училища об отправке всего состава курсантов в действующую армию на запад. Так мы и закончили учебу – курсантами. На следующий день весь состав училища был погружен в эшелон и, по зеленой улице светофоров, через 10 дней прибыл в г. Вольск на Волге. Снова я увидел свою родную реку Волгу.

Мы маршем идем к Сталинграду

По прибытии нас построили, появились командиры и нас группами повели размещать по городу. Через какое-то время прибыли представители от воинских подразделений, всех построили и выспрашивали специальность. Курсанты были разных возрастов. Из строя выходили шоферы, слесари, механики, электрики, их уводили. Остальные были направлены в учебный батальон. Так я оказался в 112-й дивизии. Через несколько дней мы получили оружие по специальности - пулеметы «максим», карабинов не хватило, выдали винтовки.

В полной боевой готовности в одну из ночей мы двинулись на юг. Ничего нам не объявляли, но по солдатскому «радио» все узнается быстро, - мы идем защищать Сталинград. Шли только по ночам, строжайше было запрещено курение в строю, но все равно курили в рукав, во время привалов курили, накрывшись шинелью. Длительный этот марш был утомителен и однообразен, от постоянной усталости хотелось

только поспать и поесть, других желаний не было. Иногда наши колонны обгоняли грузовики, поднимая такую пылищу, что нечем было дышать. А пехота цокала и цокала, позванивая окованными прикладами винтовок, котелками, саперными лопатами, щитами пулеметов. Полы шинелей хлестали по ногам, иногда у кого-то сползали обмотки, на них наступали и матерились. Иногда кто-нибудь засыпал на ходу, и за рукав его дергали в строй. Солдаты всех ростов и возрастов, нагруженные снаряжением, шли и шли, и, казалось, не будет конца этому маршу.

Все ждали привала. Уже начало рассветать, мы увидели рощу, надеясь, что, наконец, - будет отдых. Но появились командиры, которые обычно шли где-то в стороне, начались команды: «Не отставать!», «Держать дистанцию!», «Держать интервалы!» Мы вышли на улицу большого села с красивыми, выкрашенными масляной краской, домами, с палисадниками полными цветов. Окна распахнуты, на них цветущие герани и ни одного человека. Было такое впечатление, что все куда-то ушли. На привале политрук сказал, что мы пересекли селение республики немцев Поволжья, они враждебно относились к русским и ожидали прихода немцев. Их всех вывезли на восток в 24 часа.

Слышны и видны раскаты фронтовые

Трудно вспомнить, сколько дней шли, но после недели похода солдаты стали терять что-либо, появились отставшие. Все чаще стали видеть немецкие самолеты, на привалах постоянно видели «раму» - немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик, летающий на огромной высоте. Ночью видели светящиеся зонты, сбрасываемые немецкой авиацией. От них долго было очень светло, казалось, что каждая ракета зависает над нами и тебя видно, хотя шли иногда в сплошной пыли, поднимаемой множеством ног. Уже были видны голубые лучи прожекторов, беззвучно стригущие вдали в вышине. Их отсвет падал на землю, и еще гуще клубилась пыль и колыхалась горбатая от ноши пехота. Все реже попадались рощи, где можно укрыться в дневное время, убежищем чаще становились овраги (по-местному балки). Было сухо, населенные пункты колонна обходила стороной,

гул взрывов был слышен над начинающейся степью. Мне трудно сейчас вспомнить точное местонахождение нашей колонны, но она стала уменьшаться. Часть полков оторвалась по назначенным им направлениям. Костяк дивизии прибыл из Сибири. Командир дивизии подполковник Сологуб был ветераном гражданской войны, и чувствовалось, что сибиряки его уважали.

Давно пересекли железнодорожное полотно, по которому по ночам мчались составы, идущие к Сталинграду. В одну из ночей нам приказали рассредоточиться на юго-западном направлении и начать окапываться. Степь, небольшая высота, обрывающаяся местами оврагами, кругом полынь, воды близко нет. Вырыть траншеи стоило огромных усилий. Земля без дождей так усохла, что от удара лопатой оставался блестящий срез, и она отскакивала, углубившись на 1-1,5 сантиметра. Надо было оборудовать гнезда для пулеметов, для патронных коробок, вырыть для себя укрытие, чтобы ночевать. На это ушли полные сутки.

Первый бой

То, что пишут и показывают о войне, о боях с немецко-фашистскими захватчиками, о встречных атаках, бомбовых ударах, шквальных пулеметных и минометных обстрелах правильно, но никогда не передает накала боя, его ожесточения, боли и отчаяния, героизма и всей отваги ее участников. Бои различны, часто быстротечны, слова никогда не могут успеть за всем этим. Следовало бы запомнить молодым, которые знают о войне понаслышке, что в нашей истории было много хорошего. И, прежде всего, это миллионы людей, которые отдавали свой труд, свои жизни за честь и свободу Отечества во имя жизней многих поколений.

Оказаться в земле тогда было очень просто, но те солдаты, которым повезло, стали в строй победителей в той огромной войне. Удалось уцелеть и мне, хотя был трижды ранен, стал инвалидом, матери прислали на меня похоронку.

Своим отступлением я отвлекся от описания своего первого боя.

Политрук батальона, проводя беседу в траншее, сказал: «Противник рядом, будет трудный бой». Завтракая, каждый

думал, доскребывая в котелке, и пряча ложку, может больше - и не пригодится. Выпив чай из пахнувшего кашей и комбижиром котелка, я подумал, что и на той стороне у немцев может также ждут сигнала, а потом все выскочат из окопов и побегут убивать друг друга. Странно это когда-нибудь будет людям.

Все произошло несколько иначе. В чистом небе высоко, сочно треснуло – разорвался пристрелочный снаряд. В небе, как приклеенное повисло, грязное облачко, а немного спустя, с тем же характерным звуком образовалось два черных пятна. Затем в воздухе появился тягучий, усиливающийся и толстеющий вой, пересек траншеи, оборвался где-то резко и рассыпался. Над окопами сразу же возникли жала новых разрывов. Их звук впивался в череп, давил голову вниз, и ничего нельзя было сделать, чтобы не присесть, зажмуриться в момент обрыва этого звука. Все в траншеях то приподнимались, то опускались мерно, слаженно, молча, даже стволы винтовок и пулеметы шевелились. Никто из солдат не оборачивался туда, где рвались снаряды. Линия взрывов медленно двигалась к траншее, мины падали рядом. Ров бруствера траншеи был засыпан полынью для маскировки, от взрывов она падала в ров. Мины взрывались, чуть коснувшись земли, образуя черные округлые пятна, и ни один осколок, казалось, не залетал в окоп случайно. До того, как удариться в бруствер или в стенку он кружился, фырчал сверху, будто ища свое место. И все мы каждый осколок считали «своим», инстинктивно вжимались в стенку: «Сейчас в меня… в меня… в меня!»

Впереди глухо, как-то по-другому, по-своему треснула мина, в грудь упруго ударила волна, как горячий ком. Раздался испуганный с болью крик: "А-а-а". С сыпучим шумом обрушился окоп. Наш пулемет «максим» приподнялся и съехал вниз. Я увидел огромные глаза и неестественные руки нашего первого номера. Вскочив и снова присев, я увидел сине-красный клубок чего-то живого… Я бросился по траншее, не зная, куда бежать… Нашу траншею накрыло сразу несколькими взрывами мин.

Втиснувшись в нишу, в страхе понял, где находится командир и санитары. Огненный вал сполз дальше. Несколько мин взорвалось еще за рвом, вскоре обстрел прекратился.

Мутно-коричневая гарь колыхалась над головой, пахло чесночно-вонючим и кислым. Горло першило чем-то противно липким.

Стали выяснять убитых и раненых. Прибыли санитары. Я увидел, как двое красноармейцев завертывали в плащ-палатку тело убитого первого номера пулеметчика, я не знал даже его фамилии – все звали его Костей из Омска. Солдаты сгребли вместе с полынью все, что было возле ног Кости. Лейтенант кричал: "Быстрее". Солдаты долго вылезали из траншеи, часто останавливались, меняясь местами, унесли убитого.

В затишье красноармейцы бегали в свой тыл по двое, по трое и возвращались в окопы.

«Сейчас опять начнут» – сказал лейтенант.

Действительно. После артиллерийского и минометного обстрела появились танки. За танками, прячась за них, шли автоматчики. Танки вели огонь по нашим окопам. Вступила наша артиллерия, стараясь расстроить их ряды и подбить танки. Выкатили на прямую наводку 45-мм орудие. Сначала било оно с закрытой позиции, но было обнаружено. Грохот рвущихся снарядов, треск автоматных и винтовочных выстрелов, треск пулеметных очередей сливался и заглушался стоном раненых.

Все же пулеметным огнем и огнем винтовок удалось отсечь немецких автоматчиков от танков. 2 танка были подбиты, а 3 танка прорвались сквозь наши траншеи и исчезли. У нас не было противотанковых гранат и было только одно противотанковое ружье. Из него и был подбит один танк немцев. Лязгали танковые гусеницы, пылали танки, из них выбросились объятые пламенем танкисты.

Тошнотворный острый запах горящего человеческого мяса витал над полем боя. Изрытая воронками, вспаханная гусеницами танков, земля покрывалась трупами.

Немцы откатывались от наших окопов и снова повторяли свои атаки. Так каждый день несколько раз. Все же свои первые траншеи мы вынуждены были покинуть. Ночью произошла перегруппировка войск, и мы снова окопались, несколько отступив. Ряды наши заметно редели. Ночью мы пытались отбить потерянные позиции. Но возвратить все потерянное не смогли. Днем немцы, получив пополнение, снова и снова наступали.

Так было теперь почти каждый день. Немцы давили на нас со все усиливающейся мощью. Вскоре политрук в беседе об обстановке сказал, что недавно в одном из боев погиб и командир дивизии Н.П. Сологуб.

Мы уже были на подступах к внешней обороне Сталинграда.

В бою человек как бы тупеет, видимо, это защитная реакция организма, без этого не всякий организм и выдержит. И боль от потерь в бою не так остра. Настоящая реакция на пережитое наступает потом, когда бой кончился, и ты оказался в относительно спокойной обстановке. Вот тогда гибель товарищей, подробности пережитого, подробности боя вызывают у тебя боль и ужас. Осколок, ранивший тебя – не зрячий, он мог попасть в сердце, в голову, и ты мог быть мертв. Но погиб он, а не ты, ты жив и чувствуешь себя виноватым. От этого чувства невозможно избавиться, его не выбросишь из головы всю жизнь. В этом бою и мне достался небольшой осколок уже на излете. Ранение было легким. Отделался перевязкой у медфельдшера, хотя кровотечение было очень сильное.

Инструктаж

По приказанию командира дивизии к нам, как доложил командир батальона Васильев, утром прибудет инструктор из штаба армии. Он прибыл в наше расположение и нам представили капитана (фамилию не могу вспомнить), как инструктора по борьбе с танками.

«Товарищи красноармейцы, братцы! Против вас будет много немецких танков, очень много. Штаб армии, страна, не может всем достаточно дать противотанковых средств. Тех, что у вас, конечно мало. Я привез вам против танков грозное оружие – обыкновенные бутылки с горючей смесью. Сейчас я вам объясню, как ими пользоваться. На тебя идет танк. Главное не волноваться – начал объяснять капитан, – Он ведет по вам огонь из орудия. Но главное не волноваться и ждать».

В основном красноармейцы были новички, но были и опытные солдаты. Они знали, что значит «не волноваться», когда на тебя идет железная махина и ведет пушечный огонь. Земля вздрагивает, когда танк стреляет, не только душа! И

если тебя только обсыпало землей, засыпало комьями земли, и задели осколки, то рядом кто-то уже раненый, стонет и заливается кровью …

«Главное, не волноваться», - подумал я.

Слушаем дальше …

«Танк подходит ближе – мертвое пространство образуется для орудийного огня – ниже ствол не наклоняется. Танк стреляет из пулемета. Многие не выдерживают, выскакивают из окопа или траншеи. Этого делать не стоит. Скосит очередью», - продолжил капитан.

«Это понятно! Как не понять!», - сказали мы.

«Танк совсем близко, – продолжает дальше инструктор, – он может раздавить тебя гусеницами. Многие от страха бросают бутылки ему в лоб. Это опасно. Горючее сгорит, на танке сгорит только краска. А ты себя обнаружишь, он станет утюжить окоп или траншею. А это известно, что значит?!»

Мы уже видели и знаем, что значит "утюжить окоп".

Танк кружится на месте, земля обрушивается и погребает людей заживо, а танк утрамбовывает, "утюжит" землю. Страшная смерть.

«Надо не волноваться, – продолжает капитан, – а пропустить танк над собой и бросить бутылку в радиатор – радиатор у него сзади. Вот тогда ему и конец! Сгорит, проклятый, как свечка. Все очень просто!»

Кто-то из слушателей вздыхает: «Просто, просто».

«Правда, нужно иметь в виду, что за танками идут автоматчики от отделения до взвода», - добавляет капитан.

«Проще не бывает!», - раздался чей-то возглас.

«А автоматчики зачем?», - спросил кто-то.

«Просто понаблюдать!», - пошутили мы.

Выходит - просто, но практически - невозможно…

И все-таки перед фронтом нашей дивизии, да и любой другой, горело множество вражеских танков. В этих боях было немецкое превосходство. У них были тысячи танков, у нас только сотни. Но наши танки врывались внезапно и наводили на немцев ужас. Наши подбитые танки ночью утаскивали буксировщики и восстанавливали на Сталинградском тракторном заводе, где было налажено изготовление танков Т-34, работали там круглосуточно. Те танки, которые нельзя

было отбуксировать, закапывали, маскировали и делали огневую точку, бившую внезапно в упор.

Время многое стерло из памяти, имена, фамилии. В борьбе с танками многие ребята отличились.

А сегодня не только наши союзники бывшие стараются принизить нашу армию и героизм наших бойцов, но посмотришь иные передачи по телевидению, почитаешь газеты, в них упорно, не всегда назойливо, но упорно принижают нашу Победу. И создают впечатление, что мы не так воевали, не так и не то защищали. И вообще, не мы победили фашизм, а наши союзники.

Фашисты хотели превратить нас в своих рабов и этого не скрывали, все поведение фашистов было этим проникнуто, а не только их пропаганда. А мы не хотели, чтобы наш народ, наши близкие, родители, любимые наши, да и мы сами стали чьими-то рабами. Разве этого недостаточно, чтобы идти на бой и побеждать.

К этому рассказу об инструктаже по борьбе с танками, могу добавить из своей послевоенной практической жизни. В последнем фильме Леонида Гайдая, тоже фронтовика, "На Дерибасовской", где я работал художником-постановщиком, совместно с тоже бывшим фронтовиком офицером связистом – Феликсом Ясюкевичем, есть эпизод, где танк "утюжит" окоп. Там играл в эпизоде артист Мягков.

Здесь танк "утюжит", как и рассказывал нам когда-то инструктор, но окоп был сделан на совесть, чтобы обезопасить актера от случайностей, была соблюдена техника безопасности. В окопе от осыпания были установлены стойки-бревна с распорками. Такой окоп можно было "утюжить" многократно.

На фронте окоп для "утюжки" сделать было невозможно, материалов не было, и когда делать? А разве можно угадать, где появятся и пойдут танки?

Над нашими головами вдруг неизвестно откуда появился маленький темный самолет с узкими косо обрубленными крыльями. Он стрекотал как косилка, из квадратного фюзеляжа торчали в разные стороны его колеса. Бывалые солдаты этот самолет-разведчик называли "костылем". Его очень трудно было сбить. Самолет маневрировал над нашим расположением, то снижаясь, заваливаясь с крыла на крыло, то

снова набирая высоту. При снижении мы четко видели на нем черно-желтые кресты. Я и большинство красноармейцев впервые видели "костыль".

Опытный командир лейтенант Копьев дважды подавал команду: "Не стрелять! Не шевелиться!"

Дважды покружив, самолет, взревев круто пошел вверх. Из-под его колес вывалилось что-то и веером развернулось…

Стали падать листовки.

Пехоте запрещалось читать вражескую пропаганду. Но листовок было очень много, и они валялись на каждом шагу. На самокрутку бумаги был недостаток, а эта для курева не годилась. Справляя нужду их использовали и тут уж и читали. Запрещенное всегда притягивает больше, и я читал тоже. Их содержание было незамысловато, и помню, конечно, в общих чертах:

"Солдаты, вы деретесь как львы. Но все равно вы будете уничтожены. Сопротивление бессмысленно. Ваше командование предало вас. Война проиграна. Еще не поздно сдаться в плен. Немцы вас хорошо накормят и будут хорошо обращаться. Пароль: "Штык в землю!" Не забудьте захватить котелок и ложку".

Все же они были вынуждены признать, что мы хорошо деремся.

Бомбежка

Как только лавина листовок рассыпалась по степи, появился политрук и посматривал: не подобрал ли кто листовок, не читает ли их. "Костыль" – разведчик еще стрекотал вдали, как один из красноармейцев закричал: "Воздух! Самолеты летят! Много!" – и бросился в укрытие. Самолеты были еще далеко, но с каждой секундой их рокот усиливался. Мощный рев неба перешел в острый ноющий звук падающих бомб.

Приподнявшись, я увидел, как из клина самолетов группа передних бомбардировщиков отвесно падала прямо на нас. Надо броситься вперед или назад, мелькнуло у меня в голове, и я услышал нарастающий свист оторвавшихся от самолета бомб. Взрывы раздались слева и сзади. Эскадрилья ушла на восток, на Сталинград. В этот период наша авиация была

слабее. Было полное превосходство немцев в воздухе. Мы с горечью и болью в сердце наблюдали воздушные схватки и, несмотря на умелое маневрирование, наши истребители "И-16" ("ишаки") в схватке с "мессершмидтами" чаще загорались. Деревянный фюзеляж "ишаков" загорался от зажигательных пуль и снарядов противника. Летчик выпрыгивал из горящей машины, но парашют чаще всего расстреливался фашистами. Сбивали и немецких «стервятников», но, к сожалению, реже. И некоторые наши щели – укрытия в степи были перекрыты деталями упавших самолетов – элеронами, остатками обшивки, затем замаскированными сухой полынью. Однажды половина взвода сменила свои портянки на шелковые. Парашют погибшего летчика был подобран, разрезан на солдатские нужды. Летчика похоронили, поставив над могилой согнутый винт. Плохо в степи было с водой. Колодцы были редки и далеко. Ручьи все пересохли. Лето было сухое. В кожух пулемета "максим" иногда просто "мочились". Ствол раскалялся от стрельбы и вода выкипала. Немцы наседали превосходящими силами, и потери были значительными. Часто сменялись командиры. Пулеметный батальон, где я был, часто перебрасывался с одного места на другое, использовался где нужнее, менялись и командиры. Командиром 112-й стрелковой дивизии после гибели Сологуба был подполковник Иван Ефимович Ермолкин.

Из состава наших подразделений создавались противотанковые узлы сопротивления с круговой обороной. От фашистских танков у нас был самый большой урон. Подразделения быстро таяли. У немцев было хорошо налажено взаимодействие с авиацией. С неба на нас постоянно пикировали и бомбили перед атакой танков и пехоты. Получив "дозу" осколков, я был оглушен взрывом бомбы и больше 10 дней не слышал ни команд и ни разговоров соседей. Раны от осколков, к счастью, оказались не глубокими и в мягкие ткани. Забинтованный ходил целый месяц. Бинты от пыли и взрывов быстро становились серыми и не отличались почти от одежды. Страдали от недосыпания, и так как взрывы были постоянно и стрельба тоже, от усталости засыпали и в такой обстановке, так как уставали зверски.

Постоянно надо было готовить несколько мест для переброски пулеметов. Перекопали огромное количество земли, готовя огневые точки, оборудуя огневую позицию.

Но противник превосходил нас постоянно, и мы вскоре оказались в нескольких верстах от Мамаева кургана, чуть севернее его. Были видны пожарища в Сталинграде.

Мы защищаем Мамаев курган

Мамаев курган – это широкий двугорбый холм. По преданию, здесь стоял шатер хана Мамая, разгромленного на Куликовом поле.

В борьбе за Сталинград этот Мамаев курган или на карте просто высота 102.0, самый восточный в районе Сталинграда выступ, протянувшийся вдоль Волги. Курган врезался в пределы самого города – между центром и главными заводами и возвышается над ними в 2-х километрах от Волги. С этого кургана можно увидеть весь Сталинград и кроме города просматривается местность далеко вокруг, даже за Волгой. Левый берег Волги просматривается на добрый десяток километров. На западной стороне в курган вросли массивные, обложенные кирпичом, водонапорные баки. Сейчас на Мамаевом кургане монумент Родины-матери, братские могилы и плиты с именами прославленных Сталинградских героев.

Овраг смерти

В период боев за Мамаев курган, с прибывшими бойцами дивизии Родимцева мы, пулеметчики из дивизии 112-й: Боря Соловьев, Гена Спиридонов и я, ночью наткнулись на убежище в подвале, разрушенного напрочь от бомбежек и обстрелов, домика. Сверху он был от взрывов и пожара похож на закопченную кузницу, но там внутри оказалась железная дверь, ведущая по кирпичной лестнице к глубокому подвалу – погребу с цементным полом. Здесь было узкое помещение. У стенок - 2 кровати и железная печка. В этой комнате жила женщина с дочкой старшеклассницей и мальчиком лет 2-х с небольшим. Звали ее Александра Максимовна (фамилию забыл начисто).

«Как же мамаша, думаете здесь остаться живыми?» – спросили мы.

«Что вам, бойцам, то и нам. Свыклись с такой жизнью. Муж ушел добровольцем с рабочими завода, и вот - ни слуху, ни духу от него», - ответила она.

«Вот что, ребята, – перед уходом сказал Спиридонов, – давайте отдадим им весь наш хлеб, что нам выдали».

Отдав все наше продовольствие, мы покинули это убежище. Как-то мы встретили девочку Нину из этой семьи, ночью пробирающуюся по Банному оврагу. Она была связана с комсомольской организацией города и завода "Красный октябрь" и снабжала разведывательными данными наше командование.

Под видом розыска матери она с малым братиком пробиралась к немцам и добывала там немало ценных сведений, которые потом передавала пробравшимся товарищам ночью. Они все прекрасно ориентировались и пробирались, невзирая на обстрелы. Эта же Нина показала нам, где на Кургане и в овраге есть роднички. От недостатка воды страдали особенно остро как наши, так и немцы. Немцы за еду посылали местных мальчишек, оставшихся в городе добыть воду, и были случаи, что, переодевшись в женские платья, сами перебирались по Волге добыть воду. Жаль, что Нину эту все же серьезно ранило в руку. И дальнейшей судьбы ее я не знаю.

В борьбе за Тракторный, где мы были позже, мы стали свидетелями героизма защитников города. Они сами садились в танки, изготовленные на заводе и отремонтированные, и шли в бой, целые роты создавались из рабочих, дрались рядом с нами, вливаясь в ряды бойцов 62-й армии.

А от Мамаева кургана шла ложбина к Волге переходящая в Банный овраг. Прозван он был Банным давно, там местами пробивали роднички и были издавна построены бани. Рядом с Мамаевым курганом проходила железная дорога с насыпью и тоннелем в овраге. Ближе к Волге проходила трамвайная линия с мостом над оврагом. Под трамвайным мостом была санчасть. В ней мне однажды сделали хорошую перевязку, выбрали осколки, серию которых я получил от бомбежки, когда был контужен и неделю ничего не слышал – оглох совсем. Врач с собой дал мне бинты и марганцовку.

В овраге этом кроме бань были и избушки, где в основном жили рабочие завода "Красный Октябрь", ближайшего к оврагу. Хоть население в основном ушло за Волгу, но оставались все равно некоторые. Жители – одиночки, и даже с маленькими детьми, жили, скрываясь в землянках, щелях. По этому оврагу наши разведчики ходили в тыл к немцам. Через этот овраг немцы больше всего рвались к Волге. Захватив железнодорожную линию, подходили к трамвайной линии, но дальше их не пустили, по бугру немцы заводской стороной немного не достигли Волги. В этот период овраг с разных сторон простреливался и почти целиком хорошо просматривался, особенно с Мамаева кургана. Был прозван Оврагом смерти, и все равно был местом притяжения всех защитников и обороняющихся как путь к Волге. Здесь стояли насмерть бойцы генерала Гурьева. По этому оврагу ночью пробирались наши подкрепления на завод "Красный Октябрь".

О доверии и недоверии

Еще до начала Великой Отечественной войны действиями НКВД, арестами без достаточных на то оснований и без достаточной проверки, иногда просто по злостному наговору, люди исчезали. «Значит, есть за что, зря не возьмут", – оправдывали обывательской этой фразой.

Не доверять легче. Тут людей меряют скопом. Взял и зачислил в подозрительные того, кто не по нутру, или показалось, что он именно такой. От этого сам стал как бы выше, сознательнее – чувство интересное для показухи, и все же идет в зачет. С недоверием даже дурак кажется умнее. А ума тут большого и не надо. Для доверия уже нужна голова, в ней что-то серьезное, а не просто прессованный дым. Доверие идет к конкретному человеку, а его надо знать хорошо, понимать его душу, желания, устремления. Тут уже надо хорошенько думать, и даже до потенья головы и головной боли.

Но есть, пожалуй, всегда были и будут люди, для которых дороже себя нет ничего на свете.

16 сентября в 11 часов вечера командир взвода 112-й стрелковой дивизии, находившейся в 5 км к северу от Мамаева кургана, обнаружил, что пятеро солдат отсутствуют на боевой

позиции. Вместо того, чтобы принять меры к их нахождению, он просто доложил об этом факте командиру роты. Ночью в расположение взвода прибыл комиссар Колобанов. С немецкой стороны доносился голос по-русски. Он обращался к бойцам: "Вы должны дезертировать. Немцы вас досыта накормят, и будут хорошо обращаться. Бегите из Красной Армии, пока вас не настигла пуля работника НКВД».

Не успел комиссар опомниться, как несколько солдат, рванулись к нейтральной полосе. Никто из красноармейцев не стал стрелять им в спину, чем вызвал ярость Колобанова! Оказалось, что с дезертирами ушел один сержант. Дезертировало всего десять человек. Командир взвода был арестован и предан суду военного трибунала. Дальнейшая его судьба – неизвестна. Едва ли и судьба дезертиров была такой, на какую они рассчитывали.

В степи, особенно вечером, ночью, очень трудно ориентироваться. Я всегда боялся попасть нечаянно к немцам. За водой приходилось ходить поочередно. Она в балках, в родничках течет тонкой струйкой, и то очень редко где есть. Иногда в нескольких километрах от расположения. Все равно ходили, хотя дорогой расплескивали и приносили мало. И опасно. Стрельба была почти постоянной. Были ранения, помню - ушедший по воду, не пришел обратно.

О командирах и красноармейцах

Командир, как и зрелый генерал, хорош только тот, кто понял, для какого важного дела привела его судьба. Вот они бойцы – красноармейцы. Безусые мальчишки, зрелые мужчины, отцы семейств, большинство в двадцатилетнем соку – все отданы войной командирам. Все их жизни он должен держать и держит в руке. Должен воевать, выполнять приказы Родины, но и вести счет каждой жизни и сверять генеральские задачи с простой, домашней жалостью. Каждый по своему талантлив, хотя не всегда умел и ловок. Сходство в одном: большинство о себе не думает. Всем им выстоять, победить или погибнуть. А война, ой какая длинная, а фашистов нельзя не одолеть.

Все вместе – это громада ума, трудолюбия, удали, чести, умения и расчета, упорства и злости. Соединенное вместе

должно победить. Уж очень они все богаты. Не один, так другой, не в первом бою, так во втором, а добьются и всей громадой осилят, сломают врага. Они добьются успеха – в дыму, в пылу на долю секунд раньше, чуть точней, чуть верней, крепче, чем противник. В них разгадка в этих ребятах, в машинах с пушками и пулеметами – главная сила войны.

Командиров, которые ни на минуту об этом не забывают, солдаты и называют Батей. Таким был у нас командир учебного батальона 112-й дивизии Сергей Андреевич Анисимов, комполка Асеев, командир дивизии Иван Ефимович Ермолкин. Таким был С.Ф. Горохов из соседней дивизии, которому важно было, что ты жив и есть, не важно из какой воинской части. Таким был генерал Родимцев, которого солдаты обожали и боялись, что их могут перевести в другую часть от такого командира. Таким был Василий Иванович Чуйков. От него исходили запоминающиеся наставления – лозунги, адресованные всем сражающимся в городе: "Чем ближе к противнику – тем лучше", "Твою задачу никто за тебя не выполнит", “Саперу – почетное место в штурмовой группе” и ряд других.

Многие воины знают фразы наказа бойцу: "Врываться вдвоем с гранатой, оба налегке: ты без вещевого мешка, граната без рубашки. Граната – вперед, ты - за ней. Так проходи весь дом!" В городе главное – суметь превратить неприятельский опорный пункт в свой, "немедленно использовать его для дальнейших активных действий". "Быть готовым к штурмам, искать их!" – так формулировал Чуйков требования ко всему командному составу.

Чуйков настоял на том, чтобы артиллерия была размещена за Волгой, на левом берегу, поскольку обеспечить доставку боеприпасов на западный берег не было никаких возможностей, а без боеприпасов, без снарядов орудия – ничто!

Чуйков называл здания, занятые пехотинцами, "волнорезами", они были вооружены пулеметами, противотанковыми ружьями, иногда и пушками. Разорванные такими волнорезами потоки вражеских войск встречали замаскированные танки Т-34. Главной задачей было разделить наступающие танки. Минометчики и пулеметчики отсекали пехоту от танков.

Мы защищаем Тракторный

Командование 62-й армии ожидало уже, что противник, не добившись решающего успеха в центре Сталинграда, будет наступать в направлении заводов города. Об этом доложила и разведка.

С западной стороны всех главных Сталинградских заводов расположены были рабочие поселки. Они, как и город, вытянулись вдоль, параллельно Волге. От Банного оврага и долины Мокрой Мечетки длиной около 10 километров они образовали почти сплошной жилой массив с полосой лесопосадок. Кирпичных зданий было немного, преобладали деревянные домики, глинобитные мазанки. Поселки обезлюдели. Жители были переправлены на левый берег, но от бомбежек поселки пострадали меньше, чем центр Сталинграда.

Сами заводы работали до последнего. Ремонтировали танки, детали для "дотов", металлические колпаки к "дотам". Инженерные работы по обороне здесь велись заранее. Были отрыты щели, окопы, местами поставлены минные заграждения.

Как и в городе занятых войсками рубежей в глубине обороны и здесь не было. Все силы армии приковывал передний край. Наша 112-я стрелковая дивизия Н.Е. Ермолкина, хоть и малочисленная, но стойкая, получила подкрепление, и ее поставили на 2-ю линию обороны, на новом направлении главного удара противника. В течение суток наш полк капитана Василия Асеева – 416-й и второй полк 385-й А. Безъязыкова заняли запасной рубеж в заводских поселках у балки Вишневая.

Была создана цепочка опорных пунктов. Расположились в школах, магазинах, в бане – в наиболее прочных строениях по взводу пулеметчиков и автоматчиков. Мы заняли помещение школы. Огневых налетов удалось избежать. К утру 26 сентября все изготовились к бою на новых позициях. Но наступления гитлеровцев в этот день не было.

Поступил приказ - 27 сентября опередить противника с атакой. И контратака началась на Мамаевом кургане и в поселке "Красный Октябрь". Командующий решил помешать

немцам действовать по своему плану. Сил, чтобы сорвать их наступление не было, но помешать, ослабить их удар. Приказано было: наступление организовать мелкими группами по типу блокирующих отрядов с автоматами, ручными гранатами, ручными пулеметами, бутылками "КС" и противотанковыми ружьями. Артиллерию использовать по-орудийно. Огонь вести прямой наводкой в окна, амбразуры и чердаки строений.

В этот день враг к Волге не прорвался, но местами продвинулся, ведь глубина обороны до Волги измерялась сотнями метров. В заводские поселки немец вторгся. Наступало более тысячи солдат и танки. Мы, наш полк и вся 112-я дивизия были в тяжелейшем положении. Соседний 385-й полк был смят фашистскими танками. Мы хоть и подбили один танк, но против наших гранат танковые выстрелы в упор по школе разнесли здание, и мы понесли большие потери. Уцелели только бойцы в узких щелях, что были выкопаны в узких проходах между зданиями. В следующую ночь, как мы узнали, прибыло из-за Волги пополнение – новая дивизия. Для того, чтобы переправившиеся могли занять выгодные рубежи, наше подразделение – весь полк, все что осталось, был брошен на их поддержку. Вели огонь беспрерывно. Ходили в атаку, в контратаку. Капитан Асеев сам возглавлял атакующих, и в этом бою погиб наш Василий Андреевич Асеев. В дивизии его знали все – он был до этой должности командира полка, начхимом 112-й стрелковой дивизии. Рядом, почти с нами, были вновь прибывшие с левого берега моряки. Всему фронту стал известен подвиг бронебойщика 883-го строевого полка Михаила Поникаха, он, когда кончились патроны к ПТР и в ход пошли гранаты и бутылки с зажигательной смесью, готовясь метнуть бутылку, пополз навстречу танку. В бутылку попала пуля. Жидкость, воспламенившись, превратила бойца в огненный факел. Поникаха, поднявшись во весь рост, побежал к танку, у него была еще одна, последняя бутылка. Он ударил ею по танку. Танк остановился объятый пламенем. Выскочившие из танка танкисты попали под пули наших бойцов. Остановлен был танк, а другие повернули назад. Теперь в городе Волгограде есть улица, названная его именем.

"Чтобы фашисты смогли взять Сталинград, им надо перебить нас всех до единого", – сказал Василий Иванович Чуйков.

Бои «кто-кого» - продолжаются

Бои с территории Заводских поселков начали перемещаться на территорию заводов. Северо-западнее заводов, в долине речки Орловки и ее оврагов, вся территория находилась в руках 62-й армии – это был "орловский выступ". Войска в этом районе отчаянно защищались, но численный перевес противника решил дело. Войска, оставшиеся в этом районе, были окружены. Их было несколько сотен человек. Ночью прилетали из-за Волги самолеты "У-2", сбрасывали боеприпасы и продовольствие. Группа – остатки 115-й стрелковой бригады ночью пробились на окраину поселка СТЗ. Они своей стойкостью задержали удары противника на северном участке заводского района – по поселку СТЗ и самому Тракторному заводу. За это время именно для обороны завода прибыла 37-я гвардейская стрелковая дивизия. В ночь на 4 октября она начала переправляться. Немцы, начав наступление на поселок СТЗ, потеснили нашу малочисленную 112-ю дивизию, и мы были после перегруппировки войск передвинуты на северный участок заводского района. Вновь прибывшие авиадесантники 37-й дивизии вводились в бой с задачей отбросить немцев назад и восстановить положение. Для их поддержки было выделено два истребительно-противотанковых полка. Вместе с зенитчиками против танков было выдвинуто более ста орудий. Гитлеровцы непрерывно, остервенело бомбили территорию завода и его поселок, даже сильнее чем это было в августовских массированных налетах.

На 5 октября противник в район СТЗ совершил до 700 самолето-вылетов. Но теперь мы были близко от противника, в ближнем соприкосновении, и у переднего края немцы опасались ударить по своим. Противник для своего обозначения выбрасывал свои знамена. Начав с контратак, авиадесантники кое-чего добились. Они вышли к устью Орловки (она сливается с Мокрой Мечеткой в 2,5 км от Волги). Но главное - они не давали продвигаться противнику. Это для немцев стало неожиданностью, и 6-го они прекратили атаки на целые сутки. К этому времени у нас совсем не было

танков. Переправлялось новое подкрепление, и появились танки. Они были расставлены в заводских поселках и боевых порядках пехоты. Увереннее себя чувствуешь, если рядом есть танк.

7 октября противник попытался врезаться танками и пехотой в поселок СТЗ с юга со стороны поселка "Баррикады". Немцам удалось вклиниться в наши позиции на 300-400 метров. Было уничтожено много пехоты и 16 вражеских танков. Приготовились отбивать новые атаки противника ночью. Но 8-го октября атак не последовало. Фашисты поняли, что продвинуться дальше не удастся, не подтянув свежих сил.

Была невиданная нами весь период передышка – целых 5 дней.

Как мы потом узнали – разведчики установили, что на окраине поселка СТЗ противник сосредоточил и готовится двинуть до 2-х дивизий с танками.

Командование организовало артиллерийскую контрподготовку небывалой еще в полосе нашей обороны силы: участвовало 300 стволов орудий и пять полков "катюш". 40 минут артиллерия била по сосредоточившимся неприятельским частям, и они в наступление не двинулись.

Когда началась наша артподготовка, даже не верилось, что она с левого берега Волги. Артиллерийского нашего огня такой силы я еще не видел никогда. Все впереди заполыхало. Щебень, пыль, клубы дыма взметнулись вверх. Бойцы, радостно улыбаясь, поднимались из укрытий. Торжествовали победу дня – боевые порядки немцев были разбиты.

Как я потом, читая литературу о Сталинградской битве, установил – перед фронтом, только в первом эшелоне находилось пять немецких дивизий (71-я, 94-я, 100-я, 295-я и 389-я) и две танковые (16-я и 24-я) и плюс не менее 100 танков не установленного подчинения. Из Германии перебрасывались по воздуху саперные батальоны, специально обученные действиям в условиях города.

В ночь на 9 октября было решение командующего В.И. Чуйкова о перегруппировке войск. 112-я дивизия Н.Е. Ермолкина, старейшая в списках 62-й армии, пополнилась своим же 524-м стрелковым полком. От этого полка после сентябрьских боев остался один штаб, который был отправлен за Волгу, где укомплектовал полк заново в

дивизионных тылах. По числу штыков полк соответствовал не более чем батальону, но это подкрепление было существенно. Этот полк выдвигался на подступы к Тракторному. Мы оборонялись теперь у Мокрой Мечетки. Хотя враг не наступал, но на заводы, особенно на Тракторный, не переставали падать бомбы, сокрушая стены и перекрытия. Только ночью можно было вести работы по укреплению оборонных позиций.

Командование решило само прервать грозную паузу в боях, зная, что Паулюс, перегруппировавшись, вот-вот начнет бой. 12-го октября началась крупная контратака в районе поселка СТЗ.

Но контратаки, несколько раз повторявшиеся, успехов не принесли. В течение суток продвинулись местами на 50 метров, местами до 300 метров! Добиться большего было нельзя. Территория, обороняемая армией, была полосой вдоль Волги на двадцать километров. До берега было местами 2 км, местами 2,5 км, а во многих других - всего лишь сотни метров. Враг простреливал все расположение армии и все водное пространство Волги, связывающей армию с тылом. Примеров в истории нет, чтобы столь невыгодные для обороны позиции были удержаны от превосходящей силы противника. 13-го октября выяснилось, что с плавсредствами на переправе опять трудно. Командующий В.И. Чуйков распорядился: "Перевозить только боеприпасы. Хлеба не хватит – бойцы нам простят, а если завтра не хватит патронов и гранат, некого будет ни прощать, ни обвинять".

Если выстоим – нас не одолеть

В ночь на 14 октября на всем фронте армии было необычно тихо. Почти прекратился постоянный методический обстрел, редко доносились пулеметные и автоматные очереди. Даже осветительных ракет немцы пускали мало. Такой темной и тихой ночи в Сталинграде не было давно. Это не сулило ничего доброго …

Ранним утром тишину оборвал рев моторов и грохот разрывов, немцы начали авиационную и артиллерийскую подготовку. Дымовая мгла гасила разгорающуюся зарю и клубившийся утренний туман с реки. Показались заходящие на бомбежку немецкие самолеты. Неистовый рев бомб, грохот

разрывов оглушали. В стороне Тракторного рушились стены, рухнула высоченная труба, до этого она была только в дырах и выбоинах от осколков. Казалось, что после этого ничего живого не уцелеет. Авиационная и артиллерийская подготовка длилась 2,5 часа. Чувствовалось – день решающий из решающих. Удар наносился широким фронтом на "Тракторный" и "Баррикадный" и между ними. Все дивизии в прошлых боях понесли большие потери. В нашей, 112-й Ермолкина, было менее тысячи человек, гитлеровцы знали о наших потерях и надеялись, что на этот раз, после такой подготовки с воздуха и артиллерией, врубятся в нашу оборону с ходу и сомнут, но это и сейчас не получилось. Первая атака была отбита, хотя ценой неимоверных усилий и снова больших потерь. Немцы потеряли не менее двух десятков танков и много пехоты. Часа через полтора, противник предпринял вторую атаку с еще большим числом танков и пехоты. Как потом выяснилось, превосходство было более чем в 10 раз! Всю эту лавину удержать наши ослабленные части не смогли. Немцы вторглись в боевые порядки правее нас – 37-й дивизии и 109-го полка, и на нашем левом фланге 112-й дивизии.

Там, где прорвались танки, и прошла немецкая пехота, задержать их было просто некому. Позиции наши и уцелевшие группы бойцов оказались в окружении, но продолжали сражаться. На наши очаги сопротивления пикировали снова "юнкерсы", и немцы широко использовали огнеметы.

Остановить гитлеровцев на направлении их главного удара наши части не смогли. Примерно полтора километра утром отделяли неприятеля от ворот Тракторного завода на площади Дзержинского, но нацеленная туда группа танков не преодолела это и к полудню. Самолеты продолжали "долбить" и, как потом оказалось, было сброшено до десяти тысяч крупных фугасок.

Когда ветер относил дым, видны были разрушенные корпуса СТЗ. Вокруг и в цехах завода шел бой. К исходу дня, продвигаясь по территории завода и южнее его, немцы достигли нижних береговых террас. Наша полоса обороны оказалась рассеченной. Северная группа войск была отсечена от ядра армии. Штаб 112-й дивизии находился рядом с цехами СТЗ, выводя его, геройски погиб заместитель командира

дивизии подполковник Н.И. Годлевский. Продолжать наступление ночью противник не пытался. А мы приводили себя в порядок, организовывали отправку раненых, которых на правом берегу была не одна тысяча человек.

Северная группа имела до этого надежную связь с левым берегом через остров Зайцевский. С островом был пешеходный мостик на бочках и якорях. 15-го октября было не ясно, удастся ли закрепиться на новом рубеже. Нас враг оттеснял к Мокрой Мечетке, продолжая, хоть и не везде, продвигаться к заводу "Баррикадный", южнее Тракторного. Там были закопаны на прямую наводку танки "Т-34", которые задержали продвижение противника. Как мы позже узнали, прибыла свежая дивизия 139-я Н.И. Людникова, которая переправляется с левого берега Волги. Как оказалось, враг ворвался и в пределы завода "Баррикадный", помешать этому не хватало сил. У врага уже тоже не хватило сил идти напролом и овладеть заводом. Наступил кризис их "генерального штурма".

У нас осложнилось дело со снабжением войск: плавучий мостик через протоку Денежная Воложка, оказавшийся под перекрестным огнем и сверху по течению, и снизу по течению – вышел из строя.

Грузы от острова начали перевозить на лодках. 19 октября всем нам было прочитано прибывшим из штаба порученцем обращение генерал-полковника А.Н. Еременко: "Товарищам красноармейцам и командирам Сталинградского фронта".

В обращении было сказано: "Наши доблестные войска, защищающие Сталинград, сбили спесь фашистским мерзавцам, сорвали их планы захвата Сталинграда".

Пять - шесть дней, с 14 по 18 октября, явились как бы вершиной Сталинградской битвы. Фашистское наступление помогло сорвать многое. Однако главным оставалась стойкость и боевое упорство пехоты. Это и определило, в еще большей степени, чем когда бы то ни было прежде, исход боев. Нужно было удержаться там, где стоишь, или погибнуть.

Осеннее купание в Мокрой Мечетке

После ожесточенных боев, устроенных нам немцами, их - "генерального штурма", наша группа - "взвод" в 11 человек, занимала оборону в траншее недалеко от речки Мокрая

Мечетка маскируясь в редких кустарниках, уже почти без листвы. Речки Сухая и Мокрая Мечетка, маловодны. Сухая летом бывает безводной вообще. Но осень - шли октябрьские дожди, утром земля покрывается инеем. Заморозки ночью, на воде то и дело ледок. Моросило и в этот день.

Мокрая Мечетка от дождей стала водной преградой. Немцы продолжали давить нашу северную отсеченную группу, где мы оказались. После ожесточенной перестрелки, немцы обстреляли нас ураганным огнем минометов. Они имели численное превосходство, а нам поддержки ждать было неоткуда. Старший сержант Спиваков, старший нашей группы, приказал, чтобы не стать окруженной группой и не быть отрезанными от батальона, перейти речку, спасти пулеметы и противотанковое ружье. Выбирать место, где мельче, и идти с ружьем и пулеметами вброд. Глубина оказалась где-то по грудь, где и выше. После срочной такой переправы мы оказались до нитки мокрые. Немцы купаться не захотели, прицельно стрелять уже не могли - мешали кусты, и уже темнело. Стреляли только на любой шорох наугад.

Начали раздеваться и выжимать одежду. Высушить одежду в этих условиях невозможно. Одного красноармейца ранило уже во время "отхода" с позиции. Перевязывая его, собрав все индивидуальные пакеты, обнаружили, что ранение слепое и серьезное, в грудь. Отправить его сразу не удалось, и все мы промокли. Стали замерзать от холода во влажной одежде. Начались поиски сухой одежды. У 10 человек оказалось только 3 сухих шинели и 2 плащ-палатки. Нашли убитых, сняли еще 2 шинели. И вот на этих шинелях, прикрываясь тоже шинелями и плащ палатками, всю ночь крутились, согревая друг друга. Спиваков отправил Женю Шматова в батальон с донесением и просьбой прислать санитара. Наш раненый Миша Зеньков стал бредить, его знобило от потери крови еще больше, чем нас. К утру, когда уже стало светать, вернулся Женя Шматов, сухой переодетый с хлебом и красноармейцем, притащившим нам термос с кашей и 2 шинели. Наш Миша Зеньков умер. Он терял сознание периодически, просил сообщить домой, и умер уже без сознания, не приходя в себя.

Вскоре на новую позицию нам прислали замену. А от такой водной процедуры у меня появились фурункулы, очень болезненные и довольно долго меня беспокоившие.

Мы отрезаны от 62-й армии

Отрезанная группа при защите СТЗ стойко продолжала обороняться. Возглавлял ее командир 124-й стрелковой бригады полковник С.Ф. Горохов. С 3-х сторон прижатая к Волге противником свыше месяца продолжала обороняться. Особенно ожесточенные бои происходили в районе поселка Рынок севернее завода СТЗ. Противник предпринял здесь 5 ожесточенных атак, но все они были отбиты.

Так описывает этот бой автор истории 14-й танковой немецкой дивизии Р. Грамс:

"Это была жуткая, изнуряющая борьба на земле и под землей, в развалинах и подвалах, в канавах большого города и его индустриальных кварталов …

Танки карабкались через горы мусора и обломков, скрежеща пробирались через чудовищно разрушенные заводские цеха, стреляли с ближних дистанций вдоль заваленных улиц и тесных заводских дворов. Иной бронированный колосс вдруг сотрясался и разрывался на части под грохот детонирующей вражеской мины. Но все это еще можно вынести. Дальше же был глубокий, как бездонное ущелье, круто обрывающийся к реке волжский берег, здесь разгорались самые ожесточенные схватки. Если немцам удавалось захватить край волжского берега, то ночью у них на флангах и в тылу из всех щелей и трещин земли появлялись советские воины. И все, что было завоевано вечером в жаркой борьбе, к утру оказывалось снова потерянным. А на противоположном низменном лесистом берегу реки нельзя было увидеть врага, незримы были там его батареи, его пехота, он был там, он вел оттуда артиллерийский огонь. Каждую ночь, сотни его лодок перевозили подкрепления через широкий поток и руины Сталинграда, и все начиналось сначала: ураганный огонь, пикирующие бомбардировщики, дым и чад, часами заслонявшие солнце. Но положение почти не изменялось, а боеспособность войск таяла, как масло на солнце".

В ходе первых атак немецкие танки с пехотой прорвались в поселок Рынок и заняли часть его, но к исходу дня враг был уничтожен контратаковавшими советскими подразделениями. За два дня боев группа Горохова уничтожила более 2-х тысяч вражеских солдат и офицеров.

Фашистская авиация все так же массированно действовала, и от бомбежек с воздуха было больше всего потерь. Об ожесточенности боев 23-24 октября, и чего нам стоило сдерживать натиск противника, дает представление такая цифра. За эти дни было эвакуировано на левый берег 1894 раненых. Это не все раненые, часть оставалась в убежищах на нашем берегу. Транспортировка стольких раненых через территорию берега и Волги, непрерывно обстреливаемую и всю ночь освещаемую ракетами, была делом не простым. Бойцы переносили тяжелораненых на плащ-палатках и носилках. Перевозили, главным образом, небольшие речные пароходы. Счастливым считался пароходик "Ласточка", который с 18 по 25 октября благополучно вывез больше тысячи раненых.

Я пишу об этом потому, что помогал в их отправке, так как приказом от 20 октября была выведена в резерв фронта 112-я стрелковая дивизия Н.Е. Ермолкина. За Волгу убыли фактически одни штабы и совсем немного строевых командиров. Небольшая оставшаяся в живых группа бойцов была передана в другие подразделения. В этот период впервые удалось помыться в настоящей бане, после многомесячной "бани", созданной фашистами.

Я на Донском фронте

Перед наступлением настоящей зимы на Волге уже давно появились ледяные закраины, по реке шел лед-«сало». Штаб 112-й стрелковой дивизии был отправлен на переформирование дивизии за Волгу. Небольшая группа красноармейцев оставшаяся от дивизии в строю вместе с группой вернувшихся после излечения была посажена в кузова автомашин и отправлена на северо-запад. Более чем полгода я ходил только пешком и вдруг оказался на транспорте, да еще без какого-либо пулемета.

Высадили нас в степи. Я с горсткой ополчан-сталинградцев оказался в 120-й дивизии, в пулеметном взводе

2-й роты 538-го стрелкового полка. Эта дивизия входила теперь в состав вновь созданного Донского фронта. Командующим фронтом был К.К. Рокоссовский. Подразделения были далеко неполного состава. До этого 120-я дивизия в составе 24-й армии пыталась соединиться с 62-й армией в помощь Сталинграду, но безуспешно. Старые солдаты доказывали, что с приходом нового командующего К.К. Рокоссовского обязательно начнется наступление, и вера в это скорое наступление как бы витала в воздухе.

А оказался я совсем недалеко от тех мест, где отбивались летом от наступавших фашистов – в междуречье Волги и Дона, только несколько севернее. Ноябрь нигде не радует погодой. В степи дули холодные ветры, часто моросил дождик. Утром почти постоянно был туман. Дождь периодически переходил в снежную пургу. Выдали нам теплое белье, фланелевые портянки, фуфайки, зимние шапки и подшлемники. Стало поуютней, но постоянно мерзли ноги – валенки только обещали.

Мы прибыли после перемещения полка на новые позиции. Хлопоты с оборудованием позиций и обустройством для ночевок продолжались ежедневно. Но в метрах 300-400 были немецкие позиции, хорошо укрепленные еще почти с летнего времени. Оттуда постоянно постреливали, причем - прицельно. Немецкие позиции господствовали над местностью. Ночью у нас было поставлено усиленное дежурство, а у пулеметных точек – круглосуточно. Немецкая разведка как-то выкрала нашего красноармейца, и на постах после этого дежурили по двое. А затишье было недолгим.

Наше наступление

В ночь с 18 на 19 ноября был зачитан приказ о наступлении. 19 ноября было туманное утро. Артподготовка была начата позже назначенного времени. Длилась она 80 минут, велась в десятке километров от нас, и участвовало в ней три с половиной тысячи стволов. Погода была нелетной и авиация не участвовала в начале наступления. Никто из нас и представить себе не мог, какое грандиозное наше наступление развернется между Волгой и Доном, все это мы узнали гораздо позже.

А сейчас после утреннего тумана пошел снег, и нам по сигналу ракеты было приказано наступать. Как я уже упоминал, оборона противника господствовала над местностью. И она была многорядной, глубоко эшелонированной. После «обработки» переднего края залпами «катюш» мы двинулись вперед. Хотя «катюши» хорошо поработали, из-за снега и тумана не все огневые точки удалось подавить. И наша атакующая линия была встречена очень плотным огнем. С потерями, но все же линия обороны врага была захвачена. Уступив первые траншеи, они не позволили нам углубиться, и на второй линии мы «застряли». Порыв атаки захлебнулся, да еще быстро стемнело, и видимость стала еще хуже. Начали укрепляться на занятых позициях в бывшей вражеской траншее. Здесь были два блиндажа, очень хорошо оборудованные. Не обошлось без ЧП. Несколько красноармейцев подорвалось на минах. На бывших немецких позициях и в блиндажах, землянках было расставлено немало мин. Землянки и блиндажи были хорошо врыты в уступы оврагов с многослойными накатами из бревен. Стены обшиты досками (немцы все это привозили из занятых ими селений). В блиндажах была и сельская мебель, городские кресла. А складные кровати и печки немцы привозили с собой, у них была такая служба. Красноармейцы, разглядывая печку и пытаясь ее растопить, подорвались на подложенной под нее мине. Мина была очень тщательно замаскирована. Двое красноармейцев были ранены, один убит. С Петром Красильниковым из-под города Горького я недавно только познакомился - земляки, волгари. И вот он убит при взрыве мины. Стемнело, выставили караулы. Стали чинить землянку – дверь вышибло взрывом. Оборудовали позиции для наших «максимов». Все надо было переустраивать на 180 градусов – в другом направлении, чем было у фашистов. Немцы били по своей бывшей первой линии обороны, хоть и не видно было ничего, но у них было все пристрелено, и их огонь был результативным.

Наше подразделение 538-го полка, как и дивизия в целом, мало продвинулось вперед. На этом направлении оборона немецкая была очень укрепленной. В прилегающих оврагах у них были долговременные огневые позиции для шестиствольных минометов, крупнокалиберных пулеметов и

орудий. Наше командование атаки остановило и ждало, видимо, более серьезную поддержку пехоте. Здесь, на этом участке немцы использовали наши укрепления, сделанные еще трудящимися Сталинградской области и города Сталинграда летом 1942 года, перед приближением фашистов к Сталинграду. Они их переоборудовали, усовершенствовали, используя стальные колпаки для дотов, изготовленные сталинградцами. Такие укрепления можно брать только с артиллерией и танками. В этот период нашего наступления было создано много танковых бригад. Не помню номера танковой бригады, но она нам очень помогла прорвать, наконец, следующие линии обороны немцев. На танки Т-34 посадили роту автоматчиков, и после танковых залпов в упор с ближних дистанций, наши автоматчики закрепились, а наши батальоны очистили от неприятеля и следующие линии обороны. Упорное сопротивление было постепенно сломлено и на этом участке. А в двадцатых числах ноября неприятельская группировка была взята в кольцо и соседняя армия генерала Жадова, как нам рассказал комиссар, соединилась с северной группой 62-й армии. С той самой группой Горохова, ранее отрезанной от 62-й армии, где в октябре месяце был и я, в составе 112-й стрелковой дивизии.

24 ноября началась ликвидация окруженной группировки. Наиболее упорное сопротивление войскам нашей, 24-й армии генерала И.В. Галанина, враг оказал в районе Песковатки и Вертячий. На этом направлении наши подразделения несли большие потери. Особенно упорные бои были в Иловлинском районе. Немцы здесь очень хорошо закрепились. Оборона населенных пунктов была круговой. Для прямой атаки у нас не хватало сил, а местность была довольно ровной, трудно было укрыть огневые точки. На ровной местности они становились мишенями, особенно для снайперов.

Мое тяжелое ранение

2 декабря, сменив позицию, мы не успели окопаться, земля была мерзлой, и было светло. Нас на снегу было хорошо видно, хоть мы и пытались пулемет прикрыть рваным маскхалатом. Саша Савинов, лежавший за первого номера, Алексей Логинов и я обсуждали, как поступить дальше. Вся наша рота была несколько сзади, левее нас. Ни от комбата, ни

от ротного никаких распоряжений уже давно не поступало. Разговаривая с Сашей, я внимательно смотрел вперед. Бинокля у нас не было, но мы вдали видели движение противника. Саша вдруг затих и не отвечает.... Посмотрев на него, я увидел на его лбу струйку крови. Пуля через прорезь щитка пулемета попала ему прямо в лоб. Повернув его на бок, мы поняли, что он уже мертв. Наш Саша беззвучно умер, так и не выпустив из рук ручек пулемета.

Послышалась команда, что справа пойдут танки и пехота. «Передовые будьте внимательны. Поддержите огнем по сигналу!» - был отдан приказ.

Не зная, что делать с Сашей, мы, отодвинув его тело, стали готовиться выполнить команду. Я собрал и приготовил все пулеметные ленты, Алексей лег за прицел. Но, видимо, нашей большой ошибкой было то, что не переместились с позиции, а она было лучшей на этом участке для поддержки пехоты. Немецкий же стрелок – снайпер продолжал держать нас на мушке. Сместившись чуть влево от щитка, я оказался открыт. Внезапно меня ударило по плечу как будто дубиной, сильнее, чем отдача от выстрела из противотанкового ружья. Я ощутил теплую струйку, потекшую по плечу и под левой подмышкой. А рука сразу онемела, и я не мог ей ни двинуть, ни шевельнуть. «Алеша, меня ранило в плечо!» - сказал я Логинову Он, расстегнув шинель и гимнастерку, увидел пятно крови. Разорвав рубашку и достав пакеты – мой и свой, начал перевязывать. Пуля попала левее ключицы и правее сустава плеча. Кровь текла и спереди, и сзади, пуля вышла насквозь. Перевязывать это место сложно, и он, перетянув по возможности рану, сказал: «Хорошо, что не разрывная. Давай, шагай в тыл, а то истечешь кровью». Поднявшись в рост, я пошел в сторону от боя туда, где по моему предположению должен был быть санбат. Стало темнеть, бой разгорелся, пули свистели над головой и рядом, а я брел наугад по снежной целине. Случайно встретил бойца, не то связного, не то связиста. Я спросил про санбат, тот махнул рукой в его направлении и пошел дальше. Сколько я брел плохо помню, только стал слабеть, хотелось прилечь. Но увидел вдали слабо мерцающий огонек. Побрел дальше и оказался у оврага, где увидел большие палатки и выскочившую из палатки фигуру в юбке с ведром. Она, увидев меня, качающегося от усталости,

махнула рукой на вход. Добредя до входа, я рухнул на землю. Очнулся, когда меня раздевали. Гимнастерка и фланелевая рубаха были почти полностью мокрые от крови, сухими были только правые рукава. Я качался от слабости, в глазах темнело. При перевязке услышал фразу: «Этот отвоевался». Очнулся я уже лежащим на досках. На мне оказалась сухая гимнастерка, чужая, старая, рыжая. Рука была подвешена на шею. Я сунулся в карманы. В нагрудных карманах было пусто. Стал говорить сестре про документы. Она заявила, что в этой кровавой куче одежды ей искать некогда. Сам я это сделать был не в силах. Палатка была набита ранеными. Лежали на дощатых настилах, на топчанах рядами. Со мной рядом оказался знакомый по военному училищу Миша Корнилов – москвич. Он все время просил пить. Я его запомнил еще в училище – он лучше всех играл в футбол. Не допросившись воды, он пытался вставать, ходить. Уже рассвело. Невдалеке я увидел нашего раненого комбата. Помню, он был бывший учитель, фамилию вот только никак не могу припомнить. Он меня тоже узнал: «А, и ты здесь, пулеметчик». Оказалось, что сосед мой, Корнилов – москвич, ночью умер. Сказали, что от столбняка. Я всё стал вспоминать, делали ли мне противостолбнячный укол или нет? Не вспомнил…

На следующие сутки к вечеру нас погрузили на сани. Меня вели, поддерживая. Накрыли брезентом. Не помню, сколько мы ехали. Видимо дремал. Помню только, замерзли ноги. Лошади остановились у длинного сарая, крытого соломой, похоже, бывшего овощехранилища. Большой вход – ворота имели калитку. Все длинное помещение было занято лежащими на соломе ранеными. Мало кто вставал. В середине сарая горела печка - буржуйка, сооруженная из бочки из-под горючего. На печке стоял чайник. Печка докрасна раскалена. Перед печкой сидела девушка в белом халате и в фуфайке. Было довольно холодно, но, видимо от слабости, я снова заснул, как только прилег. Проснулся от раны, она сильно чесалась. В этом помещении, помню, была у меня перевязка. На бинтах и вокруг раны шевелились вши, они наползли под бинты из соломы, на которой мы лежали. И не только под бинтами, их оказалось много всюду, на всей одежде. Особенно много их оказалось на шерстяном подшлемнике, который уцелел у меня вместе с шапкой и шинелью. Пробыли мы здесь

несколько дней. Здесь я снова пожалел о полевой сумке, оставшейся на поле боя. Там у меня остались фотографии домашних, бумага, карандаш, кисточка и блокнот с несколькими рисунками. В Сталинграде было не до рисования. Пришлось напрочь забыть об этом. Сейчас как бы это пригодилось, хотя левая рука совершенно была не моя. Хорошо хоть перед отправкой в карман гимнастерки положили справку о ранении, а то я, совсем непонятно кто и откуда, без документов. Попросил у лежащих ребят листочек бумаги и карандаш и из этого помещения – овощехранилища отправил письмо – треугольник, что жив и ранен в плечо.

Как я узнал позднее уже в госпитале 3149 в г. Перми (г. Молотов) из писем мамы, дома получили мое первое письмо - треугольник о ранении. Но вскоре домой пришло извещение о том, что красноармеец Маркин Н.А. погиб смертью храбрых и похоронен на братском кладбище близ села Паншино Иловлинского района Сталинградской области. И теперь моя мама не знала, чему и верить. Моему письму или этой казенной с печатью «похоронке». Только следующее мое письмо из госпиталя развеяло сомнения мамы и как-то успокоило моих близких.

Снова едем поездом на восток

Из овощехранилища, приспособленного для раненых, нас, погрузив на подводы, повезли на станцию. Не помню, сколько ехали, но оказались мы в городе Энгельсе, на левом берегу Волги. Разместили в каком-то большом зале недалеко от станции. В помещении стояли железные кровати с матрацами и одеялами. Видимо, какой-то пересыльный пункт. Здесь нас посетили местные жители – работницы какой-то фабрики. Расспрашивали о своих знакомых, принесли бумагу и карандаши. Тем, кто не мог сам, написали под диктовку письма. Ближе к ночи нас отправили на вокзал, где стоял санитарный поезд. Он был почти загружен, и нас уже как бы подбирали. В вагонах было много тяжелораненых с костылями, были и лежачие, были с ранениями в голову. Здесь я, наконец, оказался на чистой постели, снова в тепле. После принесенного ужина уснул как убитый. Никто точно не знал, куда идет поезд, но ходячие быстро все узнали. Поезд шел на северо-восток.

Иногда на больших станциях группу раненых сгружали. Поезд следовал по Татарстану и дальше. Большую партию, и меня тоже, сгрузили в г. Молотов (г. Пермь). Здесь оказались все раненые с повреждением нервов, периферических и центральных. Очень много с черепными ранениями и даже с повреждениями позвоночника. Госпиталь 3149. Попал я в нейрохирургическое отделение на третьем этаже. Располагался госпиталь в бывшем педагогическом институте, почти в центре города. Палаты – бывшие учебные комнаты института, в палатах было по 20 и более коек. Здесь нас переодели в чистое белье, выдали серо-синие халаты с тапочками. После ванны я проспал более 20 часов. Отмылась многомесячная грязь, нас постригли. Но руки мои не отмылись, кисти рук как были, так и остались как будто в перчатках. Оружейное масло въелось в кожу и никакое мыло не могло отмыть смесь оружейного масла и грязи с кистей моих рук, пока не сменился слой кожи на руках. Сделали рентгеновский снимок ранения. Оказалось перебиты лучевой и срединный нерв и задеты верхушки плевры левого легкого. Рука моя продолжала висеть, и пошевелить я мог только мизинцем и чуть-чуть безымянным пальцем. Назначили мне лечебную физкультуру для левой руки. Рана же не заживала и гноилась, затянулось только выходное отверстие пулевого ранения. Молодой врач-ординатор Анохина сказала: «Пока рана не заживет, и Вы не окрепнете, никакой операции не будет!».

Шел уже конец февраля. Из газет и радиопередач я узнал об окончательном разгроме немцев под Сталинградом, пленении Паулюса. Меня очень интересовало, как закончились бои там, где я был в составе 62-й армии. А там, как я прочел в газетных материалах (записал британский корреспондент) было так:

«Северная группировка 6-й армии Паулюса в составе шести дивизий под командованием генерала Штрекера продолжала сражаться и тогда, когда уже был захвачен штаб Паулюса. Чтобы сокрушить последний очаг сопротивления, советское командование в спешном порядке сконцентрировало на участке шириной в полкилометра около 300 полевых орудий и подвергло заводской район жесточайшему обстрелу. Все уцелевшие доты были расстреляны в упор из огнеметов. Танки подползали к немецким укреплениям вплотную и

просто всовывали в амбразуру ствол орудия. После этого огневая точка замирала навсегда. Несколько дней спустя заводской район позволили осмотреть иностранным журналистам. «Каким был рельеф этой местности раньше никто определить не смог».

«Мы то забирались на гору, то спускались в овраг, а кое-где дюжина бомбовых воронок сливалась в огромный кратер. Заводской двор изрыт траншеями, траншеи проходят даже внутри цехов, а на дне канав лежат окоченевшие трупы немецких и русских солдат. Все вокруг усыпано кирпичной крошкой. Тут и там валяются заполненные снегом солдатские каски, тянется путанка колючей проволоки, проглядывают снарядные гильзы. Трудно себе представить, что в этом аду кто-то мог уцелеть. Русские с трудом верили в то, что Сталинградская битва закончилась их победой. Вспоминая погибших товарищей, все тяготы и лишения, солдаты удивлялись, как им самим-то удалось выжить».

«Во время Сталинградской кампании потери Красной Армии составляли один миллион сто тысяч человек, из них пятьсот тысяч убитыми».

В Сталинградской битве, а только в ней я и участвовал, и был тяжело ранен во время окружения 6-й армии Паулюса, я был всего лишь одним из полутора миллионов ее участников, рядовым красноармейцем.

Из этого огромного числа ее участников остается все меньше и меньше с каждым днем. И скоро трудно будет найти ее очевидцев, прошло более полувека. И уже многие не знают, что это такое – Сталинградская битва, хотя о ней слышал и знает весь мир, и о ней много написано.

А Сталинградская битва была переломным моментом в войне с фашистской Германией, и была она вершиной воинского подвига всего советского народа, его силы, мужества, стойкости и непревзойденного героизма. Сталинградская победа – венец военного искусства, выдающаяся победа в истории великих войн.

Я не профессиональный литератор, в своих воспоминаниях я рассказываю о давно происходивших событиях, об этом надо было писать раньше. Но я привлек к своим воспоминаниям и другие воспоминания и на них ссылаюсь местами. Неумело и мало рассказал о подвигах

сталинградцев, ничего не рассказал о самоотверженном труде жителей, об их подвигах, о подвигах женщин, на плечи которых легли все невзгоды войны, ее ужасы и тяготы. Но в течение битвы, в эти 200 дней и ночей, все кто там был, приобрели убеждающую уверенность в своей победе. Уверенность, какая бывает в своем деле у высочайших профессионалов – у знаменитых докторов, старых пожарных, у старых учителей, объясняющих у доски.

В «Красной Звезде» была напечатана передовая статья, посвященная 62-й армии В.И. Чуйкова. Ее я прочел с некоей гордостью, ведь и я был в 62-й армии в составе 112-й стрелковой дивизии. Слушали и читали о введении в Советской армии погон, о звании офицера, как в бывшей царской армии. Красноармейцы стали солдатами, комиссары - заместителями командира. Все это было ново и горячо обсуждалось.

В госпитале была библиотека, и я снова стал читать книги. Медсестра Антонина Гаман принесла мне ученическую акварель и бумагу для рисования. И я, освоившись, стал орудовать одной рукой – рисовать своих соседей по палате. В основном карандашом и в размер открытки, чтобы можно было отправить домой в конверте. После огромного перерыва портреты получались не сразу, но после одного – двух стало получаться удачнее, и ребята, портретируемые, были довольны.

Я более - менее окреп только в июне, и меня оперировали. Операция под наркозом длилась часа два. Вместе с нервами «починили» перебитые кровеносные сосуды. Я еще долго лежал в этом госпитале после операции. Чувствительность руки улучшилась, улучшилось кровообращение, я стал ее приподнимать.

20 августа я был выписан из госпиталя с освобождением от военной службы по ранению и лечением и переосвидетельствованием по месту жительства. С такой справкой я прибыл 25 августа 1943 года домой. В военкомате мне выдали «удостоверение о временном освобождении от воинской обязанности».

Началась моя новая жизнь в тылу и дома:

- Заслуженный художник РСФСР.
- лауреат Государственной премии СССР.

- член Союза художников СССР.
- член Союза кинематографистов СССР.
- инвалид II гр. по ранению.
- пенсионер с 1993 г.

Работал на к/с «Мосфильм» художником-постановщиком художественных фильмов (1955-1993 г.), Проживаю в Москве с 1948 г.

Мои награды:

- ордена: Отечественной войны 1-й степени (№508980); Трудового Красного Знамени (№995246, март 1976 г.); Славы 3-й степени (№590778, март 1948 г.);
- медали: За участие в Сталинградской битве (У-32541); За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 г.; За доблестный труд в ВОВ 1941-1945 г.; Двадцать лет Победы в ВОВ; Тридцать лет Победы; 40 лет Победы; 50 лет Победы; 50 лет Вооруженных Сил; 60 лет Вооруженных Сил; 70 лет Вооруженных Сил; Жукова; 800-летия Москвы; 850-летия Москвы; Ветеран Труда.
- грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР; лауреата Государственной премии СССР (№000495, 1979 г.).

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Кузнецова Ольга Игоревна,*** *студентка гуманитарного факультета Московского института коммунального хозяйства и строительства*

Миронов Василий Юрьевич

А ездовой командовал лошадям на татарском языке

Участник войны, старший лейтенант, командир батареи 45 миллиметровых пушек, Сталинградский фронт. Родился 7 июля 1922 г. в деревне Трилесено, Быховского района, Могилёвсой области.

В 1930 году в Быховском районе создавали колхозы. Отец, Миронов Юрий Васильевич был председателем колхоза. После освобождения от оккупации в Могилёвской области начало восстанавливаться сельское хозяйство.

Я родился, вырос, воспитан при советской власти. В 1939 г. окончил 7 классов семилетней школы, меня направили от колхоза в район на курсы инструкторов по организации проведения спортивной работы ДОСААФ.

В колхозе был организован стрелковый тир, приобретено 10 м/к винтовок, 20 пар лыж. Была создана организация ДОСААФ, Молодёжь – ученики школ из ближайших деревень и взрослые 18-25 лет вступали в ДОСААФ. Организованы были соревнования по стрельбе, лыжам, гранатам (бросок на дальность и попадание в цель). Велась оборонно-спортивная работа. Всё это пригодилось в период войны, особенно, в партизанских отрядах. В апреле 1941 г. я, по вербовке, поехал

на работу на “Шахжилстрой” в Ростовскую область, Белоколитвенского района.

17 сентября 1941 г. я был призван в Красную Армию Белоколитвенским райвоенкоматом Ростовской области. Призывников собралось около 150 человек. Нас повели пешим порядком до ближайшей железнодорожной станции. Шли полями, питались всем, что по пути попадалось: арбузы, дыни, овощи. Шли двое суток. За это время к нам присоединилось свыше 500 человек парней и несколько девушек (без призыва райвоенкоматом), это был настоящий патриотический порыв советских людей, советской молодёжи и я подумал, что с такими патриотами победа обязательно будет за Советским Союзом.

С сентября 1941 г. по март 1942 г. я был курсантом Уфимского общевойскового училища, а в апреле 1942 г. был направлен в г. Уфу в воинскую часть, формировавшую полк для отправки на фронт.

В мае 1942 г. нас погрузили в эшелон, уходящий на фронт. В пути наш эшелон и другие на станции Синельниково бомбили и обстреливали из пулемётов немецкие самолёты.

Выгрузили в степи на станции Донская. Наша батарея вошла в состав 776-го стрелкового полка 214-й стрелковой дивизии 62-й армии. На нашей батарее воевали и русские, и белорусы, и украинцы, и грузины, и татары. У всех у нас была одна Родина и одно стремление её защитить.

Мне шёл 20-й год. Вначале я был робок как командир. В батарее были люди намного старше меня, и это меня смущало. Батарейцев, обслуживающих «сорокопятки», на фронте называли «смертниками» или «прощай Родина». Маленькая пушка выкатывалась на руках и била прямой наводкой по танкам и огневым точкам противника.

В районе безымянной высоты авиация противника активно бомбила наши танки. Разорвавшаяся бомба немцев упала на батарею, и расчёт был погребён под землёй от воронки, и меня тоже засыпало землёй. Спасли уцелевшие солдаты, откопали и, путём искусственного дыхания, привели в сознание. Это было моё первое фронтовое крещение. За шесть месяцев передовой их было не - мало, особенно на Мамаевом кургане. Наши войска двигались к Дону, и вдруг команда: «Занять оборону». Мы остановились в чистом поле

перед опушкой леса. Из леса прямо на нас шёл танк. Мы развернули свои шесть пушек. Танкисты увидели наши пушки, открыли люк башни и развернули машину так, чтобы мы увидели опознавательные знаки. Командир танка подошёл к нам и рассказал, что за лесом стоял наш 3-й батальон, который вёл разведку боем, попал в окружение и был разбит противником.

Из леса вышли пять человек в военной форме, неся на руках раненного мальчишку. Это были разведчики, они мне доложили обстановку - из леса движется колонна немецких автомашин, оборудованных под танки, с фанерными башнями. В машинах находится пехота. Я дал команду: «Подготовиться к бою». Когда фашистские танки-машины вышли из леса на открытое место, полк из всех видов оружия открыл огонь по противнику с нанесением основного удара по опушке, чтобы не дать врагу скрыться в лесу. Залпы гвардейских минометов, артиллерии и стрелкового оружия ударили по скоплению гитлеровцев, и на этом участке все фашистские автомашины были разбиты и горели.

Рядовой Григорий Горев воспользовался случаем и принес с поля боя в нашу батарею 10 автоматов, взятых у убитых немцев. Мы получили задачу, дойти ночью до станицы Нижне-Чирская и занять там оборону. Связь была нарушена и противник, имея превосходство в автомашинах и мотоциклах, опередил нас и занял станицу.

Наши войска остановились в чистом поле, отделенном от станицы глубокой балкой. Справа – река Дон, слева и впереди – противник.

На рассвете противник начал обстреливать наши передовые части из орудий шрапнельными зарядами. Я обратил внимание на то, что дорога, пересекающая балку, была занята немцами со стороны станицы Нижне-Чирская. Мы оказались отрезанными от своих частей. Оставить орудия с четырьмя ящиками снарядов и лошадьми – означало нанести большой урон нашим войскам. Стали советоваться с расчетом и ездовым Сергеем Кировым: какое принять решение, выручил ездовой – сказал: «Командир, есть выход». Лошади выращены мною из жеребят, знают и понимают мою словесную команду и выполняют ее четко. И тогда я дал команду: «Лошадей к орудию!» Всем расчетам вести огонь по

скошенным валкам овса, где залегали немцы. А ездовой скомандовал лошадям на татарском языке: «С места галопом вперед!» И лошади умчались к дороге.

Немцы были уверены, что поймают лошадей и орудие будет их. Четверо немецких солдат поднялись из-за валков и побежали навстречу лошадям, даже не открыв огонь по ним. А наши солдаты, услышав команду лошадям на татарском языке, слева и справа открыли пулеметный, автоматный и винтовочный огонь по противнику. Немцы залегли. Лошади повернули налево, на дорогу, и по новой команде ездового умчались от передовой.

За этими маневрами наблюдали командир полка и начальник штаба полка. Они приказали остановить лошадей. Подойдя к пушке, я встретил их грозные взгляды. Не дожидаясь вопроса, я сказал: «Научились воевать». Полковники ушли.

Началась переправа. Над полями стлался дым: горели скошенные валки. Станица, захваченная противником, стояла на высоком холме, имея широкий обзор. Вражеская артиллерия вела прицельный огонь по переправам, звенья «мессеров» поливали свинцом прижатые к Дону войска. «Остаёшься на берегу до завершения переправы», - приказал мне командир полка.

И вот переправа закончена. Наступила глубокая ночь, и мы уже сами могли переправиться через Дон. Нашли разбитую лодку и плот, переправили пушку и снаряды.

Кони, храпя и фыркая, одолели реку вплавь. Солдаты, не умеющие плавать, держались за гривы и хвосты лошадей. Переправив несколько человек, которые держались за гривы или хвост, лошади возвращались обратно. Это повторялось три раза.

214-ая стрелковая дивизия и другие соединения армии, переправились через Дон, тут же заняли оборону по левому берегу. Противник был остановлен на реке Чир и Дон.

В начале августа с тяжёлыми боями мы отошли в направлении безымянной высоты, там и продержались до сентября. Мамаев курган был последним рубежом, здесь решалась судьба Сталинграда.

11 сентября 1942 года противник перешёл в наступление, укрепив свои войска новыми силами, в том числе самолетами,

переброшенными с других фронтов. 13 сентября 1942 года начались бои непосредственно за город. Нужно было занять рубеж обороны у Мамаева кургана. Мой взвод должен был переправиться через балку и занять оборону на опушке леса. Мы нашли дорогу с отлогими берегами балки. Осмотрев ее и не обнаружив там мин, я решил переправить пушки на руках. Четыре человека из расчета брали пушку за станину и осторожно, след в след катили орудие. Я лег на ствол животом для противовеса станины и, держась руками за щиток орудия, делал обзор дороги, непосредственно под пушкой. Очень осторожно спустились с бугра, и вдруг я увидел между колесами мину. «Стой, мина!» Расчет осторожно опустил станину. След в след вышли на берег. Вызвали саперов. Осмотрев место, они выкатили пушку на берег, отвели нас в укрытие. Взорвали мину (их оказалось здесь 14 штук, соединенных проволокой). Саперы подошли к нам и сказали: «Долго жить будете!»

Немцы бомбили высоту так активно, что на глазах изменялись ее очертания. Смрад, гарь и отсутствие воды затрудняли наше положение. Киркой выкапывали яму в 1,5 метра и более, откуда сочилась глинистая ржавая вода. При питье эта вода покрывала горло и рот глиной с мельчайшими частицами камней.

26-го сентября армия Паулюса перенесла свой главный удар севернее, на Мамаев курган, на заводы и заводские поселки. 26, 27 и 28-го сентября на всем протяжении фронта обороны армии шли ожесточенные бои. По несколько раз улицы или кварталы Сталинграда переходили из рук в руки. Мамаев курган - господствующая над городом высота. В период Сталинградской битвы он был местом самых ожесточенных боев, ключевая позиция обороны города. Мы, защитники Сталинграда, хорошо понимали значение кургана и образно называли его главной высотой России. Здесь давали клятвы: «Ни шагу назад - за Волгой земли для нас нет! Стоять на смерть!»

Почти сто дней и ночей над Мамаевым курганом свирепствовали железные ливни. Фашисты остервенело рвались на высоту, но так и не смогли захватить её полностью.

Почернел, будто обуглился от огня курган. Земля на нём за время боёв густо перемешалась с железными осколками и кровью.

К опасности на войне привыкают, но трудно привыкнуть к увиденному после каждого ожесточённого боя. Эта картина остаётся в памяти на всю жизнь. Множество трупов. Лица живых – землисто-серого цвета, с потёками от холодного пота. Одежда на всех порвана осколками и штыками. Кругом стоны раненых, крики, просьбы: «Сестричка, сестричка милая, помоги! Хочу пить, хочу пить! Воды, воды…»

Хрупкая медсестра, ещё совсем девочка, подползает к раненному бойцу со словами: Милый мой, дорогой мой, потерпи минутку, я сейчас тебе помогу. И тащит с поля боя на плащ-палатках раненных, одного за другим, - а вес раненного порой вдвое превышает её собственный. После непосильного труда эта милая, хрупкая девочка жалуется на боль в животе и спине. А болеть-то некогда, снова раненые.

30 ноября в моей батарее осталась одна пушка и в живых я да ездовой Сергей Киров. Мне было приказано охранять балку, чтобы не дать танкам вырваться на передовые рубежи. Завязывались рукопашные схватки. Вдвоём мы продолжали сражение. Сергей подавал снаряды, а я вёл огонь. Прилетевшая болванка буквально оторвала ноги ездовому. Я успел перевязать ему раны и продолжал стрелять по цели, указанной командиром полка. Немцы засекли пушку. Первый снаряд пролетел мимо, второй разорвался спереди у щита орудия. Я получил тринадцать осколков, три из них, как память о войне, нашу до сих пор в своём теле. С поля боя меня вынес ординарец командира полка. Он погрузил меня на телегу с другими тяжело раненными бойцами и отвёз в ближайший полевой медсанбат. Потом раненых погрузили в эшелон и повезли в Сызрань, в военный госпиталь.

В госпитале на мне разрезали верхнюю одежду и валенки, так как у меня образовался столбняк, и всё тело распухло. Не позволяли снять одежду без разрезов и осколки. В Сызрани я пролежал две недели, затем был отправлен на Урал: в поезде мне стало совсем плохо. Врачи поняли, что я от столбняка в дороге могу умереть, сняли меня с поезда под Куйбышевым на станции Неприк, и отвезли в военный госпиталь. Там я пролежал до мая 1943 г. Требовалось стационарное лечение, и

меня перевели в Куйбышев. После выздоровления я был направлен для дальнейшего прохождения военной службы в Комендатуру комиссара обороны СССР. После победы работал на заводе «Каучук» в Москве и в главном архивном управлении СССР. Как воин- защитник отечества я постоянно участвую в организации ветеранского движения. Большую и активную работу веду в советах ветеранов, первичных ветеранских организациях и в школах, занимаясь патриотическим воспитанием молодёжи. В настоящее время являюсь представителем ревизионной комиссии совета ветеранов Юго-Западного административного округа Москвы.

Прошло 65 лет со дня Победы в Великой Отечественной Войне, но я и сегодня помню и никогда не забуду – патриотизм советских воинов, стоявших на огненных рубежах, и самоотверженность работников тыла, отдавших все силы, здоровье на благо любимой Родины.

Но вот что обидно: сегодня участники войны, ветераны, инвалиды не чувствуют должного внимания со стороны правительства и отдельных людей, включая учителей, преподающих историю Великой Отечественной войны в школах по учебникам, правду об этой войне не отражающим.

Я за боевые действия на фронте награждён Орденом Отечественной войны первой степени, орденом Красной Звезды и 18 медалями.

65 лет назад над нами пронеслось это страшное слово война, поделившее жизни на до войны и после войны. Время, в которое мы живём, необычно. Необычно тем, что в нём объединились судьбы молодых, не знающих, что такое война и тех, для кого их юность и молодость прошли в военное время. Жизнь показывает, что самой благородной прослойкой нашего общества являются ветераны войны и труда. Не избалованные материальным благополучием, они бывают рады элементарной заботе, проявляемой о них на склоне лет, когда, старые и больные, вынужденные доживать свой безрадостный век в непривычных для них условиях.

Прошло 65 лет. Для поездки в Сталинград (Волгоград), был включен в группу школьников 1100 и 611 школ. Учеников было 30 человек, учителей, сопровождающих - 4. Группа проехала по всем местам бывших сражений и по самому городу. Я посетил монумент “Мать, Родина зовёт” и музей

боевой Славы – панорама. Чтоб подняться к монументу мне пришлось преодолеть высоту более 120 м, поднявшись более чем на 220 ступенек. Я преодолел этот подъём в возрасте 85 лет. Поднялся я на эту высоту, фактически не заметив её, охваченный воспоминаниями 1942 года. Воспоминания о годах войны взволновали меня.

После поездки был приготовлен школьный фотоальбом и стенды боевой славы.

Декабрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Костырин Дмитрий Александрович

и

Кухаренко Максим Юрьевич,

студенты 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)

Миронович Иван Николаевич

Ждал, когда же высадятся фашистские десантники

Я родился 29 апреля 1926 года в городе Винница. Украинец. Православный. Беспартийный. Отец мой был чекистом и погиб по неизвестным причинам в годы репрессий.

Перед войной я два года учился в военно-музыкальной школе. Эта школа находилась в Москве, на Крымской площади. Мне тогда было всего 15 лет. В июне 1941 года учащиеся школы готовились к отправлению в летний лагерь. И вдруг война. О войне я услышал, как и многие, по радио 22 июня 1941 года в школе. И там же в школе сформировалось наше соединение под командованием командира дивизии подполковника Полковникова. И всех ребят, ещё совсем юных срочно отправили в Харьков в Харьковское пехотное училище, а затем, в октябре 1941 года, нас перебросили на оборону Москвы. Там было очень тяжело, как, впрочем, и везде, где находились немцы и шли бои. Я был ещё почти ребёнком, но чувство долга и мести одолевали меня с первого мгновения, когда я узнал о войне. Для каждого человека тогда было важно только одно – надо идти и защищать Родину.

Осенью 1941 года нас передислоцировали в район Клязьмы под Москвой. Мы рыли окопы, охраняли аэродром. Немцы приближались очень быстро к Москве. Впервые я

увидел немцев очень близко, когда высадились первые фашистские десантники на подступах к Москве. Мы брали десантников в плен или убивали на месте. Присягу я не принимал, потому что мне не было ещё 18 лет. Таким образом, я из воспитанника музыкальной школы, где играл на валторне, превратился в красноармейца. И вместо музыкального инструмента у меня в руках оказалась винтовка.

Шла осень 1941 года. Нас перебрасывали с места на место на грузовиках (полуторки, трёхтонки) по близлежащим от Москвы населённым пунктам. Целыми днями и ночами я сидел в траншеях, окопах и ждал, когда же высадятся фашистские десантники. Так продолжались долгие 3 месяца (октябрь, ноябрь, декабрь), которые я провёл в прифронтовой зоне Западного фронта Москвы, защищая нашу столицу от фашистских варваров. Я выдержал и увидел самое главное. 5-7 декабря произошло величайшее событие в истории нашей страны. В эти дни произошла остановка фашистов на подступах к Москве. Они не смогли пойти дальше своим решительным натиском. Советские люди им дали понять, что дальше они их уже не пустят. После событий под Москвой в конце декабря военно-музыкальную школу эвакуировали в Узбекистан, в Наманган. Оттуда я опять попал в Харьковское военное училище и там же служил.

Боевой путь проходил через Украину, город Чугуев. Очень тяжёлая была оборона. Много людей тогда там погибло. Сколько смертей, человеческого горя и ненависти увидел я там и не только там, а везде и раньше, и после на своём пути. Затем был Северный Донецк, оборона Харькова. 23 августа 1943 года освободили Харьков. Затем в составе Белорусского фронта, который дошёл до Берлина, я дошёл до Варшавы. Под Варшавой (местечко называется Черемха) я был контужен в голову в 1944 году. В госпиталь не попал. После контузии меня посадили в санитарный поезд. Так я добрался до Харькова. От дальнейшего прохождения службы в войсках, которые вели военные действия, был освобождён из-за контузии головы. Меня демобилизовали в конце 1944 года. Войну закончил в Харькове. Там же встречал День Победы.

Всю войну прошёл от воспитанника до красноармейца рядовым в пехоте.

Самый запоминающийся эпизод войны был под Москвой,

когда наступил прорыв, и нас усилили танковыми дивизиями. Фашисты тем временем перешли канал Москва-Волга-Москва. В этот момент командовать фронтом под Москвой назначили Жукова. Он тут же и командовал, и решал судьбу Москвы. У меня ни в первые дни войны, ни потом не было чувства страха, было только одно в голове – не пропустить немцев, как можно больше их убить, остановить любыми возможными силами. На Москву были брошены огромные силы фашистов: танки, самолёты, пехота. Стреляли и бомбили постоянно. Пикирующие бомбардировщики немцев совсем обнаглели и летали очень низко, метрах в 30-50 над землёй и вели постоянный прицельный огонь по всему движущемуся и недвижимому. Я в тот момент на всю жизнь запомнил лицо одного из фашистских лётчиков – это было так близко, что казалось, мы смотрели друг другу в глаза. У лётчика зубы "трещали" от удовольствия, и глаза он таращил, чтобы что-то не пропустить – всё уничтожить. Казалось, что это не человек, а какое-то дикое, непонятное чудовище в образе человека, и только чистая случайность уберегла меня тогда от смерти, пули прошли рядом.

Немцы летали не только ночью, но часто и днём. Они ничего не боялись, потому что считали себя не только хорошо вооружёнными, но и сильными духом в тот момент. Фашисты думали, что выше немецкой расы не может стоять никто на Земле, а все остальные – нелюди, недочеловеки.

Я прошёл войну простым солдатом - был сначала воспитанником, затем красноармейцем, сигналистом, посыльным, разведчиком. Но именно этим людям и досталось самое тяжёлое, самое страшное, что может быть на войне.

За свои боевые заслуги я награждён медалями: за боевые заслуги, за оборону Москвы, за оборону Харькова, за победу над фашистами, 50-летия победы; орденами: Отечественной войны II степени, Красной Звезды и др. Их вручали в училище, войсковых частях прямо на фронте, в Москве. Ордена вручал командир части подполковник Шумейко.

В апреле 1945 года стали сокращать войска. Харьковское пехотное и Сталинградское танковое училища объединили в одно Харьковское, а затем Харьковское объединили с Киевским училищем, и меня направили в Киев работать военным музыкантом. В 1951 году я окончил Высшее училище

военных дирижёров и стал военным дирижёром Москвы. В настоящее время я состою в должности подполковника запаса.

На войне я потерял своего дядю (маминого брата). А другой мой дядя (тоже мамин брат по фамилии Савчук) был шофёром командующего фронта и дошёл до Берлина, до Рейхстага.

Ноябрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Медведев Герман Вадимович****, студент 2-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Михкалёв Виктор Михайлович

Все сто двадцать восемь ракетных снарядов обрушились на атакующих фашистов

Я родился 29 марта 1923 года в городе Ногинске Московской области. Детство прошло в Москве. Русский, атеист. В 1943 г. на фронте вступил в Коммунистическую партию.

До войны окончил в 1938 году школу-семилетку, а затем три года учился в средней специальной артиллерийской школе до июня 1941 года. Окончил ее с отличием и поступил в 1-е московское артиллерийское училище им Красина.

Через два дня после поступления в училище грянула Великая Отечественная война. Я встретил ее курсантом 4-го дивизиона этого училища. Лето и осень 1941 года училище оставалось в Москве, подвергавшейся бомбардировкам фашистских самолетов. В ходе боевого дежурства участвовал в тушении пожаров, патрульной службе, вылавливании диверсантов, охране военных объектов.

В октябре 1941 года училище было эвакуировано на Урал в город Миасс, где я его и закончил в марте 1942 г. Среди немногих выпускников мне было сразу присвоено звание лейтенанта.

После окончания училища был направлен в формировавшийся в Москве 74-й Гвардейский минометный полк («катюши») начальником разведки 351-го дивизиона. В

этой должности участвовал в боях в Калужской области, начиная с июня 1942 года. В августе 1942 года был ранен в голову. После окончания лечения был направлен командующим Гвардейскими минометными частями западного фронта генералом Ниловским в 307-й гвардейский минометный полк на должность командира батареи. В составе этого полка служил до конца войны.

Боевой путь полка, входившего сначала в состав Северо-Западного, а затем Западного фронта, 2-го Белорусского и 3-го Белорусского фронтов, проходил через населенные пункты: город Старая Русса (зима 1943), город Спас-Деменск (весна 1943), город Ельня (лето 1943), город Рославль (осень 1943), село Ленино (осень 1943), город Витебск (зима 1943), город Могилев (весна 1944), город Минск (лето 1944), город Вильнюс (лето 1944), город Каунас (осень 1944), город Алитус (осень 1944), город Шталлупенен (зима 1945), город Хайлигенбайль (весна 1945), город Кенигсберг (апрель 1945), город Пиллау (апрель 1945).

Летом 1945, полк был переброшен на Дальний Восток в поселок Гродеково и вошел в состав 1-го Дальневосточного фронта. В августе 1945 полк участвовал в краткосрочной войне с гитлеровской союзницей – Японией. 9 августа была перейдена граница Манчжурии, оккупированной японцами. Полк принял участие в освобождении городов Мулин и Муданьцзян. На этом закончились его боевые действия. Я к окончанию этой войны имел воинское звание «гвардии капитан» и должность командира 3-го дивизиона. Нашим полком в боях с Японией командовал гвардии полковник Середняк Ф.Я.

Два года после окончания войны я продолжал службу в армии на Дальнем Востоке в Уссурийской тайге, сначала (1945-1946 гг.) начальником полковой школы сержантского состава в своем 307-м гвардейском полку, пока его не расформировали, затем в 1946-1947 гг. служил во 2-м гвардейском минометном полку в той же должности.

Демобилизован по собственной просьбе. Отбыл с Дальнего Востока из деревни Антоновка в мае 1947 года.

Вернулся к родителям в Москву. Поступил учиться в Московский государственный университет им. Ломоносова на философский факультет. Принят был без вступительных

экзаменов постольку, поскольку среднюю школу перед войной закончил с отличием.

Позади была война, тяжелая, нервная, напряженная, потребовавшая расходования огромного количества жизненных сил. Особенно запомнились некоторые эпизоды войны. Остановлюсь коротко на двух.

Курская битва

Летом 1943 года мы участвовали в наступлении севернее Курска. Шли многодневные тяжелые бои. Обе воюющие стороны были на пределе напряжения. Вдруг, в какой-то момент бои затихают. Мой командир дивизиона, гвардии майор А.И. Пакин, предложил мне заменить его на какое-то время на наблюдательном пункте. В силу большого напряжения боев ему было необходимо передохнуть какое-то время.

Прибываю на НП, со мной радист. Вечереет. Непривычная тишина. Сразу готовлю исходные данные для залпов по целям, откуда наиболее возможны атаки противника. Противник совсем рядом, молчит, видимо отдыхает. И вдруг на нас, на наш примерно 2-х километровый участок фронта обрушивается лавина огня. Его немцы ведут из всех видов оружия: пушек, пулеметов, автоматов, минометов. Они бросаются в атаку.

Кругом разрывы мин, снарядов, пулеметные очереди, рядом стонут раненые. Неизбежен успешный прорыв немцев? Дорога каждая секунда. Я даю по радио команду на огневые позиции: «Цель номер один, дивизионом огонь!». Почти в тот же момент пулеметная очередь перерезает мою радиоантенну. Но команда на огневые позиции успела пройти! Я в восторге. Темнеющее вечернее небо прорезает фантастический огненный сноп сотни летящих ракет. Они стремительно снижаются над моей головой и рвутся прямо передо мной. Я замираю: по своим? Нет! Это некоторые ракеты попали по нашим окопам, но в них уже успели ворваться немцы. В итоге, все сто двадцать восемь ракетных снарядов обрушились на атакующих фашистов. Передо мной бушует море огня огромных размеров. А потом мертвая тишина: нет более ни

одного выстрела, даже из автомата. Мощная, неожиданная контратака противника сорвана одним залпом!

Командование нашим участком фронта начинает выяснять: «Кто стрелял?»

Еще эпизод. Январь 1945 года. Наши войска ведут упорные наступательные бои в Восточной Пруссии. Немцы яростно сопротивляются. Переходя в контратаки, отступая, устраивают и мелкие засады. Линия фронта очень подвижна. В одну из таких засад попадает на легковой машине командир моего 418-го дивизиона гвардии майор А.И. Пакин. Его буквально прошивают автоматной очередью.

Командовать дивизионом назначают меня. Наша пехота ждет срочной поддержки «катюш». Командир, поддерживаемой нашим дивизионом пехоты, находится в недалеко расположенной деревушке, частично занимаемой нашими, частично фашистами. Я с радистом и разведчиком с большим трудом прополз к пехотному командному пункту. Он располагался в подвале деревенского дома. Контакт с пехотой установлен.

Проходит несколько часов и вдруг немцы мощной контратакой занимают всю деревню целиком. Мы остаемся в подвале, а наверху, в деревне, немецкие захватчики. Я иду на рискованный шаг - вызываю огонь на себя. Мощный залп дивизиона «катюш» вызывает панику у фашистов, и они стремительно бегут из деревни, преследуемые нашими танками.

За участие в боях я награжден пятью орденами:

1) орден Красной Звезды (№ 156282 Приказ № 042 от 28.04.1943 г. подписан гвардии полковником Петровым. Орден вручен в мае 1943 г. в Царицыно командиром полка гвардии майором Федоровым Павлом Александровичем за следующее (описание боевых подвигов взято из наградных листов):

«За время боевых действий, работая в должности командира батареи, тов. Михкалев показал себя смелым и находчивым командиром, его батарея дала 90 залпов, уничтожая технику и живую силу противника.

18.02.1943 г. батарее было приказано сменить огневую позицию. Тов. Михкалев, несмотря на бездорожье и обстрел артиллерии противника, в срок выполнил приказ. Залпами батареи поддерживал наступающую пехоту и уничтожил

более двух батальонов пехоты противника, подавил огонь двух минометных батарей.

19.02.1943 года залпами его батареи уничтожено до ста человек пехоты противника, тем самым была сорвана контратака противника. При обстреле ОП 17.02.1943 года артиллерией противника тов. Михкалев умело и быстро вывел боевую технику из-под обстрела».

2) орден Отечественной войны 2-й степени (№ 59805. Приказ № 1/н от 15 января 1944 г. подписан генерал-лейтенантом Бодровым. Орден вручен в январе 1944 г., в р-не г. Витебска командиром 307 ГМП гвардии подполковником Федоровым П.А.). Награжден за следующее:

«Т. Михкалев в период с 25 августа по 5 сентября 1943 г. при поддержке наступления 222 СД проявил исключительную выдержку и мужество.

Так, в бою 28 августа его дивизион, находясь под воздействием артиллерийского огня противника, не прекращал давать залпы и отбил 5 контратак противника, причем уничтожено около 1 батальона пехоты, уничтожена минометная батарея и подбито 6 немецких танков.

В бою 30 августа 1943 г. т. Михкалев точной подготовкой данных и своевременным открытием огня дивизионом 7 залпами отбил 6 контратак противника, причем уничтожено: до 2-х батальонов пехоты противника, сожжено 8 немецких танков (из них 6 «тигров»), и, кроме того, подбито 3 немецких танка».

3) орден Отечественной войны 1-й степени (№ 97945. Приказ № 035/н от 31 августа 1944 г. подписан командующим артиллерии 33 армии, генерал-лейтенантом Бодровым. Орден вручен в сентябре 1944 г. в Литве гвардии подполковником Павлом Александровичем Федоровым). Награжден за следующее:

«В боях с немецкими захватчиками тов. Михкалев проявил образцы мужества и отваги.

04.08.44 г. необходимо было дать залп по скоплению пехоты и танков противника. Огневую позицию бомбили немецкие бомбардировщики. Тов. Михкалев, несмотря на рвущиеся кругом бомбы, лично руководил наводкой установок. Благодаря мужеству тов. Михкалева, залп дан

своевременно. Залпом уничтожено до роты пехоты противника, подбито 3 танка.

06.08.44 г. противник перешел в контратаку танками и пехотой. Огневую позицию обстреливали немецкие автоматчики и прямой наводкой били танки противника.

Тов. Михкалев несмотря на ружейно-пулеметный огонь, быстро навел дивизион в цель. Залпом дивизиона отбита контратака и подбито 6 танков, 4 бронетранспортера и уничтожено более роты пехоты противника».

4) орден Отечественной войны 2-й степени (№ 337379. Приказ № 11/н от 2 апреля 1945 г. подписан командующим артиллерии 28 армии генерал-майором Петропавловским. Орден вручен в мае 1945 г. в г. Кенигсберге гвардии подполковником Борисовским). Награжден за следующее:

«Тов. Михкалев, работая помощником начальника штаба полка по разведке, показал себя мужественным, смелым и находчивым офицером-разведчиком. 6.02.45 г. противник сильным ружейно-пулеметным и минометным огнем оказывал упорное сопротивление из г. дв. Пенкен. Тов. Михкалев с группой разведчиков по личной инициативе, не взирая на сильный огонь, выдвинулся в передовые подразделения пехоты. Тщательно изучив цели, тов. Михкалев вызвал два батарейных залпа. Противник в результате точного огня понес убитыми до 50 человек, кроме того был подавлен огонь минометной батареи, 2 пулеметов, наша пехота успешно овладела г. дв. Пенкен.

С 18 по 21.02.45. в боях за г. Цинтен тов. Михкалев под сильным огнем противника неоднократно выдвигался вперед, умело разведывал цели, вызывал по ним огонь, после чего пехота имела успех.

2.03.45 г., находясь на ПНП в г. Ворвеген, тов. Михкалев обнаружил скопление пехоты противника для контратаки. По данным тов. Михкалева был заранее сосредоточен огонь дивизиона. Противник, перешедший в контратаку, был внезапно накрыт, контратака отбита».

5) орден Отечественной войны 1-й степени (№ 548673, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. Орден вручен в мае 1985 г. в г. Москве. Награжден в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.)

В рядах 307-го гвардейского минометного полка, входившего в состав Западного, 2-го, а затем 3-го Белорусского фронтов я участвовал в освобождении многих городов и населенных пунктов. Назову некоторые, важнейшие.

Летом 1943 г. полк участвовал в исторической Курской битве.

В октябре 1943 г. полк поддерживал 1-ю Польскую дивизию им. Т. Костюшко в боях за освобождение поселка Ленино.

Летом 1944 года полк участвовал в операции «Багратион», в частности, в июле во взятии г. Минска.

С июля полк участвовал в освобождении Литвы, во взятии городов Мариамполь, Вилкавишкис, Рассеняй.

С октября 1944 года по май 1945 года полк участвовал в боях в Восточной Пруссии, во взятии городов: Штамупенен, Хайлигенбайль, Кенигсберг, Пиллау.

Летом 1945 г. полк был переброшен на восток страны и включен в состав 1-го Дальневосточного фронта. Здесь в боях на территории Манчжурии участвовал в освобождении: гг. Мулин и Муданьцзянь.

За годы войны я был ранен один раз в голову 29 августа 1942 г.. Как говорится в справке, это было «слепое осколочное ранение правой височно-скуловой области с повреждением кости». Лечился в военном госпитале в г. Рязань. После ранения убыл из 74-го полка «катюш». Был направлен в аналогичный 307-й полк «катюш» на должность командира батареи. В этом полку я прослужил всю войну вплоть до должности командира дивизиона.

Из моих близких родственников в войне никто не погиб. Мои пожилые родители всю войну трудились в Москве. Оба награждены медалями «За оборону Москвы». Мой старший брат осенью 1941 года в битве под Москвой был тяжело ранен. В таком состоянии он попал в плен, где пробыл длительное время. После того, как его освободили наши войска, он был восстановлен в рядах Советской армии. Демобилизован был на общих основаниях в 1946 г., награжден орденом Красной Звезды.

Опубликовано несколько моих произведений философско-социологического плана:

- «Историческая закономерность и сознательная деятельность людей» брошюра, 1963 г.

- «Бессмертный подвиг советского народа» в журнале «Вопросы философии,1965 г., №5.

- «Дискуссия по проблемам научного коммунизма» (Совместно с Ю.Е. Федоровым) «Вопросы философии,1965, №5.

- «Краткий словарь по научному коммунизму» (в нем моих три статьи: «Диктатура буржуазии», «Научный коммунизм», «Стратегия и тактика политические»), Политиздат, 1989.

В ряде литературных источников упоминается мое имя:

1. Гасников Ю. «Точка отсчета», изд.-во Вятка.1996.стр.80-81 (Солдаты рассказывают обо мне как о своем командире).

2. А.П. Бутенко «Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья», «Социально-гуманитарные знания» Москва, 2000, стр. 170 (доктор наук характеризует меня как редактора).

3. Анашкин И.Н. «Гвардейским минометным - 60». Печатный двор, Москва, 2001, стр.92 (генерал-лейтенант рассказывает о моем участии в Курской битве).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 августа 1980 г. за заслуги в области советской печати мне присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Ноябрь 2003 года.

Перебейнос Александра Ивановна

Казалось, что все бомбы летят именно в тебя

Я родилась 22 июля 1922 г. в деревне Солоть Ярославской области (в девичестве Колесникова). Русская, православная, в партии никогда не вступала, комсомолка.

До войны окончила школу в 1940 году (10 классов). О войне узнала 22 июня 1941, когда по радио объявили. Я тогда была дома, в деревне Солоть. Перед войной работала в «НАРКОМЗАГе» учетчицей.

Осенью 1941 г. колхозников и работников отправили на рытье противотанковых рвов под городом Угличем. Работали с кувалдами, клиньями, делали рвы такой ширины, чтобы танки не могли преодолеть преграду. Работы велись несколько месяцев. Жили по домам у других крестьян. Когда отпустили и я приехала домой, мама полушубок и все вещи в печке прогревала – избавлялась от вшей.

Начала участвовать в боевых действиях по призыву 10 апреля 1942 года в г. Ярославль. Вызвали в райком комсомола и спросили: «Комсомолка? В армию хочешь?» Около двухсот девушек из нашего района были призваны в 105-й отдельный батальон ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь) под командованием майора Савловского. Наш батальон входил в Московский округ противовоздушной обороны.

Я начинала в воинском звании связистка-солдат. Когда привезли в Ярославль, сразу отправили в баню и выдали гимнастерку, юбку, шинель, ремень и обмотки – потом уже появились сапоги с голенищами.

Девушки пришли на замену мужчинам, которые обучили нас, а сами – на фронт.

Распределили девчат по разным точкам Ярославской и Московской областям на НП (наблюдательный пункт).

Я и некоторые мои одноклассницы: Люба Масимова, Тося Лощакова, Старостина Нюра – были оставлены в Ярославле связистками. Наш НП располагался в подвале. Восемь человек заступали на сутки на дежурство: шесть девчат, один летчик и дежурный диспетчер – офицер, который по картам привязывал получаемые данные о появлении и полете вражеских самолетов.

При появлении самолетов противника с НП на местности передавались сообщения нам об их перемещениях, отмечались в каких-то квадратах (сейчас уже не помню), диспетчер отдавал команды, а девушки передавали в войска. Я сообщала в зенитную артиллерию. По команде «воздух» прерывалась вся связь (телефоны, эфир). Сутки дежурства, сутки отдых. Распорядок дня был таков: подъем в семь часов и зарядка на улице, завтрак, занятия или строевая подготовка, обед, занятия, ужин.

В начале службы, когда еще не было навыков в военном деле, чтобы успевать в строй за нужное время, дежурный будил нас немного раньше, и мы одевались и только что не обутые – снова под одеяло. Зато по команде «подъем» мгновенно были готовы. Жили в казарме – бывшей школе: нас, рядовых состава связисток – девчат человек двенадцать, там же штаб, 1 отдел, часовые тоже девушки. В спальне – двухъярусные нары, в подвале была прачечная, там корыто, вода, можно было постирать свое белье, гимнастерку, там же сушили. Раз в 10 дней строем в баню. Везде ходили строем, с песнями. Увольнительные были редко – в крайних случаях.

На занятиях изучали по картинкам, по внешнему виду самолеты, сдавали экзамены (а те девушки, что на НП в точках – по шуму мотора); выдавали винтовки со штыком и тренировались под команды: «длинным коли», «шаг вперед». На стрельбища вывозили на полигон: винтовка, три патрона,

мишень за 100 м. Я попадала в «яблочко». Однажды патрон закатился куда-то – все обшарили, исползали, пока не нашли, иначе было бы плохо.

Прорывавшиеся самолеты бомбили в Ярославле в основном мост через Волгу и завод оборонного значения.

Во время воздушной тревоги мирное население пряталось в траншеи, а мы оставались на своих местах. Было страшно: казалось, что все бомбы летят именно в тебя.

О ходе войны узнавали по радио, по сообщениям наших же девчат, которые перемещались вместе с НП следом за перемещением линии фронта, ну и от политработников на занятиях и политинформациях.

Ходили всегда в форме, гражданскую одежду можно было одевать иногда при дежурстве в столовой, которая была метрах в шестистах от казармы, но, все равно, сверху – шинель.

Родители были по одному разу у меня в Ярославле. Еще, после ранения, приезжал младший брат Алексей – тогда я уже была в городе Иваново, куда в 1944 году нас двух связисток перевели, пробыл у меня два дня. У нас там уже были отдельные кроватки, а не двухъярусные нары.

Все братья воевали, у них часто менялись номера полевой почты, поэтому о них узнавала из писем своих родителей и старшей сестры, которая жила с ними и работала в воинской части.

О конце войны узнала 9 мая в 2 часа ночи, когда проснулись от пальбы, служба ВНОС раньше узнала о победе, официально объявили об этом только днем. Стреляли все, кто мог, радовались. Дальше с нетерпением ждали демобилизации. Я была демобилизована одной из последних наших девчат - 5 августа 1945 г.

Награды:

- орден Отечественной войны II-й степени (№ 1051700,Указ Президиума Верховного совета СССР от 11.03. 1985 г.);
- медали: «20 лет Победы в Великой отечественной войне»; «30 лет Победы в Великой Отечественной войне»; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне»; «40 лет Победы в Великой Отечественной войне»; «50 лет Победы

в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.»; Жукова; «60 лет победы в Великой Отечественной войне».

На войне погиб брат Иван Иванович Колесников в 1942 г., летчик-истребитель, старший лейтенант, был сбит.

Остались живы Анатолий Иванович Колесников (связист, был ранен), Николай Иванович Колесников (разведчик, капитан) и Алексей Иванович Колесников (артиллерист, полковник).

Младшему брату Алексею Ивановичу сейчас 81 год. Он живет в Смоленске, был профессиональным военным, сейчас пенсионер, инвалид.

Николай Иванович умер в 1985 году, за месяц до своего 91-го дня рождения. После войны жил в Ялте, был управляющим банком. Воевал в Финскую и в Великую Отечественную войну. Ни разу не был ранен, но контужен, перенес тиф на фронте. Был разведчиком, командовал штрафной ротой.

Старший брат – Анатолий Иванович прожил в деревне Солоть всю свою жизнь. Работал электриком. Строил, а потом обслуживал небольшую электростанцию, которая снабжала 5 деревень. У него были «золотые руки». Из дерева делал любые вещи - все, что требовалось в хозяйстве крестьянина, в доме (мебель); работал по металлу, конечно, специалист по электричеству. Часто звали что-либо помочь. Умер в 1967 году.

Мать - Колесникова Анна Ивановна, крестьянка, русская.

Отец - Колесников Иван Николаевич, банковский служащий, русский.

В свободное от дежурств время ходили в кино и на танцы. Постоянно участвовали в художественной самодеятельности – пели песни военных лет, плясали и танцевали, выступали перед бойцами с концертами. Очень популярны были песни «Катюша», «Синенький платочек», «Землянка», «На позицию девушка провожала бойца», «Три танкиста», «Артиллеристы».

Курящим выдавали сигареты, а тем, кто не курит – пачки американского сахара по 950 грамм. Я с оказией пересыпала эти пачки домой, родителям.

В сентябре 1945 года я попала в Москву, поступила в Московский машиностроительный техникум, дали общежитие,

училась, в техникуме уже работала секретарем-машинисткой. Приобрела специальность техника-технолога.

Вышла замуж, жила во Львове, где муж заканчивал учебу, потом в городе Александрове, куда его распределили после учебы на радиозавод Александровский. Там работала по специальности. Затем устроились на московский Лианозовский электромеханический завод (ЛЭМЗ), где я отработала 25 лет, ушла на пенсию инженером-технологом. Сейчас я пенсионерка, инвалид 2-й группы, живу с дочерью и внучкой в Ясенево.

Октябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Бахрамеева Мария Михайловна,*** *студентка 1-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета*)

Перцев Борис Петрович

В его фюзеляже было приспособлено еще одно место для лежачего раненого

18 июня 1941 г. у нас в школе был выпускной вечер, а через четыре дня началась война.

Несмотря на то, что с тех пор прошло уже более 60 лет и многое не сохранилось в памяти, военные годы, совпавшие с годами моей молодости, остались незабываемой вехой во всей последующей, теперь уже долгой, жизни. Конечно, время стирает из памяти все острые углы. И все, что казалось в далеком прошлом очень страшным, теперь таковым уже не кажется.

Люди моего поколения, наверное, еще помнят как в предвоенные годы, воодушевленные победами Красной Армии, одержанными на озере Хасан и реке Халхин-Гол, и легкостью молниеносного и бескровного присоединения Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики к Советскому Союзу, были уверены в несокрушимости наших рубежей. Считали, что если и случится большая война, то она будет вестись на чужой территории. И это несмотря на скромные успехи в нашей войне с Финляндией. Этой эйфории в значительной мере способствовали выступления руководителей правительства и активная пропаганда в прессе

и кино. Конечно, некоторое недоумение вызывал пакт, подписанный с фашистской Германией, которую до этого клеймили позором как в печати, так и в кинофильмах. Теперь же агрессорами стали Англия и Франция, а бывший агрессор с тоталитарным режимом стал нашим другом, которого мы начали снабжать продовольствием и нефтью. Но нас убеждали, что отдаление наших границ от прежних рубежей только укрепит военную мощь страны, что теперь мы стали еще сильнее и к тому же освободили многие народы от буржуазного гнета и нищеты. Вообще перед войной у народных масс в нашей стране было весьма превратное представление о жизни на Западе. Молодежь, по крайней мере, в Москве, была тогда в основном настроена очень патриотично. Конечно, мы в то время многого не знали. Да и не могли знать. Поэтому, когда началась война, все были уверенны, что это ненадолго, что уже к ноябрьским праздникам наша армия будет в Берлине. Вечером 23 июня в Петровском парке, недалеко от которого я тогда жил, прошел слух, что Красная Армия уже заняла Варшаву. Последующее быстрое отступление нашей армии, сдача немцам одного за другим крупных городов и большой территории несколько отрезвило нас. Но в окончательной нашей победе никто тогда не сомневался.

Будучи сыном репрессированного, я не был уверен, что меня призовут в армию, поэтому вскоре после начала войны устроился на работу машинистом холодильных установок в Институт эпидемиологии и микробиологии, который располагался в Щукино на берегу Москвы-реки. Здесь я проработал до 16 октября. Работа была общественно полезной и к тому же не требовала специальной подготовки. Кроме того, давала право на рабочую продовольственную карточку. Карточки были введены дней через десять после начала войны.

По ночам я дежурил на крыше 6-этажного дома, в котором в то время жил. В те дни дежурство велось на крышах всех домов на случай попадания зажигательных бомб во время воздушных налетов. В подвале каждого большого дома были устроены бомбоубежища. Возле невысоких деревянных домов были вырыты в тех же целях небольшие траншеи. Однако многие москвичи на всякий случай уже с вечера спускались

вместе с детьми на всю ночь в ближайшую станцию метро, имея при себе документы и наиболее ценные мелкие вещи, одеяла и небольшой запас продуктов. Первый воздушный налет, произошедший через месяц после начала войны, застал меня около стадиона "Динамо", и я провел всю ночь на рельсах станции метро. Наутро в стороне Хорошевского шоссе были видны большие клубы дыма. Очевидно, бомбили железнодорожный узел Белорусской дороги. Для маскировки от воздушных налетов посреди Ленинградского шоссе (теперь это Ленинградский проспект) были установлены макеты небольших домиков. Так что движение троллейбусов напоминало движение слаломистов. Некоторые большие дома были разукрашены разноцветными пятнами и полосами, наподобие современной камуфляжной военной одежды. Во всех домах оконные стекла были заклеены по диагонали бумажными полосками, чтобы в случае близкого разрыва бомбы было меньше стеклянных осколков. Через Петровский дворец и стадион "Динамо" были протянуты широкие полотнища для имитации несуществующих улиц. В ночное время в небе парили аэростаты заграждения.

Вечером 15 октября 1941 г., когда немцы подошли к Химкам, в Москве началась паника. В этот день я получил повестку явиться в военкомат. Утром 16-го я поехал на работу за расчетом. Это было необходимо не только из-за денег (их было не так много), а, главным образом, чтобы мою неявку на работу не сочли за прогул. Когда я вышел на Ленинградское шоссе, то увидел странную картину. Грузовики, нагруженные домашним скарбом включая шкафы и большие фикусы, ехали - одни к центру города, а другие в противоположную сторону. Трамваи в обе стороны были переполнены народом. Они тогда были другой конструкции. Дверь из вагона выходила на площадку и, в случае её переполнения народом, можно было висеть снаружи на подножке насколько хватало рук. Доехав кое-как до своего института, я увидел, что наше помещение уже заминировано на случай вступления немцев в Москву. Получив расчет, я с таким же трудом, втиснувшись на площадку трамвая, вернулся домой.

Утром 17 октября я был на Московском ипподроме, где был сборный пункт призывников. Чтобы не оставлять немцам на случай сдачи Москвы ни амуниции, ни живой силы, нас

обмундировали и в составе маршевых рот отправили на восток. Любопытно, что по дороге во всех сельских магазинах Московской области торговали без всяких карточек консервированными крабами. Кроме них в магазинах почти ничего не было. Вообще перед войной крабы не пользовались у покупателей успехом. По крайней мере, у москвичей они не считались деликатесом.

Рекламы тогда было мало. И, тем не менее, во многих трамвайных вагонах можно было прочесть: "Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы".

Наш пеший марш продолжался 40 дней, конечным пунктом был г. Йошкар-Ола, где находился один из многочисленных лагерей, в котором призывников обучали искусству воевать. По прибытии в Йошкар-Олу нас сначала разместили в помещении неработающего кирпичного завода. Там вместо нар были спаренные, наклонно расположенные, доски припорошенные сверху соломой. Ширина этого ложа была не больше 60 сантиметров. Так что во сне легко можно было оттуда свалиться. Через несколько дней нас перевели в бараки, расположенные в лесу на окраине города. Внутри бараков были установлены в два яруса нары. Спали мы на голых досках. Правда, печь, сделанную из бочки из-под бензина, топили круглые сутки. Так что в бараке было очень тепло, несмотря на 40-45-градусные морозы на улице. Одеты мы были в шинели прямо поверх гимнастерок, в кирзовые сапоги, легкие перчатки, а на головах у нас были ушанки. Несколько человек из нашей роты попытались доказать, что по здоровью они не пригодны к строевой службе. Возможно, так оно и было, ведь никаких медкомиссий мы не проходили. Тогда им ушанки заменили на пилотки и направили заготовлять дрова. Кормили нас скудно. Кроме 800 г. черного хлеба один раз в сутки нам еще давали на 10 человек шайку (какими тогда пользовались в банях) пустого супа, в котором было немного крупы и несколько кусков картофеля. Как тогда говорили, что в таком супе "крупинка за крупинкой бегает с дубинкой". Для получения этого супа нас будили в час ночи и строем вели в столовую. Столовая, очевидно, не была рассчитана на такое количество обедающих. Те из нас, у кого были деньги или что-то, что можно было обменять, могли в

городе на базаре купить кусок замерзшего в форме миски молока.

Каждый день мы проводили 4-5 ч. в лесу на военных занятиях. Стояли сильные морозы, поэтому приходя с занятий в барак, мы прежде всего залезали на нары и разувались, чтобы оторвать от замерзших сапог примерзшие к ним байковые портянки. Затем согревались, стуча босыми ногами по голым доскам. Отогревшись, мы занимались изучением военных уставов и устройства минометов, так как из нас готовили минометчиков.

В середине декабря 1941 г., после принятия присяги, нас построили, дали команду: "На первый, второй, рассчитайсь", и каждого второго повели в баню, где выдали зимнее обмундирование, затем погрузили в вагоны и отправили на фронт. На мою долю выпало сомнительное счастье продолжить обучение еще две недели. В конце декабря нас тоже отправили на фронт. Везли нас, естественно, в товарных вагонах, в концах которых были сооружены нары в два яруса. Посреди каждого вагона стояла печь, которую дневальные топили круглые сутки. В связи с продолжительным вынужденным постом, мне все время вспоминалась пекарня, которая была в Москве в двух шагах от нашего дома, и от которой по утрам на весь переулок шел аромат свежеиспеченного ржаного хлеба. Никакого страха от сознания того, что еду на фронт, я не испытывал. Я был уверен, что останусь жив и вернусь домой.

В первых числах января 1942 г. мы прибыли на станцию Снегири под Москвой, где тогда кончались железнодорожные пути. Далее до Волоколамска мы добирались пешком и на грузовиках. Проходя мимо стен Ново-Иерусалимского монастыря и мимо г. Истры мы впервые почувствовали дыхание войны. Вдоль дороги из снежных завалов и сугробов то здесь, то там торчали голые руки и ноги, похожие на восковые. Нам сказали, что это тела немцев, которых не успели похоронить. В Волоколамске нас вооружили винтовками и обули в валенки, снятые с раненых и убитых красноармейцев, после чего направили на передовую, которая тогда была в нескольких километрах от города. Прибывших зачисляли в основном в стрелковые роты, которые несли основные потери. Нашему расчету повезло. Нас зачислили в

минометную роту, где мы получили 82-мм батальонный миномет, с которым в дальнейшем воевали. Стрелять приходилось немного, так как наша армия быстро продвигалась вперед к границе Московской области. Отступая, немцы сжигали все деревни, так что в редкие минуты отдыха мы располагались на лесных полянах возле костров. Спать было негде, да и некогда. Тогда-то я впервые (и, слава богу, в последний раз) узнал, что такое спать стоя или на ходу. Однажды я уснул, стоя у костра, и проснулся только тогда, когда упал в снег рядом с костром. Несколько раз засыпал на ходу и просыпался, уткнувшись носом в винтовку, идущего впереди и замедлившего ход красноармейца. Кормить нас должны были лучше, чем в запасном полку, но ввиду быстрого продвижения вперед, кухня со старшиной всегда где-то отставала.

В последний день января, когда мы вели огонь из миномета по врагу с лесной прогалины, мы сами попали под обстрел вражеских минометов. Пятеро из нашего расчета были ранены, в том числе и я. Нас погрузили на сани и отправили в медсанбат. От длительного недосыпания я тут же на санях уснул, так что в медсанбате меня сочли замерзшим. Проснулся я от того, что меня бил по щекам довольно крепкий санитар.

Далее нас перевезли в палаточный эвакогоспиталь в Волоколамске, откуда, как ни странно, нас самолетом отправили в Москву. Самолет У-2, известный всем по кинофильму "Небесный тихоход", предназначен для двух человек - пилота и пассажира. Однако, во время войны в его фюзеляже было приспособлено еще одно место для лежачего раненого, где никаких окошек не было. Ходячего раненого посадили сзади пилота, а меня втиснули в спальный мешок, положили на носилки и установили их в фюзеляже. Вскоре мотор затарахтел, и самолет двинулся с места. Под плавный рокот мотора я представлял себе, где мы в тот или иной момент могли бы пролетать. Вдруг борт открылся, я увидел белый свет, и какой-то грубый голос спросил меня, не замерз ли я. Стало ясно, что мы еще и не взлетали. Борт закрылся, и я опять остался в темноте. И под плавное жужжание мотора я уснул, так и не узнав, когда же мы взлетели.

Проснулся я уже в Центральном аэропорту Москвы, который был тогда расположен на Ходынском поле близ

станции метро "Аэропорт", там, где теперь находится аэровокзал. Так прошел мой первый в жизни полет на самолете. В аэропорту нас, двоих раненых пассажиров, напоили чаем и дали выкурить по папиросе, от которых мы давно отвыкли, так как курили только махорку. Затем нас отвезли в госпиталь, расположенный в 14-этажном здании военной академии около Зубовской площади. Первые дни я спал круглые сутки. Меня будили только на перевязки да поесть. Через некоторое время было решено эвакуировать меня в Иркутск для долечивания. Но у меня вдруг повысилась температура, и меня оставили, к моему счастью, в Москве; только перевели в другой госпиталь, который располагался на Новой Басманной улице. Здесь я пролежал до конца апреля, когда меня выписали в батальон выздоравливающих. Перед выпиской мне разрешили побыть пару дней дома.

Надо сказать, что из военных зим, эта зима была для меня самая тяжелая. Возможно, сказались очень сильные морозы. А главное, по-моему, всё было в том, что все мы тогда были необстрелянные и еще не приспособились к жизни в условиях военных действий. В дальнейшем, несмотря ни на сильные морозы, ни на случавшиеся всевозможные сложные ситуации, всё же было гораздо легче.

В начале мая меня в числе других, окончивших среднюю школу, направили на артиллерийские курсы сержантов. Готовили там радистов, топографов и разведчиков. Находились эти курсы в запасном артполку в г. Бронницы на берегу Москвы-реки. Там в течение двух месяцев я осваивал премудрости топографической службы. В начале июля нам присвоили звания младших сержантов и направили в полки, отправлявшиеся на фронт. Так я оказался топографом в гаубичном артполку.

Наш полк был направлен под г. Сухиничи, где мы занимались топографической привязкой огневых позиций нашего дивизиона и рытьем блиндажей. Местность там довольно болотистая, так что наши ноги редко бывали сухими. Но было лето. А как поется в песне Булата Окуджавы о нашей фронтовой жизни: "Летом лучше, чем зимой". Через месяц наш полк перебросили под г. Ржев, где мы приняли участие в одном из безуспешных кровопролитных наступлений, стремясь выбить немцев из города. Поскольку противник

создал вокруг Ржева очень мощную оборону, которую наша армия долгое время не могла прорвать, этот старинный город был освобожден только в марте 1943 г.

В связи с резким ухудшением положения на юге, сдачей Харькова и наступлением немцев в сторону Волги и Кавказа в конце июля 1942 г. Верховный Главнокомандующий издал приказ №227 . Основной мотив этого приказа: "Ни шагу назад". Одной из мер для проведения этого приказа в жизнь было создание из войск НКВД специальных заградотрядов, которые располагались в нескольких километрах позади переднего края. Их целью было не допускать внепланового отхода наших стрелковых частей в тыл. Эти отряды имели право применять оружие против своих отступающих без приказа красноармейцев. Наш взвод располагался тогда вблизи наблюдательного пункта дивизиона недалеко от передовой. И раз в несколько дней 2-3 человека ходили за несколько километров в тыл, в расположение дивизиона за продуктами. И каждый раз при проходе через заставу заградотряда у нас проверяли документы и, выяснив цель нашего перехода, пропускали в тыл. Правда, когда мы возвращались с продуктами на передовую, нас уже не проверяли.

В начале ноября во время очередного наступления при переправе через р. Вазузу, меня во второй раз ранило. На этот раз лечение я проходил в госпитале для ходячих легкораненых, который находился в лесу под Волоколамском. В больших землянках были сделаны двухъярусные нары в виде отсеков на четыре человека. В отличие от тыловых госпиталей, здесь все раненые были в своем обмундировании, как в медсанбатах. В начале января 1943 г. в Красной Армии были введены новые знаки различия - погоны. В связи с этим замполит госпиталя ходил по землянкам и объяснял раненым, какое огромное значение имеет этот факт для поднятия престижа офицеров и повышения боеспособности нашей армии.

В госпитале я пролежал недолго. Уже в середине января меня выписали из госпиталя и направили в запасной полк, а оттуда с маршевой ротой на фронт. И опять под Ржев. В стрелковом полку, куда я попал, топографы были не нужны и меня зачислили в орудийный расчет в полковую батарею 76-

миллиметровых пушек на конной тяге. К моменту моего поступления в полк немцы выбили нашу пехоту из траншей, и она оказалась в сугробах на голом месте на вершине холма. Так как эта зима тоже была очень холодной, то земля промерзла более чем на метр. Для рытья окопов для пехоты было необходимо сначала с помощью кирки и лома снять верхний замерзший слой. Этим занимались не только стрелковые роты, но и все остальные подразделения полка, в том числе и наша батарея. Работать киркой или ломом можно только стоя во весь рост. И так как работать приходилось на виду у противника, то, несмотря на то, что работы производились только ночью, наш полк нес потери от бесприцельной стрельбы противника.

Жили мы в небольших блиндажах вблизи орудий. Так как от длительной обороны все деревья поблизости были давно вырублены, то топить небольшую печку, вырытую в стенке блиндажа, приходилось привозимым старшиной вместе с кухней, небольшим количеством дров, да ящиками из-под снарядов. Все время, что мы были на этой огневой позиции, мы вели методический огонь (т.е. через неравные промежутки времени) по перекрестку дорог, расположенному на территории, занятой немцами. А они засекли нашу батарею и вели такой же методический огонь по нашему расположению.

Так продолжалось около месяца. В конце февраля нашу дивизию перебросили по железной дороге в район Белёва, откуда мы своим ходом добирались до переднего края к северу от Орла. Так мы оказались в составе Брянского фронта.

В связи с ранением командира отделения разведки батареи меня перевели на его место. Так я стал артиллеристом-разведчиком, в чьи обязанности входило вести наблюдение с помощью стереотрубы и бинокля с наблюдательного пункта (НП) за активностью врага на его переднем крае и выявлять его огневые точки. НП выкапывали и оборудовали наподобие дзота сами разведчики, обычно на возвышенном месте недалеко от переднего края. Нередко НП располагался прямо на передовой вместе с командиром стрелкового батальона или роты, а иногда и взвода. Наш полк несколько раз перемещался с места на место вдоль линии фронта. И каждый раз мы выбирали и строили НП так, будто мы здесь собирались оставаться надолго. Вблизи НП разведчики обычно строили

для себя солидный блиндаж в несколько накатов бревен на случай артобстрела. На НП в светлое время суток дежурили разведчик и телефонист. Для ведения прицельной стрельбы по врагу сюда приходили комбат и командир взвода управления.

В середине июня 1943 г. для проведения разведки боем нашему полку была придана штрафная рота, на которую и легла основная нагрузка и основные потери в бою. В ходе боя среди других был взят в плен один власовец. В наказание за измену Родине и в назидание присутствующим он был повешен перед строем дивизии.

5 июля началось наступление немцев на Курск. Это было начало Курско-Орловской битвы. 12 июля наши войска перешли в контрнаступление. Наша дивизия была во втором эшелоне. Поэтому 12 июля я со своего НП мог наблюдать, как наши соседи справа перешли в наступление на стоявшие перед нашим передним краем вражеские части. Было такое впечатление, что я сижу в кинозале и смотрю, как наши танки, стреляя на ходу из орудий, двинулись на вражеские позиции. Через день или два и наш полк пошел в наступление на юг в сторону Орла.

Вражеские войска оказывали жестокое сопротивление. Поэтому к небольшому старинному г. Болхову мы подошли лишь в 20-х числах июля. Этот город делит на две неравные части небольшая река, приток Оки. Восточную, меньшую правобережную часть города наш полк захватил с ходу, ночью, числа 23-го. Полковые разведчики перешли реку и, вернувшись, доложили, что немцы покидают город. Так как была глубокая ночь, было решено брать левобережную часть города утром. Наша батарея остановилась на берегу реки, на восточной окраине города.

На рассвете мне было приказано взять с собой одного разведчика и, пройдя в центральную часть правобережья, отыскать подходящее место для установки одного орудия для обстрела при необходимости части левобережья. Кратчайший путь туда шел по дороге через картофельное поле. До первых домов было не больше 1 км. Отыскав подходящее место для орудия и, оставив там разведчика, я тем же путем минут через 40 вернулся на батарею. По дороге туда мы видели через утреннею дымку вдали, в 2-3 км, на противоположном берегу реки на холме большую колокольню. Когда я вернулся на

батарею, мне было приказано тотчас, пока совсем не рассеялась дымка, вести орудие на намеченное место.

Орудийный расчет, не успев позавтракать, повесил ведро с кашей на ствол орудия и мы быстрым шагом двинулись через картофельное поле. На середине поля мы попали под сильный пулеметный обстрел с той далекой колокольни. Тут лошадь перешла в галоп, и мы от нее не отставали. Во время нашего кросса был ранен один красноармеец. С ним остался его товарищ, и они благополучно доползли поперек поля до ближайших домов. А остальные, в том числе и я, добежали до первого, оказавшегося кирпичным, дома. За ним и спрятались от обстрела. Здесь мы к своему удивлению обнаружили, что ведро висит на месте, но его дно, перебитое пулеметной очередью, вместе с кашей осталось лежать где-то посреди поля.

После выполнения поручения я должен был вернуться на батарею. Поскольку возвращался я налегке, то выбрал кратчайший путь, не по дороге, а поперек того самого картофельного поля. Тем более что часть пути шла через небольшое кладбище, где я был скрыт от вражеских пуль множеством деревьев. Однако, метров 400 моего пути шло через поле. Мои надежды, что по отдельному солдату стрелять с далекой колокольни не будут, не оправдались. Лишь только я вышел на картофельное поле, как по мне стали стрелять из пулемета. Пришлось залечь между грядками и ползти по-пластунски под сомнительной защитой картофельной ботвы. Когда я достиг середины поля, над домами близ нашей батареи появилась целая эскадрилья пикирующих бомбардировщиков Ю-87, которые начали бомбить дома вблизи батареи. Хотя от меня до того места, которое они бомбили, было метров 100-150, вой летящих бомб с сиренами был столь пронзительный, что казалось, они целились в мою голову. Не успели улететь самолеты, как с востока немцы предприняли контратаку на наши позиции. При этом по расположению нашей батареи стали бить из тяжелых орудий. Несколько снарядов попало вблизи наших пушек. Переждав бомбежку и артналет, я пополз дальше. Когда я добрался до батареи, то вновь послышался свист летящего снаряда. Я юркнул в небольшой крытый ровик, наспех выкопанный в то утро вместо более солидного блиндажа, какие сооружают вблизи орудий для

укрытия расчета при обстреле. Здесь я обнаружил страшную картину. В ровике находились четыре человека: командир первого огневого взвода с окровавленным лицом, раненный в плечо рядовой и лежащий вдоль ровика командир орудия, у которого была оторвана ступня и часть голени. Из брючины торчал обломок белой кости, кроме того, была оторвана часть ягодицы. Ранение во вторую ногу было не такое тяжелое. У четвертого красноармейца ранение было легкое, но он был явно в шоке. Увидев меня, тяжело раненый командир орудия стал умолять застрелить его. Положение спас командир взвода, приказав мне во что бы то не стало найти санинструктора. Выбравшись из ровика, я увидел не менее жуткую картину. Мимо меня полз на четвереньках заряжающий второго орудия. У него была оторвана нижняя челюсть, и из горла свисал язык. В отдалении лежало несколько убитых или тяжело раненых красноармейцев. Я бросился искать санинструктора. А что еще я мог тогда сделать? Найдя санинструктора, мы с ним вместе, под его руководством, стали перевязывать раненых. За войну мне пришлось видеть много убитых и раненых, но такой картины, которую пришлось увидеть в тот день, мне, слава богу, больше никогда не довелось видеть.

Не успела затихнуть канонада с востока, как мы попали под артобстрел с тыла. Это нас не на шутку напугало, так как это означало, что мы попали в окружение. Мы знали, что такое попасть в плен. Лучше смерть! Но, слава Богу, тревога оказалась ложной. Вскоре выяснилось, что это нас по ошибке обстреляли наши соседи-гвардейцы справа. Ближе к вечеру всех раненых погрузили на повозку и отправили в тыл в медсанбат. Однако на этом их мытарства не закончились. Отъехав 1-1,5 км от батареи, они попали под артобстрел. Вместо того чтобы гнать во весь опор из-под обстрела, возчик бросил повозку с ранеными и убежал. Через некоторое время он появился на батарее и рассказал, что случилось. Его тут же посадили под арест и побежали к брошенной повозке с ранеными. Но повозки на месте не оказалось. Как мы впоследствии узнали, кто-то из не столь тяжело раненых взял бразды правления в свои руки и сумел доставить повозку в медсанбат. А провинившийся боец сидел на кочке под арестом до тех пор, пока его самого случайно не ранило.

Через несколько дней наши войска всё же взяли Болхов, а вскоре был взят и Орел, после чего наш полк был переведен во второй эшелон и поставлен недели на две на отдых и для пополнения поредевших в боях стрелковых батальонов и, конечно, нашей батареи.

В середине августа 1943 г. мы двинулись на запад уже в составе 1-го Украинского фронта. Преследуя врага, в сентябре мы достигли Днепра в Черниговской области. Здесь наш полк поставили в оборону на небольшом "пятачке" на правом берегу Днепра. Как я впоследствии понял, наш полк должен был отвлекать неприятеля от готовившегося большого прорыва наших войск ниже по течению реки. Надо сказать, что при переправе нашей батареи на правый берег Днепра, я попал в неловкое положение. Для выбора места для батареи комбат, командир взвода управления и я с двумя разведчиками вечером, когда стемнело, переправились на "пятачок". После осмотра местности комбат выбрал место для батареи и приказал мне переправить туда батарею, которая оставалась пока на левом берегу. Остальные разведчики должны были вместе с командирами начать размечать места для установки орудий. Чтобы легче было найти в темноте это место, я принял за ориентиры два замеченных мною ранее больших стога сена, расположенных друг от друга на расстоянии около 100 м. Рядом с ними были большие, метров 10-15 в диаметре, наполненные водой воронки. Очевидно, сюда попали очень большие авиабомбы. Приведя батарею к стогам сена и воронкам, я не обнаружил там ни командиров, ни своих разведчиков. Пробежав в одну сторону метров сто, я наткнулся на такой же стог сена и такую же наполненную водой воронку. Вернувшись к батарее, я побежал в другую сторону и тоже наткнулся на такой же стог сена и такую же воронку. К счастью, здесь я нашел комбата и его сопровождение, куда и привел затем батарею. Наутро я решил посмотреть, в чем же дело. И обнаружил, что мы находимся на опушке леса на краю большого поля, на котором через каждые 50-100 м. стоит большущий стог сена, а рядом с ним большая, заполненная водой, воронка. После успешного наступления нашей армии, в ходе которого был освобожден Киев, наш полк двинулся вперед на запад вглубь Правобережной Украины.

Через несколько недель боев мы оказались в Южной Белоруссии под г. Ельском. Здесь в начале декабря, меня ранило в третий раз. Было это на опушке леса недалеко от переднего края, куда мы шли вдвоем с незнакомым пехотинцем. Стрелял снайпер с колокольни с расстояния 800-900 м. Интересно, что я видел вспышку выстрела и полет трассирующей пули. Шагали мы, совершенно случайно, в ногу, так что нам обоим пробило голени левых ног. Ранение у меня оказалось тяжелым. Мой напарник куда-то быстро уковылял. Я попытался встать на раненую ногу, но не смог и, преодолевая боль, медленно пополз в сторону нашего НП. К счастью, мимо перевозили на новую огневую позицию противотанковое орудие. Друзья-артиллеристы посадили меня верхом на пушку и довезли до нашей батареи, которая тогда была выведена на прямую наводку недалеко от передовой. Отсюда на телеге меня отвезли в медсанбат. На следующий день немцы перешли в контрнаступление на нашем участке и сильно потрепали наш полк, а наша батарея перестала существовать. Всё это я узнал в медсанбате от поступивших туда раненых артиллеристов нашей батареи. Среди них оказались командир огневого взвода, комбат и даже начальник артиллерии полка. Многие мои друзья погибли, погиб и командир второго огневого взвода, а мой непосредственный начальник, командир взвода управления, пропал без вести.

После медсанбата мне пришлось побывать в нескольких эвакогоспиталях, в том числе и в мало кому тогда известном Чернобыле, пока не оказался в Курске. Здесь с вокзала меня отвезли на санях в эвакогоспиталь. Там, пока я лежал на носилках в коридоре, мне поставил диагноз «всезнающий» санитар. Осмотрев мою раздувшуюся ногу, он с уверенностью определил, что у меня газовая гангрена. И сказал, что я отвоевался, и скоро, после ампутации ноги, я смогу вернуться домой. К счастью, этот эскулап оказался неправ. Осмотр врача и профессора и произведенная ими выкачка крови из моей ноги с помощью огромного шприца показали, что у меня перебита большая берцовая артерия. В Курске в то время был специальный госпиталь для лечения черепных и сосудистых ранений, куда меня и перевезли для перевязки разорванной артерии. Здесь, примерно через две недели после сделанной операции, меня погрузили в санитарный поезд, и в течение

трех недель мы ехали на восток через всю Россию. Где-то в середине марта 1944 г. наш поезд обогнул Байкал, и мы вскоре оказались в г. Нерчинске. Здесь я пролежал в госпитале до начала мая, когда меня, признав ограниченно годным 1-й степени, выписали и направили в запасной полк, расположенный под Омском близ деревни Черемушки. Тогда еще никто не знал о подмосковных Черемушках. В полку, таких как я, ограниченно годных, демобилизовывали и отправляли работать на какое-нибудь предприятие в городе или в области. Может быть, меня это и устроило бы, будь я в Москве, а не в Омске. Профессии у меня не было. Скитание по общежитиям, имея за плечами лишь старую шинель да пилотку, меня как-то не привлекало. Искать себе невесту с приданым? А о таких случаях я слышал. Но это тоже было не по мне. И я попросился на фронт.

Командир роты, который находился в запасном полку по той же причине, что и я, сказал мне, что он бы с удовольствием направил меня в маршевую роту, но не может этого сделать без разрешения медиков. Я пошел в санчасть к дежурному фельдшеру и легко убедил его, что я здоров. Он решил, что, в конце концов, я прошусь на фронт, а не в тыл и дал добро на перевод меня в маршевую роту. К моему счастью, я не успел попасть в уже укомплектованную роту. Она отправлялась на фронт на следующий день. Этой маршевой роте не повезло. Как мы узнали от сопровождавшего их и вернувшегося офицера, их состав под Ленинградом попал под сильную бомбежку. Мало кто остался цел и невредим. А я уехал на фронт через месяц со следующей маршевой ротой. И в начале августа оказался на Ленинградском (в дальнейшем Прибалтийском) фронте в Литве, где тогда шло наступление на Мемель (Клайпеду). На сей раз я попал в топографический взвод бригады тяжелых гаубиц, где и прослужил до демобилизации из рядов Красной Армии.

В начале октября 1944 г. наши войска вышли к Балтийскому морю к северу от Клайпеды, тем самым, отрезав от Восточной Пруссии полумиллионную армию немцев. Цель нашей армии была, прижав противника к морю в западной части Латвии, не допустить их прорыва на помощь немецким войскам, окруженным в Восточной Пруссии. В этой операции

до самого конца войны участвовала и наша бригада. В начале, наступления и контрнаступления следовали одно за другим. В дальнейшем, когда Восточная Пруссия была почти вся занята нашими войсками, активность прижатых к морю немцев поубавилась. Наша бригада периодически перемещалась с одного участка фронта на другой, из Литвы в Латвию и обратно, ведя огонь из своих 152-миллиметровых гаубиц по вражеской обороне. И на каждом новом месте приходилось вновь копать и оборудовать блиндажи, наблюдательные пункты и подходы к ним. Так что, за всю войну мне, по самым скромным подсчетам, довелось перелопатить сотни кубометров земли, спилить и перетаскать на своих плечах сотни не самых тонких деревьев. Таким образом, война это не только ратный, но еще и очень тяжелый физический труд.

В марте 1945 г. произошел такой трагикомический случай. Нас, четверых топографов, послали с каким-то заданием на наблюдательный пункт бригады. Мы взяли с собой большую немецкую овчарку по кличке Вилкас, которую мы еще ранней осенью нашли привязанной на заброшенном хозяевами хуторе. Её кличку, означающую по-литовски "волк", мы узнали от хозяев соседнего хутора. И с тех пор она стала членом нашего взвода. Было уже тепло, и наезженная грузовиками дорога была слишком грязной для наших валенок, которые мы еще не сменили на летнюю обувь. К тому же эта дорога делала большой крюк. Чтобы сократить свой путь и не промочить валенки, мы пошли через заснеженное поле по узкой, еле заметной дорожке, проложенной кем-то задолго до нас. Эта дорожка тянулась через снежное поле приблизительно на километр и сокращала наш путь больше, чем в два раза. Пройдя примерно половину пути, мы заметили в тех местах, где слой снега был тоньше, торчащие вдоль дорожки из-под снега в виде кукурузных початков мины. Более того, мины слева от дорожки были связаны проволочными растяжками с минами, находящимися справа от дорожки. Шли ли растяжки дальше, было не видно из-за снега. Мы видели лишь проволочки, лежащие под тающим слоем снега поперек нашей дорожки. Оказывается, мы находились посреди немецкого минного поля. Вытерев со лбов пот, мы медленно и осторожно пошли дальше, переступая через проволочки. Возвращаться было бессмысленно, так как путь назад не был короче пути

вперед. Вопрос был в том, как объяснить собаке наше положение, и мы решили ее нести по очереди. Весила собака не менее 40 кг. А нести этот живой груз пришлось, держа на руках перед собой. Ну и тяжелой оказалась эта ноша! Обычно саперы ставят предостерегающие надписи вокруг минных полей. Но, возможно, мы под снегом их не заметили и с разговорами прошли мимо.

Последние два месяца войны на нашем фронте прошли относительно спокойно. Никаких крупных наступательных операций не проводилось ни с той, ни с другой стороны. Но артиллерийская дуэль продолжалась всё время. Мы крепко держали в тисках довольно крупную Курляндскую группировку вражеских войск. Не обошлось в нашей бригаде и без потерь. На своем НП погиб командир дивизиона, а однажды от прямого попадания тяжелого снаряда в блиндаж погибло сразу 5-6 человек. Не помогли и три мощных наката. На наблюдательных пунктах погибло два разведчика, прибывшие в бригаду вместе со мной из Омска, с которыми я был хорошо знаком. Были и другие потери.

После взятия Берлина нашими войсками мы были уверены, что войне пришел конец. И, тем не менее, всё совершилось как-то неожиданно. 8-го мая рано утром нас разбудили и сказали, что на нашем участке фронта на переднем крае у немцев везде подняты белые флаги. Очевидно, то же самое происходило и на других участках нашего фронта. Стрельба стихла с обеих сторон. Мы пошли на ближайший к нам НП дивизиона, чтобы посмотреть на это историческое событие. Но без бинокля мало что было видно. Затем нам сказали, что с немецкой стороны к нам в тыл проехала автомашина. Весь день была непривычная тишина. А вечером нам сказали, что враг капитулировал. И тут пошла такая пальба в воздух из всех видов стрелкового оружия. Стрельба шла до поздней ночи. На следующий день мы узнали, что вся фашистская Германия безоговорочно капитулировала. Что война победоносно окончена.

Летом многие воинские части грузились в эшелоны и отправлялись на Дальний Восток для участия в дальнейшем в войне с Японией. Нашу бригаду оставили в Литве. Здесь, в лесу, мы выкопали и оборудовали себе большие землянки и

проводили рутинные военные занятия, мечтая о демобилизации.

25 сентября 1945 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации всех военнослужащих рядового и сержантского состава, имеющих три ранения и более. В то время мы были расположены в лесу где-то на границе Латвии и Литвы. Всех, кого касался этот указ, довезли до Вильнюса и сказали ждать на вокзале, пока отправят эшелон до Орши. Я сумел проехать до Орши на другом эшелоне, а оттуда ехал до Москвы в тамбуре переполненного пассажирского поезда. На рассвете 5 ноября 1945 г. я прибыл из Литвы в Москву на Белорусский вокзал. Правда, оркестров и фанфар не было слышно. Но, наконец, я был дома!

После возвращения, я ходил на подготовительные курсы в МАИ и в 1946 году поступил на мехмат МГУ, который я закончил в 1951 году, по специальности астрономия.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Гойхбург Денис Михайлович

и

Кахраманов Руслан Мурадович,

студенты Московского авиационного института (государственного технического университета)

Плахин Валентин Николаевич

Ключи из Рейхсканцелярии

Я родился 10 апреля 1923г. в деревне Набережная Щелковского района Московской области. Русский, христианин, член ВЛКСМ с 1938г.

В 1938 г. окончил 7 классов Хомутовской средней школы, в том же году поступил в Мытищинский механический техникум. С третьего курса в декабре 1940 г. Щелковским военкоматом направлен в первую Московскую Краснознаменную авиационную школу связи. В августе 1941 окончил ускоренный курс и был направлен на должность механика по радио в 519-й истребительный полк, который готовился к отправке на фронт.

Узнал о начале войны 22 июня из обращения по радио Молотова. В это время я находился в летних военных лагерях под Серпуховом курсантом. Училище переезжает в г. Сызрань, откуда, по заявкам из частей, был направлен на формирование полка под Рязань в г. Дягилево.

В сентябре 1941 г. наш сформированный полк отправляют на фронт под Волоколамск в Алферьево.

С 1941 по 1942 год полк состоял из двух эскадрилий самолетов МиГ-3. С 1943 по 1945 годы из трех эскадрилий самолетов ЯК-7Б, ЯК-1 и ЯК-3. Летный и технический состав был в основном из молодежи, родившейся в 1922-1923 годах.

Нам не было тогда и 20 лет. И только командный состав был несколько старше.

Всю войну полк базировался в основном на полевых аэродромах - на удалении от линии фронта от 10 до 30 км. Полк занимался разведкой войск противника, прикрытием своих войск, сопровождением штурмовиков и бомбардировщиков, отражением налетов бомбардировщиков и истребителей противника, штурмовкой и "свободной охотой".

Если летчикам приходилось тяжело днем, то техническому составу и днем, и ночью.

В то время действовал приказ Сталина: за невыполнение боевого задания по вине летного или технического состава виновного осуждали трибуналом и отправляли в штрафной батальон. Так что ответственность была самая высокая.

Я начал службу в звании сержанта на должности механика по радио. Позднее, в конце октября 1941 года, выполняя приказ вышестоящего командования, наш истребительный 519-й авиаполк перебазировался на последний подмосковный аэродром «Тушино». Запасным аэродромом был только Химкинский, расположенный еще ближе к линии фронта. Он мог использоваться на аварийный случай, когда самолет по какой-то причине не мог дотянуть до своего аэродрома.

Мы были свидетелями, как 7 ноября 1941 года прямо с парада, состоявшегося на Красной площади, шли на фронт колонны пехотинцев по Волоколамскому шоссе мимо Тушинского аэродрома.

Наши самолеты штурмовали реактивными снарядами передовые немецкие части, пока они не были остановлены и отброшены от Москвы.

26 декабря соединения Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов сломили сопротивление фашистов и перешли в наступление. В третью декаду декабря 1941 года Красная Армия освободила Волоколамск, и наш полк снова перебазировался в этот город.

К началу января 1942 года наши войска, отбросив немцев на 100-250 километров от столицы, сняли угрозу захвата Москвы. На полях Подмосковья был свергнут гитлеровский план молниеносной войны и развеян в прах миф о непобедимости немецко-фашистской армии.

После разгрома немцев под Москвой 5 декабря 1941г., в начале января 1942 г. наш полк вернулся в Волоколамск. Это был Западный фронт. Стояли на защите рубежей Москвы.

Несмотря на численное превосходство немцев в живой силе и в технике, бойцы Красной армии и авиаторы стояли насмерть. «Велика Россия, а отступать некуда - позади Москва», - эти слова сказал политрук Василий Клочков, командир легендарных 28 героев-панфиловцев.

Наши самолеты Миг-3 в такой короткий зимний день (зима была ранняя, снежная и холодная) выполняли каждый по 5-6 вылетов, а эскадрилья до 50-60 вылетов.

Весь технический состав, кроме обслуживания вылетов самолетов по своим специальностям, основной своей задачей считал помощь оружейникам в подготовке и подвеске реактивных снарядов (РС-5) на самолеты.

Второй год войны был тяжелым. Самолеты изнашивались и пополнения не было. Заводы по изготовлению авиационной техники были разрушены или эвакуированы и не могли сразу выпускать столько самолетов, сколько требовалось фронту. Новая техника не поступала. Но и в этой ситуации наши ассы не уступали небо врагу.

И вот в 1942 г. нас направляют для получения новой техники в Новосибирск. Получив новую технику, мы возвращаемся в г. Химки под Москву (это шел уже 1943 г.) и направляемся под Курск.

8 февраля 1943 г. Курск был взят нашими войсками. Образовалась Курская дуга (Орел – Белгород – Курск), и началась подготовка к разгрому немцев. 8 августа наши войска освободили Белгород, Орел, ликвидировалась Курская Дуга.

Полк перебазировался под Чернигов. В сентябре 1943 г. город был освобожден. Это был центральный фронт, который впоследствии разделился на первый Белорусский и Украинский.

С октября 1943 года по май 1945 года наш полк участвовал *в* изгнании фашистов с нашей территории, освобождении Варшавы и взятии Берлина.

В ноябре 1943 г. прибыли под Гомель. Дальше путь лежал по белорусской земле. В январе 1944г. прошли через пункты Речицы, Мозырь, июль 1944 г. – Брест. На брестском аэродроме мне пришлось обслужить перелетавших на ЛА-5

героев Покрышкина, Речкальва и Трут. После осмотра и дозаправки техники машины с этими летчиками продолжили перелет на свой аэродром.

Далее, в мае 1944 г., полк перебазировался в Польшу. Новоподляски, Люблин, Лодзь были освобождены в июле 1944 г., Варшава – в январе, Познань - в феврале.

Затем путь нашего полка лежал в логово фашистской Германии. Наш полк принимал активное участие во взятии Берлина. 28 апреля летчики-разведчики доложили командованию о полном окружении Берлина нашими войсками, и начался штурм. 2 мая 1945г. Берлин пал. А уже 4 мая личный состав нашего полка расписались на стенах Рейхстага.

В июле 1945 г., когда проходила Потсдамская конференция, наш полк принимал участие в воздушной охране глав правительств СССР, США и Великобритании.

В августе 1945 г. я был направлен на Дальний Восток, где шла война с Японией, для дальнейшего прохождения службы. С сентября 1945 г. по август 1947 г. находился в составе 535-го истребительного полка с самолетами ЛА-5, находящегося в Харбине, который после окончания боевых действий с Японией, вернулся на старое место базирования в город Спасск-Дальний.

В дальнейшем наш полк базировался на аэродромах Красный Кут, Воскресенск, Ново-Сысоевка и Варфоломеевка, где я служил в должности старшего техника по спец. оборудованию.

В 1947 г. я был отправлен на учебу в Рижское училище, которое окончил в 1953 г.

Награды:

- ордена Красной Звезды (два, один - №3511207); Отечественной войны 2 степени (№313681); Богдана Хмельницкого 3 степени (№ 49093);
- медали две «За боевые заслуги» (№ 341186, вторая без номера); «За оборону Москвы»; «За освобождение Варшавы»; «За взятие Берлина»; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945г.»; Жукова и 21 юбилейная медаль;

- знаки: «Фронтовик 1941-1945г». и «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне» (удостоверение).

Я получил первое ранение в 1942 г. под Волоколамском. Второе ранение получил после Курска на Украине, был контужен.

О родных, ушедших на фронт. Перевозя военную технику через Ладожское озеро, отец был тяжело ранен, но остался жив. Брат ранен. Три двоюродных брата: Виктор, Николай, Капитон - не вернулись с войны. Не вернулся и двоюродный брат Артемов Володя.

После войны

В апреле 2001 года мне присвоено звание полковника. В Феодосии (Крым) проживаю с 1961 года. В Третьем управлении научно-испытательного института испытывал средства аэрофоторазведки. С 1972 года до развала Советского Союза работал в Феодосийском филиале Московского вертолетного завода им. М.Л. Миля.

Сейчас в городском совете ветеранов войны, труда и военной службы на общественных началах возглавляю секцию защитников Москвы.

Вот уже более 60 лет после окончания войны, а в памяти живут незабываемые моменты трагедии и мужества советских людей.

Публикации обо мне и товарищах:

Михаил Ветров. Ключи из рейхканцелярии хранятся в Феодосии. Газета «Победа» от 10 февраля 2007 года.

А. Горохов. Не пропал без вести. Газета «Правда» от 16 октября 1981 года.

Н. Луковский (внештатный корреспондент «Правды»). Шел бой. Газета «Правда» за 9 октября 1981 года.

Н. Луковский (внештатный корреспондент «Правды»). Там, у деревни Четверня. Газета «Правда» за 3 ноября 1981 года.

Феликс

После ликвидации Курской Дуги, взятия Орла и Белгорода 5 августа 1943 г. командир эскадрильи Трубников

встретил на улице Курска мальчика (ему было 6 лет, звали Феликсом). Мальчик ему понравился, да, видимо, и жалко стало его. Трубников позвал его, и мальчик согласился пойти с ним. Командир привел его в расположение части, накормил, надел на него свой свитер и посадил в технический отдел самолета ЯК-75, который использовался в случае перелета технического состава и отзыва имущества на другой аэродром базирования.

Отец Феликса был на фронте, но писем от него не было, возможно, что он и погиб, поэтому мать мальчика разрешила летчику взять его. Так он оказался в полку. Перелетев из Курска на Украину на новое место базирования, Трубников попросил зачислить мальчика в часть как сына полка. Трубников очень любил детей и старался заменить Феликсу отца. Мальчик стал любимцем полка, ему сшили обмундирование, научили докладывать командиру и подчиняться распорядку, это было в 1943 г. В 1944г., когда перелетали в Белоруссию, в одном из боев Трубников погиб. Мальчик тяжело переживал эту утрату. Когда ему исполнилось 7 лет, полк находился на территории Польши. Феликса направили в Суворовское училище. Так мы расстались с сыном полка. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Зоя Космодемьянская

Первое знакомство с Зоей Космодемьянской произошло в 1941 г. Называла она себя Таней. Так называли и мы ее.

Размещалась наша часть в здании Аэроклуба. Наш полк на втором этаже, а отряд партизан – на третьем. Она была очень красивая, веселая, общительная. Было ей тогда 18 лет. Мы любили ее и в свободное время после ужина собирались в клубе, который находился прямо при столовой, играли в ремешки или танцевали под гармошку. Каждый хотел потанцевать с Таней (в отряде она была единственной женщиной). Когда их группа уходила на задание, мы их провожали, а, когда они возвращались, - радовались и поздравляли с успешным исполнением задания.

Это было в ноябре 1941 г. После одного из заданий мы узнали, что она не вернулась. Видимо, кто-то предал ее, и она была схвачена немцами. Перенесла она жестокие пытки, но не

выдала никого из своих товарищей. 29 ноября, за неделю до наступления под Москвой, Таня была казнена. Провели ее по деревне полураздетую с табличкой «партизан». Через какое-то время узнали, что настоящее имя ее – Зоя. Казнь проходила в деревне Петрищево Верейского района Московской области.

Теперь на месте гибели молодой партизанки на перекрестке дорог Минского шоссе и дороги Петрищево установлен памятник. Огромная скульптура девушки с гордо поднятой головой напоминает нам о ее героизме.

Проезжая мимо, товарищ! остановись и поклонись, она это заслужила, отдав свою молодую жизнь за счастье всех оставшихся в живых и будущих поколений.

Помятый

Были и такие случаи под Москвой. Командир эскадрильи капитан Немятый, пробивая облачность вверх, таранил немецкий бомбардировщик. Самолет «юнкерс» (Ю-88) рухнул на землю, а самолет Немятого спланировал на лес.

Летчик остался жив, его немного помяло, поцарапало. Из Немятого, как он шутил, стал помятый. Тот же Немятый в другом бою сбил два самолета, и сам был подбит. Загорелся и пошел на посадку на Химкинский аэродром и опять остался жив.

Курская Дуга

Курская Дуга - это не просто битва. Это мои товарищи, вылетающие нередко в последний бой. Это мои однополчане, возвращающиеся с победами на наш аэродром.

Помню бой под Щиграми. Наши летчики сбили 12 немецких самолетов Ю-87 из 15.

Башкиров "перегонял" на наш аэродром новый самолет ЯК-76. Его техник Юрий находился за бронеспинкой. Во время полета над нашим самолетом появился "Хенкель-11". Русский асс подошел к фашистскому стервятнику снизу и сбил его, но тут же был атакован четырьмя "мессерами". Два из них взяли нашего истребителя в "ножницы". Гибель «ястребка» казалась неминуемой. Башкиров умело вывел свой самолет из-под огня противника, а вражеские машины врезались друг в

друга. Виктор, пользуясь растерянностью фашистов, сбивает еще одного "мессершмитта".

Так, за один бой Башкиров уничтожил сразу 4 немецких самолета. На его боевом счету уже было 6 вражеских самолетов. И за 10 сбитых немецких самолетов Башкирову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Все мы не раз смотрели фильм "В бой идут одни старики". Там есть эпизод, когда смертельно раненый летчик на последних минутах жизни успевает посадить самолет на аэродром. Я был свидетелем такого подвига на войне. Совершил этот подвиг командир нашей эскадрильи Михалев. Свой самолет он посадил за аэродромом "на живот". Когда мы подбежали к нему, командир был мертв.

В ночном бою под Глуховом было сбито четыре немецких самолета, хотя наш авиаполк был дневным.

Майданек

Наш полк, базируясь под Люблином (Польша), посетил «Майданек» (фабрику смерти).

Перед нашими глазами была огромная площадь, обнесенная колючей проволокой в два ряда, а посередине соединена проводами под электрическим током. По углам этой площади были вышки для надзора за территорией и охраны. Вся территория разбита на сектора, в которых стояли бараки. Несчастных отправляли в конец территории, где стояли печи, в которых их сжигали.

Нам показали горы одежды, обуви и волос – все, что осталось от людей.

В небе Берлина

Наконец, проклятая Германия, куда мы шли долгожданные 4 года под крыльями наших краснозвездных машин. Наш полк принимал участие в окружении и штурме Берлина при полном превосходстве над противником в воздухе. Практически не было потерь летного и технического состава.

28 апреля 1945 года наши летчики доложили командованию о полном окружении Берлина нашими

войсками и начале штурма Берлина. 2 мая 1945 года Берлин пал...

4 мая 1945 года личный состав нашего полка расписался на стенах Рейхстага. Настроение было приподнятое. Мы ходили по коридорам Рейхсканцелярии. В одной из комнат стоял письменный стол с какими-то бумагами. В дверце стола торчал ключ. В ящике стола было еще два маленьких ключа. Кто-то из товарищей пошутил, что это ключи от Берлина, - бери выше - от сердца фашистской Германии, - добавил я и положил ключи в карман гимнастерки на память о Великой Победе.

Со многими вещами и подарками я расстался за свою долгую послевоенную жизнь, а ключи не выбросил. Они «служили» со мной на Дальнем Востоке, в военных городках и сейчас напоминают мне весну 1945 года и бесславный конец гитлеровской Германии.

Ключи хранятся у меня до сих пор. На одной из встреч с феодосийскими школьниками я показал ребятам эти ключи - живые свидетели разгромленной нами фашистской Германии.

По просьбе корреспондента газеты «Победа», я принес ключи из Рейхсканцелярии в редакцию. Сотрудники газеты, которых трудно чем-то удивить, с нескрываемым интересом рассматривали мой солдатский «трофей».

Ключи только с виду простые. Ими закрывались столы с секретными материалами, в которых содержались страшные планы уничтожения нашей Родины, старших поколений советских людей.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь внучка ветерана ***Буланова Елена Сергеевна****, студентка 1-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Пуханов Анатолий Ефимович

Разведка и связисты встретились с разведкой немцев

Родился 30 апреля 1926 года в селе Пластово Алексинского района Тульской области. Русский, крещеный. Беспартийный. В 1940 году окончил 7 классов в школе.

О начале военных действий узнал в родном селе Пластово. На военную службу меня сразу не призвали, так как я не подходил по возрасту. Но во время оккупации фашистами села старался проявлять мужество и отвагу. В селе фашисты держали пленных русских солдат, и я под покровом ночи носил им еду. Мать отправляла меня за водой, поскольку колодец находился рядом с сараем военнопленных. Она клала в пустые ведра хлеб, картошку и я, подойдя поближе, стараясь, чтобы меня не заметили фашисты, перебрасывал через окно еду пленным. А однажды я даже помог нашему военнопленному совершить побег. Возвращаясь с полными ведрами воды, меня кто-то окликнул, я сразу же понял, что это пленный. Я естественно приостановился, как-будто отдохнуть, а сам жестами показал пленному, чтобы тот шел за мной. Крадучись кустами я привел пленного к себе в избу и спрятал под крыльцом. Мать принесла ему чистую одежду, еду. И под покровом ночи он отправился в свою часть.

На военную службу меня призвали 15 февраля 1943 года в 1574-й зенитный артиллерийский полк на должность телефониста, и я прослужил там до августа 1945 года. Дошел до Берлина. Затем был переведен в 24-й отдельный полк связи на должность курсанта. Помогал восстанавливать в Варшаве связь. С августа 1945 года я был курсантом в 24-м отдельном полку связи и служил там до мая 1946 года, а с мая 1946 года в 51-м отделе аэродромнотехнической роты радистом-метеонаблюдателем и прослужил там до апреля 1948 года. С апреля 1948 года я служил в научно-исследовательском институте ВВС радиотелеграфистом радиостанции УКВ и прослужил до августа 1951 года. Затем стал начальником радиостанции УКВ в НИИ ВВС и прослужил до марта 1955 года. Есть большое количество орденов и медалей. Среди них орден Отечественной войны 2-ой степени от 11 марта 1985 года (№ 5153391), медаль «За победу над Германией» и т.д.

Всю войну трудно описать, но в памяти остались отдельные моменты и эпизоды. У каждого своя правда о войне. Страх и тяжелый повседневный быт изнуряли солдат. Не проходило ни одного дня, чтобы солдат не проявил личный свой подвиг в повседневной схватке с врагом, находясь на переднем крае. Казалось бы, пока тихо, общее наступление части еще предстоит, но солдаты погибали почти каждый день. То шальной снаряд взорвется около землянки или окопа, то короткая автоматная очередь из-за куста, то трассирующие пули вдоль переднего края по траншеям - каждый солдат находился под прицелом вражеского снайпера. Уцелеть было трудно, если выйти из укрытия. Вот и получалась повседневная, почти закономерная гибель солдата на переднем крае фронтового рубежа. И больше всего доставалось связистам, обеспечивавшим связь с передним краем и с глубоким тылом командного пункта штаба фронта. Есть важные слова: «Без связи - нет Победы!» И это правда. Война ошеломила людей, выбила из колеи, но испугала далеко не всех. Молодые парни и девушки добровольно шли в райвоенкоматы с одной просьбой - направить их на фронт. Наша дивизия готовилась к боевым действиям. Пополнение людьми и техникой проходило прямо на марше. Пешие переходы с одного участка фронта на другой участок были очень трудными. Зима была суровой. Мороз продирал до

костей. Обувь была холодной, мы заматывали ноги портянками, порой они примерзали к яловым сапогам так крепко, что снять их, предварительно не отогрев на костре, было невозможно.

В начале артиллерийский полк был на конной тяге, лошади везли 76-мм пушки и повозки с боеприпасами. Вещмешок и рацию несли на себе, на повозку положить было нельзя: лошадь не выдерживала тяжести.

Передовая линия фронта - это опасный участок. Риск быть убитым или раненым присутствовал каждый день и каждую ночь. Чувство страха не проходило.

Зима 1943 года выдалась морозной. Металлический корпус моей рации покрывался инеем. Руками дотронуться было невозможно, примерзали пальцы, а ручки на панели управления без усилия повернуть не удавалось, они примерзали намертво. С трудом можно было отвернуть микрофонную трубку и обязательно отогреть ее над костром или своим телом под телогрейкой, и только тогда, когда мембрана оттает, рация заработает. Артполк и дивизионы развернули свои орудия для поддержки огнем пехотных полков, которые пошли в наступление. Я первый раз должен был участвовать в боевых действиях самостоятельно. Включил свою рацию и стал ждать команды с наблюдательного пункта для огневой батареи. Громко и требовательно прозвучал голос командира с НП. Огневая 2-го дивизиона приготовилась к бою, по команде «огонь» все батареи залпом стали обрабатывать передний край немцев.

Я все передавал и передавал команды с НП по целям: по немецким окопам, огневым точкам противника и особенно по живой силе немцев. После обработки переднего края наша пехота пошла в наступление. Дым застилал все видимое пространство. Стали поступать раненые: кто-то шел пешком, несли тяжелораненых на носилках, их сразу клали на повозки рядком и увозили. Я не мог перенести все это без боли в сердце, тоска была невыносимой. Огневые батареи и взводы молчали и ждали новых команд с НП. Моя рация была в рабочем состоянии, и я ждал новых команд. Для меня этот бой был первым боевым испытанием. Но недолго пришлось нам ждать ответного удара немцев. Снаряды посыпались один за другим и накрыли наши огневые позиции. Слышались крики и

стоны солдат орудийных расчетов. Один снаряд взорвался близко от меня. Осколком была порвана антенна моей рации. Я растерялся и не знал, что делать, куда бежать. Налет прекратился. К счастью, мы и многие бойцы-батарейцы сильно не пострадали от бешеного налета вражеских снарядов. По моей рации послышались новые команды с другими целями уже вглубь немецкой обороны. Наши огневые батареи и взводы открыли сильный огонь по немцам. Они не выдержали и стали отступать. Наши пехотные полки стали преследовать фашистов.

После боя я почувствовал опустошение, душевную боль и горечь за своих погибших товарищей. Я очень долго не мог ни пить, ни есть, глядя на поредевшие ряды подразделений. Не стало близких мне людей.

Зима лютовала. Не дай Бог упасть раненому и вовремя не оказать ему медицинскую помощь - он тут же замерзал или сильно обмораживался. Даже техника не выдерживала, покрывалась звенящим льдом. Моя рация снова перестала работать, мембрана в микрофонной трубке замерзала. Я по старой привычке с трудом отвернул ее от рации и стал отогревать своим телом....

Тяжелые бои продолжались, наши части гнали фашистов с родной земли все дальше и дальше.

Вдруг немцы остановились, никаких выстрелов с их стороны не было. Тишина. Мы не знали, где же теперь немецкая оборона. Где их передний край? Почему все замолчало?.. На этот раз без разведки не обойтись. Командование решило послать разведку дивизии и полка, вплоть до разведки батареи. Радистам приказано следовать за разведкой для экстренной связи.

Шли мы осторожно, держась за провода, которые тянулись вслед за разведкой. При необходимости следовало включить рацию и связываться с командованием полка - таков был приказ. Приближалась весна. В лесу сыро и холодно. Была темная ночь. Встречались болота, обойти которые было нельзя. Шуршали ветки кустов и деревьев, а идти нам надо осторожно, без шума. Колючая тьма затрудняла наше продвижение, свернуть в сторону нельзя, провод тянется за разведкой. Вдруг впереди нас началась возня и перестрелка. Мы остановились и сильно испугались. Кто в кого стрелял? В

кромешной темноте было трудно разобраться. Мы прислушивались к каждому шороху. Никого не видно. Провод тянулся вперед, а потом круто повернул в сторону, и концы оборвались.

Стрельба усилилась, разгорелся ночной бой. Что случилось с разведкой и связистами, где они? Вдруг послышалось шуршанье веток и шлепанье шагов по болоту. Мы прижались к дереву и притаились. Но гранаты и автомат на случай приготовили. Все ближе приближались к нам шаги и тихий шепот.

Различаем - идут два человека, они то остановятся, то опять идут в нашу сторону. Мы приготовились стрелять и уже были готовы к худшему. Вдруг они остановились и стали тихо звать нас по имени. У нас отлегло от сердца... Мы убедились, что за нами вернулись разведчики, которые были впереди. Оказалось, что разведка и связисты встретились с разведкой немцев. Нашим удалось захватить двоих фрицев, и они вернулись за нами. Искали нас в темном лесу, обследуя каждый куст. Стало светать, ночная тьма проходила. Впереди обрыва на опушке леса находились другие наши разведчики вместе со связистами. Мы собрались все вместе и пошли вперед. Сразу обнаружили немецкие окопы и землянки. Кругом валялись трупы и разбитая техника: орудия, ящики со снарядами, видимо, до нас здесь был горячий бой... Фашисты даже трупы убрать не успели.

Дошли до ближайшей землянки, тщательно обследовали ее, и здесь я включил рацию - разведчики доложили командованию обстановку и получили приказ оставаться на месте до прихода других подразделений. Наша разведка еще тщательнее стала обследовать окопы и землянки, оставленные немцами. Прибыли новые подразделения, проверили всё, но нигде не обнаружили немцев. Видимо, они удрали еще ночью.

Штаб нашего полка и пехота остались в этом населенном пункте, а другие части шли по пятам убегающих немцев. Догнали их быстро, и с ходу начались бои, не останавливаясь. Гнали и гнали их, очищая свою землю. В ходе кровопролитных боев выбивали немцев из населенных пунктов штурмом. На дорогах валялось много убитых лошадей, а мы уже были на машинах, новых «студебеккерах». Много раз наши бойцы - батарейцы останавливались около

убитых лошадей, отрезали кусочки мяса и варили в котелках, как доппаек. Я тоже ел конину, и она была вполне съедобна.

На Новгородской земле бомбежки были тяжелыми. Новгород горел и был сильно разрушен. Людей в городе было мало. Река Великая, протекающая под Новгородом, была наполнена разбитыми орудиями, брошенными ящиками от снарядов и плавающими трупами...

Наши огневые батареи укрепили позиции вдоль берега реки Великой и били из пушек прямой наводкой по монастырю, где залегли фрицы. С какой силой и злостью наши бойцы-батарейцы стреляли по фашистам! Как бы тщательно они ни маскировались, но мы выбили их из гнезд. Монастырь был разрушен, но и огневых точек противника больше не стало.

Я уже был начальником радиостанции и работал на ней вместе с вновь прибывшим бойцом-радистом. Рации были типа 12-РП, 13-Р и РБМ. Я хорошо знал их материальную часть и в бою сам устранял неисправности. Не забыть мне тех кровавых событий, которые учиняли фашисты. Наши военные части штурмом заняли деревню Медведь, но для немцев эта деревня была выгодной позицией, они предприняли атаку и снова заняли ее. Наша дивизия не могла отдать снова деревню Медведь и в жестокой атаке опять отбила ее.

Однажды наша батарея стояла на прямой наводке. Батарея вела бой, до последнего отражая натиск немецких танков. Осколки снарядов поражали батарейцев. Бойцов становилось все меньше и меньше: выходили из строя, противостоять больше не могли. Радист был ранен, но собрал все силы и волю он знал, что я по своей рации слежу за ходом боя, слушая на той же волне, вызвал меня по рации и попросил доложить командованию, что требуется срочная медпомощь, бойцы все были или ранены, или убиты. Я выполнил его просьбу, доложил командованию полка и командиру дивизиона. Ждал, но помощи не было. Тогда мне пришлось взять у санинструктора медицинскую сумку и бежать по нейтральной полосе к батарее. Я пару раз падал, вставал и снова бежал. Я понимал, что если остановлюсь, то возможно погибну. По мне фашисты открыли минометный и пулеметный огонь, не подпуская меня к батарее. Солдаты, следившие за моими действиями, кричали: «Вернись, Толик,

убьют!». Когда я дополз до батареи, каждый звал меня к себе перевязывать раны. Бойцы, которые последовали моему примеру, вынесли всех раненых и погибших.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь ***Туркичев Игорь Витальевич,*** *студент 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Розенкранц Александр Александрович

На другом берегу стояли американцы и англичане

Родился 5 сентября 1925 года в городе Рославль Смоленской области.

До войны окончил 8 классов средней школы. Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, будучи учащимся средней школы №70 города Рославля Смоленской области. В то время уже ходили слухи о возможности начала военных действий, но люди до последнего не хотели в это верить. Именно поэтому война стала огромной неожиданностью для людей. 16 июля 1941 года вместе с матерью Еленой Ивановной Розенкранц (Тышко) я был эвакуирован в Воронежскую область, а затем в город Ирбит Свердловской области, где закончил 9 классов средней школы. В январе 1943 года меня призвали в армию из 10-го класса школы города Тюмени и направили в Одесское ордена Ленина артиллерийское училище (ООЛАУ) имени М.В. Фрунзе в город Сухой Лог Свердловской области. В июне 1944 года я закончил училище. Перерыв в учёбе был вызван 3-месячной тяжелой болезнью и лечением сначала в санчасти училища, а затем в госпитале №2555. По окончании училища мне было присвоено воинское звание младший лейтенант.

В июне 1944 года прибыл на 3-й Прибалтийский фронт, штаб которого находился в селе Щучьи горы Калининской области. Командовал фронтом генерал-полковник И.И. Масленников. В начале июля 1944 года направлен в 48-ю гвардейскую тяжёлую гаубичную бригаду разрушения и определён на должность командира огневого взвода 12-й батареи. Командиром батареи был гвардии старший лейтенант П.В. Тимощенко, дивизионом командовал гвардии майор Артамонов, а бригадой гвардии полковник В.А. Шатилов. Бригада входила в состав 2-й артиллерийской дивизии прорыва резерва Ставки Верховного главнокомандования (командир дивизии С.В. Фастрицкий).

Во второй декаде июля 1944 года 48-ая бригада участвовала в прорыве обороны немцев с плацдарма на реке Великая и освобождении городов Остров (21 июля 1944 года), Петсери (ныне Печоры, 30 июля 1944), Антсла (14 августа 1944 года), Тарту (26 августа 1944года).

В августе 1944 года я переведен на должность командира взвода управления (КВУ), возглавлявшего на батарее отделение разведки и связи и отвечавшего на поле боя за взаимодействие с пехотным командиром (роты или батальона). С начала летнего наступления 1944 года 48-я гвардейская Краснознаменная артиллеристская бригада, которой после взятия города Тарту было присвоено наименование Тартуская, поддерживала соединение 42-й, 67-й, 1-й и 2-й ударных армий, а позже в Латвии в сентябре и октябре 1944 года соединение 54-й армии, с которыми брала город Цесис, и 61-й армии, с которыми брали город Смилтне, станцию Лигатне (1 октября 1944 года) и овладели столицей Латвии городом Рига (13 октября 1944 года).

Во время боев в Эстонии и Латвии цели и задачи, стоявшие перед нашей бригадой менялись очень часто. Это диктовалось то необходимостью отражения контрударов противника (часто очень мощных), то обеспечением прорыва обороны немцев.

В Эстонии выбыл по ранению командир нашего 3-го дивизиона майор Артамонов, был легко контужен осколком снаряда на наблюдательном пункте (НП) и я, но батарею не покинул. В Латвии погиб командир 2-й артиллерийской дивизии полковник С.В. Фастрицкий. Большие потери понесла

батарея у станции Лигатне. На НП прямым попаданием мины был разорван радист Николай Зыков и тяжело ранен телефонист Евстафьев. А на огневой позиции были тяжело ранены командир огневого взвода лейтенант А. Репин, парторг батареи Кузнецов и многие другие.

Со взятия Риги завершилось наше пребывание на 3-м Прибалтийском фронте. Наша бригада, как и вся вторая артиллерийская дивизия, получившая к тому времени наименование «Островская», получила приказ передислоцироваться на 1-й Прибалтийский фронт, блокировавший, к тому времени, крупную группировку немцев, на полуострове Курземе, между Рижским заливом и Балтийским морем, в Курляндии (по линии Тукумс – Либава).

1-м Прибалтийским фронтом командовал генерал армии (впоследствии маршал) И.Х. Баграмян, нашей 48-й бригадой – полковник В.А. Шатилов, дивизионом – майор Архипов. Часть третьего дивизиона нашей бригады прибыла на новую линию фронта 24 октября 1944 года и, не успев развернуться и зарыться в землю, сразу же попала под мощную атаку крупной танковой группы немцев. Наводчик Веселов и заряжающий Слободчиков открыли огонь, но силы были не равны, наши орудия разбиты, огневики нашей батареи погибли как герои. Танковая атака была отбита огнем 76-мм противотанковых орудий, занявших позиции раньше нас и стоявших сзади наших огневых позиций. Ночью происходила смена пехотных частей, немцы, по-видимому, об этом знали и ранним утром у мызы Бата нанесли удар.

Наша бригада располагалась (если не изменяет память) в районе селения Вайниоде. В окруженную Курляндскую группировку была загнана практически вся группа немецких войск «Норд», отступивших от Ленинграда, Новгорода и прибалтийских республик.

В нашем 3-м дивизионе 48-ой бригады, после больших потерь в технике и людях, по-новому сформировали батареи. И перед переброской на 2-й Белорусский фронт я, 28 декабря 1944 г, был переведен в 9-ю батарею на должность командира взвода управления. Командовал батареей гвардии старший лейтенант П. М. Яковенко.

По железной дороге со станции Векшняй мы проехали до Вильнюса, а затем через Западную Белоруссию в Польшу до

станции Тремблинка, где и разгрузились 7 января 1945 г. Дальше был марш на плацдарм за реку Нарев (Наревский или Ружанский), где вблизи селения Домбровка, в 80 км севернее Варшавы, мы изготовились к наступлению.

2-м Белорусским фронтом командовал маршал К. К. Рокоссовский, нашей 48-й бригадой - полковник В. А. Шатилов, а 3-м дивизионом - гвардии майор Архипов.

Наступление началось перед рассветом 14 января 1945 г. Нейтральная полоса шириною около 700 м была преодолена почти без потерь. За счет умело организованного артиллерийского наступления была занята первая линия немецких траншей. Лишь на третьей (или четвертой?) линии глубоко эшелонированной обороны у высоты 171,3 шли жестокие бои. 19 января немцы стремительно отступили на север, а мы, вместе с пехотой, пройдя пешком за день более 70 км, оказались вблизи границы Восточной Пруссии, которую и перешли 20 января 1945 г. вблизи города Янов. Батарея далее поддерживала 2-й батальон 1172-го полка 348-й стрелковой дивизии. 26 января 1945 г. прошли город Алленштейн (сейчас это польский Ольштын), а затем от дальних подступов Кенигсберга батарея была переброшена в город Ольтерсбург (ныне польский Щитно). 5 февраля были в селении Резенау. Позже, 48-я бригада, по освобожденной уж территории, совершила марш на запад через города Остеруде, Дойч-Айлау. Через Вислу направилась в город Кульме. Дальше мы уже с боями двинулись к северу по, так называемому, Польскому коридору в направлении к городу Данциг.

Сплошной линии фронта нет. Мой 3-й дивизион поддерживает стрелковый полк. Наш командир дивизиона собрал вокруг себя всю дивизионную разведку. С ним четыре командира батарей, четыре командира взводов управления (КВУ) – в том числе и я, человек 8 разведчиков и связистов. Немцев не только не видно, но и не слышно.

Но 14 февраля 1945 года вблизи селения Кляйн-Гаццо, где в тот час рядом располагалась наша группа артиллеристов, внезапно вспыхнул бой. Вскоре выяснилось, что в расположение немцев въехала штабная машина-фургон нашей 48-й бригады вместе с начальником штаба гвардии подполковником Фадеевым. По команде Архипова мы бросились, выскочив из леса, на поле, где горела штабная

машина. Фадеев сумел выбраться, но был тяжело ранен, мы с комбатом П.М. Яковсыко под сильным огнем по-пластунски подтащили его к лесу. В этом бою были ранены: наш разведчик Плахотников и штабная девушка. Были убиты: шофер Фадеева и вторая девушка из штаба.

Дальнейший путь на север пролег через населенные пункты: Крумштадт (18 февраля), Гильдон (3 марта), Брус (6 марта), Кашуба Мюле (8 марта), Барановитц (20 марта 1945г.). Корабельная артиллерия из Данцигской бухты в Барановитце «угостила» нас своим главным калибром. 25 марта 1945 года вышли на побережье Данцигской бухты в городе Цоппот, затем пала Олива, а с 29 по 31 марта полностью ликвидирована группа немецких войск в городе Данциг (по-польски Гданьск). В Данциге погиб мой первый командир батареи П.В. Тимощенко.

Запомнился куплет стихотворения из листка фронтовой газеты: «И Данцигской бухты седая волна покорно шумит перед нами. Мы были солдатскому долгу верны, и вот наступила минута, мы слышим сквозь грохот балтийской волны, торжественный грохот салюта!»

1 апреля 1945 года 48-я бригада погрузилась в эшелон на станции Лауэнбург, невдалеке от Данцига, а 3 апреля прибыла на станцию Цантох недалеко от города Кюстрин, в расположение войск 1-го Белорусского фронта, которыми командовал маршал Г.К. Жуков.

11 апреля переправились на западный берег реки Одер, на Кюстринский плацдарм, на самый северный его участок. Наблюдательный пункт оборудовал в песчаной дамбе вблизи города Цехин. Орудия расположились в 2 км к Юго-востоку от НП.

Утором 14 апреля началась разведка боем - ожесточенное сражение, завершившееся подходом к старому руслу реки.

16 апреля 1945 года ночью началось знаменитое артиллерийское наступление (22 тысячи орудий). Море огня впереди - от разрывов снарядов, а сзади – от орудийных залпов.

При форсировании старого русла реки Одер погиб командир СП Герой Советского Союза майор Горбунов. 20 апреля орудия дивизиона начали обстрел Берлина. 21 апреля ночью прошли город Ландсберг, а утром вступили в

предместье Берлина Марцан. Сам Берлин был сильно разрушен, а на улице был шквальный огонь, именно поэтому приходилось занимать здания - этаж за этажом. С 23 апреля поддерживали 2-й батальон 1008-го СП. Командиром батальона был капитан Домышев.

24 апреля 1945 г. батарея, двигаясь за батальоном, вступила на территорию Силезского вокзала. 25 апреля ранен командир огневого взвода батареи – лейтенант А.Г. Лосев. 26 апреля нас передали в расположение 1-го батальона 1006-го СП 256-й стрелковой дивизии, батальоном командовал капитан Бобылев. 27 апреля до Александрплатц осталось 800 метров. 28 апреля 1945 г. мы - на Александрплатц, одной из центральных площадей Берлина. Все остальные батареи нашего дивизиона из боя уже выведены. Кольцо окружения сжалось, и 28 апреля нас отвели на восточную окраину Берлина - Лихтенберг.

2 мая 1945 г. в 6 часов утра Берлин капитулировал. 4 мая 1945 г. меня приняли в кандидаты ВКП(б), «как отличившегося в боях» - гласила формулировка. После капитуляции мы маршем выехали на линию вдоль реки Эльбы, на другом берегу стояли американцы и англичане. 5 мая 1945 г. 48-я гвардейская Краснознаменная орденов Ленина, Суворова и Кутузова II степени Тартуская тяжелая гаубичная артиллерийская бригада разрушения была своим ходом переброшена на линию соприкосновения с войсками союзников на правый берег реки Эльба. Об окончательной победе мы узнали в ночь на 9 мая на берегу реки в лесу. Когда прибежал политрук с радостным возгласом: «Победа!»

6 июля 1945 г. 48-я бригада была переброшена в город Шверин – столица земли Мекленбург, где мне было присвоено звание - «гвардии лейтенант». После расформирования 48-й бригады в октябре 1945 г. почти весь офицерский состав её был передан в 86-ю тяжелую гаубичную артиллеристскую бригаду, которой командовал полковник М.Т. Волков. Она располагалась в селении Альт-Резе, вблизи города Пенцлин на востоке земли Мекленбург.

86-я бригада была расформирована в мае 1946 года, я возвращался на Родину из Альт-Резе через Берлин, Варшаву, Минск, Гомель в город Клинцы Брянской области, где в то время жили родители. Через год после окончания войны я

вернулся домой. Самое незабываемое впечатление - это мать, стоящая на пороге. Она очень ждала меня и брата, но мой брат не вернулся. Мать так и не узнала, что он погиб, так как нам говорили, что в списках погибших он не значится. Но позже в братской могиле нашли его медальон и установили, что он погиб в 1944 году.

После войны я окончил Московский геологоразведочный институт, защитил кандидатскую диссертацию и много лет проработал в объединении «Аэрология», неоднократно был поощрен за труд. Из наград наиболее ценными для меня являются «Отличник разведки недр» и орден «Трудового Красного Знамени». Работал на Алтае, в Казахстане, в Карелии, на Камчатке. Именно тогда я и познакомился со своей женой – Верой Васильевной Ковалевой, с которой по сей день живем вместе уже 55 лет, имеем одного сына и двух внуков.

Награждён:

- орденами Красной Звезды (в 1946 г., в Альт-Резе); Отечественной войны 2-й степени (по указу Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985г.);
- медалями: «За взятие Кенигсберга»; «За взятие Берлина»; «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945гг» (вручена 15 мая 1946 г.); «20 лет Победы», «30 лет Победы», «40 лет Победы», «50 лет Победы», «60 лет Вооружённых Сил СССР», «70 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Победы»; Жукова.

На войне погиб мой старший брат Розенкранц Дмитрий Александрович, 1923 год рождения, добровольцем ушедший на фронт в июне 1941 года из Свердловского горного института. Он был командиром взвода 155-го гвардейского стрелкового полка 52-й гвардейской стрелковой дивизии. Погиб 9 января 1944 года в деревне Коробцово Пустошкинского района Псковской области. До гибели был трижды ранен.

Отец Розенкранц Александр Дмитриевич (годы жизни 1883-1956) был призван в июне 1941 г. и прослужил в звании военврача II ранга, а затем майора медицинской службы на различных должностях до 1946 года. Был награждён медалью

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Вуколова Любовь Михайловна*** *студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Романов Алексей Андреевич

Подвижный передовой отряд

Я родился 6 сентября 1920 года в деревне Хлопово Веневского района Тульской области. Русский, православный.

В 1938-1942 годы член ВЛКСМ, с сентября 1942 по декабрь 1994 г. член КПСС.

До войны в 1938 году окончил 9 классов средней школы, декабрь 1939 г. - военное училище в звании лейтенанта (в связи с финской компанией досрочно). 1944-1947 гг. - Военную академию им. М. В. Фрунзе, 1950-1952 гг. – Военную академию Генерального штаба, 1977 г. окончил четырехмесячные Высшие академические курсы усовершенствования руководящего состава при Военной академии Генерального штаба.

Узнал о начале войны дома, был в отпуске с 27 мая по 25 июня 1941 года (отпускной билет сохранён и находится в Смоленском музее Великой Отечественной войны). Служил в 10-й стрелковой дивизии, был на должности адъютанта командира 2-го батальона 204-го стрелкового полка. Полк дислоцировался в г. Плуге Литовской республики.

С началом войны 22 июня 1941 г., возвращался в свою часть в Литву. Из-за сложившейся военной обстановки, не доехав до г. Борисов Белорусской республики, 23 июня

вернулся в г. Смоленск, где был временно приписан к 9-й запасной дивизии. Затем получил назначение в 811-й стрелковый полк 229-й дивизии 20-й армии на должность помощника начальника штаба полка. Командиром полка был майор Мурашов, командующим 20-й армии генерал-лейтенант П.А. Курочкин.

Боевой путь проходил западнее Смоленска в 20 км южнее Ярцево. Затем тяжелое ранение 6 августа 1941г..

5 декабря 1941 г. после излечения был направлен в 331-ю стрелковую дивизию на должность помощника начальника оперативного отделения штаба дивизии, начальником отделения был майор Злобин, а командир дивизии генерал майор Король.

Боевой путь 331-й дивизии проходил: Красная Поляна Московской области (8 декабря 1941 г.), г. Волоколамск (20 декабря 1941 г.), посёлок городского типа Шаховская (22 января 1942 г.), Хлепень на реке Вазуза в 20 км северо-восточнее Сычевки, Ярцево (сентябрь 1943 г.), Смоленск (25 сентября 1943 г.), ж/д станция Красное западнее Смоленска (5 октября 1943 г.), Орша (июль 1944 г.).

Освобождал:

- город Волоколамск (20 декабря 1941 г.). В составе Западного фронта под командованием генерала армии Г.К. Жукова, командующего 20-й армии генерала Власова (генерала Сандалова), командира дивизии генерал-майора Ф.П. Король.

- п.г.т. Шаховская январь 1942 г. (17.01.1991 года мне было присвоено звание почетного гражданина посёлка Шаховская).

- город Ярцево Смоленской области (сентябрь 1943 г.) в составе Западного фронта под командованием генерала В.Д. Соколовского, командующего 31-й армии генерал-лейтенанта В.А. Глузовского, командира дивизии генерал- майора П.Ф. Берестова.

- город Смоленск (25.09.1943 года). Командовал передовым отрядом дивизии, в состав которого входили - учебная рота, готовившая сержантский состав; рота противотанковых ружей; батарея 45-мм пушек; приданные армейские снайперская и огнеметная роты. В последующем мне было присвоено звание «Почетный гражданин города-

героя Смоленска». Для меня это признание и память на века в сердцах конкретных русских людей - жителей города Смоленска. Благодарные смоляне не забывают тех, кто совершил на их земле ратные подвиги.

Военные боевые действия закончил в июне 1944 г. под Оршой Белорусской республики, в должности начальника оперативного отдела штаба 331-й стрелковой дивизии, в воинском звании подполковника. Командиром дивизии был генерал-майор П.Ф. Берестов.

Ранения:

- легкое (осколочное) 13 июля 1941 года в районе Соловьевой переправы (мягких тканей средней трети левого плеча. Находился на излечении в медсанбате дивизии, 25 июля 1941 года приступил к выполнению служебных обязанностей);

- тяжелое 6.09.1941 года (порез левого локтевого нерва после ранения луче - запястного сустава. Операцию проводили 12 августа 1941 года в г. Вязьма - армейский госпиталь. 18 августа на дальнейшее излечение был направлен в Москву в госпиталь на ул. Третья мещанская (Моники), а затем эвакуирован (17 ноября 1941 г.) в город Иваново в 1882-й эвакуационный госпиталь, где находился до 13 ноября 1941 г. 13 ноября 1941 г. по причине выздоровления выписан, признан ограниченно годным в военное время);

- легкое ранение в левое бедро в сентябре 1942 г. (находился на излечении в 417-м медсанбате 331-й дивизии, через 12 дней приступил к выполнению служебных обязанностей).

В августе 1944 года в звании подполковника поступил на учебу в военную академию им. М.В.Фрунзе, в 1947 году окончил её и получил назначение в Одесский военный округ на должность старшего офицера оперативного отдела штаба округа. Командовал военным округом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, начальником оперативного отдела был полковник Н.И. Соколов. В 1950 г. был направлен на учебу в военную академию Генерального штаба им. К.Е. Ворошилова, в 1952 г. окончил её. 17.03.1971г. присвоено ученое звание доцента.

Награжден:

- медалью «За боевые заслуги» (№ 80315, приказ по войскам 20-й армии Западного фронта №0460/н от 3 октября

1942 г.. Участвовал при наводке переправы через реку Держа, был в должности помощника начальника первого отделения штаба 331-й стрелковой дивизии в звании капитана. Медаль вручал на командном пункте командир дивизии полковник П.Ф.Берестов);

- орденом Красного Знамени (№ 87317, приказ по войскам 31-й армии №Р172/н от 26 октября 1943 г.. На командном пункте штаба 31-й армии орден вручал командующий 31-й армии генерал-лейтенант В.А. Глузовский, а затем был оформлен выше указанным приказом 31-й армии. Мне, как начальнику первого отделения штаба 331-й стрелковой дивизии, было приказано командиром 331-й дивизии командовать отрядом преследования. Отряду преследования поставлена задача, преследуя отступающего противника с боями форсировать реку Днепр и выйти на южную окраину Смоленска. 24 сентября 1943 года отряд начал марш, с боями продвигаясь вперед, нанося противнику значительные потери в людях. 25 сентября 1943 года отряд ворвался в г. Смоленск, форсировал реку Днепр и под обстрелом вышел на окраину города. В результате боевых действий было освобождено 280 человек раненых наших летчиков и 3000 человек мирного населения, приготовленных фашистами к отправке в Германию. За эти действия командир 331-й дивизии поздравил меня с присвоением почетного звания Героя Советского Союза (но этого не произошло), а когда командир дивизии доложил командующему 31-й армии, что Глузовский В.А. не поверил ему, и командир дивизии вынужден был вызывать по рации меня и уточнять, где нахожусь я с передовым отрядом);

- орденом Красной Звезды (№ 284426, приказ по войскам 31-й армии №0151/н от 26 сентября 1943 года. Будучи начальником оперативного отдела штаба 331-й стрелковой дивизии обеспечивал работу штаба дивизии, все боевые распоряжения контролировались, хорошо отрабатывалась военная документация, что содействовало выполнению боевой задачи частями и подразделениями дивизии);

- орденом Красной звезды (№3173741. Указом Президиума Верховного Совета Советских Социалистических республик. За выслугу лет в Советской армии);

- орденом Отечественной войны первой степени (№537732, за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в

борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов от 11 марта 1985г.);

- медаль «За боевые заслуги» (б/н, орденская книжка 423089. Указом Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик. За выслугу лет в Советской армии);

- медаль «За боевые заслуги» (удостоверение №593134, 20 августа 1968 года. Указом Президиума Верховного совета Союза Советских Социалистических республик, в связи с 50-летием Советской Армии;

Другие медали - За воинскую доблесть; В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина; За оборону Москвы; за победу над Германией; Двадцать лет победы в ВОВ 1941-1945 гг.; 30 лет победы в ВОВ; 40 лет победы в ВОВ; 30 лет Советской армии; 40 лет Вооруженных Сил СССР; 50 лет Вооруженных Сил СССР; 60 лет Вооруженных сил; 70 лет Вооруженных Сил СССР; За безукоризненную службу; 50 лет Победы в ВОВ; Жукова; В память 850-летия Москвы; памятный знак 60 лет битвы за Москву.

Награжден орденом «За боевые заслуги» Монгольской народной республики и тремя медалями МНР.

Служили в армии:

- брат Василий Андреевич (1923года рождения, младший сержант, служил в 783-м отдельном батальоне связи 331-й стрелковой дивизии. В 1944 году был легко ранен. Умер в 1985году);

- брат Илья Андреевич (1925 года рождения. Служил в батальоне аэродромного обслуживания авиации рядовым. Проживает в г. Москва).

Собственные публикации:

- Армейские операции. Военное издательство министерства обороны СССР, Москва 1977 г. Соавтор. Раздел: Боевые действия армии в окружении и при выходе из окружения;

-Учебное пособие – Боевые документы. Издательство Военной академии им. М.В. Фрунзе 1963 г. Сборник форм боевых документов;

- Учебное пособие. Методика проведения основных видов занятий со слушателями по оперативно- тактической

подготовке. Издательство Военной академии им. М.В. Фрунзе 1964 г.;

- Сборник форм боевых документов общевойсковых соединений и частей сухопутных войск. Воениздат 1967 г.;
- Разработка гл.5 боевого устава сухопутных войск. Воениздат 1964 г.;
- Лекции: 1) Организация и ведение армейской оборонительной операции; 2) Работа полевого управления армии в оборонительной операции; 3)Работа полевого управления армии в наступательной операции. Рукописи Военной академии им. М.В. Фрунзе 1958-1964 гг.;
- Учебно-методические материалы по военной игре с профессорско-преподавательским составом академии им. М.В. Фрунзе 1953-1957гг.;
- Учебник для слушателей третьих курсов Военной академии им. М.В. Фрунзе. 1969 г.;
- Лекция Выдвижение общевойсковой армии. Рукопись военной академии им. М.В. Фрунзе 1970 г..

В 1971 году мне присвоено ученое звание доцента.

Публикации обо мне:

- Политдонесение начальника политотдела 331-й стрелковой дивизии: (ЦАМО СССР, ОР 331 стрелковой дивизии 1943 г., д./л. 270);
- Военно-исторический журнал №1 1975 г. автор полковник в отставке Н.М. Афанасьев «Когда не проверены факты»;
- Военно-исторический журнал №9 1979 г. автор Н.М. Афанасьев статья «Новые исследования Смоленской операции»;
- Н.М. Афанасьев Военное издательство, Москва 1982 год – «Дорогами испытаний и побед». Боевой путь 31-й армии;
- В.И. Васенков, Б.Н. Ильицкий, Тула Приокское книжное издательство 1982 г.;
- Город-герой Смоленск. Издатель Московский рабочий 1988 г. очерк- путеводитель;
- Смоленск город-герой, автор Смирнов И.А. Москва военное издательство 1986 г.;
- Почетные граждане города Смоленска 1865-1997 гг., автор И.Н. Беляев. Издательство Смоленск. 1998 г.;

- Журнал «Коммунист» №13, сентябрь 1983 г., статья Ю. Конищева «Испытанный щит России»;

Газетные публикации:

- газета «Красная звезда» №97, 28.04.1983 г. статья корреспондента Л. Корнилова «Дерзкий рейд»;

- газета Ежедневник «Неделя» №38 за 1983 г. статья бывшего начальника 1104-го стрелкового полка Ильи Каплуна «Если бы меня спросили»;

- издательство машиностроитель 2.10.1981 г. статья В. Марамзина - И взвилось знамя на рассвете;

- «Твоя газета», Москва Юго-западный административный округ, статья М. Позднеевой – «Быть патриотами»;

- видео кассета «Подвиг народный», демонстрировалась по второму каналу телевидения 25.10.1993 г. После демонстрации её, кассета сохранилась, находится на руках;

- местная печать Военной академии им. М.В.Фрунзе (газета «Фрунзевец»): 16.08.1969 г. статья А. Постовалова «Спасибо за науку»; 1.11.1969 г. статья «Старший преподаватель кафедры»; 7 сентября 1970 г. статья генерал-лейтенанта В.Петренко «Педагог, Коммунист»; 25.01.1971 г. статья полковника И. Букатина «Пути дальнейшего совершенствования методики»; 03.10.1972 г. статья полковника Н. Логинова «Совершенствовать педагогическое мастерство»; 28.02.1973 г. статья В. Рыбицкого «На командно-штабном учении»; 25.09.1973 г. статья полковника Н.Малюгина «Праздник на Смоленской земле»; 17.11.1981 г. статья генерал-майора Г.Бирюкова «А мы здесь в окопах сидели в годину военных тревог»;

- «Нас 331-я сплотила», автор Н.В. Шляпников, Москва 1999 г.;

- газета «Красная звезда» №75. 02.1983 г. статья С.Елисеева «В боях за Смоленск»;

- смоленская областная газета «Рабочий путь» 06.1978 г. статья «Время не властно»;

- газета МВО «Красный воин»; 27 сентября 1978 г. статья «Взвилось над городом алое знамя».

Город Смоленск был освобожден в результате проведенной в августе-сентябре 1943 г. смоленской наступательной операции.

Немецкое командование имело намерение упорно оборонять Смоленск. Для этого город был разбит на секторы, подготовленные к уличным боям. Все крупные здания заминированы. Обороняли город части пяти пехотных и одной мотострелковой дивизии противника, которые опирались на хорошо оборудованные земляные укрепления, состоявшие из нескольких траншей, прикрытых минными полями и проволочными заграждениями. В Смоленске и на подступах к нему гитлеровцы соорудили дзоты, в стенах каменных зданий оборудовали огневые точки. Город имел круговую оборону.

Основная тяжесть уличных боёв легла на войска 31-й армии.

Накануне штурма Смоленска в 331-й дивизии был создан подвижный передовой отряд из наиболее боеспособных подразделений. Перед отрядом поставлена конкретная задача. Командовать отрядом было поручено мне, будучи начальником оперативного отдела штаба дивизии. Мне помнится, командир дивизии генерал-майор П.Ф. Берестов приказал мне написать боевое распоряжение о создании отряда с указанием состава его и боевой задачи. Но не было указано о том, кто будет командовать им. Командир дивизии спрашивает меня, кого бы я порекомендовал? Я предложил себя. Так я стал командиром отряда.

Отряд имел задачу: обходя узлы сопротивления, внезапно ворваться в Смоленск, захватить и удерживать до подхода основных сил дивизии плацдарм на противоположном берегу р. Днепр. Это было весьма рискованно, но такой замысел оправдал себя.

С наступлением темноты шел бой за Смоленск. Противник яростно сопротивлялся. Атаки советских войск следовали одна за другой.

К полуночи оборона была прорвана. Подвижный отряд, обходя очаги сопротивления, первым прорвался в Смоленск. Уничтожая разрозненные подразделения, он вышел к деревянному мосту, находившемуся примерно в 100-150 метрах ниже старого моста, подорванного еще в 1941 г.

Сбив с ходу вражескую охрану, наши бойцы вбежали на мост, однако гитлеровцам удалось его поджечь. Автоматчики нашего отряда всё же прорвались в южную часть города в

районе Студенческой улицы, создали там плацдарм и начали вести бой по Большой Советской улице.

Оставив группу бойцов для охраны и тушения горящего моста, отряд продолжал наступать к центру города. В это время на пункт управления отряда подошел местный житель и предложил свои услуги быть нашим проводником по освобождению раненых командиров. После доклада командиру дивизии об этом, я получил разрешение на действие по освобождению пленных наших командиров, которые находились в школе и охранялись противником.

Сбив вражескую охрану, мы удачно освободили наших пленных. Как потом выяснилось, их было около 300 человек и около трёх тысяч жителей, предназначенных для отправки на Запад в качестве рабов.

Быстрые и смелые действия подразделений передового отряда во многом способствовали успеху действий частей нашей дивизии.

Успешные боевые действия передового отряда 331-й стрелковой дивизии отражены в многочисленных публикациях.

Я могу привести такой пример. Когда командир 331-й дивизии доложил командующему 31-й армии генерал-лейтенанту В.А. Глузовскому, то последний не поверил ему, что передовой отряд дивизии ворвался в Смоленск и ведет там бой, командир дивизии вынужден был вторично уточнить положение отряда.

В действиях передового отряда значительную роль сыграла рота ранцевых огнемётов, которая входила в состав отряда. Бойцы роты буквально огнём выжигали врага из подвалов разрушенных зданий, которые использовались немецкими захватчиками как огневые сооружения.

Многие командиры и бойцы отряда были награждены орденами и медалями, в частности орденом Красного Знамени награждены командир учебной роты, боец роты противотанковых ружей рядовой Елисеев Сергей Дмитриевич, Епишев П.Ф., наводчик ПТР 253-го ОИПТ, проявил себя отважным воином, награжден орденом Красного Знамени за бой по освобождению г. Смоленска в 1943 г.

Вспоминается такой пример. Во время наступления в конце августа 1943 г. была временно потеряна связь с 1104-м стрелковым полком.

Надо было срочно установить её с полком. Мне пришлось сесть на САУ-76, которой пользовался командир дивизии П.Ф. Берестов и поехать в район, где должен быть 1104-й стрелковый полк.

Это было ранним утром, примерно в 7.00, стоял сплошной туман, и мы с механиком водителем ворвались на передний край немецко-фашистских войск. Увидев нас, солдаты противника ничего не могли предпринять против нас, так как всё это происходило внезапно. Мы развернулись на 180 градусов и поехали туда, откуда приехали. У нас была потеряна ориентация, и нам пришлось ехать вдоль наземной проводной линии связи. Через какое-то время наша самоходка остановилась, когда мы вышли из самоходки, то увидели, что на правой гусенице намотался проводной кабель. Пришлось, примерно, в течение трёх часов освобождать гусеницу от намотанного провода.

Когда вернулись на КП дивизии, то узнали, что связь с полком уже установлена, а нас считали погибшими.

И ещё такой пример, когда командир дивизии поручил мне произвести образцовый (точно по уставу) развод караулов штаба дивизии (караул состоял из 13-14 постов), я это сделал.

После такого развода командир дивизии в последующем требовал производить развод по уставу.

От выполнения прямых обязанностей начальника оперативного отделения штаба дивизии приходилось заниматься и вот такими, не свойственными ему, функциями.

Декабрь 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Демская Иляна Анатольевна****, студентка 1-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Росол Николай Степанович

Бои продолжались до 12 мая 1945 года

Родился 4 декабря 1924 года в селе Полесье Городнянского района Черниговской области (Орловской губернии) в семье военного. Член партии КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза), член ВЛКСМ и даже на фронте возглавлял комсомольскую организацию. В 1938 году окончил Городнянскую среднюю школу (8 классов). В 1938 году был репрессирован отец. Я стал искать себе работу. Сначала хотел работать киномехаником, но, будучи несовершеннолетним, не смог (т.к. на эту работу брали с 18 лет). Затем смог устроиться истопником (дежурным) котельной в банке. А в 1939 году поступил в Геологоразведочный техникум в Киеве. Не окончив техникум и отучившись два курса, добровольцем пошел на войну. Уже после войны в 1953 году окончил вечернюю школу, не став доучиваться в техникуме. В 1955 году поступил в академию (Высший военно-педагогический институт), затем позднее был переведен в Военно-политическую академию имени Ленина на педагогический факультет. После окончания войны продолжил свою военную карьеру и дослужился до звания полковника. В 55 лет уволился из вооруженных сил в запас. В данный момент нахожусь на пенсии.

О начале войны я узнал раньше, чем объявили по радио. Мы жили на берегу Днепра. На правом его берегу находился арсенал. 22 июня (воскресный день) 1941 г. Ранее утро. Вдруг - гул самолетов и минометные взрывы. Складывалось впечатление, что это налеты на Киев.

Добровольно стал принимать участие в начале боевых действий. В январе 1942 г. прибыл в пункт формирования в 112-й инженерно-строительный батальон в Ногинск. На фронт попал в январе 1943 г. Был определен в войска Центрального фронта. Прошел курсы снайперов. По окончании курсов снайперов в 1943 г. был направлен в 193-ю дивизию 685-го полка. Но снайперской работой не занимался. Начали формировать отдел автоматчиков (все вооружены новыми автоматами ППШ). Стал командиром отделения, заместителем командира взвода роты автоматчиков в 685-м полку. Миновали меня как-то и пули, и осколки. Может быть, спасало то, что я был в роте автоматчиков... Но мы всегда шли первые, так как надо было прикрывать своих, отстреливаться от немцев. Многие погибали. Но меня как-то судьба хранила.

Первый раз ранен я был 14 октября 1943 года. Бои шли на правом берегу Днепра в районе города Вой в Белоруссии. Это было первое мое ранение и достаточно серьезное: с огромной потерей крови. Была перебита бедренная артерия. А нам необходимо было провести разведку. Как раз для этого требовались автоматчики. И я со своим отделением пошел на разведку. Нас обнаружили, и начался минометный обстрел. Вражеская пуля попала в левое бедро. Конечно, немцы пытались нас захватить. У них у всех были автоматы. Но их автоматы уступали нашим. У каждого из нас были автоматы ППШ. Если у немцев было 24 патрона в автомате, то у нас 72 патрона. Конечно, мы открыли такой огонь, что они не смогли нас захватить. Была попытка вытащить живых, один мой подчиненный был уже мертвый. А вот как раз во время обстрела меня ударило в левое бедро. Но все-таки мне удалось выбраться. Остались живы все мои подчиненные, кроме одного. Его потом уже три человека притащили, но я уже в этом не участвовал. Сам от ранения потерял много крови. Поэтому мне сделали переливание сразу в 1200 кубиков. Тем и спасли жизнь. Лечили меня в эвакогоспитале, из разряда тех госпиталей, в которых подлечивают и отправляют в тыл. Но

когда мне сделали переливание крови, я очень быстро пошел на поправку. Поскольку я умел читать, в госпитале я всем сообщал информацию из газет. Но из этого эвакогоспиталя я в тыл так и не попал. После выздоровления (я пролежал в госпитале 2,5 месяца) осколок остался. То, что артерия была задета - это серьезное повреждение (об этом я узнал уже после войны, интересовался у врачей). Левая нога теперь дает о себе знать.

На этом ранения не закончились. Было и второе ранение: осколок попал в губу - четыре шва наложили. Как и в первый раз, я потерял очень много крови. Тогда я страшно испугался: медсестра принесла мне зеркало, разбинтовала лицо и... Я посмотрел на себя в зеркало - ужас... Сразу бросались в глаза белые зубы, а губ как будто не было вообще. Мне показалось, что рот стал, как у кролика. Но потом всё прошло. Это было, можно сказать, легкое ранение.

Третье ранение я получил в феврале 1944 года, когда брали Речицы (Белорусский фронт). Недели три меня лечили. В запасном полку (на Украине) организовали курсы по подготовке младших лейтенантов. Закончив курсы, я попал в Кантемировскую дивизию в апреле 1944 года. Тогда дивизия называлась Кантемировским танковым корпусом. Поскольку я был «обстрелянный фронтовик» и с орденами, сначала я командовал взводом, а потом мне предложили руководить комсомольской организацией батальона, поскольку я был кандидатом в члены партии. Это был офицерский корпус. Хорошо или плохо, но руководить у меня получалось. Так, на разных должностях - командир взвода, комсорг, командир роты - дошел до чешской границы в Карпаты. В Карпатах меня опять задело. Большая мина или снаряд взорвался. К тому же блиндажик был у нас, конечно, паршивый. Меня после взрыва засыпало. У меня лопнула левая барабанная перепонка, произошло небольшое кровоизлияние по позвоночнику. Меня откопали, отправили в медсанбат. Через десять дней направили обратно в строй.

Война уже заканчивалась. 1945 год. Польша. Затем - территория Германии. Все-таки не везло мне. Снова ранение - контузия. Результат - заикание, затем прошло. В госпиталь и медсанбат не хотелось. Возвращались на английском бронетранспортере. Попали в переделку. Водитель не

справился с управлением и врезался в гитлеровский танк. Пуля попала мне в левую руку и перебила сустав. Я попросил начальство, чтобы меня направили в медсанбат. Деформация и сейчас, конечно, есть, но я занимался физически, так что ранение почти не беспокоит. Левая рука работает так же, как и правая. Потом форсировали Вислу и Одер. Последние бои под Берлином были у станции Миллер. Крепко было. Немцы сражались обреченно. Это были серьезные испытания. Затем наш корпус, бригаду, батальон направили в Прагу. Чехи умоляли о спасении, потому что немцы были еще там. 8 мая, недалеко от чешской границы мы проследовали через Дрезден и узнали о том, что в этот день 8 мая 1945 года Германия объявила о своей капитуляции. Эту новость мне сообщил радист. Я доложил замполиту. Он сначала не поверил. Сказал, что это может оказаться провокацией. Через некоторое время началась стрельба. Все подумали, что наступают немцы. А это были победные выстрелы. Но, как бы там ни было, а команда была - на Прагу. Как встречали нас в Праге! И на Украине, в Белоруссии, в России! Прага встречала торжественно. Разодетая молодежь. Крики, цветы, слезы радости. У меня остались яркие впечатления. Но война для нас не закончилась: наш корпус оказался в Праге, танковая дивизия и 3-я гвардейская мотострелковая бригада. Корпус под командованием Шернера пробирался на запад. Он крепко сражался. Бои были очень сильные. Обе стороны понесли большие потери. Для меня всё закончилось благополучно.

Бои продолжались до 12 мая 1945 года. Наши войска еще целую неделю сражались с этим корпусом. Мы воевали там всего 3 дня.

Попробую вспомнить, какие города мы освобождали и в каких операциях участвовали: Курская Дуга: Старый Оскол (август 1943 г.), Белгород, Курск, Серск, форсирование Днепра (конец 1943 г.), освобождение г. Речицы, Киева, на Украине - Шепетовка, Тернополь (март 1944), Львов (конец мая 1944г.), Польша - Сандомирский плацдарм, Котловицы; Варшава, Прага; Франкфурт на Одере, Дрезден. Затем снова Прага. Многое, конечно, забывается. Идет смещение по времени.

За освобождение Львова и захват Сандомирского плацдарма была проведена Львовско-Сандомирская операция, за которую верховный главнокомандующий Сталин объявил

всем участникам особую благодарность. В конце апреля - начале мая 1944 г. в составе 1-го Украинского фронта я участвовал в Львовско-Сандомирской операции. Командовал корпусом Полубояров, бригадой - Леонов, батальоном - Мухин, а фронтом командовал Конев. Бои были очень тяжелые. Освобождение каждого населенного пункта стоило очень больших потерь. Я видел очень большое количество людей, лошадей, погибших от бомбежки. Немецкая авиация была очень сильна.

Что касается званий, то на войну я пошел рядовым. Первое звание я получил в конце 1942 г. - стал младшим сержантом. Закончил войну лейтенантом.

После войны как-то застопорилось. После её окончания продолжал служить. Хотя хотел уйти. Я лейтенантом за два месяца сдал экстерном экзамены в Ярославском военном училище. Товарищ мой подговаривал меня увольняться из армии. Нарисовал перспективы - институт, работа. Я даже рапорт написал. Но меня вызвали и спросили, по каким причинам я хочу уволиться. Веской причины не нашел. Решил остаться. А в послевоенное время уже ввели сроки, сколько нужно прослужить, чтобы получить звание. Дослужился до полковника. Звание полковника я получил в 1969 году.

Сначала в Германии некоторое время была организована советская военная администрация. Мы стояли под Дрезденом. Немного там помог. В 1945 году в составе отряда возвращались домой. Из Германии через Польшу, Украину, Белоруссию через Наро-Фоминск - до Москвы. Встречали хорошо. Жителям было интересно пообщаться. Всё расспрашивали. Когда приехали, нашей задачей было подготовить условия для расположения солдат. Валили лес, строили казармы, бараки, клали кирпичные печи. Еще один момент: мы думали, что придется воевать и на Востоке - с Японцами, но верховным главнокомандующим - Сталиным - было принято решение оставить нас, т.к. наш корпус выполнял задачи ставки верховного главнокомандования. Не зря же его наградили таким длинным названием. Оно звучало так: 7-й Гвардейский Кантемировский орденов Ленина, Суворова и Кутузова. Вот это, наверное, и спасло. Мы остались в Москве. А потом уже служба бросала и на восток, и на запад, и на север, и на юг. Начал с формирования ракетных частей, потом

- в строители. Но до 55 лет дослужился. Нелегкая служба была. Когда вопрос встал о том, что рапорт можно написать, продлив службу еще на 5 лет, я решил уйти в отставку. Но выслужил все сроки, которые положено.

Поначалу было тяжело привыкнуть к тому, что ушел в отставку. Затем пошел в Главк работать и проработал там еще 15 лет. Я возглавлял ветеранскую организацию. В общей сложности - 55 лет стажа. Вот что интересно. Как относились к нам, молодым, старые военнослужащие, которым по 40-50 лет было. В тяжелых ситуациях они жалели нас. Относились к нам, как к детям своим, оберегали. Ординарец однажды подошел и сказал: «Товарищ лейтенант, нам нравится, как Вы руководите, мы уважаем Вас, но только вот жалко, что не материтесь. Иногда надо матерком на нас прикрикнуть». Я, конечно, учел его замечание, и иногда при необходимости - применял.

Под Берлином произошло интересное событие. Затишье. Немцы потихоньку начинали вылезать из подвалов. Везут кухню. Смотрю, солдаты получают котелки. Одна немка с маленьким ребенком подходит и говорит по-немецки. Единственное я понял, что она просила поесть. Повар говорит: «Давай миску». Я подошел к повару и сказал, что она просит хлеба. А он: «Так и надо говорить». Он достал ей две булки и два кирпича хлеба. Вот отношение было к противоборствующей стороне. Это к тому, что говорят про бесчинства. Конечно, были случаи. Но не повсеместно.

В моей практике был еще один случай. Мне было поручено конвоировать пленного немецкого офицера в штаб корпуса. И я с одним солдатом конвоировал его. И какой-то наш пьяный солдат подскочил и выстрелил в этого пленного офицера. У меня был испуг. Я этого не ожидал. Не ожидал этого и солдат. А мне было поручено доставить пленного ценой собственной жизни. И как только я остановился, чтоб не застрелить этого пьяного! А я хотел выпустить в него пулеметную очередь. Настолько был зол. И удержал от этого поступка меня один солдат. Я явился в штаб корпуса, доложил, и меня - в подвал. Контрразведка моих солдат арестовала. Проходит день. Это был медико-санитарный батальон. Говорили, капитан напился пьян и не удержался, и

выстрелил. Нашли потом этого капитана. Я думал, что меня погонят в штрафную роту. Но всё обошлось.

Расскажу о Сандомирской операции. На правом берегу шел бой, в котором немцы нас окружили. Один человек был убит. Когда немцы отступили, мы нашли этого солдата. Немцы не рассчитывали на такой мощный огонь. Они думали, что идет обычная разведгруппа. Все-таки был ранен я, еще один солдат, один солдат убит. А сколько немцев положили, не могу точно сказать, потому что примерно полдеревни горело. Все зависело оттого, кто раньше нажмет на курок. Я, озверевший... Мы ходили без касок, а немцы - в касках. Немцы не ожидали встретить такой отпор. Были там жизнь и смерть (боролись). Но мы вырвались, выстояли. Помогли нам минометы, да и темнота ночи. Нас было десять человек. Потеряли одного, двух ранило. Но все-таки счастливо отделались.

Нивер - тут сражались опять-таки. В штыковую атаку не довелось мне ходить. Но встречаться на близком расстоянии, и кто кого - мне приходилось. Не знаю, с чем связано, что я выжил: может быть, везло, может быть, действовал правильно.

Мой дед получил Героя Советского Союза после войны. Он был командиром эскадрильи. Многие удивлялись, как это я в 19 лет (в 1943 году) был представлен к званию Героя Советского Союза.

Были, конечно, случаи, когда бросались на амбразуру. Но это было проявлением высшей степени героизма. Не каждый был способен на это. Сражались все стойко, но пойти на такой шаг не каждый мог. Боязни смерти никто не испытывал. За спины товарищей никогда не прятался. Правда, иногда совершались такие безрассудные поступки. Также был представлен 2-й раз к званию Героя Советского Союза. В блокаду Ленинграда погибли родственники по материнской линии: сестра с мужем. Отец воевал в Первую мировую войну, получил Георгиевский Крест. В 1919 году стал Членом РСДРП. Затем воевал командиром. В 1938 году был расстрелян. Отец мой был репрессирован. Конечно, это сыграло свою роль в моей жизни. Но я никогда не скрывал, поэтому, может быть, в службе немного сложнее было продвигаться. Зато, был, например, один, который скрывал, что он сын кулака. Он дослужился до генерал-полковника. А у

меня смотрели на этот факт. Но те, кто смотрели, сожгли партийные билеты, проклинают Советскую власть, а я говорю: «Я Советскую власть защищал, кровью заплатил за нее». У меня две сестры, брат воевали. Несмотря ни на что, Родину мы любили, воевали за нее, не жалея ничего.

Имею следующие награды:

1. орден Красного Знамени (№ 131617, 1943 г., вручал командир корпуса - генерал Полубояров);

2. орден Красной Звезды (№853060, 1944 г. Получил за Сандомирскую операцию. Была очень сильная немецкая контратака. Но мы удержались. Я командовал взводом. За этот подвиг, что выстояли. Орден вручал полковник Леонов - командир бригады 3 гвардейской мотострелковой дивизии);

3. орден Великой Отечественной войны II степени (№718258, начало 1945 г. - за форсирование Днепра);

4. орден «Знак Почета» (№820255, 1968 г.);

5. орден Трудового Красного знамени (№753395, 1970 г.);

6. орден Отечественной войны I степени (1990 г.);

7. чехословацкую медаль за оказание помощи словацкому вооруженному восстанию (снабжение оружием). (вручил посол Чехословакии - 1970 г.);

8. болгарская медаль «За боевое братство» (1970 г.);

9. медаль за форсирование Днепра (в качестве добровольца вызвался возглавить штурмовую десантную лодку, чтобы под покровом темноты до начала атаки немцев исследовать территории, чтобы другие лодки не подорвались на минах. Эта вылазка была не очень удачной, наша лодка подорвалась, выжили только двое.);

10. медаль «За освобождение Праги» (За участие в героическом штурме и освобождении Праги. «Гвардии младший лейтенант Росол Н.С. указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 г. награжден медалью «За освобождение Праги». Медаль вручена гвардии полковником Леоновым 22 февраля 1946 г.);

И еще около 20 медалей.

Май 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кирюшин Владимир Борисович*** *курсант 3-го курса кафедры военного обучения Московского государственного строительного университета*

Синяков Игнатий Харитонович

Огонь на себя

Родился 20 декабря 1920 г. в селе Дубки Сенненского района Витебской области Белоруссии.

До войны, в 1939 г., окончил 10 классов средней школы. В июне 1941г. окончил Сумское артиллерийское училище ускоренным курсом в полтора года. В 1951 году окончил Высший военно-педагогический институт.

Кандидат исторических наук, доцент. Беспартийный, член союза журналистов.

О начале Великой Отечественной войны узнал 22 июня 1941 г., будучи курсантом Сумского артиллерийского училища. 3 июля 1941 г. уже в звании лейтенанта прибыл в Москву для участия в формировании 9-й дивизии Народного ополчения Кировского района. Был назначен на должность командира полковой артиллерийской батареи 1300-го стрелкового полка (командир полка подполковник Зайнутдинов). Начал участвовать в боевых действиях в составе дивизии 1 октября 1941г. под городом Ельня Смоленской области в должности командира батареи 76-мм пушек 1300-го стрелкового полка.

Боевой путь проходил через: поселок Крюково (дек. 1941 г.), г. Солнечногорск (дек. 1941 г), г. Великие Луки (1942 г.), г. Витебск (дек. 1943 г.), г. Орша (июнь 1944 г.), г. Борисов

(июнь 1944 г.), г. Молодечно (июль 1944 г.), г. Инстенбург (январь 1945 г.), город-крепость Кенигсберг (апрель 1945 г.), город-крепость Пиллау.

В битве за Москву

Я принимал непосредственное участие в отражении первого генерального наступления немецко-фашистских войск на Москву.

1 октября 1941 г., после мощной артиллерийской подготовки, гитлеровские войска атаковали позиции 9-й Кировского района стрелковой дивизии Народного ополчения. Главный удар гитлеровцев принял на себя 1300-й стрелковый полк под командованием подполковника Зайнутдинова и батальонного комиссара Сизова, погибших в первый же день сражения. Отражение последующих атак противника 1 и 2 октября, а так же удержание основных позиций дивизии, легло на плечи полковой артиллерийской батареи 76-мм пушек, командиром которой довелось быть мне. Отбивать массированные атаки можно было только огнем прямой наводки и только при достаточном количестве боеприпасов. В этом напряженном бою нам помогло наличие шрапнельных (картечных) снарядов, поражавших пехоту противника, отчаянно пытавшегося захватить нашу батарею. Таким образом, шести орудийная батарея удерживала позиции до 800 м по фронту. Думается, что у каждого фронтовика самыми запомнившимися событиями жизни остались впечатления, связанные с первыми днями, а иногда и часами пребывания на передовой, участия в первых сражениях.

Храбро сражались командир орудийного расчета Грибков, наводчик Ничаев, рядовые Кутузов и Ильин, водитель автотягача Добрынин. Неся потери, батарея и второго октября продолжала отражать атаки немцев. И только с письменного разрешения отошла на новые позиции.

Потеряв командира полка, батарея перешла под непосредственное руководство начальника артиллерии дивизии, который предусмотрительно приказал сменить огневую позицию как раз в тот район, откуда противник с утра 2 октября возобновил наступление с целью перерезать

(перехватить) коммуникации дивизии и окружить штаб дивизии.

Осуществить свой замысел немцам не удалось только благодаря мужеству и стойкости батарейцев. Невзирая на нестерпимый ружейно-пулеметный и минометный огонь, сноровисто и неотступно действовали командир орудийного расчета Грибков, наводчик Нечаев (участник еще первой мировой войны), заряжающий Кутузов, замковый Ильин и другие. Особо отличился водитель артиллерийского тягача (автомобиля ЗИС) Добрынин, который под минометным обстрелом исправил, заглохнувший было двигатель, и вывел автомобиль с двумя орудиями на прицепе из-под обстрела. Из-за отсутствия командиров огневых взводов и ранения наводчика, командиру батареи приходилось становиться к орудийному прицелу и, несмотря на контузию, вести огонь.

Таким образом, на ходу обученные, но зато морально стойкие, сильные духом и верные своему воинскому долгу москвичи-добровольцы сражались за столицу нашего отечества - Москву.

Арьергардное сражение под Новопетровском

16 ноября 1941 г. немецко-фашистское командование начало свое второе «генеральное» наступление на Москву. Ознаменовалось оно, как известно, сражением у разъезда Дубосеково, подвигом 28 героев-панфиловцев. Хотя немцам был дан решительный отпор и нанесены большие потери, силы все же были неравны. Советское Верховное командование приняло решение об отводе соединений 16-й армии на новый, более выгодный рубеж обороны, проходивший по восточному берегу Истринского водохранилища и р. Истра. Для обеспечения организованного отхода на новый рубеж обороны, как всегда в подобных ситуациях, необходим был арьергард, который не допустил бы «наседание» противника, остановил его продвижение на необходимое для занятия нового рубежа время. Для выполнения этой ответственной боевой задачи был назначен 615-й отдельный стрелковый полк, находившийся в Звенигороде на пополнении и состоявший в резерве армии. Хотя полк не успел закончить формирование (в третьем стрелковом батальоне была

сформирована только одна рота), а полковая артиллерийская батарея еще не получила материальной части, т. е. артиллерийских 76-мм пушек, тем не менее, в ночь с 16 на 17 ноября войсковая часть была поднята по боевой тревоге и форсированным маршем отправилась в направлении Новопетровское.

Во второй половине дня 17 ноября был сделан небольшой привал, во время которого провели митинг личного состава в здании Ново-Иерусалимского собора. Поздно вечером, почти ночью, прибыв в Новопетровское, получил приказ: батарея должна действовать в роли 8-й стрелковой роты и оборонять участок около 900 м левее шоссе и 300 м западнее поселка. На отведенном участке фронта, к нашему счастью, оказались два больших окопа, отрытых кем-то еще ранней осенью. Они, эти окопы, и явились главным опорным пунктом обороны, главным очагом сопротивления. Только - только мы успели занять свой рубеж, как послышался треск приближающихся мотоциклов. У кого-то из бойцов не выдержали нервы - по мотоциклам был открыт огонь из карабинов. Бросив мотоцикл, немцы скрылись на двух других машинах. Стало ясно, что это была вражеская разведка. Находясь в тревожном ожидании, в первом часу ночи получили винтовочные патроны, противопехотные ручные гранаты РГД-2 и горячую пищу, которая, впрочем, бойцам «не шла» в рот. Ожидать наступления противника оставалось недолго. В седьмом часу утра 18 ноября он открыл ураганный артиллерийский огонь, продолжавшийся около четверти часа. Под его прикрытием и сосредоточилась для броска в атаку гитлеровская армада.

Как только закончилась артподготовка, тотчас застрочили автоматы и пулеметы. Стреляя на ходу, автоматчики во весь рост ринулись к нашим позициям. Мы ответили дружным огнем из карабинов. Несколько фашистов упали, сраженные нашими пулями. Немцы залегли, но ненадолго. Через несколько секунд звенящую тишину снова прорезал звук летящих патронов. Осколками разрывных пуль были ранены наши бойцы. Это, однако, не помешало нам отбить и третью атаку.

Испытав силу нашего ответного огня, поняв безнадежность новых атак и осознав, что победа не достанется им так просто, гитлеровцы вызвали себе на помощь танки.

Услышав гул танковых двигателей и лязг гусениц, - подаю команду: «Приготовить связки гранат!»

Едва успел связать две-три штуки, как танки гитлеровцев, стреляя из пушек и пулеметов, ринулись на наши окопы - крепости. Танков было два - по одному на каждый из наших окопов. Не отставая от танков, двигались автоматчики. Первая противотанковая связка была брошена раньше времени и не долетела до танка, так как бронированное чудо не подошло еще близко к окопу. Но и этого броска хватило для того, чтобы танк остановился.

Однако, вести огонь танк не перестал. Напротив. Огонь стал еще более интенсивным и прицельным. Мы начали нести большие потери. Но ничто не могло поколебать нашу стойкость и решимость не пропускать врага. Огонь обороняющихся не прекращался ни на минуту.

Аналогичная обстановка сложилась и у защитников окопа, расположенного правее нас метров на 150. Ввиду того, что местность была лесистая, мы не могли видеть, что происходит у наших товарищей, возглавляемых комиссаром батареи.

Спустя некоторое время я увидел, что противник обошел нас с правого фланга. Значит, «комиссарский» окоп не выдержал огневого воздействия немцев. Пришлось занять т. н. круговую оборону. Не увенчался успехом маневр немецко-фашистских захватчиков - атаковать нас с тыла и взять в плен или принудить нас к сдаче.

Пока мы вели напряженный, полный драматизма бой, не заметили, что наступили сумерки, а мы оказались в полном окружении. Главные силы немцев продвинулись по шоссе на несколько километров к Востоку. Об этом можно было судить по вспыхивавшим время от времени немецким осветительным ракетам. Принимаю решение выходить из окружения в Северо-восточном направлении. Все находившиеся со мной бойцы, поддерживая тех, кому тяжело было идти из-за полученных ранений (а все, в том числе и командир, были ранены) перейдя шоссе, двинулись в выбранном направлении.

Скрытно преодолев вражеские посты, подошли к Истринскому водохранилищу и по тонкому, еще не окрепшему льду, вышли на рубеж обороны 316-й (8-й гвардейской) стрелковой дивизии, где нас радушно встретили и приняли в свои ряды.

Сразу же по прибытии в 857-й артиллерийский полк (командир - подполковник Курганов), я был назначен начальником разведки артдевизиона под командованием старшего лейтенанта Д. Поцелуева (литературный псевдоним Дм. Снегин). Наблюдательный пункт дивизиона был расположен на чердаке административного корпуса кирпичного завода, что примерно в полутора километрах восточнее поселка Крюково.

Однако, вскоре потребовалось забираться повыше - на гигантскую трубу кирпичного завода. Дело в том, что к началу декабря 1941 года немецко-фашистское наступление на Москву стало затухать из-за понесенных больших потерь с одной стороны и все усиливающегося сопротивления Красной Армии с другой стороны.

К этому времени в поселке Крюково скопилось много вражеской живой силы и военной техники. Учитывая это обстоятельство, командование фронтом приняло решение - нанести по Крюково сильные удары артиллерией бронепоезда. Для того, чтобы планируемые удары оказались наиболее точными и результативными, необходима была точная корректировка артогня. Достичь этого можно было только поднявшись на вершину гигантской трубы кирпичного завода. Так как своего корректировщика у командования бронепоезда видимо не было, то оно обратилось с просьбой к командиру артполка, а тот в свою очередь поручил эту задачу, корректировать огонь, мне.

Телефонист и я поднялись к началу трубы кирпичного завода. Телефонист остался у входа внутрь трубы, а я поднялся по железным скобам на 100м выше. Сильный морозный, перемешенный с золою воздух останавливал дыхание. Плохо слушались руки и ноги, а еще через пару десятков метров обнаружилось отсутствие нескольких скоб, а другие - еле держались в стенке. Однако, невзирая ни на что, напрягаясь изо всех сил, мне удалось ухватиться за верхний край трубы и подать необходимые команды для открытия огня. Заметив первый залп, ввел необходимую корректуру сначала по направлению, а со второго залпа - по дальности.

После этого подал команду о переходе на поражение. Результаты артудара не заставили себя долго ждать. Уже через несколько минут произошло несколько взрывов, и вспыхнули

пожары. Закончив стрельбу, спустился вниз и доложил об этих результатах. Судя по всему, командование осталось довольным, так как во втором часу ночи я получил приказание снова подняться на вершину трубы и вторично откорректировать новый огневой удар. Документальное подтверждение причиненного противнику урона было получено уже 8-го декабря, когда в ходе нашего контрнаступления был освобожден поселок Крюково. Фотоснимки разбитой вражеской техники говорили сами за себя.

Под городом Холм

В конце января 1942 года наша 8-я гвардейская стрелковая дивизия была передислоцирована на северо-запад и вошла в состав Калининского фронта. Под командованием генерал-полковника И. Чистякова (3-я ударная армия) успешно действовала в зимней операции в окружении 16-й немецкой армии. Но к весне 1942 года, в силу ряда причин, оказалась в полуокружении под городом Холм.

Положение осложнялось отдаленностью от ж.д. станции, снабжения и весенней распутицей. Но и в такой тяжелой оперативно-тактической и природно-климатической обстановке 1073-й стрелковый полк под командованием майора Баурджана Мумыш-Улы действовал смело и решительно. Так, в бою под деревней Кобляки, было захвачено несколько вражеских орудий калибра 105-мм, автотягачей и др.

Однако, взять (освободить г. Холм) с ходу не представилось возможным, и полк перешел к обороне, во время которой большая роль отводилась полковой артиллерийской батарее 76-мм пушек, командиром которой довелось быть мне. Огнем батареи были уничтожены немецкие: 20-мм автоматическая пушка, несколько пулеметов, досталось и пехоте противника. Все это вызывало ответный огонь, который, однако, не причинял нам заметного урона, так как был неточным. Но 2 мая 1942 года, прежде чем предпринять внезапное наступление, немцы решили обезопасить себя от нашего артогня и подняли в воздух

самолет-корректировщик, с появлением которого на мою позицию обрушился огонь тяжелых орудий противника.

Когда артналет прекратился, и мы вышли из своего небольшого укрытия, в угол которого угодил один из снарядов, то мы не узнали микрорайона своей огневой позиции и не увидели своих орудий: почти все деревья были срублены осколками вражеских снарядов, а пушки завалены упавшими деревьями и комьями земли. Однако, ни одно из орудий не получило серьезных повреждение и были готовы вести огонь.

После того, как была восстановлена телефонная связь с передовым наблюдательным пунктом, я узнал, что как раз во время артудара по огневой позиции батареи противник предпринял внезапную, без артподготовки атаку, которую вначале не выдержали наши стрелки. Но положение спас и предотвратил дальнейшее попятное движение командир отделения телефонной связи (радиосвязи в то время не было) батареи сержант Сидоров. В критический момент боя он выставил имевшийся у него трофейный пулемет на бруствер землянки и открыл по наступавшим гитлеровцам шквальный огонь. Противник явно не ожидал такого отпора и залег. Это обстоятельство позволило командиру нашего стрелкового батальона организовать контратаку и восстановить ранее занимаемую позицию.

Уместно вспомнить здесь об одном случае, произошедшем утром перед разыгравшейся баталией. Проснувшись (а спали мы под деревьями на еловых ветках), обнаружил, что единственное наше укрытие - землянка в 3 наката, снова заполнилась грунтовой водой. Я вызываю командиров орудийных расчетов и приказываю откачивать воду из землянки ведрами. В ответ слышу ропот и реплику, что де все это будет напрасным трудом, ибо через 2-3 часа наш блиндаж снова будет затоплен. Но, хотя и без особого рвения, приказания стали выполнять. Однако вычерпать воду до дна не успели. Над позицией появился самолет. Подаю команду, всем в укрытие, сам следую туда же.

Только благодаря своевременно принятым мерам безопасности, своего рода боевого обеспечения, нам удалось без потерь выдержать жесточайший артудар. Надо ли говорить о том, что после этого события авторитет командира поднялся

намного выше. Мне было присвоено очередное воинское звание (досрочно) - старший лейтенант.

Прорыв

Прорвать сильно укрепленные позиции противника, разгромить его и освободить Белоруссию - таковы были основные цели операции «Багратион». Наша 31-я гвардейская дивизия должна была наступать правее шоссе Москва-Минск, нанося главный удар по поселку №5 (Центральный) Асинстроя, расположенного среди крупного массива торфоразработок, исключавшего использование танков. Единственная надежда возлагалась на узкоколейку, когда-то проложенную для провоза торфа. Но эта «дорога» была настолько узка и не прочна, что сложно было представить, как по ней перемещать орудия вслед за наступающими стрелковыми батальонами. В такой обстановке я, как командир артдивизиона принял хотя и рискованное, но оправдавшее себя решение: сразу же после окончания артподготовки одновременно перемещать обе пушечные батареи по узкоколейной дороге, дабы не отстать от стрелков и быть в готовности поддержать их своим огнем. Впрягаясь в лямки, налегая на колеса, подмащивая доски и шпалы, пушкари продвигали свои орудия вперед. Но через некоторое время немцы при поддержке танков и самоходных орудий перешли в контрнаступление. Продвижение батальонов 95-го гвардейского стрелкового полка приостановилось. Надо было немедленно открывать артиллерийский огонь по контратакующему противнику. Это мы сразу поняли. Невзирая на неудобство позиций, мы открыли огонь по танкам и штурмовым орудиям гитлеровцев. Не ожидавшие огня прямой наводки и понеся потери, немцы вынуждены были отступить. Наши стрелки, вновь поднялись в атаку, как с фронта, так и с фланга. Опасаясь окружения, хваленые Гитлером вояки ускорили свой драп. Так, благодаря инициативе, находчивости, смелости и мастерству артиллеристов, представилась возможность сравнительно быстро прорвать сильно укрепленные позиции противника и развить наше наступление в направлении города Орша. Через сутки в образовавшийся «коридор» были введены новые дивизии,

направление наступления 31-й гвардейской дивизии стало главным.

Вперед, к Неману!

Разгромив основные силы немецко-фашистских войск под Витебском и Бобруйском, советские войска, ведя параллельное преследование, сбивая его заслоны, стремительно продвигались на запад, проходя по 30-40 км в сутки. Так было в первой половине июля месяца 1944 года. Командир 64-го гвардейского артполка поставил мне, командиру 3-го артдивизиона, задачу - следовать за 97-м гвардейским полком в готовности поддержать его действия артогнем. Было сказано, что к утру 10 июня стрелковый полк должен быть в районе населенного пункта Дайнава.

Будучи озабочен тем, чтобы не опоздать с прибытием в заданный район, решил избрать кротчайший путь - через лесной массив. Принятию такого решения послужил доклад командира взвода управления о том, что в лесу есть хорошая дорога, проложенная танковой колонной. Предполагалось, что впереди нас прошла наша танковая колонна.

К 11 часам жаркого дня мы прибыли в указанный нам район, но присутствия наших стрелков не обнаружили. Радиосвязь с командованием установить не удалось. В этой обстановке неясности было решено сделать привал, тем более что и люди, и лошади устали. Поблизости оказалась небольшая речка, и ко мне стали поступать просьбы разрешить искупаться. Но не прошло и получаса, когда взволнованные и запыхавшиеся двое разведчиков дивизиона докладывают: «В лесу немцы!» Немедленно командую: «Дивизион, к бою!» Все 12 орудийных стволов заряжены и нацелены на лесную опушку, указанную разведчиками.

Командиры орудий ждут команду на открытие огня. Волнение предалось и мне. Момент критический. Однако вспомнилось одно из правило артиллеристов: «Не вижу - не стреляю». Не известны силы немцев, их намерения, не окружают ли нас? Если выяснится, что окружают - надо будет перенацеливать батареи, занимать круговую оборону.

Через несколько минут обстановка разрядилась. Из леса, группами по 15-20 человек, с какими-то белыми полотнищами в руках и поднятыми вверх руками стали выходить немцы и

сдаваться в плен. Оказалось, что сдались нам более 150 гитлеровцев.

Возникла другая проблема: а что с ними делать дальше? Конвоировать в тыл? Куда и кому передавать? Отвлекать наших людей для конвоирования, значит ослаблять орудийные расчеты, поредевшие в боях. Но тут обстановка неожиданно снова переменилась. Нас догнали стрелковые батальоны. Увидев построенных немцев, они тут же их «приватизировали» и, тем самым, сняли с нас лишнюю заботу.

Таким образом, стало ясно, что путь, по которому мы следовали через лес, был проложен не нашими, а немецкими танками, спешившими переправиться через реку Неман по еще не взорванному немцами мосту.

Форсирование р. Неман

К исходу дня 12 июля 1944 г. полки 31-й гвардейской Витебской стрелковой дивизии подошли к восточному берегу р. Неман с задачей с ходу форсировать эту серьезную водную преграду на участке севернее и южнее мостов Алитус-1 и Алитус-2. Ширина реки в полосе наступления дивизии достигла 200 м, глубина более 4 м, течение быстрое, берега - крутые, высокие, обрывистые. Мосты, отступавшие немецко-фашистские части, взорвали.

3-й артиллерийский дивизион 64-го гвардейского артиллерийского полка получил задачу: обеспечить огневую поддержку подразделений 97-го гвардейского стрелкового полка во время форсирования реки и при бое в глубине обороны противника.

Для выполнения этой ответственной задачи командир дивизиона вместе с командиром 9-й батареи старшим лейтенантом Н. Сметанниковым ранним утром 13 июля заняли наблюдательный пункт на крутом берегу в 300 м правее взорванного моста и сразу же нанесли несколько огневых ударов по оборонявшемуся противнику на западном берегу реки.

Через Неман

Передовые части дивизии подошли к реке Неман 12-го июля. Первым авангардным полком был наш 95-й

гвардейский. Этот же полк уже на следующий день на подручных средствах, самодельных плотиках, а затем при помощи закрепленного на западном берегу каната, под огнем противника, захватил, а затем и расширил плацдарм.

К вечеру на западный берег был переправлен весь дивизион. В жарком бою за Алитус отличились многие бойцы и командиры. На третий день город был освобожден. Освобождено было и более 10000 заключенных фашистского концлагеря, узников, которых немцы не успели, ни уничтожить, ни эвакуировать.

Таким образом, путь в Восточную Пруссию стал прямым и широким, хотя и тернистым. Вскоре наш наблюдательный пункт был замечен немцами, и мы подверглись пулеметно-минометному налету. Старший лейтенант Сметанников получил осколочное ранение в плечо и вынужден был пойти в медсанбат. В этот день передовым подразделениям стрелкового полка удалось на подручных средствах, а также с использованием перекинутого (перетянутого) на противоположный берег стального троса переправиться на противоположный берег и отвоевать небольшой плацдарм.

На следующий день саперный батальон дивизии предоставил дивизиону небольшой плотик, смонтированный на резиновой надувной лодке. На этом плотике, под огневым воздействием противника и при непрерывных налетах его штурмовиков и бомбардировщиков, были переправлены на западный берег пушечные батареи. Гаубичная батарея при этом оставалась на огневых позициях и оказывала нам необходимое огневое прикрытие. Первым начал переправу орудийный расчет старшего сержанта А. Кукушкина. С этим же первым рейсом переправлялся и командир артиллерийского дивизиона майор И.Синяков. Преодоление сильного течения осложнялось и тем, что к нашему «парому» были привязаны и лошади (76-мм пушки были на конной тяге).

Кроме этого, видимо, из-за недостаточно прочного закрепления орудия на плоту, а также не очень точной «центровки» его на «палубе», не доплыв примерно 50 метров до берега, орудия начали смещаться, крениться на левый борт. Орудийному расчету стоило приложить немало усилий для того, чтобы удержать пушку на плоту. Тем не менее,

причалили мы благополучно. Но как поднять орудие на крутой берег? Пошли в ход лопата, киркомотыга, топор. Затем все впряглись в лямки, вцепились в лафет и буквально на плечах подняли-таки пушку на берег, привели в боевое положение, впрягли лошадей (которым тоже нужна была помощь при подъеме на крутой берег) и двинулись догонять стрелков, оказывать огневую поддержку. Огонь был открыт через несколько минут по огнеметам, задерживавшим наступление наших подразделений.

Вторым рейсом было переправлено орудие старшего сержанта Ф. Немчинова, которое также с ходу вступило в бой. Догнав стрелков, Немчинов галопом въехал в город Алитус, а на утро, когда немцы начали контратаку, орудие старшего сержанта Немчинова подбило фашистский танк. Будучи раненым, он не оставил поле боя, лично убил двух автоматчиков, а наводчик рядовой Молев поразил одного из контратаковавших. В этом же бою был взят в плен один из гитлеровцев, давший ценные показания командиру дивизии, а затем штабу дивизии. Кстати, ранение старшего сержанта Ф. Немчинова было вторым. Первый раз он был тяжело ранен еще в конце лета 1941 года под г. Ярцево, будучи наводчиком артиллерийского орудия. Медицинская комиссия определила его в нестроевые, сначала (его) направили в комендантский взвод, а затем назначили поваром. Но «воевать» поварским черпаком было не в характере Немчинова. По настоятельной его просьбе он был определен в артполк, (сначала) наводчиком орудия, а затем назначили и командиром, за его бойцовские качества и хорошую профессиональную подготовку. О подвигах Немчинова писала даже фронтовая газета (см. «Красноармейская правда» от 22.11.1944 г.).

Огонь на себя

Январь месяц 1945 г. Советские войска готовятся к большому зимнему наступлению, прорыву хорошо укрепленной обороны на границе Восточной Пруссии. В это время премьер-министр Великобритании У. Черчилль обратился к Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину с просьбой ускорить начало наступления Советской Армии. Причиной такого обращения явилось крупное поражение англо-американских войск в Арденах в результате немецкого

контрудара в декабре 1944 г. Просьба союзников была учтена. Войсковые соединения 11-й гвардейской армии 13 января 1945 г. перешли в наступление в районе Пилькален.

64-й гвардейский артиллерийский полк 31-й гвардейской стрелковой дивизии получил приказ участвовать в артподготовке наступления 124-й стрелковой дивизии 39-й армии, назначенного на 13 января 1945 г. В первые часы наступление развивалось успешно. Стрелковые батальоны, наступавшие западнее Пилькален, овладели тремя траншеями первой линии обороны противника. Однако во второй половине дня темпы продвижения стали замедляться. Немцы подтянули резервы и перешли в контрнаступление, избрав при этом своеобразную тактику. Она учитывала как погодные условия, так и характер инженерно-оборонительных сооружений. Густой туман не позволял вести точный артогонь и исключал действия авиации, а многочисленные ходы сообщения между траншеями предоставляли широкую возможность маневра в целях избежания артударов.

Не выходя из траншеи, немецко-фашистская пехота, ведя шквальный оружейно-пулеметный, автоматный и гранатометный огонь, перешла в контрнаступление и начала теснить наступающих с флангов и под угрозой окружения, вынуждало их оставить сначала третью, а затем и вторую траншеи. К исходу суток 13 января создалась реальная угроза потери завоеванного участка 1-й траншеи и, таким образом, свести на нет успехи первого дня наступления, создалась угроза потери плацдарма для дальнейших действий дивизии.

На подступах к Кенигсбергу

Наступая в направлении Кенигсберга, мой артдивизион следовал за стрелками, в готовности поддержать их действия своим огнем. Мы быстро догнали пехоту, которая, как было видно, замедлила темп своего наступления из-за снежного покрова. Что было делать дивизиону? Оставаться на открытой местности на виду у противника или же на максимальной скорости, обогнав стрелков, ворваться в поселок?

С единодушного одобрения командиров батарей я принял непростое решение - максимальная скорость, немедленное открытие огня, как только достигнем поселка. Наша быстрота оправдала себя, и наш риск был не напрасным. Стоявшее на

прямой наводке немецкое зенитное артиллерийское орудие среднего калибра не успело произвести ни одного выстрела. Орудийный расчет, солдаты других подразделений спрятались в близ расположенных домах и в подвалах.

Вслед за разрывами наших снарядов артиллерийские разведчики и связисты начали брать в плен солдат и офицеров. В числе первых пленных мне представили подполковника, командира зенитно-артиллерийского полка и его адъютанта-лейтенанта. Со слов пленного, а также и из его солдатской книжки, я выяснил, что его фамилия фон Кальден. Кроме подполковника в плен было взято около двадцати человек. Когда же подошли стрелковые батальоны, командование 97-го гвардейского стрелкового полка взяло моих пленных под свою опеку, и тем самым дало мне возможность заняться организацией отпора опомнившимся гитлеровцам.

Расчеты гаубичной батареи открыли огонь прямой наводкой по немецким танкам и самоходным орудиям. В этом деле довелось принять участие и мне как командиру дивизиона. Со второго выстрела мне удалось подбить одно самоходное орудие противника. Примерно через один час контратака была отражена с большими потерями в стане врага, а поселок очищен.

Перед штурмом Кёнигсберга

Штурм Кёнигсберга готовился очень тщательно. Ранним утром 31 марта 1945 года ко мне в наблюдательный пункт, расположенный на высоком гребне одного из взорванных фортов, пожаловал командир дивизии генерал-майор И. Д. Бурмаков. Не успел я закончить доклад, как генерал быстро прильнул к окулярам одной из стереотруб и начал обозревать позиции противника. Через несколько секунд он подзывает меня к себе и говорит: «Посмотри. Дай огня!» Посмотрел я и ахнул. Большая группа солдат производит какие-то работы по укреплению позиций.

Я быстро определил координаты цели, исходные данные для стрельбы и немедленно передал их по радио старшему по огневой позиции гаубичной батареи. Первые пристрелочные выстрелы произвожу с фугасным взрывателем. После пристрелки подаю команду: «Взрыватель осколочный, веер сосредоточенный, четыре снаряда, беглый огонь!» В свою

стереотрубу вижу, как падают и разбегаются немцы-саперы. Генерал, наблюдавший пристрелку и стрельбу на поражение, остался доволен. Я, в свою очередь, объявляю благодарность «огневикам», командиру первого огневого взвода старшему лейтенанту Червякову.

Штурм городов-крепостей Кёнигсберга и Пиллау

Город Кёнигсберг был с давних пор крупным экономическим и политическим центром Восточной Пруссии, цитаделью германского милитаризма, трамплином в стратегии «Дранг нах Остен». Одновременно Кенигсберг являлся сильнейшей крепостью, опоясанной по периметру линией мини крепостей-фортов, взаимосвязанных между собой ходами сообщений и огневым взаимодействием. Каждый форт имел постоянный гарнизон из четырехсот-шестисот солдат и офицеров, до двух десятков артиллерийских орудий, множества пулеметов, огнеметов и другого вооружения. Форты были окружены глубоководными рвами с крутыми бетонными стенами, имели многометровые, многослойные, непробиваемые никакими бомбами, потолочные покрытия. Кроме вышеназванных укреплений, вокруг города был сооружен глубокий, с крутыми и высокими брустверами, противотанковый ров, находившийся под огневым артиллерийским и минометным прикрытием. Штурму Кёнигсберга предшествовала мощная артподготовка, продлившаяся три часа.

Наша 31-я гвардейская стрелковая дивизия наступала через предместье Понарт в направлении железнодорожного вокзала (через реку Прегель) и далее на цитадель.

Успешным действиям стрелковых подразделений способствовали смелые и умелые действия наших артиллеристов. В боях за Кенигсберг отличились командиры 76-мм пушек сержанты А. Кукушкин, Ф. Немчинов и другие батарейцы, которые уничтожили артогнем много огневых точек противника и очагов его сопротивления.

Справляться с управлением дивизиона в условиях боевых действий, происходивших в крупном городе, мне помогал штаб во главе с капитаном Мешковым. Не теряя связи со

штабом полка и подразделениями, мы следовали за наступавшими, невзирая на огневые налеты противника.

Один из таких артналетов оказался роковым. Пали смертью героев артиллерийский разведчик Мякишев, радистка штаба, а капитан Мешков лишился глаза. Я со своим взводом управления несколько раз попадал в тяжелое положение.

Но самыми критическими были нахождение дивизиона под артударом противника в районе товарной станции и при форсировании реки Прегель. Ранним утром 9 апреля, вслед за переправившимися батальонами, спешил со своими разведчиками через реку Прегель. Разведчики раздобыли оставленную кем-то на левом берегу изрешеченную осколками небольшую лодку, кое-как и кое-чем заделали пробоины, и мы приготовились к переправе на правый берег в районе Цитадели и королевского замка. Впереди нас, метрах в двухстах, следовал командир батареи 120-мм минометов стрелкового полка капитан Политухо со своим отделением управления. Но, внезапно, капитан был сражен пулей снайпера, укрывшегося в развалинах замка.

Я принял новое решение - сначала произвести огневой налет гаубичной батареи по развалинам цитадели, только после этого форсировать реку. Наш огневой налет оказался точным. После него выстрелов из развалин больше не было.

Таким путем, мы обеспечили себе успешное форсирование реки Прегель и дальнейшее огневое сопровождение завершающих наступательных действий стрелков.

На следующий день, 10 апреля 1945 года, 130-тысячный гарнизон города-крепости Кенигсберг капитулировал.

Вперед, на Пиллау!

После Кенигсберга нам предстояло штурмовать город-крепость Пиллау. 16 апреля, построив свои боевые порядки в несколько эшелонов, 11-я гвардейская армия перешла в наступление. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин, первые шесть дней наступления к большому успеху не привели. Более того, противник переходил в контрнаступление. 22 апреля я получил приказ - выставить для стрельбы прямой наводкой все орудия. При этом, не было принято во внимание и к сведению, что каждый квадратный

метр в расположении наших войск просматривался и простреливался противником. В результате огневого удара с немецких кораблей наибольший урон понесла наша гаубичная батарея, а огневой взвод старшего лейтенанта Червякова почти полностью был выведен из строя.

Однако, начиная с 24 апреля, наступил перелом. После часовой артиллерийской подготовки, началось успешное продвижение в направлении Пиллау. К вечеру части нашей дивизии овладели восемью траншеями противника и вышли к северной окраине крепости. Мой, 3-й артдивизион под командованием майора Синякова И.Х., огнем сопровождал стрелков.

Но при очередном броске в атаку, управление батальона и артдивизиона подверглось внезапной атаке. Осколками снаряда был сражен командир стрелкового батальона, а я - тяжело ранен. Но, несмотря на это, наступление продолжалось. На следующий день гарнизон Пиллау капитулировал. Воистину, не было таких крепостей, которые не могли бы взять гвардейцы! На следующий день дивизия форсировала пролив. Сражение с отчаянно сопротивляющимися гитлеровцами шло до 30 апреля. К этому времени дивизия, хотя и понесла большие потери, но и нанесла противнику еще больший урон. Гвардейцы с честью выполнили свой воинский долг, приблизили день нашей Победы над фашизмом.

Освобождал:

Город Орша (июнь 1944 г.) в составе 3-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника И.Д. Черняховского, 31-й гвардейской Витебской стрелковой дивизии (командир дивизии - генерал-майор И.К. Щербина), 64-го гвардейского артполка (командир - подполковник И.С. Бурденко).

Город Борисов (июнь 1944 г.) (под командованием вышеназванных воинских начальников), город Витебск в то же время.

Город Молодечно (июль 1944 г.), 3-й Белорусский фронт, 11-я гвардейская армия под командованием генерал-полковника В.Н. Галицкого, 31-я гвардейская стрелковая дивизия, 64-й гвардейский артиллерийский полк (командир полка - подполковник Уралов).

Город Инстербург (январь 1945 г.), 3-й Белорусский фронт под командованием генерал-полковника И.Д. Черняховского, 31-й гвардейской Витебской стрелковой дивизии (командир - генерал-майор И.Д. Бурмаков).

Город-крепость Кенигсберг (апрель 1945 г.) в составе 3-го Белорусского фронта под командованием маршала Советского Союза А.М. Василевского 31-й гвардейской Витебской стрелковой дивизии во главе с генерал-майором И.Д. Бурмаковым.

Военные боевые действия закончил 24 апреля 1945 года под городом-крепостью Пиллау в составе 31-й гвардейской стрелковой дивизии на воинской должности командира артиллерийского дивизиона в звании майора. Дивизией командовал генерал-майор И.Д. Бурмаков, 11-й гвардейской армией - генерал-полковник К.Н. Галицкий.

Ранения:

- октябрь 1941 года (осколочное ранение ступни правой ноги. Легкое. Остался в строю);
- ноябрь 1941 года (осколочное ранение правой руки. Легкое. Остался в строю);
- ноябрь 1944 года (осколочное ранение в шею и плечи. Легкое. Остался в строю);
- 24 апреля 1945 года (множественное осколочное ранение в лобно-теменную часть головы. Тяжелое. Оперирован в армейском госпитале № 290. Провел там тридцать суток).

Вернулся в свою часть в начале июня 1945 года на свою прежнюю должность. В августе 1945 года назначен начальником штаба 2175-го гаубичного артиллерийского полка 31-й гвардейской стрелковой дивизии.

Уволен с воинской службы по возрасту в сентябре 1975 года. Работал доцентом в Ленинградском институте связи до 1992 года.

Награжден:

- орденом Красного Знамени (№248984, орденская книжка № 125469, вручен командиром 64-го гвардейского артиллерийского полка - подполковником Кабановым в городе Мамоново за участие во взятие города-крепости Кенигсберг, форсировании реки Прегель);

- орденом Александра Невского (№ 11808. Вручен командиром 64-го гвардейского полка подполковником Кабановым за прорыв обороны противника в бывшей Восточной Пруссии, вызов артогня на себя, обеспечившего удержание плацдарма для дальнейшего наступления. Орденская книжка № 125469);

- орденом Александра Невского (№ 18226, орденская книжка № 125469, вручен командиром 64-й гвардейского артиллерийского полка 6 сентября 1944 года за артиллерийское обеспечение форсирования реки Неман, организацию переправы артдивизиона, участие во взятии города Алитус, а также личное участие в переправе на первом плотике с артиллерийским орудием на «палубе»);

- орденом Отечественной войны 1-й степени (№ 71177, орденская книжка № 125469, вручен в июле 1944 года командиром 64-го гвардейского артиллерийского полка подполковником Удаловым);

- орденом Отечественной войны 1-й степени (№ 1401482, орденская книжка № 948912, вручен в мае 1985 года представителем Тушинского райисполкома города Москвы, за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками);

- орденом Красной Звезды (№ 329490, орденская книжка № 125469, вручен в Кремле Представителем Председателем Верховного Совета Молдавской ССР в декабре 1943 года за эффективные боевые действия батареи и личное мужество ее командира на Северо-Западном направлении в составе 3-й ударной армии, 8-й гвардейской стрелковой дивизии)

- орденом Красной Звезды (№ 3358723, орденская книжка №125469, вручен начальником курсов усовершенствования политсостава генерал-майором Лепехиным за активное участие в Великой Отечественной войне и безупречную службу в Вооруженных Силах. Ноябрь 1956 года);

- медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «Ветеран Вооруженных сил СССР» и др.

В войне погиб двоюродный брат Василий Тимофеевич Ганкович, сражавшийся в партизанском отряде, действовавшем на территории Витебской области.

Грамоты:

- почетная грамота в связи с 70-летием ВС СССР, за добросовестную и активную общественную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи микрорайона (Вручили: председатель совета ветеранов войны и полковник запаса В. Устинов и секретарь партийной организации генерал-майор юстиции запаса В. Дмитриенко);

- грамота от 23 февраля 1988г. за долголетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах, плодотворную педагогическую и общественную работу и в связи с пятидесятилетием со дня рождения (Вручил генерал-полковник К.Абрамов Пр. ВАТТ №416 от 12.12.1970г.);

- грамота за долголетнюю и безупречную службу в Советских Вооруженных Силах (Вручил ВРИО начальника академии генерал-лейтенант Жовковский от 21 сентября 1975 г.);

- грамота за большую организационную работу по подготовке к выборам и четкую работу участковых избирательных комиссий (Вручил начальник академии генерал-полковник Миловский Пр. ВАТТ №158 от 26.03.1962г.);

- грамота за большую и плодотворную работу по обеспечению учебного процесса в 1964/65 учебном году. (Вручил начальник академии генерал-полковник Миловский Пр. ВАТТ №457 от 04.09.1965 г.);

- грамота за активное участие в пропаганде материалов XXIV съезда КПСС в войсках ордена Ленина Ленинградского военного округа. (Вручил член Военного Совета начальник политического управления ордена Ленина Ленинградского военного округа генерал-полковник Мажаев. Приказ от 29 апреля 1947 г.)

- грамота за активное участие в работе по подготовке и проведению выборов депутата Верховного Совета РСФСР по Василеостровскому избирательному округу. (Вручил начальник академии генерал-лейтенант Миловский Пр. ВАТТ №565 от 12.10.1959г., г., Ленинград).

Статьи:

- Легендарные защитники завоеваний Октября. Информационно-методическая бюллетень, ЦДСК им. М.В. Фрунзе. 1958г. №1.;

- Повышать идейный и методический уровень марксистско-ленинской подготовки. Труды ВАТТ. 1960г. №56. Соавтор Гавриленко;

- материал для докладов и бесед «Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством» (печатная). Труды ВАТТ. 1962 г.;

- монография «Работа большевиков среди солдат и матросов в годы реакции и нового революционного подъема (1907-1914гг.)». Труды ВАТТ. 1966;

- кандидатская диссертация на тему «Работа большевиков среди солдат и матросов в годы реакции и нового революционного подъема (1907-1914гг.)» (рукопись) Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. 1967 г.;

- учебная лекция «Революционная деятельность большевистской партии в армии и флоте в период между первой и второй буржуазно-демократической революциями в России (1907-февраль 1917гг.)» (рукопись) Труды ВАТТ. 1971 г.;

- курс лекций «Военно-боевая работа большевиков в трех русских революциях (1905-1917гг.)» Труды ВАТТ. 1972 г.;

8) Курс лекций «В.И. Ленин о международном значении исторического опыта большевиков». Книга В.И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Труды ВАТТ. 1973 г.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Григоренко Ольга Дмитриевна

и Никонова Ольга Викторовна, *студентки 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета*)

Смирнова Зоя Павловна

«Вахту» я несла на крыше, в окне нашего дома, когда подпольщики собирались у нас

Я родилась 1 февраля 1934 года в селе Урень, Горьковской области, православная. С 1944 г. член Всесоюзной пионерской организации, с 1947 г. – член ВЛКСМ.

В марте 1940 г. вместе с семьёй переехала в г. Брест, куда на работу Наркоматом связи СССР был направлен отец. В сентябре 1941 г. должна была пойти в 1-й класс. Здесь 22 июня 1941 г. в 4 часа утра и застала нас война.

О Победе узнала в том же городе, в том же доме, из окон которого 22 июня 1941 г. увидала кроваво-огненное зарево над Брестской крепостью. Рядом, как и в тот страшный день, были мама с папой.

В 1952 г. с «Золотой медалью» окончила школу, в 1958 г. – Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе, работала инженером на КБ «Энергомаш», на комсомольской, партийной и профсоюзной работе. С 1986 г. на пенсии по инвалидности.

В 1995 году получила почётное звание «Участник Великой Отечественной войны». Боевых наград не имею. Награждена юбилейными медалями в честь 50-ти, 60-летия Победы и 100-летия со дня рождения Жукова.

После войны остались живы мама - Смирнова Татьяна Николаевна, папа- Смирнов Павел Павлович, сестра мамы - Пономарёва (Калиберова) Мария Николаевна и бабушка - Пономарёва Александра Дмитриевна. Во время войны они работали в подполье и были в партизанах. Все, кроме бабушки, награждены медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд в период ВОВ 1941-45 гг.». Мама награждена медалью «За отвагу» польским «Партизанским крестом». У папы и тёти – медали «За боевые заслуги».

Во время войны погиб брат папы - Смирнов Виктор Павлович; без вести пропал на Ленинградском фронте брат мамы - Пономарёв Алексей Николаевич, работавший политруком. Найти его до сих пор не могу. Его имя среди других увековечено на памятной стене в г. Урень.

Имею публикации.

1. Книга «Подполье непокорённого города» (в дальнейшем используется сокращенно – ПНГ. Авторы Смирнова Татьяна Николаевна и Смирнова Зоя Павловна. Я сочла необходимым указать авторство мамы, хотя она уже умерла в 1989 году, т.к. 1-я часть книги - это немного доработанные мною её воспоминания, которые она так хотела напечатать; 280 стр. с иллюстрациями; отпечатана в типографии газеты «Уренские вести» (г. Урень, Нижегородской обл.). В феврале 2004 г.. 500 экз.. Автор, редактор и корректор – в одном лице. Издана книга на свои средства ради Памяти. Стараюсь сделать всё, чтобы книга нашла своего читателя. Подарены 250 экз. г. Бресту в день 60-летия освобождения города от немецко-фашистских захватчиков; около 100 экз. розданы и разосланы детям, родным и знакомым подпольщиков (тем, кого удалось разыскать; по одному экземпляру книги передано в Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе, в Центральный музей ВОВ в г. Минске, в Мемориал «Брестская крепость-герой», в Брестский областной краеведческий музей, во все школы и библиотеки Бреста и города Химки.

2. Брошюра «Не понаслышке знаю о войне» (2-я глава книги ПНГ), 59 стр.; отпечатана в типографии ООО «Мультипринт», г. Москва, апрель 2005 г., 500 экз. Раздаю при встречах с учащимися в школах.

3. Статья «Не понаслышке знаю о войне», стр. 6 в журнале «Военные знания» (№ 5, май 2001 г.), под рубрикой «Память огненных лет»; издательство «Военные знания», Москва, тир. 8650 экз.

4. «Рассвет так и не наступил», «Я имею к войне отношение» (из книги «ПНГ»), под рубрикой «Кто забыл своё прошлое, у того нет будущего» – газета «Химкинские новости» №№ 51-52 (984-985), 14 мая 2003 г., тир. 38000 экз.

5. «Кукла Света» (из книги «ПНГ») - газета «Химкинские новости», приложение «Маленькая страна» №4 (28) под рубрикой «История России», 19 февраля 2003 г.

6. «Зачем уходят ветераны…», стихотворение, газ. «Химкинские новости» № 1398, под рубрикой «Поклонимся великим тем годам», 16 ноября 2005 г.

7. «Кукла Светлана», «Южный городок» (из книги «ПНГ»), очерк «Боевая группа», «Из послесловия», под рубрикой «Память» в газете «Юный спасатель», №12 (54), орган Белорусской молодёжной общественной организации спасателей-пожарных, г. Минск, 27 июня 2006 г., 90000 экз. Подборка подготовлена Светланой Дацук, спецкором «ЮС» по Брестской области.

7. Стихи «Не понаслышке знаю о войне», «Зачем уходят ветераны…», «Девочке Беслана», «Памяць сэрца» (на белорусском языке), «Вместо школьного урока – война» стр.112-119 в литературном сборнике «Поклонимся великим тем годам…», выпущенном к 60-летию Победы литобъединением «Химки» совместно с Администрацией Химкинского района в апреле 2005 г., 1000 экз.

8. «Говорит Москва!» (проза), «Я имею к войне отношение» (стихотворение) - из книги «ПНГ», «Бриллиантами сверкает небо…», стр.218-220 в юбилейном литературном сборнике «Полвека с Химками», посвящённом 50-летию литобъединения «Химки», Москва, сентябрь 2005 г., 500 экз.

9. «Я только помогала маме…», «Забыть свою фамилию», « А в крепости ещё стреляли» из книги «ПНГ», стр.132-140 в альманахе «Московский Парнас» №6 (22) под рубрикой «Современные мемуары»; Москва, июль 2006 г.

10. «Вечный огонь», «Не отпускает от себя война…», «Бессмертье», «Девочке Беслана» - стихотворения, стр.73-75 в

сборнике «Литературные Химки», Москва, август 2007г., изданном Министерством культуры Московской области совместно с Московской областной организацией Союза писателей России.

11. «Вечный огонь», стр.124 сборника «Золотая строка Подмосковья», 2007 г., изданного Министерством культуры Московской области совместно с Московской областной организацией Союза писателей России по результатам конкурса «Литературное Подмосковье – 2007», в котором участвовали свыше тысячи профессиональных и самодеятельных поэтов Подмосковья.

Мои намерения и планы состоят в том, чтобы рассказать об оккупации так, чтобы все, кто прочитает мою книгу, не сомневался больше в том, что подпольщики внесли свой вклад в победу над врагом, проявив высокое чувство патриотизма, оставаясь советскими людьми на занятой фашистами территории. И, чтобы, поздравляя с Днём Победы и перечисляя тех, кто завоевал её, все, в том числе и Президент, не забывали и о подпольщиках.

После выпуска книги «Подполье непокорённого города» я постоянно вижу большой интерес к ней, к событиям, о которых рассказывается, получаю устно и письменно много восторженных отзывов и пожеланий приобрести её. Узнав, что книга выпущена таким маленьким тиражом, просят переиздать её. Но средств для этого у меня уже больше нет. Обращалась в издательство «Детская литература», где в 1964 г. вышла книга С. С. Смирнова «Брестская крепость», в которой есть глава «Подпольщики», написанная на основе встреч и бесед с живыми ещё в то время подпольщиками Бреста. В книге есть упоминание и о моём участии в их работе. Меня очень внимательно выслушали, выразили своё понимание в необходимости таких произведений, но, сказали, что выпуск книги с такой тематикой принесёт им только убытки, такая литература у них не пользуется спросом, даже школы не заказывают и не берут. «Сейчас, к сожалению, спрос на Донцову, Маринину и подобных», - подытожила зам. редактора, и напрасно я её убеждала, что мне не нужен гонорар, что я постараюсь найти кое-какие средства. Главное для меня, чтобы о Брестском подполье, организаторами и основным ядром которого были сыны и дочери России, узнали

люди в разных уголках моей страны, это ведь ещё неизвестная страничка Истории Великой Отечественной войны, это Правда, которую нельзя выдумать, но которую надо знать.

Не оставляю надежды издать книгу тиражом более пятисот экземпляров. Сейчас работаю над тем, что не вошло в книгу, использую материалы, появившиеся у меня уже после её выхода. Собираю материал о детях, переживших оккупацию не только в Бресте. Очень хочется, чтобы их глазами сегодняшнее поколение увидело ужасы той войны, и не только увидело, но и поняло, что такое оккупация - это было бы хорошим дополнением или продолжением моей книги

Ещё работаю над темой «Матери уходили в бессмертье вместе с детьми».

После одной из встреч в школе ко мне подошла корреспондент газеты и сказала: «Я впервые после Вашего рассказа задумалась о том, что ведь кроме фронта, партизан, нашего тыла, был ещё глубокий фашистский тыл, где жили наши люди. Как же вы жили, как выжили?». И не одна она такая.

В 2005 году я ездила в Брест в «Эшелоне Победы». В эшелоне я была единственной, кто представлял подполье. В основном, были фронтовики. Некоторые даже недоумевали, с какой стати я оказалась в эшелоне, среди них. Но как изменилось отношение после того, когда некоторые из них услышали мои рассказы, почитали бегло книгу! «Да нам на фронте было, наверно, даже легче, чем вам там, в. этом аду», - сказала мне соседка по купе. Трудно было всем, и трудности могли быть разными. Но цель была у всех одна – победить врага, выгнать его с нашей земли, потому и победили.

«Ваши рассказы – живая история. Нам нужно это, я хочу это знать, - пишет мне ученица 11-го класса Брестского областного лицея Катя Сахарчук. - Спасибо Вам за то, чего не написано в книгах, чего узнать сейчас сложно, как бы я не интересовалась. Знаете, мы уже все как-то привыкли к празднику День Победы, но очень мало среди молодёжи тех, кто по-настоящему задумывается, в честь чего этот салют, праздник, какой ценой всё это досталось. Безусловно, все знают, что вот, мол, война была, но о сути того, что было на самом деле, не задумываются, как это не печально. Мне очень понравились Ваши рассказы о настоящей, о нашей большой

трагедии - о войне. Мне было грустно, страшно, я будто окунулась в ваше время, я ощущала себя с вами рядом. Я плакала…» После окончания школы она собирается стать журналистом. До встречи со мной, с моей книгой - она ничего не знала о Брестском подполье. А теперь считает это для себя «грандиозной темой», ей захотелось больше узнать о подполье и даже написать книгу.

Публикации обо мне были, в основном, в газетах. Назову только некоторые из них:

1. С.С. Смирнов «Брестская крепость», историко-публицистическая проза, издательство «Детская литература», Москва, 1964 г.,406 стр. (обо мне упоминается в главе «Подпольщики», стр. 312). Это была первая и последняя публикация в центральной печати о Брестском подполье. Книга была переиздана в 1965 г в издательстве «Молодая гвардия», Москва (обо мне – стр.374) и в 2000 г. в издательстве «Раритет», Москва (обо мне – стр. 313).

2. А.А Гребёнкина, «Брест непокорённый», исторический очерк (рубрика «Научное издание»), издательство «Беларуская энцыклапедыя» имени Петруся Бровки, Министерства информации республики Беларусь, г. Минск, 2005 г., 311 стр. (обо мне – стр.195-196). А.А.Гребёнкина – доцент, кандидат исторических наук, над книгой работала 20 лет, широко использовала воспоминания подпольщиков, архивные материалы.

3. Члены краеведческого кружка Брестского Дома пионеров, «Юные герои Бреста», под рубрикой «Великая Отечественная», газета «Зорька», орган ЦК ЛКСМБ и Республиканского совета пионерской организации им. В.И.Ленина, №24 (1121), 18 июня 1966 г., стр.2 (Минск).

4. Я. Юферова, Москва, «Сирень для крепости», «Российская газета», приложение «Союз Беларусь – Россия», №17 (213), 5 мая 2005 года, под рубрикой «Кто, как и зачем помнит сегодня войну», стр. 1 и 3 (Москва).

5. Эта же статья напечатана в газете «Советская Белоруссия» под рубрикой «Как и зачем нужно помнит войну», №84 (22241), 5 мая 2005 года, стр.7-8.

6. Ю.Шапран, Брест, «Девочка из 41-го», газета «Брестский курьер» №10 (784), 8 марта 2006 г., стр. 32, (Минск).

7. С. Дацук, «Детство, опалённое войной», газета «Юный спасатель», под рубрикой «Память», 27 июня 2006 г, №12 (54), стр. 6 (Минск).

8. Н. Лабецкая, «Не понаслышке знаю о войне», под рубрикой «Приближая победу», газета «Химкинские новости», Химки, Московская область, №49-50 (1286-1287), 2 апреля 2005 года, стр. 5.

9. М. Калиберова, Брест, «Наш путь был труден и опасен», газета «Заря», 13 апреля 1996 года, стр.2.

10. А.А Гребёнкина, «Брестское городское партийно-комсомольское подполье в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-июль 1944)», под рубрикой «Пишется книга «Память», газета «Заря», Брест, №82 (12032), 22 июля 1997 года, стр.2.

11. Е. Литвинович, «Памяти Брестского подполья», под рубрикой «Событие», газета «Заря», Брест, 30 сентября 2006 года, стр.2.

12. Е. Тихоненкова, «Жизнь, отданная людям» (о маме), газета «Уренские вести», г. Урень, Нижегородской области, №100 (10729), 29 августа 2000 г.

13. Т.Смирнова, «Подполье непобеждённого города», газета «За коммунизм», г.Урень, Горьковской области, №№ 104-107 (обо мне в №107), сентябрь 1967 года.

14. В. Кокошкина, «Поклонитесь, внуки, дедам!», газета «Химкинские новости», г. Химки, № 187-188 (1610-1611), 6 декабря 2006 года, стр.3.

15. М. Алексеева, «Преданы земле через 60 лет» под рубрикой «Память», газета «Брестский вестник», №9, 3 мая 2005 года, стр. 3.

16. Н. Лабецкая, «Литературно-музыкальная гостиная», под рубрикой «Приближая победу», газета «Химкинские новости», г. Химки, №57-58 (1294-1295), 16 апреля 2005 года, стр. 11.

17. Е.Макаревич, «Брестское подполье», телеочерк Брестское телевидение, 2005 г., 40 мин.

18. В. Красноярский, «С Днём Победы!», 7 мая 2005 г., Химкинское телевидение, моё выступление 5 мин.

Не отпускает от себя война,
Она, наверно, навсегда во мне.
Давно пришла победная весна,
А я все вспоминаю о войне…

Первый салют Победы!

Мои воспоминания о войне всегда начинаются с первого Победного салюта, который прозвучал для меня утром 9 мая 1945 года в Бресте, в городе, где я услышала первые залпы войны.

Каждый день мы ждали, что вот-вот кончится война. Ждали.… И всё равно весть о Победе прозвучала, как взрыв бомб! Это выплеснулись наружу чувства людей, накопившиеся за годы ожидания, за 1418 дней и ночей веры в то, что он обязательно придёт, этот День Победы. Радость, слёзы, смех, крики и… стрельба! Да, да! Стрельба, которая началась, как по команде, лишь только по радио прозвучало слово «Победа!». Стреляли все, у кого было оружие. А оно было у многих, даже у гражданских, у бывших подпольщиков и партизан. Стреляли, конечно, в воздух. И это были первые за всю войну выстрелы, которые меня не пугали, которых никто не боялся, от которых не прятались. Наоборот, при каждом выстреле, прозвучавшем рядом, слышались не крики ужаса, а перекрывавшие свист пуль возгласы ликования. И я кричала изо всех сил: «Победа! Победа!» Кричала и радовалась разнокалиберному, из нескольких сотен, а может быть и тысяч залпов Первому Победному Салюту!

В жизни больше не довелось мне видеть такое большое количество людей, выплеснувших на улицу свою радость и старавшихся поделиться ею друг с другом. Да! Радость была общей, одна на всех - ведь это была Победа!

И так хочется сделать всё, чтобы в родословной наших детей, внуков и правнуков и всех последующих поколений нашлось достойное место победившим в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.

Это в честь них, победителей, каждый год гремит Салют Победы. Он становится всё краше, рассыпаясь в небе миллионами звёздочек, и каждая из них принадлежит победителям. И тем, кто ушёл из жизни в годы борьбы с коварным врагом или уже потом, в послевоенные годы, и тем,

кто сегодня живёт среди нас. И пусть этот салют не меркнет с годами. Как не меркнет и Память о том, какой ценой досталась эта Победа. Потому что…сначала была война, страшная, чудовищная, беспощадная, война всенародная и священная.

Рассвет так и не наступил…

22 июня 1941 года в 4 часа утра нас разбудили страшные раскаты грома. Подумав, что это гроза, мама выключила радио. Но, увидев в окно огромное сплошное полыхающее зарево над крепостью, поняла, что началась война. Папа сразу побежал на телеграф, на ходу включил радио и крикнул: «Ждите сообщений». И хоть было ещё так рано, все были уверены, что о войне сообщат сразу же, что вот-вот пойдут наши танки, прилетят наши самолёты. Но из репродуктора раздавался только треск. А по шоссе Варшава-Москва на мотоциклах мчались какие-то страшные чудовища, которые, не целясь стреляли из автоматов во все стороны. В небе ревели немецкие самолёты...

Побежали в бомбоубежище. У ворот я увидела первого человека, убитого врагом. В окровавленном нижнем белье не тротуаре лежал молоденький солдат, а рядом - ящик с патронами и две винтовки. И я поняла, что война уже в нашем городе. За 65 лет этот эпизод первого дня войны так и не стёрся из моей памяти. Этот солдат не убегал от врага, а бежал, чтобы воевать с ним, бежал, сам того не зная, в бессмертие. И в те первые часы войны все находящиеся в подвале говорили о нём как о герое.

Вдруг кто-то крикнул: «Немцы!». Уже был слышен их лающий говор. Мгновенно детей посадили на ящик с патронами и винтовками, которые мужчины перенесли от убитого солдата. Все замерли, устремив взгляд на дверь. Первым в подвал ворвался луч фонарика и стал шарить по лицам присутствовавших. «Юда! Юда!» - кричали немцы. Искали евреев. Не обнаружив их, ушли. Потом ещё не раз этот луч немецкого фонарика вызывал у меня страх.

Не помню, когда и как мы оказались опять в нашей квартире, из которой нас тут же выгнал приехавший из Польши хозяин нашего трёхэтажного дома. Вышли, в чём стояли, только куклу я прихватила. Но у ворот – немцы! Не выпускают никого. Нам приказали встать лицом к стене, у

которой уже стояли папа и кто-то из мужчин. Через 1-2 минуты рядом со мной стоял 10-летний Эдик Крашенинников со своей мамой, потом моя мама, её 19-летняя сестра Маруся и ещё человек пять. Немцы, направив на нас автоматы, долго кричали, казалось, о чём-то спорили, а потом вдруг по одному цепочкой стали выпускать из двора. Видно, решили нас не расстреливать, а отвести в жандармерию. Они до такой степени были уверены в своей силе, в страхе русских перед ними, что повели нас без всякой охраны. Только впереди, даже не оглядываясь, шёл немец, а рядом с ним шла какая-то женщина и непрерывно кричала: «Я тутэйшая!» Этим воспользовались взрослые, и нам удалось бежать. Поколесив по дворам и не веря, что удалось спастись, мы пришли на ул. Маяковского, д. 20. в домик с закрытыми ставнями, где жил находившийся среди нас связист Владимир Иванов.

Казалось, этот страшный день подходил к концу. Я даже не могу вспомнить, каким он был этот первый день войны, светило ли солнце. Мне до сих пор кажется, что рассвет так и не наступил. А ведь кончался уже не первый, а второй день войны…

В городе линии фронта не было. Но с первых минут войны героическое сопротивление врагу оказали собравшиеся в здании облвоенкомата солдаты и командиры, гражданские лица, явившиеся в военкомат, не дожидаясь призыва. Бой шёл до позднего вечера.

Почти 2 недели шла героическая оборона Брестского вокзала, в которой участвовали вместе с военными железнодорожники и даже те, кто в последние предвоенные минуты были ещё просто пассажирами.

Фронт с каждым днём всё отдалялся. Папа ушёл из города, в надежде перейти линию фронта и влиться в ряды Красной Армии. А я с мамой, бабушкой и 19-летней маминой сестрой осталась во вражеском тылу. Мы даже подумать не могли, что в оккупированном фашистами Бресте нам придётся прожить 2,5 года.

Я только помогала маме

Уже через несколько дней после начала войны мама стала ходить по своим знакомым. Часто, для отвода глаз, брала меня с собой. Мы приходили к женщинам, которые до войны

работали с ней. Они знали меня, а я их, т.к. до войны часто прямо из детского сада приходила к маме на работу в горком партии. Потому уже к началу создания подпольной партийной организации я знала несколько адресов, по которым потом пришлось ходить, выполняя «мамины задания». Это были явочные квартиры подпольщиков. Некоторые явки узнала позже.

Я и сейчас помню, кто, где жил: ведь ходила не раз и не только с мамой, но и одна. Мама отсылала меня отнести небольшие свёрточки, говорила, что в них были хлеб, крупа, картошка. Конечно, у нас у самих не было ничего, но люди тогда делились друг с другом последним, и такое объяснение не вызывало у меня вопросов. Позже я узнала, что было в этих свёрточках. Листовки и газеты, которые мама приносила из партизанского отряда, куда они, наконец-то, в сентябре 1943 г. стали приходить с Большой земли, я носила на ул. Белостокскую к Нине Комоловой и Надежде Васильевне Дедуновой (это моя воспитательница из довоенного детского сада) на ул. Гоголя к Яде Косинской.

Чаще всего с мамой ходила к Розе Радкевич. Каждый раз мама посылала меня первой. Если всё было спокойно, я выходила на балкон и, как мы договаривались с мамой, хлопала в ладоши или кружилась. А если был кто-то чужой, меня провожали погулять, и я бежала скорее к маме, чтобы предупредить её. До сих пор на ул. Будённого стоит этот домик. А с сентября 2006 г. на нём установлена мемориальная доска в память о том, что 15 августа 1941 г. здесь проходило первое организационное заседание Брестского подпольного ГК КП(б)Б, который до последних дней оккупации руководил комсомольско-молодёжными, антифашистскими подпольными группами.

Такую же «вахту» я несла на крыше, в окне нашего дома (жили мы в чердачном помещении), когда подпольщики собирались у нас. Бывало, засидятся женщины долго. На столе карты, на всякий случай, т.к. собираться по несколько человек не только на улице, но и в квартирах было запрещено. Иногда одна диктует, а все сидят и пишут. Знаю, готовят листовки. Моё дело было за улицей смотреть, чтобы посторонние люди во двор не вошли. Потом сидела до тех пор, пока все не

разойдутся. А иногда, чтобы меньше бросалось в глаза, некоторых женщин выводила задними дворами.

Как в школу, ходила я к Елизавете Ивановне Усановой, которая стала моей первой учительницей. Часто сидела с её годовалой Наташкой, а мать в это время уходила выполнять задания подпольщиков или бегала просто своровать немного угля, чтобы согреть родившуюся за две недели до войны дочурку.

Не один раз мама посылала меня в бондарную мастерскую на ул. Московской, где работал Пётр Георгиевич Жуликов – организатор и первый секретарь подпольного ГК партии. Носила ему записки, понятные только им двоим, иногда что-либо передавала устно. Предлогом для меня были «колодки» (так называли босоножки на деревянной подошве), которые Пётр Георгиевич что-то уж очень долго делал. А я всё ходила и ходила - на примерку. Когда «колодки» всё же были готовы, понесла ему в бондарную мастерскую переделывать для меня мамины туфли.

По заданию мамы в приютах я разыскивала детей арестованных подпольщиков Жуликовых и Гориных. Во время ареста родителей детей не было дома, потому они могли оказаться в приюте. Сначала мама проводила меня до приюта на ул. Мицкевича, дала мне небольшой пакетик для передачи и рассказала, что я должна спросить. Дети Жуликова оказались в этом приюте. А вот детей Гориных не было. В поисках их пришлось не один раз сходить к приюту на ул. Пушкинской. В этот приют мне удалось проникнуть только под видом польской девочки по пригласительному билету на рождественскую ёлку, который достали подпольщики. И мне удалось увидеть там детей Гориных – Валерика (5 лет) и Гену (7 лет). Выкупить их подпольщикам не удалось, и дети были вывезены в Польшу. После войны, когда воспитанники детдома вернулись в Брест, Гены и Валерика среди них не оказалось. Мама не оставляла надежды найти их. Теперь детей Гориных ищу я. Пока все мои попытки остаются без ответа. А детей Жуликова взяли из приюта подпольщики, после освобождения Бреста разыскали их дедушку и бабушку и в конце 1944 года передали детей их родным.

Кукла Светлана

На задания я часто ходила со своей куклой Светланой. Один раз она, в прямом смысле слова, спасла мне жизнь. А может быть и не только мне. Вместе мы выполнили очень серьёзное задание. Маме надо было срочно передать подпольщице Яде Коссинской собранные для партизан бельё, два пистолета, бинокль, компас, копировальную бумагу и махорку. Идти надо было с ул. Госпитальной до ул. Гоголя. Далековато. Никакими задними дворами не пройдёшь. Мама решила послать меня. Видно, другого выхода не было.

Уложили всё в корзинку, а сверху – куклу со всеми её «нарядами». Мама не скрывала, что «груз» опасный. Но только просила, чтобы я не привела «хвоста» к тёте Яде. «Зоечка, - напутствовала она меня, - тебя могут забрать, будут давать конфеты, запугивать и даже бить. Только не говори, куда шла, не показывай домов, куда мы до этого ходили. И не называй нашу настоящую фамилию». А я думала: «Зачем мама всё это мне говорит? Я всё понимаю. Ведь мне уже 9 лет! А конфеты… о них я уже давно забыла, хотя помню, что они сладкие…». (Недавно после моего выступления в школе ко мне подошёл маленький мальчик и протянул …коробку конфет и что-то сказал. Поняла я только слово «поешьте» и переспросила его. «Вы сказали, что во время войны даже забыли о конфетах. Поешьте их сейчас», - услышала я и уже не могла сдержать слёз.)

По пути я заметила, что по другой стороне идёт поляк (форма одежды у него была такая же, как и выгнавшего нас из квартиры хозяина). Я остановлюсь, поиграю « в классики», и он останавливается: продолжаю идти, и он тоже. Когда подходила уже к своему бывшему детсаду, решила зайти во двор и понаблюдать за ним в щелку. Показалось, что он ушёл. Я вышла и пошла дальше. Но не успела пройти несколько шагов, как он догнал меня. Тыча рукой на корзину, стал кричать по-польски: «Цо ту ест? Дзе идзеш?» («Что тут? Куда идёшь?») Видно, несоразмерной со мной показалась ему корзинка. Я ответила по-польски, что иду к подружке играть в куклы и…разревелась. Видно, испугалась всё же, не зная, что делать: ведь до тёти Яди оставалось идти всего два квартала! Рядом было немецкое общежитие, от которого в нашу сторону

шёл немец. Поляк что-то сказал ему. Тот подошёл ко мне и о чём-то спросил, показывая на корзинку, «Кукла, кукла», - лопотала я. И вдруг меня осенило: он не понимает. Я сдёрнула тряпку и вытащила куклу. «Лялька, кукла», - торопливо говорила я и протянула ему мою Светлану. Мне даже показалось, что он улыбнулся. «Гут! Гут! Шнель!», - я поняла, что он сказал. Не верилось, но они уходили.

Не спеша, положила куклу в корзинку, накрыла и так же, не спеша, пошла дальше. Сразу к тёте Яде не пошла. И домой тоже пошла не сразу.

Я была готова к тому, что меня будут ругать за такую долгую «прогулку». Но мама только спросила: «Передала?» «Да», - односложно ответила я. Рассказала маме только через 3 дня, когда поняла, что всё спокойно. Как же мы плакали, прижавшись друг к другу! А Светлана была рядом с нами… и не понимала, что это она спасла всех нас, помогла выполнить задание (наконец, я ощутила не страх, а чувство гордости за то, что сделала).

Таня, Галя, Зоя - три имени в моём сознании с детства

О Тане я узнала осенью 1943 года, когда стали приходить газеты с Большой земли. Многие из них вышли уже давно, но для людей в оккупированном Бресте были, как воздух, как чистая родниковая вода, которую можно и хотелось пить! Мама приносила газеты из партизанского отряда и часто поручала мне отнести их подпольщикам. Помню, в руки мне попала газета «Правда», развернув которую, я увидела фотографию.... До сих пор стоит перед глазами откинутая назад безжизненная голова девушки с верёвкой на шее. «Таня» - так называлась статья.

А всего лишь через несколько месяцев, в декабре 1943 года узнала о Гале. Мы с бабушкой в этот раз носили передачу семье подпольщика Горина Василия Ивановича. Шли в тюрьму, не зная, живы ли они ещё. Немцы что-то кричат, подталкивая нас к зданию тюрьмы. Смотреть по сторонам и разговаривать запрещено. Но я тайком оглядываюсь. И вдруг в глубине двора вижу виселицу, а на ней труп девушки. Она почти голая, а на груди дощечка с какой-то надписью. «Кто это?», - не успела я подумать, как бабушка сильно потянула

меня за руку, и мы очутились в здании. Нас вталкивают в какое-то холодное мрачное помещение, и двери за нами с лязгом захлопываются. Там, кроме нас, было много людей. Сквозь решётчатое окно называем фамилии тех, к кому пришли. Теперь надо ждать. Если возьмут передачу, то Горины живы. Время тянется страшно медленно. «Ты видела?», - не вытерпев, спрашиваю бабушку. Она кивает головой. «Кто это?», - не унимаюсь я. «Молчи», - шёпотом останавливает меня бабушка.

Уже у многих взяли передачи, а у нас всё ещё нет. «Проверяют. Могут и совсем не выпустить», - почти одними губами говорит мне бабушка. «Если нас выпустят, то надо успеть прочитать, что написано на дощечке – думаю я, - чтобы рассказать маме, может она знает её». Вдруг слышу: «Кто к Гориным? Их здесь нет». Я тут же подумала: «Расстреляли. Теперь нас точно не выпустят». Потом бабушка сказала, что думала о том же. Выпустили всех через 4 часа. До тюремных ворот близко, а надо успеть прочитать имя девушки. Но на дощечке лишь одно слово: «Партизанка». А немцы, проходя мимо, ударяли по безжизненному телу своими дубинками. Девушка раскачивалась, и мне показалось, что верёвка вот-вот оборвётся. Бабушка молчит и крепко сжимает мне руку. Боялась, видно, что я не выдержу. И только уже, когда мы вышли, дошли до церкви, не поворачиваясь ко мне, тихо сказала: «Это комсомолка-подпольщица Галя Аржанова».

Я больше ничего не знала о Гале, но сразу же назвала её нашей Таней. Потом, когда мама мне немного рассказала об её смелости и мужестве, поняла, что не ошиблась. Эти обе девушки-комсомолки совершили подвиг во имя Родины и, выдержав все пытки, никого не выдав, гордо пошли на виселицу, сделав свой последний шаг…в бессмертие.

Таня перед войной окончила среднюю школу в Москве, а Галя – 20-ю Московскую фармацевтическую школу и была направлена на работу в Брест.. А погибли – одна под Москвой в конце 1941 года, где ценой неимоверных усилий, наконец-то, был остановлен враг, а другая – в конце 1943 года в оккупированном Бресте, «где первый шаг свой сделала война».

После войны я узнала, что настоящее имя Тани – Зоя Космодемьянская. С тех пор оба эти имени слились для меня в одном.

О Гале Аржановой я подробнее узнала после войны… Она родилась 15 августа 1922 г. в г. Волоколамске Московской области. В Брест приехала в 1940 году и там стала работать в одной из аптек города. 20-25 июня 1941 г. Галя должна была уехать в отпуск к своим родным, но началась война……

В Бресте у Гали не было не только родных, но даже и знакомых-то мало. А в трудных условиях внезапно начавшейся войны она быстро нашла себе друзей среди подпольщиков. Сначала ей давали разные поручения: распространить листовки, сводки Совинформбюро, собирать оружие, боеприпасы. И каждое задание она выполняла добросовестно, с большой ответственностью.

Когда партизаны стали просить не просто медикаментов, а и лекарств, у подпольщиков возникла острая необходимость иметь в аптеке своего человека. Но посылать надо было того, кто бы разбирался в лекарствах, знал их назначение. Выбор пал на Галю. Секретарь подпольного ГК партии Жуликов П.Г. советовал ей подумать, не торопиться с ответом. Но Галя с твердой уверенностью в голосе сказала: «Я готова выполнить задание. Моя жизнь принадлежит Родине».

Одновременно Галя входила в группу разведки, которой руководил В.Я. Мельников. Работала вместе с патриотами театра Н. Францевым, Д. Красовским, Александром Иваненко. Николай Францев возглавлял не только балетную группу театра, но и подпольную комсомольскую группу театра. Это был талантливый, красивый молодой человек, смелый, решительный, мужественный подпольщик. Соседям и окружающим Галя и Николай представлялись как влюблённая пара, что позволяло им, не вызывая лишних подозрений, использовать свои встречи для проведения активной подпольной работы.

Подпольщики очень ценили Галю и во избежание провала старались, чтобы Галя ничего из аптеки сама не выносила. В установленные дни, по определенному паролю, к ней приходили подпольщицы, брали подготовленные пакетики и несли их на явочную квартиру, откуда через партизанских связных лекарства переправляли в партизанские отряды. Более чем за 2 года по этой «цепочке» в партизанские отряды им. Чернака, Фрунзе, Ворошилова было передано медикаментов на 40 тыс. рублей.

Но в самый разгар своей деятельности по доносу предателя в октябре 1943 г. Галя была арестована. В тюрьме и гестапо ее пытали и допрашивали. Не раз проводили очную ставку с подсаженной в тюрьму предательницей Гертрудой Вагнер. Эта «заключенная» опознала многих арестованных подпольщиков. И Галю она «отрекомендовала» как подпольщицу, связную партизанского отряда, собирающуюся тоже уйти в партизаны.

Сведения о Гале подпольщикам передавала цыганка Люба, которую из тюрьмы вместе с другими женщинами-заключенными водили в город на дезинфекцию мест общего пользования.

Галя передала 4 записки подпольщикам. В одной из них она писала: «Допрос ведет высокий гестаповец. Требует признаний, как связалась с партизанами. Не бойтесь, умру, но никого не выдам. Тайну унесу в могилу. Прощай, Родина! Прощайте, советские люди! Мстите за нас фашистам!»

Во второй записке сообщала об очной ставке с женщиной и о том, что продолжают пытать…терялась в догадках, кто их предал…

Записка, которую она писала своей знакомой Сименковой Е.Т., была криком души: «Сжалься надо мной, моя родная, пришли отравы, семь граммов стрихнина.. Судьба моя решена. Мучительна не смерть, а пытки! Больше не могу терпеть. Пожалейте меня! Прощайте! Галя». Все попытки подпольщиков выкупить Галю были тщетны. Фашисты с жадностью забирали деньги, сало, мед, обещая ее выпустить…

Галина Аржанова выдержала 26 зверских пыток, но ни слова не сказала фашистам, не выдала своих товарищей.

Так героически погибла молодая подпольщица, родившаяся в Подмосковье, Галина Александровна Аржанова. В 1968 г. она посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.

Белорусский город Брест вот уже более 60-ти лет свято хранит память о славной дочери России. Ее имя увековечено в книге «Память» г. Бреста, на аллее «Их именами названы улицы Бреста», ведущей прямо в крепость. Улица и переулок Гали Аржановой находятся в северной части города. В центре города на здании аптеки, где в годы оккупации работала Галя, установлена мемориальная доска. В экспозиции Брестского

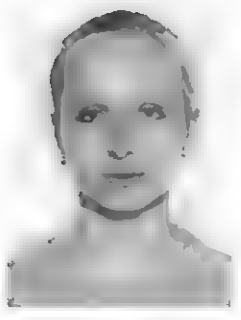
областного краеведческого музея, в нескольких школьных музеях города, в мемориале «Брестская крепость», имеются материалы о Гале.

Несколько поколений жителей Бреста знают о Гале как о героине и с гордостью произносят ее имя

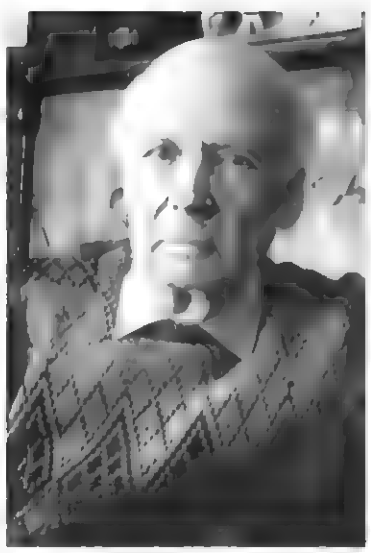
Уверена, что давно настало время, чтобы о подвиге Гали Аржановой узнало, наконец-то, ее родное Подмосковье, узнала Москва, посланницей которой она уехала в Брест, узнала и по достоинству оценила героический подвиг своей славной дочери Россия, чтобы все россияне гордились ею и вечно хранили о ней Память.

Я так хочу, чтоб Память была вечной,
О тех, кто жив, о тех, кого уж нет,
Кто в той войне, такой бесчеловечной,
Свой героический оставил след…

Октябрь 2007 года.



В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Полушина Анна Игоревна****, студентка 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*



Сосновский Геннадий Георгиевич

Я и сам уже слышал громкую немецкую речь внизу под потолком

Родился 25 апреля 1922 г. В городе Бухаре Узбекской ССР (СССР). Русский. Член Союза писателей Москвы.

До войны окончил среднюю школу, после чего был призван в армию и направлен в учебное подразделение (курсы младших лейтенантов) 14-й кавалерийской дивизии Киевского военного округа, в артиллерийский дивизион (командир дивизиона капитан Небрат).

Служил в течение года с 1940 по 1941 г.г. на Западной границе близ польского местечка Бобрка. Перед началом войны приказом по округу было присвоено звание младшего лейтенанта.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года, находясь в наряде непосредственно рядом с новой границей, когда над головой появились немецкие «Мессершмидты».

После разгрома дивизии (кони против танков!) все, кто уцелел, отступали в направлении Киева беспорядочной колонной, где всё перемешалось – и военные, и гражданские. Прибыл в Киев в июле 1941 года и был зачислен в конно-транспортное подразделение, находившееся в Святошино, пригороде Киева вплоть до 17 сентября 1941 года, когда поступил приказ город оставить. После этого никаких

организованных воинских частей уже не было, и каждый выбирался, как мог. К этому времени немецкий генерал Бок уже занял Днепропетровск.

Выходя из окружения в течение сентября-октября, я прошёл и в одиночку, и в составе отдельных групп тысячу километров по немецким тылам в сторону Москвы. Линию фронта перешёл между Орлом и Тулой в партизанском отряде майора Орлова неподалёку от города Новосиля.

После двухнедельной проверки меня направили в г. Елец в одну из стрелковых частей, находившихся в слободе Ланской, рядом с городом, куда вскоре вошли немецкие части. В это время вплоть до декабрьского наступления работал в должности помначпрода.

Во время наступления был легко ранен в голову, лечение ограничилось перевязками. Елец был освобождён, в комендатуре города я получил направление в резерв командного состава, находившийся в Воронеже. Отсюда меня направили в город Изюм Харьковской области на должность заместителя командира транспортной автороты. Это было уже начало весны 1942 года.

В мае того же года началось новое наступление немцев. Город Изюм был почти полностью разрушен бомбёжками. 6-я и 37-я армии оказались в окружении. Шли ожесточённые бои за железнодорожные станции Лозовая и Балаклея.

Средний командный состав, избежавший окружения, и я в том числе, были направлены в Москву на курсы повышения квалификации (КУКС) при военной академии механизации и моторизации им. Фрунзе. По окончании курсов мне было присвоено воинское звание «лейтенант».

Начиная с осени 1942 года в городе Коломне формировался 2-й артиллерийский корпус прорыва РГК. Я получил туда направление и поочерёдно занимал должности адъютанта командира бригады, затем дивизии.

По окончании формирования прибыл командир корпуса генерал-лейтенант Барсуков. Из числа претендентов, в качестве своего адъютанта, (учитывая знание немецкого языка и другие субъективные данные) генерал выбрал меня.

2-й артиллерийский корпус входил затем в состав Брянского и 1-го Белорусского фронтов.

В июле 1943 года во время битвы на Курской дуге, находясь в одном из артиллерийских расчётов, я получил контузию средней тяжести и лечился в течение двух недель в медсанбате одной из дивизий. Вместе с другими получил направление в армейский госпиталь, но, пользуясь своим положением, ехать туда отказался. Догнал штаб корпуса и доложил генералу, что прибыл для дальнейшего продолжения службы.

А затем наступило обморочное состояние. Память вернулась лишь тогда, когда армейские соединения были уже в Белоруссии, в районе Барановичей. Что было в течение этого промежутка времени, не мог вспомнить ни тогда, не помню и теперь.

В армейском отделе кадров мне вручили назначение не в строевую, а в тыловую часть – в авторемонтные мастерские 2-й гвардейской зенитной дивизии (командир дивизии полковник Корчагин) на должность начальника отделения по ремонту двигателей и агрегатов (начальник мастерских старший лейтенант Супонько).

В составе этой части принимал участие в освобождении Белоруссии. В Польше перед Варшавой наступило длительное затишье. Остановились неподалёку от польского городка Минск-Мазовецкого, километрах в двадцати от Варшавы. Это был уже конец зимы 1944 года.

В Германии в составе 1-го Белорусского фронта 2-я гвардейская зенитная дивизия проходила через города Ландсберг, Кюстрин, Франкфурт-на-Одере. Именно отсюда в апреле 1945 года началось наступление на Берлин – последние 70 километров! Все эти дни я находился на передовой с ремонтной летучкой. Боевые действия закончились 2-го мая 1945 года. Все последующие месяцы до момента возвращения я продолжал работать в авторемонтных мастерских, находившихся в подчинении начальника тыла дивизии майора Чернякова.

Возвратился на Родину зимой 1946 года. Демобилизовался в связи с расформированием части в июле следующего года.

Закончил Днепропетровский государственный университет.

Награждён:

- орденом Красной Звезды (за мужество, проявленное во время наступательной операции на Берлин. Приказ по 2-й гвардейской зенитной дивизии);
- орденом Отечественной войны 2-й степени;
- медалями «За оборону Киева», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»;
- а также юбилейными медалями.

Как член Союза журналистов СССР публиковал очерки и другие материалы в республиканских газетах, на радио, телевидении.

По моему сценарию на киностудии им. Довженко снят фильм «Рудознатцы» о первооткрывателях Донбасса.

Как кинорежиссёр снял около двадцати фильмов на разных московских студиях, включая «Военфильм».

Опубликованы следующие книги:

- детская приключенческая повесть «Остров призраков». Изд. «Экспресс-академия», 1994 г.;
- роман «За красной стеной». Изд. «Сигма-пресс», 1997 г.;
- роман «Восковые фигуры». Изд. «Тера-клуб», 2004 г.;
- роман «Крик аиста» издаётся «Московским книжным издательством» в 2006 г.

Обо мне:

- журнальный очерк с фотографиями «Возвращённая молодость»;
- журналистский репортаж. Ж. «Эхо планеты», №39, стр. 30.31.1989 г.;
- очерк «Помню нашу дружбу», «Эхо планеты» №20, 1990 г. Борис Грушин. Стр. 17.

В разведке

В боях при форсировании Днепра убит был мой друг Коля Арсеньев, младший лейтенант, и я был назначен командиром взвода разведки, вместо него. Не знаю, чем руководствовалось командование, принимая такое решение, но из всех качеств, которые необходимы в разведке, у меня было, пожалуй, только одно: знание немецкого языка. К этому времени наши войска шли уже по западным областям Украины, приближаясь к государственной границе. Теперь мы применяли ту же самую

тактику, что и немцы в начале войны – взламывали оборону противника на узких участках фронта и прорывались глубоко в тыл. Рискуя оказаться в окружении, фашисты вынуждены были поспешно отступать. Как всегда в ходе наступления, обстановка часто была неясной, а поэтому и разведчикам работы хватало. Охота за «языками» - излюбленное дело! – была одним из способов получения оперативной информации. Но часто приходилось выполнять задания и более простые – мы «просачивались» в расположение немецких частей, выбирали удобное для наблюдения место, чаще всего вблизи крупных населённых пунктов, на шоссейных дорогах и переправах и отсюда следили за перемещениями войск и особенно за немецкими штабами – данные, полученные таким путём, помогали перепроверить другие сведения и воссоздать более точно общую тактическую картину. Именно во время выполнения такого задания произошёл случай, который все знавшие о нём не могли потом вспоминать без смеха.

Мне особенно запомнилось, что Коля Арсеньев, сам человек отважный и не терпящий никакой расхлябанности, с особым восторгом рассказывал о подвигах своего постоянного напарника Феди Кузьмичёва, младшего сержанта. У меня же, честно говоря, сложилось впечатление совсем иное - балагур, сквернослов, бабник и к тому же выпить не дурак, не упустит случая, а если человек не равнодушен к спиртному, то на него уж никак нельзя положиться, кому это не известно. Да ещё в разведке! Верная гибель.

Эту мысль мне довольно долго и усердно внушал замполит полка, относившийся с большим неодобрением к симпатиям погибшего младшего лейтенанта. Не знаю, что тут сыграло роль – моё ли упрямство и нелюбовь к всякого рода наставлениям, ибо я и сам себя не считал дураком, или же здравый смысл восторжествовал - нельзя отбросить мнение такого опытного разведчика каким был Коля Арсеньев, нельзя! Только в первый раз отправляясь в тыл к немцам, я взял с собой именно Фёдора. И заметил - бойцы отнеслись к этому выбору одобрительно, а сам Федя, видимо, считавший, что со смертью бывшего командира, его звезда закатилась, был как будто бы даже слегка растроган.

Перед рассветом мы миновали наше передовое охранение и очутились на «ничьей» земле, которая неизвестно где

кончалась, пехотинцы тут мало чем могли помочь. Короткое предрассветное время – самое удобное. Нужно было успеть сделать быстрый рывок, чтобы до восхода солнца оказаться как можно дальше за линией фронта, хотя она и была довольно условной, эта линия. Дорога шла всё вверх и вверх. Начинались предгорья Карпат, и великолепные буковые леса, тихие и даже немного таинственные, лепились в виде небольших островков по склонам холмов. И когда мы поднялись на самый верх, на «маковку», бесконечная панорама, слегка задёрнутая утренней паутиной тумана, открылась взору. Нельзя не вспомнить это удивительное ощущение высоты, обдуваемой всеми ветрами, и лежащей у твоих ног земли: деревни, отдельные хутора, дороги, реки, мосты. Будто паришь на крыльях.

За день отмахали километров по сорок и едва не падали от усталости. Но улов был немалый, пора возвращаться. И тут случилось досадное происшествие. На крутом спуске я поскользнулся и едва не вывихнул ногу. Осмотр показал – ничего серьёзного, но я с трудом ковылял. Ничего не оставалось, как завернуть в один из попутных хуторов и хоть немного отлежаться.

Дом стоял недалеко от дороги, но дверь оказалась на замке, видимо, хозяева, боясь обстрела, оставили его на время. Мы залезли на чердак, какой-то хлам был завален здесь. Федя сходил на двор и притащил несколько охапок сена. Лучшего ночлега не придумаешь, а нога болит всё сильнее и сильнее, да ещё и опухать стала. Я скрипел зубами и от боли, и от досады. Хорош разведчик, сам себя искалечил! И хуже всего - беспомощность.

Измученный, мне показалось, я даже задремал, будто в яму провалился, - и Федя трогал меня за плечо.

- Лейтенант! Самогонка… Целых две бутыли. На сеновале спрятали, а я случайно разворошил. Градусов семьдесят, не меньше! – От него уже сильно попахивало.

- Никакой самогонки! С ума что ли сошёл! Я запрещаю.

- Да подожди, не горячись. – Федя перешёл на ты. – Я чего хочу-то – спиртовой компресс на ногу и внутрь примешь, как обезболивающее. Иначе пропадём, немцы вокруг! Сейчас притащу.

Доводы были, в общем, убедительны, но я всё ещё сопротивлялся. Вот оно, начинается! Известный синдром алкоголика: выпить захочет – из-под земли достанет. У меня даже мелькнула мысль, что Федя не случайно наткнулся, а действовал вполне целеустремлённо.

А он между тем приволок бутыль к нам наверх, вытащил бинт из сумки, намочил в самогонке и перевязал ногу – и боль, в самом деле, стала стихать. Облегчение было не только физическое – мелькнула надежда, что всё обойдется, и мы не застрянем тут надолго.

А тот уже вынимает из сумки два лафетничка, до чего же предусмотрителен! Еда ещё оставалась, значит, и с закуской всё в порядке. И вот оба лафетничка наполнены до краёв. Вот так бывает: подхватило тебя течение и несёт.

- Лейтенант, да ты не переживай, - подбодрил Федя. – Никто нас не упрекнёт: это же лекарство.

- Ну, допустим, я, а ты? Ты-то чего развеселился?

- А я за компанию. Человек я компанейский! – Он подмигнул. – Ну, с богом! За победу. - Он прикрыл глаза и профессиональным движением опрокинул лафетничек в рот. Я последовал его примеру.

– Да ты, лейтенант, закусывай, закусывай, а то опьянеешь! – поучал Федя, жуя. – Консервы бери.

За первой последовала вторая стопка, за ней третья. Возможно, была и четвёртая, трудно сказать. Самогон и в самом деле был как огонь. Нога болеть перестала. Заснули мы как убитые.

Неизвестно, чем бы дело кончилось, не проснись Федя по своей надобности. Я очнулся – он меня тормошил.

- Лейтенант, вставай быстро! Немцы, скорее! Да просыпайся же!

- Где немцы? Какие немцы?

Впрочем, я и сам уже слышал громкую немецкую речь внизу под потолком. На дороге гудели машины. Мы замерли, прислушиваясь. Вот крики и смех во дворе - немцы ловили кур, излюбленная привычка. Видно, остановились позавтракать. Замок взломали, и все расположились внизу, в хате, а она была довольно просторная. Всего человек двадцать, судя по голосам.

- Что будем делать, лейтенант? Надо сматываться. - Федя горячо дышал в затылок. Мы смотрели из маленького окошка вниз. - В любую минуту могут сюда.

- Что-то не вижу часовых. А то напоремся!

- Наверно, не успели ещё выставить, торопятся!

Вот тут-то и пришло решение. И кому первому – неизвестно. Смелость, говорят, города берёт. У нас была задача более скромная: уничтожить немецкий взвод или взять в плен, по крайней мере. Винные пары в голове способствовали такому решению: пьяному море по колено. Впрочем, нет, тут был и расчёт: ещё несколько минут – и будет выставлено охранение, тогда не пройдёшь.

Наше внезапное появление было как гром среди ясного неба – в прямом смысле этого слова: распахнув дверь, Федя полоснул автоматной очередью по стене.

- Хенде хох! Ваффе хинлеген! Сдать оружие! Вы окружены! – продолжал я командовать по-немецки.

К этому времени слова «попасть в окружение» были гитлеровцам уже не в новинку, они обладали прямо-таки магическим свойством. По одному, обезоруженных, стали выгонять всех во двор. Я ещё не проспался, как следует, и меня сильно шатало. Федя тоже трезвым не казался. Немцы стали как-то подозрительно переглядываться, пронёсся лёгкий говорок, и все поглядывали на дорогу – было ясно: вот-вот появятся ещё машины. Ошарашенные, они ещё испуганно жались друг к другу под дулами двух автоматов, но надолго ли? Я почувствовал, как над нами пронёсся ветер тревоги. И Федя почувствовал.

- Лейтенант, - шепнул он, - Самогонка! Там!

Я понял его с полуслова. Повёл автоматом и рявкнул зычно:

- Всем построиться! – Они стали неохотно, хотя и привычно строиться, толкая друг друга. Настороженные лица, косятся на офицера, первый шок проходит. Растерянное, злое лицо обер-лейтенанта, ищет решение.

- Солдаты! Алле хёрен! Слушайте меня все! С этой минуты война для вас окончена! – продолжал я, стараясь придать голосу твёрдость. – Вы все остались живы. И это событие надо отметить! Цвай меншен цу мир! Два человека ко мне, и быстро наверх! Там есть водка, шнапс. Шнеллер!

То был переломный момент. Будто чья-то рука отвела занесённый над нашей головой меч. Двоё вооружённых пьяных против двадцати безоружных, но трезвых и опытных врагов! Ещё неизвестно, кто кого. Шеренга вздрогнула и обмякла - будто пружина распрямилась. Немцы весело и возбуждённо загомонили:

- Руссише водка! Шнапс! Гут, гут!

Когда бутыль была доставлена, и все увидели, что она почти полная, я подал следующую команду, требуя соблюдать строгий порядок.

Ордунг! Каждый подставляет котелок и пьёт, сколько хочет. Русские не жлобятся! Офицер начал было что-то говорить, обращаясь к солдатам, потом ко мне, и тыкал себя пальцем в живот, вроде, он болен, но под дулом автомата и ему пришлось присоединиться к общему торжеству.

Тут кто-то спросил, а не позволит ли Руссише офицер закусить, чем бог послал. Я разрешил. Ах, что это была за картина! Одно загляденье. Пили, ели и снова пили. Пусть не говорят, что только русские пристрастны к вину. Немцы на дармовщинку накачались так, что едва на ногах держались. Это стало нас уже беспокоить, да и время поджимало. За весельем как-то забыли, что могут ещё и другие подъехать, вооружённые.

Колонна военнопленных, вытянувшись, двигалась теперь по той самой лесной дороге, по которой шли мы здесь на рассвете. Я решил, что не стоит слишком нажимать на дисциплину – шли вольным строем, кое-как передвигая заплетающиеся ноги и поддерживая друг друга. Громко реготали и пели песни под губную гармошку - настроение было преотличное. Офицер отстал, вытащил блокнот и стал на ходу писать там и показывать Феде неприличные русские слова, которым научился. Объяснялись жестами и хохотали до визга - нашли друг друга. Дорога шла теперь под уклон, и на крутых местах желающие съезжали сидя. Я не препятствовал.

Наши передовые посты колонну пропустили, и мы всё без особых приключений добрались до штаба.

И вот когда вышел навстречу начальник штаба, удивлённый появлением столь странной команды, о чём ему уже сообщили по телефону, вперёд выскочил шустрый немец,

лихо выбросил вперёд руку в фашистском приветствии и крикнул голосом зычным, хотя и нетрезвым:

- Хайль Сталин! Гитлер капут! Хайль Сталин!

- Это кто же такие? – ещё больше удивился начальник штаба. – Коммунисты, что ли? А почему разболтанные, где дисциплина?

- Разрешите доложить, товарищ майор! – Видимо, на правах старого знакомого, Фёдор сделал шаг вперёд, хотя я должен был докладывать, но разведчики на особом положении. – Вот товарищ лейтенант и я пленных взяли. Пришлось немного угостить, чтобы не разбежались. Так что пьяные они!

- Немцев угощаете, нет, чтобы о своих подумать!

- Полный порядок, товарищ майор! – И Федя похлопал себя по висевшей на боку фляжке.

Весь штаб сбежался посмотреть на эту картину. Немцев тем временем совершенно развезло, и на ногах они были уже не в силах держаться – разомлели на солнышке и развалились на лужайке кто, где попало – будто только что бой отгремел. Такого ещё не видели. Боец, которого приставили охранять пленных, резюмировал это так:

- Не выдержал немец нашей отечественной самогонки. Скосила.

После этого случая мы стали героями дня. Приезжал корреспондент из армейской газеты. Решили представить к наградам за проявленный героизм и боевую смекалку. Но тут замполит выразил сомнение: подвиг то подвиг, но какой-то у него есть всё-таки привкус – сами напились, да ещё и немцев напоили! Хороший пример, нечего сказать. Словом, на ордена не тянет. Сошлись на том, что представили всё же меня и Федю к медали «За боевые заслуги».

С Федей Кузьмичёвым мы не раз ещё потом ходили в разведку. И я могу только сказать, что не всегда следует доверять первому впечатлению, ибо сложен человек и многообразен и одной краской его не нарисуешь. И даже характеристике замполита не всегда следует доверять, оказывается.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Аленинская Светлана Олеговна

и

Кирилина Ольга Сергеевна,

студентки 1-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета)

Сторожук Владимир Адамович

Патрули могли бы увидеть нас издалека

Я родился 4 августа 1925 года в селе Белогородка Изяславского района Каменец-Подольской области Украинской ССР в семье учителей.

Моя учеба в школе началась в 1932 году в поселке Новая Чартория Любарского района Винницкой области, где мой отец работал директором сельскохозяйственного техникума. Мать в то время училась в педагогическом институте г. Бердичева. С проживанием в этом прекрасном месте у меня связаны самые радужные воспоминания.

В Ситковцах я окончил 5-й класс, в Красненьком 6 и 7-й классы. Кстати, с отличными оценками, которые дали мне возможность в 1940 году поступить без вступительных экзаменов в фельдшерско-акушерское училище в городе Виннице. Некоторое время жил и питался в семье знакомых моих родителей - Черноморца Семена Трифоновича и его жены Матильды Степановны. У них было две дочери. Мила и Зоя, на пару лет старше меня. Об учёбе в училище у меня остались смутные воспоминания, но помню, что все боялись практических занятий в морге. Будучи в Виннице я начал встречаться со своими братьями - студентами Ростиславом Козачком (он учился на 4-м курсе энергетического техникума)

и Василием Бондаруком (студентом строительного техникума). На выходные дни они приглашали меня к себе домой. Там и созрел план перехода из медицинского училища в энергетический техникум, но этот переход из медицины в технологическую сферу держался в секрете от матери. Зная мои детские увлечения фауной и флорой, она не могла представить себе, что из меня получится специалист технического профиля.

Тревожная юность. Начало войны. Потеря семьи.
Эвакуация за Днепр. Работа в колхозе.
Фронт на окраине села. Встреча с немцами.
Новая власть. Трудное возвращение домой.

Спустя несколько дней после нападения Германии на Советский Союз и объявления о всеобщей мобилизации в Красную Армию в Винницу приехала мать, к ней присоединились брат Петр и сестра Матрена. Нужно было обсудить обстановку и решить, что делать? Был вариант съехаться в одном месте и ждать дальнейшего развития событий. Однако, так и не договорившись, разъехались по своим домам. Отъезд родственников ускорила первая бомбежка пригорода Винницы, в 4 км от нашего техникума.

Как только я с матерью и младшим братом Валентином (мне -16 лет, а брату - 5 лет) возвратились из Винницы в с. Красненькое (это было в конце июня) пришел приказ *об* эвакуации детей мужского пола старше 14 лет. Были организованы отряды, назначены старшие, выделен гужевой транспорт (на каждый отряд по 15 мальчиков - одна подвода для личных вещей и провизии на 10 дней). Определен маршрут пути - за Днепр (считалось, что еще до нашего прихода на место, враг будет остановлен и разбит). А так как сообщалось, какие города и железнодорожные станции немцы бомбят, то маршрут предусматривал путь в обход городов, железнодорожных узлов, а вместе с тем и основных магистральных дорог.

Из нашего села в путь отправилось на 10 подводах 150 человек, включая детей и сопровождающих взрослых. Конечно, я не помню точный путь, но это, примерно, в направлении небольших городов и в обход их: Дашев,

Звенигородка, Шпола, Каменка. Александровка, Знаменка, Александрия. Реку Днепр мы перешли в г. Кременчуге и прибыли в распоряжение Кишеньковского района Полтавской области. Нас распределили по разным селам района, я и еще 9 мальчиков попали в с. Озера, в 8 км от Днепра. Общий путь от дома составил около 500 км. Моим первым днем пребывания в этом селе было 28 июля 1941 года. Поселили нас в семьях колхозников.

За наш путь от дома, а он вместо 10 дней растянулся на 20 дней, мы здорово проголодались. В маршруте пути были указаны пункты ночлегов и мест питания, но уже через несколько дней все смешалось. Параллельно с нами двигались подобные отряды и путали наши планы. Были случаи, когда на ночлег располагались в коровниках и спали в яслях (скот был уже эвакуирован), а то и в стогах сена или соломы. Иногда продвигались ночью, чтобы быстрее обойти города, которые немцы бомбили: мы слышали разрывы бомб, видели зарево пожаров над городами.

Теперь, когда все ужасы позади, мы были приятно обрадованы, потому что сразу после расселения нас по домам, правление колхоза выделило хорошие продукты (мясо, молоко, хлеб и другие) хозяевам, которые нас приютили. В колхозе нас использовали на разных работах, но чаще всего отвозили к Днепру - рыть противотанковые рвы. Когда в августе немецкие войска подошли к Днепру и начали обстреливать наш берег, нас перестали туда отвозить.

У меня еще теплилась надежда на возвращение домой при успешном разгроме немцев. Однако, когда в нашем селе разместился артиллерийский полк Красной армии, а немцы начали регулярно обстреливать село, эта надежда пропала. Следовательно, нужно эвакуироваться дальше, в глубь страны. Я познакомился с артиллеристами и просил их взять меня с собой, если они будут куда-либо перемещаться. Еще до приближения немцев к нашему селу хлеб на полях был скошен, но не убран, а только сложен в копны. Этими копнами и воспользовались немцы для маскировки своих окопов и блиндажей. До конца августа немцы не пытались захватить село, но постоянно обстреливали его, а наши артиллеристы им отвечали.

Однажды после артподготовки с участием авиации немцы начали наступление, наши части дрогнули, началось отступление. Следует отметить, что в то время пушки перевозили на лошадях, что очень усложняло этот процесс. На улицах все смешалось: бежали люди рядом с конными упряжками, тащившими пушки. Я тоже бросился бежать. В этот момент вражеский снаряд угодил в один из артиллерийских расчетов, при этом погибли люди и лошади. Добежав до конца села, я не стал бежать в открытое поле, а свернул в ближайший двор. Здесь меня окликнули из щели, вырытой посреди двора. Там прятались хозяйка дома с сыном. Меня позвали спуститься к ним, что я и сделал, не раздумывая. Следует отметить, что в первые дни войны были даны указания рыть у домов глубокие рвы под углом, дальше стали их называть щелями. Это в тех местах, где не было бомбоубежищ. Так называемые щели многим спасли жизнь при бомбежках и артиллерийских налетах. Конечно, от прямого попадания бомбы или снаряда они не спасали, но от осколков можно было уберечься, а так же легче было откапывать, если была засыпана щель. Щель была выкопана по всем правилам, глубиной в два метра, со ступеньками для спуска, часть ее перекрыта досками. Место нашлось и для меня. Сначала от испуга у меня отнялась речь, но скоро я пришел в себя и рассказал об ужасе, который я испытал при виде убитых красноармейцев и лошадей, тащивших пушку. Еще долго были слышны разрывы снарядов и пулеметные очереди, затем стало тихо.

Спустя некоторое время во дворе послышался незнакомый говор, и мы поняли, что пришли немцы. Они не стали обращать внимание на нас и начали хозяйничать самостоятельно: наловили кур, собрали в курятнике яйца и стали готовить еду. Ко всему забрали наш ночной горшок, стоявший у щели, чтобы использовать его для варки кур. Мы украдкой наблюдали за ними, не вылезая из укрытия. Их было шестеро, впервые увиденных мною немецких солдат. Нас удивило, что они очень грязные и не бритые. Мы продолжали сидеть в щели, ожидая, что будет дальше. После еды они начали приводить себя в порядок: мыться и бриться. И все это посреди двора, не обращаясь к нам. В доме они ничего не тронули. Хозяйка, сорокалетняя Анна Прокопьевна Тихонюк

не выходила из щели и нам, ребятам, не разрешала. Немцы порой куда-то исчезали, то снова появлялись. Чувствовалась какая-то нервозность. Но вот наступил вечер, и снова вой, и разрывы снарядов, и пулеметная стрельба. На этот раз бой продолжался недолго, но мы до утра оставались в щели. Спали, свернувшись калачиком, или просто дремали.

Утренняя тишина успокоила нас, и мы поднялись во двор; в деревню вновь возвратились красноармейцы. Немцы отступили, оставив несколько десятков велосипедов. Однако наша радость продолжалась недолго, пробыв несколько часов в деревне, Красная армия покинула ее, оставив нескольких раненых и убитых. Несколько дней было безвластие: ни наших, ни немцев. Фронт ушел далеко на восток.

Крестьяне собрались в правлении колхоза, туда привезли раненых, чтобы распределить по домам, где им могли бы оказать помощь. Мы с Мишей, так звали сына хозяйки, что приютила меня, побывали везде, где были бои, видели раненых бойцов. Было жутко смотреть на молоденького бойца, раненного в пах. Убитых хоронили не на кладбище, а на месте смерти. Мы побывали в немецких окопах и блиндажах, искусно замаскированных под копнами сжатого хлеба. Удивлялись обилию иллюстрированных журналов с красочными развлекательными картинками, и все это для пропаганды легкой и веселой войны.

Но вот появилась в селе новая власть: немец с переводчиком собрали селян, объявили, что колхоз остается, следует избрать правление, председателя. Ошибку с раздачей земли, допущенную в западных областях Украины не будут повторять. Смысл сводился к тому, что так будет легче отбирать урожай, выращенный крестьянами. Меня оставили в семье Тихонюков с привлечением на работу в колхозе.

Вскоре возвратился из плена сам хозяин Петр. Он много рассказывал о боях и отступлении Красной армии, что и послужило причиной принятия мной решения о возвращении домой в с. Красненькое, где я оставил мать с младшим братом. Приближалась зима, и двигаться домой тем же путем, что и летом, было невозможно. Старшие посоветовали воспользоваться железной дорогой. К концу ноября 1941 года фронт ушел далеко на восток, но передвижение гражданского населения по железной дороге запрещалось, переходить по

уцелевшим мостам через Днепр так же запрещалось. Можно было тайком переправиться через Днепр, еще не совсем замерший, только на лодке. Откладывать мое путешествие в морозную зиму было опрометчиво.

Несколько дней понадобилось на сборы: найти теплую одежду, обувь, запастись едой. В колхозе я получил справку, что трудился здесь с 28 июля по 21 ноября 1941 года. Тихонюки достали мне шитые валенки с галошами, шапку - ушанку, насушили сухарей, отрезали большой кусок сала и благословили в путь. Нашелся и попутчик, такой же паренек, как и я, но с соседнего села, расположенного недалеко от с. Красненького. До эвакуации он учился в железнодорожном училище, к сожалению, его имя мне не запомнилось.

В тот год пришла ранняя зима. Небольшой мороз прихватил дорогу, покрыл льдом многочисленные озерца у села, ведь не зря его назвали Озерами. Ранним утром, попрощавшись с добрыми и отзывчивыми людьми, мы вдвоем отравились к Днепру искать перевозчика. Спустя несколько часов мы вышли на берег Днепра и увидели, что, хотя часть реки и во льду, но еще одна треть реки не замерзла, и в той части идет стремительный поток воды. В небольшой деревеньке на берегу нашли перевозчика и еще трех человек, желающих переправиться на другой берег. Упросили перевозчика, он назвался лоцманом, перевезти нас бесплатно, вначале он отказывался, но потом согласился, потому что легче управлять нагруженной лодкой. Ко всему он уже получил плату от остальных. Лодку пришлось толкать по льду до чистой воды, так называемого стрежня, замерзающего только в очень сильные морозы. Как только мы сели в лодку и отцепились от ледяного края, ее стремительно понесло по течению, отдаляя нас от г. Кременчуга - нашей цели. Внезапно лоцман, управляя лодкой, нечаянно сбил веслом шапку с моего попутчика, ее и не пытались выловить из воды, нужно было направлять лодку к противоположному берегу. Нас неудержимо стремительный поток нес вниз, мы с замиранием сердца ждали момента высадки на другой берег, и только благодаря умению нашего лоцмана, переправа закончилась благополучно.

Далее следовал путь в 20-25 км до Кременчуга, ближайшей железнодорожной станции. Нам понадобилось

несколько дней, чтобы добраться до вокзала Кременчуга. Он был забит до отказа немецкими войсками и их союзниками - мадьярами и румынами. В первой попытке пробраться в вокзал нас встретили румынские солдаты, которые вытрясли наши вещмешки, забрали остатки сала и не пустили в здание. Приближалась ночь, мороз крепчал, и нам все же удалось пройти в комнату вокзала, где разместились мадьяры - венгерские солдаты. Они не прогнали нас, и мы скоротали ночь хоть на полу, но все же в тепле.

Утром в поселке у вокзала выпросили еды и старенькую шапку для моего друга - попутчика (до этого он ходил с повязанной шарфом головой). Там узнали о товарных поездах, которые отправляются в сторону Фастова, Винницы, поближе к нашей заветной мечте - родному дому. У местных жителей - железнодорожников узнали о порядках, введенных немецкой властью, о комендантском часе, когда при появлении на улице в неурочное время, а также за нахождение на железнодорожных путях, стреляют без предупреждения. От добрых людей узнали и о том, как можно проникнуть в тормозную будку вагона товарного поезда, хотя он и охраняется солдатами. Прежде нужно было точно узнать, в какую сторону он последует. И так, нам удалось незамеченными патрулями пробраться в тормозную будку товарного поезда, следовавшего в сторону Фастова, возможно и до Винницы. Двигался поезд всю ночь и остановился на какой-то станции. Выбираться из будки, чтобы определить на какой станции мы остановились, было опасно. Однако, когда под утро стало невтерпеж от холода, и уже думали рискнуть, услышали топот патрулей и выстрелы, вероятно, кто-то тоже пытался пробраться в поезд. Мы, затаив дыхание, вжались в узкое пространство будки, боясь малейшим звуком обнаружить себя. Возможно, нас спасло только быстрое отправление поезда, так как солдаты начали обыскивать тормозные будки. Теперь мы ехали, не зная куда, но, как потом выяснилось, ехали в нужном направлении - ближе к дому. Проехав несколько часов, ближе к вечеру, поезд остановился на станции Погребище. Это не входило в наши планы, ведь нам еще необходимо пройти около 80 км, чтобы добраться домой.

Карты у нас не было, решили идти от деревни до деревни, расспрашивая местных жителей. Несмотря на мрачное военное время, встречались приветливые люди, всем хотелось узнать о своих близких, много задавали вопросов: откуда и куда идете, что слышали. Ведь во многих семьях кто-то был мобилизован в армию или эвакуирован. Каждая семья, к которой обращались, не отказывала в еде и ночлеге, подробно рассказывали о дороге.

Очень помогла нам учительница в одной деревне в пути следования. У нее оказалась старая карта Винницкой области, по которой мы наметили дальнейший путь. Нужно было двигаться в сторону таких населенных пунктов, как Плисков, Очипков, Росоша, Ильинцы. Погода нам благоприятствовала - небольшой мороз, дороги не были занесены глубоким снегом. Можно было за день проходить до 15-20 км. Когда пришли в с. Ильинцы, были очень удивлены тем, что многие дома были помечены надписями - еврейский дом, еврейская улица. Следовательно, уже тогда, в декабре, немцы готовились к уничтожению евреев. В этом селе нас остановили полицаи и тщательно допросили, кто мы и куда идем. Здесь понадобилась справка, полученная мною в колхозе с озера, где я трудился. Дальше наши пути расходились: я отправляюсь в Красненькое, а мой друг - попутчик - в Дашев. Остальной путь протекал однообразно - из села я выходил рано утром, независимо от погоды, и старался к вечеру добраться до следующего селения.

Последние километры пути я проходил в радостном настроении - уже сегодня я увижу и буду обнимать маму и братика! И какое горькое разочарование потрясло меня, когда соседи сообщили мне, что, в июле вскоре после отъезда нашей группы, мать с братом эвакуировались, а в нашей квартире живут чужие люди. Что делать? Неизвестна судьба и других родных - брата матери Петра (перед войной он жил с семьей в г. Тыврове) и сестры матери Матрены (она жила в с. Сокиренцы). Меня обуял страх. Куда податься теперь?! В первую очередь нужно было думать о ночлеге. Многие из прежних учителей уехали, не уехала только жена учителя математики, которая и пригласила к себе переночевать. Ее муж был призван в армию, и никаких вестей от него она не имела. Как могла добрая женщина накормила и напоила меня,

согрела воды, помогла мне помыться, дала белье своего мужа, прогладила верхнюю одежду утюгом - там уже были вши. Здесь я впервые за все свое путешествие помылся горячей водой с мылом. Она всячески старалась меня успокоить и помочь отыскать мою мать. Ей кто-то сказал, что часть учителей из разных сел при попытке эвакуироваться не смогла далеко уехать, так как дорогу перекрыли немецкие войска, и они осели в селе Ситковцы. Возможно, мать с братом там. Один из знакомых недавно побывал в Ситковцах, и мы завтра узнаем подробности от него.

Вот с такими радужными надеждами я уснул в теплой квартире доброй женщины. И действительно, на следующеё утро мы, побывав у этого человека, узнали, что мать с братом находятся в Ситковцах. Я был несказанно рад такому известию. Поблагодарив за все добро, сделанное мне этой милой женщиной, я вновь отправился в путь. И все же эти последние 15 км, отделяющие мою встречу с любимыми, были не так радужны, как те до Красненького. Они были очень тревожными от страха новой беды. К счастью, встреча состоялась, конечно, для матери это было сильным потрясением - великая радость встречи с давно потерянным сыном! До нее доходили тревожные вести о том, что немцы бомбили беженцев на переправах, на дорогах, и неизвестно, что случилось с ее сыном. Подобное случилось и с ней, поэтому пришлось возвратиться в родные края. Ее, как бывшую учительницу села Ситковцы, пригласили на старое место, выделили небольшую квартиру в центре села. Как потом оказалось, в очень жутком месте - окна квартиры выходили во двор полиции, где казнили партизан.

Новый 1942 год мы отмечали втроем, наконец-то вместе: мать и сыновья. Началась новая жизнь семьи в оккупации.

Жизнь в оккупации. Бегство в Винницу. Знакомство с бандеровцами. Партизаны. Облава. Выкуп. Трудное решение матери. По следам партизан. Доброволец Красной Армии.

Через несколько недель после моего возвращения в семью и многочасовых рассказов о моих странствованиях за Днепр и обратно домой, пришло время решать вопрос о моем

трудоустройстве. Мать устроилась на работу учительницей украинского языка и литературы в той же школе, где работала 1937 году до перевода в с. Красненькое. Зарплата учителя была очень скромной, подсобного хозяйства мать не имела. Я был устроен по знакомству чернорабочим на сахарный завод для обслуживания газовой печи. В мои обязанности входило подносить известковый камень и загружать печь. Это была очень тяжелая и опасная для здоровья работа. Сернистый газ, производимый печью, и мелкая известковая пыль вредили легким, ко всему еще очень рвалась одежда и обувь. Моя работа продолжалась недолго - около двух с половиною месяцев.

В районном центре был введен комендантский час: начиная с вечера до рассвета хождение по улицам было запрещено. Все эти строгости были введены немецкой комендатурой сразу же после появления в лесах района партизанских отрядов, состоящих из местных крестьян и бежавших из плена красноармейцев. Часы работы на сахарном заводе не совпадали со световым периодом дня, а так как не хотелось, закончив работу, ждать прихода рассвета, чтобы отправиться домой, мы нарушали комендантский час. Вот из-за этого я и попался патрулю и был доставлен в полицию. За нарушение комендантского часа было предусмотрено наказание: на первый раз 25 ударов плетью или палкой. За полдня разбирательств, не партизан ли я, мать побывала у немецкого коменданта господина Роге, который, как потом выяснилось, знал учителей школы, особенно молодую и очень красивую учительницу ботаники Стеллу. Он то и дал указание отпустить меня. К этому времени меня и других задержанных рабочих сахарного завода уже допросил начальник полиции, спрашивал, знаем ли мы, где находятся партизаны. Я отвечал, что всем известно - они в лесу, но в каком не знаю. Возможно он уже получил указание отпустить меня, не наказывая, но сказал, чтобы я плакал и кричал, как от боли, когда меня поведут в комнату пыток. Действительно, меня не наказали, продержав после допроса около часа, отпустили домой. На работу на завод я больше не пошел, мать рассудила, что пользы от моей работы мало, да еще и такие неприятности, а ведь все могло закончиться и хуже.

Беда подстерегала с другой стороны - начались отправки на работу в Германию. Сначала по приглашению с обещанием райской жизни там, но к середине 1942 года начались разнарядки по селам, а потом и облавы на рынках, в людных местах. Мать, как я потом узнал, была в партизанском отряде связной. Чтобы иметь ценные сведения для партизан, она поддерживала близкие знакомства со своими учениками, уже окончившими школу и работающими в разных учреждениях районной власти, в том числе в комендатуре и полиции. От них она узнавала об очередном наборе людей в Германию и сообщала партизанскому отряду. Партизаны в свою очередь оповещали население сел о грозящей беде и принимали меры по спасению молодежи. Когда такая угроза нависала надо мной, переводчица комендатуры Евгения Бабенко (бывшая ученица матери) выписывала на мое имя документ - пропуск (аусвайс) на проезд до Винницы, и я срочно отбывал, возвращался только тогда, когда угроза миновала. Из Винницы я добирался до Сокиренец, где жила сестра матери Матрена. Ее сын, Ростислав, поддавшись на уговоры о райской жизни, уехал в Германию, и продолжительное время батрачил у бауэра (местного помещика).

Однажды, будучи в Виннице, я узнал, что оставшиеся преподаватели моего техникума решили собрать студентов и продолжить учебу в здании бывшего строительного техникума. Так, с небольшим опозданием, я приступил к занятиям по программе второго курса. К старым планам добавилась новая дисциплина: "закон божий". Читал нам лекции о религии священник небольшого роста, плотного телосложения. Он придерживался официальной линии на восхваление немецких порядков, однако, в порыве откровенности высказывался, что Россия - это огромный котел и его нельзя раскалять добела, ибо, он, взорвавшись, уничтожит тех, кто его разжигал. Я жил на квартире одной одинокой старушки, ее домик был расположен у моста через р. Буг и недалеко от места моей учебы. На выходные дни я отправлялся пешком в с. Сокиренцы к тете, чтобы у нее запастись картошкой, луком, хлебом. Мама присылала через знакомых немного денег, отрывая от своей мизерной зарплаты. Конечно, я плохо питался, от меня пахло луком, так как я его много употреблял. Когда уж совсем плохо было,

уезжал узкоколейкой домой в Ситковцы. Там я немного отъедался, мать чинила одежду, обувь, тогда и возвращался в Винницу.

Однако, как ни было трудно, а студенчество жило своей беспокойной жизнью. На курсе нелегально появились брошюры, воспевающие былинных героев Украины в борьбе с захватчиками, печенегами, татарами, намекающие, что все захватчики одинаковы, и с ними нужно бороться, в том числе и нам в настоящее время. Вскоре появились инструкторы, которые под большим секретом создавали кружки. В то время я подружился со своим однокурсником Андреем Томчуком, который знал пропагандистов "вольной Украины". Один из них, Дейнеко, был ярым украинским националистом, присланным из Львова, где находился центр этой организации. Все наши встречи были законспирированы, явка находилась в доме родителей Андрея, в 6 км от Винницы, на окраине села Вороновицы. Используя интерес юношей ко всему секретному, опасному, бандеровские инструкторы умело использовали нас для выполнения своих планов. Пока речь шла о борьбе с врагом - немцами, все их планы мы поддерживали. Я привозил брошюры домой, агитировал своих знакомых ребят быть помощниками партизан. Мать не поддерживала моего участия в этом кружке, но знакомилась с этими книжками, отмечая, что написаны они с большим уклоном к национализму. Но вскоре наш инструктор открыто заявил, что опасным врагом для самостийной Украины, кроме немецких захватчиков, являются Советы, то есть Советский Союз, и нужно быть готовым и к борьбе с ним. Должно быть, этим они открылись как злейшие враги СССР, и стало ясно, что нам с ними не по пути, такие откровения появились после победы Красной Армии под Сталинградом.

Летом, получив моральную поддержку от побед Красной Армии, оживилось партизанское движение, а места для сосредоточения сил в нашем лесистом районе были отличными. Партизаны нападали на полицейские участки, немецкие комендатуры. Немцы, в свою очередь, мстили, сжигали дома тех, кто ушел в партизаны или поддерживал их. В партизаны принимали лишь тех, кто приходил с оружием. Я уже ранее упоминал о дружбе с Василием Бевзюком, в чьем доме мы жили в 1937 году. Дом, где он жил с матерью, был

сожжен за то, что Василий обезоружил полицая, отнял у него винтовку и был принят в партизаны. Немцы могли покарать мать, но ее спрятали соседи.

Я уже упоминал, что наша квартира находилась в непосредственной близости от полицейского участка, что было очень опасно для матери как связной партизан, так как к нам часто наведывались связные из леса. Нам подыскали пустой дом в глубине села, и мы перешли жить туда. Теперь мы избавились от чудовищных сцен, которые наблюдали из окна нашей квартиры, глядя на повешенных партизан. Они были убиты где-то, но привезены сюда и повешены напоказ.

Но и партизаны не оставались в долгу. Как-то раз ночью, непосредственно у полицейского участка, был убит часовой. С приближением частей Красной Армии участились случаи подрыва железнодорожных путей, отправлений поездов под откос. Немцы отвечали жестокостью. За нападение на склад сахарного завода, при котором был убит полицай, немцы оцепили наше село и, согнав жителей на площадь перед церковью, начали их расстреливать. В эту облаву попал и я. Эта трагедия произошла в декабре 1943 года. Накануне партизаны известили мать, что к нашему району приближаются войска Красной Армии и возможно партизаны пойдут навстречу для соединения с регулярными войсками.

Когда наша группа односельчан, попавшихся при облаве, конвоируемая немцами, приблизилась к площади, где производился расстрел, прибежала мать. Она дала свое обручальное кольцо конвоиру и упросила его отвернуться, чтобы я смог убежать. Как только я заметил знак матери и увидел, что солдат не смотрит в мою сторону, перескочил через дощатый забор и там залег. Когда группа проследовала дальше, мимо меня, я перебежал двор и залез на чердак. К счастью, из нашей группы, а там было около 50 человек, никого не расстреляли, только продержали несколько часов в полицейском участке для устрашения. Позже ко мне пришла мать, переодела меня в женскую одежду, и мы возвратились в свой дом.

Если до этого времени мать категорически отказывалась отпустить меня в партизаны, то к вечеру этого дня она сообщила мне условный пароль для встречи с партизанами в с. Джуринцы, на квартире местной учительницы Лоевской. И

какое нужно было иметь мужество матери, чтобы отправить сына, только что выручeнного из беды, в неизвестность, откуда мало кто возвращался живым! Сборы были недолгими. Я был тепло одет, обут в сапоги, в вещмешке - хлеб, сало. Несколько раз повторил пароль, чтобы запомнить, хотя сама Лоевская с дочерью Зиной не раз бывала у нас и хорошо знала меня. Это на случай, если самой хозяйки не будет, и меня встретят другие партизаны.

При облаве были захвачены многие мужчины и мальчики и, конечно, кто знал, что она связана с партизанами, пришли к ней за советом. Пришли и соседи, родители мальчика Григория Левковича, он старше меня на год. После обсуждения сложившегося положения они решили, с согласия моей матери, отпустить со мной и своего сына Гришу. Все эти решения были тщательно обдуманы, ведь посылали нас в неизвестность! И как только наступила ночь, матери благословили нас в дорогу.

Погода была снежной и морозной, высоко в небе светила луна. Нам нужно было пройти около 6 км до назначенного места, но главное - выйти незамеченными из села. Мы вышли огородами, занесенными снегом, спустились к оврагу и по нему вышли на дорогу в сторону Джуринец. Очень опасались, что нас могут увидеть, так как вокруг было светло как днем и очень тихо, страшились громкого скрипа своих сапог. Однако все обошлось - через два часа мы уже стучались в дом, где жила знакомая матери, учительница Лоевская. Нам не сразу открыли дверь, пришлось долго объяснять, кто мы и почему пришли в такое время. Но после названия пароля (я уже не могу вспомнить его дословно), но что-то было связано с поиском родственников, нас впустили в дом, обогрели, выслушали просьбу от моей матери и, не ответив ни да, ни нет, положили спать, мол, утром будем решать.

Следует отметить, что в селе, хоть и на опушке леса, но все же в 6 км от райцентра, в котором размещены основные силы немцев и полиции, партизаны не могли находиться, а была только одна из явочных квартир. Поэтому нашей хозяйке нужно было послать своего связного в лагерь партизан, который находился в глухом лесу в 10-15 км от села, и получить разрешение провести нас туда. Так она и сделала, как того требовала инструкция. Нам сказали, что нужно ждать

решения и не выходить из дома, чтобы не привлекать внимания соседей своим появлением.

Ждать пришлось до вечера. Партизаны, хорошо зная мою мать, разрешение дали, но как исключение, ведь мы шли без оружия, нарушая правило. Наша добрая хозяйка уложила нас спать пораньше, чтобы еще до рассвета мы встретились со связным, который доведет нас до лагеря. Все произошло, как она предусмотрела. Вышли еще затемно, чтобы соседи нас не заметили, и быстро зашагали по лесным тропам, знакомым только нашему проводнику. В лесу было тихо и таинственно, мы шли, не разговаривая, чтобы не делать лишнего шума. Наш проводник спокойно шел по засыпанному снегом лесу. Однако, пройдя какой-то участок, вдруг забеспокоился, начал тщательно осматривать местность, дал нам знак остановиться, а сам осторожно пробрался к небольшому оврагу. Осмотрев его, он возвратился к нам. Сказал, что в этом месте должен быть пост охраны, а его нет, поэтому нужно изменить направление нашего движения. Он снова зашагал уверенно, но тревога все же возникла у нас.

Наконец мы приблизились к месту партизанского лагеря, расположенному в большом глубоком овраге. Но еще на подходе к нему мы поняли, лагерь партизанами покинут. Пустые землянки, потухшие костры - все говорило, что люди, недавно бывшие здесь, ушли навсегда. Наш проводник быстро определил направление, куда отправился лагерь, так как партизаны уже не маскировали свой отход - следы говорили о передвижении большого количества людей и обоза. Мы втроём как бы автоматически прошли по этим следам ещё несколько километров, надеясь догнать отряд. Здесь наш проводник остановился и сказал, что не имеет права идти дальше, ведь он получил приказ довести нас только до лагеря, поэтому он должен возвращаться домой. Мы тепло попрощались, обнялись и разошлись, он домой, мы - по следам отряда.

Пройдя уже самостоятельно несколько километров, мы вышли на большую поляну с пересекающей ее лесной дорогой. Здесь мы впервые столкнулись с ужасным видом мертвых немецких солдат, снесенных в одно место, но не преданных земле. Должно быть, бой был внезапным и кратковременным, если и были убитые партизаны, то их

забрал с собой отряд. Кроме того, на дороге были противотанковые мины уже очищенные от снега, по всей видимости, уже безопасные, так как у них были вывинчены взрыватели. Мы с большой осторожностью обошли их стороной, как и убитых немцев.

Часа через полтора мы вышли из леса и услышали шум машин. Открылся вид через поля: там по дороге двигались люди, конные упряжки, тащившие орудия, машины. Мы долго не решались идти через поля к той дороге, еще не верилось, что это наша Красная Армия. Победив страх, пошли напрямик через поля. Подойдя поближе, мы убедились, что это наши красноармейцы, они направлялись в сторону Винницы. Как потом мы узнали, эту дорогу мы пересекли в районе села Жаданы, где уже работал полевой военкомат, который продвигался вместе с действующими войсками.

С первого захода меня в армию не приняли, так как мальчики 1925 года рождения не призывались. Моего друга Григория Левковича приняли, так как он родился в 1924 году. Я был очень опечален, что после стольких трудов и опасных путешествий потерпел такое фиаско. Однако после советов знающих людей, уже со второго захода меня приняли в армию. Объяснялось это тем, что в то время предъявлять свидетельство о рождении было не обязательно, и я солгал, что родился в 1924 году. Конечно, это касалось только зеленой молодежи, вроде меня, которые сами совали голову в петлю. Что касается взрослых, то не призывали в армию только стариков и инвалидов.

Первые «языки». Гибель друзей-разведчиков. Новые друзья.

Новый этап моей жизни начался 5 января 1944 года, всего через 10 дней после ухода из семьи и зачисления в армию. Новые мои похождения, уже как солдата, начались с перемещения с одного места на другое. Причиной было контрнаступление немцев и окружение нескольких частей Красной Армии, действующих в этих местах. Так, Ситковецкий и некоторые другие районы, где находились мать с братом, оставались еще около трех месяцев под оккупацией немцев.

Мобилизованных в с. Жаданы, в том числе и меня, направили в с. Трубиевку, где находился 8-й запасной стрелковый полк. Там нас распределили по ротам и батальонам. Я попал во 2-ю роту 1-го батальона. Нам выдали обмундирование, мы приняли 10 января военную присягу на верность служению Советскому Союзу, и начались каждодневные строевые занятия, изучение так называемой материальной части винтовки.

Занятия продолжались недолго, так как к нам прибыли «купцы», то есть представители от действующих частей, чтобы отобрать себе пополнение. Отобрав определенное количество человек, нас отправили в с. Скоморошки, где размещался 545-й стрелковый полк. Когда мы, прибывшие, были построены, нас начали отбирать по специальностям, ведь в нашем запасном полку находились не только вновь мобилизованные, как я, новички, но и солдаты после выздоровления, ранее воевавшие. Тут произошел случай, определивший дальнейшую мою судьбу.

Еще раньше, при общении с товарищами на занятиях в запасном полку, мы с Гришей слушали рассказы бывалых солдат, как говорят, понюхавших пороху. Особенно запомнились нам рассказы артиллериста-разведчика о своих боевых подвигах. Он рассказывал как, будучи в укрытии за спиной пехоты в окопах, он по полевому телефону сообщал артиллеристам цели, по которым они должны были стрелять. Рассматривая в бинокль разрывы снарядов, он уточнял нахождение цели. Сам он в атаку не ходил, продвигался за наступающей пехотой. Ранение он получил легкое, от осколка разорвавшейся мины, и мечтал, что и теперь его возьмут в артиллерию разведчиком.

Право первому отбирать солдат для своего взвода, было предоставлено командиру взвода разведчиков. Он и выбрал рослых, более сильных с виду солдат, в том числе и Гришу, а меня обошел. Что делать? Я ведь так мечтал побывать в роли того рассказчика - корректировать огонь пушек по врагу, и я решился сказать командиру о своей мечте. Я самовольно вышел из строя и, приблизившись к нему, чуть не со слезами на глазах, попросил взять меня в разведку. Помогли мне Гриша и другие товарищи, подтвердившие, что, мол, хороший он будет солдат. Командир, а это был лейтенант Есауленко

Василий Сергеевич, осмотрел мою фигуру, ухмыльнулся, мол, такой большого фрица не одолеет, но все же согласился взять меня во взвод пешей полковой разведки. Только тогда и оказалось, что это пехотная разведка, а не артиллерийская, и не сидеть мне в укрытии за пехотой, а ползать впереди пехоты, чтобы брать вражеского языка. Однако было уже поздно отказываться, да и прав у нас не было никаких - куда взяли, там и воюй.

Думаю, что следует рассказать, в какое соединение я попал. Наш 545-й стрелковый полк входил в 389-ю стрелковую дивизию 1-го Украинского фронта. После Житомирско-Бердичевской операции немцы решили контратаковать наши войска северо-восточнее Винницы. В этот район и была переброшена наша 389 дивизия, где разгорелись ожесточенные бои. Дважды наш полк попадал в окружение, понес большие потери в живой силе и технике. Командование фронта вынуждено было вывести полк во второй эшелон на отдых и произвести пополнение свежими силами и техникой. Вот в это время я и попал в полк. Весь февраль 1944 года дивизия стояла на постое в селах Тетиев, Скоморошки, Ракитно.

1 марта 1944 года мы получили приказ на погрузку в вагоны, и 3 марта начался переезд через Фастов, Бердичев, Шепетовку, Ровно, далее пешком около 100 км до села Млынов, где сменили другую часть, выводимую на отдых. Наш взвод разведки разместился в с. Пидлостье Острожского района Ровенской области. Из этого селения началось мое первое участие в боевых операциях, выполнение заданий по разведыванию немецких частей и захвату «языков».

Мои записи в записной книжке полностью подтверждают фактические события, о которых рассказано в книге «По зову Родины» Емельянова СИ., изданной в г. Стерлитамаке в 1993 году. В ней я упомянут, как разведчик, участвующий в поимке «языков» и других боевых операциях. Следует отметить, что вести какие-либо записи у нас во взводе запрещалось, но, невзирая на запрет, я кратко записывал основные события, используя записные книжки взятых в плен немцев, чем и воспользовался сейчас.

В начале марта наша дивизия вышла на реку Стырь в районе г. Радомысль. Там уже был плацдарм на глубину 4-6 км

и по фронту до 20 км, ранее отвоеванный частями 6-го кавалерийского корпуса. На плацдарме не было плотной обороны немцев, и были участки, через которые можно было пройти в их тыл.

В штабе полка нашему командиру взвода Есауленко ставилась задача - определить плотность обороны немцев в таком-то населенном пункте. Обычно создавалась группа из 10-12 разведчиков, и, как только начинало темнеть, мы выходили в поиск. Впервые я принял участие в таком поиске 11 марта, но «языка» не удалось взять, так как нас немцы быстро обнаружили, и пришлось возвратиться. На следующий день в районе с. Марков мы сами попали в засаду немцев, пришлось с боем отступать, при этом я отстал от группы, но, поблуждав в одиночку в темноте, все же нашел своих. Наконец-то 16 марта в с. Бакивцы нам удалось захватить «языка», при этом был ранен разведчик Рубин.

24 марта во время обильного снегопада и сильного ветра у села Остров наша группа внезапно встретилась с конной разведкой немцев. В схватке были убиты пять немецких солдат. Оставшийся в живых шестой немец, под прикрытием убитой лошади, отстреливался. Один из выстрелов поразил нашего мальчика Колю Коваленко, он был сыном полка. Пуля пробила марлевый пакет, лежавший в кармане телогрейки, и его маленькое сердце.

Ему было 12 лет. Около года назад его подобрали наши разведчики и упросили командира полка оставить при взводе разведки. Он был помощником нашего старшины Божко, ухаживал за лошадьми, помогал на кухне, но брать его в поиск запрещалось. В тот трагический вечер он подождал, когда группа уйдет подальше от нашего расположения, и, не спросив разрешения у старшины, догнал группу. Так как было темно и начинался снегопад, мы побоялись, что он сам не найдет дорогу назад и взяли его с собой. Вот и получилось - «языка» не взяли, хотя и убили немцев, а своего человека потеряли. Конечно, командир полка Хабибуллин сделал выговор нашему командиру взвода Есауленко, но потерянного мальчика не вернуть. За мою бытность в разведке было много поисков удачных и неудачных и, чтобы не загружать излишней информацией, остановлюсь только на самых результативных.

Однажды на протяжении нескольких недель на фронте было затишье (имелось в виду, что не велись наступательные операции). В таких случаях особо нужны разведывательные данные о противнике.

С окраины села Мыслины 2-го и 3-го мая мы вели наблюдение за обороной немцев. Намечали, где мы можем пройти через болото и приток реки Свирь, вновь болото и выбраться в небольшой лесок, где начинаются окопы немцев и там взять «языка». До войны здесь предпринимались работы по осушению болота и были прорыты глубокие канавы, что служило для нас большим препятствием. Чтобы преодолеть эти канавы и речку нам понадобилось найти в деревне две длинные лестницы и несколько широких досок.

В ночь на 4 мая в операции приняли участие 11 разведчиков во главе с командиром взвода Гуськовым. Обычно, в поиск мы выходили после двух часов ночи, и на этот раз время не было изменено. Предупредив солдат пехоты на краю нашей обороны, мы подошли к болоту. Оно оказалось неглубоким, местами глубина трясины достигала 20-30 см. Рвы чуть больше метра преодолевали с помощью досок, которые забирали с собой. При переходе через речку возникло затруднение, так как ширина речки оказалась около 8 метров и одной лестницы, чтобы перекинуть через речку, было недостаточно. Для того, чтобы связать две лестницы веревки не оказалось, при подготовке ее не предусмотрели и не взяли с собой. Но смекалка солдат выручила, у некоторых разведчиков на ногах были обмотки. В то время не все солдаты были обуты в сапоги и носили ботинки, а ноги обматывали широкими хлопчатобумажными лентами до колен. Их и называли обмотками. Достаточно было снять одну обмотку у разведчика, чтобы связать две лестницы вместе и перекинуть их через речку. Ползком перебрались через речку, лестницы и доски спрятали рядом в траве, чтобы на обратном пути воспользоваться ими снова.

Следует отметить, что на всем протяжении болота, а это около одного километра, никаких кустов, деревьев, камыша не было. Ко всему местность постоянно освещалась ракетами. Мы вынуждены были при каждом освещении ракетой приседать или падать в болотную жижу, так что наша обувь и одежда промокли. От речки еще прошли небольшой участок

болота и вошли в лесок, росший у самой железнодорожной насыпи. На насыпи рос большой куст шиповника, который, по нашему мнению, мог служить для маскировки окопов. Следовательно, там могли быть немецкие солдаты. В группу захвата командиром были выделены я и Михаил Ефименко. Мы распределились так: я ползу слева, а Михаил справа. Когда мы подползли к кусту, как вдруг оттуда вылетела сорока. Это дало нам знать, что там людей нет. Поднялись на насыпь и обнаружили за кустом хорошо оборудованный окоп, В нем нашли солдатские перчатки, остатки еды. Значит, на ночь немцы ушли отдыхать в более комфортное место. Что делать? Есть два варианта: идти вдоль насыпи к другим окопам, где солдаты бодрствуют, но нас могут обнаружить, прежде чем мы тихо возьмем «языка», или пройти дальше в тыл, где нас никто не ждет, и мы сможем взять «языка» без особого труда.

Мы выбрали второй вариант и взяли курс на хозяйство лесника, отмеченное на нашей карте, расположенное в 2-км от железной дороги. К сожалению, там немцев не обнаружили. И вот кому-то пришла шальная мысль - а не взять ли «языка» на железнодорожной станции Горохов, что в 10-ти км от фронта, ведь там никто нас не опасается. К большому сожалению, никто из нас не обратил внимание на время, отведенное нам на операцию, ведь рассвет нам грозил гибелью. До поселка путь проделали бегом. На окраине, не обнаружив присутствия каких-либо воинских частей, продолжили путь к железнодорожной станции. Зашли в ближайший дом у вокзала, где нас ожидал «холодный душ». Хозяином дома был поляк. Он обрисовал нам ошеломляющую картину: сейчас на вокзал должен прибыть воинский состав с солдатами, а в школе, мимо которой мы проходили и слышали ржание лошадей, оказывается, разместился власовский отряд. Пока мы приходили в себя от услышанного, наступил рассвет. Нам ничего не оставалось, как остаться в этом доме, приняв соответствующие меры безопасности.

Мы разместились на чердаках: командир с 5-ю разведчиками в доме, я с тремя - на чердаке коровника, а Назаренко с Шатохиным - над амбарчиком. Для безопасности, чтобы не появилось желания выдать нас, командир держит возле своей группы поочередно хозяина дома или его дочь. В

крыше чердака мы проделали отверстие, через которое были хорошо видны площадь перед вокзалом и сам вокзал. Еще долгое время мы не могли успокоиться от такого опрометчивого шага, - забраться так далеко за линию обороны в логово немцев. Разместились мы уютно на сухом сене, заготовленном хозяевами для скотины, распределили время дежурств: кому наблюдать за обстановкой, а кому отдыхать.

И как приятно было лежать на пахнущем сене и представлять себя дома, среди цветущих вишен и слушать воркование голубей. На дворе по настоящему стоял цветущий май. Все было: и море цветущих вишен во дворе дома, и любовные игры голубей, залетавших к нам на чердак. Только одно омрачало, как нам выбраться отсюда целыми, а лучше еще и с «языком».

Когда хорошо рассвело, по дороге через площадь началось движение машин с немцами, прошел взвод солдат, а на вокзал прибыл состав с войсками. Появились возле нашего двора несколько повозок с солдатами, которые пытались раздобыть сена для лошадей. Несколько солдат зашли в наш двор, а двое в наш коровник и попытали найти сено на чердаке, где мы затаились. А так как мы затащили за собой лестницу, то один солдат попытался подняться по столбу к люку в потолке, на котором были гвозди для фонаря. Однако гвоздь сломался, и он рухнул на пол, выпачкался в навозе. Второй солдат смотрел, как тот падал, и хохотал от увиденного. Мы тоже тихо смеялись, наблюдая через люк возможную свою смерть. Если бы мы были обнаружены, то скорее всего должны были убить этих солдат, но на выстрелы прибежали бы другие, которые были во дворе. Кроме этих, на улице стояло еще несколько повозок с солдатами, которые ждали своих посыльных. Нас выручила хозяйка: она принесла яйца, сало и раздала их солдатам. Солдаты, не найдя сена, удалились со двора, уехали и другие повозки обоза. Весь день мы ждали прихода новых «гостей», и такой прекрасный майский день томительно долго длился для нас.

Дождавшись вечера, мы собрались в доме, чтобы наметить план действий. От хозяина дома мы узнали о размещении воинских частей в поселке, ближайших селах, о ночном патрулировании поселка и многое другое. Из всей информации выбрали самое ценное для нас: адрес дома, где

ночует комендант железнодорожной станции и, что в 6-ти км от поселка, в селе Цехув расположен дом отдыха немецких офицеров. В этих местах мы надеялись взять «языка» легко.

Чтобы пройти к дому, где ночевал комендант, а он был у вокзала, нужно было пересечь довольно большую площадь. Ночь, как и прошлая, была очень светлой. При такой видимости патрули могли бы увидеть нас издалека, поэтому решили проходить площадь строем, будто идет какая-то группа немецких солдат. Если нам встретится патруль, то вначале он примет нас за своих и подпустит к себе поближе. Возможно, тогда возьмем их без выстрелов. Однако, на площади никто нам не повстречался. Когда мы окружили дом, где должен быть комендант и постучались, то дверь открыла хозяйка, подумав, что стучится ее жилец. Увидев незнакомых вооруженных людей в камуфляжной одежде, мы были в маскхалатах, испуганная хозяйка сообщила нам, что комендант только сегодня уехал, и возвратится через день. Мы обыскали дом и, убедившись, что никого кроме хозяйки нет, решили следовать к другому намеченному объекту. Хозяйку предупредили о больших неприятностях, если она, не дождавшись утра, выйдет из дома и попытается кому-нибудь сообщить о нас. Далее так же строем, быстрым шагом, мы направились в направлении села Цехув.

Выйдя из поселка, мы уже двигались в боевом порядке впереди, в полсотне шагах от основной группы, шли два разведчика, два других наблюдали по сторонам. По информации поляка, дом отдыха немецких офицеров находится рядом с церковью. Высокое здание церкви послужило нам хорошим ориентиром, когда мы вошли в село Цехув. Зная по той же информации, что по улицам села временами проходят патрули, мы начали приближаться к церкви задворками.

В одном из дворов у двух стариков мы выяснили, в каком доме находятся немцы, и что все население села выселено, но их еще не успели. Дом большой, находится рядом с церковью, стоит в 15 метрах от дороги. С большой осторожностью мы приблизились к цели задворками. Нужно было определить, где вход в дом, вероятно, там же будет дежурить часовой, сколько окон, есть ли еще какие строения во дворе. Вблизи мы уже смогли рассмотреть, что у дома со стороны дороги разбит

цветник, у стены стоит кресло-качалка, и два больших окна выходят на дорогу. Далее у дома со стороны церкви глубоко врыта в землю санитарная машина, вероятно, для маскировки с воздуха. Когда примерно определили пути подхода, то приняли такое решение: я и Григорий Левкович обходим дом слева, Дмитрий Мельник с напарником - справа и у входа в дом встречаемся, остальные разведчики прикрывают нас. Условились, что если мы возьмем часового без шума, без выстрелов, то входим в дом и тихо берем «языков». Однако если будут выстрелы, то остальные разведчики, прикрывающие нас, бросают гранаты в окна и хватают тех, кто будет выскакивать из дома.

Я ползком добрался до кресла-качалки, отодвинул его от стенки, чтобы меня не заметили из окна. Здесь я заметил свежевырытый бруствер что-то вроде окопа-капонира, где стояла санитарная машина на гусеничном ходу, припаркованная вплотную к стенке дома. Земля бруствера еще была сырой, что, как потом, оказалось, спасло мне жизнь. Пришлось ползком обогнуть машину, которая стояла в одном метре от веранды дома. Чтобы быть незамеченным, я залез под машину, откуда мне было хорошо виден вход в дом и Дмитрия, который уже притаился возле крыльца.

Напряжение нарастало, а часовой все не появлялся, и нам не было известно, где он - в доме или где-то во дворе?! Когда мы уже были готовы войти в дом, как послышались шаги в доме. Дверь отворилась, и на веранду вышел высокий и крепкий солдат в немецкой форме, в руках у него был автомат. Судя по его поведению, он что-то услышал, насторожившее его, и прежде, чем выйти, он внимательно посмотрел в окошки веранды. Убедившись в отсутствии опасности, он вышел во двор. Его ноги, обутые в кованые ботинки, оказались в полуметрах от моего лица. Я лежал, затаив дыхание, чтобы ни выдать себя, и ждал действий Дмитрия. Секунды решали нашу судьбу! Тут я увидел, как Дмитрий, выпрямившись, ударил автоматом по голове солдата и, механически нажал на спусковой крючок, и автоматная очередь всполошила весеннюю ночь. Удар Дмитрия не свалил солдата, он истошно закричал и бросился бежать. Я выскочил из-под машины, чтобы помочь Дмитрию. Как только послышался крик часового и выстрелы, то, как было условленно, в окна

полетели гранаты разведчиков, которые прикрывали нас. После каждого взрыва гранаты из окон дома вырывались столбы пламени.

Когда я обежал машину, чтобы там встретить Дмитрия с немцем, то на одно мгновение заметил летящий огонек, и промелькнула мысль - это след трассирующей пули патруля. В этот момент раздался взрыв, и я потерял сознание. Очнулся я от ударов по лицу, как в розовом тумане, разглядел лицо своего командира Гуськова. Он что-то говорил, но от сильного шума в моей голове, я не понимал смысл его слов. Наконец-то я понял: «Где часовой?». Я пытаюсь с трудом подняться, но у меня кружится голова, меня мутит, и командир помогает мне подняться. Когда я возвратился к своему прежнему месту, еще не придя хорошо в себя, то увидел убегающего человека. Приказываю ему остановиться, когда он не останавливается, стреляю, но он успевает скрыться за сараем. В этот момент из горящего дома выбегают два человека. Они не останавливаются на мой приказ, и я был вынужден стрелять в упор. Оба падают замертво. Когда появился еще один, и я сгоряча, мог и его убить, находясь в невменяемом состоянии, меня остановил командир. Ведь нам нужен живой «язык», а не мертвый, и как потом оказалось, это был обер-лейтенант. Он был в одном нижнем белье и временами поднимал обе руки, мол, сдаюсь, а затем только одну руку. Я вначале сомневался, не прячет ли он оружие в другой руке, но оказалось, что он поддерживает сползающие штаны. Когда мы привели его за дом, там нас уже ждали остальные разведчики с обезвреженным часовым. В это время небо заполыхало от ракет, послышался шум моторов танков, следовательно, нужно было срочно уходить из села. Состояние мое улучшилось, только остались шум в ушах, головная боль и тошнота. Как оказалось, кто-то из наших разведчиков неудачно бросил гранату, она ударилась о раму окна и упала на свежевырытый бруствер и, взорвавшись, контузила меня.

Возвращались мы полями по кратчайшему маршруту, обходя населенные пункты. Еще до рассвета мы прошли мимо знакомого куста шиповника на насыпи. Там и на этот раз в окопе никого не было. Спустились к речке, перебросили лестницы и переправились через болото без потерь. Всю

дорогу мне пришлось идти, опираясь на свой трофей - первого плененного мною немецкого офицера.

За этот поиск меня и Дмитрия наградили первой медалью «За отвагу», командира - орденом «Красная Звезда». Еще много было подобных действий: всего я участвовал в захвате 25 «языков», но таким удачным был только этот поиск 4-6 мая 1944 года.

Расскажу я о составе нашего взвода разведки. По штатному расписанию общая численность взвода составляла 26 человек, в том числе два отделения по 12 бойцов, старшина и командир. При пополнении взвода командиру давали право первому подбирать во взвод рослых, сильных молодых солдат, но были разведчики и постарше. Так, старшине взвода Божко, разведчикам Назаренко, Барокко - было уже по тридцать лет, а моему первому командиру взвода Есауленко двадцать пять. Конечно, все разведчики были мужского пола, но однажды к нам во взвод была направлена девушка.

Ее звали Римма Решетникова. Это была довольно высокая, стройная. С гордой посадкой головы и густыми черными волосами девушка примерно 18 -19 лет. Одета она была изысканно, хотя форма была обычной, но явно сшита по ней. Эффектно носила шапку-кубанку. Она прибыла к нам из какого-то подразделения, обслуживающего штаб дивизии. Причин перевода ее к нам мы не знали. Вела она себя скромно, на ухаживания не поддавалась и, судя по ее независимому поведению с нашим командиром и другими, чувствовалось, что у нее есть сильная поддержка в высшем командовании. В связи с тем, что она у нас была единственной женщиной и спать должна отдельно, то пришлось копать для нее одной землянку. Однако по этому поводу роптаний среди разведчиков не было. Мы за ней наблюдали, каждый старался, чтобы она обратила на него внимание. Разведчики подтянулись, из речи исчезли все бранные слова, да и выправка улучшилась. С ее появлением в наше расположение зачастили полковые ловеласы, о них мы раньше знали по частым скандалам в роте связи, санроте, где служили девушки. Появление их у нас вызывало чувство ревности - ведь она наша, разведчица, и должна быть вне всякого подозрения. Среди офицеров и солдат полка ходили разные слухи: не то она дочь какого-то генерала, пожелавшая повоевать, не то

девица, споткнувшаяся на амурной почве среди командного состава дивизии. Однако повода к подтверждению таких слухов она не давала, и желание завести с ней дружбу на уме было у многих.

Следует отметить, что, несмотря на военные действия, во время затишья у нашего командира, да и у многих разведчиков, были встречи с девушками из роты связи, санроты и других подразделений, обслуживающих штаб полка. И, как всем известно, у молодых девушек всегда была особая тяга к парням опасных профессий, которые могли заинтересовать их забавными историями, порадовать необычными сувенирами или сладостями. К примеру, у нас, разведчиков, часто бывал шоколад. Он был трофейный, немецкий, мы его часто получали как добавочный поощрительный паек для некурящих. Шоколад или 50 грамм сахара выдавался взамен положенного табака.

Ведь отсутствие привычки курить - большая ценность для разведчика! А разведчик, привыкший курить, может нечаянно провалить хорошо спланированную операцию. Как бы скрытно он ни захотел закурить, но огонь его спички или зажигалки виден ночью очень далеко, да и кашлю подвержены все курящие и такое случалось не раз. Однажды в ночном поиске наш курящий разведчик Назаренко, закашляв, вспугнул немецкого часового, а тот поднял тревогу, и нам пришлось быстро уносить ноги, но это отступление от темы.

Появилась Римма у нас в конце декабря 1944 года, когда наш полк стоял во втором эшелоне обороны на Сандомирском плацдарме. Это было накануне грандиозного наступления наших войск. Наступление началось 12 января 1945 года. После успешного прорыва немецкой обороны по всему фронту началось стремительное продвижение наших войск. Немецкие войска, отступая, не успевали закрепиться на новых рубежах. Наши танковые клинья врезались на 200 и более километров в немецкий тыл и ломали установленный темп поставки горючего и военного снаряжения. Много немецких танков и других машин остановилось из-за отсутствия бензина. Их обслуживающему персоналу немецкое командование тщетно обещало помочь - по воздушному мосту сбросить на парашютах все необходимое. Во многих местах, скрытых от

основных дорог, скопились группы танков, бронетранспортеров с пустыми баками.

Наши же войска, продвигаясь ускоренными темпами, не встречая большого сопротивления, все дальше углублялись на территорию противника. Вот и наш полк, сделав за день марш-бросок более чем на 50 км, вынужден был остановиться на ночлег на опушке леса. Уставшие солдаты и офицеры смогли только нарубить еловых веток, выстлать ими снег, выставить часовых и повалиться на землю спать. Также было и с нашим взводом. Рано утром начальник штаба майор Шабердин, получив по рации сообщение от командира полка (тот находился в батальонах), созвал на совещание командиров подразделений, сопровождающих штаб. Было решено двигаться по кратчайшему пути, пренебрегая хорошими шоссейными дорогами, чтобы быстрее догнать свои батальоны, продвинувшиеся вперед на десятки километров. К тому времени многие подразделения приобрели в виде трофеев лошадей и повозки для перевозки своего имущества. Автоматчики из взвода охраны штаба полка для начальника штаба приобрели фаэтон. После совещания начштаба, отдав команду двигаться по намеченному пути, с одним автоматчиком выехал на фаэтоне в направлении небольшой деревеньки, видневшейся на пригорке. Нужно было проехать по лесной дороге ложбинку и подняться в гору. Однако не успели лошади проехать ложбинку, как пулеметной очередью были убиты наповал. Уцелевший майор Шабердин и легкораненый автоматчик, где ползком, а где короткими перебежчиками добрались до леса. По тревоге вновь собрали командиров. Разгоряченный от сорванной попытки догнать батальоны полка, начштаба отдает неразумный приказ: немедленно цепью (шеренгами) прочесать деревню и уничтожить пулеметное гнездо.

Собрали около сотни солдат и офицеров. На опушке леса рассредоточились на 3-4 метров друг от друга, и пошли по полю. В цепи была и Римма, рядом с моим земляком Дмитрием Мельником. У меня как разведчика, привыкшего действовать ночью, интуитивно сработало чувство самосохранения - выбрать на всякий случай какое-нибудь прикрытие. Вдоль лесной дороги росло несколько довольно больших и толстых деревьев, они и запечатлелись в моем

мозгу. Нас разведчиков все же берегли для ночных вылазок за «языком», там мы больше приносили пользы, чем в рискованной атаке.

Следует отметить, какие чувства испытает солдат, идущий в атаку и на возможную близкую смерть. Обычно после артиллерийской и минометной обработки укреплений врага солдаты выстраиваются в цепь и с криком «ура» быстро шагают, стреляя на ходу, сближаясь с врагом. В первые минуты атаки еще замечаешь, как падают сраженными бегущие рядом товарищи, и просишь у судьбы пощадить тебя. Дальше инстинкт самосохранения отключается, и ненависть захлестывает остальные чувства. Звериная злость отделяет разум от тела, оно становится невесомым, и ты уже не бежишь, а летишь, чтобы достичь врага и вцепиться ему в горло. Порой забываешь и стрелять - лишь бы добраться и уничтожить. В те минуты человек становится полностью невменяемым. В таких атаках я участвовал дважды.

Но на этот раз такой атаки не было. Кроме того, были нарушены элементарные правила осторожности: не осмотрена окраина деревни (хотя бы в бинокль), толком не определено, откуда стреляли. Можно было послать разведчиков, которые скрытно, обойдя открытое перед деревней пространство, могли определить местонахождение врага и его количество. Даже обычное пулеметное прикрытие атакующих цепей не было предусмотрено. По мнению майора Шабердина все сводилось к тому, что немецкий пулеметчик, обстрелявший фаэтон, увидев нашу цепь, сбежит. Однако все получилось не так.

Как только мы вышли из леса и начали двигаться по открытой местности, немцы, подпустив нас на 200-300 метров, обрушили на нас шквал огня. Стреляли не только из пулеметов, но из танковых орудий. Следуя своей интуиции, я бросился к ближайшему дереву у дороги, но тут же взрыв снаряда погасил мое сознание. Спустя некоторое время, когда наши солдаты освободили меня от ветвей упавшего дерева, и я пришел в себя, то увидел жуткую картину: полегла почти вся цепь, вблизи горел наш танк, горела и деревня, а вместе с нею около десятка немецких танков и машин. Как потом рассказали уцелевшие товарищи, Шабердин, наблюдавший за трагедией из леса, срочно вызвал по рации артиллеристов и

танкистов. Однако и первый прибывший танк после нескольких удачных выстрелов был подбит и загорелся. Сказались тщательная маскировка и количественное преимущество немцев. Полный разгром этого скопища техники завершил прибывший противотанковый артдивизион. Немцы, бросив уцелевшие танки и машины без бензина, ушли в лес.

На этом поле вместе с другими товарищами погибла наша первая девушка-разведчица. Погиб и мой друг-земляк Дмитрий Мельник, отличный разведчик, много раз мы с ним вместе брали «языков». Они шли рядом, и разорвавшийся снаряд унес их жизни вместе. Так трагически оборвалась жизнь молодой девушки, мечтавшей исполнить заветную мечту - принять участие в разведке и чем-то героически проявить себя. Тайна ее появления в нашем взводе разведки так и осталась неразгаданной. В моих записях отмечено, что это произошло 17 января 1945 года у селения Цминек, в Польше.

В моих рассказах о действиях разведвзвода хочу поведать еще об одной задаче разведчиков, когда войска находятся не в обороне, а наступают. Итак, противник, не выдержав боя, спешно и скрытно покидает свои позиции, чтобы отойти на более выгодные позиции, закрепиться там и организовать встречу нашим наступающим войскам внезапным и усиленным огнем. В таком случае наши войска, застигнутые врасплох, несут большие потери. Для предупреждения такого исхода перед небольшой группой разведчиков ставится задача - двигаться впереди наших наступающих частей, первыми обнаружить противника и предупредить об этом своих. Об одном таком случае я и поведаю.

Это было в январе 1945 года на территории Польши, после разгрома немцев под городом Кельце. Немцы, понеся большие потери, откатились в глубь страны на значительное расстояние. Нашему полку было приказано преследовать противника и не дать ему прочно закрепиться на выгодных позициях. Перед нашим взводом разведчиков была поставлена задача - обнаружить противника, местонахождение его не было известно командованию полка. Выполнить это ответственное задание было поручено мне, командиру

отделения, с моими разведчиками. Из отделения я выбрал семь человек.

Маршрут движения был определен: идти впереди наших частей на определенной дистанции. Я с помощником, Михаилом Ефименко - впереди нашей группы, примерно в 5-6 км от батальонов полка. За нами в двух километрах еще два разведчика, а за ними на видимом расстоянии двигаются остальные разведчики группы. Цель такого распределения на дистанции в том, чтобы иметь возможность передавать нужные сигналы без особого шума.

Прежде чем остановиться на описании экипировке разведчиков, хочу отметить, что нам очень повезло с транспортом для выполнения данного задания. При взятии г. Кельцы мы нашли более десятка исправных велосипедов, оставленных немцами при отступлении. Ими мы и воспользовались.

Обычно разведчики вооружены в основном автоматом ППШ (пистолет-пулемет Шпагина) с диском на 71 патрон, двумя ручными гранатами, но при продолжительном поиске выдавались по два диска и четыре гранаты. Гранаты без запалов находились в карманах фуфайки, а сами запалы - в нагрудном кармане, и вставлялись в гранаты только при обнаружении противника. В основном мы использовали гранаты наступательного действия, а гранаты противотанковые и оборонительного действия нам выдавали лишь в особых случаях - при обороне штаба, что случалось достаточно часто. В отличие от моих помощников у меня был автомат ППС (пистолет-автомат Стрельникова). Он облегченного типа, ими вооружали танкистов, десантников. Вместо громоздкого диска для ППШ он был снабжен магазином рожкового типа на 32 патрона. Такие рожки-магазины до четырех штук носили, прикрепив к поясному ремню. Рядом с ними - большой нож в ножнах. Одеты мы были в ватные фуфайки (телогрейки), гимнастерки, брюки-галифе, байковое нижнее белье, сапоги с портянками, шапку-ушанку. Поверх фуфаек надевали белые маскхалаты (комбинезон - куртка с капюшоном и брюки). У каждого разведчика в нагрудном кармане имелся индивидуальный санитарный пакет с ватой на случай ранения, кроме того, в потайном карманчике - маленький мешочек с сахаром (на два-

три ложки). Сахар, при необходимости, подкреплял организм и уменьшал чувство голода.

На рассвете полк вышел на марш, и наша группа рассредоточилась, как было намечено. Погода нам благоприятствовала: был небольшой мороз, снега на полях и дорогах было мало, а поземка вовсе очистила шоссе. Наши велосипеды не спеша, катили по гладкой дороге. Вскоре показались дома небольшого городка. Остановились у крайнего дома. Велосипеды оставили на обочине дороги. Осмотрели двор, постройки снаружи: никаких повозок или машин не было. Тогда постучали в окно, не прислоняя лица к стеклу, чтобы не подставлять себя, если все-таки там есть немцы. На стук вышел хозяин дома. На мои вопросы он ответил по-польски, что немецкие части еще были вчера в городке, но ночью ушли.

Однако во время нашего разговора раздались три орудийных выстрела. Судя по очень малому промежутку между выстрелом и разрывом снаряда, стреляли из танка. Прозвучали они примерно в одном километре от нас в центре города. К этому времени подъехали два наших разведчика. В этой обстановке нужно было немедленно решать: останавливать движение полка или продолжать путь. Я принял решение - полку движение продолжать, и, чтобы знали о происшедшем, послал разведчиков. Сам с Михаилом продолжил путь в сторону центра городка. Ехали медленно, прислушиваясь, нет ли еще выстрелов, чтобы точнее определить их местонахождение.

Все внимание было направлено только вперед. Так проехали несколько минут, как вдруг нас окликнули по-немецки: - «Что случилось?» Не останавливаясь, я посмотрел направо и увидел у дороги, за небольшим забором, в 10-15 метров группу немцев, одетых так, как и мы, в белые маскхалаты. Секунды решали нашу жизнь! Я крикнул Михаилу: «Падай в ров у шоссе!» и сам свалился туда. Растерялись и мы, и немцы. Белый цвет одежды смутил противников. Кто они? Свои или чужие? Так думали немцы, окликая нас. Этих секунд замешательства нам хватило, чтобы прийти в себя и приготовить автоматы для стрельбы, уже лежа во рву. Главное, не дать немцам приблизиться, и расстрелять нас в упор. Каждый из нас дал нескольких коротких очередей

вверх, показывая, что мы готовы обороняться, а так же чтобы дать сигнал нашим разведчикам. Однако немцы не стали ввязываться в бой.

Через несколько минут я выглянул и увидел вдалеке, перебегающих дорогу пятерых немцев: Стрелять в них не было смысла - наши выстрелы уже не причинят им вреда. Возникло еще больше вопросов. Кто стрелял из пушек? Почему немцы так поспешно бежали? О нахождении здесь наших войск нам не было известно, но теперь появилась надежда. Я решил следовать дальше, а Михаил будет прикрывать меня. Подъезжая к площади, я увидел наши танки, и с радостью стал приближаться к ним, но тут же был сбит на землю танкистами, которые приняли меня за немца. Пока меня поднимали, пытаясь отобрать автомат, подъехал Михаил, и все выяснилось.

Как оказалось, поздно вечером танковый батальон, приданный нашей дивизии, вошел в этот городок и разместился на этой площади. О своем местонахождении в штаб дивизии не успели сообщить. Чтобы обеспечить круговую оборону на ночь, танки были расставлены так, чтобы иметь под обстрелом все въезды на площадь. И вот на рассвете часовые услышали шум приближающихся машин и подняли по тревоге экипажи танков. Когда первая машина показалась, по ней был сделан выстрел из орудия, затем еще два - по остальным машинам. Эти выстрелы и были услышаны нами. Первые две машины загорелись, остальные развернулись и уехали искать новое место для прорыва. Преследовать или осматривать горящие машины танкисты не стали, а солдат пехоты для прикрытия на этот раз с ними не было.

Узнав о происшедшем, я решил послать разведчиков, которые к этому времени присоединились к нам, и сообщить, что городок свободен от врага, и можно продвигаться на марше колонами. Этим сообщением было подтверждено выполнение первой главной задачи, поставленной перед нашей группой.

Вторая задача, о которой я еще не упоминал, заключалась в розыске спиртоводочного завода и установлении там часовых, чтобы не допустить разграбления спирта. В этом районе Польши было размещено более десятка спиртоводочных заводов и немцы, зная слабость русских к

спиртному, отступая, не разрушали их. Они предполагали, что русские солдаты, добравшись до спиртного, напьются и не смогут наступать. Действительно, нарушения дисциплины были, и поэтому мне было поручено отыскать такой завод, выставить часовых до прибытия тыловой команды и передать ей этот «опасный» объект. Были и другие более веские причины.

В связи с быстрым продвижением наших войск доставка бензина для автотранспорта задерживалась, не успевала за частями. Вот здесь-то и использовались запасы спирта для заправки автомашин, хотя моторы работали с некоторыми перебоями, но темп наступления не снижался.

Мы начали с осмотра горящих машин. Они как раз и находились в той стороне, где должен был располагаться спиртзавод. Машины грузовые крытые тентами, в них лежало несколько убитых немцев, раненых не было. Об этом сообщили танкистам и продолжили поиски завода. Примерно в ста метрах от горящих машин обнаруживаем каменную ограду какого-то предприятия. От этой ограды очень близко находится небольшой домик. Вглядываясь в пространство между домиком и оградой, мы заметили какое-то движение. Михаил решил проверить. Он перепрыгнул через небольшой деревянный заборчик и устремился туда. Счастье его, что он не успел заглянуть туда, как оттуда раздался выстрел. Я тоже перескочил заборчик и присоединился к Михаилу.

На раздумье было несколько секунд. Что делать? Решаю - Михаил остается сторожить эту щель, а я обхожу домик справа. Однако немцы нас опередили. Они первыми сообразили, как нас достать, и перебросили гранату через домик. Раздался взрыв и Михаил, вскрикнув, схватился за живот, осколок вошел в его тело. Тогда и я бросил одну гранату, затем и другую. В ответ услышал крики раненых. Я двинулся в обход домика, как и намеривался раньше. Пройдя до конца стены и заглянув за угол, я наткнулся на очень крупного немца, который двигался мне навстречу. Мы обменялись молниеносными взглядами и выстрелили одновременно. Я стрелял из автомата, а он - из карабина. Мое состояние было таким, что я сумел разжать пальцы только тогда, когда кончились патроны в рожке. Причиной этому был миг пролетевшей мимо смерти, ведь пуля из карабина слегка

задела мою белую накидку на голове. Так мне надолго запомнился образ убитого мною немца. Это был высокий и широкоплечий рыжий мужчина. На голове у него была белая каска. По воинским отличиям на одежде и каске с эмблемами черепа он принадлежал к войскам СС. Я обошел труп и заглянул за дом, откуда прилетела граната, ранившая Ефименко. Там я увидел двух умирающих немецких солдат, которых настигли мои гранаты. Немецкие солдаты, как и тот, что стрелял в меня, были одеты в белые маскировочные куртки.

Я был очень обеспокоен ранением Михаила в живот. Следует отметить, что в то время войны еще не было сильных антибиотиков, и ранение в живот во многих случаях заканчивалось летальным исходом. Так погиб юный разведчик Николай Соловьев. На выстрелы прибежали другие разведчики, и мы перевязали Михаила. Крови, как обычно при ранении в живот, было мало. С двумя разведчиками я отправил раненого в санроту. Как потом я узнал, ранение было не очень тяжелое, основные органы не были задеты, он выжил, еще воевал, но уже в других частях. Как-то прислал мне письмо и фото, но в дальнейшем его след затерялся. В моей памяти он остался как хороший разведчик и преданный товарищ.

С другими разведчиками я продолжил поиск спиртзавода, который оказался рядом. Каменная ограда и была стеной завода. На заводе мы нашли двух местных рабочих, которые указали нам помещение с емкостями со спиртом. Мы проверили, нет ли здесь мин, заправили свои фляжки спиртом и, оставив двух разведчиков дежурить до прихода хозяйственной команды, я отправился докладывать о выполнении заданий.

Докладывая начальнику штаба о выполнении заданий, я рассказал о случившимся и предположил, что немецкие солдаты, с которыми мы встретились на окраине городка и эти, с которыми произошла схватка, были из одной команды, попавшей под огонь танкистов.

Надо сказать, что особо крепким здоровьем в юности я не отличался, но за время пребывания в армии не простужался. Однако, находясь в болотистой местности на плацдарме у г. Сандомира, заболел малярией. Эта болезнь преследовала меня

с небольшими перерывами около трех лет. Вдруг поднималась высокая температура до 39,5°С, начинался озноб с сильной дрожью всегда в одно и тоже время - с 13 часов дня до утра. Затем день перерыва, и так на протяжении месяца. Врачи в санроте выдавали хину или акрихин, что снимало остроту приступа, наступал перерыв на месяц, а затем - снова приступы. После войны меня пробовали лечить в чехословацком госпитале, результат был хорошим, однако окончательно приступы малярии оставили меня в Белоруссии. Возможно, перемена климата дала свои результаты.

Преследовала меня и другая болезнь - радикулит. Он также возник в результате постоянных переохлаждений при боевых операциях по взятию «языков». Приходилось лежать в снегу или на мерзлой земле по несколько часов при обнаружении нас немцами. Однажды я с тремя разведчиками пролежал около шести часов до темноты, только так мы смогли спастись. После демобилизации из армии я долгое время носил меховую повязку на пояснице, и только спустя многие десятилетия с помощью пчелиных ужаливаний смог избавится от этой коварной болезни.

Во время службы в армии у меня были отличные товарищи, друзья. С некоторыми из них дружба продолжалась многие десятилетия и продолжается в настоящее время. Как известно, дружба всегда проверяется в экстремальных условиях, особенно она проявилась в одной операции по взятию «языка» на территории Западной Украины. Об этом следует упомянуть. Нашему взводу разведки по штатному расписанию радист не полагался, так как наши действия ограничивались проникновением в тыл противника на глубину не более 10 км и на краткое время - не более суток. Но однажды наш командир взвода Есауленко решил провести операции более продолжительные, так как была возможность проникнуть в тыл противника и там затаиться на несколько дней.

Николай Филатов. В этой операции он проявил отличные качества, не столько радиста, сколько хорошего разведчика.

Наша группа находилась в тылу немцев около недели. «Языка» не удалось взять, но наши наблюдения за передвижениями немецких частей смогли предотвратить намерения противника контратаковать наши части в районе

расположения нашей дивизии. Николай быстро передавал краткие сообщения, опасаясь пеленгации радиостанции. Операция прошла успешно. В дальнейшем мы с ним сдружились, часто встречались в дни передышек, делились всем, что каждый из нас имел, строили планы на послевоенное время. К нам присоединился и другой радист Григорий Ветренко, москвич. Он также был частым гостем нашего взвода, в котором воевало несколько москвичей. Их связывали общие интересы довоенной жизни в столице

Конец войны

Окончание войны ознаменовалось ожесточенными боями нашей дивизии в предместьях Берлина. Первого мая капитулировал Берлинский гарнизон. О потерях в живой силе и технике немцев и нашей дивизии можно узнать из книги «По зову Родины», уже упомянутой выше. 2-го мая был отдан приказ о переброске нашей 389 дивизии на юг, в сторону Чехословакии. Там еще оставались немецкие части, стремившиеся сдаться в плен войскам союзников, т.е. США, Англии, Франции. В пути мы узнали о капитуляции Германии, но бои продолжались до самой столицы Чехословакии Праги, и только 11 мая полностью затихли.

Наш 545-й полк был размещен в 25-ти километрах от Праги. В связи с решением о сокращении войск, он был расформирован 6 июня 1945 года, старший возрастной состав демобилизован, а кто остался служить, переведен в другие части. Некоторое время я служил в должности старшего писаря оперативного отдела штаба 389-й дивизии, помощником командира комендантского взвода, затем секретарем комсомольской организации 133-го отдельного танкового батальона.

За период с мая по ноябрь 1945 г. нашу часть перебрасывали в разные населенные пункты Чехословакии: поселки Слани, Писек, Индижихой Градец, и далее в Австрию - города Фрайдорф, Маутхаузен (ноябрь 1945 - май 1946 г.). Следующий переезд был в Белоруссию.

Демобилизовался я из армии 27 февраля 1947 года, когда пришел приказ об освобождении воинов родившихся в 1924 году и старше. Кто родился в 1925 году, продолжали служить

еще несколько лет. В моих документах было отмечено, что я родился в 1924 году, и я не настаивал на изменении даты моего рождения.

Всего в армии я находился 3 года, один месяц и 22 дня (с 5января 1944 г. по 27 февраля 1947 г.), в боевых действиях - один год, 4 месяца и 3 дня.

За участие в боевых действиях Великой Отечественной войны 1941-45 годов и за работу на благо страны в последующие годы награжден:

- орденами Отечественной войны 2-й степени, Славы 2-й и 3-й степеней;
- медалями - «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За участие в Великой Отечественной войне 1941-45 г.» и другими.

Всего орденов и медалей 18 и Почетная грамота Президиума Верховного Совета Молдавской ССР.

Кроме вышеуказанного, мне были вручены поощрительные знаки. Такие, как «Отличник военного строительства» и другие, всего восемь. Была объявлена благодарность Сталина с занесением в личное дело за отличные боевые действия при освобождении польских городов Кельце, Острув, Ельце, форсирование реки Одер, взятие городов Фрейштадт, Глогау, Коттбус и ликвидации немецкой группировки юго-восточнее Берлина.

Воевал я, имея звание гвардии младшего сержанта.

За время военных действий был контужен, получил несколько небольших ранений. Вышел в отставку в звании капитана.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Молодкин Вячеслав Игоревич****, студент Московского колледжа предпринимательства №11*

Тимошкова Зинаида Силовна

У финнов форма была очень на нашу похожа

Родилась 13 октября 1920 года, в Москве. Русская. После замужества фамилию не меняла. В партии состояла.

До войны окончила в 1938 года школу (8-летка), в 1940 г. - Московскую зубоврачебную школу.

Узнала о начале войны 22 июня 1941 года в месторасположении 1-й бригады морской пехоты Балтийского флота. Разбудил санитар, который и сообщил о начале войны. Тогда я была заведующей зубным кабинетом в звании лейтенанта.

Боевой путь проходил через Карельский перешеек (22 июня 1941 года), Кайслахти (конец августа 1941 г.), остров Койвиста (конец августа 1941 г.), Кронштадт (август 1941 г.), Ленинград, Подплав (август), деревня Колпино, передний край (Московская славянка) (начало сентября 1941 г.), прорыв и снятие блокады Ленинграда (28 января 1943 г.), Луга (6 февраля 1943 г.), Выборг (1943 г.), Таллин (1944 г.), Тшебигошт, под Прагой (1945 г.).

Освобождала в составе фронта под командованием Говорова, 72-й стрелковой дивизии под командованием генерала Ястребова, медсанчасти под командованием Костерина, Начальник школы младших командиров - И.М.

Чапаев. Командный состав через всю войну прошёл без изменений, кроме переформирования в пехоту под Ленинградом, потом попали в армию Конева):

- Лугу (6 февраля 1943 г.);
- Выборг;
- Чеинстохоф (Польша);
- Таллин;
- Тшебигошт (1945 г.).

Военные боевые действия закончила в Чехословакии в городе Тшебигошт в звании старшего лейтенанта медицинской службы на должности заместителя начальника эвакоотделения под командованием начальника медсанчасти Костерина.

Была контужена под Ленинградом во время сильного обстрела. Трудоспособность сохранена.

Возвращалась с войны через: Чеинстохов, Выборг, Новочеркасск, Харьков. Часть была расформирована.

После демобилизации в 1945 году была доставлена в Суворовское танковое училище в городе Новочеркасск. Затем в Харьковское танковое гвардейское училище. По прибытии в город Москву трудоустроена в Лосиноостровскую железнодорожную поликлинику заведующей стоматологическим отделением.

Награждена:

- медалью «Защитнику крепости Кронштадта в обороне Ленинграда 1941-1944 гг.» (№7503);
- медалью «За отвагу» (№31869, выдана 29 ноября 1946 г., удостоверение 242432);
- медалью «За оборону Ленинграда» (22 декабря 1942 г., №09956, выдал председатель исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся Попков и секретарь исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся А.Бубнов);
- орденом «Серебряная Звезда. Общественное Признание» (С.А. Абакумов, В.Л. Говоров. №2608);
- знаками «Участник парада 60 лет победы 9 мая 2005 года» (вручен Ю. Лужковым), «Участник парада Победы 9 мая 2007 года» (вручен Ю. Лужковым), «Фронтовик 1941-1945 гг.» (заместитель председателя, генерал армии В.Л. Говоров 9 мая 2000 года), «Морская пехота» (№6307, 9 октября 1973 года,.

начальник центрального военно-морского музея, капитан первого ранга Куляшов; председатель бюро секций ВНО при центральном военно-морском музее полковник запаса Лейбович);

- медалью «Ветеран труда» (26 мая 1976 года, Секретарь московского городского исполкома, 1 июня 1976 года);
- медалью «Почётный ветеран» (28 марта 2007 года);
- орденом Отечественной войны 2-й степени (№933792 от 11 марта 1985 г., приказ №3075684);
- орденом «Знак почёта» (№535218, удост. 070318, выдан 9 декабря 1966 г.);
- медалью «За победу над Германией 1941-1941 гг.» (от 9 мая 1945 г., вручена 22 октября 1946 г.);
- медалью Жукова (№0897011, указ от 19 февраля 1996 г.);
- знаком «Ударник коммунистического труда» (выдан в поликлинике №95 9 мая 1964 года).

Остались живы: муж - Александр Стефанович Головин (полковник, начальник связи. Награждён: орден Красной Звезды (1-й и 2-й степеней), орден Ленина, орден Отечественной войны, орден Красного Знамени; сестра - Тамара Силовна Тимошкова (участвовала в обороне Москвы).

Публикации обо мне в газетах:

- День медработника /// «Меридиан», №24 (361), 2004 г., 17 июня;
- «Вечерняя Москва» 9 мая 1981г. №109 (17493);
- Нет нам покоя ///«За Калужской заставой» 8 марта 1998 г.;
- Герои-девушки /// «Вперёд, за Балтику» 11 февраля 1942 г., №21 (147)

Родилась я в семье рабочих. После окончания 8 классов школы, в 1938 году поступила и окончила Центральную московскую зубоврачебную школу (1940 г.) и была направлена на работу в качестве зубного врача на Балтийский Флот в 1-ю ОБМП (отдельная бригада морской пехоты), где и застала меня война. Я была одна женщина – кругом морячки. Там я стала заведующей зубным кабинетом.

21 июня все мы легли спать. Как раз накануне у нас все ребята в увольнительную готовились. Начищенные, пряжки

горят, как будто солнце, бескозырки у всех - завтра едем в Выборг.

По боевой тревоге, в 12 часов ночи, подняли нашу часть. Но я-то гражданская. Меня санитар будил. Говорит: «Зин, вставай, война началась!» А он такой задорный был парень. Я ему говорю: «Соври как-нибудь по-другому. Чего такие вещи-то говоришь!» А он мне: «Зин, война!!!» Я иду к штабу, а мне говорят: «Зин, а ты знаешь, что это ведь не учебная тревога». Я думаю: «Господи, а какая же?» Сразу все переоделись в защитную форму. Всё нарядное сняли. Ко мне очередь выстроилась – прощаться. Ведь никого гражданских не было. Вот так началась война.

Мне предлагали в Москву ехать. Это же близко, под Ленинградом. Я говорю, никуда не поеду, как это – война началась, и чтоб я куда-то уехала? Я осталась в этой части, в китель меня нарядили. И вот в конце августа нас перебросили на финскую границу. Это за Выборгом. Местечко называлось Койвиста.

Мы пришли (а я такая боевая была), я и говорю: «Ой, ну и где тут война, а? Давайте мне финнов!» Все ребята сидят – беспечные, молодые – покуривают, разговаривают. И тут начался обстрел. Кукушки. Они обычно по ночам пробирались и залезали на деревья. У них и форма специальная была, и приборы для корректировки огня. У нас никто не мог их обнаружить. Что тут началось! Косили одного за другим. Ребята понять ничего не успевали – падали замертво. У костра мина рванула. Там человек пять сидело – всех разметало. Я слышу, зовут: «Зин, помоги!..» Подхожу, а там - уже кто без руки, кто без ноги, кто без глаз…

Мы начали наступление. Идём через лес, солдаты кидают гранаты, задние кидают вперед – попадают по своим. По трупам своих пробираемся вперёд. Позади раненые остаются, кричат, просят помощи. Я не знаю куда мне. Надо раненым помочь, а передние уже далеко ушли – оставаться нельзя. Наш политрук по фамилии Беленький тоже в живот ранен был. И вот он мне говорит: «Зин, я знаю, что я уже не жилец. Достань мой пистолет и вложи мне в руку». Я сделала, как сказал. Дальше говорит: «Достань мой партбилет». Я всё сделала – и скорее оттуда. Отошла метров на 50 и слышу – выстрел. Ну, думаю, всё. И остался он там со всеми остальными, кто убит

был. Но мертвых мы никогда не оставляли, как могли закапывали, чтоб финнам не достались.

Надо заметить, что у финнов форма была очень на нашу похожа. И вот мы вперёд пробираемся, смотрим – вроде свои идут. Прислушались – а говорят-то не по-нашему. Мы раз – и в сугробы легли. Они, видать, тоже поняли – залегли против нас. Завязалась перестрелка. Рядом со мной пулемётчик лежал, ему в лицо разрывная пуля попала. Всё кровью залило, лица вообще не осталось. Мне пришлось его рукой обхватить и тащить за собой.

Это был мой первый бой, моё боевое крещение. Позднее мы попали там в окружение, прорываться пришлось с боями. Мне пришлось организовать группу помощи, чтобы можно было выносить раненых. Пристраивала их на повозки, транспаранты. С разведывательной группой пошла в разведку по болотам, чтобы вывести группу к своим, также выводила раненых.

Помню, после того как мы из окружения вышли, собирались в землянках, где ребята радио ловили. Жора Желтуха - у нас радиста звали. Долго слушать нельзя было – перехватить могли. Мы ведь вообще ничего не знали. Там как раз передавали, что немцы к Москве подбирались. Страшно было очень. А когда узнавали, что Москва держится ещё, прямо легче становилось.

Потом мы перебрались через Финский залив и попали в Кронштадт. Оттуда мы вышли к Ленинградскому шоссе в конце августа. Дойдя до Ленинграда, мы были переформированы в пехоту в Подплаве. Вошли в состав 133-го полка. Я была одна на дивизию, поэтому со своим кабинетом ездила по полкам. И в течение всей войны у нас был девиз: «И нет нам покоя!». Статьи в газетах про нас тоже так озаглавливали.

Когда в Подплаве нас переформировывали, ребятам надо было надевать форму пехоты. Так вот никто не снял тельняшку. Они на них сопрели, но они всё ходили в тельняшке, а сверху в гимнастёрке. И когда поступали раненные, в кармане у всех была ленточка от бескозырки, на которой было название корабля. Они до последнего дня хранили их. Это говорит о том, как люди любили свой род войск.

Однажды был бой. Наш самолёт упал на нейтральной зоне, немцы открыли по нему огонь из пулемётов. Смеркалось, а я и мой инструктор в 40-градусный мороз поползли к нему. Один лётчик - насмерть, а другой, видно, выскочил как-то, и тяжелораненый лежит. Завод, что неподалёку был, делал нам устройства, наподобие лодок, чтоб легче раненных тащить было. Вот мы в эту «лодку» его погрузили – и к своим. Дотащили, всё благополучно разрешилось.

Во время блокады стали появляться перебежчики. А ведь была голодовка - разбомбили все Бадаевские склады. Наша кухня приезжала два раза - утром и поздно вечером. Немцы пристрелялись к этой кухне и её бомбили. Пошлёшь кого-нибудь – а ничего и не принесут, есть, стало быть, нечего. Нам давали полкотелка баланды, это, значит, вода с разведёнными в ней отрубями или ещё чем. Такая похлёбка. Немцы к переднему краю подогнали машину. Немцы прут на нас оттуда, и всё время крутят «Раскинулось море широко» и агитируют «Русь сдавайся, у нас сегодня каша с мясом» и т.д. Но наши молодцы - бежали только двое.

В Колпино, под Ленинградом, во время блокады началась цинга и куриная слепота. Никаких витаминов не было, сообразили хвою варить. Я ползала (хоть там и окопы были, а ходить можно только ночью было – немцы простреливали) от землянки до землянки с бочком настоя хвои за спиной, каждому по чашечке дать. Солдаты от этой хвои отплёвывались. Им бы поесть чего, а тут какую-то гадость дают. Приходилось их чуть ли не насильно заставлять.

Вот ещё один эпизод страшный. Однажды ночью вызвал командир и приказал развернуть медпункт ближе к линии фронта. Немцы палят над нами всё время, а наши их сбивают. Вдруг – психическая атака в 9 часов утра. Все мы выстроились в окопах. Мороз. Командир: «В атаку! В атаку!» А артподготовка где? А артподготовка кончилась – лимит же на снаряды! Он стрельнул раз пять, наверное, всё и вышло. И пошли ребятки. В 9 часов утра. В шинелях. В снег. Все – как на ладони. Их моментально немцы расстреливать стали. Кончилось всё в мгновение ока. Мой помощник-фельдшер на передний край пошёл. Смотрю, он уж на снегу лежит. «Всё, - говорит, - Прощай, Зин, ранен в живот». Пока доедешь, пока вернёшься, конечно, в живых его уже не будет. Через час

пошёл снег, тяжелораненые оставались под снегом, и мы с санитарами под шквальным пулеметным и миномётным огнём фашистов, разгребая снег замерзшими руками, оттаскивали раненных до медпункта.

А когда стемнело немножко, вороньё над ранеными и убитыми собралось. Я думаю: «Сейчас сидят на них, глаза им выклёвывают». Жуткая картина была.

Наша часть участвовала в снятии блокады 28 января 1943 года. Деревня. Понятно, что будут раненые поступать, а госпитали далеко, по снегу никто проехать не может, нам помощь оказать. По бездорожью машины не могли пройти, и мы, по колено в снегу, несли оборудование медсанбата на руках. И вот остановились в деревне, вокруг был лес, и развернули палатки для тяжело раненых. Ещё один госпиталь подъехал, да и другие подтягиваются. Мне говорят: «Зин, встань на сортировку, чтоб наша часть к нам, другие – к другим». Вот стою я на сортировке, через меня поток раненых проходит. И вдруг летит самолётик на бреющем полёте. Пролетел, мы как-то даже не испугались. Через пять минут одиннадцать их летит. Наш медсанбат разбили, камня на камне не осталось. Раненых стало в два раза больше. Только мы всех подобрали, кое-как палатки установили – через минут сорок-пятьдесят второй взвод летит, ещё одиннадцать самолётов, и опять по нам и нашим раненным. Прямо как сейчас помню: девчонка наша, инструктор, Машенька, ранена была. Я её только в избе положила, второй раз прихожу – половина туловища в одной части палатки, половина туловища в другой.

Один хирург, Сима, кажется, её звали, оперировала раненого в момент второго налёта. Бомба упала, и ей осколком оторвало голову, а пациент остался на столе лежать.

Вот за этот период первая награда у меня – медаль «За отвагу». В 1942 году это было.

Теперь на месте, где кладбище нашего медсанбата было, памятник стоит.

Штаб дивизии нашей стоял в печах для обжига.

На Новый Год мы всегда ёлку устанавливали. Украшали её, чем придётся, ватой обвешивали. И самодеятельность у нас там была. Кто что умел, без особой подготовки выступали.

Открывался Дом офицеров. А есть-то и нечего! Так и отмечали – спирт, что нам отмеряли, в оловянных кружках развели – да и отпраздновали.

В периоды затишья я была зубным врачом со своим кабинетом, а как бой начнётся – я заместитель начальника эвакоотделения. А то бывало и во время боя, под деревом каким-нибудь устроимся, я и выдёргиваю зубы.

Помню, однажды ночью пришёл солдат, доложил, что в соседней роте убита медсестра. Кончились медикаменты. Собрала, что можно было из медикаментов, ночью, в дождь, поползла по-пластунски под обстрелом, чтобы оказать помощь бойцам.

На свидание под обстрелом ходила. Там стреляют, а я под огнём ползу… Медсанбат в тылу был, а штаб дивизии, куда ходить приходилось, на переднем крае. Километра 2, а то и больше под пулями преодолевать приходилось. А он мне навстречу полз.

Ещё, помню, во время блокады Ленинграда рядом с Ижорским заводом стояли цистерны, с маслом каким-то. И мы прямо по лестнице поднимались на эти цистерны и свою пайку в 150 грамм хлеба в это масло окунали, и на печурках жарили.

Там же, под Ленинградом, в окопах, была в апреле 1942 года принята в партию, даже не имея кандидатской карточки.

Моё личное наблюдение - люди, столько пережив, столько ужасов увидев, когда началось наступление, шли и кричали «За Родину! За Сталина!» Все разогнули спины, а ведь недавно совсем полуголодные были. Если кто-то вам скажет, что люди дрались только потому, что им в спину пулемёты ставили, плюньте им в глаза. Там был такой патриотизм, какого ни в одном фильме не показывают. И правда, что люди на верную смерть шли, говоря «Хочу быть коммунистом»! Я этому живой свидетель. И ни перед чем люди не останавливались. И ещё хочу заметить, что из всей войны в основном вспоминается хорошее, как не странно.

Всегда, когда в разведку ходили, я их провожала, давала им индивидуальные пакеты, обязательно поцелую их всех, провожу. Однажды с ними пошла девушка – Катя. Одного парня ранило. И эта санитарка, сандружинница Катерина, взвалила его на плечи и стала его тащить. Немцы открыли

огонь. Её расстреляли, а парень был тяжело ранен, но дополз к своим.

Вот ещё вспоминается история о нашем командире дивизии, полковнике Проскурине. Был прорыв блокады. Направление было на Лугу. Его ранило в живот. А я ещё помню, он мне говорил: «Я так боюсь ранения в живот!» А я ему говорю: «Да брось ты, с тобой сандружинница ходит!» И вот когда его ранило в живот, там ведь проехать было невозможно, и его везли на лошади. Лошадь убило. И тогда ребята впряглись сами (его очень любили), и тащили его до медсанбата. Когда его положили на операционный стол, у него было тяжёлое ранение в печень, смертельное ранение, он умирая спросил: «А как наши там? Держатся?» И его так любили, что у могилы его, на переднем крае, салют был. Похоронили его с честью.

Одно из самых ярких моих впечатлений: проходили через деревню Вязы. Пасмурно. Идём, смотрим – виселица, и четыре человека висят. Наши партизаны. И ещё было: в Ленинграде во время блокады, ехали мы по городу. Тут бомбёжка началась. Бомба в дом попала, у него перед нами отвалился угол сверху и полетел вниз. И вместе с ним вещи всякие, мебель и ещё ребёнок маленький, лет 6, в красных рейтузах. Ну, и конечно, - об землю и в лепёшку.

Были мы в Германии, в городе Кант. Я была во втором эшелоне в тот раз. Так всегда делают – то один эшелон спереди, а другой тыл прикрывает, то наоборот. Там один очень тяжелораненый был, нельзя было его эвакуировать. В череп он ранен был. Не могли его отправить, и я ему помощь оказывала. Вдруг слух прошёл – вроде как война кончилась. Это ещё только слух был, мы ещё сидим и не знаем ничего.

Раненый пришёл в себя и говорит: «Вези в эвакоотделение». Я поехала в город, смотрю – там что-то непонятное творится. Все стреляют, всё летит. Думаю, может обстрел? Я спрашиваю: «Что, десант высадился?» Приезжаю в эвакоотделение, говорю: «Принимайте раненого». А мне: «Да ты что, не знаешь, что ли? Война кончилась». Я говорю: «Девочки, ну зачем так обманывать?». Они мне: «На, лови листовку». Оказывается, это от радости солдаты стали в воздух палить, и листовки с неба дождём сыпались. Я эту листовку в руки взяла, и на задней подножке грузовика еду, и

ору не своим голосом (голос у меня сильный был): «Война кончилась, война кончилась!»

Приезжаю в медсанбат – а там ничего не знают. Зинаида, говорят, опять чего-то выдумывает. Я им: «На, читайте». Что интересно, молодёжь спокойно прореагировала - настолько мы привыкли ко всему этому. Только был хирург у нас (его послали к нам как в штрафную роту), он один встал на колени и заплакал.

Мы, конечно, отпраздновали это событие. Столы накрыли.

От нас требовали, чтобы мы по пути побольше территории освободили. Поэтому мы задержались. Когда мы пришли в Чехословакию, вы не представляете, как нас там встречали. Все чехи носили нас на руках. Кто только мог что-то из дома вынести, всё выносил. Смотрю, все девчонки постриженные. А это парикмахеры их к себе тащили – хоть причёску сделать, хоть завивку. Это был город Тшебигошт.

И вот интересный факт ещё. Собирались когда уже назад, никто не говорил: «В СССР». Все говорили: «В Россию».

Меня сразу не отправили в Россию. Возвращались мы на транспорте, пешком почти не шли. Я сначала попала в Харьков. Часть нашу расформировали, и я попала в гвардейское училище. В Харькове есть место – Холодная гора. Там два танковых училища было - Сталинградское и другое, названия не помню. Я попала в Сталинградское. Приехала туда и думаю, куда я попала. Офицеры в валенках, в шапках-ушанках. Я даже на фронте, когда была не спускала ушки… Кошмар. Меня это, одним словом, очень удивило. Вдруг приходит новый командир, бывший фронтовик с Финской войны. Ноги у него не было. Выстроил нас (а мы в валенках, абы как стояли) и говорит: «Кто это передо мной? Это офицеры училища!!! Завтра чтобы все начищенные пришли!» С тех пор дисциплина железная стала. Вот, например, однажды отдаёт он приказ: «Чтоб завтра на всех столах были скатерти!» Ему говорят: «Товарищ генерал, так это… украдут!» Он - аж вскипел. Назавтра у всех был свой прибор и белая скатерть. Офицеры-фронтовики, пожилые уже все, а ложкой и вилкой есть никто не умеет. Научились - а что делать? Вот что такое армейская жизнь, когда приходит настоящий офицер.

После войны мы каждый год встречались в Ленинграде на день начала блокады. А теперь нас только трое осталось.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Сапожников Георгий Андреевич

и

Лучин Андрей Александрович,

студенты Московского авиационного института (государственного технического университета)

Тихомиров Сергей Михайлович

Сын полка из Треблинки

Возраст мне установили на фронте врачи по каким-то известным признакам, ведь документов у меня не сохранилось. Сначала предположили, что я - 1930 года, но потом меня подмолодили, и теперь я праздную свой день рожденья 27 мая 1935 года. Родился в селе Таширово Наро-Фоминского района Московской области, около речки Нара. Православный. Окончил Калининское Суворовское училище. Затем работал на авиационном заводе в Тушино, после помогал строить самолеты.

Был комсомольцем. Сейчас беспартийный, Член Совета ветеранов 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса.

Родился я в семье красного командира. Детей в семье было четверо - я, Рита (1931 года), Нина (1936 года) и Юра (1939 года). Жили мы на краю села возле церкви, рядом с сельской интеллигенцией - попом Лисицыным. Дедушка мой – директор школы и почтмейстер. Отец мой - лейтенант, инженер, Михаил Иванович Тихомиров, в 179-м мотострелковом батальоне 34-й легкотанковой бригады воевал на Советско-Финской войне 1939-1940 г.г., где и погиб.

Мой боевой путь проходил через Струсов, Львов, Жешув, станцию Добрыния, Дуплинский перевал (6 ноября 1944 г.),

Краков (18 января 1945 г.), Котовице, Олава, Гервиц, Торгау (23 апреля 1945 г.), Мускау, Дрезден, Мельник, Прага (8 мая 1945 г.). Закончил боевые действия я в Праге. Ранен был в коленку в 1941 году.

Узнал о войне не сразу, во-первых, ловили диверсантов, которые то ли проникали, то ли пропаганда наша работала. Ну, а потом бомбили Наро-Фоминск - старые кирпичные добротные дома, ткацкую фабрику немцы разбомбили. 19 октября 1941 года, со стороны деревни Чишково, расположенной на холме, немцы стали входить в деревню, но они шли не колоннами, не строем, а друг за другом, как партизаны, на велосипедах. Деревня наша была большая, двести с лишним домов, и они по перекрестку сразу начали распределяться по домам.

Спасение красноармейцев

19 октября я понял, что немцы оккупировали всю нашу деревню. А у нас был новый дом, вот немцы сразу в нем и поселились. Они натаскали каких-то досок и начали строить нары, а мы в это время жили за печкой. Но, до того, как немцы поселились в нашем доме, у нас остановились солдаты - красноармейцы, двое. Они минировали речку Нару, т.к. она была неглубокая, и зашли к нам погреться, мать им поесть приготовила, и тут немцы ворвались, но мы успели спрятать солдат подпол. И они сидели там два дня. Тогда я решил, что надо как-то помочь солдатам и украл у немцев гранату - толкушку. На следующее утро, часов в пять, я вышел за дом, выдернул чеку и бросил гранату. И в мыслях моих не было кого-либо убивать, мне просто необходимо было создать шум, чтобы отвлечь немцев от нашего дома, и получилось. Граната взорвалась, немцы, перепугавшись, выскочили из дома в одних подштанниках, легли на землю, заняв оборону. В это время моя мать открыла подпол и выпустила солдат. И они ушли к речке. Так мы спасли этих солдат.

Смерть мамы, сестер и брата

Для того, чтобы освободить деревню от немцев, которые там засели и выкопали в подвалах огневые точки, солдаты стреляли по нашим домам, сжигали их, пытаясь хоть как-то

выкурить и убить немцев, но так как на линии фронта было мирное население, то нас стали угонять. В группу беженцев были уже внедрены гестаповцы. Со мной в группе оказался сын попа, который сказал, что моя мать - член партии ВКП(б). В чулке нашли партийный билет и ее сразу же расстреляли, а двух моих сестер Риту и Нину, а также младшего брата Юрку бросили в колодец, они тоже погибли. Меня же погнали с группой в Польшу. Так я попал в детский фашистский концентрационный лагерь «Треблинка». Когда меня туда привезли, он был в стадии строительства, поэтому нас заставляли помогать его строить.

Как-то раз к нам приехал немецкий помещик, которому видимо за взятки давали земли в районе Львова. Из всех отобрали двенадцать мальчиков по семь-восемь лет, может быть чуть постарше. И этот помещик нас взял к себе, можно сказать, он вытащил нас из этого концлагеря, и мы стали работать на него.

Так мы и работали до 1944 года, поддерживали хозяйство: пахали, ухаживали за птицами и коровами и т.д. В период, когда русские стали освобождать Львов, помещик, поняв, что русскую армию не остановить, куда-то сбежал. Тогда мы с товарищем Витькой Кишуком решили воспользоваться ситуацией и сбежать оттуда. Наварили яиц, приготовили продуктов себе в дорогу. И отправились в путь. Шли ориентировочно в сторону нашей границы примерно около пятнадцати дней. Слышим, через лес идет канонада, стрельба. Я вырос в военном городке, знаю, как солдаты стреляют.

Пошли мы на эту канонаду, решив, пусть будет что будет, немцы там или наши. И так получилось, что мы вышли на железнодорожную станцию. Там стояли танки, какие-то совершенно новые, и были офицеры с погонами. Нам повезло, так как это были наши. И нас, мальчишек-то, сразу отвели в оперативное отделение допрашивать, ведь мы пришли с линии фронта. Но так получилось, что там я встретил давнего друга своего отца Виктора Жаворонкова, который на Финской войне был водителем, а у нас он, в танковом корпусе, возил снаряды на машине. Он узнал меня, к великой моей радости. Так я остался в действующей армии, носил книги, газеты, письма. Естественно никакими приказами меня не оформляли. А Витька Кишук пошел в Винницу, в то время как я остался.

Письмо

Однажды я принес письмо связистке, прочитав его, она расплакалась. Оказывается, письмо ей прислал ее друг, которого она очень сильно любила. Так получилось, что их война на разные фронты послала. В период войны они так и не встретились, он погиб, а теперь пришло письмо от него. Наш командир приказал никому не трогать ее и не обижать.

Мое первое серьезное задание

Мы освободили Львов, затем мы поворачивали в горы. В горах очень тяжелые бои были, танки падали, срывались. И здесь уже приходилось выполнять те задания, которые давал командующий, в основном - это разведка. Я помню, одним из моих заданий было посчитать пушки, которые смотрят в овраг, идущий вдоль горной речки, так называемый Дупленский перевал, около Чехословакии. Я посчитал и вернулся живой, хоть немцы и цеплялись, но я их обхитрил. Я уж потом понял, для чего это необходимо было, дело в том, что командир корпуса, генерал Полубояров, решил перебраться по этой речке. Нужно было попасть в мертвую зону, где бы пушки их не достали. А потом нужно было быстро выйти на берег и повернуть к мосту, где с немцами завязался тяжелой бой. Трое из наших ребят даже получили звание Герой Советского Союза.

Случай в Кракове

Однажды, в Кракове, я и двое сержантов, к которым я был прикреплен, решили прогуляться. Вдруг над головой стали свистеть пули. Мы сразу залегли за клумбой: я, Нифантий Кузьмич и Николай Павлович. Нифантия Кузьмича сразу ранили, а Николая Павловича чуть позже. Ситуация была такова: немец залез на елку и оттуда стрелял по нам. Я увидел, что ветка на елке шатнулась, и пустил очередь из немецкого автомата (он был легкий). Немец упал, однако сержанты получили ранения.

Героизм Тимофеева

После форсирования Днепра и взятия Киева немецкое командование задалось целью сбросить наши войска обратно в Днепр. Для этой цели они набрали 400 танков и бросили их на наши войска. Наш корпус после боев на Курской дуге был переброшен в район города Киева и у местечка Заньки. Увидев немцев, наши ребята прямо с платформ прыгали и вступали с ними в бой. Механик водитель Тимофеев подбил 6 тигров. Однако ему успели подбить пушку. Видя безвыходное положение, механик направил танк на немецкий тигр, и когда тот взошел на мост, сбил его. К сожаленью, он погиб. Получил звание Герой Советского Союза, посмертно. Кантемировцы после сделали там памятник погибшим.

«Вирсавия»

Однажды, когда наши танкисты очистили городские кварталы от немцев и разбрелись по уцелевшим домам и квартирам, я тоже вошел в дом какого-то «барона». Среди старинных, неизвестных мне вещей, я увидел на стене в золоченой раме картину.

На стуле сидела очень красивая «тетка», ноги были ее оголены, весь ее вид говорил, что она только вышла из бани. Легкая блузка или туника слегка прикрывала спину, груди были обнажены – так всегда делали матери, когда кормили грудных детей у нас в селе. Эта «тетка», так я думал тогда, была очень знатной особой, потому что ее расчесывала, наверное, рабыня.

Собачонка, прямо как Каштанка, лаяла и кружилась у ног полуобнаженной женщины. Она лаяла на слугу или на посыльного – чернокожего мальчика, похожего, как две капли воды, на Максимку из очень интересной книжки о русских моряках и негритянке. Эту книжку до войны читала мне мама.

Взгляд у негритенка был заискивающий, как у меня, когда просил подаяния у хозяев больших домов, когда бродяжничал после расстрела фашистами моей семьи зимой 1942 года в Коровино.

Голова «тетки» была нарисована в полуоборот. Прищуренные глаза воспринимали слова мальчика-

посыльного надменно. По всей видимости, он что-то у нее просил, или что-то требовал господин, хозяин черного слуги.

Фон картины был загружен какими-то строениями, где видны были встроенная арка, и колонны, и портики, как у нашего деревенского помещика Шлиппе, который убежал за границу с каким-то Врангелем. На картине все было каменное, а в селе Таширово у Шлиппе – деревянное.

Я помню, как ко мне подошел низенького роста командир 12-го танкового полка Проняев Николай Васильевич и, видя, как я внимательно рассматриваю картину, пояснил: «Это «Вирсавия» великолепного Рубенса, сынок».

Я тогда понял, что «тетка» не наша, немецкая или голландская, и что этот самый Рубенс жил очень давно. «тетка» была ладная, и сам Рубенс мне представился таким высоким, умным и добрым, как наш генерал дядя Паша.

Памятник

Одно время я занимался военно-историческим направлением финской войны и как-то раз решил съездить в Карелию. Сначала один, потом вместе с женой. Я осматривал могилы и понял, что надо что-то делать. Затем министерство культуры в Карелии выделило нам автобус научных сотрудников. Мы объехали все захоронения Питкярантского района (это где-то около 27 тысяч погибших). И, посмотрев в лесах, мы увидели проваленные могилы еще того времени. Они провалились и наполнились водой. Местные называли эти лужицы ламбадушками. И когда я посмотрел таким хозяйским человеческим оком, я решил сделать памятник погибшим, чтобы обобщить всех их. Это было в 1992 году. Даже когда к нам попросились финны, мы не стали их прогонять, так как беда была общая.

На начальном периоде я пошел к коллегии и положил им на стол танковый шлем. Хотя они и наполнили этот шлем деньгами, но этих средств все равно было мало, т.к. в то время деньги были невесомы из-за инфляции. И мы 27 июня в 2000 году открыли памятник, который назвали «Крест скорби». Я даже стал делать публикации (их было примерно около 300), для того чтобы люди помнили об этой войне. Памятник расположен в Заладаржье. С нашей российской стороны мы приглашали президента Путина Владимира Владимировича,

но он только выиграл выборы, где-то 4 мая, и поэтому он не смог приехать. Вместо него приехал Кудрин, министр финансов. Также я встречался с премьер-министром Финляндии. Открытие было великолепное, там были строители Москвы.

Я был награжден медалью «За отвагу» (№1348. Приказ № 26/3/1348-98. Дата приказа 1 декабря 1998 года. Приказ подписал полковник А. Уланов. Вручил Леонид Наумович Краснянский, начальник департамента инвестиционных программ строительства Москвы, полковник).

Мои публикации:

- стихотворение «Голоса Юго-Запада». Литературно-поэтический альманах №1. Префектура Юго-Западного административного округа. Совет ветеранов. Управление культуры. Москва. 2004 г.;
- стихи «Из добрых рук», «Авторы Победы». Москва «Голос-пресс». 2004 год.

Один из моих стихов:

Неизвестный солдат
Он ушел на войну, в страшный год, сорок первый,
Были слезы и страх, взрывы, рвущие нервы.
И мужали сердца, кровь кипела в груди,
Но он знал, что Москва у него позади.

Неизвестный солдат держит все рубежи,
Кто остался живой – внукам правду скажи:
В подмосковных полях, там решалась судьба,
Нашей русской столицы с гордым словом – Москва.

Декабрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Григорян Ангелина Геннадьевна

и

Шапошникова Юлия Владимировна,

студентки 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)

Толкачев Василий Андреевич

Немцы нас окружили «подковой»

Родился 15 июля в 1925 г. в село Хренное Шехманского района Тамбовской области в семье крестьянина-середняка. С 1929 года родители проживали в г. Москве.

В 1933 году пошел в школу, в 1940 году окончил 7 класс 33-й средней школы Ростокинского района г. Москвы. В 1940 году пошел учиться в 14-е Ремесленное училище металлистов при заводе «Калибр» на токаря-универсала. 1 мая 1941 года был участником парада на Красной площади. Генеральную репетицию принимал генерал армии Тюленев на площади Центрального аэропорта.

23 июня 1941 года на площади завода «Калибр» весь личный состав завода и училища собрали на митинг по обсуждению вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Возмущению народа не было предела! Никогда не победят советский народ! Народ и партия - едины! Удвоим выпуск продукции!

Нападение фашистов вызвало гнев и возмущение, и сплочение народа. 28 июня 1941 года вышло постановление Правительства о привлечении граждан от 16 до 50 летнего возраста к всеобщему военному обучению. Сформировали из нас группы, стали обучать военному делу, а практические занятия по тушению зажигательных бомб проходили в

Сокольниках со всеми имитационными и настоящими бомбами.

На заводе, в полуподвальном помещении, оборудовали двухъярусные нары, где мы находились; спали, обедали, дежурили в противопожарном облачении; и при первой «Воздушной» тревоге каждый из нас занимал свое место на крыше завода. На посту имелись огнетушитель, ящик с песком, багор, веревка, противопожарный костюм, ремень с карабином, каска, очки, бочок с водой, длинные щипцы; над головой установили металлические «зонты».

У каждого имелась справка для свободного прохождения по городу, так как у каждого подъезда было организованно по паре дежурных.

На основании Постановления Моссовета за №-3/35-с 14 июля 1942 года я был мобилизован на работу в подмосковный угольный бассейн на шахту №2 треста “Молотовоуголь” (г. Узловая, Тульской области). Работали по 12 часов в две смены, немцы неоднократно бомбили нас.

15 апреля 1943 года, мы, москвичи, а всего нас было 15 человек, узнали о том, что Узловский райвоенкомат проводит набор в военное училище. Недолго думая, мы все отправились в военкомат с заявлениями о направлении нас в училище, так как мы желаем идти на фронт защищать Родину, а не скрываться под землей на глубине 80-90 метров, хотя уголь - хлеб промышленности, да и поезда ходили на дровах.

Прошли комиссию медицинскую и общеобразовательную, и нас всех 10 человек, зачислили во 2-е Московское пулеметное училище, которое находилось в г. Можга Удмуртской АССР (ст. Сугинская). Учили нас со 2-го мая 1943 года, а 20-22 июля 1943 г. по приказу Верховного Главнокомандующего тов. Сталина, посадили в «500-веселый» поезд и направили на фронт.

Через 4-5 дней, нас привезли в г. Курск, разгрузили, посадили на «студебеккеры» и привезли в лес, где разбили по подразделениям кого куда. Я попал в противотанковую батарею 76-мм орудий, вначале замковым. Потренировали нас неделю, затем по боевой тревоге «пошли» лесными тропами к фронту. Это была 23-я мотострелковая бригада, 7-го гв. танкового корпуса 3-й гв. танковой армии генерала Рыбалко Павла Семеновича.

Проходили мы через г. Конотоп, Глухов и ряд других (сейчас не помню). Вышли мы 18 сентября 1943 года к г. Переяславль-Хмельницкий, срочно стали готовить подручные средства для форсирования р. Днепр.

21.09.1943 г. в 19-20 часов стали форсировать Днепр, где на противоположном берегу располагались населенные пункты: Трактомиров, Мал. Букрин, Вел. Букрин. Завязали бои по освобождению этих населенных пунктов, а также выкатывали пушки на крутой правый берег Днепра, занимали огневые позиции, вели ответную артиллерийскую перестрелку с немцами.

29 сентября 1943 года немцы 6 раз переходили в атаки, чтобы сбросить нас в Днепр. Мы стояли до последнего, но захваченный плацдарм отстояли. В этом бою были тяжело ранены командир взвода Иванов, наводчик орудия Соболев и другие.

Я остался невредим и принял 76-мм противотанковую пушку. Немцы атаковали волна за волной, пехота наша дрогнула и стала откатываться через наши огневые позиции, и я, по приказу командира расчета Маслова, выстрелил 4-мя снарядами картечи, и только тогда немцы залегли, наша пехота залегла на наших огневых позициях, а мы откатили свои пушки метров на 70 назад. Атаки немцев прекратились. Этот бой я буду помнить до смерти. Всего мы стояли от правого берега Днепра не более 200-300 метров.

Затем на этом плацдарме шли бои до 25 октября 1943 года, обстановка была крайне тяжелая, бои каждый день, бомбежки ежедневно, боеприпасов не хватало, продовольствие подвозилось нерегулярно, люди выходили из строя, раненых переправляли на левый берег под огнем противника, ночи темные, ночные действия разведки, ракеты не прекращали освещение. За месяц, мы прошли с боями вдоль берега Днепра до 30 километров. Так как местность была сильно пересеченная оврагами, а оборона у немцев глубоко эшелонированная, все это вынудило наше командирование передислоцировать нас на 250 км севернее на Лютежский плацдарм.

Марш проходил в темные дождливые ночи. Мы вышли с соблюдением скрытности прибыли в пункт Ново-Петровцы, форсировали р. Сож, левый приток Днепра. Вот здесь мне и

другим пришлось встретиться с Чехословацкой бригадой Людвига Свободы, и пить воду из одного колодца.

Бои с Лютежского плацдарма

На Лютежский плацдарм к 38-й армии Москаленко, наша 3-я гвардейская танковая армия П.С. Рыбалко вышла примерно 29-30 сентября. Получили район для занятия огневой позиции, провели соответствующую подготовку, протирали снаряды, ствол орудия; потренировались в сноровке, ожидали начало артподготовки и наступления на Киев. Все естественно волновались. Ждали!

Наступило прозрачное, солнечное, с легкой дымкой утро 3-го ноября 1943 года. Все замерло. В 8.00 утра появилась красная тройная «ракета», и начался громовой раскат орудий всей калибров, рев летящих самолетов- бомбардировщиков и штурмовиков «Ил-5».

Все покрылось сплошной дымной пленкой, солнышко заволокло, гром артиллерийской канонады не смолкает, пока не поступает сигнал конца артподготовки. Техника быстро «встала на колеса» и понеслась по разбитым лесным дорогам, кругом трупы немцев, разбитых машин и боевой техники, кое-где трескотня пулеметов, отдельных выстрелов, поваленных деревьев и т.д..

Наши солдаты, офицеры идут все вперед и вперед, часам к 13-ти мы в Пуще-Водице. Из белых 2-х этажных зданий бывшего санатория, выводят пары лошадей, помещения все загажены, негде лечь отдохнуть, все устали, а на душе у каждого нет конца радости и гордости. В 20 км Киев. От усталости, кто где мог, там и лег, сомкнув накрепко глаза.

Вдруг команда: «Батарея подъем! Срочно к машинам!» Быстро сели по машинам. В час ночи, наша батарея с орудиями едет вперед по прямой дороге, смоченной мелким дождем, 30-40 минут и мы в Святошино, в два часа ночи раздается команда: «С машин!» Кое-где горят огоньки, кое-где разговоры, песни.

В Святошино на окраине были одноэтажные деревянные домики с маленькими окошечками, закрывающимися снаружи деревянными ставнями, сквозь щели которых просвечиваются огонь и действия посетителей квартиры.

По приказу старшего начальника я, солдаты Антонов и Шилов, втроем, стали обходить эти хаты, врываться в квартиры и задерживать находившихся там немцев, обезоруживать, снимать брючные ремни, срезать пуговицы с брюк и доставлять командованию на производство допроса.

За проведенную операцию получили благодарность командования. Кроме того, мы перекрыли движение поезда в "виадуке", идущего с Житомира на Киев.

Таким образом, мы находились в 20 километрах за линией фронта за опушкой леса Пуща Водицы.

В Святошино, недалеко от кольца трамвайного пути, обнаружили немецкий вещевой склад с различным вещевым обмундированием, сапогами, куртками, ремнями, рюкзаками, сигаретами, хлебом, шнапсом и т.п. Примерно в 17 часов с минутами пришли наши солдаты, техника, а недалеко от Пуща Водицы шла по полям техника с зажженными фарами, ревом сирен и ведением огня с ходу. Мы вначале не могли понять, что это за новое оружие, для нас это было и страшно и радостно. Когда мы обнаружили, что немцы бегут влево и вправо, мы их встретили огнем из пушек, минометов, пулеметов и т.п.

Части наши прошли, а мы все стояли на месте. Затем через некоторое время, к нам заскочил комбриг Головачев А.А. и крикнул: «Молодцы ребята, сворачивайтесь и вперед - на г. Васильков».

Васильков освободили в 4-5 часов утра, захватили 4 прожектора, стали продвигаться на Фастов через село Марьяновка вторая, где вышли жители села и встречали «хлебом-солью». Нам было очень приятно и радостно за то, что это село - родина Ивана Степановича Козловского, знаменитого оперного певца СССР.

По пути к Фастову нам попала рота немцев, которые шли впереди нас метрах в 350-400, которых мы обстреляли, завязался скоротечный бой, роту мы разбили.

Но когда подошли к Фастову, нам досталось по всем правилам. Кроме пехотинцев, у немцев оказалось около 12 танков, с которыми завязали ожесточенный бой танкисты танковой бригады Якубовского И.И.. После прошедшего танкового сражения, нас, во главе с комбригом Драгунским, направили в глубокий тыл к немцам в район Павочь. Там

оказался немецкий гарнизон с 30-35 исправными бронетранспортерами, это было часа в 4 утра. Немцы не ожидали, стали выскакивать из хат в нижнем белье и бежали.

Через сутки немцы бросили против нас около 2-х полков с танками, завязался кровопролитный бой, обе стороны несли большие потери, у нас кончились боеприпасы, горючее, продукты питания. Вместе с бойцами партизанского отряда им. Чапаева мы трое суток сражались. И только по приказу генерала Рыбалко П.С., уничтожив остатки техники, вышли вновь в Фастов, где временно отрывали траншеи и огневые точки до получения новой техники.

После получения техники нас распределили по подразделениям. Мы продолжали воевать. Помню населенные пункты и города - Бердичев, Казатин, Каменец Подольский, Попельня и Житомир, Коростышев, где немцы сосредоточили большие силы и начали нас «давить». Мы отходили по дорогам параллельным Брест-Литовскому шоссе на Киев и Коростель-Радомышль. У нас имелась одна 76-мм противотанковая пушка и два расчета. Командир расчета был мл. лейтенант, комсорг дивизиона - ст. сержант, командир батареи - ст. лейтенант (фамилию не помню).

Примерно в 16-17 часов к нам приблизился немецкий танк, ударил по пушке, и вывел её из строя. Члены расчета заняли круговую оборону и начали отстреливаться. В обоюдном бою были тяжелораненые, убитые - с обеих сторон. Немцы нас окружили «подковой», кроме стрелкового оружия у нас ничего не было.

В этом бою я получил пулевое ранение в живот, командир взвода приказал: «Если сможешь – выползай», и сам с комсоргом дивизиона стали просить «огонь на себя», огня такого они не получили. Я отполз метров на 100-150 и, пригнувшись, стал удаляться в сторону наших, по мне еще вели огонь трассирующими пулями вдогонку. Что стало с мл. лейтенантом и ст. сержантом?

Я прошел ещё метров 250, меня окликнул пост боевого охранения – «Стой, кто идет!» Я отозвался: «Красноармеец. Ранен в живот!» Они меня подозвали к себе, распоясали, достали индивидуальный пакет и сделали через окровавленную рубашку перевязку живота, и направили к

деревне, которую, как помню, назвали Лутовкой Радомышльского района Житомирской области.

Штаб бригады или батальона располагался в деревне Мал. Рачи, затем в Вел. Рачи. Но их там не оказалось. Тогда меня довезли на попутке в д. Крымок, которая стояла на опушке леса.

В Крымке стояла палатка медсанбата, мне на перевязочном пункте хирург сделал настоящую обработку живота и перевязал. Нас собрали у палатки, затем пришла грузовая машина «газон», нас погрузили и перевалами доставили в г. Киев в ЭГ-№1192, который располагался на Красноармейской улице недалеко от вокзала.

В госпиталь, по данным выписки из истории о болезни, я поступил 14 декабря 1943 г., остальное время - в течение пяти дней, нас до госпиталя доставляли перекатами от одного до другого населенного пункта.

28 декабря 1943 г. хирург делала обход больных. Я заявил, что у меня на левом боку образовалась опухоль размером с крупное яйцо, прощупав опухоль, врач сказала медсестре: «На стол его», т.е. на операцию. В этот же день мне сделали сечение и достали бронебойную пулю, которая находилась в животе 19 дней. Эта пуля пробила мне металлическую пряжку обмундирования, вошла в живот и там застряла. Все обошлось хорошо, кишки не порвала, заражения крови не было.

12 января 1944 года меня выписали из госпиталя и направили в медсанбат на 117 км. Брест-Литовского шоссе в с. Красиловка. Пробыл в медсанбате дней 8-9. Прибыл подполковник из штаба 1-го Украинского фронта, построил нас и сказал, что есть указание т. Сталина, кто из бывших курсантов участвовал в боях и остался жив, и если у него есть желание учиться в военном училище, направить, если позволяет здоровье.

Я изъявил желание и был направлен в 1-е Московское Краснознаменное училище им. Верховного Совета РСФСР, где проучился до 28 ноября, затем был переведен в Ярославское пехотно-минометное училище им. ген. Ефремова, которое окончил с присвоением звания младшего лейтенанта командира 82-мм минометов.

В сентябре 1946 года, нас, группу в 30 человек, привезли в г. Берлин. Недели через две меня переправили в г. Лигница в

Северную группу войск к маршалу Рокоссовскому К.К. в 26-ю Сталинскую дивизию 87-го Краснознаменного Карельского полка на должность командира взвода.

В апреле месяце 1948 года дивизию расформировали. Меня направили служить в Прикарпатский военный округ, где в общей сложности прослужил до 21 июня 1973 года, затем был уволен по выслуге и направлен на учет в Дзержинский райвоенкомат гор. Москвы.

В 1947 году окончил 10 классов Довбышской СШ рабочей молодежи. В 1954-1955 году окончил Львовские курсы политсостава Советской Армии.

За форсирование Днепра, лейтенант Иванов, командир взвода 76-мм пушки, 25 сентября оформлял на меня материал на присвоение ордена Красной Звезды, но 29 сентября получил тяжелое ранение в позвоночник, и материал пропал.

Особенно запомнившиеся эпизоды войны:

1.Особенно страшные бои проходили во время Курско-Орловского сражения, это не бой, а какой-то кромешный ад. Один смерч и огонь, стоны.

2. Форсирование Днепра на подручных средствах под пулеметно-минометном огнем, тонут люди, лошади, стоны раненных, крики солдат и т.п.

3. Бомбежки на Букринском плацдарме, рев «катюш» и “ванюш”, грохот разнокалиберных бомб, холод, голод, стоны раненных т.п.

4. Массированный налет фашистской авиации на ж.д. станцию Фастов на скопление воинских составов, где не было никакого места для укрытия.

Награжден:

- медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. (Е “А” 0417750, от 15 февраля 1946 г. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, генерал-майор Младенцев);

- медалью «За отвагу» (Приказ командира 23-й Гв. МСБ №- 026 от 29/11-1943 года. Командир бригады гвардии подполковник Головачев);

- медалью “За боевые заслуги» (№3187163, удостоверение 898698 от 17 января 1947 г.. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин);

- медалью “За боевые заслуги» (без номера, вручена в 1949 году, начальник военной базы №200, г. Ковыль Волынской области);

- знаком “25 лет Победы в ВОВ 1941-45 гг.” (Вручена в 1970 году министром обороны Советского Союза маршалом Советского Союза А. Гречко);

- медалью “За безупречную службу в Вооруженных силах СССР” 2-й степени. (Приказ министра обороны СССР №29 от 10.01.1961 г.);

- медалью “За безупречную службу в ВС СССР» 1-й степени (Приказ министра обороны СССР №42 от 22 января 1964 года. Вручена Облвоенкомом г. Житомира 22.02.1964 г.);

- орденом Отечественной войны 1-й степени (Указ Президиума Верховного Совета от 11 марта 1985 года. Орден №1388070, удостоверение №459531. Вручал Житомирский облвоенком полковник Мирошниченко);

- медалью Жукова (№Г-0875932.Указ Президента Российской Федерации от 19 февраля 1996 года. Вручал медаль глава управы Южное Бутово С. Гаврилов 09.06.2006 г);

- медалями «30 лет СА и ВМФ», «40 лет ВС СССР», «20 лет Победы в ВОВ», «50 лет ВС СССР», «За воинскую доблесть в ознаменовании 100-летия Владимира Ильича Ленина»;

- медалями «30 лет Победы в ВОВ», «Ветеран ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «В память 1500-летия Киеву», «50 лет победы в ВОВ», «В память 850-летя Москвы», «За доблестный труд в ВОВ 1941-45 гг.»;

- знаком «Фронтовик».

В войне погиб родной дядя (1917 г.р.) Толкачев Серафим Андреевич - пропал без вести. По некоторым данным сослуживцев, в августе месяце 1941 года попал в плен под Смоленском, где их большую группу немцы загнали в р. Днепр, и всех расстреляли из автоматов и пулеметов, вода была красная от крови. Других данных нет. Извещение родственники не получали.

Остался жив родной брат (28 марта 1930 г. рождения) Толкачев Петр Андреевич. Проживает в г. Москве, 56 лет проработал на авиазаводе А.С. Яковлева, сейчас на пенсии, инвалид 2-й группы.

Вечная слава героям солдатам, сержантам и офицерам, которые отдали свои жизни за Родину, за светлое будущее.

Сейчас я инвалид 2-й группы, не работаю, принимаю участие в работе с молодежью средних школ в Южном Бутово.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Топильская Валерия Игоревна,*** *студентка 1-го курса Московского авиационного института (государственного технического университета*)

Угрюмов Иван Иванович

Был трижды сбит с ног разрывами мин

Я родился 9 апреля 1923 года в большой крестьянской семье в деревне Бухарево Можайского района Московской области. Все дети, три брата и две сестры, были хорошо воспитаны родителями, школой, пионерской и комсомольской организациями, которые вырастили нас здоровыми, трудолюбивыми и честными. Я вступил в ряды комсомольцев в феврале 1938 года. Родина дала нам бесплатное образование, а мы отвечали ей за это своей любовью и преданностью.

В ноябре 1940 года, я являлся учеником 10 класса. К нам, в среднюю школу города Руза, пришла комиссия из аэроклуба и предложила нам перейти в Ногинский аэроклуб учиться на летчиков, там в зимних условиях проходили теоретическую и практическую подготовку пилота на учебных самолетах У-2. В то время я и мои товарищи посещали планерный клуб.

В марте 1941 года по окончании Ногинского аэроклуба, семнадцатилетним комсомольцем добровольно поступил на военную службу в качестве курсанта Качинской Краснознаменной военной авиашколы летчиков-истребителей, которая располагалась в Крыму (ККВАШ), на берегу Черного моря, западнее Севастополя.

Наше стремление смолоду посвятить себя служению Родине и практические шаги на этом пути являют собой пример советского патриотизма.

Перед войной, Германия наметила программу подготовки пятидесяти тысяч летчиков, на что в ответ мы поставили задачу подготовить сто тысяч летчиков. Поэтому, впервые в истории авиации, аэроклубы стали готовить курсантов не только летом, но и зимой, с отрывом от работы и занятий в школах.

В годы Великой Отечественной войны вся наша семья активно участвовала в защите Родины на фронте и в тылу. Старший брат Александр был войсковым разведчиком и погиб в боях под Москвой. Младший брат Евгений с начала войны работал на военном заводе и служил в истребительном батальоне. Сестры Клавдия и Зинаида всю войну работали в народном хозяйстве.

Войну я встретил в Крыму под Севастополем. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года курсанты авиашколы были подняты по учебно-боевой тревоге. Обычно через час- два следовал отбой, и мы возвращались в казармы. К таким тревогам в последнее время мы начали привыкать, так как ожидали нападения фашистской Германии и готовились к нему. Авиашкола со стороны моря была окружена траншеями и огневыми точками, которые мы занимали во время проведения учебных тревог. Но на этот раз тревога затянулась, время шло, а отбоя все не было.

Небо над Севастополем бороздили лучи прожекторов, вспыхивали разрывы зенитных снарядов, слышалась непрекращающаяся артиллерийская стрельба на суше и на море. Мы думали, что это ПВО Севастопольской военно–морской базы отрабатывает учебный вариант отражения нападения вероятного противника.

Наконец, до нас дошло – это война. Противник оказался реальным. Попытка немцев совершить неожиданный налет на Севастополь сорвалась благодаря бдительности моряков.

Начались боевые будни. Приближался фронт. Авиашколу с курсантами погрузили в эшелоны и перевезли на Волгу в Красный Кут Автономной республики немцев Поволжья. Авиация перевооружилась на новые типы истребителей – ЛАГи, МИГи, ЯКи, мы же готовились летать на И-16.

В сентябре 1941 года родители сообщили мне, что старший брат Александр погиб на фронте. Я понимал, что мой долг перед Родиной – заменить его в строю сейчас, когда немцы рвутся к Москве. Полагая, что мечту об авиации можно отложить до конца войны, всеми правдами и неправдами я добивался отчисления из авиашколы и направления в действующую армию.

В середине октября по пути на фронт с эшелоном маршевых рот я прибыл в Москву, где в это время шло формирование 2-й Московской стрелковой дивизии. 18 октября был зачислен в эту дивизию стрелком-пулеметчиком 3-й стрелковой роты (командир отделения сержант Капустин, командир взвода лейтенант Кривченко), 1-го батальона 3-го стрелкового полка (командир полка майор Буяновский), где прослужил до 4 декабря 1941 года.

7 ноября 1941 года мне довелось участвовать в военном параде на Красной площади Москвы в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы, сводный полк Московской стрелковой дивизии, в течение нескольких дней готовились к параду на небольшом участке площади Коммуны около Центрального театра Красной Армии (остальная площадь была занята зенитной батареей). В начале ноября по нескольку часов мы тренировались - учились ходить строевым шагом. Подготовка проходила развернутым парадным расчетом по-батальонно с винтовками с примкнутыми штыками в положении «на руку».

У нас не было сомнения в том, что мы готовимся к параду 7 ноября. Об этом нам говорил командир дивизии, когда призывал нас не жалеть сапог на строевых занятиях, обещая после парада выдать новые. Вечером 6 ноября в парке ЦДКА на небольшом стадионе с участниками парада нашего полка был проведен предпарадный инструктаж. Мы должны были идти на Красную площадь с боеприпасами и вещмешками за спиной, а с площади – на фронт.

Ранним утром 7 ноября вышли на исходные позиции против гостиницы «Москва». Низкие, плотные тучи укрывали Москву. Обильный снегопад покрывал дома и улицы Москвы крупными хлопьями снега. Прошло более 60-ти лет, а в памяти зримо, как вчера, встает белая, заснеженная Москва. Казалось, что само небо опустилось и укрыло нас облачным одеялом,

как будто небеса укрывали Москву от налета немецкой авиации, и это радовало. Одно только огорчало – сильно заснеженная брусчатка Красной площади во время прохождения по ней войск становилась скользкой; снег под нашими ногами превращался в своеобразную кашу и затруднял прохождение колонн четким строевым шагом. Мы думали в то время, как мне помнится, больше о том, как выдержать равнение и не задеть штыком впереди идущего. А уж высокие мысли об историческом значении парада, как сейчас говорят некоторые, о предстоящих боях за Москву – все это было потом, после парада.

Мы не слышали слов речи И.В Сталина, но само присутствие его и других руководителей государства в городе, объявленном на осадочном положении, на мавзолее В.И. Ленина во время парада действительно воодушевляло нас и вселяло уверенность в нашей победе.

Для многих участников парада Красная площадь стала началом долгого и нелегкого пути по дорогам войны, и лишь немногим из нас посчастливилось вновь увидеть ее в зареве победных салютов.

Таким был и мой путь. Больше того, в числе воинов 2-й Московской дивизии – участников парада 7-го ноября 1941 года, мне довелось увидеть в Москве первый победный салют в честь освобождения города Орла и присвоение нашей дивизии наименование 129-я Орловская стрелковая дивизия.

После парада наш полк вернулся в места расположения своих батальонов и до конца ноября месяца находился в резерве. В это время в Москве мы интенсивно занимались боевой подготовкой на территории парка ЦДКА, в свободное время ходили колоннами с песнями по улицам, тем самым вселяли веру в грядущую победу у москвичей, надежду на то, что Москву есть, кому защищать.

В конце ноября 3-й стрелковый полк 2-й МСД (остальные полки и части уже вели ожесточенные оборонительные бои с немцами западнее канала Москва-Волга) пешим порядком вышел из города и занял один из участков Московской зоны обороны на канале Москва-Волга в районе Хлебниково-Долгопрудная и Красная Поляна.

Защищая районный центр Красная Поляна, 30 ноября, взвод москвичей - пулеметчиков нашей дивизии под

командованием лейтенанта Бойко и политрука Женевского повторили подвиг 28-и Героев Панфиловцев - они погибли, но не пропустили немецкие танки к каналу Москва-Волга в районе Клязьминского водохранилища. Мой взвод находился в боевом охранении в селе Клязьма на западном берегу канала.

В первых числах декабря я был направлен на 2-х месячные дивизионные курсы, где получил специальность минометчика и назначение на должность командира 1-го отделения – помощника командира минометного взвода отдельной минометной батареи с присвоением воинского звания старшего сержанта.

В середине января 1942 года 2-я мотострелковая (МСД), под командованием генерал-майора В.А. Смирнова, получила наименование 129-й стрелковой дивизии (СД), 3-й стрелковый полк (СП) стал 518-м СП, и выбыла на Северо-Западный фронт под Старую Руссу для продолжения начатого под Москвой 6-го декабря 1941 года контрнаступления.

13 февраля 1942 года в бою за немецкий укрепленный населенный пункт я был тяжело ранен и признан убитым, о чем родители получили соответствующую похоронку. На обстоятельствах, связанных с этим печальным событием остановлюсь подробнее.

Неоднократные попытки с ходу взять этот населенный пункт оказались безуспешными. В первый день наступления у нас выбыл командир взвода. Мы израсходовали весь имевшийся у нас боекомплект мин, и нам ничего не оставалось делать, как вместе с одной из стрелковых рот, которую мы поддержали своим минометным огнем, идти в очередную атаку с винтовками в руках.

Перед атакой, на командном пункте батальона, где я доложил об отсутствии боекомплекта мин и принятом решении, обнаружил вынесенный с поля боя ручной пулемет Дегтярева, знакомый мне по предыдущей службе в стрелковой роте. Вооружившись пулеметом и прихватив коробку с двумя снаряженными дисками, я присоединился к атакующему батальону.

Перед нами лежало ровное заснеженное поле, и только одна разбитая кирпичная постройка находилась на нашем пути в непосредственной близости от атакуемого села. Приняв решение занять позицию за развалинами этого кирпичного

укрытия, чтобы поддержать атакующих пулеметным огнем, бегом, на сколько это было возможно, устремился вперед, и вынужден залечь.

Для меня это была первая атака. Молодость, комсомольский задор и желание занять выгодную огневую позицию увлекли меня настолько, что я вырвался впереди наступающей цепи на сто с лишним метром. Не добежав до укрытия, вынужден был под пулеметным и минометным огнем противника так же залечь, закрыв голову коробкой с запасными дисками. К сожалению, у меня не оказалось с собой саперной лопатки. Идя в атаку, я не собирался ложиться и окапываться.

Находясь от села в 350-400-х метрах на открытой местности, оказался в поле досягаемости немецких пулеметов и минометов, из которых немцы не замедлили открыть огонь по неподвижной цели. Успев сделать несколько пулеметных очередей, я был тяжело ранен в левое плечо осколком мины.

Выходя с поля боя к месту залегания батальона, я был трижды сбит с ног разрывами мин, от осколков которых получил еще два легких ранения правой кисти, два легких ранения левой ноги и одно легкое осколочное ранение груди в области левой лопатки. Получив шесть ранений, истекая кровью, самостоятельно дошел до полевого медпункта батальона и потерял сознание.

Сколько времени прошло после этого, не знаю. Как мне сказали потом, я очнулся от взрыва немецкой бомбы, который сработал как электрошок при реанимации. Помню только, что, открыв глаза, увидел выбитые окна. С потолка крестьянского дома сыпались земля и песок. В помещении никого нет. Рядом лежат умершие. Пришедшая после бомбежки медсестра, увидев, что я гляжу и дышу, перевела в другое помещение, где меня положили в спальный мешок и на санях отправили в медсанбат, который находился в населенном пункте Полотняный завод. Там вновь меня перевязали и, обнаружив запекшуюся кровь в левом сапоге, нашли еще две не перевязанные кровоточащие раны, что могло привести к острой потере крови и коме.

13 февраля 1942 года я считаю своим вторым днем рождения, ведь чем бы это могло для меня кончиться – можно лишь догадываться, если бы медицинская сестра не

обнаружила у меня признаки жизни. Медики, видимо, скрыли эту историю с моей смертью и воскрешением, отправив меня в медсанбат, где мне срочно сделали переливание крови и перевязали ногу. Мои родители получили, так называемую, «похоронку» о моей «героической» смерти и в течение трех месяцев оплакивали меня. Сообщить же им о себе, я смог только после излечения правой руки, ладонь которой была повреждена осколком мины. О том же, что меня сочли убитым или умершим от ран, я узнал, получив от родителей ответ на мое письмо из госпиталя.

В течение 1942 года проходил лечение в полевых и эвакогоспиталях в городах Крестцы, Иваново, Чкалово Оренбургской области и Токмаке Киргизской ССР. В декабре 1942 года, после выздоровления получил освобождение от военной службы с переосвидетельствованием через 12 месяцев и убыл к родителям в город Рузу Московской области на амбулаторное лечение. Через шесть месяцев добился возвращения на военную службу и, будучи инвалидом 3-й группы, с июня 1943 года по май 1986 год служил на нестроевых должностях начсостава в воинских частях №05692, 14057, 28662, 64486 и 33965.

Уволен в отставку по болезни в звании полковника. Являюсь инвалидом ВОВ 2 группы. Работаю преподавателем (почасовиком) в академии ФСБ РФ.

Имею боевую награду – медаль «За отвагу» (№3253201, вручена 21.01.1947 года облвоенкомом города Москвы).

12 февраля 1942 года, в ходе атаки и освобождения занятого немцами населенного пункта, вместе с огневым взводом 50-мм минометов подавили минометную батарею противника, чем обеспечили поддержку стрелковой роте. В связи с тем, что 13 февраля я по ранению выбыл из части и больше в свою дивизию не вернулся, оформление и вручение награды проходило в 1947 году в Москве.

129-я СД в 1942-43 г. во время контрнаступления на Северо-Западном фронте участвовала в окружении немецкой армии в Спасо-Деменском «котле» под Старой Руссой.

Имею орден Отечественной войны 1-й степени (№567247. Награжден Указом Президиума Верховного совета СССР от 14 марта 1985 года), а также медали:

- «За боевые заслуги» (вручена в 1951 году);

- «За оборону Москвы» (А №030376, вручена 31.07.1944 года);

- «За безупречную службу» 2-й степени (№0180, вручена 22.02.1958 года);

- «За безупречную службу» 1-й степени (№0241, вручена 06.12.1961года);

- «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.» (А №0423286, вручена 22.12.1946 года);

- «В память 800-летия Москвы» (№856538, вручена 08.04.1948 года);

- «За воинскую доблесть в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (вручена 16.04.1970 года);

- «Ветеран Вооруженных Сил СССР» (вручена 07.05.1948 года);

- медали «20-, 30-, 40-, 50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-45гг.»;

- медали «30-, 40-, 50-, 60-, 70 лет Вооруженных сил СССР»

Награжден национальным комитетом общественных наград РФ:

- орденами «Петра Великого» 3-й степени (№023, вручен 24.04.2006 года),

«За заслуги» (вручен 20.12.2006 года), «За верность традициям» 1-й степени (вручен 20.02.2007 года);

- медалями «За ратную доблесть» (вручена 30.05.2006 года), «За заслуги» 2-й степени (вручен 27.20.2006 года), «130 лет со дня рождения Ф.Э. Дзержинского» (вручена 19.04.2007 года), «90 лет со дня рождения Ю.В. Андропова» (вручена 15.06.2007 года).

Награжден Российским комитетом ветеранов войны и военной службы за активное участие в ветеранском движении - Почетным знаком РКВВВС.

Награды иностранных государств:

- «За освобождение от фашистского ига» (№261 от 14.06.1958 года);

- «1300 лет Болгарии» (№1157 от 11.05.1982 года);

- «За службу народу» золотой степени (№2291/85 от 09.05.1985 года);

- «Братство по оружию» золотой степени (от 09.05.1985 года).

Так же есть страничка про меня в книге-сборнике «С фронта на парад, с парада в бой», в которой рассказывается об участниках парада 7-го ноября 1941 года и ветеранов 2-ой Московской – 129-ой Орловской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени стрелковой дивизии. (Издательство «Евпраксия». Москва 2006 год, страница №86-87).

Веду «Уроки Памяти» о Великой Отечественной войне и ее ветеранах в 27-й средней школе района Ясенево г. Москвы. Провожу со школьниками систематическую работу по претворению в жизнь «Преемственности поколений». Вспоминая военные годы, особенно битву за Москву, ежегодно посещаю мемориал «Красная Поляна», отдаю долг памяти павшим в боях товарищам по оружию.

Октябрь 2007 года.

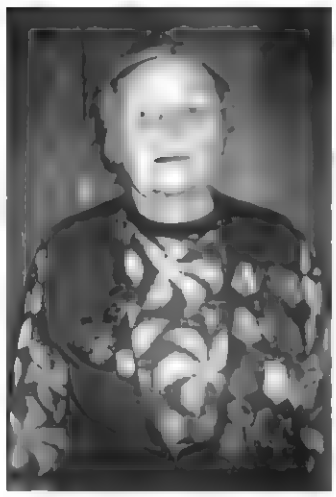
В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Шашков Иван Иванович

и

Кукушкин Максим Олегович,

студенты 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)



Ульяничева Татьяна Ивановна

Ни один летчик не погиб на самолете, подготовленном мной

Родилась 7 января 1922 года в городе Изюм Харьковской области. Украинка. С апреля 1944 года была членом КПСС.

В 1939 году окончила школу в Подольске, затем поступила в Саратовское училище, но его реорганизовали в техникум министерства авиационной промышленности. Поэтому я переехала в Харьков, где окончила техникум 20 мая 1941 года. После была распределена в Москву, в Московское управление Аэрофлота и зачислена в 4-ю учебную эскадрилью. В то время было организовано около 15 эскадрилий по всей России, так как аэроклубов по подготовке летчиков не хватало. После зачисления в эскадрилью нас послали на Симферопольский аэродром.

Там я узнала о начале войны, когда в 3 часа ночи начали бомбить Севастополь. В Симферополе мы проходили технику пилотажа, летая на высоте до 1000 метров. После начала бомбежки нам сократили высоту до 100 метров, так как выше подниматься было опасно. На такой высоте мы в основном отрабатывали взлёт и посадку. Жили в палатках на аэродроме, куда было мобилизовано много молодежи для освоения навыков полета. В некоторый момент нас вооружили винтовками, так как предполагали, что нападёт немецкий десант, и мы должны защищать аэродром. Но, к счастью,

немцев задержали на границе, десанта не было. Мы продолжали работать до ноября. А в ноябре мы получили распоряжение отправляться в Пензу, где находилась Пензенская эскадрилья. Нас разместили в 7 км от Пензы в деревне Терновке, в палаточном городке. Там мы продолжали работу, но скоро нас расформировали. Всех мужчин-лётчиков отправили доучиваться в Учебные центры, а меня отпустили, так как я не была военнослужащей. Но я узнала, что Харьковское училище, которое я закончила, перевели в Сталинобад. Я написала письмо, и мне ответили, что я могу приехать и работать инструктором. Когда я приехала, оказалось, что рядом есть Болчанская авиационная школа, в которой готовили механиков истребителей. Меня представили в Болчанскую школу, и я стала работать там сначала лаборантом, затем инструктором. Специальность у меня была - авиатехник по эксплуатации моторов и самолётов. Я работала на аэродроме под Сталинобадом. Туда нам присылали разбитые самолёты, и мы на них учили курсантов.

После того как я смогла отремонтировать самолёт ЛАГ-3, который сильно пострадал в боях, меня сделали механиком и присвоили звание старшего сержанта, так как я должна была командовать курсантами. В 1943 году стали присылать Як-7б и Ла-5. И подготовка уже шла на этих самолётах. Стало ясно, что здесь мы не нужны, и надо идти воевать с фашистами. И в августе 1944 года я добилась того, что меня отпустили на фронт.

Я стала служить в 372-м авиационном полку связи, который получил почетное наименование Перемышльского. Этот полк связи был в распоряжении 3-й Гвардейской танковой армии. Я обслуживала боевые самолеты, то есть готовила их к вылетам. На мне лежала очень большая ответственность, так как я полностью отвечала за техническое состояние самолета. С 3 часов ночи я должна была готовить самолет, чтобы на рассвете летчик мог лететь. В апреле 1945 года меня наградили медалью “За отвагу”. Эту медаль мне дали за то, что за всю войну ни один летчик не погиб на самолете, подготовленным мной. Я ответственно относилась к своей работе, поэтому самолет работал безотказно. Ни разу с самолетом не было поломок, он всегда был в боевой готовности и мог вылететь в любую минуту.

В то время наши войска взяли Киев. Наш полк стоял в Каменке Струмилова. Форсирование Вислы и захват нашими войсками плацдарма на западном берегу реки имели большое стратегическое значение. Утром 11 августа вражеские войска перешли в наступление. Враг стал теснить стрелковые войска. По приказу командующего Фронтом была усилена оборона стрелковых соединений. К исходу 14 августа удар врага был отражен. К 30 августа немецко-фашистские войска, понеся большие потери, исчерпали наступательные возможности. В тот же день 3-я гвардейская танковая армия по приказу командующего фронтом сдала свои боевые участки 13-й армии, самоходные артиллерийские установки 4-й танковой армии и была выведена в резерв. Выйдя в резерв, 3-я гвардейская танковая армия совершила 250 километровый марш.

К исходу 6 сентября армия сосредоточилась северо-западнее Львова, в 60 километрах от него, в лесах, в районе Рава-Русская. Армия была в резерве до 20 октября, пополнялась танками, самоходно-артиллерийскими установками, стала пополняться личным составом. К утру 30 октября, совершив скрытно ночные марши, сосредоточилась южнее г. Сандомир и вошла в состав 1-го Украинского фронта. 12 января 1945 г после мощной артиллерийской подготовки общевойсковые армии фронта перешли в наступление. Не выдержав удара наших войск, гитлеровцы стали отходить на вторую полосу и надеялись занять там прочную оборону. Но командующий фронтом приказал танкам 3-й и 4-й армий и отдельным корпусам войти в прорыв и устремиться ко второй полосе противника. К исходу 12 января армии продвинулись на 15-16 км, захватили мост для переправы. Гитлер отдал приказ перебросить танковый корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии, но было уже поздно. Кельце и район западнее его были заняты нами. За 19 суток непрерывных боев 3-я гвардейская танковая армия достигла значительных результатов. Выходом на Одер и завершилась Висло-Одерская операция, освободили часть Польши и вошли на территорию Германии.

13-14 марта соединения 3-й гвардейской танковой армии были выведены во второй эшелон фронта, в район южнее Бунцлау, для пополнения личным составом и техникой.

1-му Украинскому фронту предстояло разгромить группировку южнее Берлина и далее по реке Эльбе до Дрездена. С 11 по 13 апреля, согласно указаниям командующего фронтом, армия совершила 100-километровый марш из Бунцлау на правое крыло фронта. 25 апреля 1945 г. советские войска завершили полное окружение всей берлинской группировки. 28 апреля войска армии после ночной перегруппировки возобновили наступление. На 29 апреля был назначен штурм. 30 апреля войска очищали от противника городские районы. 1 мая была сделана окончательная очистка от противника. На следующий день командующий обороной города Берлина генерал Вейдлинг, командир 56-го танкового корпуса, просил советское командование принять немецких парламентёров для ведения переговоров. 2 мая части 56-го танкового корпуса во главе с генералом Вейдлингом сдались в плен. Войска 3-й гвардейской танковой армии полностью овладели районами Берлина. 2 мая 1945 г. столица фашисткой Германии была повержена, а боевые действия 3-й гвардейской танковой армии в Берлинской операции закончены.

Во время окончания войны находилась в Дрездене, потому что надо было освобождать Прагу, так как немцы хотели её взорвать. В Праге находилась до 13 мая. Потом нас перевели в деревню Вельтрусы, которая находилась в 30 км от Праги. Там мы были до окончания войны и оттуда уехали домой.

Особо тяжких ранений у меня не было. В основном незначительные царапины и порезы.

У меня есть следующие награды:

- орден Отечественной войны 2-й степени (№1062993);
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг» (вручена 20 февраля 1946 г., №0306136);
- медаль «За отвагу» (вручена в апреле 1945 г., №2162483);
- медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. » (вручена 22 февраля 1966 г., №4728930);
- медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР» (вручена 28 апреля 1969 г.);

- медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (вручена 1 апреля 1970 г.);

- медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (вручена 26 апреля 1976 г.);

- медаль «Ветеран труда» (вручена 23 мая 1977 г.);

- медаль « 60 лет Вооруженных Сил СССР» (вручена 10 ноября 1978 г.)

- медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг» (вручена 23 мая 1985 г.);

- медаль « 70 лет Вооруженных Сил СССР» (вручена 23 февраля 1988 г.);

- медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (С №13359355. Вручена 22 марта 1995г.)

- медаль Жукова (Г №0644590. Вручена 19 февраля 1996 г.).

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Тихонов Антон Анатольевич,*** *студент 3 курса кафедры военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Урюмцев Андрей Александрович

Три бомбы и летят веером прямо на нас

Родился 19 декабря 1919 года в селе Путинцево Зыряновского района Восточно-Казахстанской области в семье крестьянина-середняка. У Урюмцева Александра Григорьевича и Урюмцевой Анны Платоновны было четверо сыновей: Иван (1910 г.р.), Василий (1915 г.р.), я, Дмитрий (1921 г.р.) и две дочери – Антонида (1907 г.р.) и Зоя (1912 г.р.). Во время учёбы в техникуме с 1937 по январь 1940 г. я участвовал в общественной организации «Ворошиловский стрелок». В период Отечественной войны (в августе 1943 г) вступил в члены Коммунистической партии Советского союза, в которой честно и добросовестно проработал до самого её роспуска (март 1991 года). После увольнения в июле 1970 г из армии, состоял в профсоюзной организации управления делами МИДа СССР до сентября 1987 г.

До войны в селе Зыряновское окончил восемь классов средней школы и в 1937 году, с табелем из школы, был по конкурсу зачислен в кредитно-экономический техникум Госбанка СССР в г. Алма-Ата. В январе 1940 г. с третьего курса техникума был призван Фрунзенским райвоенкоматом г. Алма-Ата в 57-й кавалерийский эскадрон солдатом-красноармейцем. В июне-августе 1941 г был направлен на

шестимесячные курсы (финансовая группа) в г. Фрунзе (ныне г. Бишкек) Средне-азиатского военного округа (САВО).

В период учебы в г. Фрунзе я, как курсант, услышал по радио передачу из Москвы о том, что фашистская Германия без объявления войны напала на нашу Родину.

После окончания курсов 3 сентября 1941 года некоторые курсанты, окончившие трехмесячные курсы, были направлены в финансовый отдел г. Ташкента САВО.

В финансовом отделе округа меня назначили на формирование 83-й кавалерийской дивизии в г. Самарканд. В финансовом отделе САВО я получил все необходимые документы финансовой службы для управления дивизии и всех подразделений (трех кавалерийских полков, танкового батальона и тыловых органов этих подразделений).

После окончания курсов воинских званий нам никаких не присвоили. Формирование дивизии было закончено за сентябрь и октябрь 1941, а 7-го ноября 1941 г. подавались эшелоны для отправки на фронт.

После разгрузки эшелонов все части и подразделения дивизии в ноябре 1941 г. были сосредоточены в городах Скопин и Ефремов. В составе Брянского и Западного фронтов с 5 декабря 1941 г. дивизия начала боевые действия. В феврале 1942 года меня назначили начальником финансовой части 46-го гвардейского кавалерийского полка.

Всему личному составу соединения и полка, в том числе и мне, за освобождение городов и крупных железнодорожных узлов приказом Верховного главнокомандующего маршала Советского Союза тов. Сталина И.В. были объявлены 11 благодарностей, из них:

- приказом от 25 января 1943 г. за овладение городами и крупными железнодорожными узлами г. Вылуйки и Уразов;
- приказом от 5 февраля 1944 г. за овладение городами Луцк и Ровно, крупными городами и областными центрами Украины, а также железнодорожными узлами;
- приказом от 20 октября 1944 г. за овладение крупным промышленным центром Венгрии г. Дебрецен, важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны противника;
- приказом от 9 декабря 1944 г. за овладение г. Балашшадьярмат, Ноград и Асод;

- приказом от 1 апреля 1945г №326 за овладение г Трнава, Глюковец, Сенец, важными узлами дорог и опорными пунктами обороны немцев, прикрывающими подступы к Братиславе;

- приказом от 26 апреля 1945 г. №345 за овладение г. Брно, крупным промышленным центром Чехословакии, важным узлом дорог и мощным опорным пунктом обороны немцев;

- приказом от 30 марта 1945 г. №318 за форсирование рек Грон и Натра, прорыв обороны немцев и освобождение городов Новые Замки, Шураны, Врабле - сильными опорными пунктами обороны немцев на братиславском направлении;

- приказом от 13 апреля 1945 г. №335 за овладение на территории Чехословакии городом Годонин, важным узлом дорог и мощным опорным пунктом обороны немцев на западном берегу реки Морава;

- приказом от 31 марта 1945 г. №323 за овладение городами Нитра, Галанта и форсирование реки Ваг, важными узлами дорог на путях к Братиславе;

- приказом от 4 апреля 1945 г. №330 за овладение промышленным центром и главным городом Словакии - Братислава;

- приказом от 5 апреля 1945 г. №331 за овладение городами и важными железнодорожными узлами Малацки и Брук, сильными опорными пунктами обороны немцев в полосе Карпат.

Все выше указанные крупные промышленные центры и города были освобождены в составе 46-го гвардейского кавалерийского полка 13-го Гвардейской Ровенской кавалерийской дивизии.

Военные действия закончил 9 мая 1945 г. в должности начальника финансового довольствия 46-го гвардейского кавалерийского полка под командованием командира полка подполковника Васюченко Арсения Николаевича во 2-м украинском фронте 9 мая 1945 г. под чехословацкой столицей Прагой в воинском звании старший лейтенант.

Все четыре года войны я прошел со своим родным гвардейским кавалерийским полком. Возвращался с Победой тоже со своим полком в конном строю через Карпаты из Чехословакии, затем через Польшу и прибыл в город

Новоград-Волынский на Украину, где кавалерийский полк был переформирован в механизированный. Я был назначен начальником финансовой части механизированного полка.

В 1949 г. сдал вступительные экзамены на военно-экономический факультет МФИ и с 1 сентября был принят слушателем военного факультета при Московском финансовом институте. В 1953 г. окончил военный факультет и назначен старшим офицером Центрального финансового управления Министерства обороны.

Награжден:

- медалью «За боевые заслуги» (№204427);
- медалью «За боевые заслуги» (№1190872);
- медалью «За отвагу» (№1720025);
- орденом Красной Звезды (№1411033);
- медалью «За боевые заслуги» (без номера);
- орденом Красной Звезды (№3448001);
- орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 1031572);

Из наградного листа, подписанного командиром 46-го Гвардейского кавалерийского полка, подполковником Васюченко А. Н.: «Тов. Урюмцев А.А. с момента ввода полка в прорыв 6 октября 1944 г. и по настоящее время все время находился на командном пункте полка. Помимо своей основной работы выполняет боевые приказы командования. В бою за город Хайду Сабосло 7-8 октября 1944 г., выезжая в боевые порядки подразделений с боевым приказом, своевременно довел его до командиров подразделений. 9-13 октября 1944 г. под огнем противника неоднократно находился в боевых порядках подразделений, передавал боевые приказы командования, помогая командирам в расстановке сил, что обеспечивало успешное наступление наших войск.

18-19 октября 1944 г., при наступлении на город Дебрецен, по приказу командования неоднократно выезжал в боевые порядки с боевыми приказами и вместе с подразделениями вошел в город.

Достоин награждения орденом Красной Звезды.

Приказом по 13-й гвардейской кавалерийской Ровенской дивизии №049/4 от 13 ноября 1944 г. награжден медалью «За отвагу».

Согласно копии наградного листа командира 46-й гв.

полка от 2 мая 1945 г. приказом командующего 1-й гвардейской конно-механизированной группы № 0441 от 27 мая 1945г я был награжден орденом Красной Звезды. Согласно выписке из приказа от 17 апреля 1970 года г. Будапешт: «В признание плодотворной работы, проделанной на протяжении нескольколетнего пребывания в Венгерской народной республике в интересах дружбы между советской армией и венгерской народной армий, по случаю окончательного возвращения на родину, награждаю подполковника Урюмцева А.А, начальника валютно-финансового довольствия и административно- хозяйственной службы представительства объединенного командования Объединенных вооруженных сил при Венгерской народной армии. Медалью «За службу Родине» золотой степени. Желаю дальнейших успехов в выполнении новых служебных задач, доброго здоровья и много счастья в семейной жизни».

П.п. генерал-полковник Цинеге Лайот.

Уволен в отставку приказом ГК СВ №0899 от 18 июля 1970 г. по ст. 59 пункта «а» (по выслуге установленных сроков службы) с правом ношения военной формы одежды.

Приказом Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил РФ от 27 октября 2000 г присвоено воинское звание полковника. После увольнения из вооруженных сил РФ работал в МИД СССР с 19 июля 1970 г. по 28 сентября 1987 г.

Другие награды:

- почетный знак СКВВ (удостоверение выдано 1 ноября 1979 г.);
- медаль «30 лет Советской Армии и Флота» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1948 г. Вручена 6 ноября 1948г командиром гв. механизированного полка полковником Мироненко);
- медаль «40 лет Вооруженных Сил СССР» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1957 г., вручена 29 апреля 1958 г. начальником финансового управления МВО генерал-майором Борисом Боголюбовым);
- медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 г., вручена 29 февраля 1968 года генерал-полковником И.В. Тутариновым);

- медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1988 г., вручена 20 февраля 1988 г. военным комиссаром Хорошевского районо г Москвы);

- медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (Указ Президиума Верховного совета СССР от 9 мая 1945 г., вручена командиром 48-го гвардейского полка Айвазовым);

- знак «25 лет Победы» (Удостоверение серии ВГ № 26073);

- знак «Гвардия» (Выписка из приказа по 46-му Гвардейскому кавалерийскому полку 7 июня 1943 г. №150 в соответствии с приказом НКО №67-1942 г и на основании приказа НКО №30 от 19 января 1943 г.: ниже наименованному личному составу проявивших себя в борьбе с немецкими захватчиками с января по март присвоить звание «гвардеец» с 19 января 1943 г.);

- медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Указ Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 г., вручена 29 сентября 1965 г. начальником финансового управления МВО полковником Семенченко);

- медаль «За воинскую доблесть в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (Указом Президиума Верховного Совета СССР, вручена 20 апреля 1970 г. представителем Главкома ОВС ВД при ВНА генерал-полковником Татуриновым);

- медаль «30 лет Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.» (Указ президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 г., вручена 9 февраля 1979 г. заместителем министра иностранных дел СССР);

- медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 г., вручена 20 апреля 1985 г. заместителем министра иностранных дел СССР В. Стукалиным);

- медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Президент РФ Б. Ельцин 22 марта 1995 г);

- медаль «55 лет Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Постановление Президиума съезда народных депутатов СССР от 18 ноября 1999 г.);

- медаль Жукова (Президент РФ Ельцин 19 февраля 1996 г.);

- медаль «В память 850-летия Москвы» (Президент РФ Ельцин, указ от 26 февраля 1997 г.)

- медаль «60 лет Сталинградской битвы» (Председатель по обороне ГДФС РФ А.И. Николаев 13.08 .2003 г.);

- знак «Министерству иностранных дел 200 лет» (вручен 8 сентября 2002 г.);

- медаль «За безупречную службу» 1-й ст. (Приказ Министра обороны №56 от 11 января 1960 г.);

В войне 1941-45 гг. погиб муж старшей сестры Набокиной Антаниды Александровны - Набокин Андрей Алексеевич в Сталинградской битве. Остались трое детей - Александр, Павел, Анна, которые проживают в Восточно-Казахстанской области Зыряновского района, в селе Путинцево. В войне погиб брат моей жены Урюмцевой Тамары Андреевны Бондарев Александр, числился без вести пропавшим, до войны проживал в городе Прокопьевске.

Остались живыми братья:

- Иван (воевал в Сталинграде, имел орден Красной Звезды и медаль, умер в 1977 г.);
- Василий (участвовал в войне рядовым солдатом и имел орден Отечественной войны 2-й степени, жил и работал после войны в г. Донецке шахтером, умер в 2002 г.);
- Дмитрий (рядовой, участвовал во взятии Кенигсберга и Берлина, награжден двумя орденами Красной Звезды и двумя медалями, жил после войны в г. Мегеок Тюменской области, умер в 1996 г.).

Имею публикацию - «Начальник финансовой части кавалерийского полка» (опубликована в 1995 г. в книге «Военные финансисты-фронтовики вспоминают». Издатель - военный факультет при Финансовой академии г. Москвы)

9-10 мая 1945 года

Гвардейский кавалерийский полк, в котором мне пришлось пройти всю войну, участвовал в наступательных и оборонительных боях на шести фронтах:

- на Брянском фронте с 5 декабря 1941 г. по 23 февраля 1942 г.;

- на Западном фронте с 1 февраля 1942 г. по август 1943 г.;
- на Степном фронте с августа 1943 г. по декабрь 1943 г.;
- на 2-м Белорусском фронте с декабря 1943 г. по январь 1944 г.;
- на 1-м Украинском фронте с января 1944 г. по сентябрь 1944 г.;
- на 2-м Украинском фронте с сентября 1944 г. по 9 мая 1945 г.

Указанные данные внесены в мой военный билет согласно личного дела.

Гвардейский кавалерийский полк Ровенской Гвардейской кавалерийской дивизии участвовал в оборонительных и наступательных операциях по освобождению Тульской, Орловской, Смоленской, Белгородской областей, в боях по освобождению Белоруссии, Украины, Польши, Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Полк принимал участие в тяжелых боях по разгрому в конце войны трехсоттысячной армии немцев, которая в беспорядке отступала по Чехословакии, где эта армада искала пути выхода и сдачи в плен союзным американским войскам.

На последнем этапе эта армия отступала в пешем строю, по дорогам и по полям Чехословакии. Транспорт противника был забит не только в кузовах, они бежали и ехали, где только было можно - на кабинах, на крыльях автомашин со всем своим награбленным скарбом, который смогли только вывезти. На машинах ехали и женщины, и дети.

Так многочисленная армия немецкого вермахта заканчивала свой «победный» путь захвата Великой страны - СССР. Однако, это зрелище с 9 по 10 мая 1945 г. нужно было созерцать только своими собственными глазами.

Мой гвардейский кавалерийский полк после боев и одержанной Победы расквартировался примерно в 30 км на дачах под Чехословацкой столицей Прагой.

Зимой 1942 г. полк после первых боев был на формировании на Западном фронте, а управление штаба полка располагалось в селе Крапивное. Вечером сидим в комнате у одной хозяйки и играем в карты, вдруг слышим сильный оглушительный удар во дворе, выбегаем на улицу, смотрим, во дворе хозяйки, на замерзшей земле, на льду, крутится как пропеллер огромный снаряд и не взрывается. Всем офицерам

штаба полка, скажем прямо, крупно повезло, так как в немецкий снаряд добрые люди не заложили взрывчатку, и снаряд не сработал. Офицеры штаба полка остались живы. Если бы этот огромный снаряд разорвался, многие офицеры штаба полка были бы похоронены в селе Крапивное.

Второй случай, когда все же и на фронте можно уходить от смерти, которая ходит рядом с тобой. Зима 1942 года, фашистские самолеты вели себя в воздухе явно нагло и преследовали каждую обнаруженную мишень.

Едем с коноводом в санях на своих серых боевых друзьях после оформления в дивизионном полевом банке вкладов и на полевой почте денежных переводов, слышу гул «мессершмидта» - немецкого самолета. Определив цель, он начал бомбометание.

Я смотрю на самолет - у него уже оторвалось три бомбы и летят веером прямо на нас с коневодом, я кричу, чтобы он быстрей развернулся и гнал галопом в направлении полета самолета. Мы проскочили, и бомбы взрывались недалеко позади наших санок. Самолет еще раз развернулся и вновь повторил свои действия, выбросив еще три бомбы. Снова Судьба нас спасает, и мы остаемся живыми, так как лошадки спасли нас и от этого второго бомбового удара.

Третий случай. Недалеко от железнодорожной станции Мерефа Харьковской области, название села сейчас уже не помню, наш полк занимал кратковременную оборону. Мы с Маркиным уезжали в полевое отделение банка и на полевую почту. Отправили почтовые переводы по домашним адресам офицеров и сержантов и оформили вклады офицеров и командиров отделений. Вернулись в это село, где полк занимал оборону. Село было уже в дыму и горело. Следуя дальше в направлении станции Мерефа, мы с Маркиным на своей паре коней в санках вновь попали в страшную ситуацию.

Фашистские самолеты «мессершмидты», до 40 единиц, бомбили гвардейскую Кубанскую дивизию казаков в бурках. Над чистым полем самолеты снижались до бреющего полета и расстреливали кавалеристов в бурках этой казачьей дивизии.

Это был адский, безумный расстрел на чистом поле, где мог спасти только кавалерийский галоп и маневр, когда можно было уйти от ливневого огня бреющего полета 40 самолетов.

На поле боя гибли десятки казаков этой дивизии, а кто оставался живым, галопом уходил от этого страшного расстрела. И мы с Маркиным на своих боевых конях в санках опять сумели вывезти все наши оформленные денежные документы и остаться целыми и невредимыми от этого страшного расстрела немецких самолетов.

В июле 1944 г. дивизия и мой родной гвардейский кавполк перешел границу СССР в районе города Равва-Русская, и мы пошли по польским дорогам. Немцы отступали за реку Вислу. Полк идет на марше (это рысь-галоп), была поставлена задача захватить мост через реку Вислу, однако, операция не удалась.

Едем мы с заместителем командира полка майором Сияновым впереди колонны транспорта. Только миновали невысокий редкий лесок, начали выезжать на открытую поляну, немцы открыли по нам автоматный огонь. Ехавший со мной рядом майор Сиянов от автоматной очереди падает с коня в этом еще мелком лесочке. Я приказал коноводам спешиться и вынести на плащпалатке смертельно раненого майора Сиянова. В городе мы похоронили нашего дорогого товарища майора Сиянова.

Через несколько дней наш полк погрузили в эшелоны, и мы думали, что едем на Родину, следовательно, для нас война закончилась, однако, нет. Пришли эшелоны на станцию Шепетовка на Украине, их цепляли к поездам с обратной стороны, и мы поехали уже поездом в интересную и теплую Румынию. Разгружались в районе города Тимошары.

Прошли Венгерскую Трансильванию через Карпаты и вышли ночью на Венгерскую долину перед городом Дюла.

Нельзя не остановиться и снова благодарить свою Судьбу, как она спасала снова мою жизнь, несмотря на самые разные случаи тяжелой фронтовой жизни во время боевых действий в Венгрии и Чехословакии.

Это было в конце 1944 г. и в начале уже 1945 Победного года. Под городом Дебрецен по кукурузе немецкие танки потеснили наши эскадроны, наступавшие на Дебрецен в пешем строю. Но по шоссе с нашей стороны были установлены батареи 76-мм орудий, которые поджигали фланговым огнем фрицевские танки, и танковая атака фрицев захлебнулась. Командир дивизии приказал командиру

кавалерийского полка занять то положение штаба полка, где мы были, до танковой атаки.

Для восстановления положения полка мы: замкомандира полка майор Салимов А., его коновод, я и мой коновод, приехали на место, где находился командный пункт, там стояли два подбитых немецких танка, я спешился с коня, а все остальные еще были на конях. Вдруг, из другого танка, где был еще жив немец, он открыл по нам из автомата огонь. Я смотрю, моих конников уже нет, и я пошел обратно их искать, только побежал мимо дома, где размещался КП. Автоматчик из танка открыл по мне снова огонь, меня только известка от этого венгерского дома забросала, и я пошел дальше искать своих конников. Хорошо, что фриц промахнулся, только по стене очередь прошла, а Судьба снова выручила меня. И я ночью снова выполнял приказ командира полка вместе со старшим лейтенантом Хатунцевым по связи с командирами эскадронов и трех батарей, которые вели бой в городе Дебрецене.

После взятия города Дебрецена, немецкие войска с жестокими боями отступали по Венгрии. Следует здесь также сказать, что все четыре года мы совершали марши только ведь в ночное время, так как Кавлерийская колонна днем - есть хорошая большая мишень для немецких самолетов. На рассвете, в утреннем тумане, полк остановился, не въезжая в венгерское село.

Рассветало, туман рассеялся. Полк, боевые и грузовые подразделения его, стали противнику очень хорошо видны. К тому же село было на возвышенности, и немцы открыли по нашему штабу артиллерийский и минометный огонь и обстрел из самолета. Командир полка приказал штабу отойти в укрытие. Мы, вдвоем с помощником начальника штаба, стоим с двух сторон на штабной повозке, вдруг, около метра от переднего колеса повозки разрывается огромная мина или снаряд, который перебил задние ноги обеим лошадям, и они с перебитыми задними ногами сели на крупы и сидят. А немцы уже нас хорошо видят, и начался обстрел из минометов и самолетов.

Нас обоих с помощником начальника штаба полка отбросило метров на десять по воздуху. Встали мы оба,

умылись кровью, хорошо, что в лицо и голову попали небольшие осколки, которые в носу я ношу еще до сих пор.

И снова судьбоносное счастье, ведь если бы не мелкие осколочки, а чуть побольше, то лицо у каждого из нас было бы изуродовано до неузнаваемости, так как мы стояли в рост на ступеньках нашей штабной повозки.

Лошадей было очень и очень жаль, однако, пришлось искать им хорошую замену на месте, так как конца войны еще не было видно.

После освобождения Венгрии дивизия и мой родной кавалерийский полк шли с боями по Чехословакии. В конце 1944 г. и в начале 1945 г. полк, вместе с которым я принимал участие в боях за освобождение городов Чехословакии: Балашшадьярмата (9 декабря 1944 г.), Новые Замки (30 марта 1945 г.), Брно (26 апреля 1945 г.) и многих других городов и населенных пунктов Чехословакии.

В горах Чехословакии

Сохранился в памяти еще один очень тяжелый бой в горах Чехословакии, который невозможно забыть.

На рассвете полк вышел из населенного пункта. Колонна в составе: двух кавалерийских эскадронов (третий шел в передовом отряде), пулеметного эскадрона из нескольких пулеметных тачанок, минометной батареи 82-мм минометов, батареи 76-мм орудий, батареи 45-мм противотанковых орудий и плюс все другие отдельные мелкие подразделения полка. Полк шел на марше, командир полка дал команду: «Стой - можно курить!» Из-за укрытий в копнах кукурузы по колонне полка (а это по фронту и по длине было около двух километров) был открыт справа, на удалении 200-300 метров, ураганный огонь из крупнокалиберных немецких пулеметов.

Штаб полка прикрывал в этом бою лично командир взвода из крупнокалиберного пулемета ДШК, который был вскоре убит. За пулемет лег оставленный командиром полка, старшим по штабу - помощник начальника штаба капитан Тишкевич, я только по его команде, под яростным огнем фрицев, подавал и заправлял ленты к крупнокалиберному пулемету ДШК.

Это был один из самых тяжелых, страшных по потерям, последних боев, когда полк, остановившись на марше,

внезапно был подвержен, из-за плохой разведки передового эскадрона, ураганному пулеметному огню немцев.

После этого боя на одной высоте собрался штаб полка и остатки подразделений наших эскадронов и батарей и заняли круговую оборону оставшимися подразделениями двух эскадронов, остатками станковых пулеметов пулеметного эскадрона капитана Фарынского и трех батарей: минометной батареи 82-мм минометов Савина, батареи 76-мм орудий капитана Машуры, противотанковой батареи 45-мм орудий старшего лейтенанта Сулеменко.

Всю ночь подразделения полка в окружении, при непрерывных световых ракетах немцев, отбивали психические атаки фрицев.

На рассвете командир полка подполковник Васюченко дал команду подразделениям прорываться через оборону немцев к своим войскам, занявшим крупный населенный пункт и находящимся на опушке того леса, где был окруженный немцами наш полк ночью. И подразделения, прорвав оборону немцев, утром вышли к своим войскам.

Полк, понесший в этом бою большие потери в людях и технике, начал собирать своих раненых и убитых офицеров, солдат и разбитую боевую технику.

Так закончился еще один жестокий, тяжелый, кровавый бой победного 1945 года в горах Чехословакии.

Благодаря Судьбе, я и мой последний коновод Федька остались живы и пришли вместе с полком своим ходом после Победы на родную Украину в город Новоград-Волынский в мае-июне 1945 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ремигайло Михаил Владимирович,*** *студент 3-го курса факультета №3 Московского авиационного института*

Фролов Иван Владимирович

По броне, словно электрический заряд проскочил

Родился 3 августа 1922 года в деревне Кулеши Новодеревеньковского района Орловской области, Россия. Русский. Православной веры. Был с 1945 по 1989 год членом КПСС, а еще ранее с октября 1938 г. по октябрь 1944 года членом ВЛКСМ.

В июне 1941 года окончил среднюю школу, 10 классов на станции Чкаловская Ярославской железной дороги Московской области. В мае 1943 года окончил Челябинское танковое училище по специальности механика-водителя тяжелых танков «КВ» (Клим Ворошилов), в звании младшего техника-лейтенанта. В сентябре 1941 года без отрыва от учебы в 10 классе окончил Мытищинский аэроклуб Московской области.

Узнал о начале Великой Отечественной войны, вернувшись с выпускного вечера, который начался в субботу 21 июня 1941 года и продолжался до утра. Мы весело гуляли, мечтали о том, куда пойдем учиться, а в 4 часа утра, оказывается, немецкие войска внезапно напали на СССР.

После выпускного вечера я пришел домой и лег спать. Разбудила меня мама:

«Вставай, сынок! Война!» - чуть не плача, сказала она.

Это было 22 июня 1941 года около 12 часов дня. Встал и услышал, как по радио выступает нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов. Прослушав его взволнованную речь, выглянул в окно: на улице бурлил народ, все горячо обсуждали заявление В.М. Молотова. Раздавались возгласы: «Внимание, Внимание! На нас напала Германия! Дадим фашистам сокрушительный отпор! Через неделю разобьем немчуру!»

В октябре 1941 года вместе с родителями эвакуировался в город Кольцово Свердловской области. Здесь устроился на работу в авиамастерские, обслуживал самолеты, летевшие с Дальнего востока на фронт. Работали по 2-3 суток не выходя из цеха, устраняли непорядки на самолетах. Я рвался после аэроклуба в авиашколу, но отпустили только в июне 1942 года, и я отправился в Челябинскую авиашколу, где изучали пикирующий бомбардировщик ПЕ-2. Авиашколу вскоре расформировали, и я стал курсантом Челябинского танкового училища. Летом 1943 года, после его окончания в качестве механика-водителя СУ-152 третьей батареи (командир старший лейтенант Шашкин) 1827-го тяжелого самоходного артиллерийского полка (командир майор И. Кузнецов) был направлен в пятый механизированный корпус (командир генерал-лейтенант Н. Волков) на Западный фронт (командующий генерал-полковник В.Д. Соколовский), где и получил боевое крещение, под городом Кировом Калужской области.

Мой боевой путь проходил через города: Киров (лето 1943), Спасо-Демьянск (лето 1943), Ельня, Орша (осень 1943), Корсунь-Шевченковский (зима 1944), Тарнополь (лето 1944), Львов (1944), Краков (Январь 1945), Ратибор (весна 1945), Рыбник (март 1945), Опава (весна 1945).

За участие в освобождении этих городов заслужил благодарность Верховного Главнокомандующего товарища И.В. Сталина.

За умелые боевые действия при взятии города Тарнополя наш полк заслужил право называться «Тарнопольским». А за овладение городом Краковом награжден орденом Красного

Знамени и за успешные боевые действия при освобождении Чехословакии орденом Кутузова II ст. А еще ранее, 14 июня 1944 года, получил звание «Гвардейского».

Итак, мой родной 1827-й полк стал называться 368-й Гвардейским Краснознаменным ордена Кутузова II ст. Тарнопольским тяжелым самоходным артиллерийским полком. В нем, на должности механика-водителя ИСУ-152 в составе третьей батареи (командир гвардии капитан А. Шашкин) воевал до конца войны.

Памятен период проведения Корсунь-Шевченковской операции. Он запомнился не только исключительным упорством, жестокостью боев, но и чрезвычайно тяжелыми погодными условиями. Дело в том, что мы прибыли на фронт в январе 1944 года в полушубках, валенках, меховых шапках, а на Украине неожиданно потеплело, прошли обильные дожди, все дороги развезло, была ужасная непролазная глубокая грязь. Почти никакой транспорт не мог передвигаться. Только мы, танкисты и самоходчики, с невероятным трудом, на самых низших передачах, двигались и тащили за собой на буксире автомашины с боеприпасами, горючим, продуктами. В таких условиях выполнять боевые задачи было исключительно трудно. Требовались огромная выдержка, упорство, боевое мастерство, четкое взаимодействие, взаимная выручка, умение переносить небывалые лишения и тяготы. Но мы преодолели все преграды на пути к Великой Победе.

После Корсунь-Шевченковской операции в составе 60-й армии (командующий генерал-полковник А.П. Курочкин) действовал на 1-ом Украинском фронте (командующий маршал Советского Союза И.С. Конев). А в апреле 1945 года 60-ю армию перебросили на помощь 4-му Украинскому фронту (командующий генерал армии А.И. Еременко), для проведения Пражской операции, ликвидации большой группировки противника.

День Победы 9 мая встретил в Чехословакии, в деревне Штепанковице Восточной Чехии.

Слепое осколочное ранение в левое плечо получил в боях под городом Краковом 25 января 1945 года и был направлен в военный госпиталь в/ч 2407. После извлечения осколка гранаты вернулся через неделю в свой родной полк. Особенно тяжелыми, кровопролитными были бои за города Тыхи,

Ратибор, Рыбник (Польша), Опава (Чехословакия). На всю жизнь запомнился день 16 апреля 1945 года, когда мне пришлось трижды выскакивать из горящих самоходок.

После войны полк из Чехословакии, из города Нимбург перебазировали в Румынию, в Южную группу войск, которой командовал маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин. Я намеревался демобилизоваться, но меня не отпустили. На моем рапорте была наложена резолюция: «Оставить в кадрах. Послать учиться».

Награды:

1. За умелые боевые действия во время Висло-Одерской операции награжден орденом Красной Звезды (№117087 от 6.02.1945 приказом командующего бронетанковыми силами 60-й армии генерала Романова. Он же и вручил награду).

2. За Пражскую операцию награжден орденом Отечественной войны II ст. (№ 441797 от 14.05.1945 г. тоже приказом командующего бронетанковыми силами 60-й армии генерала Романова. А награду вручил командир части полковник В. Пряхин).

3. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985 награжден орденом Отечественной войны I ст. (№ 540501. Вручил орден член правления Центросоюза СССР товарищ И. Дахов).

4. Указом Президиума Верховного Совета СССР в апреле 1975 года награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст. (№11868).

5. Награжден также медалями «За боевые заслуги», медалью Г.К. Жукова и многими другими советскими и иностранными медалями.

6. Награжден знаками «Почетный Ветеран», «Почетный гражданин района Хорошево-Мневники города Москвы». Являюсь Почетным гражданином деревни Штепанковице (Чехословакия), кавалером ордена «Золотой Крест Заслуги» (Польша).

К счастью, никто из моих родных не погиб на войне, но ее ужасы они испытали не раз. Особенно тяжелая судьба выпала на долю старшего брата Александра. Весной 1942 года он вместе с тысячами других наших воинов попал под городом Харьковом в окружение, а затем и в плен. Воевал он в

саперной части. Его в тяжелом состоянии (простыл, работая в ледяной воде) увезли в Германию, где он долгое время работал на угольной шахте. Во время одной из бомбежек попытался бежать, но полицейские с собаками догнали, крепко избили, и после этого он оказался в распоряжении мелкого бюргера, ухаживал за его многочисленной скотиной. Это было в Западной Германии. Освободили брата из плена американские войска. Ему предлагали поехать в США, но брат отказался и вернулся в родные Кулеши Орловской области. Несмотря на сильно подорванное в плену здоровье, добросовестно трудился в колхозе. Умер в 1996 году.

Много пережил и отец, Владимир Никитович. Он защищал Москву осенью 1941 года, находясь в авиаполку, которым командовал Герой Советского Союза С. Супрун. В нем действовали главным образом летчики испытатели из НИИ ВВС КА. Однако воевать им пришлось недолго. По распоряжению товарища Сталина полк расформировали, все вернулись снова к работе в Научно-испытательном институте ВВС. В октябре 1941 года институт и вместе с ним мои родители эвакуировались в Свердловскую область. А примерно через год отца перевели служить в город Чебаркуль Челябинской области на артиллерийский полигон. За безупречную службу он награжден несколькими орденами и медалями. Умер в 1968 году.

Мать, Ксения Федоровна, до выхода на пенсию, работала поваром в НИИ ВВС КА, где служил отец. Умерла в 1989 году.

Участвовал в войне и младший брат Алексей. Он был летчик, обслуживал партизанские отряды, не раз сажал свою машину в тылу врага, неоднократно награжден. Весной 1950 года на грузовом планере ЦКБ-3 летал на Северный полюс, выполняя особое задание. Был представлен к званию Герой Советского Союза, но «по ряду обстоятельств» получил орден Красного Знамени. Умер в 2000 году.

Все ближайшие родственники давно умерли, осталась лишь сестра жены Нина Владимировна Полякова, доктор исторических наук, профессор, пенсионерка, имеет ряд научных трудов, продолжает работать.

С женой, Лидией Владимировной, (девичья фамилия Полякова), познакомился еще в пионерском лагере, будучи

пионервожатым, в 1939 году. Всю войну переписывались, а в 1947 году поженились и 24 июля 2007 года отметили нашу «Бриллиантовую» свадьбу, а 3 августа 2007 года – мое 85-летие. Жена окончила Московский инженерно-строительный институт; участвовала в строительстве МГУ им. Ломоносова в Москве, гостиницы «Россия». В МГУ стал потом работать наш старший сын Александр Иванович, а затем МГУ окончил внук Антон Александрович. Старший сын Александр – наша гордость. Он автор более ста научных трудов. Он написал о Соловках, московских музеях и подмосковных усадьбах, коллекционерах старой Москвы, памятных местах Золотого Кольца. Работает заведующим кафедрой в РОСНОУ.

Младший сын Сергей окончил Львовское военно-политическое училище. Несколько лет работал в военной печати, после распада СССР уволился из армии и теперь трудится в Государственном унитарном предприятии «Главный центр специальной связи».

Имеем четырех внучат: Антона, Александра, Григория и Владимира. Они учатся в вузах, работают по месту жительства родителей. Есть правнук, ему в декабре 2007 года исполнится 3 годика.

За время работы в военной печати с 1954 по 1981 год в должности корреспондента-организатора, начальника отдела армейской газеты, старшего литсотрудника, главного редактора - начальника радиостанции «Волга» (группа Советских войск в Германии - ГСВГ), редактора отдела журнала «Знаменосец» (Министерство Обороны СССР) опубликовал много различных корреспонденций, очерков, статей, перечислить которые нет никакой возможности, да и многие из них за давностью лет забылись. Могу лишь сказать, что это были материалы с полевых занятий, стрельбищ, из учебных классов, с учений, материалы об опыте лучших воинов, критические корреспонденции, рассказы о героических делах фронтовиков. Готовил публикации и статьи о таких военачальниках, как И.С. Конев, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко, А.А. Гречко, В.Г. Куликов, В.И. Варенников и других.

Спасибо, друг!

Вспоминается такой эпизод. Польша. Знаменитый Сандомирский плацдарм. Хмурое, серое утро 12 января 1945 года. Земля содрогается от мощных разрывов снарядов, мин. Кругом рокочут моторы танков и самоходок, лязгают гусеницы. В небо взлетают огненные стрелы «Катюш». Остро пахнет пороховой гарью… С заметным волнением и любопытством наблюдает за всем, что происходит вокруг, наш юный командир экипажа гвардии лейтенант Юрий Грабилов. Ему предстоит боевое крещение. Он с нетерпением ждет момента, когда начнется наступление. Наводчик гвардии старшина Анатолий Донченко, похоже, совсем не волнуется, даже пытается шутить. Это и неудивительно: он не раз бывал в боях, награжден медалью «За отвагу». Заряжающие, бывалые воины, гвардии рядовые Павел Сашенков и Петр Бузулуцкий напряженно смотрят в сторону вражеских позиций, над которыми около часа гремит артиллерийская канонада. Хотя я уже бывал в боях, но все равно волнуюсь, но стараюсь, как все члены экипажа, быть спокойным. Но вот стихает канонада и Грабиков громко командует: «По местам! Заводи! Вперед!»

Нажал на кнопку стартера, педаль подачи топлива, включил передачу и увеличил оборот двигателя. И словно сотня резвых скакунов рванула и понесла вперед по объятым пороховым дымом холмам нашу стальную многотонную крепость. Внимательно наблюдаю через узенькую смотровую щель за полем боя. Стараюсь заметить на пути ровную площадку для короткой остановки самоходки, для открытия огня. Команда наводчика не застает меня врасплох, дает сигнал, и останавливаю машину. Звучит оглушительный выстрел. Самоходка наполняется пороховым дымом. Хоть и работают вентиляторы, но дышать трудно. Включаю передачу, увеличиваю обороты могучего дизельного мотора, и наша самоходка снова мчится вперед. Потом – короткая остановка. Опять громкий выстрел. И вперед!

За день боев уничтожили немало техники и живой силы противника, продвинулись вглубь его крепкой обороны. Ночью в лесу сделали короткий привал. Экипаж получил задачу двигаться за пехотой по шоссе к городу Новы Корчин. Примерно через час пути заметили впереди фашистские

автомашины и танки. Грабилов приказал открыть по ним огонь.

Наводчик и заряжающие действовали четко, слаженно, уверенно. Прогремел выстрел, затем другой, третий… Миновали небольшой мост, повернули налево, в сторону показавшихся впереди домиков. Я уже хотел остановить самоходку для очередного выстрела, как на нее внезапно обрушился сильнейший удар. По броне, словно электрический заряд проскочил. В машине раздался сильный взрыв. Задымили аккумуляторы, которые находились рядом со мной в отделении управления. Сильно меня ударило о броню, и я потерял сознание. Очнулся от того, что кто-то тряс за плечо. Это был Анатолий Донченко. Он почти в самое ухо кричал: «Горим! Скорее вылезай!»

Я уже и сам заметил огонь в боевом отделении. Машинально нажал на кнопку стартера, на подачу топлива – двигатель не заводился, свет в машине не горел. Пахло серной кислотой, порохом, горелым машинным маслом. Попытался встать и тут же почувствовал острую боль в левом плече. С большим трудом, с помощью наводчика выбрался из самоходки и прыгнул на землю. Мы поползли по неглубокому кювету. Продвинулись метров двадцать, и сзади нас ухнул взрыв. Это взорвались боеприпасы в нашей самоходке…

Под свист пуль и разрывы мин добрались до моста. Здесь увидели окровавленного Юру Грабилова. Он был тяжело ранен, едва держался на ногах. Оказывается Сашенков, Бузулуцкий и Донченко кое-как вытащили его из машины и дотащили до моста. И тут Донченко спохватился: «Где же механик-водитель?» Он бросился обратно в машину, где и нашел меня, помог выбраться из горящей самоходки…

Гитлеровцы заметили, что мы скрылись под мостом, и открыли по нему огонь. Фашисты подходили все ближе и ближе. Мы отстреливались из автоматов и пистолетов, и кто знает, чем бы все закончилось, не приди нам на помощь воины из пластунской дивизии, раненых отправили в медсанбат.

«Спасибо, друг, за выручку!» – взволнованно произнес Грабилов, обращаясь к Анатолию Донченко.

Эти же слова сказал ему и я. Ведь если бы он не влез в горящую самоходку, не помог мне выбраться из нее, то… не пришлось бы мне писать эти воспоминания. Да, такое не

забывается! Это на всю жизнь! Хочу добавить, что после войны мы нашли друг друга, стали регулярно встречаться. За свои трудовые успехи, будучи бригадиром шлифовальщиков на Киевском заводе «Арсенал», Донченко удостоился звания Героя социалистического труда.

Отважная санитарка

Взаимная помощь, выручка в бою были нерушимым правилом наших воинов в бою. Далеко гремела боевая слава о санинструкторе, гвардии старшине Лене Киселевой. На ее счету было немало подвигов.

Был такой случай. В боях под городом Сендзешув (Польша) самоходку, на которой находился командир первой батареи гвардии капитан Михаил Лубнов, подбили. Она загорелось. Казалось, гибель экипажа неминуема. Но вдруг, не обращая внимания на свист снарядов, к горящей самоходке устремилась Лена Киселева. Вскоре она исчезла в машине, бросилась на помощь раненому Лубнову, но он приказал ей оказать сначала помощь заряжающим, которые тоже пострадали, а механик-водитель был контужен…. Лена помогла выбраться из горящей машины всем членам экипажа.

За этот подвиг она была награждена орденом Красной Звезды.

Один против десяти

А разве можно забыть о боевых делах одного из самых молодых, но несмотря на это, одного из самых отважных командиров нашего полка гвардии старшего лейтенанта Сергея Стычинского. Особенно отличился молодой офицер во время наступления армии на город Львов. Оно началось 14 июля 1944 года. И случилось так, что на второй день наступления наша пехота встретила у города Колтова упорное сопротивление противника. И ее попытки овладеть высотой 416,0 не увенчались успехом. Она несла потери, но вперед продвинуться не могла. Путь к высоте преградили фашистские танки «тигры» и «пантеры», самоходки. Их насчитали десять… И вот в этот критический момент как раз и подоспела самоходка, командиром которой был Стычинский. Ему и была

поставлена нелегкая боевая задача: уничтожить вражеские танки, не дававшие нашей пехоте продвинуться вперед. Одна наша самоходка против 10 фашистских «тигров» и «пантер»! Задача, прямо скажем, необыкновенно тяжелая. Но не для командира «Зверобоя», не для Стычинского. Проведя разведку противника и местности, он смело вступил в неравный поединок.

По команде Стычинского механик-водитель гвардии техник-лейтенант Василий Попович, славившийся в полку мастером вождения боевых машин, скрытно вывел самоходку на правый фланг наступающих. Заряжающие гвардии рядовые Николай Талолайкин и Михаил Бикбулатов зарядили орудие бронебойным снарядом.

«Короткая!» – дал сигнал механику-водителю наводчик гвардии сержант Николай Калинин. Попович сделал остановку. Тут же грянул выстрел. Меткий! И еще выстрел. И снова – точно в цель. И вот самоходка Стычинского уже в центре наступающих. Экипаж, действуя как кочующая огневая точка, подбил еще один фашистский танк. На четвертом наводчик промахнулся. Тогда сам Стычинский, мастер точного огня, заменяет его. Действуя хладнокровно, быстро и точно, отважный офицер произвел выстрел: задымился еще один «тигр»… Самоходка Стычинского незаметно появлялась там, где враг ее меньше всего ждал. Экипаж вел огонь по-снайперски. Это позволило ему выиграть неравный поединок с гитлеровскими танкистами: 7 «тигров» и «пантер» подбили умелые самоходчики. Недаром фронтовики окрестили наши грозные ИСУ-152 «Зверобоями».

Вдохновленные героизмом, высоким боевым мастерством экипажа Стычинского пехотинцы овладели высотой 412,0. За свой подвиг члены экипажа получили высокие награды. Сергей Стычинский достойно представлял полк на знаменитом Параде Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года.

Как проводили время между боями?

Прежде всего отдыхали, отсыпались, писали письма родным знакомым, слушали радио, особенно концерты по заявкам фронтовиков. Непременно проводили помывку в бане,

дезинфицировали обмундирование, белье. Если позволяла обстановка, проводили занятия по изучению техники противника. Так, осенью 1944 года на Сандомирском плацдарме (Польша) изучали уязвимые места нового мощного тяжелого немецкого танка «Королевский тигр». Проводилась обкатка пехоты самоходками, чтобы они меньше боялись вражеских танков. Механики-водители сдавали экзамены на повышение классности.

К нам приезжали фронтовые группы артистов, передвижные киноустановки, работники «Военторга», фронтовые корреспонденты, делегации рабочих с Урала, из Подмосковья.

Должен прямо сказать, что во время перерывов между боями однополчане очень любили петь. Песня была нашей отрадой, песня сплачивала нас, поднимала боевой дух, звала на подвиги, помогала преодолевать тяготы и лишения фронтовой жизни. С песней мы не расставались никогда! Да, песня была нашим верным другом и нашим надежным помощником.

Рассказывали о таком случае. Однажды на передовую прибыл маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Остановился он у окопа и спросил находившегося в нем воина:

«Не страшно одному в окопе, особенно ночью?»

«Так я не один… нас трое…» - ответил солдат.

«Вижу только одного», - сказал маршал.

«Я и мой автомат – это двое!» - произнес боец.

«А кто же третий?» - удивился маршал.

«А третий – песня! Она всегда со мной. Песня тоже оружие!» - ответил он

«Молодец, солдат!» – сказал маршал и объявил благодарность.

Так и воевали, не расставаясь с песней. Если бы песням давали награды, присваивали звания, то в первую очередь, на мой взгляд, самое высокое звание, самую высокую награду следовало дать песне «Священная война», которую создали В.И. Лебедев-Кумач и Б.А. Александров. Она сыграла огромную роль в мобилизации нашего народа и армии на отпор ненавистному врагу. В память о первом ее исполнении на Белорусском вокзале в Москве установлена памятная доска.

Какие песни пели однополчане? Прежде всего, такие как: «Варяг», «Из-за островка на стрежень», «Вечерний звон», «Славное море – священный Байкал», «По Дону гуляет казак молодой», «Всю-то я вселенную проехал», «Меж крутых бережков», «Дубинушка». А из фронтовых любили петь «В землянке», «Катюшу», «Три танкиста», «Темную ночь», «Дороги», «Соловьи», «Смуглянку» и другие. Мне лично очень нравилась песня «Моя любимая» на слова Е. Долматовского, музыка М. Блантера. Она словно бы специально была написана для меня. В душе моей все время звучали слова:

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя.
Так, значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая.

Я не расставался с фотокарточкой чудесной девушки Лиды всю войну. И не зря! После войны Лида стала моей женой и, как я уже припоминал, 24 июля 2007 года мы отпраздновали «Бриллиантовую» свадьбу. Прошло уже более 65 лет как окончилась война, а у меня в сердце все звучат прекрасные слова фронтовых песен в изумительном исполнении однополчан, наших знаменитых «соловьев»: Толи Лазарева, Васи Поповича, Коли Проскурина, Николая Коротких, Вали Мушановой, Лены Киселевой. Ах, как они пели, как задушевно, тепло, искренне звучали их молодые, сильные, красивые голоса! Нет, недаром родились в те грозные годы такие слова:

Кто сказал, что надо бросить
Песню на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне!

Чтоб не грустил солдат

Были, конечно, и курьезные случаи. Так, когда вернулись со Смоленщины в Наро-Фоминск, то стали часто устраивать прослушивание по радио концертов по заявкам. И тут наш гвардии сержант Н. Калинин обратил внимание на то, что

гвардии рядовому В. Гуляеву почему-то долго нет писем. Все получают, а ему все нет и нет. Загрустил солдат. И тогда решили ему помочь. Написали на радио письмо, в котором рассказали, как воюет Гуляев, что давно Володе никто не пишет, он не знает, что с его родителями, любимой девушкой. И что вы думаете? Через несколько дней Володе посыпались письма, да столько, что он не успевал не только на них отвечать, но даже читать. И он взмолился: «Ребята, помогите! Берите, читайте, я не в силах со всеми письмами справиться…»

И ребята помогали. А сам Володя, получив письма от родных, любимой, повеселел.

Фронтовая дезинфекция

Курьезный случай произошел во время Корсунь-Шевченковской операции. Экипаж находился в деревне Буки, Черкасской области. Мы решили использовать небольшую передышку между боями, чтобы избавиться от донимавших нас насекомых. Нашли бочку, поставили на кирпичи, налили в нее воды, на железных прутьях опустили в бочку брюки, гимнастерки, белье, остались буквально - в чем мать родила. А у бочки развели костер, оставили около рядового Колю Охапкина, чтобы он следил за «процессом дезинфекции». Он сидел у бочки, подкидывал в костер дрова, подливал иногда топлива, курил, пригрелся и… заснул. А проснулся, заглянул в бочку и… обмер - на прутьях остались только вешалки, а все наше обмундирование и белье сгорело! Мы оказались в ужасном положении! Пришлось Охапкину ходить по домам, выпрашивать для «погорельцев» рубашки, штаны. Мы ходили, как «партизаны», пока нам не привезли обмундирование, белье.

Покажите, где у вас рога?

А вот какой курьезный случай произошел с нами 19 января 1945 года, когда освободили город Краков. Остановились рядом с мрачным, темным Краковским кремлем. Нам требовалось выяснить дорогу к аэродрому. Около нас собралась толпа поляков. Но близко к нам

подходить они боялись. В чем дело? Оказывается геббельсовская пропаганда запугала их тем, что мы, советские воины, совсем не люди якобы, а черти с рогами, что наши танки вовсе не стальные, а деревянные... И вот, что вы думаете, некоторые поверили, попросили снять шапки, говоря: «Покажите, где у вас рога». Мы выполнили их просьбу. Они убедились, что мы такие же, как они - люди. Особенно они удивились и даже заулыбались, когда шапку снял гвардии старшина Коля Коротких: у него голова была блестящая, как головка сыра, на ней ни одного волоска, не говоря уже о рогах. А насчет того, что наши танки не из дерева, они убедились так. Наш солдат Володя Гуляев взял кувалду, подошел к самому здоровенному поляку и сказал: «Бей по любому месту: броне, гусеницам».

Поляк смутился, но взял и, размахнувшись, сильно ударил по боковой броне. Кувалда со звоном отлетела, чуть не ударив его в лицо.

«Бей еще раз!» – весело закричали собравшиеся вокруг.

Но результат был прежний. Никаких даже малейших вмятин на броне не осталось.

«О, то добрая броня!» – восклицали поляки.

«Вот до чего доврался Геббельс. Его бы сюда. Пусть бы попробовал крепость советской брони», - кричали в толпе.

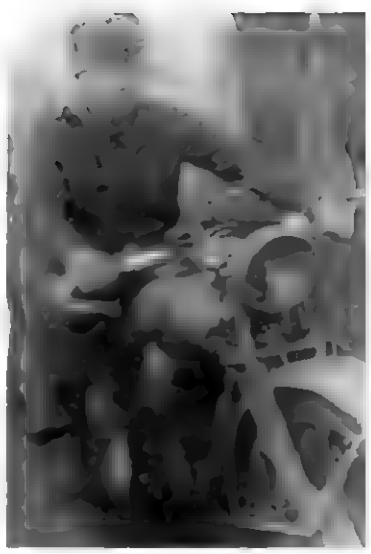
Нам долго стоять у кремля было нельзя, мы торопились к аэродрому.

«Кто покажет нам дорогу на аэродром?» - спросили мы.

Взялся помочь тот самый здоровяк, проверявший броню наших танков. Он охотно забрался на машину, и мы тронулись снова в путь. Поляки с восхищением смотрели нам вслед.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Паскевская Виктория Николаевна,*** *студентка 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета*)



Харизов Александр Николаевич

Соединить порванный провод

Родился 3 сентября 1922 года в Москве. Русский. Атеист. В прошлом член КПСС.

На момент начала войны учился в Московском авиационном техникуме на 4-м курсе.

18 октября 1941 года пешком из Москвы по Садовому кольцу и шоссе Энтузиастов я шел до самого города Владимира, где я и мои сослуживцы сели на поезд и добрались до города Йошкар-Олы (ноябрь-декабрь) - пункт формирования 146-й стрелковой дивизии. Дата формирования соединения – декабрь 1941 года. Здесь, после принятия присяги, мне выдали оружие. И в декабре 1941 года меня отправили на фронт в город Венев. Начинал рядовым солдатом в составе 146-й стрелковой дивизии стрелком под командованием командира отделения в звании сержанта.

Боевой путь проходил через город Венев (Тульская область, конец 1941 года), город Юхнов (Калужская область, апрель 1942 года), город Невель (Псковская область, 1942 года), город Витебск (конец 1943 - начало 1944 года), Литва (1944 год), город Тарту (Эстония, 1944 год), город Рига (Латвия, 1944 год), Зееловские высоты (перед Берлином).

В 1945 году я освобождал Варшаву в составе артиллерийского полка под командованием полковника

Петрова, а также город Остров (1944-1945 год) в составе дивизии, которой было присвоено звание «Островской» и «Тартуской».

Военные боевые действия закончил 2 мая 1945 года в Берлине в составе дивизии в звании сержанта, будучи радистом, под командованием полковника Петрова.

В 1944 году получил ранение в ногу, палец и голову. Ранение было легким, поэтому из войскового соединения не убывал. Помощь мне оказывал фельдшер, а период восстановления занял непродолжительное время.

После захвата Берлина, дислоцировался в городах Бранденбург (Германия, начало 1945 года) и Стендаль (Германия, конец 1945 года), где мою дивизию расформировали и меня отправили в противотанковую дивизию, а в 1946 году демобилизовали по возрасту и отправили в Москву.

В том же 1946 году я прибыл в Москву. Через месяц устроился на авиационный завод № 30 слесарем. Далее восстановился в техникуме, где окончил четвертый курс.

Имею награды:

- медаль за отвагу (№ 1610246, секретарем Президиума Верховного Совета СССР А. Горкидским выдана 17 августа 1946 года в городе Москва);
- орден Отечественной войны 1-й степени (№ 4865464, секретарь Президиума Верховного Совета СССР, 11 марта 1989 года);
- медаль «За освобождение Варшавы» (А № 281254, вручил 6 мая 1946 года в городе Москва командир 1972 ИПТА о «АН» П);
- медаль «За взятие Берлина» (А № 041938, вручил 30 сентября 1945 года в городе Стендаль (Германия), командир 1972 ИАПТБ комбат Дорошин);
- медаль «За Победу над Германией» (Щ № 101520, вручил 6 мая 1972 года в городе Москва командир 1972 ИПТА ор. «АН» П);

Имею также награды:

- медаль изобретателя;
- орден «Знак Почета»;
- медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне»;

- медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне»;
- медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне»;
- медаль «Ветерана труда»;
- медаль Жукова.

Из родственников жив был только мой брат. Он сражался с бандеровцами на Западной Украине, рядовым служил в КГБ.

Заблудившийся немец

Когда мы вошли в город Пустошка Псковской области, жители не могли предположить, кто вошел в город: немцы или русские. Но когда они услышали нецензурные слова, то смело выбежали на улицу, потому что поняли, что это пришли русские. И вот мы, расположившись недалеко в пригороде города Пустошка, отдыхали и вдруг на горизонте увидели, что мчатся немцы. Сначала мы подумали, что это немецкий десант, изготовились, и я первый закричал: «Ребята, немцы». Мы насторожились, была какая-то нерешительность, потому что мы не были готовы и не ожидали, что нас будут атаковать. Изготовившись, мы заняли позицию по обе стороны дороги и увидели, что один мотоцикл с шофером и комендантом мчится к нам. Когда они подъехали достаточно близко и увидели нас, то настолько перепугались и так круто развернулись, что мотоцикл опрокинулся. И вот тут мы рванули к ним и начали их раздевать. Кто-то взял часы, потому что на тот период для русских это была роскошь, кто-то кожаную куртку, сапоги, а они у немца были добротные. Русским солдатам обувь в то время поставляли американцы. На первый взгляд она была хорошей, но стоило наступить в лужу, она сразу же раскисала, и какие-то шлепанцы получались. Я же у немца снял кинжал. Мне потом завидовали, потому что командование запретило носить немецкую одежду.

Немец или русский?

В районе Калужского шоссе, поселок Зайцева гора, на поле состоялся танковый бой между русскими и немцами. Я увидел подбитый танк, на котором лежали мертвые немцы.

Видимо, когда они вылезали, их прошили из автомата. Я подполз к танку и увидел, что у немца из штанов торчали документы, и решил их на всякий случай взять. Когда я их вытащил, это оказались фотокарточки, на которых были изображены немецкие солдаты. Положив их в карман, я отправился к друзьям их показать. В этот момент была сильная бомбежка, и я с трудом выбрался с этого поля. Пройдя значительное расстояние, я нарвался на отряд заграждения, у которых был приказ Сталина №227 - «Ни шагу назад». Они не знали откуда я, кто я и спросили у меня документы. Но, кроме немецкой фотокарточки, я ничего не мог предъявить, потому что документы мои остались в мешке, который находился в подразделении, из которого я вышел. Когда солдаты заградительного отряда начали сравнивать меня с солдатами на фотокарточках, то увидели, что сходства нет и каким-то образом смогли связаться с тем подразделением, откуда я был, и убедились, что я был своим. Они дали мне сухарь и отпустили.

Голод

В условиях ожесточенных боев у солдат всегда не хватало пищи. И когда мы замечали, что убита лошадь, мы тут же брали ножи, вылезали из своих окопов и отрезали куски мяса от лошади, чтобы хотя бы с голоду не умереть. А немцы в ту минуту нас бомбили. И пока немец не сбросил бомбу, у кого нервы покрепче, тот больше отрезал, а у кого нервы уже не выдерживали, тот сразу же убегал. А когда бомбежка заканчивалась, мы начинали варить лошадиное мясо на костре.

Случай в разведке

Уже измученные от постоянного натиска немцев, мы отошли на новую линию обороны к деревне Чертень, где и находились целое лето, держа оборону. Один раз нас послали в разведку боем. Мы вышли на нейтральную территорию и, подходя к немецким траншеям, обнаружили, что в овраге находятся люди. В основном это были люди из азиатских республик: узбеки, таджики, а также украинцы. Они залегли в овраге и не хотели двигаться с места. Командир батальона

приказал мне побыстрее поднять их. Я пополз, но услышал приказ: «Бегом»! Я встал, и тут пуля как свистнет, я тут же падаю, а командир опять: «Бегом»! Я встаю и опять падаю, и так я как заяц добежал до этого оврага. Смотрю, лежат они как будто убитые. Я закричал: «Командир приказал подъем и вперед!» А они ни в какую. Я их то в голову ударю, то в бок, а они не шевелятся. Я не смог ничего сделать. И тут я увидел своего командира, который бежал через поле и вдруг резко упал, и начал кричать. Я подполз к нему и увидел, что ногу ему разорвало пулей. Я перебинтовал командира и, когда к нам подполз старый солдат, я приказал ему оттащить командира в овраг, а сам вернулся на позицию.

Щавель-спасатель

Я находился на своей позиции, в то время как по нам велся непрерывный шквальный огонь. Мне было любопытно, откуда же они стреляют. Я приподнял голову, чтобы посмотреть, а передо мной рос конский щавель. И вдруг в него попадает разрывная пуля, и к моей большой радости, мне только осколки опалили лицо. Вот так щавель спас мою жизнь.

Туалетный случай

Этот случай произошел под Берлином. Один из наших солдат пошел в туалет. Зашел под мост и, только присев, видит, что напротив него сидит немец и делает то же самое. Они оба вскочили и побежали в разные стороны. Немец отбежал немного и, испугавшись, сразу поднял руки, а наш парень бежит и кричит: «Немцы, немцы». Мы тут же побежали в их сторону. А немец, как стоял, так и стоит, подняв руки вверх. После того, как мы его окружили, он вынул из штанов губную гармошку и начал играть. Нам стало его жалко, и мы решили взять этого немца в свое расположение. Он постоянно говорил нам, что он санитар и никого не убивал.

А это говорят все немцы после того как попадают в плен. А он все время играл на гармошке и пел песни. Когда наступила ночь, он лег с нами спать под охраной часового. На утро нам пришлось устремиться вперед, так как мы прорвали немецкую оборону. А куда немца девать? Вот и решили мы

взять его с собой. Посадили мы его на лафет пушки и поехали. Вдруг мы увидели беженцев, идущих из Берлина. Кто-то из ребят увидел девушку, которая несла тяжелые сумки. Мы останавливаемся, подводим к этой девушке немца и говорим: «Не нужна ли Вам помощь?» Она соглашается, и тогда мы отдаем ей немца. Она нагружает его сумками и котелками. Так же мы ее предупредили, что если она увидит, что ведут плененных немцев, ей обязательно нужно сдать его. После этого мы разошлись.

Ох, как повезло

В это время, я уже был радистом. Радист - это должность была очень ответственная, поэтому я очень дорожил и оберегал радиостанцию, которую нес на своих плечах. Вот иду я по лесу, перехожу через речушку по доске и, не удержавшись на ногах, падаю вниз. Каким-то невероятным чудом удалось снять тринадцатикилограммовую станцию и успеть поднять ее над головой, когда оказался в воде до плеч. Я вышел из этой речки и был счастлив, что спас свою радиостанцию.

Немецкий снайпер

Этот случай произошел у меня в подразделении. В момент разведки боем, когда на линии сидел телефонист, оборвалась связь. И мне приказывают пойти и соединить порванный провод. До места разрыва я дополз нормально. Искал, искал и нашел один и второй конец этого провода, как раз около убитого солдата. Я взял два конца и связал их, а когда решил отправиться обратно, неожиданно свистнула пуля и попала прямо в землю передо мной, и я быстро спрятался за убитым солдатом. Потом я снова приподнял голову, и опять свистнула пуля. Дождавшись ночи, я все-таки ушел оттуда и вернулся в расположение, и доложил о восстановленной линии связи. Все были очень удивлены, что я остался в живых.

Трагические случаи

1. Помнил я одного солдата, который саданул автоматом по двери, а у автоматов затвор был тяжелый, и от удара он взвелся и произвел выстрел, которым этого солдата и убило.

2. Ехали мы в машине и сидели на ящиках со снарядами. Когда мы спрыгнули, один из солдат положил свой автомат на ящики, а у автомата спусковой крючок находился сбоку, и он этим крючком зацепился за ящик, когда дернул автомат, сам себя убил.

Любопытный солдат

Я сидел и чистил винтовку, а перед тем, как почистить, из нее нужно сделать выстрел. И тогда я упер винтовку прикладом в землю, потому что она очень сильно била в плечо, зарядил и, нажав на курок, услышал, что кто-то позади меня охнул. Это был солдат, который хотел посмотреть, что я делаю. Хорошо, что он нагнулся перед стволом, а не над ним. После этого случая, я долго ругал его, потому что убить своего же солдата это очень неприятно.

Глухонемая немка

В Берлине мои товарищи в подвале поймали немку, а у нее был слуховой аппарат. Для русского слуховой аппарат был, чем-то фантастическим. Мы не поняли, что это глухонемой человек, да еще с каким-то аппаратом. Мои товарищи решили, что это была шпионка, а она показывала, что она глухонемая, она не понимает. Я начал им объяснять: «Какая это шпионка, глухая баба, что вы к ней пристали. Она даже не понимает, что вы от нее хотите, тем более говорите на русском языке, а не на немецком». И я ее тем самым спас.

Мощное наступление

Этот случай произошел под Берлином. Мы сидели в окопе. И вдруг видим, как идут женщины и тащат за собой прожектора. В итоге, прожекторов набралось более сотни штук. Их поставили в ряд впереди наших окопов и в строго определенное время их включили, и осветили немецкие траншеи. Немцы даже не поняли, что за огненная лавина обрушилась на них. Далее была дана команда: «Огонь!». И

засвистели Катюши, а их было огромное количество, танки пошли, самолеты на низкой высоте, и мы побежали. Мы устроили такую лавину огня и света, что немецкие позиции были просто смяты и разнесены. Из земли торчали только руки и ноги. И кое-где из домов, укрытий выходили обезумевшие немцы с поднятыми руками, но на них внимание никто не обращал, никому они не были нужны.

Комичный случай

Этот случай произошел в Германии. Мы шли маршем и вдруг увидели немцев. Мы остановились. Командир нашего дивизиона приказал, чтобы мы закреплялись, и все заняли позиции. Я, как радист, не решился лезть наверх устанавливать антенну, потому что могли убить. Тогда я привязал к антенне камень и кинул его на дерево. А потом сообщил, что мы заняли оборону, так как обнаружили немцев. И вдруг, откуда ни возьмись, едет командир дивизии, подъезжает к нашему расположению и говорит, что наступать надо, а не линию обороны занимать. И тогда командир дивизиона собирает нас и приказывает наступать, и мы поползли. Вдруг видим, что впереди нас какой-то наш солдат, то вскачет, то ляжет, то вскачет, то ляжет. Потом оказалось, что это был связист, который собирал немецкий телефонный кабель, так как у нас его было очень мало. А немцы увидели, что кто-то скачет вверх вниз, вверх вниз и подумали, что русские наступают, и дали деру. Мы вдохновились и закричали: «Ура!». Этот солдат сам испугался и растерялся, когда увидел, что мы бежим, и немцы бегут.

Голосистый разведчик

Помнится мне, что у нас был такой разведчик по имени Стародуб, который в самых напряженных, трагических и опасных случаях находил способ поднять настроение. Когда обстрелы нашего укрепления кончались, мы понемногу начинали выбираться из своих укреплений, а он вдруг вылезает и начинает во весь голос петь, и все тут же начинают смеяться. Он создавал атмосферу разряженности. Он всех вдохновлял, и им все были довольны. Я с ним вместе ходил на

курсы радистов, но из него радист не получился, и он стал разведчиком. Ему не понравились курсы радиста, потому что у него ничего не получалось с азбукой Морзе. Для азбуки Морзе надо иметь хороший слух.

Почему за Сталина?

Однажды, неподалеку от Берлина, мы готовились к большому наступлению, и мне политрук для залпа орудий приказал крикнуть: «За Сталина! За Родину! Огонь!». А я боялся в открытую сказать: «Почему за Сталина?» И я не захотел говорить: «За Сталина», и сказал товарищу политруку, что у меня горло болит, и я не смогу красиво крикнуть. И он меня от этого дела освободил. Хотя я всегда выполнял все приказы, но тут просто не смог сказать: «За Сталина!»

Ненормальный солдат

Помнил я одного солдата, у которого была немного неустойчивая психика. Он даже не подчинялся командиру. Вот однажды, мы вместе решили отправиться в город попить пивка, несмотря на то, что это было запрещено. А пивных у немцев было целая куча. Заходим в пивную, наливают нам по кружке пива, за которые мы расплатились толи марками, толи сигаретами, и вдруг в пивную заходит патруль – офицер и три солдата. Они начали спрашивать: «Кто? Откуда?» И мы сказали, что пришли за водкой. А офицер говорит: «Арестовать их». Мой товарищ был с автоматом, а я решил ничего не брать. И когда к нам подошли солдаты, он вскакивает, выхватывает автомат и говорит: «Стоять, а то всех расстреляю». Солдаты с офицером сразу же отошли, а немцы, которые находились в пивнушке, спрятались под столы. А он начал палить вверх для того, чтобы привлечь внимание. И тут прибегает командир нашей части и, увидев нас, забрал с собой, сказав патрулю, что сам накажет нас. Когда мы пришли в часть, нам дали всего три наряда вне очереди, потому что наш командир очень хорошо относился к нам. А моему товарищу что-то не понравилось, он начал огрызаться с командиром, и чуть ли не палить. А я говорю: «Ну скажи, что виноват, а то командир нас так выручил, а ты…». Но он ни в какую. Он вел

себя очень непристойно. Для меня же все это закончилось благополучно, я даже наряды не выполнил. Все это постепенно забылось.

Так же я помню, как этот солдат бегал по полю, где лежали мертвые немцы, и искал что-то ценное. Он настолько был без рассудка, что ел еду грязными, в чей-то крови руками. Это было настолько омерзительно, что вызывало отвращение.

Еще помню, как в городе Пустошка немцы взорвали мост через реку, но по нему еще можно было пройти. И вот он побежал. И ему удалось перейти через этот мост и догнать этих немцев и вместо того, чтобы начать стрелять в них из автомата, он стал бить их прикладом на глазах у всех нас. Вот такой был неадекватный солдат в нашей части.

Трагичный случай с моим другом

Этот случай произошел в Польше. У нас было два подразделения. Эти два подразделения находились в разных населенных пунктах. Между ними была телефонная связь, и вдруг она оборвалась. Мне, моему другу-радисту и еще нескольким солдатам приказали отправиться найти обрыв. После приказа все отправились его выполнить. Пройдя три километра, мы нашли обрыв телефонного кабеля. Один из солдат держал кабель, а другой пошел искать второй конец. Только он начал приближаться ко второму концу провода, как из куста, который находился рядом, показался пулемет и дал очередь по нам. Все мы тут же упали и поползли ползком врассыпную. Мы не ожидали такого поворота события. Мы прибыли в подразделение и сообщили, что произошло. Из всех солдат не пришли только двое, один из которых был мой друг-радист. После этого нам приказали отправиться туда и выручить своих товарищей. Когда мы вернулись, ни тел, ни пулемета не было. Только гильзы лежали. Оказалось, что в нас стреляли немцы, которые испугались, что мы идем их захватывать. У нас даже было предположение, что их немцы захватили в плен, чтоб добыть информацию. И после того случая я больше не видел своего друга.

Досуг

Во время отдыха мы только песни пели. В основном это были только украинские шуточные песни. И мы с украинцами по вечерам перед костром горланили эти смешные песни. Они очень хорошо подбадривали нас в условиях ожесточенной борьбы.

Ноябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Лебедев Андрей Артурович,*** *студент 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Ходош Владимир Александрович

Финны заранее подготовились к отходу

Я родился 30 декабря 1925 года в Москве, в семье старых большевиков. Отец Ходош Александр Александрович, 1896 года рождения, до революции рабочий-столяр, вступил в партию в марте 1917 года, и был одним из основателей Советской власти в Белоруссии, первым Председателем Центрального Совета профсоюзов Белоруссии, членом Центрального Бюро КПБ. В 1924 году был переведен в Москву на работу в ВЦСПС, был членом ЦИК СССР, длительное время, работая в Наркомате финансов СССР, был начальником Управления кадров и членом коллегии Наркомата. Моя мать, Розовская Полина Леопольдовна, была из сословия мещан. Ее отец, служащий на ж.д. станции местечка Столбцы в Белоруссии, мог содержать семью с 8 детьми. Мать вступила в партию большевиков в 1919 году, работала с 1921 в женотделе ЦК КП(б)Б, где, видимо, и познакомилась с отцом. Мать окончила гимназию, уже после революции получила высшее образование. В тридцатые годы была директором Московского планового института.

Когда я родился, мама предложила: «Давай запишем его 1926 годом, пойдет на год позже в армию». На что папа ответил: «Зачем? Когда он вырастет, армий не будет совсем!»

Так себе представляли эти революционеры будущее, веря, видимо, в мировую революцию.

В доме со стороны набережной был детский кинотеатр, куда мы, ребята, бегали по 8-10 раз смотреть к/ф «Чапаев» и др. Над кинотеатром была закрытая столовая, вход туда был по пропускам. Помню, несколько раз, когда дома мама не успевала приготовить обед, мне оставляли пропуск, и я обедал там. Не помню, чтобы я платил какие-то деньги, видимо, пропуска было достаточно, чтобы тебя накормили стандартным обедом.

В среде ответственных работников, почему-то было модно учить детей играть на пианино, независимо от имеющихся для этого у ребенка данных. Мучили какое-то время и меня, но я так и не выучил нот, и учительница была вынуждена над нотами ставить номера пальцев. У меня был закадычный друг Витя Росов, который жил в другом подъезде, и учила нас с ним одна и та же учительница. И когда я с балкона видел, как она выходила из его подъезда и направлялась ко мне, я убегал из квартиры и дворами прибегал к нему домой. Он делал тоже самое. Видя наши «успехи», родители вскоре оставили нас с музыкой в покое. Лучше бы в детстве нам дали знание хоть одного иностранного языка.

Я увлекался фотографией и шахматами, вырастил овчарку, а т.к. в школе преподавали французский язык, то и собаку звал Ами. Учился я в школе на Берсеневской набережной, около английского посольства. В школе у нас был математический кружок, который вела учительница по математике. Однажды о нашем кружке написали в газете «Пионерская Правда» статью, и поместили фотографию, где мы стояли около классной доски, вокруг нашей учительницы. В статье были указаны фамилии членов кружка. Скоро нам на адрес школы пошли, в основном, от девочек из деревень, письма в виде тетрадных листков, сложенных в треугольник, с нарисованными цветочками. В письмах предлагалось дружить и переписываться. На лицевой стороне треугольных писем были надписи вроде: жду ответа, как соловей лета.

В 1940 году мы переехали из «Дома Правительства» в дом №15 на ул. Горького. Отец сказал: «Если со мной что-нибудь случится, вас вышвырнут из этого «Дома» неизвестно куда». Он пошел в Управление делами Совмина, отказался от

большой 4 комнатной квартиры в «Доме» и получил взамен 2-х комнатную квартиру на ул. Горького.

Я остался учиться в своей школе и ездил туда на велосипеде. Велосипед оставлял у своего друга Жени Логинова, который жил в «Доме», в том же подъезде, где мы жили раньше. Женя был сыном от первого брака Л.А. Логинова, одного из помощников Сталина. Л.Логинов жил с молодой женой и сыном в этом же «Доме» и регулярно снабжал первую семью продуктами из кремлевского пайка. Я, бывая часто у Жени, имел возможность наблюдать некоторые нравы и уровень человека, одного из сотрудников близкого окружения Сталина.

Летом мы жили в доме отдыха под Москвой. Питались в столовой дома отдыха. На выходные дни в дом отдыха приезжали отец с матерью вместе с другими руководителями среднего звена наркомата.

22 июня 41 года. Все только вышли из столовой после завтрака, и вдруг по радио начали передавать выступление Молотова.

Война!

Взрослые, в том числе, и наши родители, бросаются к машинам и срочно уезжают в Наркомат в Москву. Мы с сестрой пока остаемся на месте, но через несколько дней тоже уезжаем в Москву.

Я до войны окончил 8-й класс, мне уже идет шестнадцатый год. Идет война, и по моему пониманию, все должны что-то делать. Я иду работать учеником электромонтера в здание наркомата сельского хозяйства в Орликовом переулке. Здание интересно тем, что только в нем установлены лифты с непрерывно движущимися кабинами. Такой лифт называется «Патер Ностер» (Отче наш). Я ученик у электромонтера Иван Ивановича, немолодого человека, отлично знающего свое дело. Он меня учит паять провода, устранять мелкие неисправности в электроприборах. Я с удовольствием и гордостью таскаю за ним по этажам складную лестницу, ведь у меня уже есть трудовая книжка с первой записью.

В ночь на 22 июля - первый налет немецкой авиации на Москву. По сигналу воздушной тревоги спускаемся в бомбоубежище в подвале нашего дома. Все мужчины и подростки моего возраста по очереди вращают привод генератора для обеспечения электроэнергией вентиляционных устройств убежища. Воздушные налеты повторяются каждую ночь. В один из налетов бомба падает на площадь перед зданием Моссовета.

В августе часть наркомата сельского хозяйства эвакуируется из Москвы в Омск, мы с мамой уезжаем, папа остается в Москве и приедет в Омск только в ноябре, когда немцы вплотную подойдут к Москве. С Омском у меня связан целый ряд воспоминаний, там я буду призываться в конце 1942 года в Красную Армию, и оттуда уеду в Томск в военное училище.

Омск в то время был сравнительно небольшим городом с деревянными тротуарами, и в основном с одноэтажными деревянными домами, выше 3-х этажей в городе, помнится, домов не было. В 9-м классе учусь в Омске, но в Москве в школе иностранным был французский язык, а тут английский, и мне говорят: «Изучайте французский самостоятельно, а в 10 классе мы найдем, кто у Вас примет выпускной экзамен». В школе появились новые друзья, вечерами собираемся у кого-нибудь во дворе, и ребята поют под гитару «душещипательные» полублатные песни. 9-й класс - это осень 1941 года, зима и весна 1942 года. Все внимание - положению на фронте и мне, конечно, не до французского языка.

В Омске был хороший «Дом Пионеров», и там был шахматный кружок, который вел мастер Сокольский. Я ходил заниматься к нему в кружок, участвовал в турнирах, и вскоре уже имел 2 категорию по шахматам. Шахматы развивают интеллект человека, учат многовариантному подходу к решению задач и развивают логическое мышление.

Со мной в классе учится Володя Савельев. У него мать умерла от голода в Ленинграде, а отец погиб в Сталинграде. Мы дружим и много времени проводим у нас дома, и он становиться не официально, практически вторым сыном у моих родителей. Вскоре военная судьба свяжет меня с ним надолго.

Окончен 9-й класс, пришло лето 1942 года. Мы с Володей катаемся на лодке по р. Иртышу и его притоку р. Оми, ходим вечерами в парк, где есть танцплощадка. Знакомимся там с двумя девушками - Женей и Диной, слушаем музыку и смотрим, как много молодежи хорошо танцует, иногда даже, хоть и плохо, но тоже танцуем. Позднее расходимся по аллеям парка и сидим на лавочках - Володя с Женей, а я с Диной. Володя старше меня почти на год и рассказывает, что они с Женей обнимаются и целуются. Мы с Диной сидим и разговариваем, мне тоже очень хочется обнять и поцеловать, сидящую рядом со мной красивую девушку, но я думаю, что этим я обижу ее, так как это нужно только мне. И так повторяется вечер за вечером. Но однажды утром Володя мне сказал, что Дина сказала Жене: «Если завтра опять будет сидеть, разговаривать и не будет целовать, то я больше не приду».

Для меня это урок на всю жизнь – оказывается, желание сближения мужчины и женщины взаимны. В следующий вечер я впервые обнял и поцеловал девушку.

Наступает начало нового учебного года в школе, но учеба длится одну неделю, а затем вместо занятий мы уезжаем в колхоз на уборку урожая. Заниматься в школе мы, призывники 1925 года рождения, больше не будем. Мы ходим в военкомат, ждем, когда нас призовут, а вечером собираемся у кого-нибудь из ребят на проводы отъезжающих. Водку достать почти невозможно, и помню, один раз пьем разбавленный водой денатурат, который достал один из наших товарищей в аптеке, где у него работает мать. Состояние после такого эксперимента несколько дней противное, но все-таки проводили.

В декабре, призываемся и мы с Володей, ему уже есть 17 лет, а мне будет 17 лет только 30 декабря, но я ухожу вместе «со своим годом рождения». Сформирована команда для отправки в Томск в артиллерийское училище. После Нового года назначен день отправки, и вся команда строем идет от военкомата на ж.д. станцию. А у меня дала себя знать бронхиальная астма, и отец достал подводу и везет меня рядом с идущим строем. На станции выясняется, что товарные вагоны-теплушки для нашей отправки будут только завтра.

Все возвращаемся в военкомат, а на следующий день, таким же порядком, пребываем на станцию и грузимся в вагоны.

Внутри теплушки, в обоих торцах, устроены из досок в два яруса нары, на которых мы и устраиваемся, с нами в вагоне едет сопровождающая нас до Томска медицинская сестра. У каждого из нас с собой рюкзак, небольшой чемодан или мешок с продуктами, взятыми из дома, так называемый, «сидор». До Томска ехать несколько суток, и никто нас по дороге кормить не будет.

Пребываем в Томск в 1-е Томское артиллерийское училище (1ТАУ). В Томске в то время находилось 3 военных училища - наше 1ТАУ на механической тяге, 2ТАУ на конной тяге и ТОТУ (Тульское оружейное техническое училище).

В училище нас размещают на месяц в карантине в помещении, оборудованном нарами из досок вместо кроватей. В карантине мы просто бесплатная рабочая сила. Ночами нас поднимают для разгрузки товарных вагонов с углем на ж.д. станции (по 4 человека на один вагон) или поручают другие работы. Однажды мне пришлось еще с одним человеком рыть в мерзлой земле на кладбище могилу.

Наконец карантин окончен, нас одевают в военную курсантскую форму и переводят в казарму.

Присягу принимаем торжественно в день Красной Армии 23 февраля 1943 года.

К сожалению, сапоги - дефицит, и нам дают ботинки и обмотки. Казарма представляет собой зал, в котором установлены двухъярусные кровати. Кровати установлены таким образом, что 4 спальных места образуют, как бы купе, в середине которого установлены 4 тумбочки. Сзади кроватей стоят табуретки, на которые положено укладывать свою форму, когда ложишься спать. В казарме 100 мест (это 4 взвода или одна батарея), а у входа в казарму находится пост дневального и стойки со стрелковым оружием. На дежурстве в смене всегда 2 дневальных. Дневальные меняются через сутки. В обязанности дневальных входит также уборка казармы с мытьем пола.

Перед тем, как перевести нас в казарму, старшина батареи инструктирует нас об установленном распорядке дня. Подъем зимой в 6 утра, отбой в 11 вечера, летом подъем в 5 утра,

отбой в 10 вечера. После обеда час отдыха, с 8 до 9 личное время. Все остальное время занятия полевые и камерные.

От сигнала «Подъем» до построения в коридоре, дается 3 минуты. За это время, надо успеть одеться и заправить койку. Нам с обмотками особенно трудно. Иногда обмотка выскакивает из рук, и тогда уложиться в 3 минуты уже невозможно. Пока мы вскакиваем и одеваемся, старшина стоит с часами и сообщает - осталась одна минута, осталось 30 секунд. Ровно через 3 минуты раздается команда « батарея выходи строиться», после чего дверь в казарму закрывается, и для тех - кто не уложился в 3 минуты, раздается команда «отбой», по которой надо раздеться, уложить одежду на табуретку, и лечь под одеяло. И тут снова «подъем» и так до тех пор, пока не уложишься в 3 минуты.

Первое дни, многие из нас еще до команды «подъем», старались под одеялом натянуть на себя брюки, но через некоторое время «тренировки» старшины сделали свое дело, и трех минут уже стало хватать.

Утром физзарядка. В основном это пробежки, зимой до -5 градусов в нательных рубашках, до -10 в гимнастерках, а ниже -10 в шинелях. В середине недели лыжи на 5км, в воскресение лыжный кросс на 10 км.

В столовую ходим строем. Там стоят, параллельно друг другу торцом к проходу, длинные столы, каждый человек на 20. Садимся за стол с двух сторон, на каждые 4 человека лежит кусок хлеба, который один из четырех разрезает на 4 части. Тот, кто разрезал хлеб, возьмет свой кусок последним. Суп из черемши, пюре из картошки с кожурой, так как, в целях экономии, разрешалось вырезать из нее только глазки. Первые 1-2 дня мы есть это не могли, а через несколько дней, думали, как бы получить добавку. При той нагрузке, которая была в течение дня на занятиях, сытыми мы конечно не были.

Поэтому мы любили, когда взвод шел в наряд. Наряды были двух видов - на кухню и в караул. После наряда на кухню всегда мучались животами. В наряд в караул, ходили с удовольствием, хотя зимой стояли морозы до 35-40 градусов. Полагалось стоять на посту 2 часа, а затем 2 часа отдыха в караульном помещении. Но мы договаривались между собой, и с начальником караула, что будем стоять на посту по 4 часа, чтобы потом спать 4 часа. Одеты мы были тепло. Кроме

обычного нижнего белья, у нас еще было теплое белье. В караульном помещении одевали еще ватные брюки и полушубок, а на посту был сменный тулуп, на голове шапка-ушанка. После того, как наденешь тулуп, поднимаешь руку, и тебе прикладывают винтовку, которую прижимаешь к себе. Конечно, в таком виде стрелять невозможно. Но самое главное - не заснуть, и не пропустить проверяющего, а успеть до того, пока он подошел, крикнуть: «Стой, кто идет!» Кормили в карауле хорошо (досыта) так как, когда наш взвод был в карауле, другой взвод нашей же батареи был в наряде на кухне и приносил в караульное помещение еды больше положенного.

Занятия проходили как в классах, так и на улице около орудий или в поле на тактических занятиях. Занятия по тактике вел капитан по фамилии Раздай-Беда, и проходили они не только на улице, но и в классе. Приходя с мороза в теплое помещение, многие из нас «клевали носом». Капитан не ругал, а говорил, что всех команда не касается, а потом командовал: «Встать!» Тот, кто заснул, вскакивал и удивлено смотрел по сторонам на остальных. Все вместе с преподавателем посмеивались и занятия продолжались.

На занятиях по тактике, уделялось внимание и противохимической защите - приходилось летом иногда бегать и ползать в противогазе. В какой-то отрезок времени, мы должны были после обеда в час отдыха спать в противогазах. Но был у нас один хитрец Вася Касьянов, который нашел для себя выход. Он одевал противогаз на ноги, клал их на подушку и накрывался с головой одеялом. Это продолжалось до тех пор, пока однажды, проверяющий не пережал гофрированную трубку противогаза. А так как Вася продолжал спокойно спать, то его хитрость была раскрыта.

В училище из нас готовят командиров, и на занятиях раз за разом повторяют: «В любой обстановке командир обязан принимать решение». И прививают новые для нас понятия, например: “Лучше принять плохое решение, чем не принимать никакого решения”. Для армии, для военной обстановки это точно, а потом? “Нельзя не выполнение задания объяснять трудными обстоятельствами. Задание надо выполнить вопреки обстоятельствам”. Это уже на всю жизнь!

В училище нас закаляли физически, учили организованности, собранности, воспитывали решительность, прививали чувство коллективизма и, конечно, наполняли новым содержанием понятие о любви к Родине. На фронте родину не просто надо любить, но когда это необходимо, за нее надо отдать и свою жизнь.

В училище меня принимают кандидатом в члены партии. В декабре кончается годовое обучение, предстоят выпускные экзамены, присвоение офицерского звания и отъезд на фронт.

Ко многим курсантом приезжают повидаться родители, они, если хотят, могут встретиться с командиром нашего дивизиона майором Соповым. Он один из защитников Севастополя. После падения Севастополя, имея много ранений, был направлен в наше училище. Этот строгий, но справедливый командир для нас живая легенда.

Ко мне тоже приезжает мама, у нее в Томске есть дальние родственники, и она могла у них остановиться. При встрече с ней, командир дивизиона сказал, что меня после выпуска хотят оставить при училище. Я не могу себе представить, что мои товарищи уедут на фронт, а я останусь в Томске. Я ставлю маме ультиматум: она должна утром у проходной ждать майора Сопова и просить, чтобы меня отправили на фронт вместе со всеми. Иначе, я специально провалю выпускной экзамен и все равно уеду, но без офицерского звания. Мама на следующий день стояла на морозе у проходной, дождалась Сопова и выполнила мою просьбу-ультиматум. Я понимал, что я поступаю по отношению к родной матери жестоко, но я не мог поступить иначе.

И вот выпуск. Нам присваивают звания младших лейтенантов и выдают офицерское обмундирование (к сожалению, только шинели не наши, (а короткие, канадские). Из документов нам на руки дают только финансовые книжки.

В январе 1944 года, в санитарном поезде, который едет на запад за ранеными, мы едем в Москву за назначениями на разные фронты. Начальник команды, который едет с нами, имеет общий документ на всех.

В это время отец из Омска должен был ехать в Москву, но он заехал в Новосибирск, узнал, когда наш поезд будет проезжать Новосибирск, и где будет стоять. Так я встретился со своим отцом по дороге на фронт. Мы ходили с ним вдоль

поезда, тревожно раздавались гудки паровозов на станции. Потом мы обнялись, и я уехал. Никто из нас не знал, когда мы снова увидимся, и увидимся ли вообще.

По дороге в Москву поезд часто стоит на станциях, так как пропускают воинские эшелоны. На станции «Шахунья» (120 км от Москвы) стоим долго, паровоз отцепили. Когда поедем дальше, никто не знает. Рядом танцплощадка, играет музыка. Группой человек 10 идем туда. Местные девушки называют себя «шахунчичками».

Возвращаемся к поезду, а паровоза еще нет. Узнаем у руководителя нашей команды, что нас всех в Москве, до получения назначений, разместят в студенческом общежитии на ул. Стромынка. Я уговариваю Володю Савельева и еще двух москвичей, Сашу Николаева (в будущем известного поэта Александра Николаева) и Семена Дорфмана на проходящем поезде дальнего следования уехать самим в Москву, побывать дома, и на следующий день явиться на ул. Стромынка. Мы все подружились еще в училище. Залезаем на подножки подошедшего пассажирского поезда и уезжаем.

Зима, стоит морозная погода. На подножках едущего поезда на ветру холодно. Стучим в дверь вагона, молодые девушки, проводницы пускают нас сначала в тамбур, а затем и в вагон. В Москве разъезжаемся по домам (Володя ко мне), договорившись на завтра о встрече, чтобы ехать на Стромынку. На Стромынке узнаем, что назначения будут готовы только через 2 дня. Довольные, что никакого скандала из-за нашего самостоятельного отъезда нет, и что можно побыть еще немного дома, едем в центр.

Идем по Пушкинской улице, доходим до Столешникова переулка, и решаем зайти на углу в кафе «Урал». Не успели мы еще открыть входную дверь, как слышим: «Товарищи офицеры, разрешите ваши документы». Это военный патруль во главе со старшим сержантом. Мы возмутились, сержантский патруль не имеет право проверять офицеров. Объяснили, что мы, выпускники училища, приехали группой и документы одни на всех и находятся на Стромынке. Старший сержант оказался хорошим психологом, он сразу сказал: «Наверное, у вас есть финансовые книжки». Мы радостно предъявили эти книжки, думая, что теперь все в порядке, но он спокойно положил их в карман и сказал: «Пройдемте со мной

в комендатуру». Деваться было некуда, и мы оказались в комендатуре в Столешниковом переулке. Нас вначале завели в кабинет к сидящему за столом, хорошо подвыпившему коменданту, который выслушал сержанта, и сказал: «Пусть посидят до выяснения». Нас завели в большую холодную комнату, в которой вскоре появились крысы. Через окно в коридор мы видели, что происходит в комендатуре перед кабинетом коменданта. Скоро в комендатуру привели выпившего капитана. Дежурный низенький сержант подошел к нему, и с издевкой, приложив руку к козырьку, сказал: «Здрасте!». Фронтовик капитан, чья вся грудь была в орденах, дал сержанту пощечину. На него набросились дежурные, избили и закрыли в отдельной комнате. Еще долго оттуда разносилось: «Сволочи тыловые, я Косторное брал!» - перечислялись и другие города.

Но среди работников комендатуры оказался один офицер, который явно к нам относился сочувственно, понимая, что ребята едут на фронт. Мы сидели в темной комнате, голодные и мерзли. Когда этот капитан зашел к нам, мы ему сказали, что у меня здесь рядом на улице Горького живут родители, и я предложил пойти со мной к ним. Там сами поужинаем, я оденусь потеплее, а ребятам сюда принесу еду и какие-нибудь теплые вещи. Он согласился, и мы сходили ко мне домой. Там капитан немного выпил, и был уже нашим другом.

Поздно вечером, комендатура заполнилась людьми, задержанными на улице после начала комендантского часа. Сочувствующий нам капитан сказал: «Ребята, утром в 6 часов, когда будут выпускать нарушителей комендантского часа, я вас заведу к еще не проспавшемуся коменданту, а потом отпущу вас». Так и было. Мы зашли с капитаном в кабинет, где комендант с трудом поднял на нас глаза, вряд ли понял слова капитана, но махнул на нас рукой. Это, видимо, означало, убирайтесь отсюда. Через день на Стромынке, наш выпуск получал документы с направлениями на разные фронты.

Нас с Володей Савельевым отправили на Ленинградский фронт, и мы сразу выехали в Ленинград для явки в штаб фронта.

Блокада Ленинграда, только что 27 января, была снята, и еще на домах были всюду надписи: «На этой стороне улицы во

время артиллерийского обстрела не стоять». На улицах много киосков по продаже пива. Мужчины пьют большие кружки, женщины - маленькие. Это истощенным людям необходимо для восстановления.

Под Ленинградом (не помню на какой станции) стоял полк офицерского резерва под командованием полковника Петрова. Среди офицеров он был известен, как «Петровская академия». В штабе фронта нас направляют туда. В полку нет солдат, все работы выполняют сами офицеры. Мы пробыли там одни сутки, вырубали на реке лед и затаскивали его в погреб. На второй день из штаба фронта приехала комиссия и нас по одному стали на нее вызывать. Мы уже знали, идет формирование ИПТАПа (истребительного противотанкового полка). Комиссия отобрала нас туда, и мы тут же уехали обратно, в Ленинград в Штаб фронта, где нас направили во 2-ю ударную армию, которой в то время командовал генерал-лейтенант И.И. Федюнинский.

В Штабе 2-й ударной армии никто не слышал про формирование у них ИПТАПА и нас направили в распоряжение 43-го стрелкового корпуса, в составе которого был 116-го КПАП (корпусной пушечный артиллерийский полк). Шло наступление, и мы догнали штаб корпуса в районе города Кингиссеп. Ночевали в штабе и попросили нас с Володей не разъединять, так как мы вместе еще со школы. Нас направили в 116-й КПАП, который находился на Нарвском плацдарме. Начальник тыла полка в тот же день на попутной машине переправил нас на плацдарм в штаб полка.

К моменту нашего приезда в штабной землянке был только начальник штаба майор Горин, командир полка подполковник Лысенко был на одной из батарей. Начальник штаба, увидев нас, удивился, почему прислали двух офицеров, так как, они давали заявку на одного командира взвода на место недавно убитого. Наши дела лежали перед ним, сверху было дело Володи. Он посмотрел дело и сказал ему: «Пойдете в 3-ю батарею командиром взвода управления», и отдал соответствующие распоряжения. Мне же он сказал, что скоро приедет командир полка и решит, как быть со мной.

Пока мы были в штабе, начался немецкий артиллерийский налет, как раз по району штаба. Мы смотрели, как себя ведут остальные, и старались держаться также. Все закурили и мы

тоже. Когда человек курит, у него заняты руки, а свободные руки часто выдают волнение. Вскоре за Володей из 3-й батареи пришел разведчик, и он с ним ушел, а я остался ждать командира полка.

Приехал командир полка, посмотрел мое дело, переговорил с начальником штаба и сказал мне: «В 1-й батарее командир взвода управления лейтенант Епифанов на передовой сломался-струсил, пойдете на его место». И повернувшись к начальнику штаба: «Епифанова отправьте из полка с соответствующей характеристикой».

Так, мы с Володей остались вместе в одном полку командирами взводов управления батарей. Я в 1-й, а он в 3-й.

Скоро за мной прислали сопровождающего, а так как дело шло уже к ночи, мы пошли на огневую позицию батареи. По дороге я увидел солдат, убитых в результате недавнего артиллерийского налета, но уже без сапог. Они были сняты теми, кто был в обмотках и считал, что сапоги более нужны живым.

Наш полк имеет 4 батареи. Каждая батарея состоит из двух огневых взводов по 2 пушки калибра 122-мм с дальностью стрельбы 21 км, и взвода управления. Взвод управления имеет отделения разведчиков, связистов полевой связи, радистов и вычислителей. В батарее 4 офицера - командир батареи, 2 командира огневых взводов, причем один из них старший на батарее, и командир взвода управления. Командиры огневых взводов находятся всегда на огневой позиции при орудиях, командир взвода управления на наблюдательном пункте, а командир батареи может находиться и там и там, смотря по обстановке.

Командир полка имеет свой взвод управления для организации его НП.

На огневой позиции, куда мы пришли, я познакомился со старшим по батарее Абекешем Ажмухамедовым и командиром огневого взвода Гришей Рудаковым. Оба они были лейтенантами. Они меня тепло приняли, мы поужинали, конечно с наркомовскими 100 граммами, они рассказали мне об обстановке на нашем участке фронта, а я им рассказывал о Москве и тыловой жизни. Командир батареи капитан Иван Карпенко в это время находился на наблюдательном пункте.

Во время нашей беседы позвонил полевой телефон, Ажмухамедов поднял трубку и произнес: «Есть! Один снаряд, огонь». Через некоторое время, он позвонил и доложил: «Первая отстрелялась». Я обратил внимание на то, что он команды стрелять не отдавал, и батарея не стреляла. Видя мое недоумение, он пояснил: «одним снарядом мы никому особого вреда не нанесем, но батарею ночью легко засекут и потом в ответ накроют, да не одним снарядом». Видимо, в штабе хотели просто беспокоить немцев одиночными выстрелами. Но Ажмухамедов поступил, на мой взгляд, мудрее.

Утром за мной прислали разведчика, и я ушел с ним на наблюдательный пункт батареи принимать взвод, познакомиться с командиром батареи. Наблюдательный пункт располагался в лесу, недалеко от передовой, и состоял из двух землянок, рядом с которыми на верхушке высокого дерева была установлена стереотруба, и оборудовано место с телефонной связью для разведчика, сидящего со стереотрубой. Разведчики, меняясь, дежурили круглосуточно.

В одной землянке стояли радиостанция и полевой телефон, у которого всегда сидел дежурный связист. В этой же землянке было место вычислителя и мое, а также командира батареи, когда он находился на наблюдательном пункте, что вообще-то, было довольно редко. В качестве светильника, в этой землянке на столе с документацией стояла консервная банка с соляркой, в которую был вставлен фитиль. Горящий фитиль давал освещение, достаточное для работы с таблицами для подготовки расчетных данных при стрельбе батареи по целям. Во второй землянке находились солдаты и помощник командира взвода. Из-за сырости землянки внутри были обиты специальными химическими накидками, которые имелись у нас в комплекте противохимической защиты.

Принимаю взвод у Епифанова, на вид физически крепкого, здорового лейтенанта лет 25. Но он подавлен и морально сломан. Говорит мне: «Парень куда ты попал? Здесь обязательно убьют».

После сдачи взвода, командир батареи отправил его в сопровождении разведчика в штаб полка, а мне рассказал причину его откомандирования.

Командира взвода управления, когда требует обстановка, направляют с радистом и несколькими разведчиками ближе к

переднему краю линии фронта в ПНП (передовой наблюдательный пункт) для выяснения обстановки и связи с пехотой, ведущей бой.

Епифанов один раз был в ПНП, а потом дважды, когда его направляли в ПНП, переходил во вторую землянку и посылал вместо себя помощника командира взвода. Командир батареи оба раза застал его там и доложил об этом командиру полка.

Я, еще в училище, убедился, что в трудной обстановке сильный характер и сила духа важнее физической силы человека. Поведение Епифанова только укрепило во мне это убеждение.

После знакомства с личным составом взвода, находившимся на НП, я поднялся на дерево к стереотрубе, чтобы ознакомиться с обстановкой на местности. В стереотрубу хорошо был виден передний край обороны немцев, и видно здание Крейнгольмской мануфактуры в самом городе Нарва. Когда я спустился, то увидел удивленные взгляды разведчиков. Оказалось, что Епифанов к стереотрубе сам никогда не поднимался. Я же вел себя так, как меня обучили в училище.

Немного о личном составе моего взвода. Всего во взводе 27 человек. Помощник комвзвода - командир отделения связи старший сержант Иван Сергеевич Новиков. У него самое большое отделение - 12 человек. В отделении разведчиков - 6 человек, командир отделения сержант Борис Владимирович Сорокин.

Разведчики подобрались смелые и надежные, но каждый со своей особой биографией. Филлипов крупный, физически сильный человек лет 30 - «косая сажень в плечах», до войны человек без определенных занятий. Один из разведчиков до войны отсидел срок 8 лет за убийство своей жены.

Постепенно, после того, когда я завоевал у личного состава взвода авторитет, на свой взвод я всегда мог положиться.

Командир отделения радистов сержант Василий Иванович Макушев, он всегда на НП или со мной в ПНП. У него в отделении 6 человек, в том числе, две девушки-ленинградки - Нина Болдарева и Тося Евстифеева. Они всегда у радиостанции на огневой позиции. Нина и Тося совершенно разные. Нина создание легкомысленное и любвеобильное, чем

она, окруженная мужским обществом, часто пользовалась. Тося скромная девушка, влюбилась в командира батареи Карпенко, чем он и воспользовался. Но эта любовь закончилась трагически. К Тосе в руки попало письмо из Ленинграда, из которого она узнала, что у Карпенко там есть невеста. И позднее, когда мы уйдем с Нарвского плацдарма, она однажды вытащит у старшины батареи пистолет, предварительно оставив письмо, и застрелится. Карпенко получит несколько суток домашнего ареста, (то есть, вычет за эти дни 50% из зарплаты) за сожительство с подчиненной. Такой оказалась его ответственность за жизнь и любовь этой девушки.

Со мной на НП находится, как правило, 10-12 человек. Остальные на огневой позиции.

На войне было трудно всем, но вдвойне было трудно женщинам, во-первых, из-за отсутствия нормальных бытовых и санитарно-гигиенических условий, во-вторых, были случаи и принуждения к «любви» со стороны командиров, в подчинении которых они находились. Затем унизительные ежемесячные осмотры врача, когда результаты осмотра, в нарушение врачебной этики, становились достоянием многих офицеров полка. Были и настоящие романы, которые заканчивались браком на всю жизнь. Так в нашем полку, начальник штаба Горин и женщина - полковой врач вместе прошли все трудности и опасности войны и прожили вместе, после войны, до конца их жизни.

Но чаще, отношения обрывались с окончанием войны, так как у многих дома были жены или невесты. Была у нас в полку девушка Маша (фамилию не помню), был у нее настоящий роман с Юрой К., одним из молодых командиров взводов. Когда война кончилась, а полк был уже в Чехословакии (после моего отъезда), и речь шла уже о свадьбе, Юра получил письмо от родителей, что его ждет невеста, и они настаивают на его свадьбе с ней. Юра уехал к себе в Одессу, а Маша к себе в деревню. Больше всего меня потрясло, когда мне после войны рассказали, что Маша у себя в деревне скрывает свое пребывание на фронте из-за негативного отношения деревенских жителей к фронтовым женщинам, так как приравнивали их к женщинам легкого поведения.

Я же могу сказать, что женщины на войне, разделяя с нами все трудности и опасности, в целом вели себя достойно, и заслуживают самого большого уважения.

В отделении топовычислителей 2 человека, командир отделения старший сержант Павел Романович Евсеев. Он рождения 1896-го, то есть одного года рождения с моим отцом, до фронта он был директором школы в Удмуртии, преподавателем английского языка. Мне, командиру взвода, 18 лет и я в армию ушел, не успев закончить 10-й класс. Конечно, я устанавливаю с ним уважительные отношения, не по схеме начальник-подчиненный. Данные для стрельбы мы вычисляем с ним вместе или, если он отдыхал, то я сам.

Кроме того, у меня во взводе числятся повар батареи Нина и санинструктор Галя, небольшого роста, худенькая женщина. Но, когда огневая позиция батареи попала под огонь немецкой артиллерии, и стали рваться гильзы от снарядов, она вела себя героически и спасла не одного солдата.

Взвод имеет грузовик ЗИС-3 с шофером Трофимом Романовичем Черновым.

Всего взвод при мне в боях потерял 5 человек: трех связистов и 2-х разведчиков, в том числе командира отделения разведчиков Сорокина. Двоих на Нарвском плацдарме и троих в наступлении после Сандомирского плацдарма. Кроме того, погибла радистка Тося Евстифеева, и был ранен разведчик Мурашев. Об этих двух случаях я пишу отдельно.

Бои на Нарвском плацдарме шли ожесточенные. По берегу, вдоль залива, шла железная дорога с запада в Нарву. Наши войска старались перерезать эту дорогу. В течение дня, если войскам удавалось продвинуться ближе к дороге, то из-за ожесточенного сопротивления немцев, к вечеру они отходили на исходные позиции.

На плацдарме сыро и холодно, лежит еще снег. Помогают ежедневные наркомовские 100 граммов водки, или 50 граммов спирта. Но продукты привозят раз в 5 дней, и получается на пятый день по 500 грамм водки на человека. Я всегда удивлялся, как немцы не догадаются начать наступление в эти дни. Командир полка всегда в день доставки продуктов требовал к телефону по кольцевой линии всех командиров батарей, чтобы понять, кто в каком состоянии. Мой комбат Иван Карпенко, если в этот день был на НП, выпив 100 грамм,

ложился в землянке спать, и когда звонил командир полка, он оказывался невменяемым. Я знал, что в этот день, я пить не имею право, а должен быть начеку у телефона, отвечать командиру полка, что комбат ушел на огневую позицию. Моя водка, ждала меня до следующего дня.

Наш полк, в основном, вел контрбатарейную борьбу с немецкой артиллерией. В каждой местности есть сеть точек, координаты которых точно известны, так называемые «триангуляционные вышки». Эти точки есть, как на местности, так и на военных картах. Топографическое подразделение полка дает всем наблюдательным пунктам и огневым позициям батарей их координаты, которые наносятся на наши карты.

На местности с НП мы направляем стереотрубу на триангуляционные вышки, или другие объекты, координаты которых известны. Это и будет направление, относительно которого, будет даваться угловой отсчет для определения направления на другие объекты на местности.

При контрбатарейной борьбе каждый выстрел засекается с не менее, чем двух наблюдательных пунктов, по точке пересечения направлений на вспышку, определяются координаты стрелявшей немецкой батареи, и наносится удар наших батарей. Немцы делали то же самое. Один раз, таким образом, была накрыта огневая позиция нашей батареи. Один снаряд попал в складированные гильзы для снарядов, которые, взрываясь, разлетались по огневой позиции, калеча людей. Батарея понесла потери.

Телефонная связь в полку строилась так, что НП имели прямую линию с огневой позицией своей батареи, а, кроме того, все НП и огневые позиции были закольцованы таким образом, что командир полка и его штаб могли разговаривать сразу со всеми, а НП разных батарей могли связываться друг с другом.

В одну из ночей позвонил заместитель командира полка по строевой части подполковник Демаков, и скомандовал, чтобы командиры взводов управления всех четырех батарей сами сели за стереотрубы. Когда мы доложили, что заняли свои места, последовала команда - всем навести стереотрубы на левый край серпа луны, хорошо видный в эту ночь на небе,

и следовать за ним. А через некоторое время вторая команда - всем дать отсчет.

Подполковник, видимо, сомневался в правильности топографической привязки подразделений полка к местности. Так как, луна по сравнению с земными расстояниями от нас бесконечно далека, все направления по нашим отсчетам должны были быть строго параллельны. Сомнения Демакова оказались не напрасными, мы засекли месяц луны в трех километрах от себя. Топографическое подразделение быстро нашло ошибку, и все было исправлено.

Однажды, разведчики, недалеко от землянок, чистили свое оружие. И вдруг произошло то, про что говорят - незаряженное оружие один раз в году стреляет. У одного из разведчиков в винтовке оказался патрон, и нечаянно он ранил в живот, сидящего напротив него, разведчика Мурашева. Надо быстро принимать решение, чтобы спасти человека и, так как выстрел был не умышленный, а случайный, не хотелось подставлять под разбирательство выстрелившего. Быстро перевязываем пострадавшего, из плащ-накидки сооружаем носилки и четыре человека бегом несут раненного к реке, где у нас спрятана лодка для переправы на другой берег Нарвы. Одновременно, я докладываю в штаб, что у меня снайпер ранил разведчика, сидевшего на дереве за стереотрубой, и прошу срочно прислать санитарную машину ближе к месту, куда сейчас несут раненного. Все так и было сделано. Пострадавшего быстро доставили на другой берег к санитарной машине и отправили в полевой госпиталь. Его жизнь была спасена, а инцидент был закрыт. Через какое-то время, я получил от Мурашева из госпиталя письмо, что он жив, рана заживает, и благодарил всех за оперативную доставку его в госпиталь.

Через несколько дней мне приказали идти первый раз в ПНП. Со мной идут командир отделения радистов, еще один радист с переносной радиостанцией и два разведчика. Мы идем к линии фронта. Лес в этих местах разделен на квадраты просеками. Вскоре попадаем под бомбежку пикирующих бомбардировщиков. Первая бомба падает недалеко от нас в лесу, а так как земля здесь болотистая, образовывает большую воронку. Быстро под вой пикирующих самолетов прыгаем в воронку. Два раза в одно место бомбы не падают.

Я не знаю более сильного психологического воздействия на войне на человека, чем свист падающей бомбы под вой пикирующего бомбардировщика. Самолеты улетают, и мы вылезаем из воронки. На нас набрасывается с упреками пехота, ведущая наступление вдоль просеки. Мы, мол, здесь головы не можем поднять из-за танка, стоящего впереди на перекрестке просек и стреляющего вдоль просеки, а от вас, артиллеристов, никакого толка.

По радио связываюсь с командиром полка и докладываю обстановку. Командир полка спрашивает: «Танк видишь? Подави!» Карта и все необходимое для стрельбы нашей батареей у меня были с собой в планшетке. Быстро передаю на огневую позицию данные для стрельбы по цели. Проходит не более 5 минут, и видим, как наши 122-мм снаряды разметали весь перекресток просек вместе с танком и всеми, кто там был вокруг.

Когда мы вернулись на НП, мои солдаты, воевавшие уже более полутора лет, сказали, что под такую бомбежку пикирующих самолетов, как мы сегодня, они попали впервые. Я сразу стал для них своим, дальше мне командовать людьми взвода было уже легко.

В последующие дни, мы, в том же составе, еще дважды выходили в ПНП, поскольку немцы пытались контратаковать, и командир полка хотел знать обстановку непосредственно на переднем крае, чтобы в случае прорыва немцев, успеть отвести орудия батарей за реку.

Когда мы вернулись с последнего ПНП, я усталый лег в землянке поспать. В землянке находился Евсеев, и за столом сидел у телефона дежурный связист. Проснулся я от того, что Евсеев теребил меня за ногу, говоря: «Горим!». Оказалось, произошло следующее: дежурный связист заснул, в светильнике кончилась солярка, фитиль вспыхнул, около него загорелась химическая накидка. Огонь перекинулся на другие накидки на стенах и потолке. Я вскочил, и мы с Евсеевым, стали срывать горящие накидки, пытаясь погасить огонь, а конечно надо было спасать радиостанцию и документацию. Связист схватил со стола телефон, прижал его к себе и сидел, как загипнотизированный.

Когда, уже горела вся землянка, Евсеев и я, в своей обгоревшей канадской шинели, выскочили на улицу. Связист выскочил с прижатым к себе телефонным аппаратом.

Горящую землянку мы, вместе со своими солдатами и соседями из других землянок, быстро забросали снегом, но в землянке сгорела радиостанция. Получилось, что цел остался только телефонный аппарат.

Телефонный аппарат подключили к линии во второй землянке, и я доложил командиру батареи о случившемся пожаре. Он не стал спрашивать подробности, а сразу спросил, говорим ли мы только с ним, напрямую, или подключена кольцевая линия полка. Я сказал, что докладываю по прямой линии связи с огневой позиции. В ответ услышал: «Думать надо, подключи кольцевую линию, и доложи снова, что случилось».

Мы с Евсеевым, стали думать, какого доклада он хочет, и после недолгого обсуждения поняли. Подключили линию полка, и я доложил командиру батареи, что на землянке стояла банка с соляркой, и в нее попал осколок от сброшенной бомбы и возник пожар, в результате которого землянка сгорела вместе со всем имуществом. В землянке людей не было, так как, я в это время проводил беседу с личным составом в другой землянке. В ответ на мой доклад я услышал: «Это другое дело», и он прервал связь. Видимо, он сразу доложил командиру полка о моем звонке, так как, вскоре позвонил командир полка с вопросом: «Черные есть? (то есть, убитые), красные есть? (то есть, раненные)». Отвечаю: «Нет». И тогда слышу: «Не переживай, война все это спишет». Такой же разговор повторился через несколько минут и с подполковником Демаковым.

Прошло несколько дней, и мне передали только одно слово: «Москва». Это была условная команда, которая означала, что надо свернуть НП, и с его личным составом прибыть в заранее известное мне место сосредоточения полка, на правом берегу Нарвы напротив Иван-города, примерно в 8 км от нас.

Мы переправились с плацдарма через Нарву на лодке на другой берег, и прибыли в указанное место, где уже находился штаб полка. Мне пришлось еще раз рассказывать в штабе версию пожара. Меня сразу одели в новую, уже

отечественную шинель, и повторяли, не переживай - война все это спишет.

Но оказалось не совсем так. Меня позвал к себе начальник особого отдела полка (СМЕРШ), и снова попросил все рассказать. Выслушав меня, он сказал: «Все можно списать, кроме радиостанции. Для списания ее нужна обгоревшая схема, без нее ничего сделать нельзя».

Делать было нечего. Я взял с собой двух разведчиков, и мы снова переправились на лодке на плацдарм, нашли место нашего НП и на пепелище землянки нашли обгоревшую схему радиостанции. К утру, мы вернулись в штаб, и особист сказал: - «Вот теперь все спишем».

За бои на Нарвском плацдарме я вскоре был награжден медалью «За отвагу».

Вскоре выяснилось, почему полк вывели с Нарвского плацдарма. Нас в составе 43-го стрелкового корпуса, передавали из 2-й ударной армии в 59-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант И.Т. Коровников.

2-й ударной армии предстояло наступать на запад в Прибалтику, а 59-й освобождать острова в Финском заливе юго-западнее города Выборга. Батареи нашего полка стояли на полуострове восточнее этих островов. Мой НП размещался на берегу Финского залива. Ширина залива в этом месте была небольшой, наверное, не более 400-500 метров. Место разведчика со стереотрубой было устроено на верхушке дерева, стоящего на самой кромке берега. В стереотрубу хорошо был виден противоположный берег с финскими солдатами. Были там и немцы, которых легко можно было отличить по форме.

Когда сидишь на месте наблюдателя, видишь в воде залива разрыв вражеского снаряда, и хотя умом понимаешь, что снаряд не долетел, и уже не страшен, но все равно, когда до тебя доходит звук от его разрыва, инстинктивно весь съеживаешься и стараешься спрятаться за ствол дерева.

Новое место резко отличалось от тех мест, где мы были на Нарвском плацдарме. Если там был сырой грунт, копнешь лопатой «на штык» и вода, то здесь сухо, твердый каменистый грунт. На западном берегу окнами на залив стоит красивый двухэтажный коттедж. Мы пока строили землянку в 3 наката, ночевали, конечно, в этом коттедже. Я и Евсеев на втором

этаже, а остальные на первом. Когда на второй день к вечеру, землянка была готова, и все перешли туда, я сказал Евсееву: «Давайте переночуем здесь еще одну ночь, а утром перейдем в землянку». Но он стал настойчиво уговаривать меня перейти в землянку уже на ночь, я согласился, и мы ушли.

Ночью немецкий снаряд разорвался прямо над домом, практически, как раз, над той комнатой, откуда мы ушли. Я думаю, нас спасло чувство ответственности Евсеева перед своей семьей, он понимал, что рисковать и погибать он не имеет право. Я, в свои 18 лет, был уверен, что со мной ничего не может случиться, поэтому был иногда излишне смел и, в данном случае, легкомыслен. Семьи у меня своей не было, а что переживут мои родители, если я погибну, просто не задумывался.

На полуострове скоро появилось много землянок пехотных частей. Полуостров начал обстреливаться немецкой артиллерией, причем, часами методично, каждые 30 секунд выстрел. Но все были в землянках и траншеях, потерь почти не было. Редко после часового обстрела, кто-нибудь был ранен. Но напряжение такой обстрел создавал сильное.

В этот период часто приходилось бывать в штабе полка, так как, командир полка, пользуясь относительно спокойной обстановкой, проводил занятия со строевыми офицерами - командирами взводов и батарей. Мы любили эти занятия, на них мы все встречались и могли обменяться опытом и обсудить общие проблемы. На этих занятиях я виделся и со своим другом Володей Савельевым. Он тоже уже был награжден медалью « За Отвагу». В августе 44 года нам обоим присвоили воинское звание лейтенантов.

В один из дней, видим летящий со стороны Финляндии пассажирский самолет, который встречают наши истребители, но не сбивают, а сопровождают вглубь нашей территории. Через 2-3 дня самолет пролетает обратно, причем до линии фронта его опять сопровождают наши истребители. Из передач новостей, которые ловим своей радиостанцией, узнаем о прибытии в Москву финской делегации для переговоров о заключении соглашения о выходе Финляндии из войны, а также о том, что переговоры не были успешными, и делегация вернулась домой.

Через некоторое количество дней, самолет снова пролетел таким же порядком над нами в сторону Москвы и через несколько дней вернулся обратно. Узнаем, что в Москве подписано соглашение, и Финляндия вышла из войны.

Вечером нам передали приказ: завтра с 9 часов утра прекращаются боевые действия против Финляндии. В 9 утра наступает непривычная тишина – не слышно ни одного выстрела. Через некоторое время вижу с нашего НП, как на середине залива на лодках встречаются наши и финские солдаты, идет бойкий обмен. Финские солдаты меняют оружие на спирт, какие-то продукты и вещи. Сверху сразу было передано: всем командирам немедленно прекратить такое «братание».

По условиям этого соглашения наша государственная граница отодвигалась на север к городу Энсо. Финны должны были отходить от Выборга к Энсо, а наши части продвигаться за ними. На конец каждого дня был установлен рубеж, до которого они должны были отойти.

Финны заранее подготовились к отходу, в домах населенных пунктов, в которые мы входили, были сняты даже все дверные ручки, замки и тому подобное. В домах только валялось множество журналов. Листаешь такой журнал и видишь - на одной странице портрет Гитлера, а на другой Сталина, затем голая девица, потом Рузвельт и так далее. Мы только удивлялись.

Местность, по которой мы продвигались, шла на подъем, так что они нас сверху видели, а мы их нет. Кроме того, в лесном массиве были прорублены просеки так, чтобы можно было в будущем видеть движение по дороге Выборг-Энсо.

Мы вышли в район новой границы и расположили свой НП в лесу недалеко от пограничной заставы. По условиям мирного договора армейские части не должны были находиться вблизи границы, но, видимо, это положение наша сторона строго выполнять не собиралась. Перед моим НП был лес и с учетом подъема местности, мы со своего наблюдательного места на дереве ничего не видели, а артиллерийскую разведку вести надо было. Выход был найден. Днем срубили дерево и заготовили скобы, а ночью удлинили этим деревом свое дерево так, чтобы в стереотрубу,

установленную на новой верхушке, можно было просматривать местность за стоящим впереди лесом.

Когда надо было осмотреть местность у самой границы, где меня могли видеть с финской стороны, я шел к начальнику пограничной заставы и мне давали фуражку пограничника и плащ-накидку. В таком виде можно было спокойно ходить в пограничной зоне. У меня установились хорошие отношения с начальником заставы, и однажды он мне сказал: «Приходи сегодня поздно вечером, мы пройдем вдоль границы, у меня будет агентурная встреча с человеком с той стороны». В темноте мы шли вдоль границы, мимо стоящего на той стороне финского часового.

Когда мы отошли дальше от него, пограничник несколько раз свистнул, и с той стороны к нему подошел человек. Я отошел в сторону, а они быстро переговорили, человек что-то ему передал и скрылся в лесу.

В один из поздних вечеров в конце ноября мне позвонили и срочно вызвали в штаб полка. Штаб был в 5 км от НП и я, в сопровождении одного своего разведчика, часов в 12 ночи был в штабе. Меня ждал приятный сюрприз - поездка в отпуск в Москву на 8 дней. Но для этого я должен был успеть к 5 часам утра прибыть за 8 км к тыловикам полка, откуда уезжала машина в Выборг. Из Выборга шел поезд в Москву. После оформления мне документов, времени на дорогу до 5 утра оставалось не более 2-х часов. Был сильный встречный ветер и шел мелкий дождь, но желание успеть к назначенному времени было сильнее ветра. Мой надежный разведчик, сопровождавший меня, смотрел на часы и подгонял меня: надо идти еще быстрее, не успеваем. Успели в самые последние минуты. Трудно передать радость встречи в Москве с родными и друзьями. Через 8 дней я снова был в полку на своем НП.

В декабре полк получил приказ грузиться на железнодорожные платформы для переброски на другой фронт. Тогда никто в полку еще не знал, что 59-ю армию передают 1-му Украинскому фронту, которым командовал И.С. Конев, для участия в Висло-Одерской операции.

Погрузка 122-мм пушек, масса которых составляет по 8 тонн, на высокие платформы на полустанке без платформ, представляет сложную задачу. Пришлось из шпал сооружать

пандусы до уровня ж.д. платформ и с помощью тракторов затаскивать туда пушки.

Наш состав проезжает Ленинград и едет дальше, а мы гадаем, где он повернет на запад, так как не знаем на какой фронт нас перебрасывают. Проезжаем Витебск и вскоре понимаем, что едем на 1-й Украинский фронт в Польшу. Разгружаемся 30 декабря в районе города Жешув, и со своими пушками сразу укрываемся в ближайшем лесу. Это мой день рождения и на носу Новый год, не отметить который нельзя, но у старшины батареи из спиртного ничего еще нет. И мы поднимаем стаканы, на дне которых тройной одеколон. Ну что же, денатурат я уже пробовал, теперь вот одеколон. Состояние еще долго противное, но традиция соблюдена.

Сутки проводим в лесу для учебы с личным составом и получения задания. Наша задача скрытно прибыть в заданное место на Сандомирском плацдарме. Движение разрешается только ночью без включенных фар, днем стоим в лесу. Нас предупреждают, что по пути на дороге будут стоять дежурные офицеры с правом стрелять по зажженным фарам. Задача движения батареи ночью в полной темноте не простая. Орудийные расчеты во время движения сидят на лафетах пушек, задремавшие солдаты иногда падают с них. Так двое солдат нашей батареи были травмированы во время движения.

Переправляемся на плацдарм за р. Вислу по одному из наведенных мостов, орудия батарей занимают заранее подготовленные для них позиции. НП размещаем в готовом укрытии недалеко от нашей батареи. Задача полка поражать заданные цели (штабы и оперативные резервы немцев) на расстоянии 20-21 км. На плацдарме, как говорится, негде яблоку упасть, между позициями артиллерийских батарей считанные десятки метров.

Наступило 12 января 1945 года. Время начала артподготовки мы точно не знаем, оно нам будет сообщено в последний момент. Мы знаем только, что условное слово «Москва» означает 9 часов утра. Ночью на левом фланге слышим мощные артиллерийские разрывы и вспышки. Так как никакой информации нет, стараемся понять, то ли это наши проводят разведку боем, то ли это немецкий упреждающий удар. Наконец, получаем команду «Москва плюс один». Это означает начало артподготовки в 10 часов утра. И наступило

это время, стреляют тысячи орудий разного калибра и на разную глубину. Артиллерия практически взломала немецкую оборону и подавила боевой дух противника. Со своего НП вижу, как после окончания артподготовки пошла вперед наша пехота, а затем сразу за ней танки. Фронт был прорван, и наша 59-я армия двинулась в направлении Кракова. Последовала команда и нам сняться с занимаемых позиций и двигаться за пехотой.

В задачу 43-го стрелкового корпуса, в состав которого входил наш полк, входило освобождение Силезского промышленного района, и поэтому мы двигались в направлении севернее Кракова. Но где-то около города Мехув, 17 декабря вечером, командир полка собрал командиров батарей и сообщил, что, учитывая возникшие трудности у соседнего корпуса, наступающего на Краков, полк получил приказ 18 утром поддержать этот корпус. Но, из-за быстрого темпа наступления, в полк не успели подвести горючее и боеприпасы, а не выполнить приказ об открытии утром 18 огня в поддержку наступающих на Краков нельзя. Поэтому он приказывает все имеющееся горючее и снаряды передать одной батарее, которая должна за ночь подойти в район Кракова и 18 утром открыть огонь для поддержки наступающего соседнего корпуса. Выбор пал на нашу батарею. Еще до утра мы были в заданном месте. На мою долю опять выпало идти в ПНП. Утром я, с радистом и двумя разведчиками, был в траншее вместе с пехотой для корректировки стрельбы нашей батареи. Но в этот день пехота продвинуться в сторону Кракова намного не смогла. Я принял решение на ночь отойти в расположение батареи и штаба. Утром следующего дня, то есть 19 января, мы в том же составе снова были в траншее с пехотой. Вскоре видим, к переднему краю подъехал бронетранспортер, из которого вышел командующий фронтом И.С. Конев. К нему кто-то подошел с докладом и скоро он уехал.

Наступающие с северо-запада части заняли на западной окраине Кракова господствующий над городом холм с могилой Костюшко, и немцы стали отходить и на нашем участке.

Вместе с пехотой мы вошли в город, из домов выскакивали поляки и звали: «Русс, идем водку пить». Пройдя

через город, мы поднялись на холм к могиле Костюшко. Я связался по радиостанции с командиром полка и доложил обстановку. Мне было приказано выходить из Кракова в северном направлении до определенного населенного пункта, через который будет проходить на запад полк, и нас там подхватит наша батарея.

На северной окраине города у немцев был крупный интендантский склад, который во всю уже разбирали поляки. Кто-то нес что-то на себе, но уже много встречалось людей и с тележками.

Наш путь лежал через этот склад, на территории которого были и винные погреба. У входа в погреб стоял выпивший солдат, который стрелял из автомата в воздух и кричал: «Не подходить!» Это, уже какое-то подразделение, пыталось «приватизировать» погреб. Вокруг него столпились солдаты из других подразделений, которые не могли примериться с такой несправедливостью и пытались проникнуть в погреб. Вдруг сзади кто-то подставил пьяному солдату подножку, он упал и все бросились в погреб. Мы тоже спускаемся посмотреть и видим такую картину. Одни пьют прямо из бутылок, другие вскрывают бочки и черпают вино оттуда своими кружками. Кто-то уже тащит наверх ящики с вином, кто-то бьет для разрядки прикладом бутылки. На полу лужи вина.

Мои разведчики не выдерживают и начинают меня уговаривать: «Товарищ лейтенант, давайте возьмем с собой ящик вина». Говорю: «Вы устали, нам еще далеко идти, у нас с собой радиостанция». «Ничего, - говорят, - донесем, только разрешите». «Ладно, - говорю, - несите».

Рядом оружейный склад. Заходим, а там, на стеллажах, уложенные в чемоданчики, новенькие 9-мм пистолеты «Беретта». Тут не выдерживаю уже я, беру один чемоданчик с пистолетами, предвкушая сколько радости будет на батарее.

Идем дальше на север в сторону названного мне населенного пункта. Подходим к деревне, перед которой стоит указатель с нужным нам названием. Уже ночь, стучим в окно крайнего дома, хозяева приветливы. Усталые, мы устраиваемся отдыхать, но оставляю одного разведчика дежурить на улице. Вскоре он меня будит и говорит: «Приближающийся шум наших тракторов был слышен с восточной стороны, а теперь слышен удаляющийся с западной

стороны, но мимо нас никто не проезжал». Вскакиваю и смотрю карту. Усталый, когда подходили не посмотрел, что деревня имеет форму буквы Т.

Все становится сразу ясно, мы остановились в деревне в самой нижней части ножки, а полк прошел через деревню по дороге, которая идет по полке. Поднимаю хозяина дома, спрашиваю: «Лошадь с подводой есть?» Отвечает: «Нет». «У кого есть?» - спрашиваю я. Говорит: «У соседа есть».

Поднимаем соседа, говорю в категорической форме, чтобы срочно выводил лошадь с подводой. Возражений никаких не принимаю. Они с женой подумали, что мы у них реквизируем лошадь, и стали умолять не забирать ее. С трудом объяснили им, что все вернем, так как нам его лошадь не нужна. Наконец, они поняли и успокоились. Мы погрузились в подводу со всем нашим грузом и поехали догонять свою батарею. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Один из тракторов с пушкой съехал на обочину, и пушка съехала в кювет, пока вытаскивали пушку, мы их и догнали. Встреча была радостной, но не меньше радовался и польский крестьянин, которого мы поблагодарили и отпустили домой.

Пушку вытащили, а я с Карпенко, Ажмухамедовым и Рудаковым, пошли в командирский прицеп и распили пару бутылок вина за мое возвращение целым и невредимым в батарею. Я вручил всем по пистолету «беретта», и мы двинулись дальше.

За участие в боях за освобождение Кракова, я был награжден орденом Отечественной войны II степени, а в конце января 1945 года политотделом 43-го стрелкового корпуса (СК) был принят в партию.

Впереди были бои за освобождение Силезского промышленного района с городами Катовице, Домброве Гурне, Челядзь, Бендзин.

Когда я со своей обычной командой вслед за пехотой входил в Домброве Гурне, немцы уже были выбиты из города, но еще оставались в следующем на западе городе Челядзь. Там у них работала электростанция, которая подавала электроэнергию и в занятый уже нами город. Видимо, они не знали полностью обстановку на этом участке или были просто растеряны.

В Домброве Гурне запомнился один забавный эпизод. Около одного небольшого двухэтажного домика стоял пожилой поляк и приветливо улыбался. Когда мы проходили мимо него, он стал просить, чтобы мы зашли к нему. Мы поднялись с ним на 2-й этаж.

В комнате у стола, на котором уже были рюмки с водкой и закуска, стояли, приветливо улыбаясь, его жена и дочка. Вдруг он, продолжая улыбаться, подошел ко мне и стал похлопывать по плечу многократно повторяя: «Е… твою мать». При этом жена и дочка продолжали радостно улыбаться. Увидев наше недоумение, он пояснил: «Я в Первую Мировую войну был в России в плену». Это, видимо, было все, что он запомнил из русского языка и считал такое выражение за приветствие. Мы рассмеялись и стали расспрашивать, как они жили при немцах.

Он пожаловался, что вот живущие рядом с ним переселившиеся сюда из Германии немцы (фольксдойч), забрали у него радиоприемник. Он показал, где они живут, и мы пошли туда. На столе там стоял приемник, который наш поляк сразу узнал.

Я сказал: «По распоряжению командования в прифронтовой зоне запрещается пользоваться радиоприемниками, и поэтому мы забираем его». Мои разведчики взяли приемник, отнесли его поляку и мы двинулись дальше.

Впереди были бои за Одерские плацдармы.

Надо сказать, что для нашего корпусного полка характер боевых действий на 1-м Украинском фронте был совершенно другим, чем на Ленинградском фронте. Если там батареи стояли на стационарных позициях и вели контрбатарейную борьбу, то здесь полк был почти все время в движении, участвуя в наступательных боях.

Для меня здесь война тоже стала другой. Там у меня был постоянный НП и только, когда требовалось, я уходил в ПНП. Тут я все время был в движении, практически постоянно находился в ПНП.

Так как над немецкими войсками нависала угроза окружения, они начали отводить войска за Одер. В районе города Козель при отходе немцев одна наша кавалерийская часть на плечах немцев захватила переправу через Одер и небольшой плацдарм. Кавалерию сменила пехота, и поступил

приказ переправить туда для удержания плацдарма одну батарею 122-мм пушек нашего полка. Ночью была переправлена на плацдарм 3-я батарея под командованием капитана Васенева, которая была установлена для стрельбы прямой наводкой. В этой батарее командиром взвода управления был Володя Савельев.

Утром немецкие танки предприняли контратаку, чтобы ликвидировать плацдарм. Плацдарм удалось удержать благодаря этой батарее, которая стреляла по танкам прямой наводкой. Но батарея понесла большие потери, как в людях, так и в технике. Был убит старший на батарее Мельниченко, тяжело ранен другой командир огневого взвода Попов, ранен Васенев, серьезные потери понесли орудийные расчеты, уничтожены несколько орудий и тракторов. Но главное - плацдарм был удержан.

Личный состав батареи был награжден, капитану Васеневу было присвоено звание Герой Советского Союза, Мельниченко, посмертно, был награжден орденом Боевого Красного Знамени, и Володя Савельев был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Во фронтовой газете применение 122-мм пушек для стрельбы по танкам прямой наводкой было расценено как положительное явление. Мы поняли, что теперь область использования наших батарей будет расширена.

Кроме этого плацдарма, южнее был создан за Одером еще один плацдарм. Мы дважды перемещались ближе то к одному, то к другому плацдарму. Видимо, еще не было принято решение, с какого плацдарма будет нанесен главный удар. Позднее удар был нанесен с обоих плацдармов одновременно.

Между этими плацдармами в районе мельницы Хейдебрек оставался небольшой немецкий плацдарм на правом берегу Одера. Готовилась операция под кодовым названием «Липа» по уничтожению этого плацдарма. Орудия нашей батареи были поставлены рядом с мельницей и замаскированы, был завезен комплект боеприпасов, а сами мы разместились в здании мельницы. Передний край линии фронта проходил между мельницей и Одером.

Орудия уже были заряжены, когда нам сообщили, что операция отменяется. Мы увидели, что пехота, которая была между нами и немцами, уходит, и что мы тоже должны

отойти. Но для нас сложность заключалась в том, что наши пушки можно разрядить только выстрелом, а это значит - полностью демаскировать себя и можно сразу получить удар по батарее.

К пушкам подвели тракторы, шнуры от затворов пушек протянули в подвал помещения, где мы все укрылись. Натянули шнуры, пушки выстрелили и сразу тракторами были увезены, но оставались снаряды. Передо мной была поставлена задача вывести их на машине взвода. Для этого надо было сделать несколько ездок, так что, отвезя часть снарядов, возвращаюсь обратно к мельнице. Сижу в кабине рядом с шофером Черновым, а со стороны плацдарма стреляют трассирующими пулями. Впечатление такое, что светящаяся трасса летит прямо в тебя, очень хочется пригнуться. Но понимаю - пригнись я, инстинктивно может пригнуться и Чернов, а он за рулем. Поэтому сдерживаю себя и сижу прямо. За четыре поездки мы вывезли все снаряды.

Позднее мы узнали, почему отменили операцию. С наших плацдармов началось наступление и необходимость в операции «Липа» отпала. Немцы сами, боясь окружении, после этого покинули плацдарм. Мы потом шутили - не случайно операции было присвоено название «Липа».

59-я армия наступала с плацдарма, расположенного южнее города Козель.

Было начало февраля, началась Нижне-Силезская операция. Мы двинулись за наступающей пехотой в направлении города Нойштадт уже по немецкой земле, а затем в марте вдоль северных склонов Судетских гор по чехословацкой. Стояла теплая весенняя погода. Я со своей группой все время шел за продвигающейся пехотой.

Один раз к нам присоединился подполковник Демаков, которому, видимо, надоело все время быть при командире полка в штабе. Впереди нас, еще на немецкой земле, пехотный батальон занял небольшой господский двор. Когда мы подошли, увидели, что из дома женщина, видимо, врач или санинструктор батальона, выводит молодого немецкого солдата. Оказалось, женщина поднялась на чердак дома, наверное, за «тряпками», а там, у окна, лежал этот солдат с автоматом. Увидев ее, он бросил автомат и поднял руки. Возможно, батальон перед этим понес потери и, капитан,

командир батальона, скомандовал: «Ставь его к стенке, будем еще с ним возиться, нам воевать надо!» Солдаты поставили немца к стене дома.

Я посмотрел на парня, на вид ему лет 20, то есть чуть старше меня, по глазам видно, он понимает, что его сейчас расстреляют. Говорю Демакову: «Товарищ подполковник, зачем парня расстреливать, давайте заберем его, пусть таскает на спине нашу радиостанцию, а вечером, когда будем возвращаться к своим в полк и увидим колонну пленных, сдадим его, тем более он ничего не сделал, а сам поднял руки».

Демаков крикнул: «Капитан не стрелять, отдай его нам!» И вдруг я заметил, что капитан сам вздохнул с облегчением. Я жестом подозвал немца и рукой указал на радиостанцию на спине радиста и на его спину. А сам смотрю ему в глаза и читаю в них и непонимание, что происходит, и надежду. Наконец он, видимо, понял, что ему сохраняют жизнь. Он быстро надел на себя радиостанцию и таскал ее за нами целый день. Вечером мы его отдали в колонну военнопленных, конвоируемых в тыл.

Я видел в боевой обстановке разных генералов. Когда шли бои за плацдарм на Одере южнее города Козель, я перешел со своей группой Одер по льду (был конец января) для установки наблюдательного пункта, с которого можно было бы корректировать огонь нашей батареи. Недалеко от берега стоял единственный двухэтажный дом, с которого можно было видеть передний край. Но оказалось, что первый этаж занят командованием наступающих там частей во главе с генерал-майором, я не знаю, был ли это кто-то из корпуса или командир дивизии. Я представился, доложил о моем задании и попросил разрешения установить на доме НП, а самим разместиться на втором этаже. Мне разрешили.

Генерал держал связь с командирами ведущих бои полков. В основном был слышен отборный мат и крик: «Ты наступаешь или на х.. вертишься!» Вдруг к дому подъехал бронетранспортер, и вошел подтянутый генерал-лейтенант. Все вскочили, это был командующий армии И.Т. Коровников. Он выслушал доклад, спокойно поставил задачу, отдал четкие указания и уехал. Это был другой уровень, совсем другая культура.

После его отъезда генерал сказал мне, что необходимо нанести артиллерийский удар по скоплению немцев около леса и назвал квадрат. Я поднялся на чердак, увидел вдалеке этот лес, и мы по радио передали на батарею координаты цели. На батарее Евсеев быстро подготовил необходимые данные для стрельбы. Теперь мне надо было провести пристрелку одним орудием, а потом ударить по цели всей батареей.

Пристрелка всегда осуществляется одним, первым орудием батареи, которым считается правое орудие на позиции батареи. При пристрелке на поле боя самое сложное, это увидеть первый разрыв своего снаряда, так как, одновременно видишь много разрывов других батарей, стреляющих и с нашей, и с немецкой сторон. А первый разрыв своего снаряда будет не обязательно вблизи цели. Иногда даже бывает, что приходиться поднять первый разрыв над землей с помощью дистанционного снаряда или, если грунт позволяет, стрельбой рикошетом. После пристрелки, когда лес оказался в артиллерийской вилке, и удара по нему всеми 4-мя орудиями батареи, мы ушли с плацдарма.

Позднее плацдарм был расширен, и это с него наша 59-я армия наносила один из двух ударов в направлении города Нойштадт 8 февраля, когда началась Нижне-Силезская операция фронта.

Мы продвигались уже вдоль северных склонов Судетских гор, когда единственный раз мы в ПНП встретились с Володей Савельевым. Я шел от 1-й батареи, он - от 3-й. Стояла сухая мартовская погода. Можно было встретить отдельных солдат на велосипедах, раздобытых в брошенных жителями домах. Вдруг видим впереди такую картину: человек в генеральской фуражке, брюках с лампасами, но в телогрейке, остановил солдата с велосипедом и с остервенением топчет ногами его велосипед. Мы не останавливаясь, прошли дальше в нужном нам направлении.

Было жарко, и мы шли в расстегнутых шинелях. В какой-то момент он оказался впереди нас и крикнул: «Лейтенанты ко мне». Мы подошли и услышали: «Вы почему не по форме одеты, идете расстегнутые, что маскируетесь, на меня смотрите. Но я генерал, а вас убьют и х… с вами». От него явно несло перегаром. В этот момент недалеко разорвался немецкий снаряд. Он сразу спрятался в кювет с одной стороны

дороги, мы - в кювет с другой стороны и по нему быстро удалились.

Не буду называть фамилию генерала, но я его узнал. Это был генерал из соседнего с нами корпуса.

Шел апрель, войска продвигались вперед, навстречу двигались немецкие беженцы, стараясь уйти подальше от линии фронта, где шли бои. По полям метались с мычанием недоенные коровы. Есть не хотелось из-за усталости и нервного напряжения. Выпьешь пару сырых яиц в день и сыт. Один раз сами доили козу, положив ее на бок, так как она брыкалась. Один держал за голову, другой за ноги, а третий доил. От одной козы получали по стакану молока.

Шли бои за населенный пункт с небольшими домами, по нашему - деревню, только дома кирпичные с подвалами, оборудованными стеллажами с консервированными компотами, банками заготовленных котлет и др. Бои шли за каждый дом. В некоторых домах были еще немцы, слышалась немецкая речь. Я посмотрел в окно, и вижу - наши солдаты ведут здорового мужика-власовца. На рукаве у него видна нашивка РОА (Русская освободительная армия). Сзади идет наш солдат и толкает его в спину автоматом к стенке дома для расстрела.

Вдруг он повернулся и крикнул: «Да здравствует Власов!» Автоматная очередь в спину оборвала крик предателя.

В марте 1945 года было всем разрешено отправлять с фронта вещевые посылки домой весом до 10 кг.

А где можно было взять вещи для отправки? Только в домах и магазинах на занимаемых территориях в процессе продвижения войск. Я думаю, что многие генералы восприняли это разрешение, как позволение им отправлять домой не посылки, а целые вагоны с вещами. Если солдату можно брать для отправки домой 10 кг, то почему им, генералам, если у них есть возможность, нельзя отправлять вагонами вещи, взятые на территории врага. После войны мы узнали целый ряд таких случаев.

После понесенных потерь в офицерском составе 3-й батареи при стрельбе прямой наводкой на плацдарме, в батареях полка были сделаны перестановки командиров огневых взводов. Из нашей батареи во 2-ю был переведен старшим по батарее Ажмухамедов. Как-то, когда батарея

располагалась в лесу, он сообщил ночью в штаб, что лесом к батарее пробирается какой-то отряд немцев. Так как я оказался в этот момент территориально ближе всего к нему, мне было приказано со своими людьми срочно идти ему на помощь.

Когда мы подошли к его батарее, то застали следующую картину. На поляне в лесу стояла шеренга людей, одетых во все черное, а вдоль шеренги перемещался Ажмухамедов, ощупывая всех по очереди. Оказалось, что это были монашки, которые пробирались из своего монастыря, расположенного близко к линии фронта, в тыл. Ажмухамедов проверял, нет ли среди них переодетых солдат. Мы потом долго смеялись и просили каждый раз Ажмухамедова рассказать, как он щупал монашек.

27 апреля 1945 года мне позвонили из штаба и сообщили, что я направляюсь на учебу в Высшую офицерскую школу Красной Армии (ВОАШКА) в Ленинград, и поэтому я должен передать взвод своему помощнику и прибыть в штаб. Такое же указание получил Володя Савельев.

Я попрощался со своим взводом, со своими надежными товарищами. Мы со многими обнялись, пожелали друг другу успехов, передал все документы и имущество помкомвзвода Новикову и Евсееву и отправился в штаб. Я вышел на дорогу, залез в кузов попутного грузовика, который ехал в сторону штаба. Дорога шла вдоль линии фронта, и кругом слышны были разрывы снарядов. И я поймал себя на том, что при каждом разрыве пригибаюсь в кузове больше, чем это было раньше. Видимо, инстинкт подсказывал, что это последние опасные минуты и надо сохранить себя. Ну, вот машина повернула от передовой в сторону тыла по направлению к штабу.

И только теперь я по настоящему понял, что война для меня окончилась.

В штабе нам выдали документы, со многими я обменялся фотографиями, на которых мы друг другу писали: «На память о совместной боевой работе на Ленинградском и 1-м Украинском фронтах». Передо мной и сейчас фотография, на которой стоят командир полка подполковник Лысенко, его заместитель подполковник Демаков, начальник штаба майор Горин и ПНШ-1 майор Бритман. Свой пистолет «беретта», я увез с собой, но на всякий случай попросил, чтобы мне

поставили в моем удостоверении лишнюю печать. Это давало возможность в любой момент в офицерском удостоверении заполнить графу о сдаче оружия и поставить любую подпись.

Нам с Володей надо было добраться как-нибудь до Львова, а там уже по железной дороге можно ехать в Киев и дальше в Москву. На попутных фронтовых машинах доехали до какого-то полустанка, где стоял санитарный поезд.

Попросили взять нас до Львова, там сели в поезд и доехали до Киева. Было 30 апреля. Очень хотелось успеть в праздник 1-го Мая быть дома. Бросились в аэропорт, но оказалось в праздничные дни полеты над Москвой запрещены, первый рейс будет только 3-го числа. Вернулись на вокзал и уехали поездом.

В Москве были 2-го. Радость родных и нашу трудно описать. Вернулись с войны живые, без ранений, с боевыми наградами. Встречаюсь с одноклассниками по довоенной школе. Знакомимся с двумя сестрами, на моем пути опять девушка по имени Дина. Провожаю ее домой, целуемся в подъезде, и я влюблен.

Я, видимо, человек влюбчивый, или это черта характера или результат войны, которая лишила меня обычной юности, а заменила ее с 18-летнего возраста в течение 1,5 лет ответственностью за жизнь других людей, похоронами товарищей, ежедневным видом крови, видом убитых и раненых людей. Но у самого оставалась вера, что тебя не могут убить, потому что не представляешь, как этот мир будет существовать без тебя.

На фронте особое место занимали мысли о любви к женщине, об интимных отношениях с ней, о женской любви. Думаю, что эти мысли занимали не только меня. Почти у всех молодых офицеров при себе был сборник стихов К. Симонова, посвященные В. Серовой - «С тобой и без тебя». Умирать, не познав женщину, не хотелось.

Когда я вспоминаю сегодня прожитые годы в училище в Сибири, с ее морозами, и на фронте, особенно в сырости на Нарвском плацдарме, я понимаю, какие мобилизационные ресурсы есть у человека в экстремальных условиях. Ведь у меня, страдающего с детства бронхиальной астмой, за это время не было ни одного приступа, хотя в училище приходилось бегать в морозы до -5 градусов в одной

гимнастерке без шинели, а на плацдарме спать иногда на снегу у костра.

Но расплатиться за это мне придется позднее, в начале 50-х годов уже в родительском доме в Москве после ухода из армии. Врачи назовут это эффектом разрядки. Но об этом ниже.

Наступает 9-е Мая. Поздно вечером объявляют о капитуляции немцев. Победа! Выбегаем на улицу, где уже полно народа. Мы счастливы вдвойне, ведь двенадцать дней назад мы были еще на фронте, а «День Победы» празднуем в Москве. Празднуем это событие несколько дней в Москве и уезжаем в Ленинград на курсы в «ВОАШКА»...

После войны я на протяжении 50-и лет занимался разработкой нового проходческого оборудования и технологии для подземного строительства. Из этих 50-и лет, я 25 лет проработал в институте «Метрогипротранс» и 25 лет в «Специальном конструкторско-технологическом бюро по метро и тоннелестроению» в должности главного инженера, а последние пять лет -генерального директора этого бюро. За эти 50 лет мне посчастливилось иметь дело по работе с крупными инженерами - организаторами тоннельного строительства, проектирования, научных исследований. Все они были влюблены в свою не очень-то легкую профессию.

За время моей работы удалось разработать более 20 образцов новых машин для подземного строительства и создать 86 изобретений. Конечно, работы осуществлялись вместе с коллективом конструкторов. Я стал одним из ведущих специалистов в своей отрасли.

Я к.т.н., заслуженный изобретатель РСФСР, лауреат Государственной премии СССР и премии Совета Министров СССР, Почетный транспортный строитель и Почетный строитель России.

В 1975 году я руководил группой советских инженеров и рабочих, помогающей чехословацким специалистам внедрить на строительстве тоннелей Пражского метрополитена под р. Влтава наш новый способ и новое оборудование.

Моя же специальность привела меня в мае 1986 года в 30 км зону Чернобыля. На мою долю выпало не только участие в юности в Великой Отечественной Войне, но и участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 г.

Я понимаю, что после войны у меня была нелегкая, но интересная и творческая жизнь, и я отмечен правительственными наградами и многими почетными званиями.

Теперь, когда наступает время подводить итоги своей жизни, я могу сказать, что мне нечего стыдиться за прожитые годы. Я честно служил своей Родине!

Июль 2004 года.

Шаронова Вера Федоровна

И осталась на Рейхстаге надпись

Может быть, какие-то военные впечатления уже ушли в глубь памяти Веры Федоровны. Но общее ощущение тяжелого каждодневного труда, неприхотливого фронтового быта сохранилось. А ведь была еще и юность, и ожидание любви.

Родилась под Звенигородом в деревне Фуньково 12 декабря 1923 года (Кузнецова - девичья фамилия). Семья была дружная, работящая. После окончания семилетней школы в городе Звенигороде, я устроилась работать на фабрику культтоваров в цех по изготовлению гитар. Вместе с подругами любила вечерами попеть, поплясать. Строила планы на будущее. Но все оборвала война.

Для меня она началась с трудового фронта: строительства оборонительных сооружений под Наро-Фоминском, мне было 18 лет. До сих пор в моей памяти остались воспоминания, как неподалеку, где сейчас находится одна из звенигородских школ, мы строили заграждения от немцев, находившихся в этот момент в деревне Ершово близ Звенигорода. После сражения под Москвой 5-6 декабря, когда враг был отброшен и началось контрнаступление Красной Армии, звенигородских комсомольцев отправили валить лес под деревнями Насоново и Сватово.

Недалеко был расквартирован 121-й военно-строительный отряд. Вместе с ними мы работали плечо к плечу, вместе обедали, вместе сидели вечерами у костра. Нас часто перевозили с места на место: на машинах, поездах – мы были молоды и готовы работать сутками.

Мне с подругой Клавдией Васильевной Сапожниковой предложили поступить на службу в строительный отряд в феврале 1942 года. А мы как раз сами собирались в военкомат с просьбой отправить на фронт. С военными строителями мы и прошли все четыре года войны. Клава трудилась в штабе, а я поваром.

В составе 1-го Западного фронта дошли до Берлина. И сейчас вспоминаю иной раз со слезами на глазах – молодость все-таки. Висла, Нарва, Одер – наша часть строила мосты и понтоны через все эти реки.

Сначала нас отправили со всем отрядом в село Саратовской области в 1942 году, затем в Сталинград для восстановления его мостов в начале 1943. В этом стойком городе на реке Волге мы разбирали завалы, расчищали улицы. Там же понесли и первые потери - семеро ребят подорвались на минах и снарядах. Из Сталинграда нас направили в Орел, а потом на 1-й Белорусский фронт в бой за освобождение города Бобруйска. Затем эшелоном вместе с трофейными орудиями на платформах отряд перебросили в район Орловско-Курской дуги в 1943 году. А дальше путь пролегал через Белоруссию, к государственной границе. В составе 1-го Белорусского фронта строители ремонтировали после бомбежек дороги, наводили на реках понтонные переправы.

Об одном боевом эпизоде я не могу рассказывать без слез. Над только что возведенным мостом, по которому уже прошла техника, зависла «рама» - немецкий самолет-разведчик. А вслед за ним послышался гул «юнкерсов». Речная вода побагровела от крови. Течение замедлилось из-за человеческих тел. Но как только самолеты, отбомбившись, улетели, снова началась работа по восстановлению моста. Нельзя было мешкать, работа не должна была останавливаться, несмотря ни на что.

В 1945 году мы вошли в Варшаву, которая лежала в руинах. 121-му строительному отряду довелось возводить мост через реку Висла. Сильно не хватало рабочей силы,

поэтому все работали практически без отдыха. Я успевала и щи варить, и помогать на объекте. Подносила инструменты, стройматериалы.

В этом же году я была ранена при строительстве моста через реку близ Берлина. До сих пор на груди осколок ношу…и еще на руке шрам. Тогда я даже в санбат не обращалась, наши сестрички в отряде сами обработали раны. Впереди был Берлин, не хотелось отставать от своих.

Как яркая вспышка в памяти – участие в Берлинской операции. Горел Рейхстаг, из подвалов, развалин доносилась стрельба. Бережно храню удостоверение военного строителя, которое служило моим пропуском по городу. Вместе с товарищами я добралась до Рейхстага, встала на плечи одного из солдат и вывела на стене: «Москва, Звенигород. Рядовая Кузнецова».

Мне часто задают вопрос: «Чем запомнился день 9 мая?». Первая мысль была – ну, теперь скоро домой. Однако скоро не получилось. Наш отряд был оставлен в Берлине до ноября. После разрушительных сражений у строителей было полным – полно работы.

Вспоминаются любительские спектакли, которые ставили мы для наших солдат уже после победы в Берлине. Однажды мне довелось играть Лизу из «Жди меня» К. Симонова. Вспоминаются песни, которые хором исполняли, стихи, что читали мы на импровизированных сценах. И клоунады сочиняли сами. В то тяжелое время такие концерты были настоящей отдушиной. И представляете, до сих пор стихи те помню наизусть. И до сих пор выступаю и в Совете ветеранов, и в управлении соц. защиты, и в школах, перед учениками.

Поздней осенью 1945 года мы с Клавдией Сапожниковой, наконец, получили предписания вернуться в Подмосковье. Родной Звенигород встречал нас первыми морозами и объятиями родных и близких.

После войны я нашла свою любовь. Константин Михайлович Шаронов, как и я, вернулся с фронта. Устроился работать в ту же организацию, где трудилась я, в Звенигородский торг. У нас было много общего – мы оба прошли всю войну. Именно война научила нас ценить жизнь во всех ее проявлениях. До последнего часа я была рядом с

мужем. Мы вырастили сына и дочь, помогли им поднять на ноги внуков.

Шаронов Константин Михайлович (10.01.1920-14.10.1977 гг.) родился в селе Павловка Ульяновской области в крестьянской семье. До войны учился в Павловской средней школе, закончил 7 классов.

В 1940 году был призван в ряды Красной Армии в войска НКВД 80-й отдельный батальон стрелков. С июня 1941 года он командир стрелкового отделения 205-го полка НКВД, с августа 1942 года – заместитель командира артиллерийской установки 17-й гвардейской минометной бригады.

Прошел боевой путь от Сталинграда до Берлина, далее был переброшен со своей частью на Дальний Восток на борьбу с японскими захватчиками. 20 июня 1946 года демобилизовался.

За проявленное мужество, отвагу в годы Великой Отечественной войны награжден 2-мя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Севастополя», «За взятие Берлина», «За победу над Японией» и др.

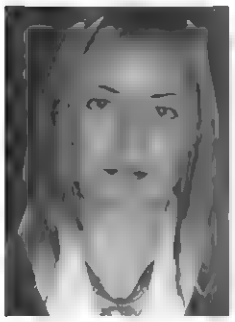
Я награждена:

- медалью «За боевые заслуги» (№2084262, приказом по 129-му стрелковому корпусу №065/н от 11 апреля 1945 года);
- медалью «За взятие Берлина» (указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 июля 1945 года);
- медалью «За освобождение Варшавы»;
- медалью Жукова (№0928392);

Имею большое количество юбилейных медалей.

Мне объявлена благодарность за взятие железнодорожной станции Бобруйск в городе Бобруйске, за овладение городами Шпандау и Потсдам и Гатснов.

Декабрь 2007 года.



В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Горячева Анастасия Михайловна,*** *студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Шенкман Александр Аркадьевич

Я взмахнул своим неисправным пулеметом

Родился 5 апреля 1923 года в г. Саратове в семье командира Красной Армии. Детские годы прошли в Ленинграде и Москве. В 1940 г. поступил на исторический факультет Московского государственного педагогического института им. Ленина. В 1941 учеба была прервана. В составе студенческого строительного отряда работал на возведении оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве, потом – на одном из предприятий Саратовской области. Призван в армию в сентябре 1942 года и направлен в 32-ю мотострелковую бригаду, формировавшуюся под Саратовом. Участвовал в боевых действиях в должности первого номера расчета ручного пулемета на Воронежском фронте. Ранен 21 декабря 1942 г. в бою, в районе г. Богучар (сквозное ранение шеи).

После лечения в госпитале в г. Борисоглебске воевал на Степном фронте, позже – на 2-м Украинском и 3-м Украинском в составе 92-го (с марта 1943) и 92-го (с июня 1943) отдельных батальонов ПТР в должности второго номера, а позже первого номера расчета ПТР. В марте 1944 года после расформирования 93-го батальона направлен в 93-ю

Миргородскую дивизию, которой в то время командовал полковник Салычев. Был назначен командиром отделения ПТР в звании старшего сержанта в 144-й ОИПТД, входившем в состав 93-й дивизии. В ее составе участвовал в освобождении г. Харькова и Бобринец, форсировании Днепра, в боях Ясско-Кишиневской операции (в районе г. Бендеры), в освобождении от фашистов Румынии, Болгарии, Югославии, в частности, в боях за г. Крагуевац. В октябре – ноябре 1944 г. находился в госпитале по болезни (гепатит). После излечения направлен на учебу в Москву, восстановился в институте, окончив его в 1948 г. Работал в Министерстве просвещения Бурят-Монгольской АССР, а с 1952 года – в российском кинопрокате. Был главным редактором Республиканского фильмокомбината, занимался журналистской деятельностью, продолжив ее после ухода на пенсию (1990 г) в качестве внештатного автора ряда журналов.

Литературным творчеством (проза и поэзия) занимался с детских лет. Первые публикации были в альманахе детского литературного объединения Академии имени Фрунзе (1938 г.). В различные годы публиковал свои произведения в журналах «Знамя», «Советский экран», «Наша улица», «Оракул», в ряде газет, а также в сборниках, издаваемых литературным объединением Дома Российской армии. В 1995 году мои стихи были представлены в сборнике «Друзьям-однополчанам», в 1997 вышел сборник рассказов «А при чем тут война?» Сотрудничал со студией «Диафильм», написав 13 сценариев диафильмов общественно-политической тематики.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги», медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», другими медалями – отечественными и болгарскими, а также почетными знаками Всесоюзного и Московского комитетов ветеранов.

Несколько часов на войне

Всего несколько часов заняли события, о которых пойдет речь. Ничего значительного в масштабах ВОВ не произошло. Но Победа, 60-летие которой мы отмечаем, складывалась и из таких, вроде бы незначительных эпизодов, а я в тот день

узнал, до чего непредсказуемо – порой почти неправдоподобно! – могут разворачиваться события на войне, как ничтожно мала может быть грань между жизнью и смертью человека, узнал многое другое. Мне было 19 лет, моя воинская служба только начиналась, и этот день, 21 декабря 1942 года, стал знаменательным днем в моей жизни. Но сначала несколько слов о том, что этому дню предшествовало.

Марш

Нашей части предстояло принять участие в боях на Воронежском фронте, где немецкие и итальянские части армейской группировки «Дон» пытались пробиться к окруженным под Сталинградом дивизиям Паулюса. Операция носила кодовое название «Сатурн», о чем мы, естественно, не знали, когда, выгрузившись из эшелона в Урюпинске в середине декабря, перешли Дон и двинулись туда, где гремела канонада. Солдаты говорили, что идем к Богучару и Кантемировке. У меня на вооружении был ручной пулемет Дегтярева. Я сам попросил об этом, когда на формировании под Саратовом нам выдавали оружие.

Боевого опыта я не имел, но пулемет неплохо изучил на занятиях по военному делу в институте, первый курс которого закончил в первые дни войны. Около недели длился казавшийся бесконечным, выматывающий все силы марш.

Наша часть именовалась 32-й мотострелковой бригадой, предполагалось, что будем передвигаться на машинах. Но, как видно, поджимали сроки, и машин мы не дождались. Одетые в белые маскировочные блузы и шаровары шли с утра до вечера, день за днем. Выбившиеся из сил люди двигались, как автоматы.

На коротких привалах падали в снег и мгновенно засыпали, невзирая на мороз. И не все могли сразу подняться, когда звучала команда «подъем». Некоторые падали, не дожидаясь привала, и всегда находился шутник, который грубовато острил: «Подвинься, я лягу», или «Добей, что бы не мучался». Помню, как я поскользнулся, спускаясь с пригорка, и рухнул на спину. А на спине в вещевом мешке, («сидоре», как его почему-то называли), был котелок, к нему меня с

силой припечатал мой 12-килограммовый «дегтярев», который я нес на плече.

В первую минуту показалось, что я не встану, что сломал позвоночник. Но встал, пошел дальше. Я видел, как люди засыпали на ходу и, случалось, человек падал в кювет или натыкался на идущего впереди и разбивал лицо об оружие товарища. Мы шли мимо деревень и хуторов, от большинства которых остались только печные трубы – страшноватое зрелище! Казалось, что идем по снежной пустыне, потому что людей почти не встречали, даже в уцелевших деревнях, где останавливались на ночлег. Запомнились отдельные эпизоды этого марша.

Окончен дневной переход. Обессиленные солдаты лежат у околицы, ожидая, когда их разместят по домам и сараям. Надо готовить ужин, кто-то должен принести воду для кухни. Кто это сделает? До колодца больше километра. Командир, как видно, не решается приказать кому-нибудь, он взывает к добровольцам. Никто не отзывается, люди спят, или делают вид, что спят. «Комсомольцы, встать!» - звучит команда. «Лежи!» – шепчет сосед, видя, что я собираюсь встать.

Другая деревня – совсем другое воспоминание, увидел первую смерть на войне. Но это не гибель в бою. Перед строем расстреляли младшего лейтенанта нашего батальона. Говорили, что он приставал к хозяйке дома, в котором ночевал… Несколько раз нам встречались солдаты в голубоватых шинелях - итальянцы. Они шли группами, 6-8 человек конвоиров, и весело кричали: «Плен, плен!» В те дни они очень активно сдавались.

А можно ли забыть встречу в полусгоревшем хуторе! Поздний вечер. У обочины стоит женщина с большим чугунком в руках. Она вынимает из чугунка горячие картофелины и дает по одной штуке идущим мимо неё солдатам. Из каких запасов эта картошка? Кто надумал почистить и сварить ее, может быть, в единственной уцелевшей в хуторе печке, запечь, вынести измученным людям, идущим в бой! Помню, мелькнула наивная мысль – сохранить доставшуюся мне картофелину как бесценный подарок. Но рука сама собой отправила ее, еще не успевшую остыть, в рот.

Одну деревню пришлось освобождать от противника. Но настоящего боя не получилось. После короткой перестрелки мы вошли в деревню, где не оказалось ни немцев, ни жителей. И было одно происшествие, которое могло бы показаться забавным, но едва не закончилось для меня трагически. Это произошло вечером, когда нам приказали срочно занять оборону вдоль длинного оврага – поступило сообщение, что сюда прорывается немецкая часть. Окопаться в снегу – дело нехитрое. Вместе с напарником, Трифоновым, быстро соорудили «огневую точку», залегли. Напряжение нарастало. Захотелось сделать еще что-то, пока не начались боевые действия. Решил постелить на «огневой» солому из копны, стоявшей в поле в метрах трехстах. Ходил вокруг копны, выдергивая пучки соломы, а в это время поднялся ветер, началась метель, и все вокруг закрыла снежная пелена. Я моментально потерял ориентировку – где враг, где наша позиция? Пошел наугад в одну сторону, потом в другую. Все-таки вышел к оврагу. Но где наши? Снежные хлопья слепят глаза, ничего не видно в двух шагах. Кричать, звать - опасно, немцы могут быть рядом. Не раз приходилось читать и слышать о заблудившихся и замерзших в поле. Неужели и меня ждет то же? И вдруг услышал, как мои товарищи зовут меня, не скупясь на крепкие словечки. Все обошлось, а немцы не появились. Встретились с ними дня через два.

Ночной бой

Испытания марша были как бы прологом к драматическим событиям ночи на 21 декабря и нескольким часам этого дня. Не раз я пытался представить себе, как для меня начнется мой первый бой? Как это произошло в действительности – сказать не могу. Хорошо помню, как колонна неожиданно остановилась на шоссе, когда подходил очередной день нашего марша. Почти сразу возникло чувство тревоги. Где-то слева за лесом началась стрельба, а потом прозвучали слова команды, и наш батальон по-ротно пошел в ту сторону. Помню чьи-то слова, что второй батальон уже в бою. Помню раненых, которые шли нам навстречу и просили поспешить, потому что «их там много». Помню, как Трифонов дергал меня за рукав и тихонько просил, чтобы я не лез вперед. А я с

внезапно возникшей лихорадочной удалью нарочито громко ответил: «Как это – не лезь! Быстрей дойдем и до Богучара, и до Берлина». А потом – провал в памяти. Нетрудно предположить, что противник, прорываясь из окружения, накрыл нас огнем, заставив отойти в лес. Но подробности самых первых минут начисто стерлись из памяти, как видно, пережил сильный шок. Вспоминая тот вечер (или уже ночь), вижу себя оглушенным и растерянным в темном лесу. Гремят выстрелы, мечутся по лесу и падают люди. А я не знаю – куда бежать и что делать?

И хорошо помню, что все стало ясным и осмысленным, когда недалеко от себя я увидел солдата из своего отделения Ваню Дорофеева. Молодой парень, года на два старше меня, он невозмутимо стоял на коленях перед ручным пулеметом, установленным на коробку для дисков, и стрелял. Заметив меня, он весело крикнул, чтобы «пристраивался рядом», сделаем спаренную батарею. И только тогда я вспомнил, что у меня в руках такой же пулемет, и из него надо стрелять. Увидел около себя Трифонова с красными дисками, увидел, что многие мои товарищи не мечутся по лесу, а лежат на снегу и стреляют в ту же сторону, что и Дорофеев.

То, что было дальше, в памяти сохранилось. Устроился около Ивана, установил свой пулемет так же, как он, и нажал спусковой крючок. Вспомнилось, правда, что нас учили вести огонь лежа, что двум пулеметчикам не следует в бою находиться рядом… Но с мальчишеской самоуверенностью решил: мало ли что напишут в уставах, так гораздо удобней. Диск был с трассирующими пулями, и когда из ствола пулемета в темноту понеслись очень красивые разноцветные искорки, ко мне пришло полное спокойствие. Увидев воочию свои пули, выпущенные мною во врага, я впервые по-настоящему осознал себя солдатом, делающим свое дело.

Нет сомнения в том, что для меня то были самые значительные, самые возвышенные минуты на войне. И я продолжал стрелять, хотя и не видел тех, кому предназначались мои пули, и чьи пули летели к нам. А через несколько минут Дорофеев вскрикнул, откинулся на спину, захрипел, забился в судорогах и затих. Не сразу до меня дошло, что пуля, убившая Ивана, лишь случайно не досталось мне, что меня вполне может «найти» другая. Неудержимая

ярость, вдруг охватившая меня, заставила, забыв обо всем, припасть к пулемету и снова посылать в ночь разноцветные искорки. А потом кто-то крикнул, что приказано отойти, и мы, увязая в снегу, бежали к опушке. А над нами свистели пули, и то и дело кто-то из моих однополчан падал.

Был ранен бежавший впереди меня командир взвода, младший лейтенант Пихед, молоденький (младше меня) украинец. Помню, как он запрыгал на одной ноге и жалобно, по-детски закричал: «Ой, ратуйте!» Подбежал полкомвзвода, старший сержант Блохин, подставил плечо, повел Пихеда. А потом я увидел, как он остановился, снял руку Пихеда со своего плеча, сказал: «Давай дальше сам, больше не могу». Не выпуская из рук пулемета, я бежал вместе с другими и благополучно добрался до опушки. Стрельба стихла. Мы лежали в снегу, покуривали в кулак, грызли концентраты, заменившие нам ужин, тщетно пытались согреться. А из темноты доносились полные отчаяния голоса раненых, зовущих санитаров. Идти к ним было рискованно – кто-то рассказывал, как немцы таким способом заманивают чересчур доверчивых и берут их в плен. Странно звучал гортанный плачущий голос, говорящий: «Скларенко! Ой, Скларенко!» То был немолодой лезгин Дадаев, солдат нашего взвода. Ему, человеку малограмотному, плохо говорившему по-русски, служба давалась нелегко, зачастую он просто не понимал, что от него требуется. Его взял под свою опеку сержант Скляренко, по возрасту годившийся в сыновья своему подопечному. И только на него надеялся в трудную минуту Дадаев, возможно, не освоивший слова «санитар». Скляренко не отзывался, что с ним – никто не знал. Я окликнул Дадаева, и он, радостно повторяя мою фамилию, приполз к нам. Приходили и приползали другие, в их числе Пихед. И казалось, этой страшной ночи не будет конца.

Дружелюбные итальянцы

Утром нам приказали отбить у противника село в нескольких километрах от леса. Развернувшись в цепь, мы пошли по полю. Не могу сказать – была ли это рота или то, что осталось от батальона. Мы шли, настороженно озираясь по сторонам и прислушиваясь к отдельному гулу,

напоминавшему перекаты летнего грома. В поле лежали тела тех, кто был убит этой ночью: наши солдаты в маскировочных костюмах, немцы в белых утепленных комбинезонах и итальянцы в тонких голубоватых шинелях. Мы искоса поглядывали на них, а некоторые подходили, наклонялись, иногда поднимали что-то. Время от времени мы ложились – на всякий случай, хотя никакой опасности не было видно. Когда легли в очередной раз, по рукам пошла объемистая фляжка с коньяком. Кто-то «позаимствовал» ее у убитого немца. Каждый делал один два глотка и передавал фляжку дальше. Дошла она и до меня, и приложившись к ней, я вновь, как и ночью у пулемета, ощутил себя членом мужского солдатского братства. И снова мы шли вперед, пока не увидели перед собой десятка полтора больших крытых машин, а около них солдат в белых комбинезонах и голубоватых шинелях. Возможно, это с ними мы вели бой в лесу, это они убили многих моих товарищей. Ночью мы не видели своих врагов, сейчас они были перед нами, и мы бросились стрелять на бегу. Наверное, мы выполняли приказ, но почему-то мне кажется, что наша атака началась стихийно, сама собой. Вспоминая эти мгновения, я невольно начинаю сомневаться – неужели на это были способны люди, измученные многодневным маршем, после тяжелого боя и бессонной ночи, голодные и промерзшие? Но твердо знаю – все именно так и было! И я сам бежал вместе с другими, посылая в сторону машин очереди из пулемета. И вдруг мой «дягтярев» замолчал в самый неподходящий момент.

Военные люди знают, что такое «перекос» – когда патрон, не выйдя до конца из диска, упирается пулей в канал ствола, и устранить эту неисправность можно только разобрав пулемет. Сразу превратившись в безоружного воина, я побежал за товарищами. Вражеские солдаты сначала отстреливались, а потом обратились в бегство. Но не все. Велико было наше удивление, когда нам навстречу двинулись, приветствуя нас, итальянские солдаты. Среди них были раненые и обмороженные, кто-то полз по снегу, и все выражали радость от того, что сдаются нам. Немцев не было видно, и стрельба прекратилась. Итальянцы пытались пожать нам руки, чуть ли не обнять… Не удивительно, что многие из нас, особенно молодые ребята расслабились. Что ни говори, мы одержали

победу, пусть и не слишком значительную. Кругом было много необычного, и думать о безопасности не хотелось. Как по завоеванному городу, мы бродили между диковинными машинами-фургонами, рассматривая их. Почему-то они были раскрашены в яркие красные и желтые цвета, нелепо выглядевшие на снежном поле. Возможно, их перебросили, не успев сменить камуфляжную окраску, из африканской пустыни, где в те дни тоже шли бои. Завязывались беседы с общительными итальянцами. Многие из них говорили на ломаном языке, но не русском, а украинском. И странно было слышать от чужих солдат «мабуть», «трошки» и другие слова из малорусской «мовы». Странно и не очень приятно. Они ругали немцев, Гитлера и Муссолини, заверяли в добрых чувствах к русским людям, воевать с которыми никогда не хотели. Помню рослого блондина, проникшегося ко мне особым расположением. Он спросил мое имя и представился: «Я Карло… Турин… Кончится война, ты приехать Турин». Вокруг машин валялось оружие, продукты, мундиры, какие-то бумаги, еще что-то.

И тут мне повезло – на глаза попалось большое красное полотнище со свастикой в белом кругу. Флаг, а может быть, знамя! В военных играх, в которых я участвовал в пионерском лагере, надо было найти и захватить знамя противника. И вот мне удалось это сделать на настоящей войне! Подошел наш замполит Копайгородский, сказал, что это очень важный трофей, и я сунул полотнище за пазуху. Помню молоденького, наверное, такого же как и я, итальянского солдатика, который выскочил из-за машины, едва не сбив меня с ног. Был он какой-то нескладный, взъерошенный, шея обмотана тряпкой, румяное мальчишеское лицо, беспокойно блестят глаза. В руках у него была винтовка, и я подумал, что ему ничего не стоит пристрелить меня, а рядом никого из наших не было. Но когда я взмахнул своим неисправным пулеметом, солдатик в ужасе попятился и поднял руки. Видно от страха он не сообразил, что должен бросить винтовку. Я пытался втолковать ему это, а солдатик упал на колени и жалобно запричитал что-то, как видно, прощаясь с жизнью. Подбежали солдаты, свои и чужие, кто-то вырвал из рук парня винтовку и его куда-то потащили.

Другая запомнившаяся встреча. Пожилой итальянский солдат неподвижно сидит на снегу, никак не реагируя на то, что происходит вокруг. Почему-то он бос, ступни ног опухли и посинели. Почему он так сидит, что с ним случилось? Кто скажет! Я бросаю ему немецкие эрзац валенки из соломы, валявшиеся по близости. Лицо итальянца передергивается, но он молчит, а я иду дальше. Запомнилось и такое: Натыев, солдат, отслуживший кадровую службу, сняв с плеча немецкий автомат (подобрал его в поле), выпускает длинную очередь по стенке машины, в которой лежит чужой солдат, не пожелавший выйти. Прав ли он или нет? Не могу решить... Разные встречи, разные впечатления. И наверно, никто не подумал, что противник вряд ли примирился с потерей машин, и никто поначалу не обратил внимания, когда за машинами замелькали фигуры в белых комбинезонах. А потом началась стрельба, и все изменилось.

Две пули в одном бою

Я не сразу понял, что происходит. Немцы небольшими группами занимали позиции между машинами и открывали огонь с разных сторон. Нас застали врасплох. Одни подались назад к лесу, другие, отойдя метров на 100, заняли оборону в неглубокой канавке, а кое-кто застрял около машин. В их числе оказался и я со своим неисправным пулеметом. Помню, как кто-то зло крикнул мне, что надо стрелять. Помню, как, подобрав валявшуюся на снегу винтовку, я выстрелил в немецкого солдата, крадущегося между машинами. Я промахнулся, а винтовка – надо же быть такому невезению! – тоже оказалась неисправной и не выбросила стреляную гильзу. И опять, как в ночном бою, были минуты растерянности. Опять гремели выстрелы, падали товарищи, а я лежал на снегу, не зная, что делать. Понимал, что надо добраться до канавки, но встать и бежать к ней не решался. А потом около ближайшей машины увидел вражеского солдата. Конечно, и они меня видели, и один из них направил в мою сторону винтовку. Что-то обожгло мне живот. Сразу вспомнилось, что говорили опытные солдаты о ранении в живот, насколько такое ранение опасно. Но прошло несколько минут, и я понял, что это, собственно говоря, не ранение. И действительно пуля лишь оцарапала кожу, правда, довольно основательно.

Выбросив трофейный флаг, чтобы не мешал, но, не расставаясь с пулеметом, я дополз до канавки. Здесь горстка моих однополчан отбивалась от немцев, рвущихся к канавке.

Я очутился около Натыева, строчившего из немецкого автомата (видно, запасся патронами у машин). Тут же лежал ничком и жалобно стонал раненый немолодой казах Атаев. Увидел двух своих ровесников – Колю Казанатчикова из Орловской области и Егорку Чинчикеева, представителя малочисленной народности шорцев, проживающих в алтайских горах. Тихий застенчивый Коля стрелял молча, а веселый плутоватый Егорка то и дело вопил: «Смотри, еще одна немес упала!» Кто был дальше, я не разглядел, но знал: бой ведут люди моей роты, только их маловато. Сам лежал неподвижно, чувствуя себя как-никак раненым, а голоса атакующих звучали все ближе. Видно, им приказали любой ценой отбить машины.

Ранили Егорку, он истошно закричал что-то на родном языке. Кто-то сказал, что кое-кто из итальянцев, признававшихся нам в любви, тоже стреляет в нас. И я понял - чувствовать себя раненым больше нельзя, надо воевать. Потянулся к винтовке Атаева, приподнявшись на локтях, и… подставил себя своей второй пуле. Показалось, будто что-то со звоном лопнуло у меня в голове, остро запахло порохом, потемнело в глазах, кровь хлынула изо рта и из носа. Вспомнился Дорофеев: убитый рядом со мной. Значит, наступила и моя очередь? Но каких только чудес не бывает на войне! Мое ранение – на этот раз самое настоящее – иначе как уникальным не назовешь. И вторая пуля была ко мне милостива. Она хотя и прошла через шею справа на лету, сделала это, как и первая пуля у машин, исключительно удачно для меня – от крупных неприятностей опять отделили миллиметры.

В справке, которую выдали в госпитале, указано: «Легко ранен, сквозное непроникающее ранение». Конечно, был шок, было потрясение. Натыев наспех замотал мне шею и голову колючим немецким бинтом и снова взялся за автомат. А я лежал в полузабытьи, чувствуя, что мои испытания не кончились. Озлобленные голоса немцев звучали совсем близко, а когда кто-то крикнул, что надо поднимать руки, я понял: это конец! Наши продолжали отстреливаться, а я ждал,

что с минуты на минуту немцы ворвутся сюда и прикончат меня вместе с другими ранеными (слышал, что это у них практикуется). Подумал об этом спокойно, как будто не о себе, а о ком-то постороннем.

Сегодня с улыбкой вспоминаю, как пришла в голову мысль о том, что герои приключенческих романов перед кончиной заново переживают всю свою жизнь и, значит, я должен сделать то же. Но что я смог вспомнить из прожитых мною 19 лет? С горечью подумал о матери – каково ей будет узнать о моей гибели? Пожалел, что не успел толком повоевать, а мечтал о подвигах. Потом представил: лежу мертвый, а на спине – тощий солдатский «сидор». Зрелище казалось унизительным, и я сбросил вещевой мешок. Вспомнил о комсомольском билете в кармане – кто-то советовал заблаговременно выбросить его, чтобы не убили, если попадешь в плен. Вспомнил, и стало стыдно от одной мысли. Комсомольский билет был со мной до 1985 года, когда я, приехав в Болгарию, подарил его музею школы, с которой вел переписку. «Не повезло... Но это же война!» – думал я 21 декабря 1942 года.

А на самом деле мне повезло, как только может повезти на войне. И пули пощадили, спасение пришло в самый последний момент, как это бывает в некоторых, не всегда правдоподобных, фильмах и на фронт вернулся довольно скоро, и воевал еще два года, дойдя до Венгрии. Правда, особых подвигов не совершил. А ведь совсем простился с жизнью, когда над нашими головами просвистел снаряд, разорвавшись за машинами, за ним второй. И никогда не забуду исступленно радостный крик: «Наши танки!» (Кажется это был тихий застенчивый Коля Казанатчиков). Позже я узнал, что там была всего одна «тридцатьчетверка», но этого хватило, чтобы снова все изменилось. Немцы отступили, подошли наши от леса. Появились какие-то незнакомые солдаты – подкрепление. Вместе с теми, кто уцелел в канавке, пошли брать село, которое, как оказалось, было совсем близко.

И снова итальянцы

Мог я ожидать, что в этот день меня ожидают новые приключения, правда, иного свойства! Сидел на снегу, как и другие раненые, ждал санитаров и дождался. На саночках, в

которые была впряжена тощая лошаденка, подъехали двое. Они отвозили раненых в село, до него, по их словам, было километров пять. В первую очередь брали тех, у кого были ранены ноги. Сажали в саночки по одному человеку, посадить двоих или троих, а самим пойти пешком не желали. Стало ясно, что помощи ждать долго, а мороз стоял основательный. Другие раненые потихоньку ковыляли в сторону шоссе. Я тоже решил попробовать и был приятно удивлен, убедившись, что могу передвигаться, хотя и с трудом. Еще издали увидел, что по шоссе в направлении села движется колонна, как мне показалось, несколько тысяч человек. Подошел ближе – то были пленные итальянцы. «Помочь раненому!» – приказал лейтенант – конвоир. Из колонны выбежали двое, заботливо, даже угодливо подхватили меня под руки, повели.

Сначала шли по обочине, потом мои опекуны, как я понимаю, люди дисциплинированные, решили вернуться на свои места, и я вместе с ними оказался среди вражеских солдат. Впрочем, враждебности я не чувствовал. Ко мне подходили, участливо заглядывали в лицо, жалостливо спрашивали: «Плехо? Болно?». И опять я слышал, как итальянцы ругают войну, Гитлера и Муссолини, заверяют в добрых чувствах к русским людям. Видя во мне представителя Советского Союза, деловито интересовались – что их ждет в плену. Не отправят ли в Сибирь? Сколько хлеба в день положено пленному? Были еще какие-то вопросы.

Подавленными они не выглядели. В колонне не прекращались оживленные разговоры на повышенных интонациях, с темпераментной жестикуляцией. Все это было необычно и отчасти забавно. Главное же – уж очень хорошо шагалось при поддержке двух крепких мужиков, а рядом были приветливые лица, сочувственные, хотя и не понятные до конца слова. Трудно сказать, сколько времени я находился в обществе итальянцев, но вскоре почувствовал двусмысленность своего положения. Заметил, с каким удивлением смотрят на меня обгоняющие колонну советские солдаты. Было видно, что они недоумевают – каким образом этот парень в белом маскировочном костюме оказался среди голубоватых шинелей? А, услышав несколько нелестных высказываний в свой адрес, понял – надо с итальянцами расставаться. Очень кстати с нами поравнялась повозка, на

которой везли раненых, и я сумел взобраться в нее. Потом уже сообразил, что конвоиры имели все основания застрелить меня «при попытке к бегству». Ведь о том, кто я и как я оказался среди пленных, знал только лейтенант, поручивший итальянцам меня опекать, но его поблизости не было. Впрочем, конвойных тоже что-то не видно, и мои приключения этого дня благополучно завершились.

Остается добавить, что за два дня до этого были освобождены Богучар и Кантемировка. Это стало одним из завершающих этапов операции «Сатурн», эпизодами которой были сражения в лесу и у машин. Успех операции «Сатурн» предопределил победу в Сталинградской битве и начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.

Ноябрь 2004 года.

Школьник Владимир Аркадьевич

Истребительный батальон комсомольцев-добровольцев Пролетарского района

Что я могу рассказать нового об Отечественной войне, ведь о ней столько сказано, написано, песен сложено, кинофильмов поставлено. А мемуаров сколько? Конечно, и мне есть о чем рассказать.

Я коренной москвич, 1923 года рождения, окончил среднюю школу в субботу 21 июня 1941 г., а назавтра, в воскресенье 22-го, война. И уже 1-го августа того же 1941 г. года состоялся мой первый бой с наступающими немецко-фашистскими войсками на Западном фронте на дальних рубежах обороны столицы восточнее Смоленска.

А последний бой - тоже в августе, но уже года 1945-го, далеко от Москвы на Забайкальском фронте, западнее города Мукдена, с наступавшими войсками японских милитаристов. Так что провоевал всю Отечественную. Как говорится, "от звонка до звонка" нес ратную службу в действующих армиях, за исключением временных периодов нахождений после ранений в госпиталях, да в запасных полках на долечивании. Еще учился 1 год в военном училище (ленинградском), и учеба проходила во время вражеской блокады города-героя.

Между двумя августами 1941 и 1945 гг. годов довелось участвовать во многих боях и сражениях как отступательных,

так и наступательных, в том числе, в величайших битвах Отечественной войны, в битве за Москву в 1941 году, за Сталинград - в 1942-м, за Ленинград - в 1943-м. Каждая из них оставляла отметину в моем теле. Особенно тяжелая - Сталинградская. Ранение было осколочное, в брюшную полость. А всего за войну был трижды ранен и дважды контужен. Но каждый раз не только выживал, но и возвращался в строй. Но вот вопрос: будет ли это интересно нашему читателю? Особенно для молодых, многие из которых не знают, в какие годы была Великая Отечественная война?! А что если я об этом напишу по иному, подойдя с другой стороны.

Общеизвестно, что решающую роль в Победе сыграли не авиация, не танки и артиллерия. Этого добра и у немцев было предостаточно. Главное, почему Советский Союз победил фашистскую Германию в войне 1941-1945 годов, был несокрушимый боевой дух и воля к победе, как на фронте, так и в тылу - великая стойкость и великое терпение, прежде всего, Великого русского народа, за который поднял свой тост Верховный Главнокомандующий, Генералиссимус И.В. Сталин.

Чтобы наши жизни и наши судьбы не канули в Лету бесследно, пишу я эти строки.

1 августа 1941 года, я принял первый бой с фашистами восточнее Смоленска, в качестве народного ополченца. В упорных боях, цепляясь за удобные складки местности, отступали, пока не закрепились на заранее подготовленных позициях западнее г. Вязьмы. 1 октября 1941 г. немцы перешли в наступление и прорвали фронт севернее и южнее Вязьмы. В "котле" оказались наши четыре общевойсковые армии и среди них мой истребительный батальон комсомольцев-добровольцев Пролетарского района г. Москвы.

Двенадцать дней мы вели бои в полном окружении. Не было продовольствия, заканчивались боеприпасы. В ночь на 13 октября, разбившись на мелкие группы, пошли на прорыв. До ближайшего леса было метров 700-800. Шли молча, медленно, пригнувшись. Под ногами чавкала болотистая жижа.

Внезапно, в ночном, покрытом низкими свинцовыми тучами, небе, с треском разорвалась осветительная ракета, и

все вокруг стало светло как днем. Немцы открыли шквальный огонь из всех видов стрелкового оружия, глухо бухали разрывавшиеся мины. Мы бежали, падали, поднимались, снова бежали, ползли и, наконец, последний рывок - спасительная чаща! В глубине леса нас оказалось пятнадцать. Двое были ранены. Их мы оставили на попечении председателя колхоза первой попавшейся деревеньки.

Шли на восток по ночам лесными тропами и проселочными дорогами, обходя населенные пункты. Днем отдыхали в лесах и перелесках. Через неделю перешли ночью линию фронта и вышли к своим в районе станции Балабаново Московско-Киевской железной дороги. Всех, выходивших из окружения, проверял "Смерш", но нас задержали ненадолго. Мы были грязные и оборванные. Но в руках у каждого было личное оружие, на пилотке алела красная звездочка, а в моем кармане гимнастерки лежали удостоверения народного ополченца и комсомольский билет.

Здесь же на станции из служащих Красной Армии разных родов войск окруженцев формировались стрелковые части, и через 2-3 дня мы вступили в оборонительные бои с наседавшими войсками вермахта. И снова пришлось отступать, оставить г. Наро-Фоминск. Железнодорожный мост через реку Нара мы взорвали, закрепились на ее левом берегу, и дальше ни на шаг: позади был любимый город - Москва.

Эти позиции стали последним рубежом обороны Москвы на Юго-Западном направлении. В бою у железнодорожной станции Нара 17 ноября 1941г. я был ранен. В этот день мне исполнилось 18 лет и 1 месяц. Так закончилось мое личное участие в обороне столицы. Нежась на белоснежных простынях госпиталя, размещенного в одной из школ на Дубровке, я, конечно, не мог предвидеть, что все самое трудное еще впереди, что неимоверно тяжелая кровавая война продлится еще почти четыре года, и что мне придется пройти ее всю, на семи фронтах и износить не одну пару солдатских кирзовых сапог, а то и ботинок с обмотками, на ее бесконечных фронтовых дорогах, и что буду еще дважды ранен и дважды контужен.

Последний мой бой произошел тоже в августе, но уже в 1945-м году, 31-го числа, на Забайкальском фронте на сопке Манчжурии западнее города Мукдена. В этом бою я получил

тяжелую черепно-мозговую травму и контузию. А через день, 2-го сентября 1945 г., империалистическая Япония подписала пакт о безоговорочной капитуляции.

И тем самым во 2-й мировой войне была поставлена победная точка. Всем военнослужащим действующей армии 6-го и 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов была отдана вторая дань уважения за Победу, на этот раз над Японией. В промежутке в четыре года между этими двумя датами: моим первым боем 1-го августа 1941г. и последним 31 августа 1945 г., было много боев (перемежающихся нахождением на излечении в медсанбатах, полковых лазаретах, военных госпиталях).

Бои были и на безымянных высотах, и у незнакомых поселков, и в областных городах и в крупных промышленных центрах, которые сначала оставляли, а потом освобождали. Мне довелось принять, после Московской, участие еще в двух великих битвах за ходом и исходом которых, с тревогой и надеждой, затаив дыхание, следил весь мир. За город-герой Сталинград осенью-зимой 1942 г., будучи бойцом 327-го отделения саперного батальона, 72-й гв. стрелковой дивизии полковника Любникова, входившей в состав легендарной 62-й армии В.И. Чуйкова. Сражался на его площадях, улицах и среди его развалин. И за город-герой Ленинград осенью-зимой 1943-44 годов, участвуя в его защите и деблокаде в январе 1944 года (Ораниенбаумского) плацдарма, будучи курсантом ленинградского военного училища имени Фрунзе.

Но я не обладал даром провидца и не знал, что в будущем произойдет, шагая по хорошо знакомым улицам Москвы, после выписки из госпиталя на Дубровке, в феврале 1942 г. года в направлении своего дома. Я шел попрощаться с родным домом и родной школой. Но двери нашей квартиры были заколочены досками.

Отец - Аркадий Иосифович, 1893 года рождения, участник Первой мировой войны с 1914 г. и Гражданской с 1918 г. находился зимой 1942 г. на Западном фронте в должности комиссара бронепоезда. Старший брат Зиновий, 1918г рождения, кадровый офицер - командир саперного батальона - на Северо-Западном. Средний брат Марк, 1920 года рождения, закончивший в самый канун войны Харьковскую военно-

медицинскую академию, в качестве военного хирурга был на Юго-Западном.

А я, младший брат 1923 года рождения, во-первых, раньше всех побывал в боях, причем на главном московском направлении; во-вторых, раньше чем старшие братья был ранен и тем самым раньше них пострадал за Отечество, чем был неимоверно горд. В общем, был мальчишкой на войне и рассуждал соответственно.

Мать, до войны работавшая на оборонном заводе №93, вместе с младшей 11-летней сестрой была в эвакуации в небольшом приволжском городке Мариинский Посад, ниже г. Чебоксары.

Зашел к соседке. Поговорили. Угостила чаем с бубликами. У нее на фронте тоже были муж и сын - мой тезка, Володя Федосеев был на год моложе меня, учились мы в одной и той же 453-й школе. Осенью 1942 г. мы вместе с ним (как я потом узнал) были на одном Сталинградском фронте, только он на северной окраине города, на Тракторном заводе, где и погиб в октябре 1942-го, а я в центре города, в районе завода "Красный Октябрь" (на переправе с правого берега Волги на остров Зайцевский).

В том же октябре я получил осколочное ранение в брюшную полость, но выжил и через несколько месяцев вернулся в строй, но это было потом, осенью 1942 г., а в феврале, попрощавшись с Федосеевой, я пошел прощаться с родной школой. Я был твердо убежден, что уже никогда не увижу ее, но к счастью моему и моих родителей ошибся в этих горьких размышлениях, и после войны в июле 1946 г. года я вновь побывал в родных пенатах на первой послевоенной встрече школьных друзей 10-а класса, выпуска 1941 года.

Грустная и печальная была эта встреча. Нас, одноклассников в живых - 13, а на фотографии, сделанной 21 июня 1941 года в канун выпускного бала, нас было 32, весь наш дружный, сплоченный коллектив, живший под девизом: "Один за всех и все за одного"; 17 девочек и 15 мальчиков с 5-а класса. В течение 6 лет мы и учились вместе, помогая друг другу (за эти 6 лет у нас не было ни одного второгодника - наша гордость!), и отдыхать старались вместе: культпоходы в театры и кино, в музеи, картинные галереи и вернисаж, с

последующим обсуждением увиденного, тематические диспуты, дискуссии по прочитанным книгам.

Лыжные прогулки и кроссы за городом с полной выкладкой и противогазами, конькобежные соревнования на катках города. А потом пионерлагеря в Подмосковье в 5-7 классах в качестве пионеров, в 8-9 классах уже будучи комсомольцами-пионервожатыми. В ВЛКСМ мы вступили в 1-х числах сентября 1939 года. Что за чудо - прелесть были пионерские лагеря московских школьников в предвоенные годы! Передать на словах все их очарование невозможно. Это может до конца понять и адекватно воспринять только тот, кто побывал в них. Те незабвенные годы, годы нашего детства и отрочества.

Непререкаемой веры в себя и своих друзей-товарищей, когда тебя всего переполняет неизъяснимо-радостное чувство ожидания чего-то сказочно прекрасного в самом недалеком будущем для тебя и для твоих товарищей, родителей и близких, для всего живого на планете Земля и, конечно же, для всего угнетенного, стонущего от мирового империалистического капитала трудового человечества, (классово выведенный подход к воспитанию подростков нашего поколения четко соблюдался и контролировался соответствующими идеологическими органами).

А пионерские костры! Когда мы - и пионеры, и пионервожатые, и старшеклассники, дружно рассевшись вокруг шикарного костра, стреляющего в бездонно синее небо, тихого, теплого, безоблачного, светлого Подмосковного вечера, огненными искрами и, подбрасывая в него сухие ветки, пели:

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы пионеры - дети рабочих.
Близится эра светлых годов.
Клич пионера: «Всегда будь готов!

Дарю идею при выборе темы какому-нибудь современному историку-исследователю, ищущему подходящую тематику для написания диссертации: «Подмосковные пионерские лагеря в предвоенные годы - как важный фактор идейно-патриотического воспитания подрастающего поколения, будущих защитников Родины,

сыгравший, в конечном итоге, решающую роль в Победе советского народа в Великой Отечественной войне».

В третьем ряду в центре стою я, самый высокий и в классе, и в школе – 1 м 80 см.

Я окончил училище весной 1942 г., а Таня вместе с подружкой Зоей окончат шестимесячную снайперскую школу НКВД в декабре 1941 года, а затем будут отправлены на Западный фронт работать в паре снайперами. Зоя Пылина погибнет в марте 1942 г. под Можайском от пули, тоже снайпера - немецкого. Вражеская пуля пробила её красивый лоб над переносицей. Тане Родиной повезло больше - она была ранена в апреле 1942 г., и после излечения в госпитале - демобилизована. У неё родился сын от Жоры Донченко, когда его уже не было в живых. Она назвала его тоже Жорой, Георгием Георгиевичем.

В ночь на 21 июня на 22 июня 1941 г. у нас в школе был выпускной вечер. Я танцевал с Зоей. Танец закончился. Я проводил Зою до её подружки. Затем ещё танцевал с несколькими девушками из обоих классов. Танцуя и рассеянно слушая щебетанье моих партнёрш и невпопад отвечая на их вопросы, я искал глазами Машу, но в зале её не было.

"Ушла домой", - решил я. Эта мысль меня не взволновала. В предвоенные годы идти по улицам ночной Москвы могла позволить себе девушка даже одна, без спутника. Личная безопасность москвичей и москвичек была, как говорится, тогда на должной высоте и днём, и ночью. Тем более Голубева жила недалеко от школы. Ещё затемно мы высыпали дружной шайкой из школы, и пошли в Южный порт встречать рассвет над Москвой-рекой. Тогда ещё не было традиции после выпускного бала идти на Красную площадь или Воробьёвы горы. Шли разноголосой толпой, весело и оживлённо переговариваясь, делясь своими планами на взрослую жизнь, кто в какой вуз собирается поступать. Временами раздавался громкий и звонкий девичий смех, это наши уже бывшие одноклассницы шушукаясь между собой о чём-то, что нам, парням, знать было не положено, не выдерживали и заливались счастливым хохотом, нарушая тем самым мирный, спокойный, предрассветный сон обитателей близлежащих домов, уставших за прошедших рабочую шестидневку, и

предвкушая предстоящий заслуженный отдых в воскресенье 22 июня 1941 года.

К реке подошли, когда на Востоке уже заалела утренняя заря. С каждой минутой всё становилось светлее. И вот, наконец, показался узенький серп восходящего солнца, серп становился всё шире и шире, и вот уже полсолнца выползло из-за горизонта. Небо было прозрачно и безоблачно, около 4-х утра над Москвою-рекою полностью взошло дневное светило - источник всего живого на планете Земля. Густо-оранжевый шар, не знаю почему, показался мне зловещим, но я постарался отогнать от себя это непонятно почему возникшее чувство. Кто-то крикнул: "Ура!" Но его никто не поддержал.

Мы стояли молча, любуясь этим чудом рождения нового дня и, конечно, никто из нас не мог предвидеть, что он - этот наступивший день - круто изменит судьбу не только каждого из нас, но и судьбы наших родных и близких, всех москвичей, всех сограждан нашей великой страны. Нам не дано было предвидеть, что дневное светило, взойдя, как ему положено по законам мироздания, над территорией наших западных границ, взорвёт тишину рассвета залпом тысяч орудий, рёвом моторов тысяч танков и самолётов, что на всём протяжении границы от Мурманска и до Измаила будут гибнуть наши люди, военные и гражданские, молодые и старые, и что восход солнца в этот день возвещает наступление качественно иного периода в жизни народа. Жизни, быта и труда в условиях невиданной во всемирной истории жестокости, бескомпромиссности и напряжённости всех сил народа на фронте и в тылу, войны, которая унесёт жизни миллионов наших сограждан, а ещё миллионы станут инвалидами на всю свою оставшуюся жизнь. И эта война будет названа Великой Отечественной.

И вскоре прозвучит как колокол-набат песня на музыку Александрова "Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой." Могли ли мы представить, что этот день, а затем последовавшие за ним 1417 дней и ночей войны разделит нас на две неравные части: на живых и мёртвых, первых - числом 13, тех, кому будет суждено пережить эту страшную войну, вернуться к матерям домой, суждено будет и дальше жить, любить, жениться и выйти замуж, родить, вырастить и воспитать своих детей, ухаживать за внуками, а кому и за

правнуками, и вторых - числом 19, которым суждено уйти из жизни вскоре после окончания средней школы, после первого, ставшего и последним балом в их жизни - бала выпускного. Кому-то из 1933-го осталось жить многие годы, как Зое Пылиной, кто-то погибнет в самом конце войны, как Дина Мурашковская.

Очень мудро поступила природа, не дав человеку знать день и час его смерти. Если бы это было не так, то жизнь человека была бы невыносима: отсчитывать сколько тебе осталось лет, месяцев, дней, знать, кто будет в числе живых, а кто мёртвых? В то роковое утро, внезапно перевернувшее мир вверх дном, мы все, выпускники 10-го класса, были ещё живые, и Дина, быстро оглядев нас всех, сказала: «Ну что, голуби мои сизокрылые, носы повесили, спать захотели? Или расставаться жалко? Так мы же расстаёмся не навсегда. Давайте встречаться раз в год, в этот день 22 июня, в школе или здесь на берегу, только не так рано! Ну, а кто будет далеко от Москвы или болен и т.п., тот пришлёт весточку о себе на адрес школы, и мы будем знать о всех».

Выразив своё согласие с предложением нашего комсорга, мы пошли по своим домам отсыпаться. Я пришёл к себе где-то в восьмом часу. Мама не спала. "Есть будешь?" - спросила она. "Нет, не хочу", - ответил я, быстро разделся, плюхнулся на свой диван и тут же уснул. Мне показалось, что спал не больше 15-20 минут. На самом деле прошло более 4-х часов. Сквозь сон чувствовал, как мама осторожно, но вместе с тем настойчиво теребит меня за плечо: «Вставай, сынок, вставай, война!» Сон слетел вмиг. Пружинисто вскакиваю и подбегаю к репродуктору, висевшему на стене.

Слышу заключительные слова из выступления Молотова, бывшего тогда главой Совнаркома СССР: «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами». Машинально смотрю на часы - 12 часов 15 минут. Быстро одеваюсь и, жуя бутерброд, бегу в школу. Со всех сторон подходят и подбегают к школе учащиеся и преподаватели. Появляется и взволнованный директор. Он призывает всех нас к спокойствию, выдержке, к недопущению паники в этот ответственный момент в истории страны и отправляет по домам.

Когда я подошёл к своему дому, то увидел, что напротив террасы нашей квартиры, у палисадника, прямо на цветочных клумбах, которые любовно, каждое лето, обустраивались мамой и являлись предметом её особой гордости, отец, безжалостно уничтожая цветы, что-то копает. Оказалось, что он сооружает щель-укрытие. Увидев меня, он молча протянул вторую лопату-штык (не знаю, где он её достал), и я подключился к работе. Рядом трудились над сооружением такой же щели соседи Федосеевы - отец, мать и сын. Вовка Федосеев достал пачку папирос и протянул мне: «Давай закурим», - как обычно, ехидно, сказал он, хорошо зная, что я не курю. «Кончай паясничать», - сердясь, сказал я, - «сейчас не до твоих дурацких шуток». Потом не раз жалел, что так грубо ответил ему. К позднему вечеру, когда уже темнело, наша работа была закончена.

Щель получилась узкая, глубиной более 2-х метров. Стенки её укрепили досками и досками же прикрыли её сверху, насыпали земляной холмик, в укрытие вело несколько ступенек. Довольные завершённой работой, пошли обедать и ужинать одновременно. Изрядно устав, от непривычного физического труда, я быстро уснул. Так закончился для меня первый день войны (из 1418!).

Проснулся ночью от истошного воя сирен, коротких и частых тревожных гудков паровозов, стоявших на железнодорожной станции Угрешская, и непрерывно повторяемых в репродукторе слов: "Граждане, воздушная тревога, воздушная тревога!" Отец, мать и я, на ходу одеваясь и волоча за собой мою сестрёнку, заспанную и непонимающую, что происходит, побежали в наше укрытие. Напротив, в метрах 300-х над цехами 1-го ГПЗ, в воздухе взорвались три ракеты: красная, зелёная и желтая, и медленно опускаясь, освещали всю местность вокруг. Точно такие же ракеты осветили, находившуюся по другую сторону дома, территорию химзавода.

Через какое-то время раздались удары чем-то железным о кусок рельса и прозвучали повторяемые слова по радио: "Отбой воздушной тревоги", возвестившие об её окончании. Наутро мы узнали, что эта неожиданная тревога была организованна органами НКВД. Она позволила выявить и

обезвредить не один десяток вражеских диверсантов, засланных в Москву немецкой военной разведкой - Абвер.

Несмотря на ночное происшествие, утром 23 июня встал рано, быстро позавтракал и, как накануне, побежал в школу. Вскоре подошли несколько моих одноклассников. После короткого обмена мнениями единодушно решили: ехать в военкомат записываться добровольцами в Красную Армию. У здания военкомата мы увидели довольно внушительную толпу из потенциальных добровольцев. Часов в 11 на крыльцо вышел работник военкомата и сказал: «Добровольцами будем записывать только тех, кому на сегодня исполнилось 18 лет. Остальным просьба не беспокоиться».

Мы все подходили под определение «остальные» Обескураженные, повернувши обратно, по дороге решив - чтобы не быть тунеядцами, в то время как страна на фронте и в тылу «куёт» победу, пойдём работать на ГПЗ учениками-станочниками, пока не исполнится 18. Первым моим вопросом, когда вернулся домой, был: "Что на границе?" «Пока ничего не сообщают», - ответил отец. Из репродуктора доносились звуки бравурных маршей. Сели за стол на семейный совет: отец, мать и я. «Я очень волнуюсь за Зяму», - сказала мама.

Уже больше года старший брат, кадровый командир, служил на западной границе, средний учился в Харькове в Военно-медицинской академии. Наконец, вечером передали краткое сообщение: "На всём протяжении Западной границы атаки противника отбиты лишь в районе Перемышля, немцам удалось незначительно вклиниться на нашу территорию".

"Ура!" - воскликнули мы дружно. «Думаю, - сказал папа, - скоро к границе подойдут наши регулярные войска, отбросят немца, а дальше будем бить врага на его территории». Так думал не только мой отец, но и миллионы наших сограждан, одураченных официальной пропагандой. На самом деле, всё было как раз наоборот, но об этом узнали позднее. Заканчивался второй день войны, а впереди было ещё 1416. 24-го июня с утра я и мои друзья пошли устраиваться на ГПЗ, но поработать на нём не пришлось. Кто-то узнал новость: во дворце культуры ЗИСа на Автозаводской улице набирают в народное ополчение и тех, кому не исполнилось 18. Пошли туда. Действительно, формировался истребительный батальон

народного ополчения и зачисляли в него тех, кому ещё не было восемнадцати, и тех, кому уже за сорок, но таких оказалось немного, в основном наши сверстники, 16-17-летние, поэтому часть назвали истребительным батальоном комсомольцев-добровольцев Пролетарского района города Москвы. У нас же, на Угрешах, в казармах горвоенкомата новобранцев подстригли "под Котовского", сводили в баню, выдали красноармейское обмундирование и пешим строем отвели в Алёшинские казармы на Крутицком валу, что рядом с Крестьянской заставой.

Было это в первых числах июля. В «Алёшинских» мы за две недели прошли трёхмесячный курс "молодого бойца", дали нам в тире по три раза стрельнуть по мишени из винтовки образца 1891/30 года. Старшина при этом пояснил: «Хватит с вас и трёх боевых патронов, чего зря палить! На фронте настреляетесь, тошно покажется». 22 июля нас сытно накормили обедом. На территорию казармы въехала колонна грузовиков ЗИС-5, оборудованных скамейками. Мы разместились по машинам. У распахнутых настежь ворот духовой оркестр заиграл марш "Прощание славянки", и колонна поехала по Москве в сторону Белорусского вокзала.

На перроне нас ожидал пригородный поезд. Погрузка затянулась, и локомотив дал сигнал к отправлению, когда уже смеркалось. Не успели мы отъехать от вокзала, как завыли сирены, и послышался прерывистый гул приближающихся самолётов. По московскому небу заметались лучи прожекторов, дружно ударили зенитные орудия и захлебываясь от ярости застрочили зенитные пулемёты, раздался свист сбрасываемых авиабомб, но наш состав, постукивая колёсами на выездных стрелках, уже набрал скорость и благополучно выехал за пределы станции.

Я посмотрел на наручные часы: было ровно 22 часа по московскому времени: это был первый вражеский авианалёт на столицу. С момента начала войны прошел ровно месяц, 30 дней. Впереди оставалось еще 1388 дней и ночей войны.

Я уснул сидя. Проснулся от команды: "Выходи строиться!". Поезд стоял на станции Вязьма. Мы выгрузились и пешей колонной пошли на Запад. Шли по ночам, т.к. немцы непрерывно бомбили все дороги, включая проселочные. 27 июля наш батальон занял заранее подготовленные

оборонительные позиции. Местным населением были вырыты окопы, с выложенным бруствером и прорезями для стрельбы, были оборудованы блиндажи и землянки, командные пункты, пункт сообщения с запасными позициями и т.п. На правом и левом флангах оборону заняли другие части дивизии народного ополчения. У нас в тылу развернулся в боевые порядки армейский полк гаубичной артиллерии.

С рассветом 1 августа 1941 г. года на дороге пред передним краем показались немецкие мотоциклисты и мототехника на бронетранспортерах в сопровождении нескольких танков. Мы открыли огонь из всех видов стрелкового оружия, среди вражеской колонны начали рваться снаряды нашей артиллерии. Немцы спешились и ответили нам огнем. Так произошло мое первое боевое соприкосновение с врагом, о чем я уже упоминал в начале этих записок.

Когда я вышел из Вяземского «котла», то в конце октября, кажется в Малоярославле, получил от мамы письмо, где она писала, что очень беспокоится о Марке, среднем брате, от которого последнее письмо было датировано вторым августа. В июле 1941 г. весь курс Марка в Харьковской военно-медицинской академии был досрочно выпущен, всем слушателям факультета присвоены воинские звания военврачей III ранга, и их направили в качестве военных хирургов на Юго-Западный фронт.

Всю войну мы о брате ничего не знали, на запросы в военкомат приходил один и тот же ответ: «Пропал без вести». О его трагической судьбе узнали уже после войны. Пришло письмо из Одессы от женщины, писавшей, что все подробности может рассказать только при личной встрече. Мама поехала в Одессу. И вот что она узнала от женщины, близкой брату. В конце августа 1941 г. армия, в которой служил Марк, попала в окружение, впрочем, как и другие армии Юго-Западного фронта, оказавшиеся в гигантском котле вместе со всеми своими тыловыми службами, в т. ч. фронтовыми госпиталями. Личный состав армии пытался вырваться из окружения, но неудачно, многие погибли, сотни тысяч попали в немецкий плен. Благополучно выбрался из окружения, перелетев на самолете из Киева в Москву, член военного состава Юго-Западного фронта Н.С. Хрущев.

Ну, а брат попал в плен в районе г. Закоринск. Его в качестве врача немцы определили на работу в Одесский госпиталь для раненных советских военнопленных (был и такой!). Лечить своих раненых Вермахт доверял только немецким врачам. С сентября 1941 г. по август 1943 г.

Марк работал в этом госпитале врачом хирургом. Среди нацистов оказался некий Полищук, бывший красноармеец, быстро преобразившийся в полицая и с гордостью напяливший на себя черный мундир с белой повязкой на рукаве. Еще в июльских боях Полищук был ранен, и в полевом госпитале брат извлек из него пулю. Он и донес в гестапо, что Марк на самом деле не кто иной, как замаскировавшийся еврей. А имелось строжайшее предписание самого рейхсфюрера СС Тишлера о том, что всех евреев, попавших в плен, немедленно уничтожать без всякого суда и следствия.

В госпиталь нагрянули гестаповцы. Тут же был проведен в присутствии Полищука медосмотр. Марку было предложено опустить брюки. Каково же было удивление присутствующих, в т.ч. и Полищука, когда все увидели, что мужское достоинство брата находится в первозданной красоте, таким же каким оно было у нашего прародителя Адама, без какого либо постороннего вмешательства.

Дело в том, что наш отец, будучи атеистом, не признавал никаких религиозных обрядов, да и мать русская, была бы против. Так что доносчик Полищук был посрамлен, тут же был бит офицерским стэком, и за обман и клевету понижен в должности - из патрульного полицейского переведен в обоз.

Когда же осенью 1943 г. Одесса была освобождена, брат был арестован органами НКВД «за сотрудничество с немецкими оккупантами», его разжаловали в рядовые, направили в штрафной батальон, и он погиб с винтовкой в руках в августе того же 1943 г. во время одной из атак «смертников» при наступлении в Бессарабии. Ну, а старший брат погиб тоже в августе, но уже 1944 г., на переправе через Вислу под Варшавой.

Мама ненадолго пережила гибель двух своих сыновей, спустя 2 года после Победы она умерла в возрасте 48 лет. Отец пережил ее на 19 лет. Великая Отечественная война унесла миллионы жизней, но землю родную мы отстояли.

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Бибанов Владимир Михайлович

и

Кухаренко Максим Юрьевич,

студенты 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)

Оргкомитет по изданию 12-го тома мемуаров

в составе:

Руководителя Оргкомитета – Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Вураки Андрея Фёдоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича, Азарова Виктора Яковлевича;
членов Оргкомитета от Московской общественной организации ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича, Наливалкина Дмитрия Алексеевича, Абламонова Петра Фёдоровича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

преподавателям:

- Московского авиационного института (государственного технического университета) – заведующему кафедрой истории Порохне Виктору Сидоровичу, доцентам Юрченко Ивану Юрьевичу и Шлыковой Людмиле Анатольевне, подполковнику Лопань Александру Викторовичу;
- Профессионального училища №5 г. Москвы - мастеру Миловой Ольге Владимировне.

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома:
редакторам Каревой Валентине Павловне, Лидяевой Наталии Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне;

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома:

Префекту Юго-Западного административного округа г. Москвы Челышеву Алексею Валентиновичу.

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 12

Редакторы: Карева В.П., Лидяева Н.И., Федулова Т.М.

ИБ№424

Подписано в печать 18.12.2008 г. . Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 38,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 7444
Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20, корп. 2.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ISBN 978-5-903076-16-1 ISSN 1818-6688

614